П. МОРАНЪ.

ПАВЕЛЪ I

ДО ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ

(1754—1796 гг.).

МОСКВА
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО К. Ф. НЕКРАСОВА
1912

П. МОРАНЪ.

ПАВЕЛЪ I

ДО

ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ

(1754—1796 гг.)

Переводъ съ французскаго

Н. П. ШИРЯЕВОЙ.

МОСКВА
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО К. Ф. НЕКРАСОВА
1912. 47

ЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ К. Ф. НЕКРАСОВА ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

Отъ переводчика.

Личность, жизнь и трагическая судьба императора Павла I неоднократно привлекала къ себѣ вниманіе изслѣдователей и въ русской литературѣ имѣется уже нѣсколько капитальныхъ трудовъ, посвященныхъ исторіи Павла. При такихъ условіяхъ переводъ труда о Павлѣ I-мъ французскаго историка могъ казаться излишнимъ. Но едва-ли такое предположеніе будетъ правильнымъ. Существующія работы о Павлѣ, вслѣдствіе чисто внѣшнихъ причинъ, не могутъ имѣть особенно широкаго распространенія. Трудъ Д. Ѳ. Кобеко, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754—1796 г.г.), изд. 1882 г. весьма интересный и обстоятельный, но охватывающій лишь время до воцаренія Павла, давно сошелъ съ книжнаго рынка. Новѣйшій трудъ Н. К. Шильдера—Императоръ Павелъ I, историко-біографическій очеркъ, изд. 1901 г., вслѣдствіе своихъ размѣровъ также недоступенъ болѣе широкимъ кругамъ читателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ Шильдеръ, такъ и Е. С. Шумигорскій, которому принадлежитъ сравнительно небольшой обзоръ жизни и царствованія Павла (Императоръ Павелъ I, жизнь и царствованіе, изд. 1907 г.) отмѣчаютъ, что въ его исторіи есть много темнаго, туманнаго, неразработаннаго. Отмѣчаютъ они и отсутствіе должнаго безпристрастія въ исторической оцѣнкѣ личности Павла. Дѣйствительно, наряду съ слишкомъ мрачными красками однихъ изслѣдователей, другіе впадаютъ въ излишнюю идеализацію.

Въ виду этого, каждая попытка пополнить накопившійся матерьялъ и внести извѣстное равновѣсіе для установленія исторической правды должна быть признана не только желательной, но и необходимой. Такую именно попытку представляетъ на нашъ взглядъ книга «Paul I-er de Russie avant l'avenement (1754 - 1796 г.)» [1]) Морана, который, путемъ внимательнаго изученія существующей литературы о Павлѣ и привлеченія новыхъ архивныхъ данныхъ, старается освѣтить и выяснить фигуру Павла, установить на почвѣ какихъ условій и подъ вліяніемъ какихъ причинъ могла сложиться и развиться подобная личность. Свое вниманіе Моранъ останавливаетъ на наиболѣе продолжительномъ и наиболѣе интересномъ и важномъ періодѣ жизни Павла, періодѣ до восшествія его на престолъ, когда условія для наблюденія и изученія его личности являются особенно благопріятными; эти годы вынужденнаго бездѣлья и томительнаго ожиданія власти были годами, когда складывалась и формировалась личность Павла, такъ какъ къ моменту своего воцаренія Павелъ былъ уже вполнѣ законченной фигурой. Послѣдующіе годы кратковременнаго царствованія едва-ли могли внести что-либо новое, чего нельзя было предвидѣть заранѣе, въ гатчинскій періодъ его жизни.

Книга Морана не имѣетъ характера сводки литературнаго матерьяла, извѣстнаго ранѣе. Этимъ матерьяломъ онъ вполнѣ овладѣлъ и умѣло пользуется. Но кромѣ того онъ внимательно слѣдитъ за обширной перепиской иностранныхъ дипломатическихъ агентовъ и выбираетъ изъ нея все, имѣющее отношеніе къ личности Павла, что можетъ дать ключъ къ уразумѣнію его нравственной физіо-

---

[1]) Кромѣ книги о Павлѣ I Морану принадлежитъ еще работа, посвященная описанію нашихъ окраинъ - «Au seuil de l'Europe» Finnland et Caucase» Paris 1900. Plon-Nourrit et C-ie.

номіи. Французскій архивъ иностранныхъ дѣлъ и берлинскій государственный архивъ использованы Мораномъ довольно полно и эта сторона его труда представляетъ наибольшую цѣнность для русскаго читателя. Въ книгѣ Морана читатель найдетъ не мало подробностей какъ изъ частной, интимной жизни Павла, такъ и бытовыхъ чертъ, интересныхъ для характеристики нравовъ общества XVIII в.

За послѣдніе годы, повидимому, наблюдается извѣстный подъемъ интереса къ исторической и мемуарной литературѣ. Думаемъ, что и съ этой стороны переводъ книги Морана будетъ своевременнымъ; онъ идетъ навстрѣчу этой выросшей потребности читателя, раскрывая передъ нимъ одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ отечественной исторіи.

Немного лицъ царскаго происхожденія имѣло такое печальное дѣтство, какъ сынъ Екатерины II Павелъ Петровичъ. Онъ росъ въ семьѣ, разъѣдаемой ненавистью, среди разгула низменныхъ страстей и унизительныхъ ссоръ, въ атмосферѣ шпіонства и доносовъ. Окружающіе не проявляли нѣжности къ ребенку. Совсѣмъ юный онъ присутствуетъ при гнусномъ и кровавомъ зрѣлищѣ: убійствѣ своего отца. Его мать, захватившая тронъ, мститъ ему за то, что всѣ недовольные новымъ царствованіемъ группируются около имени наслѣдника; она борется съ этимъ соперникомъ со всей ловкостью коварной женщины; сама презирая его, она старается уронить его и въ глазахъ другихъ, чему не мало способствуетъ онъ самъ, благодаря своимъ странностямъ.

«Въ жизни Павла въ теченіе долгаго времени, по словамъ современника его, Головкина, было много темнаго и ненадежнаго, что не могло не наложить отпечатка постояннаго безпокойства на весь его характеръ. Нравственное воспитаніе, подъ вліяніемъ политическихъ условій, прибавило къ этому черты подобострастія и приниженности, постоянно готовыя прорваться». Самолюбивый и недовѣрчивый, высоко цѣнившій качества своей души, проникнутой, какъ ему казалось, чувствами справедливости

и нравственной красоты, онъ былъ озлобленъ на людей, на жизненныя неудачи. «Первую половину своей жизни онъ потратилъ на то, чтобы оплакивать невозможность въ скоромъ будущемъ получить престолъ, конецъ же былъ отравленъ боязнью царствовать недостаточно долго для того, чтобы возмѣстить потерянное время». Только 42-хъ лѣтъ онъ достигаетъ трона! Но тутъ имъ овладѣваетъ манія преслѣдованія; мысль объ обширномъ заговорѣ, направленномъ къ его гибели туманитъ его разсудокъ, оставляя лишь рѣдкіе свѣтлые промежутки. Онъ дрожитъ самъ и заставляетъ трепетать свой народъ. Четыре года его царствованія- это долгая драма. Онъ трагически кончилъ свою жизнь...

Исторія его юности служитъ какъ бы прологомъ къ послѣдующей драмѣ; но въ этомъ прологѣ и слѣдуетъ искать ключъ. Въ теченіе долгихъ лѣтъ вынужденной праздности скапливались тучи, откуда впослѣдствіи грянулъ громъ.

Мы попытаемся проникнуть въ сокровенную глубину личности этого царя, мало доступнаго, недовѣрчиваго и замкнутаго въ себѣ. Мы тщательно изучимъ этого человѣка, съ загадочнымъ характеромъ, котораго такъ различно, а иногда и такъ несправедливо оцѣниваютъ. Мы прослѣдимъ его жизнь, начиная съ дѣтства вплоть до того дня, когда смерть Екатерины привела въ исполненіе его мечту о власти. Мы послѣдуемъ за нимъ въ Петербургъ, Москву, Павловскъ, Гатчину и къ иностраннымъ дворамъ,— словомъ всюду, куда онъ влачилъ за собой свои горькія думы.

Мы постараемся постигнуть тайну его переживаній и его слабостей, постигнуть кругъ его мечтаній и оттѣнить наиболѣе выпуклыя черты его личности, испытавшей столь удивительную судьбу.

Интересъ подобнаго изслѣдованія заключается не только

въ томъ, чтобы разрѣшить любопытную историческую загадку. Среда, въ которой протекли молодые годы императора Павла, обѣщаетъ намъ раскрыть интересныя картины. Это—Россія конца XVIII в., вновь пробуждающаяся послѣ болѣе чѣмъ сорокалѣтней спячки. Это—петербургскій дворъ, центръ политическихъ и любовныхъ интригъ, гдѣ великое уживалось рядомъ со смѣшнымъ, гдѣ скептическая распущенность запада соединялась съ остатками московской грубоватости. Это—царскій дворецъ, гдѣ выдющаяся женщина Екатерина II проявляла высшія свойства государственнаго ума и вмѣстѣ съ тѣмъ давала полную волю своимъ бурнымъ страстямъ. Для насъ очень интересны многіе изъ тѣхъ лицъ, съ которыми такъ или иначе соприкасался Павелъ: наставники и руководители, друзья великаго князя и всевозможные наперстники.

Мы не пожалѣемъ, если остановимъ свое вниманіе на двухъ сыновьяхъ Павла — Александрѣ и Константинѣ, этихъ будущихъ выдающихся историческихъ личностяхъ, бурное дѣтство которыхъ объяснитъ противоположность ихъ натуръ.

Мы получимъ истинное удовлетвореніе, воскресивъ образы двухъ женщинъ, старавшихся скрасить существованіе Павла: первая изъ нихъ его супруга—благородная и великодушная Марія Феодоровна, кроткая, довольствующаяся тѣми радостями, которыя подарила ей жизнь; другая—подруга сердца, романтическая Екатерина Нелидова, съ ея мятущейся душой и порывистой натурой; обѣ онѣ привлекательны своей какой то особенной граціей, своими свойствами. Относительно сына Екатерины я постарался собрать всѣ свѣдѣнія, разсѣянныя въ политической перепискѣ французскихъ и прусскихъ дипломатовъ въ Петербургѣ и въ многочисленныхъ изданіяхъ документовъ, съ помощью которыхъ Россія открываетъ богатства своихъ архивовъ. Какъ всякому, приступающему

къ изученію XVIII в. въ Россіи, мнѣ было полезно познакомиться съ поучительными трудами М. К. Валишевскаго.

Много обязанъ я и тѣмъ русскимъ писателямъ, которые были моими предшественниками; не пренебрегая источниками, которыми пользовались они, я стремился отыскать и находить новые. Желаніе достигнуть истины поддерживаетъ настойчивость въ изысканіяхъ.

Апрѣль 1907.

ГЛАВА I.

Дѣтство Павла и придворныя драмы.

(1754—1762).

I.

Смерть Петра Великаго создала одинъ изъ самыхъ серьезныхъ кризисовъ, когда-либо пережитыхъ Россіей.

Смѣны царствованій, бунты въ казармахъ слѣдовали одно за другимъ съ неожиданной поспѣшностью. Неустойчивость престола, ослабленіе власти, разгулъ самыхъ низкихъ страстей подвергли опасности дѣло великаго реформатора, сумѣвшаго изъ хаоса создать государство.

Порядокъ престолонаслѣдія не былъ точно установленъ; съ помощью солдатъ вліятельныя фамиліи по своему усмотрѣнію распоряжались короной, которая доставалась то женщинамъ, то дѣтямъ. Послѣ Екатерины I, простой лифляндки, избранной Петромъ въ супруги, престолъ перешелъ въ руки 12-лѣтняго Петра II; его смѣнила Анна Іоанновна, невѣжественная и чувственная женщина, окружившая себя нѣмцами; послѣ нея верховная власть перешла вновь къ малолѣтнему, находившемуся еще въ пеленкахъ Ивану VI. За ихъ спиной фавориты такъ управляли государственнымъ механизмомъ, что онъ весь приходилъ въ разстройство [1]).

---

[1]) Waliszewski l' Héritage de Pierre le Grand.

6-го декабря 1741 г. разразился новый переворотъ, которому содѣйствовалъ уполномоченный министръ Франціи Ла Шетарди.

Дочь Петра Великаго, Елизавета Петровна, пріобрѣвшая особенной угодливостью друзей среди гвардейскихъ гренадеръ, открыла себѣ доступъ во дворецъ, изгнала оттуда безсильныхъ малолѣтняго царя Ивана и регентшу престола Анну Леопольдовну.

Елизавета Петровна была крупная красивая женщина, съ выраженіемъ какой то неукротимой энергіи въ глазахъ и съ чертами чувственности во всей фигурѣ; она доводила до маніи заботу о своей красотѣ и любовь къ нарядамъ. Подвижная, оживленная, кружившаяся въ вихрѣ удовольствій она была «всегда непосѣдлива и не способна размышлять ни о чемъ серьезномъ»; вслѣдствіе лѣности ума, она не могла въ теченіе часа заняться государственными дѣлами; капризная и безпорядочная, она «ужинала въ 2 ч. утра и ложилась спать въ семь»; подъ внѣшнимъ видомъ величавости и благородства, она обладала душой и характеромъ маркитантки; она одинаково готова была бесѣдовать какъ съ элегантнымъ и изящнымъ французомъ, такъ и съ прислугой, горничными, массажистками, лакеями и истопниками. Императрица Елизавета заключала въ себѣ странную смѣсь цивилизаціи и варварства. Въ ней одновременно соединялись набожность и распущенность. По свидѣтельству д'Эона, «она проводила цѣлые часы на колѣняхъ передъ иконой Божьей Матери, съ жаромъ вопрошая и умоляя указать, въ какомъ изъ гвардейскихъ полковъ она должна найти себѣ избранника».

Кромѣ двухъ постоянныхъ фаворитовъ: сначала Разумовскаго, потомъ Шувалова, у нея было много преходящихъ. При постоянномъ стремленіи къ удовольствіямъ она имѣла крайне смутное представленіе о своихъ обязанностяхъ; она любила родину и не забывала всѣхъ

политическихъ уроковъ своего отца. Во время царствованія этой суетной женщины Россія продолжала двигаться таинственными путями, предназначенными ей судьбой; она пробуждалась съ помощью распространенія грамотности, насажденія искусства и наукъ и дѣлала новые шаги, чтобы подняться до уровня З. Европы. Русская армія, «эта недисциплинированная толпа», какъ называлъ ее Фридрихъ II, прошла Германію, расположилась въ Берлинѣ и угрожала благополучію Пруссіи [1]).

Послѣ того какъ въ 1725 г. молодой Людовикъ XV отказался отъ руки Елизаветы, послѣдняя, вступая на престолъ, дала обѣщаніе не выходить замужъ. Но для того, чтобы обезпечить престолонаслѣдіе, Елизавета выписала изъ Гольштиніи сына своей сестры Анны Петровны и герцога Карла-Фридриха. Этотъ внукъ Петра Великаго, при переходѣ изъ лютеранства въ православіе, получилъ имя Петра Феодоровича и былъ провозглашенъ наслѣдникомъ престола. Онъ имѣлъ вульгарную внѣшность, держался натянуто и не умѣло, отличался недовѣрчивостью, упрямымъ, буйнымъ и грубымъ характеромъ. Въ семьѣ съ нимъ обращались грубо и онъ былъ открытъ для всѣхъ пагубныхъ вліяній, оставался невѣждой и предавался преждевременному разврату. Русскихъ, сохранившихъ ненавистное воспоминаніе о правленіи нѣмцевъ, безпокоило то обстоятельство, что новый наслѣдникъ, прибывшій изъ Киля, имѣлъ въ своихъ жилахъ слишкомъ много нѣмецкой крови, и слишкомъ много нѣмецкихъ чувствъ глубоко коренилось въ его сердцѣ и что, при всякомъ удобномъ случаѣ, онъ выставлялъ на показъ свое отчужденіе къ пріютившей его странѣ.

Въ 1745 г. племянникъ Елизаветы вступилъ въ бракъ

---

[1]) См. Валишевскій. „Послѣдняя изъ Романовыхъ, Елизавета I"; Nisbet Bain, The daughter of Peter the greatt.

съ пользовавшейся покровительствомъ Фридриха II Софьей Ангальтской принцессой. Эта принцесса, будущая Екатерина II, «провела юные годы своей жизни въ Штеттинѣ при безпокойной, легкомысленной и скупой матери и отцѣ, «человѣкѣ само по себѣ благодушномъ, но отличавшемся рѣдкимъ тупоуміемъ». Узкій и нѣсколько тусклый горизонтъ ея юности внезапно раздвинулся, освѣтился и ко двору своего жениха она прибыла съ сердцемъ, замирающимъ отъ надеждъ и горделивыхъ желаній. И какія горькія разочарованія, нѣсколько лѣтъ спустя!

Блестящая новобрачная оказалась подъ гнетомъ опеки и множества стѣсненій. Проникнутые и предубѣжденіемъ, и мелочностью императрица и ея канцлеръ Бестужевъ держали ее въ тискахъ и забавлялись ея униженіемъ. Ее окружили наставниками и надсмотрщиками, злоба и клеветы которыхъ приводили ее въ отчаяніе; въ самыхъ незначительныхъ ея проступкахъ видѣли преступленія, достойныя висѣлицы; ее преслѣдовали. Въ то время, какъ она намѣревалась цѣликомъ отдаться политикѣ, ей было воспрещено даже вмѣшательство въ мелочи придворной жизни. Молодая честолюбивая женщина глубоко страдала отъ невозможности приложить свои силы и только, скрѣпя сердце, подчинялась этому. Если бы она встрѣтила мужа, достойнаго нѣжности, можетъ быть, она и привязалась бы къ нему. Но что могъ внушить къ себѣ такой мужъ, который пренебрегалъ ею, предавался излишествамъ и ронялъ себя; такой мужъ, который, въ большинствѣ случаевъ, съ отуманенной виномъ головой подходилъ къ брачному ложу лишь для того, чтобы оскорбить ее или разсказать о своихъ постыдныхъ связяхъ съ низкопробными женщинами.

Выведенная изъ себя оскорбленіями, сгорая желаніемъ любить и быть свободной, Екатерина, какъ привязанный конь, рвала стѣснявшія ее узы. Несмотря на строгій надзоръ,

ей все же удавалось заводить легкія связи съ молодыми вельможами, сановниками, которыхъ привлекала какъ своей красотой, такъ и опальнымъ положеніемъ. Она грѣшила, но съ меньшей безпечностью, чѣмъ дѣлала это позднѣе. Въ тоже время серьезныя занятія шли своимъ чередомъ. Въ часы уединенія великая княгиня изучала русскій языкъ, читала философскія сочиненія, впитывала въ себя идеи Монтескье и Вольтера и воспитывала себя. Она знала, что испытанія ея будутъ не вѣчны и хотѣла выйти изъ нихъ сильной и закаленной [1]).

Въ такой безпокойной средѣ, въ семьѣ, подтачиваемой подозрѣніями, завистью и злобой, увидѣлъ свѣтъ цесаревичъ Павелъ. Не имѣвшая до тѣхъ поръ дѣтей, Екатерина родила его 20 сентября 1754 г. (стараго стиля).

Законность его рожденія сомнительна. Въ то время, какъ Екатерина сдѣлалась матерью, она была уже настолько испорчена, что можно задать вопросъ, былъ ли отцомъ Павла Петръ, принцъ Гольштинскій, или какой-нибудь любовникъ великой княгини. Но мы не въ силахъ разрѣшить этотъ вопросъ, который, быть можетъ, поставилъ бы въ затрудненіе саму Екатерину. Современники Екатерины пытались разрѣшить эту загадку и имѣли неосторожность хвалиться ея разгадкой. Тайны двора, гдѣ сплеталась сѣть политическихъ и любовныхъ интригъ, сильно возбуждали ихъ любопытство.

Не довѣряя тому, что передавалось открыто, они на вѣру принимали то, что говорилось шопотомъ, на ухо; особенно, если къ этому примѣшивался извѣстный привкусъ двусмысленности. Каждый хвалился, что хорошо освѣдомленъ, что знаетъ подоплеку всѣхъ событій. И хотя есть вещи, легко ускользающія отъ нескромныхъ изслѣдованій, при дворѣ всѣ смѣло утверждали, что не мужъ

---

[1]) Валишевскій. „Романъ императрицы“.

сдѣлалъ Екатерину матерью. Дипломаты, находившіеся въ Петербургѣ, ни минуты не поколебались донести своимъ дворамъ, что настоящій отецъ цесаревича Салтыковъ [1]).

Сергѣй Салтыковъ имѣлъ основаніе остановить на себѣ вниманіе Екатерины. Его фамилія была одной изъ самыхъ родовитыхъ въ Россіи; изъ нея вышла въ свое время жена брата Петра Великаго, царя Ивана [2]). «Молодой русскій щеголь,—писалъ де Шампо,—онъ какъ будто былъ созданъ для того, чтобы останавливать на себѣ взоры при дворѣ, гдѣ обольстительная и привлекательная наружность имѣла такую силу. Онъ очень изящно выражается, старается проявить благородство во всѣхъ своихъ движеніяхъ и нерѣдко даже ломается, чтобы придать себѣ болѣе величавости» [3]).

Этотъ красавецъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ благосклонности къ себѣ Елизаветы: это было сопряжено съ большимъ рискомъ.

«Ваши императрицы имѣютъ всегда сподручнаго, говорилъ одному молодому русскому Фридрихъ II,—это для нихъ какъ аттрибутъ власти, какъ скипетръ, корона и держава. Сверхъ того вамъ необходимо знать, что такъ же опасно обращать на нихъ свои взоры, когда онѣ этого не повелѣваютъ, какъ и не смотрѣть на нихъ тогда, когда онѣ это приказываютъ» [4]). Но «Салтыковъ рисковалъ и Сибирью ради своихъ любовныхъ связей». Онъ былъ влюбленъ въ Екате-

---

[1]) La Cour de Russie il y a cent ans; стр. 192.—Одно время даже утверждали, что ребенокъ принадлежитъ императрицѣ, что она обмѣняла сына великой княгини на своего. Archives des Affaires etrangères, Russie, vol. LIII, fol 180, le marquis de L'Hopital, 27 іюля 1757.

[2]) Царица Парасковія.

[3]) Archives des Affaires etrangères, Russie, t. LVII, fol 238; mémoire de Champeaux, 8 сентября 1758 г.

[4]) Compte Fédor Golovkine, la Cour et le Régne Paul I, portraits et souvenirs, publies par S. Bonnet, стр. 197.

рину, которая крѣпилась всю весну и часть лѣта» 1753 г. и кончила тѣмъ, что уступила ему. «Я думала, признается Екатерина, что могу управлять его головой и своей, а тутъ поняла, что и то, и другое—очень трудно, если не невозможно [1]).

По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ въ объятья Салтыкова ее толкнули сама императрица и Бестужевъ изъ опасенія, что она навсегда останется вѣрной Петру и не произведетъ наслѣдника престола! [2]) «Будучи одного возраста съ великимъ княземъ, Салтыковъ скоро пріобрѣлъ полное его расположеніе. Онъ сдѣлался для него совершенно необходимымъ и являлся постояннымъ устроителемъ его развлеченій. Великій князь не могъ безъ него обходиться; часто онъ даже спалъ съ нимъ» [3]). Такимъ образомъ, Петръ Гольштинскій заводилъ дружбу съ тѣми, кто заступалъ его въ его правахъ.

Въ то время, къ которому относится зачатіе цесаревича Павла, Екатерина поддерживала связь съ Сергѣемъ Салтыковымъ. Но заводя любовниковъ, запрещала-ли она своему мужу пользоваться своими супружескими правами? По мнѣнію нѣкоторыхъ, Петръ не былъ настоящимъ мужемъ Екатерины; природный недостатокъ препятствовалъ якобы ему имѣть наслѣдниковъ [4]). Врачи, приглашенные Салтыковымъ, должны были дать ему средство противъ безсилія еще въ то время, когда это было не поздно для признанія его отцомъ ожидаемаго ребенка [5]).

---

[1]) Екатерина II, Мемуары, ст. 176.

[2]) Duchess d' Arbautes, Catherine II, стр. 25; Gaillardet, Mémoires du chevalier d' Eon, стр. 127 и слѣд.

[3]) Affaires etrangeres, vol. LVII, fol. 240.

[4]) Тамъ-же; L' Rulhiere, Histoire ou Anecdotes, стр. 9 и слѣд.

[5]) Этотъ траги-комическій романъ, по выраженію маркиза de Hopital'я въ подробностяхъ описанъ въ донесеніи de Champeaux, опубликованномъ большею частью М. Бильбасовымъ (Исторія Екатерины II) и М. Валишевскимъ. (Романъ императрицы, стр. 83 и слѣд.).

Не страдая излишнимъ пуританизмомъ, всетаки довольно трудно до конца выслушивать шокирующія разоблаченія и, несмотря на это, остаешься не вознагражденнымъ за свое стараніе. Эти разоблаченія, какъ можно было предвидѣть, не имѣютъ полной достовѣрности. Исторія не можетъ утверждать какъ того, что Павелъ былъ незаконнымъ ребенкомъ, такъ и того, что его рожденіе было законно. Бываютъ такія неразрѣшимыя проблемы, которымъ исторія должна предоставить потонуть во мракѣ прошлаго.

Въ началѣ Одиссеи Телемакъ на вопросъ богини Минервы о его происхожденіи, говоритъ: «Чужестранецъ, отвѣчу вамъ откровенно: мать моя говорила мнѣ, что я сынъ Улисса; что же касается меня, то я его не знаю; въ сущности вѣдь никто не знаетъ своего отца».

Не одинъ монархъ (prince) могъ бы призадуматься надъ этими печальными словами. Если императоръ Павелъ и сомнѣвался насчетъ своего происхожденія и своихъ правъ, то онъ старался никому этого не открывать.

Я охотно допускаю, что эти сомнѣнія у него были и что именно для того, чтобы лучше ихъ скрыть онъ въ теченіе всей жизни выставлялъ на показъ театральное почитаніе памяти недостойнаго Петра Ѳеодоровича.

Остается узнать мнѣніе самого великаго князя Петра. Зная объ увлеченіяхъ своей жены, онъ относился къ ней со снисходительностью, въ которой нуждался и самъ; онъ подозрѣвалъ ее въ томъ, что она сдѣлала его оффиціальнымъ отцомъ ребенка, каковымъ въ дѣйствительности не былъ. Но его подозрѣнія, повидимому, не слишкомъ его волновали. «Богъ знаетъ откуда берется беременность у моей жены», говорилъ этотъ странный мужъ въ 1757 г. въ то время, какъ Екатерина готовилась произвести на свѣтъ Анну Петровну, признаваемую за дочь Станислава Понятовскаго. Онъ и на этотъ разъ не зналъ точно, «былъ-ли

ребенокъ отъ него и слѣдовало ли его признать своимъ». Одинъ изъ приближенныхъ Екатерины со смѣхомъ просилъ его побожиться, что онъ не имѣлъ сношеній съ женой, на что тотъ, выйдя изъ себя, отвѣчалъ: «убирайтесь къ черту и не говорите мнѣ больше объ этомъ» [1]). Проблема, встававшая относительно Павла, заняла его серьезно лишь въ 1762 г., когда, сдѣлавшись на нѣсколько мѣсяцевъ императоромъ, онъ вообразилъ, что для него будетъ лучше отречься отъ сына и лишить его наслѣдія. Онъ началъ разслѣдованіе; но Екатерина, сгорая отъ нетерпѣнія получить престолъ, не дала ему времени довести это дѣло до конца.

Въ защиту Екатерины часто говорили, что Павелъ и физически, и нравственно походилъ на Петра Гольштинскаго. Подобно своему предполагаемому отцу, онъ былъ слабаго сложенія, имѣлъ нездоровую голову, безпокойный темпераментъ, странности и маніи. Но и наслѣдственность со стороны матери, невропатическое состояніе ея, проявившееся въ половыхъ эксцессахъ въ зрѣломъ возрастѣ и старости, достаточно объясняютъ нервные дефекты Павла. При ближайшемъ же разсмотрѣніи въ характерѣ отца и сына замѣчается много различій. У Петра Гольштинскаго были только инстинкты; у него была грубая, низкая, животная натура. Павелъ Петровичъ, напротивъ, имѣлъ благородную и тонкую душу, былъ доступенъ требованіямъ морали и религіознымъ запросамъ. Онъ имѣлъ влеченіе и мучился надъ разрѣшеніемъ метафизическихъ проблемъ, о существованіи которыхъ Петръ даже и не подозрѣвалъ. Честный и прямой, полный мыслей, онъ могъ бы сдѣлаться совсѣмъ инымъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности: принцемъ изъ какой-нибудь идиллической и моральной сказки.

Если его характеръ ожесточился, если темныя стороны

---

[1]) Екатерина II. Мемуары, стр. 300.

его натуры взяли верхъ, то это объясняется тѣмъ, что въ юности онъ слишкомъ былъ загнанъ и забитъ. Взрывы ненависти и раздраженія едва не сломили его хрупкаго организма. Онъ сознавалъ свою недостойность, обвинялъ себя за свои ошибки, страдалъ за нихъ, но, вслѣдствіе своей слабости, онъ не могъ отъ нихъ освободиться. Къ нему можно относиться съ сожалѣніемъ, между тѣмъ какъ его отецъ—этотъ извозчикъ въ расшитомъ одѣяніи—внушаетъ лишь презрѣніе и отвращеніе.

Екатерина была лишена радостей материнства, подобно брошенной дѣвушкѣ. Покои, приготовленные для родовъ, примыкали къ аппартаментамъ Елизаветы и составляли часть послѣднихъ. Комната, гдѣ появился на свѣтъ цесаревичъ Павелъ,—одна изъ самыхъ унылыхъ въ лѣтнемъ дворцѣ, — выходила на Фонтанку, представлявшую тогда грязное болото. Никакой роскоши въ обстановкѣ; ни обоевъ, ни зеркалъ, лишь немного мебели, крытой матеріей ярко-малиноваго цвѣта. Окна не запирались, черезъ двери тянула струя ледяного воздуха [1]).

Въ ту смутную эпоху петербургскіе дворцы представляли смѣсь роскоши и убожества. Сюда могли бы пріѣхать завсегдатаи Версаля; они нашли бы здѣсь парадные салоны, золоченые и покрытые живописью потолки, украшенныя стѣны, посуду изъ чеканнаго серебра, великолѣпный хрусталь; въ торжественные дни здѣсь можно было видѣть иллюминацію, балетъ, бархатные туалеты, блескъ шелка и игру бриллiантовъ. Здѣсь умѣли превосходно поразить иностранцевъ, но въ тоже время совершенно не имѣли представленія объ обычномъ комфортѣ. Помѣщались въ тѣсныхъ, пустыхъ, холодныхъ, плохо провѣтриваемыхъ комнатахъ. Ужинали при четырехъ свѣчахъ, въ глубинѣ корридора, гдѣ Петръ Гольштинскій устроилъ

---

[1]) Екатерина II. Мемуары, стр. 215.

псарню для своей стаи гончихъ. Домашняя жизнь походила на лагерь, со всѣми его случайностями и безпорядкомъ.

Лишь только ребенокъ Екатерины былъ приведенъ въ порядокъ, императрица поручила своему священнику дать молитву; затѣмъ она приказала унести ребенка и сама ушла съ нимъ. Она помѣстила его въ своей комнатѣ и когда онъ кричалъ, то подбѣгала сама къ колыбели. Опасаясь простуды, она парила его подъ одѣялами, держала во фланели, укладывала въ колыбель, обитую мѣхомъ черно-бурой лисицы; сверхъ атласнаго стеганаго одѣяла она накладывала еще другое розовое, бархатное, также подбитое мѣхомъ. Благодаря такимъ заботамъ ребенокъ едва не умеръ [1]).

Екатерина въ теченіе шести недѣль не видала сына и могла лишь украдкой справляться о немъ: всѣ вопросы могли быть приняты за выраженіе недовѣрія къ попеченіямъ императрицы.

Ей пришлось пережить тогда не мало испытаній, отъ которыхъ, какъ будущая императрица, она могла бы быть и избавлена. Ее оставили безъ помощи, несмотря на лихорадку и сильныя ревматическія боли. По близости не было никого, кто бы перемѣнилъ постель, подалъ питье. Елизавета занята была ребенкомъ. Петръ пьянствовалъ и шумѣлъ въ сосѣдней комнатѣ со своими пріятелями. Салтыковъ, впавшій въ немилость, получилъ предписаніе отправиться къ шведскому двору съ донесеніемъ о рожденіи Павла, а оттуда въ Гамбургъ, чтобы быть тамъ представителемъ Россіи. [2])

Подъ гнетомъ праздности и одиночества Екатерина

---

[1]) Екатерина II, Мемуары, стр. 221

[2]) „Салтыковъ всего менѣе разсчитывалъ получить такую награду за оказанную имъ услугу царской фамиліи". (La Cour de Russie, стр. 217).

только и дѣлала, что плакала и горевала въ постели». Ея гордость страдала: «она не любила ни жаловаться, ни возбуждать жалость». [1])

Торжественное крещеніе было совершено 25 сентября и отмѣчено было боль шими празднествами. [2]) Новый фаворитъ Иванъ Шуваловъ далъ маскированный балъ, который продолжался два дня и двѣ ночи. Императрицу Марію Терезію просили быть воспріемницей ребенка. Несмотря на привязанность къ своей церкви, она не обнаружила такихъ колебаній, какъ молодой Людовикъ XV, отказавшійся по религіознымъ соображеніямъ быть воспріемникомъ дочери Петра Великаго, Наталіи. Представителемъ Маріи Терезіи на торжествѣ былъ графъ Эстергази: посланникъ не сдѣлалъ при этомъ никакого подарка, чѣмъ вызвалъ недовольство двора. [3])

Въ то время, какъ дворъ занимался празднествами, Екатеринѣ пришлось проглатывать свои обиды. Она была поражена неожиданнымъ визитомъ императрицы, которая на золотомъ подносѣ вручила ей нѣсколько дешевыхъ украшеній и талонъ на полученіе 100,000 рублей. Украшеній Екатерина ни разу не надѣла, а деньги только прошли черезъ ея руки. На другой же день «кабинетъ-секретарь» Елизаветы Черкасовъ обратился къ ней съ просьбой одолжить ему, ради Бога, эту сумму. Не получивъ ничего, Петръ былъ разсерженъ: онъ находилъ, что на него также должна распространиться щедрость императрицы. Онъ вырвалъ у тетки согласіе на полученіе

[1]) Екатерина II, Мемуары, стр. 217 и слѣд.

[2]) Русская старина, 1881 г., т. XXXII, стр. 597—601.

[3]) Affaires étrangères, vol. XIV, 367, L'Hopital, 10 декабря 1757. Французскій посланникъ ссылается на Марію Терезію, чтобы убѣдить Людовика XV дать согласіе быть воспріемникомъ младшей сестры Павла, Анны Петровны, но религіозныя соображенія и на этотъ разъ одержали верхъ.

100,000 рублей, но къ несчастью казна была пуста и Черкасовъ долженъ былъ прибѣгнуть за помощью къ великой княгинѣ. [1])

Выздоровленіе Екатерины ничѣмъ не было отмѣчено, ей принесли лишь ребенка. Она встала съ постели, чтобы принять императрицу, но силы измѣнили ей и она должна была сидѣть во время чтенія молитвы. При видѣ сына Екатерина немного оживилась. Но какъ только чтеніе молитвы было окончено, императрица приказала унести ребенка и ушла сама. Екатерина вновь увидѣла своего сына только спустя шесть мѣсяцевъ. [2])

Мраченъ и суровъ былъ родной очагъ для Павла. Первые годы жизни, которые дѣлаютъ для большинства людей свѣтлыми и радостными воспоминанія дѣтства, великій князь провелъ, не зная нѣжности къ себѣ. Онъ выросъ въ семьѣ, проникнутой раздорами, въ предчувствіи подготовлявшихся вокругъ него драмъ. Императрица держала Павла въ сторонѣ отъ отца и матери, подъ ревнивымъ надзоромъ, намѣреваясь сдѣлать его при случаѣ орудіемъ своей мстительности. Павла Петровича съ самаго нѣжнаго возраста держали въ страхѣ, ничья ласка не согрѣвала его застывшаго сердца. Когда императрица находилась въ Петергофѣ, Екатерина получала разрѣшеніе пріѣзжать туда разъ въ недѣлю для свиданія съ сыномъ, но она не всегда этимъ пользовалась. Она мало по малу переставала интересоваться Павломъ, ибо съ той самой минуты, какъ Екатерина сдѣлалась матерью, она была лишена того, что поддерживаетъ и оживляетъ материнское чувство: заботъ о ребенкѣ и получаемыхъ взамѣнъ ласкъ. Благодаря этому, пылкая натура княгини вся отдалась жаждѣ наслажденій и стремленію къ власти.

---

[1]) Екатерина II, Мемуары, стр. 222.

[2]) Екатерина II, Мемуары, стр. 223 и слѣд.

Салтыкова замѣнилъ Станиславъ Понятовскій, живой полякъ, предназначавшійся занять высокое положеніе, который успѣлъ постигнуть въ Парижѣ утонченный развратъ и уже надѣлалъ шуму въ свѣтѣ. «У нея только Понятовскій на умѣ и на сердцѣ» писалъ де Л'Опиталь. [1] Устраивать тайныя свиданія съ полякомъ, ограждать его отъ враговъ, хотѣвшихъ удалить его изъ Петербурга— вотъ что прежде всего занимало Екатерину. Честолюбивые замыслы переплетались съ сердечными влеченіями. Утомленная уединенной жизнью, на которую хотѣли ее обречь, Екатерина мечтала играть политическую роль и вступала въ соперничество съ Елизаветой. Для противодѣйствія намѣреніямъ императрицы ей приходилось быть постоянно на сторожѣ; она должна была разсѣевать предубѣжденія однихъ, потворствовать страстямъ другихъ, ладить съ министрами, которые, подобно Бестужеву, принимали участіе въ преслѣдованіи ея, наконецъ, сдерживать обаяніемъ или страхомъ тѣхъ, кто ее окружалъ. Свои материнскія обязанности она принесла въ жертву своему тщеславію.

Что касается великаго князя Петра, то онъ ни мало не безпокоился о своемъ сынѣ и даже не видался съ нимъ. Съ «убогой головой, полной сумасбродства», онъ предназначалъ себя для широкихъ замысловъ и въ то же время растрачивался на мелкія причуды. Онъ не заботился ни о здоровьѣ, ни о воспитаніи Павла, какъ и не обращалъ вниманія на поведеніе жены. Ему важно было только, чтобы никто не нарушалъ его жизни, не мѣшалъ устраивать парады изъ деревянныхъ или оловянныхъ солдатиковъ, воздвигать крѣпости изъ картона, пьянствовать съ гольштинскими офицерами или пребывать во дворцѣ его возлюбленной Елизаветы Воронцовой, напоминавшей «во

---

1) Affaires étrangères, vol. VII, fol. 31, 5 октября 1758.

всѣхъ отношеніяхъ служанку изъ трактира низкаго разряда». Онъ полагалъ, что, покорно признавая себя отцомъ Павла, онъ уже достаточно сдѣлалъ для него.

Императрица дѣлала видъ, что страстно любитъ ребенка и это чувство, какъ мы увидимъ, прорывалось у нея съ особенной силой въ тѣхъ случаяхъ, когда она почему-либо была недовольна Петромъ и Екатериной. Экспансивныя проявленія нѣжности, обыкновенно, не заслуживаютъ большого довѣрія. Подъ вліяніемъ огорченій и раздраженія, связанныхъ съ возрастомъ и болѣзнью, Елизавета не была способна къ привязанности. Она не замедлила освободить себя отъ обязанностей, принятыхъ ею по отношенію къ юному цесаревичу, котораго она вырвала изъ рукъ матери. Она перестала наблюдать за нимъ, предоставивъ его попеченію нѣсколькихъ придворныхъ дамъ. Ея посѣщенія мало по малу прекращались. Въ концѣ концовъ и самъ ребенокъ не ожидалъ ихъ: его мамушки изображали ему императрицу въ такихъ мрачныхъ краскахъ, что онъ начиналъ дрожать передъ ней. [1])

Если императрица съ самаго рожденія разлучила юнаго великаго князя съ его родителями, если она держала его, такъ сказать, подъ запретомъ, то поступала она такъ съ той цѣлью, чтобы обезпечить себѣ возможность подвергнуть опалѣ обоихъ родителей, которыми была недовольна, не затрагивая въ то же время ихъ ребенка. Вмѣсто Петра Ѳеодоровича наслѣдникомъ престола долженъ былъ явиться его сынъ. Мысль передать престолъ прямо великому князю Павлу возникла у Елизаветы еще въ 1754 г.; она то оставляла ее, то вновь хваталась за нее, смотря по обстоятельствамъ. Иностранные дворы и дипломаты слѣдили за колебаніями въ ея желаніяхъ съ одинаковымъ

---

[1]) Екатерина II, Мемуары; Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, стр. 5—6.

любопытствомъ, но съ различными чувствами: одни возлагали надежды на Петра, другіе не довѣряли ему; въ концѣ концовъ никто не могъ сказать, каково будетъ окончательное рѣшеніе Елизаветы.

Царица съ огорченіемъ замѣчала, насколько недостоинъ ея племянникъ тѣхъ благодѣяній, которыя она оказывала ему. „Она понимала, какъ мало стоилъ“ этотъ безпокойный, жалкій, отвратительный шутъ. Въ особенности же она не могла ему простить его фанатическое преклоненіе передъ Фридрихомъ II, „этимъ вздорнымъ сосѣдомъ“, врагомъ общества. «Пруссакъ съ головы до пятъ», Петръ открыто оплакивалъ успѣхъ русскаго оружія въ битвѣ при Гросъ-Іегерндорфѣ. Его серьезно подозрѣвали въ передачѣ своему царственному другу тайны совѣщаній и плана компаніи Апраксина и Фермора. [1])

Онъ предавалъ Россію, которою долженъ былъ впослѣдствіи управлять. Елизавета вполнѣ отдавала себѣ отчетъ въ томъ, что онъ не питаетъ ни уваженія, ни довѣрія къ націи, что онъ гнушается священниковъ и придворныхъ, на которыхъ охотно изливалъ свой гнѣвъ, и нисколько не сомнѣвалась въ томъ, что, если она не измѣнитъ своихъ распоряженій, которыя призывали Петра къ занятію престола, ея преемникъ вызоветъ противъ себя возмущеніе и что, любя то, что ненавидѣла она, ведя политику, прямо противоположную ея политикѣ, онъ разрушитъ все ея дѣло. Она тѣмъ болѣе становилась суровой по отношенію къ своему племяннику, что въ этомъ находила нѣкоторое удовлетвореніе ея смертельная ненависть къ великой княгинѣ. Екатерина, ея соперница по красотѣ, соперница въ любви, злоупотребляла своимъ

---

[1]) Валишевскій, Послѣдняя изъ Романовыхъ.

положеніемъ и правами. Сношенія Екатерины съ иностранными министрами безпокоили и раздражали ее [1]).

По словамъ французскихъ посланниковъ, всѣ думали и всѣ надѣялись, „что Елизавета возведетъ на престолъ своего внука“ [2]) Этого мнѣнія держались и окружающіе императрицу, хотя она никому не открывала своихъ плановъ. Елизавета „прятала въ своей душѣ самыя затаенныя мечты и превосходно умѣла ихъ скрывать“. [3])

Иногда, однако, срывавшееся съ устъ ея слово выдавало ея намѣреніе лишить наслѣдія великаго князя Петра.

„Ахъ, г. посланникъ, зачѣмъ нѣтъ у него брата?“— сказала она однажды графу Эстергази, когда Петръ открыто похвалялся своей властью и заявилъ, что не намѣренъ больше „разсыпаться мелкимъ бѣсомъ.“ [4]) Приписывали слабости и нерѣшительности императрицы медлительность ея въ нанесеніи рѣшительнаго удара молодому двору провозглашеніемъ Павла наслѣдникомъ.

Ея колебанія были тѣмъ менѣе понятны, что она такъ же могла по своему усмотрѣнію перемѣнить наслѣдника, какъ и назначить первымъ министромъ Бестужева, не возбуждая этимъ ни чьего удивленія. [5])

Императрица отличалась нерѣшительностью и непостоянствомъ. Ей приходили на умъ самыя странныя мысли. Изъ донесеній, уцѣлѣвшихъ въ архивахъ Берлина, мы узнаемъ, что одно время она подумывала передать престолъ опять юному Ивану VI, котораго устранила въ 1741 г. Этотъ планъ имѣлъ въ ея глазахъ то преимущество, что успокаивалъ запоздалыя сомнѣнія, поднима-

---

1) Affaires étrangères, dépêches de L'Hopital, passim.

2) Rambaud, Recueil des Instructions, donnnées aux ambassadeurs et ministres de France, Russie, т. II, стр. 74.

3) Affaires étrangères, vol LVI, fol. 209, L'Hopital, 23 мая 1758.

4) Affaires étrangères, vol. LVI, fol. 345; L'Hopital, 30 ноября 1757.

5) Id. vol. LVI, fol. 175, L'Hopital, 14 мая 1758 г.

вшіяся въ ея душѣ. Переводимый послѣ лишенія престола изъ тюрьмы въ тюрьму несчастный ребенокъ былъ заключенъ въ 1757 г. въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ нѣсколько лѣтъ спустя долженъ былъ трагически окончить свою жизнь, темную и холодную, какъ зимняя ночь въ Россіи. Какая-то наивная жестокость, нездоровое любопытство испорченной женщины толкнули императрицу взглянуть на слѣды глубокихъ страданій на лицѣ своей жертвы. Она видѣла сына Анны Леопольдовны, [1]) а „изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстенъ фактъ, какъ однажды, въ порывѣ гнѣва на племянника, она напомнила ему о царевичѣ (Алексѣѣ, сынѣ Петра Великаго), который былъ заключенъ въ крѣпость и тамъ умеръ, и о томъ, что у него, Петра, имѣется наслѣдникъ въ лицѣ молодого Ивана, который можетъ занять его мѣсто въ случаѣ, если онъ не измѣнитъ своего поведенія.“ [2])

Отступая всегда передъ крайними рѣшеніями, Елизавета Петровна ограничивалась лишь тѣмъ, что вела борьбу противъ своихъ будущихъ наслѣдниковъ, преслѣдовала ихъ мелкими придирками и отказывала въ деньгахъ. Она никому не позволяла навѣщать ихъ. Екатерина была окружена лишь обществомъ четырехъ статсъ-дамъ, „выбранныхъ изъ самыхъ ограниченныхъ женщинъ въ государствѣ.“ По воскресеньямъ, когда у императрицы бывалъ пріемъ, великаго князя окружали десятки шпіоновъ.

Петру приходили иногда вздорныя мысли. [3]) У него напримѣръ возникало желаніе смѣстить царицу при помощи гольштинскихъ войскъ, которыя онъ обучалъ въ окрестностяхъ столицы, и завладѣть престоломъ. [4])

---

[1]) Affaires étrangères vol. LIV, fol. 92; L'Hopital, 27 іюля 1757 г.

[2]) Archives secrètes de Berlin, Varia Russica; reposit XI, conv. 62.

[3]) Affaires étrangères, dépêches du baron de Breteuil, passim.

[4]) Однажды вечеромъ, послѣ кутежа, Петръ, уже будучи императоромъ, разсказывалъ, какъ онъ однажды со своимъ адъютантомъ

Нѣсколько разъ онъ просилъ разрѣшенія вернуться въ герцогство Гольштинское, которое онъ любилъ больше всего на свѣтѣ. Онъ справедливо полагалъ, что чѣмъ болѣе онъ будетъ обнаруживать готовность подчиняться всѣмъ угрожавшимъ ему строгостямъ, тѣмъ менѣе императрица будетъ спѣшить съ лишеніемъ его наслѣдства и возвращеніемъ въ Германію. Когда въ 1761 г. изнуренная болѣзнью царица, чувствуя быстрое приближеніе смерти, внушавшей ей „сверхестественный ужасъ,“ тщетно старалась заглушить свою тоску виномъ, [1]) можно было подумать, что это предчувствіе близкаго конца внушитъ ей твердое рѣшеніе въ пользу Павла.

Однажды вечеромъ, забывая свои недуги, она отправилась въ придворный театръ и взяла съ собой только сына Екатерины. Петръ Θеодоровичъ былъ въ это время въ деревнѣ на охотѣ; вопреки обычаю, иностранные министры и камергеры не были приглашены на спектакль. Императрица распорядилась, чтобы сыграли какую-нибудь русскую піесу, вѣроятно какую-либо драму Сумарокова. Театръ былъ почти пустъ, но она приказала открыть двери театра для всей гвардіи. Солдаты наводнили залъ: среди наиболѣе пожилыхъ изъ нихъ нашлись такіе, которые принимали участіе въ переворотѣ 1741 г. и вмѣстѣ съ Елизаветой шли на дворецъ Анны Леопольдовны. Она признавала ихъ, называла по имени, улыбалась имъ; потомъ, взявъ на колѣни юнаго князя,—разсказываетъ баронъ де Бретейль,—„она покрыла его горячими ласками и какъ бы представила солдатамъ.“ Она разсказывала послѣднимъ о прелестяхъ ребенка, о проявляющихся качествахъ его души и въ отвѣтъ выслушивала

обдумывалъ средства и строилъ предположенія насчетъ смѣщенія Елизаветы Петровны. (Affaires étrangères, vol. LXIX, fol. 207, баронъ de Breteuil, 28 мая 1762 г.).

[1]) Affaires étrangères, vol. LXIII, fol. 288; de Breteuil, 7 nov. 1760.

отъ нихъ „военные комплименты,“ нисколько не оскорбляясь фамильярностью обращенія, извиняемой ихъ преданностью. Ея горящій взоръ, пламенность ея рѣчи, пробѣгали по рядамъ всѣхъ, какъ электрическая искра.

Раздайся одинъ восторженный кликъ, который она старалась вызвать и котораго ждала отъ гвардіи, и она уступила бы порыву: проснувшійся утромъ Петербургъ привѣтствовалъ бы Павла наслѣдникомъ престола; но никто въ этой толпѣ солдатъ не захотѣлъ дать сигналъ; нужно было, чтобы его подала императрица, но императрица также не рѣшилась. [1])

Франція и Австрія были тогда болѣе, чѣмъ когда-либо заинтересованы въ томъ, чтобы послѣдняя воля Елизаветы склонилась въ пользу великаго князя Павла. Компанія 1761 г. заканчивалась къ стыду ихъ общаго врага Фридриха II. Подъ ударами со стороны австрійцевъ и русскихъ, оказавшихся, благодаря взятію Швейдница и Кольберга, господами въ Силезіи и Помераніи покинутый Англіей, отказавшей ему въ поддержкѣ, король Прусскій былъ на волоскѣ отъ гибели.

Но для поправленія его дѣлъ было бы достаточно, чтобы императрица умерла, оставивъ власть Петру Гольштинскому, такъ какъ никто не сомнѣвался, что новый императоръ въ виду своихъ симпатій къ Пруссіи порветъ съ Франціей и Австріей и перейдетъ на сторону Фридриха. Если-бы, напротивъ, преемникомъ Елизаветы оказался Павелъ, то не трудно было предвидѣть, что Россія будетъ всячески поддерживать борьбу и содѣйствовать гибели короля Прусскаго.

Баронъ де Бретейль настойчиво совѣтовалъ Людо-

---

[1]) Депеша Бретейля, цитируемая Albert'омъ Vandal'емъ, Louis XV et Elisabeth de Russie, стр. 406 и Валишевскій, Романъ императрицы.

вику XV еще разъ использовать свое вліяніе на Елизавету. Ему слѣдовало бы положить предѣлы колебаніямъ императрицы. Совѣтуя императрицѣ устранить племянника отъ престола, не надо было опасаться недовольства Екатерины. Секретныя донесенія, къ великому удивленію французскаго посланника, освѣдомили его о томъ, «что великая княгиня охотнѣе сдѣлалась бы матерью императора Россіи, чѣмъ женой его и что самый лучшій день ея жизни будетъ тотъ, когда императрица рѣшитъ устранить ея супруга отъ престола, съ тѣмъ, чтобы утвердить на немъ ея сына.» Великая княгиня льстила себя надеждой, что при такихъ условіяхъ она будетъ имѣть больше авторитета и участія въ управленіи, чѣмъ съ титуломъ императрицы. „Екатерина, добавляетъ де Бретейль, окажетъ свое содѣйствіе тому, кто подготовитъ вступленіе на престолъ Павла". [1])

По своей небрежности, Людовикъ XV лишь 8 мѣсяцевъ спустя далъ отвѣтъ на спѣшный запросъ своего министра. 16 ноября 1761 г. изъ Версаля была послана секретная инструкція, удовлетворявшая нетерпѣливыя желанія де Бретейля. Но было уже поздно дѣйствовать. Безнадежно больная императрица быстро теряла послѣдніе остатки силъ: она занята была лишь мыслью о смерти.

Начиная съ Петра Великаго, каждый разъ, когда власть переходила изъ однѣхъ рукъ въ другія, разгорались страсти и поднималась буря. Можно ли было на этотъ разъ избѣгнуть смуты изъ за преемства престола? Долготерпѣніе Елизаветы по отношенію къ своему наслѣднику обмануло наиболѣе просвѣщенную часть дворянства: „Когда я ближе наблюдаю,—говорилъ одинъ

---

[1]) Affaires étrangères, vol LXVI, fol. 182—186; баронъ de Breteuil, 15 февраля 1761 г., см. Vendal, Louis XV et Elisabeth de Russi стр. 407.

дипломатъ,—ненависть націи къ великому князю и его промахи, мнѣ кажется, что я уже вижу революцію. Но когда я останавливаю вниманіе на малодушномъ и низкомъ поведеніи людей, облеченныхъ властью, мѣшающемъ имъ снять маски, я прихожу къ заключенію, что страхъ и раболѣпство одержатъ верхъ". [1])

Во время агоніи императрицы, завязалось множество интригъ. Въ то время, какъ Воронцовы защищали права Петра и изъ вражды къ Екатеринѣ добивались его развода съ ней, Шуваловы обдумывали планъ отправленія Петра въ Германію и возведенія Павла на престолъ, съ назначеніемъ Екатерины въ качествѣ регентши. Великая княгиня обнаруживала безпокойство, навѣщала сына, плакала, старалась содѣйствовать. [2]) Одно лицо, имя котораго будетъ часто встрѣчаться на страницахъ этой книги, графъ Никита Панинъ, убѣжденный въ томъ, что восторжествуетъ партія Петра, обдумывалъ средства уберечь Екатерину и своего воспитанника Павла отъ той опасности, которой они подвергались со стороны полусумасшедшаго Петра. Онъ полагалъ, что на немъ лежитъ забота какъ объ ихъ душахъ, такъ и забота о государствѣ. По его мнѣнію, верховную власть будущаго императора слѣдовало ограничить, удѣливъ часть ея сенату, а дворянству даровать нѣчто вродѣ конституціонной хартіи. Панину, который жилъ одно время въ Швеціи, были очень симпатичны ея учрежденія и онъ желалъ воспользоваться обстоятельствами для того, чтобы перенести въ Россію эти старинныя вольности, въ которыхъ Швеція искала гарантіи противъ произвола своихъ королей. [3]) Это было бы

---

[1]) Affaires étrangères, vol. LXVII, fol. 405, de Breteuil, 7 декабря 1761 г.

[2]) Affaires étrangères, vol. LXVII, fol. 481; de Breteuil, 31 декабря 1761 г.

[3]) Замѣтка по поводу того, что происходило въ моментъ смерти императрицы Россіи. Affaires étrangères, vol. LXVIII, fol. 6—17.

возобновленіемъ попытки, сдѣланной тридцать лѣтъ назадъ, при восшествіи на престолъ Анны Ивановны.

Баронъ де Бретейль предсказывалъ, что если царица умретъ внезапно, то «безъ большого усилія перевѣсъ получитъ партія великаго князя.» [1]) Событія доказали справедливость его разсужденій. 22 декабря 1761 г., послѣ сильнаго кровотеченія положеніе Елизаветы сразу значительно ухудшилось. Когда врачи объявили, что она должна умереть, Петръ появился у ея изголовья и „изобразилъ видъ примиренія". Угрозы носились надъ великимъ княземъ; но никто не рѣшился посягнуть на него. 25-го солдаты съ распущенными знаменами продефилировали и безропотно салютовали новому императору. [2])

Великому князю Павлу исполнилось семь лѣтъ. Это былъ ребенокъ слабаго сложенія, нескладный и хрупкаго здоровья. [3]) При дворѣ Елизаветы его имя было у всѣхъ на устахъ, въ пользу его интриговали, но его не знали и не видѣли.

Императрица держала себя послѣднее время „за десятью дверями и десятью замками", подобно московскимъ княгинямъ до петровскаго времени; въ сосѣднемъ покоѣ она помѣстила Ивана Шувалова „почти такъ же,—по выраженію мемуаровъ того времени,—какъ держатъ въ клѣткѣ красивую ручную птицу, которую боятся упустить." [4]) Такую же уединенную жизнь она установила и для своего внука Павла Петровича. Ребенокъ жилъ во внутреннихъ покояхъ, почти не выходя оттуда. Множество нянюшекъ, мамушекъ, маленькихъ мальчиковъ поддержи-

---

[1]) Attaires étraugères, vol. LXVII, fol. 443; de Breteuil, 31 декабря 1761 г.

[2]) Vandal, Louis XV, et Elisabeth de Russie, стр. 409.

[3]) Affaires étrangères, vol. LXV, fol. 61; L'Hopital, 26 сентября 1760 г.

[4]) Affaires étrangères, Memoires et documents, т. IX, fol. 390.

вали тамъ шумное веселье. Правильныхъ часовъ для отдыха установлено не было. Спать ложились то въ 8 часовъ вечера, то въ 1 часъ ночи, по усмотрѣнію нянекъ. Дѣти плакали, кричали отъ голода, падали изъ своихъ кроватокъ, никто не обращалъ на нихъ вниманія и Павелъ пользовался не лучшимъ уходомъ, чѣмъ остальные. [1]) Для его младшей сестры, Анны Петровны, родившейся у Екатерины 9 декабря 1757 г., Елизавета установила такой же режимъ, но она не выдержала его и умерла, не достигши и полутора года. Нельзя забывать, что и во Франціи XVII и XVIII вѣковъ отношеніе къ дѣтямъ было очень небрежно, имъ не придавали большого значенія, за ними не наблюдали, вниманіе было обращено на другое.

Князь Сенъ-Эньянъ (Saint-Aignan) поручилъ своего сына швейцару своего отеля. Талейранъ говорилъ, что онъ никогда не спалъ подъ одной кровлей съ отцемъ и матерью.

На Бехтѣева Елизавета возложила преподаваніе Павлу грамматики и ариѳметики. Учитель скоро замѣтилъ, что подъ грубоватой внѣшностью въ ученикѣ его скрывалось въ высшей степени гордое и чувствительное къ обидѣ сердце. Чтобы исправить его характеръ онъ пустилъ въ ходъ своеобразное средство. Онъ распорядился ежедневно печатать газету, гдѣ подъ рубрикой „Петербургъ“ описывались всѣ безъ исключенія поступки и шалости Павла и выкладывалъ на глаза воспитанника, увѣряя его въ томъ, что эта газета распространена при всѣхъ дворахъ Европы. [2])

Быть можетъ, было бы правильнѣе вліять на хорошіе задатки ребенка, чѣмъ унижать его. Павелъ преувеличивалъ значеніе своихъ недостатковъ и становился замкнутымъ.

---

[1]) Порошинъ, Записки, passim.

[2]) Кобеко, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, стр. 7.

Его грубоватость проистекала изъ недовѣрчивости и дикости.

Въ концѣ 1751 г. Елизавета занялась подысканіемъ ему воспитателя. Вмѣсто князя Голицина, отказавшагося занять это мѣсто по причинѣ нездоровья, [1]) она опредѣлила графа Никиту Панина, назначивъ ему содержаніе въ 40000 руб. [2]) Такой выборъ удивилъ весь дворъ. Панинъ не пользовался расположеніемъ наиболѣе вліятельныхъ тогда Шуваловыхъ и Воронцовыхъ. Онъ служилъ въ гвардіи и, по разсказамъ, привлекъ къ себѣ взоры влюбчивой Елизаветы. [3]) Удаленный происками своихъ враговъ изъ Петербурга, онъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ былъ представителемъ Россіи въ Стокгольмѣ, гдѣ, въ качествѣ убѣжденнаго сторонника политики Бестужева, горячо боролся съ австрійскимъ и французскимъ вліяніемъ. Когда въ 1757 г. Елизавета сблизилась съ Австріей, онъ долженъ былъ покинуть свой постъ. Съ момента своего возвращенія въ Петербургъ онъ внимательно прислушивался ко всѣмъ придворнымъ новостямъ и зорко слѣдилъ за всѣми перемѣнами фаворитовъ, какъ бы постоянно ожидая, что, наконецъ, откроется та дверь, черезъ которую могъ бы пройти и онъ. Ему было сорокъ два года, когда онъ взялъ на себя руководительство воспитаніемъ Павла: среди министровъ и придворныхъ Елизаветы онъ отличался бо́льшимъ благородствомъ, непринужденностью и изяществомъ манеръ и умѣньемъ держать себя. Онъ обладалъ умомъ, разсудительностью и проницательностью но, какъ это часто бываетъ у русскихъ, умъ его былъ чисто созерцательный и недѣятельный. Ему недоставало энергіи и твердости духа; онъ любилъ хорошо поѣсть, карты и женщинъ, былъ безпеченъ и лѣнивъ.

---

[1]) Affaires étrangères, vol. LXI, fol 43; L'Hopital 18 сентября 1759 г.

[2]) Архивъ Воронцова, т. XXI, стр. 45, письмо Діева.

[3]) Affaires étrangères, vol. XCII, fol 349; Durand 25 августа 1773.

Разсказываютъ, будто назначеніе Панина привело въ волненіе женщинъ, которыя до тѣхъ поръ окружали юнаго князя. Однажды, когда графъ обѣдалъ у императрицы, Павелъ Петровичъ, не видавшій еще Панина, послалъ кого-то посмотрѣть на него черезъ дверь. Ему передали, что это совершенно дряхлый старичекъ, въ парикѣ, очень угрюмаго вида. Спустя нѣсколько дней Павелъ, встрѣтивъ въ дворцовомъ саду старика въ парикѣ, рѣшилъ, что это его воспитатель и въ испугѣ убѣжалъ. Ему пришла мысль, что всѣ нянюшки будутъ удалены, что его будущее мрачно и что впереди ничего нѣтъ, кромѣ печальнаго ряда лѣтъ, безъ радостей и игръ. И когда передъ нимъ впервые предсталъ настоящій Панинъ, ребенокъ не замѣтилъ, что былъ обманутъ; онъ заплакалъ и убѣжалъ. [1] Однако мало по малу онъ привязался къ своему наставнику и проявлялъ къ нему глубокую симпатію.

II.

Царствованіе жалкой личности, лишить наслѣдства которую и отослать въ Гольштинію у Елизаветы не хватило рѣшимости, продолжалось всего нѣсколько мѣсяцевъ: это былъ для Россіи періодъ полный безпокойствъ, непріятностей и огорченій. Сдѣлавшись главой имперіи, Петръ III обнаружилъ весь свой буйный нравъ и проявилъ еще болѣе сумасбродства; до него не было болѣе страннаго, вздорнаго и пустого деспота. Онъ не переставалъ «горланить, пить и молоть вздоръ». Его грубыя выходки нарушали покой двора, который былъ скандализованъ его нравами. Онъ выставлялъ напоказъ свое презрѣніе къ православной религіи, которую долженъ былъ воспринять, отрекшись отъ лютеранства. У смертнаго одра своей тетки

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ“, 1866, т. VIII, стр. 438.

онъ осыпалъ насмѣшками священниковъ, читавшихъ евангеліе; въ придворную церковь онъ являлся только къ концу службы и занимался тамъ «ломаніемъ и шутовствомъ». Лишенное церковныхъ имуществъ духовенство замѣчало его недоброжелательство и внутри имперіи устраивало крестные ходы, моля Бога смягчить сердце монарха и избавить религію отъ угрожающей ей гибели. [1]) Армія съ недовольствомъ встрѣчала ребяческія нововведенія, проводимыя царемъ. Солдаты волновались по поводу того, что приходилось маршировать на прусскій ладъ и въ прусскомъ платьѣ. Петръ бранилъ офицеровъ за ихъ парики и галстухи. Русскіе видѣли, что онъ не имѣетъ авторитета ни внутри страны, ни внѣ ея. Едва достигнувъ власти, Петръ остановилъ движеніе арміи, порвалъ съ Франціей и Австріей и безъ всякаго вознагражденія вернулъ своему «старому другу» Фридриху тѣ части прусской территоріи, которыя были завоеваны генералами Елизаветы. Онъ преклонялся предъ неукротимымъ противникомъ своей тетки и какъ милости просилъ какого-нибудь чина въ прусской арміи. Посланникъ Фридриха занялъ положеніе самаго довѣреннаго лица, руководилъ императоромъ и эксплуатировалъ его умственное убожество. Этотъ режимъ становился невыносимымъ. Россіи надо было спѣшить избавиться изъ подъ ферулы племянника Елизаветы.

Петръ III усилилъ строгости по отношенію къ Екатеринѣ и обращался съ нею самымъ оскорбительнымъ образомъ: „Не считая одного, двухъ случаевъ учтиваго обращенія, вызванныхъ ея готовностью глотать дымъ отъ его трубки, нельзя было, пишетъ де Бретейль, при случайныхъ встрѣчахъ съ ней быть болѣе сухимъ“. Къ обидамъ онъ присоединялъ еще угрозы. Онъ говорилъ, что

[1]) Affaires étrangeres vol, LXIX, fol 269; M. Bérenger, 29 іюня 1762; Архивы Воронцова, т. XXI, стр. 28—42.

пострижетъ жену и заключитъ въ монастырь, подобно тому, какъ сдѣлалъ это его предокъ, Петръ Великій съ царицей Евдокіей. Екатерина такъ сильно предавалась своему горю и мрачнымъ мыслямъ, „что немногіе, видѣвшіе ее, говорили, что она неузнаваема и что ея здоровье такъ ухудшилось, что можетъ довести ее до могилы". [1])

Но Екатерина не принадлежала къ тѣмъ женщинамъ, которыя будутъ ждать исполненія висящихъ надъ ними угрозъ, и уже съ 1754 г., какъ свидѣтельствуютъ о томъ ея Мемуары, она рѣшила освободиться отъ мужа, если онъ до того ее доведетъ. [2])

Передъ смертью Елизавета просила Петра проявлять къ своему сыну больше нѣжности. [3]) Но императоръ былъ занятъ Павломъ не больше, чѣмъ и до вступленія своего на престолъ.

Въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ своего царствованія онъ видѣлъ сына только одинъ разъ, присутствуя на его экзаменѣ. По окончаніи послѣдняго, онъ замѣтилъ принцу Георгію Гольшейнъ-Готторпскому: „Ей Богу, этотъ плутишка знаетъ больше, чѣмъ мы". Чтобы выразить свое удовлетвореніе, онъ хотѣлъ назначить его унтеръ-офицеромъ гвардіи, но Панинъ отклонилъ эту честь подъ тѣмъ предлогомъ, что ребенокъ возгордится. [4]) Петръ III ненавидѣлъ Панина, какъ совѣтчика Екатерины и наставника Павла, но онъ не осмѣливался удалить его и довольство-

---

[1]) Affaires étrangères, vol. LXIX, fol 47 и 53; Breteuil, 14 апрѣля 1762.

[2]) Мемуары, стр. 301.

[3]) La Cour de Russie стр. 178. Единственно, что смущало новаго императора, было то обстоятельство, что ребенокъ назывался цесаревичемъ вмѣсто великаго князя. (Affaires étrangères, vol LXII, fol 188; Breteuil, 15 февраля 1762 г.). Относительно этого см. Vandal Louis XV, et Elizabeth de Russie, стр. 414.

[4]) Архивы Воронцова, XXI, стр. 42.

вался только тѣмъ, что отзывался о немъ съ презрѣніемъ. При дворѣ были убѣждены, что если бы у императора былъ отъ его любовницы Елизаветы Воронцовой сынъ, то онъ, устранивъ Павла, провозгласилъ его наслѣдникомъ. Въ подтвержденіе этихъ предположеній ссылались на то, что когда, однажды вечеромъ, Петръ, поссорившись съ своей сожительницей, осыпалъ ее такими ругательствами, „какія, по замѣчанію Бретейля, не всегда услышишь на базарѣ", по обыкновенію, немного выпившая Воронцова, выйдя изъ себя, при всѣхъ упрекнула его безсиліемъ. [1])

«Не будучи въ состояніи сдѣлаться отцомъ», какъ передавали придворныя сплетни, Петръ вспомнилъ планъ тетки и рѣшилъ лишить Павла престола въ пользу Ивана VI. 5-го апрѣля 1762 г. онъ садится въ карету съ своими тремя фаворитами и секретно ѣдетъ навѣстить юнаго князя въ Шлиссельбургскую тюрьму. Крѣпость подымается своими высокими и бѣлыми стѣнами на небольшомъ островѣ Невы и даетъ возможность черезъ свои рѣшетки видѣть блестящую гладь Ладожскаго озера. Петръ III обѣдалъ съ узникомъ за однимъ столомъ у коменданта крѣпости. Онъ разсматривалъ его, распрашивалъ сначала съ любопытствомъ, затѣмъ съ симпатіей и нашелъ въ немъ «военный духъ». По возвращеніи во дворецъ, Петръ во всеуслышаніе заявилъ, что хочетъ вернуть свободу князю Ивану, женить его на принцессѣ Гольштейнъ-Бекской и завѣщать ему имперію. [2])

Онъ вспомнилъ при этомъ тѣ обвиненія, которыя возводились на Екатерину въ моментъ рожденія Павла, вызвалъ Сергѣя Салтыкова въ Петербургъ, принялъ его съ неожи-

---

[1]) Affaires étrangèr vol. XVIII, fol 178 и 178; Bretuil, 15 февраля 1762 г.

[2]) Affaires étrangères, vol. LXIX, fol. 45—50; Breteuil, 14 avril 1762; Chantereau, Voyage eu Russie, t. II p. 202.

даннымъ радушіемъ, нѣсколько разъ приглашалъ къ себѣ въ кабинетъ и пытался вывѣдать у него тайну рожденія цесаревича. Салтыковъ далъ ему высказаться, выслушалъ его, но самъ уклонился отъ отвѣта. Способенъ ли онъ былъ оцѣнить то доброе чувство, которое питала къ нему Екатерина? Баронъ де Бретейль «считаетъ Салтыкова достаточно русскимъ для того, чтобы сдѣлать подобное признаніе въ надеждѣ на великія награды или изъ за опасенія тяжелыхъ каръ, хотя бы элементарная порядочность и заставляла его молчать». Петръ ожидалъ признанія Салтыкова лишь для того, чтобы расторгнуть бракъ при помощи синода и публично отречься отъ Павла. Но бывшій любовникъ Екатерины не оправдалъ надеждъ императора и кончилъ тѣмъ, что былъ сосланъ въ свое помѣстье. [1])

Бретейль добавлялъ, что если царь «такъ сильно желаетъ освободиться отъ малолѣтняго великаго князя, какъ его въ томъ подозрѣваютъ, то ему нѣтъ особой надобности прибѣгать для этого къ какому-либо насилію». Павелъ, дѣйствительно, былъ постоянно боленъ, у него была опасная лимфатическая опухоль подъ подбородкомъ; за нимъ былъ очень плохой уходъ и онъ страдалъ ежедневными припадками лихорадки. [2])

— Между тѣмъ замышлялся заговоръ. Оскорбленная супруга дѣйствовала и спѣшно подготовляла военный переворотъ, который долженъ былъ обезпечить спасеніе ей и ея сыну. Въ то время, какъ ходила молва, что царь уже тайно обвѣнчался съ Воронцовой и подписалъ манифестъ, провозглашавшій ее императрицей, вдругъ 28 іюня 1762 г. разразилась революція, положившая конецъ царствованію, а затѣмъ и жизни Петра III.

---

[1]) Affaires étrangères, та же депеша (14 апр. 1762 г.) ср. депешу графа Brühl'я саксонскаго посланника (Бильбасовъ, Исторія Екатерины, т. II, стр. 611).

[2]) Affaires étrangères, та же депеша, 14 апр. 1762.

Иностранные дворы и миссіи предвидѣли этотъ переворотъ. Кому вручитъ онъ власть? Въ Берлинѣ высказывались за юнаго Ивана; въ Версалѣ—за цесаревича Павла. [1]) Графъ Панинъ, Чернышевъ и главные вожаки переворота не имѣли въ виду возвести на престолъ Екатерину; они хотѣли сдѣлать ее лишь регентшей малолѣтняго сына. [2]) Панинъ горячо привѣтствовалъ паденіе Петра III и содѣйствовалъ этому. Но если онъ и прикладывалъ руки къ заговору, то дѣлалъ это съ твердымъ намѣреніемъ замѣнить царствующаго императора своимъ воспитанникомъ. Проникнутый либеральными идеями онъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы въ виду малолѣтства были ограничены предѣлы царской власти. Какъ честолюбиваго человѣка его соблазняла надежда использовать въ личныхъ интересахъ свое вліяніе въ качествѣ наставника на умъ юнаго царя. Онъ не довѣрялъ Екатеринѣ: онъ достаточно хорошо зналъ послѣднюю для того, чтобы сознавать что при ея царствованіи онъ можетъ претендовать лишь на роль главнаго приказчика. Но говорятъ, что Панинъ измѣнилъ своему рѣшенію и въ послѣднюю минуту всталъ въ сторону Екатерины. «Что не могъ сдѣлать разсудокъ, то сдѣлала любовь» — говорилъ французскій посланникъ въ Петербургѣ. — «Панинъ до безумія былъ влюбленъ въ княгиню Дашкову. Эта молодая дама, которая вовсе не выдавала себя за весталку, но у которой тщеславіе подавляло всѣ другія чувства, не питала никакого влеченія къ Панину. Она держала себя съ нимъ очень свободно и тѣмъ только усиливала страсть Панина. Наконецъ, Одаръ видя, что противодѣйствіе Панина является единственнымъ препятствіемъ для осуществленія общаго плана, посовѣтовалъ княгинѣ Дашковой быть

---

[1]) Ibid. vol. LXVIII, fol 362; Choisel барону Breteuil'ю, 12 марта 1762 г

[2]) La Cour de Russie, 197.

болѣе доступной и этотъ мудрый совѣтъ былъ причиной того, что Екатерина стала не регентшей, а императрицей» [1]).

Трудно повѣрить, что Панинъ, уступая вліянію суетливой и болтливой женщины, отказался отъ плана возвести на престолъ Павла и что восшествіе на престолъ Екатерины было его дѣломъ. Повидимому, болѣе правдоподобно, что Панинъ, подъ вліяніемъ новой любви или, скорѣй, вслѣдствіе своей природной лѣности, устранился, предоставивъ другимъ направлять ходъ событій. Кромѣ того, его осторожность подсказывала ему не влѣзать съ головой въ рискованное предпріятіе, которое могло плохо окончиться. Екатерина нашла сторонниковъ болѣе рѣшительныхъ, всецѣло ей преданныхъ, ни передъ чѣмъ не останавливающихся, готовыхъ на все: братьевъ Орловыхъ, Потемкина, Пассекъ. Бездѣйствіе Панина (для котораго должность перваго министра должна была служить наградой) благопріятствовало ихъ замысламъ; руки у нихъ были развязаны и они могли, не считаясь съ правами великаго князя Павла, провозгласить Екатерину императрицей [2]).

Архивы Берлина, въ которыхъ мы наводили справки, не содержатъ никакихъ существенныхъ данныхъ, которыя съ новой стороны освѣтили бы переворотъ 1762 г., много разъ описанный [3]). Одинъ изъ сообщниковъ,—Пассекъ,—былъ арестованъ; другіе ради спасенія отважились на рѣшительный шагъ. Однажды утромъ Екатерина исчезла

---

[1]) Affaires étrangères, vol. LXX. fol 20 Berenger, 16 іюля 1762 г.; Rulhière, Histoire ou Anecdotes, стр. 66.

[2]) Относительно подготовленія заговора и роли Панина см. Валишевскаго „Романъ императрицы, стр. 159 и слѣд.

[3]) Свидѣтельства современниковъ очень важны. (См. библіографію Самбо въ его собраніи инструкцій посланникамъ, (Recueil des Insructions aux ambassadeurs) т. II, стр. 195). Среди современныхъ работъ слѣдуетъ указать на труды: Семевскаго, Бильбасова, Валишевскаго.

изъ Ораніенбаумскаго дворца, чтобы съ Алексѣемъ Орловымъ поднять столицу. Она отправилась къ казармамъ, которыя раскрылись передъ ней. Гвардейскіе солдаты, едва одѣтые, полусонные, выбѣжали къ ней, окружили ее и принесли ей присягу передъ своими священниками, поспѣшившими сюда съ крестомъ въ рукахъ, „Тутъ было много такихъ, говоритъ Рюльеръ, которые желали провозгласить императрицу регентшей". Орловъ обратился къ нимъ со словами, что „не слѣдуетъ дѣлать дѣло наполовину и рисковать головой для того, чтобы когда-нибудь начинать все снова и что онъ собственноручно заколетъ того, кто заговоритъ о регентствѣ". Вся армія окружила императрицу; дворъ, народъ рѣшили перемѣнить государя и Екатерина въ Казанскомъ соборѣ приняла присягу на вѣрность своихъ новыхъ подданныхъ.

Великій князь Павелъ не былъ съ матерью въ Ораніенбаумѣ; онъ оставался подъ надзоромъ Панина въ Зимнемъ дворцѣ. При входѣ въ Казанскій соборъ императрица вспомнила о немъ и послала за нимъ. Нѣсколько гвардейцевъ «непричесанныхъ и безъ шапокъ», захвативъ нѣсколько повозокъ, поспѣшили во дворецъ. Одинъ офицеръ съ многочисленнымъ конвоемъ проникъ въ покои Павла. Ребенокъ, смутно знавшій объ опасностяхъ, которыя угрожали ему со стороны Петра III, проснулся и, видя себя окруженнымъ солдатами, пришелъ въ испугъ. Послѣ безуспѣшныхъ попытокъ его успокоить, Панинъ взялъ его на руки и унесъ. Вскорѣ показалась выѣзжающая изъ дворца черезъ садовыя ворота „плохо запряженная четверкой лошадей старая карета съ двумя кучерами и ливрейнымъ лакеемъ"; ее сопровождали пятьсотъ гвардейцевъ подъ начальствомъ полковника Мелессино. Карета доставила въ соборъ ребенка «въ ночномъ чепчикѣ и неодѣтаго», его воспитателя Панина и Теплова. Въ то время какъ священники торжественно провозглашали

Екатерину императрицей, Павелъ произносилъ формулу присяги.

По окончаніи церемоніи Павла усадили въ карету, запряженную парой убогихъ бѣлыхъ лошадей, которая доставила его къ «новому каменному дворцу», гдѣ его встрѣтила императрица. Она съ балкона представила его солдатамъ и народу. Возгласы и клики усилились и вся толпа дружно бросала въ воздухъ шапки. [1])

Тепловъ былъ занятъ составленіемъ манифеста. Въ этотъ моментъ, если вѣрить слухамъ, Панинъ имѣлъ мужество поднять голосъ въ защиту правъ своего воспитанника. Противъ всякаго ожиданія онъ будто бы одержалъ верхъ и Екатерина дала обязательство царствовать лишь до совершеннолѣтія ея сына. Соотвѣтствующій актъ, сданный на храненіе въ архивъ сената, былъ якобы впослѣдствіи изъятъ Орловыми и уничтоженъ.

За отсутствіемъ заслуживающихъ довѣрія данныхъ трудно повѣрить этимъ слухамъ относительно запоздалаго вмѣшательства Панина: онъ былъ достаточно проницателенъ, чтобы считать игру проигранною и обладалъ настолько здравымъ смысломъ, чтобы не ошибаться относительно цѣны обязательствъ, торжественно принятыхъ на себя Екатериною. [2]).

Извѣстны слова Фридриха II: „Петръ III допустилъ лишить себя престола такъ, какъ ребенокъ, котораго посылаютъ спать“. Петръ отправился въ апартаменты, откуда Екатерина на разсвѣтѣ скрылась, и „нашелъ тамъ украшенія и парадное платье, приготовленное на утро. На вопросъ, гдѣ она, лакей отвѣтилъ ему, что вѣроятно въ саду“. [3]). Несчастный императоръ въ тревогѣ обыскалъ

---

[1]) Архивы Воронцова, т. XXV, стр. 256—260, Rulhière, стр. 95.

[2]) Валишевскій, Романъ императрицы, стр. 179.

[3]) Archives secrètes de Berlin, reposit XI, conv. 64, выдержки изъ петербургскаго письма отъ 13 іюля 1762 г.

весь Ораніенбаумскій паркъ въ то время, какъ въ Петербургѣ разыгрывалась буря. Онъ понялъ угрожающую ему опасность, хотѣлъ укрыться въ укрѣпленіяхъ Кронштадта и, съ наступленіемъ ночи, отправился туда на галерѣ съ обливающейся слезами Воронцовой. Но гарнизонъ Кронштадта уже не хотѣлъ признавать его своимъ императоромъ и хотѣлъ потопить галеру. Петръ повернулъ обратно, вернулся въ Ораніенбаумъ, и весь охваченный страхомъ подписалъ свое отреченіе. Онъ просилъ у Екатерины, какъ милости, оставить ему «его библію, его подругу и двухъ приближенныхъ». Но она не вняла его просьбѣ. Его увезли сначала въ Петербургъ, а оттуда во дворецъ въ Ропшу подъ надзоромъ Алексѣя Орлова и «четырехъ избранныхъ офицеровъ».

Грустное путешествіе! «По пути, писалъ одинъ очевидецъ, не осталось, кажется, ругательства, которое не было бы пущено встрѣчными по адресу Петра и не будь сильнаго конвоя, ему плохо бы пришлось.» [1]).

Нельзя не испытывать чувства состраданія къ несчастной судьбѣ этого монарха, таинственно исчезающаго въ обстановкѣ варварской трагедіи. Его паденіе не смягчило гнѣва его враговъ. Онъ кончилъ жизнь отравленный или задушенный и узнаютъ ли когда-нибудь чьей рукой? Ропшинскія стѣны не открыли этой тайны. Какъ ни мало освѣдомлена исторія относительно фактической обстановки событія, она все-таки достаточно знаетъ для того, чтобы обвинить въ немъ Екатерину; исторію не обманули ни слезы Екатерины, ни манифестъ, возвѣщавшій народу, что Петръ III „обыкновеннымъ и прежде часто случавшимся ему припадкомъ геморoидическимъ, впалъ въ прежестокую колику“, ни то, что „не презирая долгу нашего христіанскаго и

---

[1]) Archives de Berlin, то же письмо.

заповѣди святой, которою мы одолжены къ соблюденію жизни ближняго своего", его августѣйшая супруга посылала къ нему врача. [1]) Екатерина желала смерти Петра III и подготовила ее.

Какое смятеніе должны были породить въ дѣтской душѣ Павла подобныя зрѣлища и сколько нужно было преждевременной стойкости для того, чтобы вынести тяжелыя страданія и не согнуться подъ ихъ тяжестью. Зловѣщіе слухи, ходившіе по столицѣ, доходили и до него въ глубь дворца, полнаго мрака, гдѣ протекло его тяжелое, тревожное дѣтство. Его дѣтской душѣ было ясно одно: онъ угадывалъ, что вмѣсто того, что разсказывали ему о смерти его отца, надо поставить нѣчто другое, что онъ только предчувствовалъ и чего точно не зналъ. Въ глубинѣ своей души онъ обвинялъ мать и закравшееся подозрѣніе отравляло его. Ропшинская драма сдѣлалась мрачнымъ фономъ всей его жизни. Въ теченіе долгихъ лѣтъ уединенія и праздности, печальная загадка занимала его мысль, и часто среди унылыхъ снѣжныхъ равнинъ, разстилающихся зимой вокругъ Петербурга, онъ видѣлъ встающую тѣнь Петра III, подобно тому, какъ тѣнь убитаго отца являлась Гамлету на галлереѣ Эльсинора. [2]).

---

[1]) Архивы Воронцова т. XIX, стр. 165.

[2]) Въ судьбѣ Павла и принца Датскаго было сходство, которое обращало на себя вниманіе современниковъ Екатерины II. Въ 1781 г. при вѣнскомъ дворѣ готовились къ постановкѣ Гамлета въ честь великаго князя Павла; одинъ изъ актеровъ замѣтилъ, что драма Шекспира можетъ быть тягостнымъ намекомъ; его вознаградили за предусмотрительность и представленіе было отмѣнено. (Wolf Oesterreich und Preussen 1780—1790, стр. 70).

ГЛАВА II.

Соперникъ Екатерины II.

(1762—1773).

I.

Всегда требуется время, чтобы утихло волненіе, поднятое бурей. Кризисъ 1762 г. затихъ лишь постепенно. Время отъ времени проявлялись вспышки, порождаемыя то вѣчнымъ страданіемъ, то человѣческимъ безпокойствомъ, то грубымъ вожделѣніемъ.

Оппозиція была не столько глубока и радикальна, сколько суетлива и шумлива. До пугачевскаго бунта Екатерина ни разу не видѣла престолъ свой въ серьезной опасности; но непрестанный народный ропотъ смущалъ и раздражалъ ее. Всѣ злоумышленники выступали поборниками правъ Павла и, когда правнука Петра Великаго они противопоставляли нѣмкѣ Екатеринѣ, они встрѣчали въ народѣ сочувствіе. Всѣ недовольные объединялись вокругъ имени великаго князя. Екатерина стала смотрѣть на своего сына, какъ на соперника. Не прошло и шести недѣль послѣ смерти Петра III, какъ въ Петербургѣ стали составляться заговоры то въ пользу Павла, то въ пользу Ивана. „Въ настоящій моментъ, когда первое волненіе и опьяненіе прошли,—писалъ баронъ де Гольцъ,—народъ пришелъ къ сознанію, что только покойный императоръ имѣлъ право на престолъ, и что онъ никому не сдѣлалъ зла. Распу-

щенность гвардейцевъ не знаетъ границъ. Они могутъ безнаказанно совершать всякія насилія, а офицеры вмѣсто того, чтобы сдерживать ихъ, рады, если сами не подвергались съ ихъ стороны поруганію. [1]) Гвардейцы во всеуслышаніе выражали раскаяніе въ томъ, что посадили на престолъ иностранку, „поганую". «Наиболѣе обычной бранью среди нихъ былъ упрекъ въ томъ, что послѣднюю оставшуюся каплю крови Петра I они продали за бочку пива». [2]) Имя Павла радостными кликами привѣтствовалось въ казармахъ. Новой революціи ожидали не только въ Россіи, но и внѣ ея. Вольтеръ писалъ своему другу д'Аржанталю отъ 28 сентября 1762 г.: „Я немного въ безпокойствѣ за мою императрицу Екатерину; опасаюсь, какъ бы Иванъ не лишилъ престола нашу благодѣтельницу". [3])

Когда царица отправилась въ Москву для коронаціи, она не рискнула оставить Павла въ безпокойной столицѣ. Здоровье ребенка вызывало опасеніе: у него была лихорадка и опухоль ногъ. Врачи не рѣшались высказаться опредѣленно о характерѣ болѣзни: одни говорили о ревматизмѣ; другіе, ссылаясь на законы наслѣдственности, намекали на то, что нездоровье вызывается „очень подозрительной кровью", заразой, которую Салтыковъ передалъ своему ребенку. [4]) Угодливые доктора единогласно и торжественно заявили, что путешествіе принесетъ больному только пользу и Екатерина потащила своего сына съ этапа на этапъ въ Москву. Когда Панинъ упрашивалъ

---

[1]) Archives secrètes de Berlin, reposit. XI, conv. 64, Гольцъ, 3 августа 1762.

[2]) Affaires etrangères, vol. LXX, fol. 163; Berenger, 17 августа 1762 г.

[3]) Сочиненія, т. LXXXVIII, стр. 92.

[4]) Affaires étrangères, vol. LXXI, fol. 32; Breteuil, 9 октября 1762.

ее дорогой остановиться для того, чтобы дать отдохнуть ослабѣвшему и утомленному цесаревичу, она не хотѣла слушать, ей надо было спѣшить съ пріѣздомъ! [1])

Павелъ былъ не въ состояніи присутствовать на торжествѣ коронованія. Народъ, не видя его, безпокоился. Нѣсколько разъ, вмѣсто того, чтобы радостными криками привѣтствовать царицу, солдаты начинали кричать около самого дворца: „да здравствуетъ императоръ Павелъ Петровичъ!“ Офицерамъ съ трудомъ удавалось заставить ихъ молчать.

Подобные возгласы болѣзненно отзывались въ ушахъ Екатерины. Прибывшіе изъ Петербурга курьеры донесли ей, что въ ея отсутствіе двадцать семь офицеровъ составили заговоръ въ пользу Павла, что на допросѣ они сознались и были подвергнуты наказанію кнутомъ. [2])

Она чувствовала, что нѣсколько человѣкъ, выхваченныхъ случайно, ничего не значатъ. Агенты иностранныхъ дворовъ тайкомъ подстрекали недовольныхъ для того, чтобы нанести ей ударъ. Поднимать возмущеніе противъ правительства, которое желательно было ослабить, было, какъ извѣстно, однимъ изъ классическихъ средствъ дипломатіи XVIII вѣка.

Людовикъ XV побуждалъ своего посланника точно разузнать настроеніе народа по отношенію къ Павлу и Ивану и «завести связи» съ тѣмъ претендентомъ, который, по его мнѣнію, имѣетъ больше сторонниковъ. [3])

Для того, чтобы избѣжать возможной революціи съ одной стороны, и подготовить преемника на случай смерти постоянно болѣвшаго Павла съ другой, Екатерина пого-

---

[1]) Сборникъ русскаго Историческаго Общества, т. VII, стр. 154.

[2]) Affair. étrang. vol. LXXI, fol. 99; Breteuil, 28 октября 1762.

[3]) Id., т. LXXII, дополненіе; письмо къ Breteuil'ю отъ 10 сентября 1762 г.

варивала о бракѣ съ княземъ Иваномъ, которому было тогда двадцать три года и о раздѣленіи съ нимъ управленія имперіей. [1]) Она была бы огорчена, если бы ее поймали на словѣ, такъ какъ это было только хитростью, которой въ сущности никто не вѣрилъ. Она старалась показать, что свободна въ выборѣ мужа и хотѣла подготовить народъ къ другому союзу, къ которому ее влекло ея сердце, къ браку съ Григоріемъ Орловымъ.

Орловъ! Это былъ товарищъ ея предпріятій, сообщникъ, рисковавшій своей жизнью для того, чтобы возвести ее на престолъ; это былъ любовникъ, страстно любящій и страстно любимый, который держалъ ее подъ обаяніемъ своихъ ласкъ. Больше того. Это былъ сильный, отважный человѣкъ, который, опираясь на свою могущественную родню, въ лицѣ четырехъ братьевъ, сумѣлъ бы защитить ее отъ всякихъ опасностей, если бы она сдѣлала его участникомъ своего новаго величія. [2])

Весной 1763 г. бывшій канцлеръ Елизаветы, Бестужевъ, тяготясь долгимъ пребываніемъ не у дѣлъ, рѣшился для пріобрѣтенія довѣрія осуществить проектъ. Онъ привлекъ къ нему Святѣйшій Сунодъ; это собраніе епископовъ должно было сдѣлать представленіе императрицѣ о безпокойствѣ церкви и отечества относительно здоровья цесаревича Павла, о надеждахъ, связанныхъ съ молодымъ возрастомъ императрицы и въ заключеніе обратиться къ ней съ почтительной просьбой не давать проходить годамъ зрѣлаго возраста въ безбрачіи и такимъ путемъ содѣйствовать упроченію престолонаслѣдія. [3]) Населеніе взволновалось, узнавъ о планѣ Бестужева и требовало показать ему цесаревича, жизнь котораго будто бы была

---

[1]) Affair. étrang. vol. LXXIII, Bérenger, 30 мая 1763 г.

[2]) См. Валишевскій, Романъ императрицы.

[3]) Affair. étrang. vol. LXXIII; Breteuil, 18 мая 1763.

въ опасность. Возмущеніе было скоро подавлено. [1]) Такъ какъ плохое здоровье Павла служило Екатеринѣ предлогомъ для вступленія въ бракъ съ Григоріемъ Орловымъ, то Панинъ приказалъ подать лошадей и посадилъ на сѣдло слабаго ребенка. Всадники неслись во всю мочь и проскакали 12 верстъ. Павелъ вернулся въ изнеможеніи; но эта поѣздка показала, что его здоровье не было такъ слабо, какъ говорили. На другой день, вечеромъ, онъ появился, въ сопровожденіи своего наставника, въ пріемныхъ залахъ, гдѣ собрался весь дворъ: сапоги его, забрызганные грязью, свидѣтельствовали о томъ, что онъ возвратился изъ продолжительной поѣздки подъ дождемъ по городу. [2])

Во время этой прогулки онъ обращалъ на себя вниманіе и привлекалъ взоры всѣхъ. „Удивительна, замѣчаетъ Беранже, разница пріема, который оказываетъ народъ императрицѣ и великому князю, когда они показываются публично. Все тихо при императрицѣ, за юнымъ же княземъ всегда слѣдуютъ толпы народа, который всячески старается выразить удовольствіе при встрѣчахъ съ нимъ“. Панинъ нашелъ отвѣтъ на доводы, вызываемые слабостью здоровья цесаревича. Онъ сдѣлалъ даже больше. Въ тотъ день, когда вопросъ о бракѣ былъ предложенъ верховному совѣту, Панинъ рѣшился выступить съ протестомъ. Онъ зналъ всѣхъ своихъ коллегъ, приверженныхъ Екатеринѣ, соперничавшихъ въ желаніи угодить ей, но не поддался имъ. „Императрица, сказалъ онъ, можетъ дѣлать что хочетъ, но госпожа Орлова никогда не будетъ императрицей Россіи“. Его слова поколебали канцлера. Воронцовъ отправился къ императрицѣ, чтобы убѣдить ее

---

[1]) Валишевскій, Романъ императрицы.

[2]) Affair. étrang. vol. LXXIII, Berenger, 18 мая 1763 г.

отказаться отъ плана: онъ говорилъ съ ней, „какъ римлянинъ“. [1])

Если Панинъ такъ сильно возставалъ противъ брака Екатерины, то это можно объяснить тѣмъ, что послѣдствія его представлялись ему гибельными какъ для націи, такъ и для его воспитанника. Если бы императрица умерла раньше своего супруга, то перенесъ ли бы народъ регенство Орлова, этого баловня судьбы? Могъ ли бы онъ разсчитывать на повиновеніе себѣ, какъ императору, со стороны вельможъ имперіи?

«Несмотря на привычку къ рабству, говорилъ прусскій посланникъ Сольмсъ, они не чувствуютъ себя способными на это» [2]). Переворотъ не заставилъ бы себя ждать. Панинъ предвидѣлъ и другую опасность. Если бы отъ этого брака родились дѣти, то Екатерина въ силу указа Петра Великаго могла бы въ ихъ интересахъ лишить Павла правъ на престолъ. Воспользовалась ли бы она этимъ? Вѣроятно. Она не поколебалась бы въ выборѣ между дѣтьми Орлова и великимъ княземъ Павломъ, котораго не любила и въ которомъ видѣла, какъ бы тѣнь ненавистнаго супруга. Права Павла не имѣли бы никакого вѣса. Опасность, которую предвидѣлъ Панинъ, была недалека. У Екатерины и Орлова былъ сынъ—Алексѣй Бобринскій; ребенокъ родился еще во время царствованія Петра III, 2 апрѣля 1762 г. Чтобы скрыть свою беременность, Екатерина заперлась у себя на нѣсколько недѣль. Въ день родовъ одинъ изъ ея слугъ Шкуринъ поджегъ свой собственный домъ, расположенный въ пригородѣ столицы, и сталъ бить въ набатъ въ надеждѣ, что императоръ покинетъ дворецъ, чтобы посмотрѣть на пожаръ. [3])

---

[1]) Affair. étrang. vol LXXIII, Breteuil, 18 мая 1763. Архивъ Воронцова, т. XXI, стр. 104.

[2]) Архивы Берлина, reposit. XI, Solms, 20 ноября 1764.

[3]) Валишевскій, Романъ императрицы.

Въ это время, если преданіе гласитъ правду, Екатерина схватила новорожденнаго и готова была его задушить, но движимая жалостью къ маленькому безпомощному существу, она упала на колѣни, помолилась Богу и поднявшись воскликнула: «Богу слава, тебѣ—жизнь». [1])

Алексѣй былъ ввѣренъ Шкурину, который выдавалъ его за своего племянника. „И часто, по словамъ одного посланника, въ вечернія сумерки Екатерина и Орловъ выѣзжали въ обыкновенной обывательской пролеткѣ, въ сопровожденіи одного лакея, чтобы посмотрѣть на этого ребенка, залогъ ихъ любви, плодъ и предметъ всѣхъ ихъ нѣжныхъ чувствъ. [2]) Панинъ не ошибался въ данномъ случаѣ. Если бы Екатерина вступила въ бракъ съ фаворитомъ, сынъ Орлова сдѣлался бы опаснымъ соперникомъ для Павла и рано или поздно заступилъ бы его мѣсто.

Панинъ не безъ тайнаго удовольствія замѣчалъ, какъ рушился планъ императрицы. Народъ негодовалъ на Орлова, проклиналъ его. Въ Москвѣ помѣщенный на тріумфальныхъ воротахъ портретъ Екатерины былъ разорванъ и растоптанъ ногами. Въ Петербургѣ слышались глухіе раскаты возмущенія. Партія Павла проявляла больше жизни: среди нея насчитывались «военные генералы, имѣвшіе въ своемъ распоряженіи войска, честолюбцы, завидовавшіе удачѣ Орлова и надѣявшіеся принять участіе въ управленіи дѣлами при перемѣнѣ власти». [3]) Грозное волненіе коснулось даже Преображенскаго полка, недавно еще вполнѣ преданнаго Орлову. Однажды гвардейцы собрались подъ окнами Павла съ намѣреніемъ провозгласить его своимъ императоромъ. [4]) Народъ только и ждалъ случая ото-

---

[1]) Русскій Архивъ, 1899, стр. 209.

[2]) Affaires étrangères, vol. LXXVI, Bèrenger, 2 октября 1764 г.

[3]) Id. LXXIII; Bérenger, 30 мая 1763 г.

[4]) Id. т. LXXIII; Bérenger, 1 іюля 1763.

метить фавориту и Федоръ Хитровъ составилъ заговоръ, съ цѣлью убить его. Въ 1763 г., годъ спустя послѣ переворота, доставившаго Екатеринѣ II власть, послѣдняя не могла еще не считаться съ недовольствомъ своихъ подданныхъ: она отказалась отъ предполагавшагося брака, но сдѣлала это не безъ сожалѣнія. Кровь кипѣла въ ней. Она подозрѣвала Панина, Чернышева и княгиню Дашкову въ томъ, что они раздували противъ нея пламя общественнаго броженія и обѣщала «снести всѣ эти головы». [1])

Самъ Павелъ былъ для матери предметомъ молчаливаго безпокойства. Ему исполнилось десять лѣтъ. Умъ его просыпался. Его взглядъ не былъ взглядомъ ребенка, которому улыбается жизнь, но скорѣе взглядомъ старика, надломленнаго страданіями. Почти или даже совсѣмъ нелюбимый, сознавая себя окруженнымъ врагами, Павелъ не испыталъ той особой сладости быть ребенкомъ, чувствовать себя слабымъ и въ тоже время въ полной безопасности; юное сердце его обливалось кровью. Повидимому въ немъ загоралась ненависть. Когда его охватывали грустныя воспоминанія дѣтства, «онъ задавалъ вопросъ, почему убили его отца и отдали престолъ его матери, престолъ, который по праву принадлежалъ ему. Онъ добавлялъ, что когда онъ выростетъ, то сумѣетъ отдать себѣ отчетъ во всемъ». Иногда у него являлось сожалѣніе о томъ, что Елизавета Петровна рано умерла. «Если бы она прожила двумя годами больше, говорилъ онъ, я былъ бы въ настоящее время господиномъ всего». [2]) Не было недостатка въ людяхъ, доносившихъ объ этомъ императрицѣ, которая, конечно, разстраивалась этимъ. Можетъ быть, не за горами былъ тотъ день, когда уже сознававшій свои права сынъ ея выставитъ себя претендентомъ на престолъ.

---

[1]) Affaires étrangères, vol. LXXIII, Bérenger 15 іюля 1763 г.

[2]) Affaires étrangères, vol. LXXVI; Bérenger, 10 дек. 1764 г.

Чтобы предотвратить смуту, Екатерина приложила много труда; а предосторожности, которыя она принимала, заставляли ее еще болѣе бояться. До какой степени подозрительна и осторожна была императрица, показываетъ слѣдующее: это было весной 1764 г. Екатерина рѣшила предпринять путешествіе въ Ливонію. Оставить Павла въ Петербургѣ было бы слишкомъ выгодно для ея враговъ. Она готова была увезти его, но Панинъ указалъ на состояніе здоровья ребенка. Екатерина разсердилась.

Вмѣшательство канцлера Воронцова прекратило недоразумѣніе: Павелъ не отправился сопровождать мать. Но сколько предосторожностей приняла Екатерина, прежде чѣмъ пуститься въ путь! Въ ея отсутствіе Павелъ хотѣлъ жить въ Петергофѣ, но она назначили ему резиденціей Царское Село, потому что здѣсь къ дворцу ведетъ одна единственная дорога, которую нетрудно было охранять, между тѣмъ какъ къ Петергофу былъ легкій доступъ, какъ съ суши, такъ и съ моря. Въ Царскомъ Селѣ днемъ и ночью должны были стоять наготовѣ кареты, а на извѣстныхъ разстояніяхъ запасныя лошади для того, чтобы при первомъ признакѣ какого-либо движенія въ Петербургѣ, Павла можно было отправить въ Ливонію. Сверхъ того, Екатерина позаботилась объ удаленіи изъ столицы всѣхъ тѣхъ, безпокойной природы которыхъ она опасалась: княгиня Дашкова получила предписаніе держаться болѣе, чѣмъ за двѣсти верстъ отъ города. Иператрица сдѣлала больше того: она разбила между Нарвой и Ревелемъ лагерь, гдѣ 30000 человѣкъ, подъ командой Румянцева, должны были быть наготовѣ по первому сигналу пойти къ Петербургу. [1])

---

[1]) Affaires étrangères, vol. LXXV и LXXVI; Bérenger, 20 марта, 19 іюня, 10 іюля 1764 г. Сборникъ Рус. Истор. Общества т. CIX, депеша Лобковича Кауннцу.

Во время этого путешествія Екатерины въ Ливонію, именно 15 іюля 1764 г., скончался насильственной смертью въ тюрьмѣ соперникъ, котораго императрица боялась, пожалуй, не меньше, чѣмъ великаго князя Павла, Иванъ Брауншвейгскій. Какъ передаютъ разсказы, одинъ офицеръ, по фамиліи Мировичъ, увлекши за собой нѣсколькихъ гвардейскихъ солдатъ, пытался освободить несчастнаго князя, котораго онъ признавалъ за законнаго царя. Заговорщики взломали ворота крѣпости и уже готовы были проникнуть въ камеру Ивана, какъ были остановлены кровавымъ зрѣлищемъ, заставившимъ ихъ отступить назадъ: трупъ молодого князя лежалъ у ихъ ногъ. Повинуясь приказу, стража поспѣшила скорѣе убить узника чѣмъ допустить его побѣгъ [1]).

По мнѣнію, наиболѣе распространенному, Екатерина сама заранѣе предопредѣлила весь ходъ этой драмы, нападеніе на крѣпость, равно какъ и убійство Ивана VI.

Обвиненіе императрицы въ участіи въ этомъ преступленіи основывается на томъ, что она была явно заинтересована въ его учиненіи.

Иванъ, какъ мы сказали, былъ ея опаснымъ соперникомъ. Онъ уже царствовалъ и его права на царскій престолъ не подвергались сомнѣнію въ глазахъ народа. Онъ имѣлъ горячихъ сторонниковъ. Множество русскихъ относилось съ глубокой враждебностью къ дѣлу Петра Великаго и сожалѣло о временахъ первыхъ Романовыхъ; свою ненависть къ царю-реформатору они простирали на его потомство, вплоть до цесаревича Павла.

За то молодой князь Иванъ, въ которомъ текла кровь не Петра I, а его брата Ивана Алексѣевича, былъ предметомъ ихъ расположенія и надеждъ.

Они возмущались тѣмъ, что Екатерина обращается

---

[1]) Валишевскій, Романъ императрицы.

съ нимъ хуже, чѣмъ Елизавета: его содержаніе было сокращено въ 1762 г. до 50 коп. въ день. [1]) Имъ хотѣлось вызвать взрывъ національнаго чувства въ пользу заключеннаго въ Шлиссельбургѣ. Напрасно Екатерина распускала слухъ о томъ, что долгое заключеніе помрачило разумъ Ивана: сторонники князя не складывали оружія. Мысль купить свой покой цѣной преступленія должна была рано или поздно сложиться въ умѣ Екатерины и овладѣть ею.

Вполнѣ естественно, что такой смѣлый шагъ, какъ убійство Ивана VI, поразилъ ужасомъ народъ, привыкшій почитать власть, опирающуюся на силу. Петербургъ былъ терроризованъ строгостями. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль можно было обмѣниваться другъ съ другомъ только жестами или взглядами; каждый слѣдилъ за выраженіемъ своего лица и словами; для иностранцевъ былъ закрытъ доступъ въ дома. [2])

Въ уединеніи Царскаго Села великій князь Павелъ съ тревогой ждалъ возвращенія своей матери. Не было никого, кто бы не дрожалъ за жизнь этого несчастнаго князя, безъ сомнѣнія, осужденнаго на ту же участь, какъ и Иванъ VI. «Государыня, разсуждалъ одинъ дипломатъ, начала съ того, что отдѣлалась отъ своего мужа; продолжала свои злодѣйства убійствомъ князя Ивана и закончитъ ихъ лишеніемъ жизни собственнаго сына, обнаруживающаго наклонности, которыя съ возрастомъ и развитіемъ будутъ становиться все болѣе опасными. Наши Брунегильды и Фредегонды никогда не осквернили бы себя столькими преступленіями». Чтобы произвести болѣе сильное впечатлѣніе на своихъ подданныхъ, императрица не спѣшила съ возвращеніемъ въ взволно-

[1]) Affair. étrang. vol. LXXVI; Berenger, 27 іюля 1764 г.

[2]) Affair. étrang. vol. LXXVI; Berenger, 31 іюля 1764 г.

ванную столицу и возвращалась изъ Ливоніи, не торопясь, съ высоко поднятой головой. [1])

Ея спокойствіе продолжалось однако недолго. Оппозиція, притаившаяся послѣ событія 15 іюля 1764 г., не замедлила снова показать себя. Явная или скрытая, исчезнуть она не могла. Никогда не было правительства, которое удовлетворяло бы всѣхъ.

Реформы Екатерины создавали много недовольныхъ, особенно среди дворянъ. [2]) Иванъ умеръ и всѣ его сторонники объединились вокругъ Павла. Старые царедворцы Елизаветы, которыхъ временные фавориты съ надменностью заставляли гнуть передъ собой спину, заключили тайный союзъ противъ императрицы; они старались даже привлечь на свою сторону иностранныхъ пословъ и въ своихъ проискахъ не всегда останавливались передъ измышленіями. Министру Франціи де Боссэ они дѣлали прозрачные намеки относительно своихъ намѣреній и того содѣйствія, котораго они ждали извнѣ. [3])

Недовольство дворянства сообщилось и духовенству. Бѣлое и черное духовенство сожалѣло о временахъ богомольной Елизаветы, которая покровительствовала ему и давала возможность обогащаться. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1765 г. митрополитъ Ростовскій пересталъ поминать имя императрицы при богослуженіяхъ и убѣждалъ свою паству молиться за великаго князя, единственнаго законнаго государя имперіи. [4]) Повсюду наблюдались признаки броженія.

---

[1]) Id т. LXXVI; Bérenger, 31 іюля и 7 сен. 1764 г.

[2]) Дворяне, писалъ прусскій посланникъ Сольмсъ, чувствовали себя лучше въ предшествующія царствованія, тогда страдалъ только простой народъ. Дворяне дѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы воспрепятствовать добрымъ намѣреніямъ императрицы. (Архивъ Берлина, письмо 24 марта 1763 г.).

[3]) Affair. étrang. vol. LXXIII. маркизъ Боссэ. 21 окт. 1765

[4]) Ld т. LXXVII; Bérenger, 5 февраля 1765 г.

Три года спустя послѣ своего восшествія на престолъ, Екатерина не чувствовала себя въ большей безопасности отъ революціи, чѣмъ въ первый день царствованія. Она старалась показать большую рѣшительность, но не безъ смущенія замѣчала, какъ сынъ становится ей на пути. «Она не перестаетъ дрожать», писалъ одинъ дипломатъ, немного правда сгущавшій краски... «Недовѣрчивость дѣлаетъ ее несправедливой. Никто не огражденъ отъ подозрѣній, ее тревожитъ не только каждое даже незначительное неблагопріятное проявленіе, но часто у нея возникаютъ сомнѣнія столь же невѣроятныя, какъ и неосновательныя" [1])

Изъ сообщаемаго де Боссэ случая видно, что Екатерина съ минуты на минуту ожидала вспышки въ своемъ собственномъ домѣ. Вечеромъ 9 іюля 1766 г. въ Петергофѣ императрица удалилась въ свои покои, глубоко взволнованная сценой, разыгравшейся между нею и сыномъ. Павелъ отказался принять участіе въ придворномъ ужинѣ и праздновать годовщину восшествія на престолъ. Послѣ того, какъ императрица легла спать, ея любимая горничная, калмычка, пошла прогуляться въ дворцовый паркъ вѣроятно для того, чтобы помечтать при звѣздахъ. Вдругъ послышались пронзительные крики. Часовые подняли тревогу. Изъ сада шумъ долетѣлъ до внутреннихъ покоевъ. Императрица проснувшись, вообразила, что на нее совершаютъ покушеніе: мѣсто и день напоминали событіе 1762 г. Она дала знать Орловымъ, и тѣ тотчасъ же верхомъ въ полномъ вооруженіи исколесили весь паркъ. Придворные поспѣшили въ помѣщеніе Павла, чтобы удостовѣриться относительно его. Другіе съ обнаженными шпагами обыскивали дворецъ и воспользовались случаемъ проникнуть въ комнаты фрейлинъ, къ которымъ были нерав-

---

[1]) Affair. étrang. т. LXXVII; Bérenger. 9 апр. 1765.

нодушны. Въ концѣ концовъ оказалось, что причиной всеобщей тревоги было ни болѣе не менѣе, какъ посягательство одного изъ лакеевъ на красивую калмычку, ея сильное сопротивленіе и крики. Лакей дорого поплатился за испугъ, причиненный императрицѣ: ему дали 101 ударъ кнута, вырѣзали ноздри и сослали на каторгу. [1]).

Страхъ, внушаемый Екатеринѣ Павломъ, побудилъ ее въ 1765 г. создать своеобразный планъ. Извѣстно, что, когда послѣ смерти Августа III оказался свободнымъ польскій престолъ, Екатерина замѣстила его однимъ изъ своихъ прежнихъ любовниковъ, Станиславомъ Понятовскимъ. Ей приходила мысль вступить въ бракъ съ новымъ королемъ, хотя свою привязанность она уже давно перенесла на другихъ. Этотъ бракъ устраивалъ ей благородное отступленіе. Если бы накопившаяся противъ нея ненависть, наконецъ, прорвалась, то чтобы спасти себя отъ насильственной смерти, она отреклась бы отъ власти, но не для того, чтобы подобно Карлу V удалиться въ монастырь и проводить тамъ свое время за провѣркой часовъ, а для того, чтобы управлять Польшей вмѣстѣ съ своимъ супругомъ. Этотъ планъ былъ особенно по душѣ Панину: онъ обольщалъ себя надеждой, что этотъ бракъ будетъ имѣть ближайшимъ послѣдствіемъ отреченіе Екатерины и вступленіе на престолъ Павла. Пріятная перспектива для человѣка, который ежедневно упрекалъ себя за то, что такъ слабо оградилъ въ 1762 году права великаго князя и такъ плохо обезпечилъ собственные интересы! Панинъ побуждалъ своего племянника Репнина, бывшаго тогда представителемъ Россіи въ Польшѣ, проникнуться его планами и сдѣлать соотвѣтствующія предложенія королю

---

[1]) Affair. ètrang. vol. LXXIX, Beausset 18іюля; депеша, цитированная Валишевскимъ.

Станиславу. Но дѣла Польши приходили въ разстройство и избранникъ Екатерины разошелся съ ней. [1])

Вдова Петра III сама отказалась отъ плана этого брака и такимъ образомъ закрыла единственный остававшійся ей выходъ. Мужественно смотрѣла она въ лицо опасностямъ, которыя представлялъ для нея Павелъ и старалась ихъ предотвратить. Она смѣстила губернаторовъ, казавшихся ей подозрительными своими симпатіями къ цесаревичу, и замѣнила ихъ вѣрными людьми, которыхъ ей указали Орловы. [2])

Она собралась отправиться на долгое пребываніе въ старую Москву, гдѣ броженіе было еще замѣтнѣе, чѣмъ въ Петербургѣ: „она разсчитываетъ, что ея присутствіе внушитъ страхъ, а вниманіе и привѣтливость, которыя она будетъ оказывать, очаруютъ и успокоятъ недовольныхъ“ [3]) Она заявила о намѣреніи увезти великаго князя, а друзья ея распространили слухъ, что въ Москвѣ Павелъ Петровичъ будетъ коронованъ и пріобщенъ къ престолу. Народъ повѣрилъ въ близкое осуществленіе самыхъ дорогихъ своихъ пожеланій и держался спокойно.

Екатерина и Павелъ отправились въ Москву въ началѣ 1767 г. Императрицѣ не оказали хорошаго пріема: о ней говори съ горечью и недоброжелательствомъ; по временамъ поднимались волненіе и ропотъ. О коронованіи Павла не было, разумѣется, и рѣчи. Если бы Екатерину стали принуждать, она навѣрное отвѣтила бы, какъ и въ 1764 г.: «Чего опасаются? Престолъ принадлежитъ мнѣ. Неужели сомнѣваются, что я не позабочусь о благѣ своихъ под-

---

[1]) Affair. ètrang. vol. LXXVII; Bèrenger, 19 февраля 1765 Duchesse d' Arbantès, Catherine II, стр. 149.

[2]) Affair. ètrang. vol. LXXVIII; Béausset 20 августа 1765 г.

[3]) Id. vol. LXXIX. Beausset, 22 апрѣля 1766 г.

данныхъ, когда придетъ на то время»? [1]) Она оставила Москву, не завоевавъ симпатійея жителей. Больной Павелъ не могъ слѣдовать за ней; она разрѣшила ему отсрочить возвращеніе и оставила въ Москвѣ на попеченіи Орловыхъ. Послѣ отъѣзда императрицы населеніе спѣшило выразить свои чувства къ великому князю и даже Орловы были не въ силахъ заставить народъ молчать. Въ день отъѣзда Павла восторженная толпа радостно привѣтствовала его. [2])

Заслуживаетъ вниманія положеніе, которое при этихъ обстоятельствахъ занялъ графъ Панинъ. Однажды московскіе дворяне сдѣлали попытку подойти къ нему и открыть ему свое желаніе объ отреченіи императрицы.

Вмѣсто того, чтобы выслушать ихъ пожеланія, онъ отвѣтилъ имъ, «что великій князь еще слишкомъ молодъ для самостоятельнаго управленія и нуждается въ урокахъ своей матери». При этомъ онъ превозносилъ благодѣтельное управленіе Екатерины къ великому удивленію его собесѣдниковъ, не ожидавшихъ ничего подобнаго. Въ другой разъ толпы народа, ожидавшія Павла на его пути, сдѣлали ему восторженный пріемъ; Панинъ сдержалъ народное ликованіе, онъ напомнилъ народу объ обязанностяхъ его по отношенію къ императрицѣ и призывалъ его къ повиновенію. [3])

Какую же роль игралъ, начиная съ 1762 года, графъ Панинъ, находившійся между матерью и сыномъ, обязанный служить двумъ господамъ и представлявшій, какъ его изображаютъ, далеко не заурядную личность? Имѣется возможность выяснить это. Человѣкъ, по существу своему глубоко честный и всецѣло проникнутый сознаніемъ своихъ

---

[1]) Affaires étrang. vol LXXVII: Bérenger, 7 авг. 1764 г.

[2]) Id vol. LXXXII, fol 113; Rossignol,. 19 марта 1768 г.

[3]) Тамъ же.

обязанностей по отношенію къ Павлу, Панинъ стыдился того, что далъ возможность Екатеринѣ захватить престолъ въ ущербъ своему воспитаннику. Но отсюда до направленія народнаго раздраженія на тронъ императрицы, отъ искренняго сознанія своихъ ошибокъ до твердаго намѣренія исправить ихъ какой бы то ни было цѣной была цѣлая пропасть, переходъ которой былъ совершенно недоступенъ для мягкаго и осторожнаго Панина. Графъ былъ совершенно лишенъ способностей агитатора. Свой покой онъ любилъ больше Павла и въ силу своей безпечности и оптимизма предоставлялъ событіямъ идти своимъ чередомъ. Рѣшительные люди, которые побуждали его попытаться произвести переворотъ, не имѣли успѣха: его отпугивала ихъ дерзость, которой онъ совершенно не чувствовалъ въ себѣ. [1])

Его боязливость сослужила ему большую службу въ глазахъ Екатерины. Она была очень довольна тѣмъ, что сынъ ея находится въ рукахъ слабаго, нерѣшительнаго человѣка, неспособнаго дать толчокъ революціонному движенію. Она не долюбливала Панина, но держалась его и щадила; она даже заботилась о его карьерѣ, сдѣлавъ его министромъ: сытый человѣкъ не будетъ мечтать о перемѣнѣ царствованія. Она возлагала на него кой-какія обязанности, хотя онъ удѣлялъ меньше времени для государственныхъ дѣлъ, чѣмъ для сна, нарядовъ и женщинъ; она сознавала его умственную лѣнь, но дѣлала видъ, что очень высоко цѣнитъ его опытность. Она раскрывала для него свой кошелекъ и ежегодно къ Пасхѣ дарила 20,000 или

---

[1]) По словамъ прусскаго посланника мысль о томъ, чтобы избавить Россію отъ новаго потрясенія брала верхъ у Панина надъ всѣми остальными соображеніями: „я считаю его за слишкомъ хорошаго патріота для того, чтобы предположить въ немъ желаніе безъ крайней нужды подвергнуть свое отечество новому потрясенію. (Архивы Берлина, reposit XI, 3 мая 1764 г.)

30.000 руб. Наконецъ, она защищала его отъ Орлова, поддерживая равновѣсіе между фаворитомъ и министромъ, находившихся постоянно въ скрытой враждѣ и строившихъ въ тихомолку другъ другу козни. Однажды она приняла даже сторону Панина. Въ доказательство своего расположенія къ нему, Екатерина добилась согласія на бракъ съ нимъ г-жи Шереметьевой, богатой наслѣдницы, которая уже давно приковывала къ себѣ взоры одного изъ братьевъ Орловыхъ. Панинъ осуществилъ бы дорогія для него мечты, если бы не внезапная смерть дѣвушки. [1]) Онъ нисколько не заблуждался относительно значенія милостей Екатерины: «Я меньше нуждаюсь въ ней, чѣмъ она во мнѣ», разсуждалъ онъ. Ироническая улыбка мелькнула на его губахъ, когда Орловы поторопились оповѣстить дворъ о предстоящей отставкѣ Панина. «Чтобы ни дѣлали, говорилъ онъ аббату Гюйо, я умру возлѣ молодого князя». [2]) Въ глазахъ народа Панинъ былъ единственной гарантіей безопасности великаго князя. Лишить его роли наставника значило вызвать цѣлую бурю.

Ладить со множествомъ людей, бороться съ предубѣжденіями, успокаивать недовольство, тратить свой умъ, созданный для повелѣній, на то, чтобы убѣждать и обольщать, все это было для императрицы тяжело и унизительно. По мѣрѣ того, какъ росла въ ней гордость, увеличивалась и раздражительность, вызываемая народнымъ ропотомъ. Ея силы были парализованы. Эта высокая женщина считала себя обреченной ежедневно сгибать спину, чтобы проходить сквозь низкія двери: она при этомъ какъ бы сгибалась и душой. «Она состарилась на десять лѣтъ и имѣетъ видъ пятидесятилѣтней женщины» писалъ въ 1769 г. одинъ

---

[1]) Валишевскій, Вокругъ трона, стр. 8.

[2]) Affaires étrangères, vol. LXXXI, fol. 234; аббатъ Гюйо, 15 іюля 1767 г.

дипломатъ, доставлявшій ей безпокойство, можетъ быть, больше всѣхъ другихъ. «Впечатлѣніе, которое могутъ произвести ея неудачи на народъ, отличающійся непостоянствомъ и по природѣ своей склонный къ возмущенію, свѣдѣнія, которыя она имѣла о настроеніи умовъ на основаніи рѣчей гвардейскихъ офицеровъ, непреклонность ея характера, не позволяющая подчиниться неумолимому закону событій, все это отдаетъ ее во власть тревогъ, отъ которыхъ она тщетно старается избавиться». [1])

Императрица считала Павла виновникомъ смутъ, въ которыя ей пришлось окунуться съ самаго начала своего царствованія. Она не могла упрекнуть князя, еще слишкомъ юнаго для того, чтобы воодушевить своихъ сторонниковъ, ни за одинъ открытый враждебный актъ. Но она ставила ему въ вину то, что народъ жалѣлъ его, любилъ, считалъ героемъ, что ради него оказывали противодѣйствіе ей. Она искренно была убѣждена, что безъ него не было бы оппозиціи, которая, быть можетъ, больше раздражала ее, чѣмъ представляла дѣйствительную опасность. Скоро она стала смотрѣть на Павла скорѣе, какъ на врага, чѣмъ на сына. Екатерина, какъ извѣстно, была прежде всего императрицей. Въ глубинѣ ея помысловъ и чувствъ, въ ея симпатіяхъ и ненависти можно всегда найти политику, единственный двигатель ея жизни. Умъ правительницы руководилъ сердцемъ женщины.

Этотъ выводъ является однимъ изъ наиболѣе обоснованныхъ въ работахъ Валишевскаго о Екатеринѣ Великой. Екатерина легко отдавала свою любовь вѣрнымъ слугамъ своего трона, виновникамъ ея карьеры и славы, хотя бы они и не отличались родовитостью и красотой. Но она не считала нужнымъ удѣлить даже немного нѣжности сыну,

---

[1]) Affaires étrangères, vol. LXXXIV; Sabatier de Cabres, 1 тября 1769 г.

который причинялъ ей безпокойство и стоялъ у ней на дорогѣ. Если чувство привязанности и существовало когда-нибудь между Екитериной и Павломъ, то слѣды его постоянно исчезали, чтобы уступить мѣсто явной холодности у одной и едва прикрытой озлобленности у другого. «Государыня, говорилъ Сабатье де Кабръ, въ обращеніи со своимъ сыномъ всегда принимаетъ видъ и тонъ императрицы; къ этому присоединяется сухость и обидное невниманіе, которыя такъ возмущаютъ молодого князя... и князь чувствуетъ себя передъ ней, какъ передъ судьей». Они рѣдко видались: взаимное недовѣріе отдѣляло ихъ другъ отъ друга. Это отчужденіе создавалось постепенно, безъ какого-либо крутого разрыва.

II.

Великій князь Павелъ представляется намъ какъ бы центромъ, вокругъ котораго вращались всѣ недовольные элементы, съ которыми связываются всѣ смутныя чаянія въ первое время царствованія Екатерины. За всѣми придворными интригами и кознями чувствовалось его присутствіе. Но пока мы еще не успѣли, какъ слѣдуетъ, познакомиться съ княземъ; мы видѣли его мелькомъ, недостаточно ясно. Пора выдвинуть его на сцену и заняться изученіемъ его личности.

Въ наружности Павла недоставало представительности. Онъ былъ малъ ростомъ и довольно нескладенъ; черты лица были неправильны, скулы выдавались, носъ былъ широкъ и приплюснутъ, но весь его обликъ оживлялся полными огня глазами. Во всей фигурѣ пятнадцатилѣтняго великаго князя, нервной и подвижной, чувствовалась грація молодого дикаго животнаго. Почти всѣ кто зналъ Павла въ его юные годы, признавали въ немъ хорошія качества души, врожденное благородство, прямоту помысловъ. Его несчастьемъ было то,

что онъ родился гордымъ и имѣлъ тонкую, очень воспріимчивую натуру, словомъ былъ надѣленъ всѣмъ, что дѣлало его способнымъ къ страданіямъ. Почти всегда онъ испытывалъ стѣсненіе и былъ недоволенъ собой. Душа его была подавлена воспоминаніями, неразрывно связанными съ зарей его ранняго дѣтства; у него были больныя мѣста, указать которыя онъ, быть можетъ, былъ не въ состояніи, но которыя угнетали его, озлобляли, томили и раздражали его. Событія 1762 г. отразились на немъ сильнѣе, чѣмъ онъ это сознавалъ, и съ этихъ поръ, незамѣтно для него самого, отрава проникла въ его кровь и время отъ времени вызывала въ немъ приливы злобы.

Онъ былъ угрюмъ, недовѣрчивъ и придирчивъ. Онъ почиталъ дѣломъ чести не допускать проявленія своихъ благородныхъ чувствъ. Ему доставляло скрытое наслажденіе создавать вокругъ себя пустыню и въ этомъ уединеніи сердиться.

И тѣмъ не менѣе въ глубинѣ своей души, онъ испытывалъ робкое, но сильное желаніе быть любимымъ, встрѣтить сочувствіе,—стыдливое желаніе бѣдняка, протягивающаго руку прохожему. [1])

Онъ былъ легко возбудимъ и въ то же время разсудителенъ; онъ увлекался, потомъ одумывался и одобрялъ, или порицалъ свои порывы. Но чувства у него всегда преобладали надъ разсудкомъ.

«У него умная голова, писалъ одинъ изъ его учителей, Эпинусъ, только она такъ устроена, что держится какъ бы на волоскѣ. Порвись этотъ волосокъ, вся машина испортится и тогда прощай разсудительность и здравый смыслъ!». [2]) Павелъ былъ не способенъ къ усидчивости, къ продолжительной работѣ и строгому порядку.

---

[1]) La Gour de Russie стр. 250.

[2]) Русскій Архивъ, 1871, IV.

Онъ не умѣлъ ни возстановить разрушенное, ни предпринявъ что-либо новое, продолжить его безъ того, чтобы внезапный приливъ раздраженія или порывъ очень живого воображенія не остановили или даже не уничтожили плодовъ повседневныхъ усилій. Подобно Герцогу Бургундскому, онъ могъ бы себя узнать въ портретѣ Меланфа, въ которомъ Фенелонъ изобразилъ черты своего высокаго питомца: «Какое несчастье приключилось съ Меланфомъ? Извнѣ—никакого, все—въ немъ. Вчера онъ легъ отрадой человѣческаго рода; сегодня утромъ—за него стыдно, его надо прятать. При вставаніи ему не понравилась складка на носкѣ; весь день будетъ бурный и всѣ будутъ отъ этого страдать; онъ возбуждаетъ страхъ и состраданіе; онъ плачетъ, какъ ребенокъ, и рычитъ, какъ левъ... Это странное настроеніе уходитъ такъ же, какъ и пришло; когда оно находило на него, то казалось будто ослабѣвала пружина у машины; его разсудокъ мѣшался, это было олицетвореніемъ безумства». Къ чести Павла слѣдуетъ сказать, что онъ прекрасно отдавалъ себѣ отчетъ въ своихъ недостаткахъ и старался ихъ побороть. Въ одну изъ его добрыхъ минутъ онъ послалъ трогательное признаніе своему другу Разумовскому, которое заканчивалось такъ: «Никакихъ химеръ, никакихъ безпокойствъ; ровность поведенія—вотъ мой планъ. Я буду счастливъ, если мнѣ удастся осуществить свое намѣреніе». [1])

Въ августѣ мѣсяцѣ 1762 г. Екатерина просила д'Аламбера взять на себя воспитаніе ея сына. Холодный геометръ сумѣлъ бы такъ, какъ никто подчинить юнаго цесаревича нравственной дисциплинѣ, выправить его характеръ путемъ воспитанія ума. Кто знаетъ, спрашиваетъ историкъ, чѣмъ бы могъ сдѣлаться въ такихъ рукахъ князь, во всякомъ случаѣ богато одаренный приро-

---

[1]) Васильчиковъ, Разумовскіе, т. II.

дой, характеръ котораго портился отъ окружающей обстановки, а быть можетъ и вслѣдствіе роковой наслѣдственности»? [1])

Екатерина предлагала д'Аламберу 50000 руб. содержанія. По примѣру Діогена философъ отказался покинуть свою бочку. Она вновь убѣждала его въ письмѣ, написанномъ собственноручно. [2]) «Быть рожденнымъ или призваннымъ, говорила она ему, для того, чтобы содѣйствовать счастью и даже просвѣщенію цѣлаго народа и отказываться отъ этого, по моему мнѣнію, значитъ отказываться дѣлать добро, которое присуще Вашему сердцу». И Екатерина приглашала его пріѣхать со всѣми его друзьями, съ которыми ему трудно было бы разстаться [3]).

Ея лестныя и настоятельныя просьбы не имѣли успѣха, равно какъ и великолѣпныя условія. Въ салонѣ своего стараго друга, г-жи де Деффанъ, д'Аламберъ встрѣтилъ юную дѣвушку, какъ и онъ, сироту и безъ имени, съ изящными манерами и тонкимъ умомъ—Юлію де Леспинасъ; онъ втайнѣ, но страстно полюбилъ ее и не могъ оторваться отъ своей полной прелести привязанности. [4])

Онъ извинился передъ Екатериной, говоря, что онъ могъ бы сдѣлать изъ князя только порядочнаго геометра, но что отъ геометра еще далеко до великаго императора. Съ друзьями же онъ шутилъ по поводу этого

---

[1]) Rambaud, Catherine II et ses correspondants françaises. Revue des deux mondes, 15 января 1877 г.

[2]) „Императрица пишетъ нынче д' Аламберу, чтобы предложить ему новыя приманки; она проситъ у него наставленія для воспитанія князя".

Affaires etrang. vol. LXXVI; Bérenger, 2 октября 1764 г.

[3]) D'Alambert, Oeuvres philosophiques, historiques et. litteraires, XXXIV стр. 23.

[4]) См. Marquis de Ségur Julie de Lespinasse.

приглашенія довольно грубо: «Знаете-ли, писалъ онъ Вольтеру, что мнѣ, не имѣющему чести быть іезуитомъ, предложили воспитаніе русскаго великаго князя? Но я слишкомъ подверженъ припадкамъ гемороя, которые очень опасны въ этой странѣ, а я хотѣлъ бы болѣть этимъ недугомъ въ полной безопасности» [1]).

Три года спустя, Фридрихъ II поздравлялъ его по поводу того, что онъ устоялъ передъ приглашеніями въ Россію. «Здѣсь (въ Потсдамѣ) находится одинъ курляндскій баронъ, двадцать лѣтъ проведшій въ Сибири; послѣ того, что онъ поразсказалъ, ни у кого нѣтъ охоты туда отправиться и я полагаю, что Вы не ошиблись въ разсчетахъ, отказавшись приблизиться къ такому сосѣдству». [2])

Обращеніе Екатерины къ д'Аламберу вызвано было не заботой о томъ, чтобы отдать Павла въ руки хорошаго учителя, но главнымъ образомъ желаніемъ войти въ міръ энциклопедистовъ, вызвать одобреніе аристократовъ мысли, короче говоря, заставить говорить о себѣ. Тутъ было задѣто ея тщеславіе. Ей хотѣлось, чтобы ее восхваляли въ антресоляхъ дворца Мазарини и чтобы Вольтеръ могъ написать Дидро: «Франція преслѣдуетъ философовъ, а скифы имъ покровительствуютъ». Екатерина не прилагала стараній найти другого учителя для великаго князя, который, за отказомъ д'Аламбера, могъ бы заняться его образованіемъ. Въ Петербургѣ и Парижѣ ходилъ слухъ, что она обращалась къ Дидро, Мармонтелю, къ поэту Сорэну, получившему извѣстность своей трагедіей «Спартакъ». Посланникъ Беранже выражалъ

---

[1]) Voltaire, Oeuvres complètes (Paris 1841) т. X, стр. 588. Какъ извѣстно, манифестъ Екатерины II выставлялъ причиной смерти Петра III—„геморроидальныя колики".

[2]) Фридрихъ Великій, сочиненія XXIV, стр. 397, письмо отъ 24 марта 1765 г.

уже опасеніе, „какъ бы изъ Франціи не увезли всѣхъ знаменитыхъ людей“. [1])

Нѣсколько лѣтъ спустя, поднимался вопросъ о Мельхіорѣ Гриммѣ, этомъ издателѣ газеты и царедворцѣ, который сумѣлъ втереться въ довѣріе императрицы. Въ 1773 г. Дидро встрѣтилъ Гримма въ Петербургѣ. Онъ расточалъ свой пылъ по адресу того, кого называлъ „маркизомъ“, въ виду его тщеславія и свѣтскихъ претензій; неумѣренно жестикулируя, Дидро всюду заявлялъ къ удовольствію двора: «въ качествѣ наставника великаго князя нуженъ не такой человѣкъ, какъ д'Аламберъ; не д'Аламбера надо было приглашать, а Гримма, Гримма!» [2])

Гриммъ все-таки не былъ приглашенъ къ Павлу, но впослѣдствіи онъ одно время служилъ наставникомъ другого сына Екатерины—Бобринскаго.

Екатерина предоставила воспитаніе сына графу Панину. Не потому ли она устраняла себя отъ участія въ воспитаніи сына, что слѣдуя идеямъ Руссо, хотѣла удалить ребенка отъ человѣческаго общества, отъ общества дѣтей и даже отъ семьи? Такое предположеніе возможно. Слѣдуетъ замѣтить, что *Общій Регламентъ для воспитанія дѣтей обоего пола,* составленный въ 1764 г. Бецкимъ, подъ диктовку императрицы, написанъ подъ вліяніемъ Жанъ Жака, подобно тому, какъ позднѣе съ Монтескье и Беккаріи взяли контрибуцію для знаменитаго Наказа 1767 г. Регламентъ рекомендуетъ удалять ребенка изъ его естественной среды, изъ общества, семьи и до 20 лѣтъ держать въ узкомъ кругу, гдѣ бы онъ развивался самъ по себѣ, огражденный отъ всякаго внѣшняго вліянія. Принимая рѣшеніе воспитывать Павла по образцу Эмиля, Екатерина слѣдовала лишь своимъ собственнымъ планамъ.

---

[1]) Affaires etrang. vol LXX, fol. 154; Berenger 13 авг. 1762 г.

[2]) Diderot, Oeuvres (édit. Assézat), t. XX, p. 140.

Только Панинъ не былъ созданъ для того, чтобы быть наставникомъ Эмиля. Эмилю нуженъ былъ учитель, который бы исключительно посвятилъ себя своему питомцу, укрывалъ его отъ постороннихъ взоровъ; наставникъ безкорыстный, религіозный, благочестивый, врагъ свѣта и притомъ мудрый. У Панина же было слишкомъ много дѣлъ въ головѣ и государственныхъ, и сердечныхъ для того, чтобы еще оказывать на цесаревича Павла постоянное и исключительное вліяніе. [1])

Не настолько заботливый, чтобы всецѣло отдаться воспитанію сына Екатерины, Панинъ возложилъ это дѣло на нѣсколькихъ учителей. Остервальдъ преподавалъ исторію, географію и главнѣйшіе европейскіе языки; архимандритъ Платонъ—священную исторію; Семенъ Порошинъ — ариѳметику и геометрію; Грековъ — рисованіе; Гранже—танцы. Когда Павлу минуло 14 лѣтъ, Тепловъ сообщилъ ему нѣкоторыя понятія объ образѣ правленія и администраціи и познакомилъ съ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ. Уроки этихъ учителей были сухи и педантичны. Вмѣсто того, чтобы давать изучать предметы самому ученику, лишь немного помогая ему при этомъ, какъ хотѣлъ того Руссо, они думали только о томъ, чтобы заразъ напичкать его всевозможными науками. Если бы еще каждый педагогъ преподавалъ ему въ опредѣленный, установленный часъ. Но нѣтъ! Всѣ наперерывъ желали обучать великаго князя и какъ можно дольше держать въ своихъ рукахъ.

Павелъ учился кое-какъ и безпорядочно. Внушить цесаревичу отвращеніе къ тому, чему его учили,—такова, казалось, была задача, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ его на-

---

[1]) „Панинъ былъ добрякъ. Онъ никогда никому не вредилъ сознательно. Его главные интересы: это нѣга, сонъ, сплетни и женщины“. (Affaires étrangères, т. XCII, fol. 9; Durand, 4 мая 1773

ставниковъ. Основательно или нѣтъ, они вообразили, что лучшимъ средствомъ заручиться милостью Екатерины, это не развивать Павла и не пробуждать въ немъ интереса къ вопросамъ управленія. Руководящимъ правиломъ для нихъ было, повидимому, только „показывать видъ обученія, а въ дѣйствительности отбивать всякую охоту къ ученію". Эти своеобразные учителя стремились къ тому, чтобы нагнать на Павла непомѣрную скуку и добивались того, чтобы онъ посылалъ къ черту какъ ихъ самихъ, такъ и книги. Теплову это удавалось, какъ нельзя лучше. Этотъ человѣкъ, «еще болѣе низкій по своимъ убѣжденіямъ, чѣмъ по своему происхожденію», [1]) принималъ, говорятъ, участіе въ убійствѣ Петра III. Онъ былъ вполнѣ преданъ Екатеринѣ. Въ качествѣ преподавателя политическихъ наукъ онъ очень опасался заинтересовать и подготовить великаго князя къ управленію государственными дѣлами. Онъ являлся съ огромными папками, гдѣ находились старыя дѣла, рѣшенныя Сенатомъ. Время за урокомъ проходило въ перелистываніи этихъ дѣлъ, покрытыхъ плѣсенью. Хитрый Тепловъ подстерегалъ выраженіе скуки на лицѣ своего ученика. И ему легко удалось отбить любознательность у Павла. Князь разсердился, отослалъ Теплова и больше и слышать не хотѣлъ о правѣ, политикѣ или управленіи. Екатерина была вполнѣ удовлетворена. [2])

Павелъ мало извлекъ пользы отъ такой системы обученія, которая нисколько не имѣла въ виду очистить путь къ источнику знанія. Болѣе охотно Павелъ, повидимому, занимался изученіемъ языковъ, чему могло способствовать отсутствіе риска навлечь недовольство Екатерины; онъ основательно изучилъ нѣмецкій и французскій языки и его любимымъ развлеченіемъ было декламировать стихи Кор-

---

[1]) La Cour de Russie, стр. 253.

[2]) Helbig, Rüssische Günstlinge, p. 316.

неля и Расина. Не безуспѣшны были также уроки рисованія: въ 1775 г. Павелъ передалъ въ Императорскую академію художествъ свой рисунокъ и просилъ допустить его въ качествѣ «почетнаго любителя» къ работамъ этого учрежденія. [1]) Изъ великолѣпной программы, намѣченной въ ту эпоху для воспитанія принцевъ, Павелъ усвоилъ лишь то, что было для него наиболѣе пріятно. За недостаткомъ существенной пищи для ума, онъ часто предавался мечтаніямъ.

У него было развитое воображеніе и въ часы уединенія, когда онъ самоуглублялся, въ его головѣ роилось много грезъ. Однажды онъ почувствовалъ въ себѣ трепетаніе какихъ-то смутныхъ ожиданій, что-то вродѣ дуновенія счастья. Онъ мечталъ о любви и полюбилъ любовью очень нѣжной, очень чистой, теплой и немного тревожной. Сердце, полное маленькихъ тайнъ, искало кого-нибудь, чтобы довѣрить ихъ. Снисходительная благожелательность Порошина, единственнаго изъ наставниковъ, умѣвшаго успокоительно вліять на его настроеніе, поощряла выливаться этимъ чувствамъ живымъ и естественнымъ потокомъ.

Одна дѣвушка произвела на Павла сильное впечатлѣніе: это была Вѣра Николаевна Чеглокова, одна изъ фрейлинъ императрицы. Онъ встрѣчалъ ее нѣсколько разъ на придворныхъ балахъ, любовался ея граціей и теперь не могъ на нее смотрѣть безъ сердечнаго трепета. Онъ былъ влюбленъ въ нее, но самыя смѣлыя его мечты не шли дальше безкорыстнаго и платоническаго чувства. Мы знаемъ отъ Порошина, какую прелесть имѣло первое пробужденіе чувства у Павла. Юный князь выискивалъ всѣ случаи, чтобы увидѣть Вѣру Николаевну: такъ какъ

---

[1]) Прибавленіе къ „С-Петербургск. Вѣдом.", № 49, напечатанное въ томѣ LXXVII, Affaires étrangères.

она часто располагалась у окна, чтобы смотрѣть на играющихъ въ кегли, то онъ пристрастился къ этой игрѣ. Въ присутствіи этой дѣвушки внезапная робость овладѣвала имъ: мысль бросить на нее взглядъ или передать на балу грушу казалась ему дерзостью. Отъ своихъ встрѣчъ съ Вѣрой, Павелъ сохранилъ самыя нѣжныя воспоминанія и любилъ вызывать ихъ въ своей памяти. Погруженный въ свои сердечныя мечты, онъ проводилъ блаженные часы, наслаждаясь въ воображеніи своимъ скромнымъ маленькимъ счастьемъ. Иногда все послѣобѣденное время онъ проводилъ въ чтеніи *Энциклопедическаго Словаря*, читая и перечитывая слово «любовь» или благоговѣйно подчеркивая буквы имени той, которую любилъ, и соединяя ихъ со своими. [1])

Вмѣсто того, чтобы цѣнить душевную наивность великаго князя, Екатерина старалась, повидимому, придать грязный оттѣнокъ совершенно чистымъ отношеніямъ. Своими намеками, иногда очень смѣлыми вопросами, она пробуждала въ немъ мысли и желанія болѣе страстной любви. Въ театрѣ она въ подробностяхъ расхваливала ему красоту знаменитой актрисы Кадишъ.

Ее очень забавляло, что слова ея вызываютъ въ умѣ великаго князя предположенія, неизвѣстныя ему раньше, которыя, какъ опьяняющій напитокъ, туманили ему голову.

Столь же необдуманно поступала Екатерина, водя сына своего въ Смольный монастырь, большое воспитательное заведеніе для благородныхъ дѣвицъ, русскій Сенъ-Сиръ. Тамъ Павлу было отъ чего состариться въ короткое время. Екатеринѣ пришла странная мысль заставить Павла участвовать въ балетѣ, исполненномъ танцовщицами: при представленіи балета «Галатея и Ацисъ» Павелъ изображалъ бога Гименея и балерины по очереди подходили

---

[1]) Кобеко, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, стр. 40—45.

къ нему съ своими признаніями. Такимъ образомъ Павлу пришлось рано вдохнуть безпокойной пылкой атмосферы, такъ не соотвѣтствовавшей температурѣ его тихой любви къ Вѣрѣ Николаевнѣ. [1])

Если въ такомъ случаѣ Екатерина поступала дурно, то это она дѣлала сознательно. Ей казалось, что если не самымъ честнымъ, то зато самымъ вѣрнымъ для нея средствомъ самозащиты противъ сына было вовлечь его въ веселую жизнь: въ развлеченіяхъ Петербурга наслѣдникъ престола забудетъ о своихъ правахъ. Уполномоченный Версальскаго кабинета г. де Корберонъ, благодаря своей ловкости умѣвшій стоять въ курсѣ всего, что происходило при дворѣ, опредѣленно обвиняетъ Екатерину въ томъ, что она прибѣгала именно къ такимъ преступнымъ пріемамъ и очень рано познакомила великаго князя съ тѣмъ, что онъ нѣсколько напыщенно называлъ «прелестями и цвѣтами сладострастья». [2])

По словамъ другого дипломата, Сабатье де Кабра, Екатерина сама заботливо подыскивала поставщиковъ развлеченій великому князю и сама руководила ихъ поисками, въ результатѣ которыхъ произошли встрѣчи великаго князя съ г-жами де Брюсъ и Чарторижской: «Высоко пристойный характеръ депеши» не позволялъ Сабатье «дѣлать упоминанія объ этихъ шалостяхъ», онъ приберегъ ихъ для частнаго письма г. Жерарду, французскому представителю въ Данцигѣ: «Если вѣрить сплетнямъ интимной придворной жизни, то великій князь вкусилъ съ м-ме де Брюсъ первыя радости любви, о которыхъ ранѣе имѣлъ лишь призрачное и смутное понятіе. Это была сорокалѣтняя женщина, сохранившая слѣды красоты и превосходный характеръ. Она фигурировала еще при

---

[1]) Порошинъ, записки; Кобеко, стр. 39.

[2]) Affaires étrangères, vol. GI, fol. 121; Corberon 9 апр. 1778 г.

безпутномъ дворѣ Петра III; Екатерина II подружилась съ ней или, лучше сказать, сдѣлала ее своей сообщницей. По другимъ свѣдѣніямъ, болѣе правдоподобнымъ и обстоятельнымъ, начало зрѣлости князя было связано съ молодой вдовой, здоровой и свѣжей, фамилія которой будто бы была Чарторижская. При этомъ добавляютъ, что Талызина, жена камергера и любовница Панина..., явилась устроительницей и посредницей во всемъ этомъ предпріятіи, что оно было извѣстно императрицѣ и несомнѣнно было устроено съ ея одобренія». [1])

Одинъ историкъ, правда довольно подозрительный— Кастера, утверждаетъ, будто Павелъ имѣлъ отъ Софьи Чарторижской сына, по имени Семенъ Великій, который служилъ въ русскомъ флотѣ во время войны со Швеціей, былъ посланъ въ Англію для усовершенствованія въ морскомъ дѣлѣ и умеръ у Антильскихъ оотрововъ на англійскомъ фрегатѣ. [2])

Рюльеръ наоборотъ отстаиваетъ нравственную чистоту Павла. Прикомандированный къ миссіи въ Берлинъ въ 1776 г. онъ не разъ имѣлъ случай бесѣдовать съ прусскимъ принцемъ, которому великій князь довѣрялъ всѣ свои тайны молодого человѣка. Нѣсколько грѣшковъ—вотъ все, за что Рульеръ могъ упрекнуть цесаревича, и онъ ставитъ ему въ большую заслугу его полудобродѣтель, потому что вмѣсто того, чтобы повергнуть его, подобно Телемаку въ горестную пучину для спасенія отъ Эвхариса и Калипсо, для него подбирали и старались создать и Эвхарисъ, и Калипсо «для сформированія» его. [3])

Повидимому, Павелъ не далъ себя приручить; онъ не

---

[1]) Affair. étrang. vol. XC, fol. 141; Sabatier de Cabres 7 августа 1772.

[2]) Castéra, Histoire de Catherine II, т. II, стр. 146.

[3]) Affaires etrangères, Prusse, vol. CXCIV fol. 309 Rulhière 15 октября 1776.

обладалъ очень пылкимъ темпераментомъ и никогда не былъ склоненъ къ грубому разврату. Послѣдній не удовлетворилъ бы его; ему нужно было нѣчто болѣе тонкое, болѣе трогательное и меланхоличное. Его инстинктивное чувство деликатности, брезгливости и нравственной чистоты спасали его отъ излишествъ чувственности.

Но раннія увлеченія не прошли для Павла вполнѣ безнаказанно. Его здоровье пострадало. Его считали больнымъ, назначали лишь десять лѣтъ жизни и тѣмъ не менѣе, если бы онъ умеръ, всегда подозрительный дворъ не преминулъ бы указать того, кто держалъ кинжалъ или вливалъ ядъ. Что касается характера его болѣзни, то мы знаемъ уже, что врачи или выдававшіе себя за таковыхъ не были солидарны между собой. Унаслѣдовалъ-ли онъ, дѣйствительно, какую-либо болѣзнь отъ рожденія? Или онъ страдалъ, какъ говорилъ Сабатье, падучей болѣзнью и сильными припадками эпилепсіи? [1])

Ничего нельзя утверждать вполнѣ опредѣленно; несомнѣнно, что онъ отставалъ въ своемъ развитіи. Лѣтомъ 1771 г. онъ перенесъ серьезную болѣзнь. [2]) Опасаясь, не заболѣлъ ли онъ оспой, которая свирѣпствовала въ Москвѣ, Панинъ провелъ три недѣли у его изголовья. Екатерина казалась очень обезпокоенной: «Въ послѣднее же время надѣлала намъ много хлопотъ болѣзнь моего сына, это была простудная лихорадка, которая продолжалась около пяти недѣль. Благодареніе Богу, онъ выздоровѣлъ, осталась только слабость; другіе говорятъ, что эта лихорадка была необходима для роста бороды; я никогда не любила бородъ, но если это правда, то я возненавижу ихъ отъ души». [3])

---

[1]) La Cour de Russie, стр. 282

[2]) Сборникъ, т. XXXVII, стр. 788 и слѣд.

[3]) Id. т. XIII, стр. 141; письмо г-жѣ Бьельке 30 іюля 1771 г.

Едва пробилась борода, какъ стали выпадать волосы: «исключая волосъ, почти не замѣтно никакихъ слѣдовъ болѣзни. Я говорю Вамъ это для большей точности, потому что очень обыкновенное дѣло, что послѣ болѣзни волосы лѣзутъ; это всегда случалось со мною, даже послѣ каждыхъ родовъ». [1])

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1768 г. императрица привила своему сыну оспу. Эта операція считалась тогда очень серьезной и англійскій врачъ Димсдаль, который былъ приглашенъ изъ Лондона, дѣлалъ ее не безъ трепета. О необходимости прививки было спрошено мнѣніе сената. Заботившаяся о своей безопасности Екатерина вовсе не хотѣла, чтобы, въ случаѣ плохого исхода, ее обвиняли въ томъ, что она понапрасну подвергала опасности наслѣдника престола. [2]) Екатерина гордилась тѣмъ, что она привила себѣ оспу первая въ Имперіи и раньше Павла. Послѣ того, какъ «критическій періодъ» она провела, вовсе не ложась въ постель, какъ писала она Вольтеру, сенатъ издалъ указъ о служеніи молебствій; высшіе сановники въ полномъ составѣ явились принести императрицѣ свои поздравленія. Фридрихъ II поздравлялъ ее за то, что она героически сдѣлала себѣ операцію, которая могла спасти жизнь множества ея подданныхъ. [3]) Вызвавшее столько страховъ оспопрививаніе не имѣло для великаго князя никакихъ вредныхъ послѣдствій.

Отличавшійся плохимъ здоровьемъ, неровнымъ настроеніемъ духа, любившій уединеніе, чтобы предаваться мечтамъ и грезамъ, Павелъ не былъ способенъ привлекать

---

[1]) Сборникъ, т. XIII, 172 стр.

[2]) Affaires etrang, vol. LXXXII, vol. 260; Rossignol, 30 сентября 1768 г.

[3]) Сборникъ, т. XX, стр. 251.—Кобеко.

къ себѣ много друзей. «Онъ быстро увлекался, говорилъ Порошинъ; но такъ какъ и самыя горячія чувства непостоянны, то предметъ увлеченія долженъ былъ прилагать всѣ старанія къ тому, чтобы поддержать чувство симпатіи къ себѣ, иначе пламя должно было тухнуть. Коротко говоря, понравиться князю сразу и сильно—легче, чѣмъ надолго сохранить съ нимъ добрыя отношенія». Нерѣдко онъ даже съ лучшими своими друзьями былъ рѣзокъ и язвителенъ. Близко стоявшіе къ нему люди не могли не страдать отъ рѣзкихъ переходовъ настроенія. Порошинъ былъ правъ, говоря ему: «При самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, Вы, Ваше Высочество, отвращаете отъ себя». [1]) Павелъ зналъ хорошо, что его не любили. Сознаніе того, что о немъ плохо думаютъ, дѣлало его еще болѣе рѣзкимъ и суровымъ къ другимъ. Онъ мало о комъ отзывался хорошо. Онъ не щадилъ даже графа Панина: достаточно было наставнику однажды запоздать на часъ къ обѣду, чтобы великій князь сдѣлалъ недовольное лицо. «Какъ можно заставлять меня ждать? Я не слуга. Всякому свое мѣсто». [2])

Изъ всѣхъ друзей молодости, продолжительную симпатію питалъ къ нему, повидимому, одинъ Александръ Борисовичъ Куракинъ. Куракинъ много путешествовалъ и его долгіе періоды отсутствія содѣйствовали этой дружбѣ, которая едва ли бы перенесла испытанія постоянной близости. Родившійся въ 1752 г. онъ былъ почти одного возраста съ Павломъ. Это была богатая, одаренная натура, полная мысли, склонная къ энтузіазму. Въ молодости онъ обѣщалъ многое: можно удивляться, что впослѣдствіи онъ не обнаружилъ на службѣ ни большихъ способностей, ни сильнаго характера и что европейскую

---

[1]) Порошинъ „Записки", стр. 89 и слѣд.

[2]) Affair. etrang, vol. LXXVIII Beausset 21 октября 1765 г.

извѣстность онъ пріобрѣлъ лишь благодаря странностямъ своего поведенія. Онъ отличался благородствомъ и сохранялъ независимость въ своихъ привязанностяхъ. При такомъ дворѣ, гдѣ каждый рабски мыслилъ и рабски выражался, Куракинъ чувствовалъ и разсуждалъ, какъ гражданинъ. „Всѣ мои обязанности по отношенію къ Создателю и обществу, писалъ онъ однажды великому князю, повелѣваютъ мнѣ, какъ рожденному быть Вашимъ подданнымъ,—быть къ Вамъ привязаннымъ, преданнымъ и вѣрнымъ; но въ то же время, рожденный человѣкомъ съ свободной способностью мыслить, я мыслю и люблю Васъ". [1])

Куракинъ покинулъ Россію весной 1770 г., оставался полтора года въ Лейденѣ для того, чтобы «отдаваться тамъ съ энтузіазмомъ научнымъ занятіямъ», посѣтилъ затѣмъ Англію и наконецъ Францію. Свои путевыя замѣтки онъ посылалъ Павлу.

Я хотѣлъ бы дать представленіе объ этой знаменательной перепискѣ, на которую даже въ Россіи обратили недостаточно вниманія,когда, слѣдуя примѣру Воронцовыхъ, Куракины открыли свои архивы и предоставили гласности ихъ сокровища.

Молодой путешественникъ обладалъ проницательнымъ и обширнымъ умомъ. Онъ всѣмъ интересовался и удѣлялъ вниманіе какъ учрежденіямъ, такъ и обычаямъ. Онъ любилъ разсуждать и философствовать. Его перо отличается утонченностью, его стиль порой нѣсколько напыщенъ. Александръ Борисовичъ не писалъ никогда сразу безъ отдѣлки и поправокъ; онъ разсчитывалъ кромѣ Павла имѣть и другихъ читателей и вполнѣ заслужилъ это.

21 января 1772 г. Куракинъ присутствовалъ на открытіи англійскаго парламента. „Форма правленія въ этой

---

[1]) Архивы Куракина, т. VI, стр. 356, письмо 29 мая 1772 г.

странѣ, пишетъ онъ великому князю, одна изъ самыхъ ложныхъ и, несмотря на это, является одной изъ самыхъ совершенныхъ въ Европѣ. Здѣсь можно видѣть соединеніе монархіи, аристократіи и демократіи и изъ этого соединенія воздвигается прекрасное цѣлое". [1]) Онъ пріѣзжаетъ въ Парижъ. Передъ другомъ цесаревича не сразу открылись двери литературныхъ салоновъ, этихъ „бюро духа", гдѣ незадолго передъ тѣмъ игралъ роль Станиславъ Понятовскій. Это даетъ ему поводъ къ жалобамъ: „Въ Парижѣ въ избыткѣ можно найти то, что нужно для удовлетворенія своихъ нуждъ и капризовъ. Нужно только имѣть деньги: въ способахъ истратить ихъ недостатка не будетъ. Но большая непріятность для путешественника заключается въ трудности, почти невозможности доступа въ мѣстныя общества, а между тѣмъ при изученіи новой страны самое важное—узнать тѣхъ, кто въ ней обитаетъ. Парижане приводятъ благовидный, по ихъ мнѣнію, доводъ. Они говорятъ, что заводить дружбу съ иностранцемъ значитъ обрекать себя на огорченія, если онъ симпатиченъ и скоро покинетъ ихъ; если же, напротивъ, это авантюристъ, или проидоха, то подвергать себя другимъ непріятностямъ" Однако, молодой русскій вельможа скоро получилъ доступъ ко двору. Онъ присутствовалъ на охотахъ въ Фонтенебло, на ужинахъ въ замкѣ де Марли. Его не ослѣпилъ блескъ галлерей Версаля, гдѣ въ то время, разыгрывалось оффиціальное и величественное представленіе. Изъ партера можно было поражаться и только поражаться. Но онъ отправился за кулисы и безъ труда раскрылъ тамъ убожество, которое скрывалось за лентами, кружевами и манжетами. Онъ наблюдалъ Францію въ любопытный моментъ ея исторіи, когда надвигалась революція. Мы не можемъ не придавать большого значенія письмамъ и запи-

---

[1]) Архивы Куракина, VI, стр. 356, письмо отъ 29 мая 1772 г.

скамъ иностранцевъ-путешественниковъ, которые своимъ безпристрастнымъ изображеніемъ подвергаютъ контролю и дополняютъ портретъ, который общество XVIII в. писало съ самого себя. «Французское духовенство, говоритъ Куракинъ, стоитъ очень высоко. Почитаемое простонародіемъ, терпимое людьми просвѣщенными и покровительствуемое самимъ монархомъ духовенство умѣетъ вызвать во всѣхъ тѣ внѣшнія проявленія почета, которыя въ концѣ концовъ создаютъ внутреннее уваженіе. Владѣя очень большими имуществами оно пользуется всѣми средствами, чтобы быть грознымъ. Болѣе 300 милліоновъ ренты, облегчая ему возможность ни съ чѣмъ не считаться, на долгое время обезпечиваютъ ему безнаказанность». Куракинъ является судьей проницательнымъ, строгимъ, немного сдержаннымъ. Перечитайте у него страницу относительно откупщиковъ (fermiers generaux): не забудьте, что это пишетъ иностранецъ и обратите вниманіе на выпуклость и яркость стиля: «откупщики самые главные кровопійцы народа. Имъ было предоставлено управленіе всѣми государственными богатствами. Они должны были давать средства на неотложныя нужды. При недостаткѣ денегъ изъ ихъ сундуковъ, подъ видомъ авансовъ, черпаются средства за счетъ будущихъ лѣтъ. Меня увѣряли, будто король истратилъ свои доходы впередъ до 1785 г. За снисходительное отношеніе къ королю эти господа вознаграждали себя на другихъ. Безжалостные грабители народа издѣваются надъ его нищетой, допуская неслыханную роскошь и глупую спесь. Назначенные для взиманія королевскихъ доходовъ чиновники исполняютъ данныя имъ порученія съ каменнымъ жестокосердіемъ. Несчастные деревенскіе жители, не имѣя ничего кромѣ слезъ, всего болѣе терпятъ отъ ихъ безчеловѣчности». [1])

---

[1]) Архивы Куракина, VI, стр. 337—430.

Несмотря на эту критику, Куракинъ все-таки любилъ Францію «сокровищницу хорошаго вкуса и просвѣщеннаго ума». Вмѣсто того, чтобы подобно другимъ иностранцамъ считать Парижъ городомъ погибельнымъ, онъ замѣчаетъ, что Парижъ развращаетъ только того, кто и раньше былъ сомнительной святошей. „Тому, кто не можетъ противостоять натиску страстей нѣтъ надобности ѣздить въ Парижъ, чтобы тамъ подпасть имъ, ничтожная деревушка можетъ быть мѣстомъ его паденія". Строгая добродѣтель Александра Куракина погибла не въ удовольствіяхъ Парижа, а Петербурга. Когда тридцать пять лѣтъ спустя послѣ перваго своего путешествія въ Парижъ, онъ опять пріѣхалъ во Францію, чтобы представиться императору Александру I, его четыре незаконныхъ сына слѣдовали за нимъ въ качествѣ секретарей; онъ уже имѣлъ жалкій видъ человѣка чрезмѣрно тучнаго, преждевременно состарившагося, сонливаго, страдающаго подагрой, неспособнаго играть крупную роль на политическомъ поприщѣ. Въ Парижѣ смѣялись надъ странностями его одѣянія, надъ кружевами, бриллiантами и заведенной имъ азіатской роскошью. Къ нему почувствовали состраданіе лишь тогда, когда его вытащили сильно пострадавшимъ изъ огня во время пожара въ отелѣ австрійскаго посольства. [1])

Неизвѣстно, сумѣлъ ли Павелъ извлечь изъ писемъ Куракина все, что содержали они, для знакомства съ той эпохой. Но онъ долженъ былъ испытывать удовольствіе при чтеніи ихъ. Въ дворецъ, гдѣ протекала его молодость, они вносили съ собой свѣжую струю, какъ прилетавшій издалека южный вѣтеръ; они освѣщали ему другой міръ, въ которомъ уроки нѣсколькихъ педантовъ едва пріоткрыли только узкій горизонтъ. Эти письма призывали его

---

[1]) 1 іюля 1810 г. См. Вандаль, Наполеонъ и Александръ I, т. II, стр. 48 и 390.

къ болѣе дѣятельной и широкой жизни и порождали въ немъ желаніе постранствовать. Уже въ 1768 году Панинъ задумалъ путешествіе для своего питомца. Онъ сознавалъ его робость, дикость [1]) и очень огорчался тѣмъ, что великій князь, недовольный всѣмъ и главнымъ образомъ самимъ собой, обрекаетъ себя на одиночество, которое было для него такъ вредно. Путешествіе могло бы повліять на его настроеніе. Своимъ планомъ Панинъ подѣлился съ нѣсколькими своими друзьями, которые однако отговаривали его. Его долгое отсутствіе, по ихъ мнѣнію, заставило бы канцлера сложить съ себя завѣдываніе иностранными дѣлами и лишить его положенія при дворѣ. Его преданность не была бы оцѣнена, а его намѣренія были бы заподозрѣны. Народъ неминуемо обвинитъ его въ томъ, что онъ играетъ въ руку императрицѣ и хочетъ увезти своего питомца только для того, чтобы отвлечь его отъ попытки заявить о своихъ правахъ. [2])

III.

Молодой человѣкъ, слабый и вспыльчивый, склонный къ меланхоліи и въ то же время грубоватый; то жестокій и дикій, то нѣжный и чувствительный; существо, полное мечтательности и порывовъ, существо, носившее въ себѣ рану, которая раскрывалась при каждомъ ничтожномъ поводѣ; сердце сострадательное, сердце тоскующее; душа больная, подверженная припадкамъ раздраженія и находившая въ нихъ какъ бы облегченіе,—таковъ былъ Павелъ къ 18-ти годамъ. Мы изображаемъ его такимъ, какъ онъ намъ представляется, этотъ мрачный и полный противорѣчій князь.

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, т. XXII, стр. 98.

[2]) Affaires étrangères, vol. LXXXII fol. 116, Rossignol, 19 марта 1768 г.

Если мы изображаемъ его печальнымъ, безпокойнымъ преждевременно утомленнымъ жизнью, то это не значитъ, что мы ошибочно и неосторожно приписываемъ ему чувства и мысли болѣе близкаго къ намъ вѣка; это не значитъ также, что мы увлеклись тщетнымъ желаніемъ найти Фаусту старшаго брата и представителя всѣхъ пессимистовъ, меланхоликовъ, и разочарованныхъ XIX вѣка въ старой Руси. Душевныя движенія и нервность Павла не были таковы, чтобы обезпокоить Екатерину. Если бы она вникла въ характеръ своего сына, она поняла бы, что блуждавшій въ лабиринтѣ мрачныхъ мыслей и тягостныхъ сомнѣній Павелъ не имѣлъ достаточно силы или мужества для противодѣйствія и протеста противъ нея. [1]) Онъ изнемогалъ въ борьбѣ съ самимъ собою, съ своими собственными горестями. Сознаніе невозможности отомстить за смерть своего отца и за свое собственное униженіе было способно по временамъ вызывать въ немъ лихорадочное возбужденіе, смѣнявшееся затѣмъ долгими промежутками унынія.

По всеобщему мнѣнію, страданія молодого князя должны были рано или поздно бурно проявиться,—„подобно согнутой пружинѣ, которая должна когда-нибудь разогнуться“, какъ говорилъ одинъ современникъ. „Вглядываясь въ него въ тотъ моментъ, когда ему что-либо не по душѣ, можно замѣтить на его лицѣ судорожныя нервныя движенія, выдающія то, что происходитъ въ глубинѣ его сердца.“ [2])

Плохо знавшая своего сына Екатерина опасалась съ его стороны враждебныхъ противъ себя выступленій теперь, когда онъ былъ въ опасномъ возрастѣ, въ возрастѣ

---

[1]) „Слабость его характера соотвѣтствуетъ его тѣлосложенію“,— писалъ англичанинъ Shirley (La Cour de Russie стр. 25).

[2]) Afair. étrang. vol XCI, fol. 235; Durand, 12 марта 1773 г.

способномъ на горячіе порывы. Его побуждали взяться за оружіе: ему стоило только прислушаться, чтобы уловить народную молву, враждебную по отношенію къ вдовѣ Петра III. Ему достаточно было бы сѣсть на лошадь и съ саблей въ рукахъ показаться собравшейся гвардіи, чтобъ зажечь толпу энтузіазмомъ, который могъ сломить всѣ преграды. [1])

Какъ ни были удачны первыя предпріятія Екатерины, они не упрочили ея трона настолько, насколько это можно было бы предполагать. По отношенію къ Турціи—она продолжала дѣло Петра Великаго; она уничтожила послѣдніе слѣды татарскаго ига. Ея войска завоевали Азовъ, Крымъ, берегъ Чернаго моря между Днѣпромъ и Днѣстромъ, Бессарабію, Валахію и Молдавію, а флотъ Алексѣя Орлова едва не достигъ Константинополя. Счастливая императрица удовлетворила чувство гордости своего народа крупными успѣхами въ Польшѣ, трактатомъ 1772 г., который отдавалъ или скорѣе, по словамъ русскихъ историковъ, возвращалъ Россіи Бѣлороссію. Однако въ 1770 и даже въ 1773 годахъ еще было много враговъ Екатерины, не желавшихъ отступать. Реляціи о побѣдахъ Румянцева и Долгорукаго приходили въ постоянно волнующуюся столицу, гдѣ всегда были готовы проявиться зачатки броженія. Часть населенія относилась съ любовью къ великому князю изъ непріязни къ его матери и время отъ времени въ его пользу составлялись заговоры. Время и удачи еще не сдѣлали для Екатерины своего дѣла. Правда, тучи, омрачавшія горизонтъ въ началѣ ея царствованія, поразрѣдились, но для того, чтобы онѣ разсѣялись совсѣмъ, надо было возсіять солнцу славы.

Въ іюлѣ 1771 г., во время серьезной болѣзни Павла населеніе встревожилось; разнесся слухъ, что его отравили;

---

[1]) Sabatier de Cabre, Catherine II, sa Cour et la Russie, стр. 25.

виновникомъ считали фаворита императрицы. Въ отуманенныя головы закрадывалось подозрѣніе, которое разростаясь перешло въ увѣренность. Крики съ требованіемъ возмездія достигли дворца; народное возбужденіе передалось въ казармы; солдаты схватились за оружіе, хорошо не зная, противъ кого придется пускать его въ ходъ. Безпорядки повторились и въ слѣдующемъ году. Нѣсколько отчаянныхъ головорѣзовъ изъ унтеръ-офицеровъ Преображенскаго полка, готовые на все, подбили человѣкъ тридцать солдатъ, сговорились взять великаго князя Павла, доставить его изъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ, объявить его императоромъ и арестовать императрицу. Они установили подробности заговора и не считали преждевременнымъ уже заранѣе распредѣлить высшія мѣста при новомъ режимѣ. Въ случаѣ отказа самого Павла отъ власти, они предполагали передать ее одному изъ своей среды. Но въ тотъ моментъ, когда надо было дѣйствовать, имъ пришла роковая мысль открыть свои планы Барятинскому и воспользоваться его опытностью, такъ какъ онъ участвовалъ въ переворотѣ 1762 г. Барятинскій выдалъ ихъ. Ихъ наказали кнутомъ и сослали въ Сибирь съ вырванными ноздрями и отрѣзанными ушами. [1])

20-го сентября 1772 г. исполнилось совершеннолѣтіе Павла. Народъ полагалъ, что для Екатерины пришло время отдать отчетъ своему сыну и уступить ему свое мѣсто. Хроническое броженіе перешло въ острое. Духовенство также заволновалось. За исключеніемъ одного архіепископа, весь синодъ всталъ на защиту попранныхъ правъ великаго князя. Вымыселъ дѣлаетъ свое дѣло и сочиняетъ заговоры. Одинъ священникъ, убѣжденный, что въ его рукахъ находятся нити широкаго заговора противъ Ека-

---

[1]) Сборникъ LXXII, стр. 164, депеша Сольмса отъ 7 іюля; иностранныя дѣла, т. XC, fol. 75; Sabatier, 3-го іюля 1772 г.

терины, рекомендовалъ своей паствѣ для безопасности запереться у себя въ домахъ въ день новаго года. [1])

Состояніе скрытаго возбужденія повсюду предвѣщало что то недоброе. Происходили отдѣльныя вспышки: нарывъ вскрылся тамъ, гдѣ этого никто не могъ ожидать,—въ Камчаткѣ.

Венгерскій дворянинъ Беневскій, который впослѣдствіи долженъ былъ играть активную роль во французской экспедиціи на Мадагаскаръ, отбывалъ въ 1771 г. въ каторжной тюрьмѣ наказаніе за политическое преступленіе; онъ былъ однимъ изъ участниковъ барской конфедераціи. Авантюристъ задумалъ бѣгство и съ этой цѣлью взбунтовалъ обитателей большого полуострова противъ правительства Екатерины. Онъ выдавалъ себя за вдохновеннаго свыше и утверждалъ, что всѣ ихъ бѣдствія происходятъ отъ захватившей въ свои руки власть императрицы, что для того, чтобы сдѣлаться счастливыми, богатыми, сытыми, имъ нужно лишь признать Павла Петровича истиннаго главу имперіи, единственнаго наслѣдника государей. Нѣсколько политическихъ ссыльныхъ, между прочими извѣстный Турчаниновъ, составлявшій въ 1742 г. заговоръ противъ Елизаветы, одновременно съ Беневскимъ подготовляли возстаніе. Павелъ былъ провозглашенъ императоромъ. Беневскому не стоило большого труда толкнуть несчастную толпу на самоуправство; толпа завладѣла деньгами, съѣстными припасами и оружіемъ; управлявшій поселкомъ капитанъ Ниловъ былъ убитъ, а Беневскій скрылся съ его дочерью. [2])

---

[1]) Affaires étrang. vol. XCI, fol. 31. Durand, 7 февраля 1773 г.

[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи т. XXIX, стр. 181—185; Русскій Архивъ 1865, стр. 657. Пять лѣтъ спустя послѣ этого побѣга Беневскій готовился вернуться на Дальній Востокъ съ секретнымъ порученіемъ отъ г. де Верженнъ, любопытныя воспоминанія котораго

При дворѣ также велись интриги за интересы Павла. Нѣкто Сальдернъ, родомъ изъ Гольштиніи, незадолго до того преслѣдуемый на родинѣ полиціей, надѣлавшій много шуму своимъ поведеніемъ и всегда гнавшійся за кускомъ хлѣба, мошенникъ, по выраженію Фридриха II, не побрезговавшаго однако пользоваться его услугами, [1]) завоевалъ себѣ положеніе при дворѣ услугами, которыя онъ оказалъ въ Польшѣ въ тотъ моментъ, когда Россія подбирала къ рукамъ эту несчастную страну. Этотъ авантюристъ старался пріобрѣсти еще большее значеніе, всюду втирался, подслушивалъ у дверей, прокрадывался то къ Орловымъ, то къ Панину. Онъ тайно проникъ къ Павлу и говоря съ нимъ тономъ, способнымъ подчинить себѣ волю, когда она готова поддаться слабости, заставилъ себя выслушать. Онъ умышленно преувеличивалъ серьезность и неизбѣжность опасности, угрожавшей князю; онъ дѣлалъ ему «некрасивые намеки относительно матери», а Панина выставлялъ злѣйшимъ его врагомъ.

Не трудно угадать впечатлѣніе, произведенное его клеветой, на подозрительнаго Павла. Весь скрывавшійся въ глубинѣ его души осадокъ разбитыхъ иллюзій, разочарованій и огорченій всплылъ на поверхность, подернутый густымъ налетомъ печали. Но когда, пользуясь произведеннымъ впечатлѣніемъ, Сальдернъ убѣждалъ великаго князя отнестись къ нему съ довѣріемъ и предоставить ему полную свободу для того, чтобы организовать партію и подготовить переворотъ, Павелъ, поглощенный своими мыслями, уже не слушалъ его. Онъ думалъ только объ одномъ: какъ бы поскорѣй избавиться отъ приставшаго интри-

---

знакомятъ съ интереснымъ проэктомъ завоеванія Японіи Англіей и Россіей (Journal des debats, первое апрѣля 1904 г. стр. Jermain Lefévre—Pontalis).

[1]) Сборникъ. LXXII, стр. 491.

гана и остаться наединѣ со своими грустными мыслями.

Сальдернъ подсунулъ ему бумагу, открывавшую ему доступъ къ тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ долженъ былъ посвятить въ свои планы. Павелъ подписалъ ее, не читая. [1])

Узнавъ на другой день о томъ, что произошло, Панинъ поспѣшилъ къ своему питомцу и разоблачилъ хитраго Сальдерна. По словамъ французскаго министра Дюрана, Панину не безъ труда удалось получить обратно компрометирующій документъ; Сальдернъ вернулъ его только послѣ того, какъ воспользовался имъ, чтобы вкрасться въ довѣріе къ Екатеринѣ. [2])

Версія Сольмса представляется болѣе правдоподобной. Панинъ яко бы принялъ очень высокомѣрный тонъ съ гольштинцемъ и заставилъ его провалиться сквозь землю. Если бы не боязнь скомпрометировать великаго князя и желаніе избѣжать новыхъ столкновеній между матерью и сыномъ, онъ открылъ бы Екатеринѣ поведеніе Сальдерна и ходатайствовалъ бы о наказаніи его. [3])

Заговоры, интриги, народныя движенія, все это поддерживало въ Екатеринѣ очень большое недовѣріе къ сыну. Она зорко слѣдила за нимъ и держала, насколько возможно, ближе къ себѣ. Находясь въ томъ возрастѣ, когда самое незначительное стѣсненіе кажется обременительнымъ, князь старался замкнуться въ своихъ аппартаментахъ, какъ только представлялась возможность скрыться отъ матери. Она упрекала его за то, что онъ „противиться ея волѣ". [4]) Любовь къ уединенію, которую она замѣчала въ Павлѣ, казалась ей подозрительной. Она

---

[1]) Affair. étrang. vol. XCIII, fol. 165; Durand, 19 октября 1773 г; Сборникъ т. LXXII, ст. 384, 393, депеши Сольмса.

[2]) Affaires étrangères, та же депеша.

[3]) Сборникъ, т. LXXII, стр. 395.

[4]) Affair. étrang. vol. XCI, fol. 119; Durand, 5 марта 1773 г.

вполнѣ допускала, что подъ покровомъ мрака, въ тишинѣ, въ чемъ онъ находилъ такое удовольствіе, онъ точитъ противъ нея оружіе. Однако никакихъ враждебныхъ дѣйствій онъ не проявлялъ. „Онъ думаетъ лишь объ осторожности“, писалъ Дюранъ, [1]) и дѣйствительно, это было такъ. Какъ внимательно ни слѣдила Екатерина за нимъ, она не могла ничего указать и поставить ему въ вину. Мы имѣемъ доказательства его чрезвычайной осторожности: одинъ изъ его камеръ-юнкеровъ имѣлъ неосторожность сказать ему, „что стоитъ ему промолвить слово, чтобы заставить себѣ повиноваться и что никто не пойдетъ противъ него. Павелъ возразилъ, что въ его годы простительно не знать о послѣдствіяхъ такихъ предложеній, сдѣлалъ ему выговоръ за его дерзость и приказалъ молчать“ [2]) Екатерина не имѣла повода не довѣрять даже Панину. Безъ сомнѣнія, онъ прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы передать великому князю ту ненависть, которую онъ самъ питалъ къ Орловымъ, но это не могло быть сдѣлано, не возбуждая сына противъ матери. [3]) Несомнѣнно также, что онъ допускалъ къ своему воспитаннику лицъ, не расположенныхъ къ императрицѣ: „Талызина, капитана гвардіи, Барятинскаго и Апраксина, человѣка очень дурнаго поведенія“. [4]) Но можно было быть увѣреннымъ, что онъ никогда не содѣйствовалъ бы покушенію, направленному противъ Екатерины. Въ минуты народнаго волненія, когда, напримѣръ, свирѣпствовала чума или вспыхивалъ одинъ изъ тѣхъ громадныхъ пожаровъ, періодически уничтожавшихъ ту или другую часть столицы, Панинъ всегда устраивалъ такимъ образомъ, что

---

[1]) Id. vol. XC, fol. 440; декабря 1772 г.

[2]) Id. vol. XC, fol. 468, Durand, 22 декабря 1772 г.

[3]) Id. vol. XCI. fol. 236; Durand, 12 марта 1773 г.

[4]) Сборникъ, т. LXXII, стр. 388, депеша Сольмса,

Павелъ не показывался публично. Онъ тщательно избѣгалъ всего того, что могло заставить подозрѣвать въ немъ желаніе осуществить, пользуясь смутой, тѣ намѣренія, которыя ему всегда приписывали. [1])

Тѣмъ не менѣе, при первыхъ признакахъ броженія, Екатерина спѣшила отправить сына своего въ деревню, несмотря на время года, такъ что всѣ очень сожалѣли цесаревича, «обреченнаго на скучное пребываніе въ домѣ, обращенномъ на сѣверъ и расположенномъ въ глуши, въ такомъ суровомъ климатѣ», какой обыкновенно бываетъ въ Россіи. [2])

Изъ разсматриваемой нами эпохи вспоминается одно обстоятельство, изъ котораго видно, какое вліяніе могло оказывать даже на внѣшнюю политику Екатерины II чувство недовѣрія, внушаемое ей сыномъ. Рѣчь идетъ о Гольштиніи, герцогствѣ, которое великій князь унаслѣдовалъ въ 1762 г. отъ Петра III. Императрица жертвуетъ не только правами своего сына, но и интересами Имперіи изъ опасенія, какъ бы Павелъ, управляя небольшимъ государствомъ, не возымѣлъ желанія управлять раньше времени знатительно большимъ.

Въ 1554 г. внукъ Христіана I, король Христіанъ III Датскій и графъ Адольфъ Гольштинскій раздѣлили Гольштинію и сдѣлались такимъ образомъ основателями двухъ вѣтвей: старшей вѣтви или королевской и младшей или герцогской, которая впослѣдствіи сама раздѣлилась на двѣ вѣтви Гольштейнъ-Готторпскую и Гольштейнъ-Готторпъ-Эвтинскую. Эти раздѣлы имѣли послѣдствіемъ продолжительную борьбу между королевской линіей, которая царствовала въ Даніи, и линіей герцогской. Гольштейнъ-Готторпскій домъ не переставалъ предъявлять притязанія на герцогскую

---

[1]) Affair. ètrang. vol. LXXXVIII, fol. 254; Sabatier, 7 іюня 1771 г.

[2]) Id. vnl. XCII, fol. 4; Durand, 4 мая 1773 г.

часть Шлезвига, вопреки договору въ Стокгольмѣ (1720), на которомъ она торжественно, при совмѣстномъ ручательствѣ Англіи, Франціи и Швеціи, была признана за королемъ датскимъ. Объединить датскую монархію, путемъ обмѣна графствъ Ольденбургскаго и Дельменгорстскаго на герцогскія части Гольштиніи и Шлезвига, было стремленіемъ всѣхъ датскихъ канцлеровъ, начиная съ Гриффенфельда и кончая Бернсторфомъ. Король Христіанъ VI и его сынъ Фридрихъ V предложили этотъ обмѣнъ герцогу Петру Гольштейнъ-Готторпскому, призванному въ Россію своей теткой, императрицей Елизаветой, и предназначеннаго быть наслѣдникомъ императорскаго престола. [1])

Петръ менѣе всего былъ расположенъ принять это предложеніе. Онъ держался за свои владѣнія въ Гольштиніи тѣмъ болѣе, что, какъ помнитъ читатель, Елизавета нѣсколько разъ угрожала удалить его изъ Россіи и лишить престола: онъ предпочиталъ имѣть въ рукахъ синицу, чѣмъ журавля въ небѣ. Его супруга, великая княгиня Екатерина, напротивъ, желала обмѣна, такъ какъ надѣялась такимъ образомъ получить значительную сумму денегъ. [2]) Но она не могла переломить упрямство Петра. Послѣдній тотчасъ же, послѣ своего восшествія на престолъ хотѣлъ излить свою ненависть къ Даніи и отомстить за дѣйствительныя или мнимыя обиды своихъ предковъ, герцоговъ Гольштейнъ-Готторпскихъ. Онъ добивался возстановленія Шлезвига и заговорилъ вскорѣ не только о томъ, чтобы отторгнуть отъ Даніи часть Шлезвига и Гольштиніи, но также о томъ, чтобы совершенно из-

---

[1]) Allen, Histoire de Danemark, t. II, p. 172; Himly, Histoire de la formation territoriale des Etats de l'Europe centrale, т. II, стр. 246.

[2]) Affair. ètrang. vol. LV fol. 93; L'Hopital, 25 января 1758 г. vol. LVIII, fol. 35, 5 октября 1758 и слѣд.

гнать датскую династію изъ Европы. Русская армія спѣшно прошла черезъ Германію и расположилась въ Мекленбургѣ. Король Фридрихъ V собралъ всѣ свои силы: у него было тридцать шесть кораблей въ Балтійскомъ морѣ и 70.000 человѣкъ войска. Обѣ арміи находились всего въ нѣсколькихъ верстахъ другъ отъ друга, какъ вдругъ распространилось извѣстіе о низверженіи и смерти Петра III. Война была прекращена. [1]) Герцогство Гольштинское перешло къ восьмилѣтнему Павлу Петровичу. Его мать взяла на себя регентство, что, повидимому, не понравилось Фридриху V. «Нахожу очень смѣшнымъ, писала Екатерина гр. Миниху, что датскій король, горячо увѣряя меня въ своемъ почтеніи, хочетъ мнѣ доказать это объявленіемъ меня неспособною управлять дѣлами моего сына. По законамъ имперіи, никогда мать, если она не сумасшедшая, не отстранялась отъ опеки надъ своимъ сыномъ». [2])

Екатерина управляла владѣніями Павла съ большой безпечностью: Гольштинія сдѣлалась добычей мошенниковъ, вродѣ Сальдерна, которые, поддѣлывая подписи, раздавали титулы, бенефиціи, обѣщанія мѣстъ, не имѣя на то полномочій со стороны Россіи. [3]) Фридрихъ V вновь предложилъ произвести обмѣнъ. Противъ всякаго ожиданія, онъ встрѣтилъ въ Екатеринѣ готовность поддержать его планы и, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ переговоровъ, ему удалось побудить ее подписать 22 апрѣля 1767 г. трактатъ, въ силу коего Екатерина, дѣйствуя отъ имени своего сына Павла, герцога Гольштейнъ-Готторпскаго, отказывалась отъ всякихъ притязаній на Шлезвигъ и обмѣни-

---

[1]) Allen, т. II, стр. 172.

[2]) Сборникъ, т. VII, стр. 163.

[3]) Id. т. LXXII, стр. 393, депеша Сольмса отъ 7 сентября 1773 года.

вала принадлежащую герцогству часть Гольштиніи на графства Ольденбургское и Дельменгорстское, возвышенныхъ до степени герцогства. Послѣднія были уступлены безъ долговъ, тогда какъ король Даніи принялъ на себя долгъ Гольштейнъ-Готторпскаго дома, достигавшій 700,000 рикстaлеровъ. По достиженіи совершеннолѣтія, Павелъ принужденъ былъ подтвердить этотъ обмѣнъ. [1])

Что же побуждало Екатерину удовлетворить Данію, округлять королевство Фридриха V, расширять его границы? «Этотъ дворъ,—писалъ герцогъ Эгильонскій,—избавившись отъ самыхъ стѣснительныхъ преградъ, будетъ обязанъ Россіи лишь признательностью, а эти узы не могутъ сравниться съ той зависимостью, въ которой его держали страхъ и притязанія великаго князя». [2])

Почему Екатерина была столь безучастна къ судьбѣ Гольштиніи, родовому владѣнію своего сына, и почему отказывалась она отъ того, чтобы занимать извѣстное мѣсто въ центральной Европѣ? Англійскій король Георгъ былъ болѣе приверженъ къ своему ганноверскому курфюршеству. «По мнѣнію императрицы, говорилъ Дюранъ, Россія могла когда то нуждаться въ германскихъ владѣніяхъ; но въ настоящее время въ европейской системѣ она всегда будетъ выступать, не опираясь ни на какое другое основаніе, кромѣ своего могущества. Разсужденіе мало убѣдительное». [3])

Объясненіе странному поведенію императрицы слѣдодовало искать въ другомъ. Если она безвозмездно отдала страну, облюбованную иностраннымъ королемъ, то это легко объяснялось, какъ хорошо видѣлъ Дюранъ, ея

---

[1]) Allen, t. II, 173 стр.; Брикнеръ, Россія и Дані врем царствованія Екатерины II. („Русская Мысль“, 1895).

[2]) Affaires étrangères, vol. XCIII, fol. 16, 4 сентября 1773 г.

[3]) Id vol. XCII, fol. 293, Durand, 6 августа 1773 г.

желаніемъ «лишить сына внѣшнихъ связей, тона независимаго суверена, управленія и попеченія о дѣлахъ, могущихъ пробудить въ немъ вкусы, которые ей хотѣлось подавить и которые заставили бы его выйти изъ состоянія дѣтства, которое она желала бы продлить». Это можно было объяснить также и тѣмъ, «что она усматривала пользу для себя самой, лишая князя поддержки со стороны государства, которое могло бы оказать нѣкоторыя услуги и облегчить возможность займа». [1])

Екатерина навязала великому князю свою волю, лишавшую его родовыхъ владѣній. Она внушила ее и своему министру Панину, который часто съ безпокойствомъ задавалъ себѣ вопросъ, не было ли у тѣхъ, кто побуждалъ его покончить съ уступкой Гольштиніи до наступленія совершеннолѣтія великаго князя, намѣренія «заставить его заранѣе потерять расположеніе и довѣріе къ своему будущему учителю». [2])

Слабый Панинъ очень желалъ оградить себя отъ упрековъ со стороны Павла. Онъ съ давнихъ поръ старался внушить ему пренебрежительное отношеніе къ мелкимъ германскимъ государствамъ, и любопытно было видѣть, какъ онъ при каждомъ удобномъ случаѣ изощрялся изобразить въ смѣшномъ видѣ князей Священной Имперіи. [3])

Тѣмъ не менѣе Павелъ былъ привязанъ къ своимъ владѣніямъ въ Гольштиніи, колыбели его рода. Его сопротивленіе утвердить трактатъ 1767 г. разсердило императрицу до такой степени, что она рѣшила его наказать. Она не захотѣла сохранить за нимъ и герцогства Ольденбургское и Дельменгорстское, пріобрѣтенныя вза-

---

[1]) Affaires étrangères, XCIII, fol. 135.

[2]) Id. vol. LXXXIII M. de Beausset 31 декабря 1765 г.

[3]) Id. vol LXXXII fol. 34; M. Rossignol, 19 декабря 1767 г.

мѣнъ Гольштинскаго; они были вручены принцу Фридриху-Августу Готторпъ—Эвтинской вѣтви... [1]) Екатерина удовлетворилась только тогда, когда лишила Павла последняго угла, гдѣ бы онъ могъ научиться и получить вкусъ къ царскому ремеслу, куда онъ могъ бы укрыться отъ своей зависимости. Терпя униженіе отъ матери, стыдясь своего стѣсненнаго положенія, теряя надежду и терпѣніе, Павелъ Петровичъ пришелъ къ той же мысли, что и Фридрихъ Прусскій, преслѣдуемый своимъ ужаснымъ отцемъ: «Я бы въ тысячу разъ охотнѣе предпочелъ достойно просить кусокъ хлѣба гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, чѣмъ питаться оскорбленіями, которыя я долженъ здѣсь глотать». Камеръ-юнкеръ, докладывавшій ему о распоряженіи явиться къ императрицѣ, представлялся ему, какъ и Фридриху, «предвѣстникомъ смерти». Однако обостренныя отношенія между матерью и сыномъ на нѣкоторое время сгладились. Эти два человѣка, чувствовавшіе до тѣхъ поръ взаимное нерасположеніе, сдѣлали нѣкоторое усиліе, чтобы полюбить другъ друга, несмотря на ненавистныя воспоминанія, стоявшія между ними. Императрица, измѣнивъ настроеніе, вдругъ сдѣлалась любезной, даже ласковой, и Павелъ отвѣтилъ на это нѣкоторыми проявленіями сыновней любви. Это было въ 1772 г., во время опалы Орлова.

Прелесть новизны, которую ищетъ привязанность, постепенно исчезала. Екатерина II-я разлюбила красавца Орлова, взволновавшаго ей кровь, и рѣшила изгнать его изъ своихъ мыслей. Своимъ презрѣніемъ къ чумѣ, которая свирѣпствовала въ Москвѣ, подавленіемъ возстанія, успокоеніемъ черни, которая избіеніемъ духовенства утоляла свою обычную жестокость и страсть къ грабежу, фаворитъ на время вернулъ къ себѣ Екатерину и отда-

---

[1]) Affair. étrang. vol. XCII fol. 294; Durand, 6 августа 1773; Allen, т. II, ст. 206.

лилъ свое паденіе. Упоенный славой своего возвращенія онъ довѣрчиво отправился въ Фокшаны въ качествѣ посредника для заключенія мирнаго договора „съ погаными турками бородачами". Въ то время, какъ онъ былъ поглощенъ празднествами въ Яссахъ, измѣнница была занята подысканіемъ ему преемника. Узнавъ о постигшемъ его ударѣ, Григорій Орловъ помчался по русскимъ степямъ въ Петербургъ. Но приказъ императрицы остановилъ его въ Гатчинѣ и онъ получилъ отставку, правда, въ весьма лестныхъ выраженіяхъ, но съ поспѣшностью, которая была не такъ милостива. [1]) Этотъ переворотъ алькова имѣлъ своимъ послѣдствіемъ, если не вполнѣ, то съ внѣшней стороны по крайней мѣрѣ, перемѣну въ отношеніяхъ Екатерины къ сыну. «Императрица, доноситъ Сабатье, никогда не была такой къ своему сыну, какъ за эти два мѣсяца. Она ласкаетъ его, оказываетъ ему вниманіе, льститъ ему, старается плѣнить его». [2]) Теплая и мягкая струя растопила ледъ; началась идиллическая весна. «Императрица находится въ наилучшемъ расположеніи духа, всегда весела и довольна и наслаждается празднествами и удовольствіями. Отсутствіе прежняго фаворита сближаетъ ее съ великимъ княземъ, ея сыномъ. Она видитъ его чаще прежняго, больше узнала его и находитъ удовольствіе въ его обществѣ. Великій князь, въ свою очередь, держитъ себя съ своей матерью свободнѣе, нежели прежде. Онъ отзывчивъ на ея ласки, благодаренъ за расположеніе и удовольствія, которыя она ему доставляетъ, и въ настоящее время между этими обѣими державными особами царитъ искренняя дружба, какъ въ обыкновенныхъ семей-

---

[1]) Валишевскій, Вокругъ трона стр. 86—89.

[2]) Affair. étrang. vol. XC, foi. 219, 15 сент. 1772 г.

ствахъ и взаимное довѣріе, радующее всѣхъ". [1]) Удаленіе Орлова вызвало въ великомъ князѣ взрывъ искренней радости: «Наконецъ я узнаю свою мать». Его волненіе передалось всему двору, проливались слезы умиленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ продолжались догадки. Уже предсказывали, что по достиженіи совершеннолѣтія Павелъ войдетъ въ Совѣтъ и приметъ участіе въ управленіи. [2])

Вотъ въ какихъ яркихъ краскахъ описываетъ Екатерина радость примиренія: «Никогда мы такъ не веселились въ Царскомъ Селѣ, какъ въ эти девять недѣль, проведенныхъ съ моимъ сыномъ, который становится красивымъ мальчикомъ. Утромъ мы завтракали въ прелестной залѣ, расположенной близъ пруда, потомъ расходились, нахохотавшись досыта. Послѣ занятій каждаго своими дѣлами, обѣдали; въ шесть часовъ прогулка или спектакль; вечеромъ поднимали шумъ по вкусу всѣхъ шумилъ, которые окружаютъ меня и которыхъ здѣсь большое число. Невозможно, буквально, представить себѣ веселость безумнѣе и безуміе разумнѣе нашего...

„Во вторникъ я снова отправляюсь въ городъ съ моимъ сыномъ, который уже не хочетъ оставлять меня ни на шагъ и котораго я имѣю честь такъ хорошо забавлять, что онъ за столомъ иногда подмѣниваетъ записки, чтобы сидѣть со мной рядомъ, я думаю, что мало можно найти примѣровъ такого согласія въ настроеніи духа. [3])

Откровенно говоря, вся эта лесть, всѣ эти выраженія любви, эти откровенныя изліянія были только однимъ лицемѣріемъ. Если въ это критическое время Екатерина

---

[1]) Сборникъ, т. LXXII. депеша Сольмса 15 сентября 1772 г.

[2]) Affaires étrangères, vol. XC, fol. 235; Sabatier de Cabre, 25 сентября 1772 г.

[3]) Сборникъ, т. XIII стр. 259, 266, г-жѣ Біельке отъ 25 іюня и 24 августа 1772 г.

проявила нѣжное отношеніе къ сыну, то дѣлала она это изъ разсчета. Павелъ не былъ глупъ: во всемъ происходящемъ внутри дворца онъ смутно улавливалъ опытную руку, привыкшую съ предательскимъ искусствомъ завязывать интригу и плести ея нити. „Великій князь, замѣчаетъ прусскій посланникъ, и самъ не вѣритъ въ чрезмѣрную любовь къ себѣ императрицы-матери". [1]) У него было основаніе держать себя на чеку и не поддаваться неискреннимъ улыбкамъ своей матери.

Эти поцѣлуи и ласки вызывались опасеніемъ, какъ бы онъ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, не нанесъ рѣшительнаго удара. Порывая съ Орловыми, Екатерина лишала себя самой твердой опоры; это было извѣстно ей, равно какъ и то, что она всѣмъ была обязана перевороту. «Императрица предоставлена первому встрѣчному. Весь механизмъ ея охраны держался на Орловыхъ и ихъ креатурахъ... Все перевернулось съ крушеніемъ Орловыхъ, которые одни были несомнѣнно связаны съ ней какъ чувствомъ признательности, такъ и своими убѣжденіями и образомъ мыслей». [2])

Когда принцъ Генрихъ Прусскій писалъ своему брату: «Графъ Орловъ формально въ полной немилости, это событіе—гвоздь, который укрѣпляетъ корону на головѣ императрицы», [3]) онъ и не подозрѣвалъ о той тоскѣ, нѣсколько вульгарной, правда, которая овладѣла Екатериной съ момента удаленія фаворита. Въ одинъ прекрасный вечеръ въ ворота дворца въѣхала повозка. Она думала увидѣть въ ней переодѣтаго Орлова и поспѣшила скрыться въ аппартаменты Панина [4]). Григорій Орловъ былъ ревнивый любов-

---

[1]) Сборникъ, LXXII стр. 314.

[2]) Affair. étrang. vol. XC, fol. 217; Sabatier, 15 сентября 1772.

[3]) Фридрихъ Великій, сочиненія т. XXVI, стр. 361.

[4]) Affair. etrang, vol. XC, fol. 338; Durand, 1-е декабря 1772.

никъ, котораго не любятъ, но гнѣва котораго боятся. Онъ легко могъ отомстить. Онъ—у городскихъ воротъ и кто знаетъ? Можетъ быть уже и въ самомъ городѣ. Больше тысячи гвардейскихъ солдатъ находятся на его особомъ содержаніи и нѣсколько епископовъ—въ его распоряженіи. [1])

Если бы онъ соединился съ наслѣдникомъ престола и рѣшился на покушеніе?

Павелъ не замедлилъ уразумѣть смыслъ игры своей матери. Орловъ разжалованъ, но его боятся, его щадятъ, осыпаютъ благодѣяніями. Ему жалуютъ въ потомственное владѣніе землю и 6000 душъ крестьянъ, пенсію въ 150,000 рублей, великолѣпный серебряный сервизъ и коллекцію картинъ; [2]) съ нимъ поддерживаютъ ежедневную переписку и даютъ понять, что сохраняютъ къ нему симпатію. Къ нему посылаютъ сенатора Елагина, чтобы сказать: «Вы знаете, можетъ быть, о томъ, что великій князь злословитъ на вашъ счетъ. Не безпокойтесь по этому поводу. Императрица съ презрѣніемъ относится къ этимъ клеветамъ, придуманнымъ для того, чтобы погубить Васъ; эти злобныя выходки сшиты бѣлыми нитками. [3])

Хотя водворенный во дворцѣ молодой Васильчиковъ и заступилъ мѣсто Орлова въ его роли перваго любовника и влюбленнаго, но властвовать и раздавать милости

---

[1]) Id. vol. CX, fol. 365, Durand, декабря 1772,

[2]) Сборникъ, т. XIII, стр. 276, письмо Екатерины издателю вѣдомостей на Нижнемъ Рейнѣ.

[3]) Сборникъ, т. XLII стр. 307. Письмо импер. Екатерины къ Елагину: „Освѣдомись при случаѣ, или скажи при случаѣ князю, что есть ли то, что онъ слышалъ про отзывы Великаго Князя объ немъ со стороны Ив. Ив. Бецкаго, до него дошло, то чтобы онъ зналъ, что я ставлю то за ложь, выдуманную для видовъ тѣхъ, кои черезъ то надѣются скорѣе достигнуть своихъ видовъ, въ коихъ я не обманута, а все сіе—пустошь, изъ перехитренной тонкости выдуманная, и меня не проведутъ". (Примѣч. перевод.).

продолжалъ попрежнему Орловъ. Въ серединѣ декабря онъ появился при дворѣ веселый, оживленный и гордый; въ его поведеніи съ императрицей не было замѣтно никакого смущенія. Онъ какъ-бы по доброй волѣ покидалъ Петербургъ и провелъ первые мѣсяцы 1773 г. въ Ревелѣ. Екатерина проявила къ нему благосклонное вниманіе, она заботилась о его столѣ, содѣйствовала устройству блестящихъ празднествъ для обывателей города и даже посылала ему цѣнныя вещи для лоттереи, разыгранной во время бала.[1]) Почувствовавъ дуновеніе благопріятнаго вѣтра, онъ вернулся весной ко двору, принялъ на себя почти всѣ прежнія обязанности и пользовался огромнымъ довѣріемъ вплоть до того дня, когда Потемкимъ всталъ на его мѣсто.[2])

Великій князь Павелъ не безъ горечи замѣчалъ, какъ Орловъ вновь занимаетъ утраченную позицію. Онъ питалъ къ Орлову непримиримую ненависть и не разъ, если бы только не вмѣшательство Панина, онъ показалъ бы ему свое презрѣніе прямо въ глаза. Насколько онъ радовался его паденію, настолько же возмущался тѣми знаками вниманія, которые продолжали ему оказывать послѣ того, какъ разжаловали. Подвергая испытанію материнскую нѣжность, которой Екатерина, казалась, была проникнута, онъ умолялъ свою мать не видаться больше съ Орловымъ; онъ угрожалъ покинуть Россію, если только прежній фаворитъ вернется ко двору; однако мольбы и угрозы остались тщетными. Ему повторяли извѣстныя слова Орлова, которыя окончательно выводили его изъ себя: Орловъ имѣлъ дерзость утверждать, что онъ нѣсколько разъ на колѣняхъ уговаривалъ императрицу съ большимъ вниманіемъ обращаться съ юнымъ княземъ и допустить его въ Совѣтъ; какъ будто кто иной, а не онъ

---

[1]) Affaires étrangères, vol. XGI, fol. 207, Durand, 28 февраля 1773

[2]) Валишевскій „Вокругъ трона“, стр. 92—95.

самъ посѣялъ раздоръ между матерью и сыномъ! [1]) Павелъ плакалъ отъ ярости при видѣ того пріема, который оказывали его врагу во дворцѣ во время его пребыванія въ Петербургѣ: самъ онъ отказывался говорить съ нимъ. [2])

Но въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ. Когда Григорій Орловъ торжественно вернулся изъ Ревеля, онъ, скрѣпя сердце, согласился заговорить съ нимъ и испыталъ униженіе, получивъ отъ Екатерины 50,000 рублей въ награду за эту неизбѣжную капитуляцію.[3]) Орловъ не удовлетворился этимъ внѣшнимъ примиреніемъ.

Видя ледяную холодность въ отношеніи къ себѣ Павла, онъ съ безпокойствомъ спрашивалъ себя иногда, какова будетъ его участь, когда при воцареніи великаго князя онъ окажется въ его рукахъ.

Уже миновало время, когда, считаясь съ своимъ положеніемъ и накидывая на себя личину, Екатерина расточала материнскія ласки. Это была лишь искусственно подогрѣтая вспышка нѣжности, быстро улетучившаяся; ловко подготовленная, но скоротечная идиллія. Какъ только императрицѣ не нужно было бояться Орлова и Павла,— тѣтеръ быстро перемѣнился. Переходъ отъ ласковаго обращенія къ грубому былъ очень рѣзкій. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ борьбѣ съ сыномъ Екатерина прикрывалась всевозможными масками. Глухая борьба между государыней и наслѣдникомъ престола создавала во дворцѣ извѣстную натянутость. Сальдернъ говорилъ, «что не можетъ жить при такомъ дворѣ, гдѣ быть пріятнымъ императрицѣ возможно только тогда, когда состоишь въ дурныхъ отношеніяхъ съ великимъ княземъ, а находясь въ хорошихъ

---

[1]) Affaires étrangères, vol. XC, fol. 313; Durand, 8 ноября 1772.

[2]) Id. vol. XCI, fol. 28; Durand, 6 января 1773.

[3]) Id. vol. XCI. fol. 322, Durand, 2 апрѣля 1773 г.

отношеніяхъ къ этому послѣднему, навлечешь на себя подозрѣнія императрицы». [1]) Дипломаты, аккредитованные въ Петербургѣ, находились подъ строгимъ надзоромъ: стоило проявить немного вниманія къ цесаревичу, какъ императрица отворачивалась отъ нихъ. Австрійскій посланникъ г. Лобковичъ испыталъ это вскорѣ по прибытіи на свой постъ. Его поспѣшили пригласить на обѣды у графа Панина и великаго князя. Онъ остерегался сначала этого поступка, какъ „болѣе чѣмъ легкомысленнаго». Ни одинъ изъ министровъ не бывалъ на нихъ; лишь уполномоченные Даніи и Швеціи имѣли право время отъ времени обѣдать у великаго князя, какъ „ministres de famille". Однако Лобковичъ наконецъ согласился. Хозяинъ и гости оказали ему самое лестное вниманіе, расточая привѣтствія и любезности. Не подозрѣвая интриги, австріецъ радовался такому обхожденію и повторилъ визитъ. Но это ему было поставлено на видъ и съ этого момента Екатерина стала относиться къ нему очень холодно. [2]) Французскій посолъ Дюранъ, который лучше зналъ ту шаткую почву, гдѣ онъ находился, былъ болѣе остороженъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1772 г. шведскій посланникъ поднялъ вопросъ о томъ, чтобы отправиться къ великому князю и привѣтствовать его по случаю его совершеннолѣтія. Дюранъ замѣтилъ ему, что совершеннолѣтіе великаго князя не отмѣчается никакимъ публичнымъ актомъ. 20 сентября не было даже сдѣлано производства, очевидно для того, чтобы никто не былъ обязанъ юному князю. «Императрица, говорилъ Дюранъ, могла бы заподозрить Швецію въ желаніи дать почувствовать великому князю и освѣдомить его о томъ, что внѣ Россіи на него смотрятъ, какъ на человѣка, который уже въ состояніи управлять самъ. Это вовсе не

---

[1]) Сборникъ, т. LXXII, стр. 385.

[2]) Affaires étrangères, vol. LXXXVIII, 182, Durand, 19 апрѣля 1771 г.

наше, посланниковъ, дѣло изслѣдовать природу правъ императрицы на русскую корону и законность ея титула». [1])

Во избѣжаніе недовольства императрицы предпочитали сторониться великаго князя, и для устраненія недоразумѣній говорили, что при ближайшемъ знакомствѣ Павелъ представляется въ невыгодномъ свѣтѣ. Въ 1770 г. братъ Фридриха II, Генрихъ Прусскій поѣхалъ въ Петербургъ, предубѣжденный противъ Павла и съ твердымъ намѣреніемъ посвятить все свое вниманіе и любезность императрицѣ. Во время его пребыванія при императорскомъ дворѣ онъ, говорятъ, внушилъ Екатеринѣ мысль вступить въ бракъ съ младшимъ братомъ Ивана VI Брауншвейгскаго, бывшаго тогда 24 лѣтъ. Это сильно озлобило Павла и онъ рѣзко отозвался о Генрихѣ. [2]) Онъ не умѣлъ или не могъ мстить за несправедливость иначе, какъ рѣзкими отзывами.

Если онъ когда-либо и надѣялся, по достиженіи совершеннолѣтія и выходѣ изъ дѣтскаго возраста, занять при дворѣ мѣсто, какое ему подобало, то теперь его иллюзіи, казалось, были разбиты. Совершенно не считаться съ нимъ, даже презирать его было при дворѣ настолько принятымъ, что не слѣдовать этому обычаю, казалось, даже страннымъ; напротивъ усердствовать въ этомъ направленіи почиталось признакомъ хорошаго тона.

Онъ чувствовалъ, какъ постепенно охладѣвали симпатіи тѣхъ, кто въ первые годы царствованія Екатерины считалъ необходимымъ устранить вдову Петра III и передать корону ему. Съ другой стороны надѣяться, что императрица проявитъ къ человѣку зрѣлому уже материнскую нѣжность, въ которой она отказывала ребенку слабому и тихому, Павелъ едва ли могъ. Онъ долженъ былъ по-

---

[1]) Affaires étrangères, vol. XC, fol. 320 Durand, 10 ноября 1772 г.

[2]) Id. vol. LXXXVII, 2 ноября 1770.

кориться своей участи: его отношенія къ матери—отношенія раба, мятежнаго и въ то же время трепещущаго передъ внушающимъ страхъ господиномъ. Онъ сохранитъ свое сердце всегда закрытымъ для матери. Его слабая душа сама собой поддается очарованію овладѣвавшей имъ болѣе сильной воли. Его воображеніе принимаетъ печальную окраску, которая уже болѣе не исчезала. У Павла остается еще единственный шансъ на счастье: судьба могла надѣлить его сильной подругой, способной согрѣть его сердце и въ то же время смягчить его настроеніе.

ГЛАВА III.

Первый бракъ.

(1773—1776).

I.

Въ Германіи, республикѣ владѣтельныхъ домовъ, подрастало очень много принцессъ, одинаково готовыхъ какъ усвоить любые догматы, такъ и раздѣлить любой престолъ. Въ этотъ богатый питомникъ періодически наѣзжали искусные развѣдчики и агенты оффиціальной и и тайной дипломатіи, которые собирали свѣдѣнія относительно намѣченныхъ лицъ, предлагали ихъ на выборъ различнымъ европейскимъ дворамъ и такимъ образомъ устраивали браки. Эта роль считалась настолько лестной, что ея добивался каждый. Лучше другихъ она удавалась барону Ассебургу. Не желая далѣе въ безвѣстности служить своему отечеству Даніи, убоявшись чрезмѣрнаго вліянія, которое пріобрѣталъ Струэнзе при дворѣ Христіана, и предвидя паденіе своего покровителя Бернсторфа, баронъ Ассебургъ предложилъ въ 1769 г. свои услуги Екатеринѣ. Онъ убѣдилъ ее въ томъ, что пора подумать о бракѣ Павла: къ чему ожидать, пока у князя появится борода? Императрица поручила ловкому датчанину объѣхать мелкіе протестантскіе дворы Германіи и подыскать подходящую жену для ея сына. [1]) Если бы самъ Ассебургъ не

---

[1]) Asseburg, Denkwürdigkeiten, стр. 245 и слѣд.

вполнѣ ясно представлялъ себѣ, какими соображеніями онъ долженъ руководствоваться при выборѣ невѣсты, то онъ могъ освѣдомиться объ этомъ у французскаго уполномоченнаго, неугомоннаго аббата Гюйо, которому Екатерина дала прозвище „г. сверхуполномоченный“ („le surchargé“).

„Вовсе не обязательно, писалъ этотъ дипломатъ, чтобы принцесса происходила изъ очень вліятельнаго дома, желательно лишь, чтобы она была неспособна давать великому князю иные примѣры и совѣты, кромѣ послушанія. Ей извинятъ ея красоту,—добавлялъ насмѣшливый аббатъ,—но умъ долженъ быть исключенъ, поэтому аспирантка должна имѣть его настолько, чтобы умѣть хорошо его скрыть“. [1]) Ассебургъ приступилъ къ дѣлу: ему была обезпечена ежегодная пенсія въ 4000 рублей и обѣщано, въ случаѣ успѣха миссіи, устроить при дворѣ молодыхъ „въ качествѣ довѣреннаго лица, способнаго давать добрые совѣты молодымъ новобрачнымъ“. [2])

Баронъ много ѣздилъ, посылалъ въ Петергургъ письма за письмами, рапорты за рапортами и имѣлъ основаніе сказать, что не даромъ получаетъ свое жалованье. Благодаря деньгамъ и уму,ему удавалось проникать повсюду. По поводу каждой нѣмецкой принцессы онъ производилъ тонкія и тщательныя разслѣдованія; съ большой ловкостью вкрадывался въ милостивое расположеніе отца и матери; разспрашивалъ придворныхъ служащихъ, добивался своимъ умѣньемъ откровенныхъ признаній отъ гувернантокъ, наставниковъ и другихъ обитателей дома. Почерпнутыя изъ самыхъ интимныхъ и достовѣрныхъ источниковъ всѣ

---

[1]) Affaires étrang. vol. LXXXI, fol. 234; аббатъ Гюйо, 15 іюля 1767 г.

[2]) Asseburg, Denkwürdigkeiten, стр. 257; сборникъ, CIX, стр. 621 депеша Лобковича Кауницу.

его свѣдѣнія оказались вполнѣ удовлетворительными. Поэтому Екатерина имѣла богатый выборъ. Она шутя сравнивала себя „съ осломъ изъ басни, который умиралъ отъ голоду среди нѣсколькихъ стоговъ сѣна, такъ какъ не могъ рѣшиться, съ котораго начать“. [1])

Она колебалась еще и потому, что помимо тѣхъ комбинацій, которыя предлагалъ ей ея эмиссаръ, въ ея умѣ вставалъ иной брачный планъ, задуманный ею самой и представлявшій много преимуществъ. Юный императоръ Іоаннъ VI, столь трагически лишенный престола въ 1741 г. и жизни въ 1764 г., оставилъ двухъ сестеръ, влачившихъ печальное существованіе въ Холмогорахъ, Архангельской губерніи, подъ надзоромъ своего отца, престарѣлаго князя Антона Брауншвейгскаго. Почему бы не женить Павла на одной изъ этихъ княженъ? Это было-бы блестящимъ удовлетвореніемъ несчастныхъ жертвъ прошлыхъ революцій, и кто знаетъ, быть можетъ, это соображеніе взяло бы верхъ у императрицы. Болѣе того, это соединило бы новыми и могучими узами двѣ вѣтви династіи Романовыхъ, въ теченіе полувѣка оспаривавшихъ власть другъ у друга, одну происшедшую отъ Петра Великаго и другую—отъ его брата Ивана. Этотъ бракъ могъ бы уничтожить зачатки распрей. Правда, самая юная изъ принцессъ Брауншвейгскихъ уже давно представляла старую дѣву, тогда какъ Павлу едва минуло семнадцать лѣтъ; но что значитъ несоотвѣтствіе возраста? Императрица серьезно помышляла объ этомъ бракѣ. Одно время распространился даже слухъ, что двѣ кареты, повозки и свита, предназначенныя для какой-то очень важной особы, выѣхали изъ столицы, нѣкоторое время двигались какъ будто по направленію къ Москвѣ, а потомъ повернули и добрались до Архангельска. По-

---

[1]) Сборникъ, т. XIII, стр. 61.

всюду толковали о скоромъ пріѣздѣ принца Антона и его дочерей. [1]) Но никто не пріѣхалъ и скоро самый вопросъ объ этихъ ссыльныхъ на Бѣломъ морѣ заглохъ.

Между тѣмъ баронъ Ассебургъ сгоралъ отъ нетерпѣнія, а вмѣстѣ съ нимъ и нѣкоторыя нѣмецкія принцессы. Наконецъ, въ началѣ 1771 г., читая и перечитывая донесенія этого довѣреннаго, Екатерина остановилась въ своемъ выборѣ и, не проронивъ объ этомъ ни слова своему сыну, намѣтила принцессу Луизу Саксенъ-Готскую. Ея матери должны были подать мысль о путешествіи въ Россію съ ея обѣими дочерьми; безполезно было бы говорить о цѣли.

„Худшимъ концомъ было бы, если бы изъ этого вышла неудача и ни одна принцесса намъ не понравилась бы; но тогда что бы она потеряла? Она только бы выиграла своимъ дочерямъ приданое, съ помощью котораго она пристроила бы ихъ въ другомъ мѣстѣ. Впрочемъ, издержки путешествія не разорили бы ее, такъ какъ истраченная сумма была бы отсюда возвращена ей, и она можетъ сохранить инкогнито до самой Россіи, гдѣ она будетъ жить на нашъ счетъ“ [2])

Прошло четыре мѣсяца, какъ Ассебургъ не давалъ извѣстій. Онъ открылъ «и въ личности и характерѣ принцессъ Саксенъ-Готскихъ недостатки, которыхъ не усмотрѣлъ при первомъ наблюденіи».

Послѣ новаго изслѣдованія онъ нашелъ принцессу Луизу «сильно измѣнившейся къ худшему въ чертахъ своего лица», а въ серединѣ мая онъ написалъ, что о ней лучше не думать. Екатерина выразила ему удоволь-

---

[1]) Affaires étrangères vol. LXXXVII, Sabatier de Cabres, 17 августа 1770 г.

[2]) Сборникъ, XII, стр. 64.

ствіе по поводу того, что онъ такъ разумно пріостановилъ переговоры. [1])

Послѣ этого она направила свои взоры на Вильгельмину Гессенъ-Дармштадскую. Эта молодая дѣвушка была изображена ей, какъ «чудное созданіе природы».

Но Екатерина знала, что въ мірѣ нѣтъ совершенства и не давала обольстить себя этими несомнѣнно преувеличенными похвалами. Поводомъ для серьезныхъ возраженій было то обстоятельство, что Вильгельмина имѣла цѣлый выводокъ братьевъ и сестеръ. Императрица съ ужасомъ думала о томъ, какъ все семейство: отецъ, мать и восемь человѣкъ дѣтей окажутся у нея на рукахъ, разорятъ ее на приданыя и пенсіи. Но гдѣ найти нѣмецкую принцессу, которая была бы не обременена братьями и сестрами? Принцесса Вюртембергская, также предложенная Ассебургомъ, имѣла ихъ одиннадцать: «Вильгельмина стоила бы всетаки гораздо дешевле». [2])

Для защиты своихъ интересовъ Вильгельмина имѣла ходатая съ хорошо подвѣшеннымъ языкомъ, человѣка то серьезнаго, то разыгрывавшаго шута, любившаго забавлять, хотя бы въ передней, посредника и нужнаго человѣка, давно добивавшагося случая заслужить вниманіе сѣверной императрицы.

Посѣтивъ въ 1769 г. проѣздомъ Дармштадтскій дворъ Мельхіоръ Гриммъ нашелъ Вильгельмину красивой и не глупой и съ этого времени занялся подысканіемъ ей мужа. Онъ искренно желалъ сосватать ее великому князю Павлу и, составивъ этотъ планъ, держался его, какъ будто это было дѣломъ его самолюбія. Въ тонѣ нѣсколько комичнаго энтузіазма онъ повсюду восхвалялъ Вильгельмину, ея красоту, ея грацію, «глаза съ красивымъ раз-

---

[1]) Сборникъ, т. XIII, стр. 82. 90.

[2]) Тамъ-же, т. XIII, стр. 91—92.

рѣзомъ», «волосы, красиво обрамляющіе лобъ». Если случайно при немъ обвиняли принцессу въ томъ, что она горяча и своенравна, онъ выходилъ изъ себя. «Быть оклеветанной такъ рано, вздыхалъ онъ, это обѣщаетъ многое»! Онъ не могъ спокойно относиться также, когда бросали камнемъ въ русскаго великаго князя. Чтобы вызвать благосклонность къ предмету своихъ заботъ, Гриммъ не зналъ границъ. Дѣло тянулось до 1773 г. и въ продолженіе трехъ лѣтъ бѣдный Гриммъ находился то въ состояніи увѣренности, то отчаянія. [1])

Барону Ассебургу было поручено начать переговоры и убѣдить ландграфиню Гессенъ-Дармштадтскую поѣхать въ Петербургъ «съ выводкомъ дочерей». Ландграфинѣ предстояло устроить еще трехъ дочерей: Амалію-Фридерику—восемнадцати лѣтъ; Вильгельмину—семнадцати лѣтъ и Луизу—пятнадцати. «Мы будемъ очень огорчены, говорила Екатерина, если изъ нихъ трехъ намъ не подойдетъ ни которая». Въ пользу старшей или, впрочемъ, скорѣе не въ ея пользу, былъ одобрительный отзывъ короля Прусскаго. «Я знаю, говорила Екатерина, какъ онъ ихъ выбираетъ и какія ему нужны; то, что ему нравится, едва ли бы насъ удовлетворило. Для него чѣмъ глупѣе—тѣмъ лучше». [2]) Она склонялась скорѣе въ пользу Вильгельмины.

Каролина Гессенъ-Дармштадтская, которую Екатерина 28 апрѣля 1773 г. оффиціально приглашала пріѣхать въ Россію для представленія своихъ дочерей, сохранила въ исторіи своего отечества имя «великой ландграфини», хотя и не была причастна ни къ какому крупному событію. Это была очень почтенная женщина. Дочь пфальцграфа Христіана III (Deux-Ponts), она вышла замужъ въ 1741 г.

---

[1]) Scherer. Melchior Grimm, стр. 229 и слѣд.

[2]) Сборникъ, т. XIII.

за наслѣднаго принца ландграфства Гессенскаго, солдата, влюбленнаго въ свое ремесло, человѣка со странностями, меланхоличнаго, очень уважавшаго свою жену, но не склоннаго къ нѣжности и старавшагося быть больше внѣ дома». [1]) Его отъѣзды на маневры или въ путешествіе не вносили большой пустоты. Каролина нашла пищу для своего ума въ литературныхъ занятіяхъ. Она сдѣлала Дармштадтъ однимъ изъ литературныхъ центровъ Германіи. [2]) Здѣсь часто можно было видѣть Виланда, Гердера и Гете; Гете еще въ молодости завязалъ здѣсь живыя отношенія съ Меркомъ, обладавшимъ язвительнымъ умомъ, человѣкомъ безпокойнымъ и недовольнымъ, «съ сѣрыми глазами и пытливымъ взоромъ», о которомъ авторъ Фауста, повидимому, вспомнилъ, изображая фигуру Мефистофеля.

Уѣзжая въ Россію, ландграфиня не была вполнѣ спокойна. Она думала, что ни въ какомъ случаѣ не сможетъ покрыть путевыхъ издержекъ безъ помощи императрицы. [3]). Главнымъ же образомъ она опасалась, какъ бы ея поѣздка не привлекла слишкомъ много любопытныхъ взоровъ и въ случаѣ неудачи не скомпрометировала ея дочерей. Фридрихъ II старался ее разувѣрить. Онъ, во что бы то не стало, хотѣлъ помѣшать водворенію въ императорскомъ дворцѣ великой княгини, преданной Саксоніи, Австріи или Франціи; бракъ Павла съ Вильгельминой былъ, по его мнѣнію, очень выгоденъ для Пруссіи: старшая сестра этой принцессы вышла замужъ за Фридриха-Вильгельма, племянника и наслѣдника Фридриха; такимъ образомъ предполагаемые наслѣдники Рос-

---

[1]) Scherer, ук. соч. стр. 221.

[2]) Bopp. Die grosse Landgräfin (Historiache Taschenbuch, 1853).

[3]) „Говорятъ о трудности для нея найти необходимыя суммы на это путешествіе, о чемъ повидимому императрица не предполагала“. Affair. etrang. т. XC duc de'Echilion, 11 апрѣля 1773 г.

сіи и Пруссіи оказались бы свояками. Желая устранить всѣ затрудненія, Фридрихъ II предложилъ ландграфинѣ проѣхать черезъ Берлинъ. Никого не удивитъ ея визитъ къ дочери и зятю. А попавъ въ Берлинъ, она можетъ уже не трудно найти предлогъ, чтобы добраться до Петербурга. [1]) За ландграфиней и ея свитой были отправлены въ Любекъ три русскихъ судна. Принцессы сѣли на «Святого Марка». Во время путешествія капитанъ фрегата, графъ Андрей Разумовскій, проявлялъ къ нимъ особое вниманіе. [2]) Этотъ молодой вельможа пользовался со стороны Павла въ то время дружескимъ расположеніемъ, доходившимъ до страсти. Ему было двадцать лѣтъ. Съ мужественной и гордой осанкой, здоровымъ цвѣтомъ лица, привѣтливый и пылкій, онъ умѣлъ нравиться женщинамъ; знаки вниманія, которые онъ оказывалъ Вильгельминѣ, не принимались ею съ полнымъ равнодушіемъ. Мы увидимъ, какъ впослѣдствіи онъ сумѣлъ сдѣлаться близкимъ при дворѣ молодыхъ и вызвать со стороны супруги Павла нѣчто большее, чѣмъ одно дружеское расположеніе. На Ревельскомъ рейдѣ сдѣлали остановку. Баронъ Черкасовъ ожидалъ здѣсь принцессъ. Его миссія состояла въ томъ, чтобы привѣтствовать ихъ по случаю пріѣзда, препроводить въ Царское Село, а главнымъ образомъ руководить ими, подавая добрые совѣты ландграфинѣ. Екатерина снабдила его секретными инструкціями: «Nota bene secretissime. Г. баронъ будетъ такъ добръ и улучитъ время для объясненія ландграфинѣ, что Ея Свѣтлости ничего не будетъ легче, какъ пріобрѣсти мою дружбу, и что единственное для того средство—имѣть полнѣйшее ко мнѣ довѣріе, поступать по моимъ внушеніямъ,

---

[1]) Memoires de Frédéric II, т. II, стр. 371; Alfred Rambaud, Catherine II dans sa famille.

[2]) Asseburg, Denkwürdigkeiten, стр. 254.

говорить со мной откровенно, совѣтоваться дружески во всѣхъ случаяхъ, гдѣ она встрѣтитъ затрудненіе. Впрочемъ я желаю, чтобы она держала себя въ отношеніи ко всѣмъ съ равнымъ вниманіемъ и учтивостью, но чтобъ она не оказывала никакого предпочтенія особливо внушеніямъ и совѣтамъ политики". [1])

Вопреки всякимъ условностямъ, императрица пожелала, чтобы первое свиданіе съ принцессами состоялось въ Гатчинѣ у ея прежняго любовника Орлова, пользовавшагося въ это время опять нѣкоторымъ вліяніемъ. Этимъ необычнымъ поведеніемъ она какъ бы удовлетворяла свою дерзость и Павелъ долженъ былъ съ горечью ее почувствовать. Ландграфиня Гессенская пріѣхала 15 іюня. Князь Орловъ выѣхалъ ей навстрѣчу и пригласилъ къ обѣду во дворецъ. «Вы встрѣтите, сказалъ онъ, нѣсколькихъ дамъ у меня». Каково же было удивленіе ландграфини, когда она оказалась въ присутствіи Екатерины II. Императрица, оставивъ всякій этикетъ и съ привѣтливой простотой оказывая ландграфинѣ вниманіе, позаботилась, чтобы она почувствовала себя непринужденно. Путешественницы пошли «оправиться». Послѣ очень веселаго обѣда совершили прогулку въ каретахъ. Въ пяти верстахъ отъ дворца встрѣтили великаго князя Павла, который, остановивъ своихъ лошадей, «сошелъ съ своего шестимѣстнаго фаэтона». Дамы вышли изъ экипажей и представленіе состоялось. [2]) Екатерина писала принцу Генриху Прусскому. «Наше знакомство произошло очень просто и безъ всякихъ церемоній, этой обузы, которая, по моему, только нагоняетъ скуку». [3])

---

[1]) Сборникъ, т. XIII, стр. 331.

[2]) Id. т. XIII, стр. 346; письмо Екатерины къ г-жѣ Бьельке, ля 1773

[1]) Kranel Briefwechsel zwischen Heinrich Preussen und Katharina v. Russlanp. стр, 166.

Павелъ старался казаться веселымъ. Но ему было очень тяжело наблюдать за тѣмъ, какъ мать его, не посовѣтовавшись съ нимъ, то налаживала, то разлаживала его бракъ и принимала во вниманіе всякія соображенія, за исключеніемъ его собственнаго желанія и соображеній о его счастьѣ. По своей привычкѣ онъ старался облегчить свое горе, отдаваясь во власть мрачныхъ мыслей, безпрестанно бродившихъ въ его головѣ. Но подъ внѣшностью нелюдимаго юноши, склоннаго къ глубокой, мрачной и въ то же время наивной мизантропіи, скрывалась живая душа, которая смутно сознавала потребность любви. Обладая живымъ воображеніемъ, великій князь кончилъ тѣмъ, что заинтересовался брачными комбинаціями, которыя создавались ради него; онъ сталъ прислушиваться къ тому, что говорилось по поводу Гессенскихъ принцессъ и почувствовалъ желаніе показаться передъ ними въ выгодномъ для себя свѣтѣ. Въ предшествовавшіе три мѣсяца передъ пріѣздомъ невѣсты онъ серьезно работалъ надъ своимъ характеромъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ письма къ его наперстнику и другу Разумовскому. „Вы совершили со мной чудо дружбы, такъ какъ я начинаю не довѣрять моимъ прежнимъ сомнѣніямъ; но другъ мой, необходимо, чтобы вы вмѣстѣ со мной проявляли настойчивость, вѣдь вы идете противъ десятилѣтней привычки и боретесь противъ того, что вкоренили въ меня страхъ и гнетъ". Въ тотъ моментъ, когда принцессы, которыхъ сопровождалъ Разумовскій, должны были высадиться въ Ревелѣ, Павелъ писалъ своему другу: „я много гулялъ и только и дѣлалъ, что размышлялъ о себѣ, благодаря чему,—такъ по крайней мѣрѣ мнѣ думается,—мнѣ удалось разсѣять безпокойство и подозрѣнія, которыя дѣлали мою жизнь столь тяжелой. Вы помните съ какимъ страхомъ или смущеніемъ я представлялъ себѣ

моментъ пріѣзда принцессъ. И что же! Я жду ихъ теперь съ самымъ горячимъ нетерпѣніемъ". [1])

На порогѣ новой жизни Павелъ пытался сбросить бремя тревогъ и огорченій и поднять свой слабый духъ. Онъ былъ въ такомъ хорошемъ настроеніи, что нашелъ путешественницъ восхитительными. Изъ трехъ принцессъ наилучшее впечатлѣніе произвела Вильгельмина. Екатерина „дала сыну три дня сроку, чтобы посмотрѣть, не поколеблется ли онъ". [2])

18 іюня она уже просила для князя руки Вильгельмины. Ландграфиня не заставила долго просить себя о согласіи. Былъ отправленъ курьеръ къ ландграфу Гессенскому за полученіемъ его разрѣшенія. Дворъ имѣлъ пребываніе сначала въ Царскомъ Селѣ, потомъ въ Петергофѣ. Императрица нисколько не измѣнила своихъ привычекъ работать. Она видѣла своихъ гостей только вечеромъ. Съ тростью въ рукѣ, въ сопровожденіи стаи англійскихъ собакъ «семейства Андерсенъ» она въ свѣтлые сѣверные вечера совершала съ принцессами прогулки въ тѣнистомъ паркѣ или чаще собирала ихъ за общимъ столомъ и устраивала игры въ ожиданіи ужина. Послѣ изящнаго Дармштадтскаго двора ландграфиня не могла не замѣтить, что, несмотря на попытки подражать Версалю, въ Петергофѣ существовали еще очень грубые нравы, циничная распущенность, тяжеловѣсность въ развлеченіяхъ, отсутствіе утонченности и вкуса. Ей не могло не броситься въ глаза, что потомки пьяныхъ и буйныхъ сподвижниковъ Петра I усвоили красивыя манеры и внѣшній лоскъ, но остроты Орлова или шутовскія выходки Нарышкина показывали на каждомъ шагу, какъ трудно это имъ давалось. Ландграфинѣ было не по себѣ среди этихъ «варваровъ», по выраженію Фрид-

---

[1]) Васильчиковъ, Разумовскіе, стр. 9, 19 и 20.

[2]) Сборникъ, т. XIII, стр. 348.

риха II, но она мирилась съ этимъ. Она старалась выразить свое восхищеніе Екатеринѣ и при каждомъ случаѣ восхваляла ея остроуміе, привѣтливость, живость и обходительность. Императрица платила ей той же монетой. «Съ ландграфинею, писала она, пріятно познакомиться ближе, у нея сердце и умъ возвышенные, это во всѣхъ отношеніяхъ женщина почтенная и съ большими достоинствами; ея бесѣда занимательна и кажется ни она, ни ея дочери не скучаютъ съ нами". [1])

Эти взаимныя выраженія симпатіи были не вполнѣ искренни. Какъ ни были внимательны во взаимномъ обращеніи императрица и ландграфиня, въ ихъ отношеніяхъ чувствовалась нѣкоторая натянутость. Екатерина была очень недовольна, узнавъ, что Каролина Гессенская жаловалась своему отцу на то, что ее оставляютъ безъ денегъ. [2]) «Повидимому она все больше и больше отдаляется отъ ландграфини, замѣчалъ французскій посланникъ.—Послѣдняя съ своей стороны, кажется непріятно поражена тѣмъ состояніемъ дѣтства, въ которомъ она держитъ своего сына. Сверхъ того, она позволяетъ себѣ предъявлять самыя разнообразныя претензіи и не стѣсняется докучать ими Екатеринѣ. Ту изъ ея дочерей, которую прочатъ за Павла, обвиняютъ въ высокомѣріи. Она задаетъ нѣсколько поверхностныхъ вопросовъ придворнымъ дамамъ и обыкновенно не дожидается на нихъ отвѣта. Послѣднія мстятъ ей тѣмъ, что находятъ ее недалекой и плохо сложенной". [3])

Ландграфиня выражала желаніе, какъ можно скорѣе вернуться въ Германію: никто противъ этого не возражалъ.

---

[1]) Сборникъ, т. XIII, стр. 349.

[2]) Affair. étrang. т. XCII, 126; Durand, 18 іюня 1773 г.

[3]) Id. т. XCII, 269; Durand, 29 іюля 1773 г.

Вопросъ о вѣроисповѣданіи едва не явился поводомъ для большихъ осложненій. Во время переговоровъ съ Дармштадтскимъ протестантскимъ дворомъ, баронъ Ассебургъ допускалъ, что юная принцесса, вѣроятно, будетъ имѣть возможность сохранить свою религію, но только безъ отправленія ея культа. Ея отецъ ревностный лютеранинъ, очень настаивалъ на этомъ. Гриммъ говорилъ: «Не стоитъ огорчаться изъ за вопроса о происхожденіи Святаго Духа». Не успѣла ландграфиня прибыть въ Царское Село, какъ Екатерина подняла вопросъ о религіи и поставила условіемъ, чтобы принцесса, предназначенная для великаго князя, приняла православіе. Русскій народъ, говорила она, не будетъ питать никакого уваженія, никакой симпатіи къ женѣ Павла, если она не раздѣлитъ его вѣры. Каролина Гессенская пыталась возражать, ея сомнѣнія показались смѣшными и на нихъ не обратили вниманія. Платону было поручено наставленіе Вильгельмины. Молодая принцесса изучала русскій языкъ, выучила наизусть православный катехизисъ и скоро стала читать евангельскіе тексты, какъ священникъ. Платонъ былъ у императрицы въ нѣкоторомъ подозрѣніи, въ виду его симпатій къ Павлу; его хотѣли устранить. Но ландграфиня, заранѣе знавшая достоинства и искренность Платона, потребовала, чтобы непремѣнно онъ былъ наставникомъ ея дочери. [1])

15 августа происходило отреченіе Вильгельмины отъ протестантской религіи. По словамъ одного современника, ландграфинѣ показались оскорбительными тѣ выраженія, въ которыхъ, по обряду греческой церкви, изложено отреченіе и которыя касаются отца и матери. Но ей при-

---

[1]) Снегиревъ, Жизнь Платона митрополита Московскаго, т. II, стр. 32. Scherer Melchior Grimm, стр. 232 и слѣд.

шлось удовлетвориться тѣмъ, что сказалъ ей придворный богословъ для смягченія формулы отреченія". [1])

При миропомазаніи согласно православному обряду мать не присутствовала. Одинъ документъ, найденный въ Берлинскихъ архивахъ, приводитъ намъ интересныя подробности послѣдовавшей затѣмъ церемоніи. Ея Величество Императрица подошла къ принцессѣ Вильгельминѣ и подвела ее къ возвышенію, гдѣ она стояла рядомъ съ великимъ княземъ во время обѣдни, которую служилъ Платонъ, архіепископъ Тверской, имѣвшій честь руководить наставленіемъ принцессы въ православной вѣрѣ. Передъ причастіемъ Ея Величество Императрица, сойдя снова съ своего возвышенія, провела принцессу за руку къ алтарю для того, чтобы та поклонилась иконамъ и приложилась къ нимъ, сама подавая ей примѣръ колѣнопреклоненія, а когда наступилъ моментъ причастія, она опять подвела ее къ архіепископу и поддерживала ее во время причастія своими руками, послѣ чего отвела ее на прежнее мѣсто, и сама стояла до конца службы». [2])

Г де Корберонъ говорилъ: „Наша Екатерина—это наилучшая актриса", [3]) Мѣсяцъ спустя, она шутя писала Вольтеру: „порадуйтесь нашей радости и пусть это послужитъ Вамъ утѣшеніемъ въ такое время, когда западная церковь опечалена, раздѣлена и занята достопамятнымъ уничтоженіемъ іезуитовъ». [4]) Вильгельмина приняла имя Наталіи Алексѣевны. Обрученіе праздновалось 16-го августа, на другой день послѣ ея миропомазанія. По этому

---

[1]) Affaires étrang. т. XCII, 332, Durand, 20 августа 1773 г.

[2]) Archiv secrèt. dè Berlin, reposit XI, conv 87; Solms, 27 августа 1773 года.

[3]) Labande, Un diplomate francais à la cour de Catherine II, Journal intime du chevalièr, de Carberon т. I, стр. 362.

[4]) Сборникъ т. XIII, стр. 358.

случаю императрица пожаловала ей „на булавки“ 50,000 р. въ годъ. Въ бытность свою великой княгиней Екатерина получала отъ Елизаветы Петровны 30000 рублей ежегодно, но находила, „что это было недостаточно“. Всего нѣсколько дней спустя послѣ обрученія, императрица дала аудіенцію Мозеру, который по предписанію отца Вильгельмины спѣшно проѣхалъ черезъ всю Германію только для того, чтобы напомнить русскому двору о томъ, какъ для ландграфа тяжела будетъ перемѣна религіи его дочери. Каролина дала понять, что назначеніе русскимъ фельдмаршаломъ быть можетъ утѣшило бы ея мужа. [1])

Во все это время Павелъ ухаживалъ за Вильгельминой, но хотя онъ и старался преодолѣть свой угрюмый и упрямый характеръ, онъ все-таки, думается намъ, долженъ былъ довольно плохо исполнять свою роль жениха. Ему недоставало увѣренности, живости, свободнаго изящества манеръ. «Я не имѣю претензій быть блестящимъ, говорилъ онъ нѣсколько лѣтъ спустя; крайне неловко хотѣть казаться не тѣмъ, что есть въ дѣйствительности». [2])

Могъ ли онъ тронуть сердце Вильгельмины чѣмъ-либо инымъ, кромѣ грустныхъ изліяній своей души?—неизвѣстно. Семнадцатилѣтній возрастъ, прекрасная фигура, томный взглядъ, полный какой-то своеобразной прелести, очень кроткое выраженіе лица, большая живость, граничащая съ вѣтренностью,—таковъ былъ обликъ Вильгельмины. Робкому и застѣнчивому юношѣ всегда нравится видѣть въ женщинѣ изящную простоту и непринужденное обращеніе. Павелъ былъ увлеченъ Вильгельминой. Прусскій посланникъ, которому былъ очень по душѣ этотъ бракъ, могъ безъ преувеличенія написать своему монарху: «Великій князь внѣ себя отъ радости и видитъ вели-

---

[1]) Сборникъ, т. XIII, стр. 353.

[2]) Id. т. XX, стр. 434, письмо Сакену.

чайшее счастье въ бракѣ съ этой принцессой; онъ въ нее очень влюбленъ и считаетъ ее вполнѣ достойной своей любви и уваженія». [1])

Счастье цесаревича не было однако безоблачно. Онъ далъ себѣ слово не поддаваться подозрѣніямъ, недовѣрію, тревогамъ, «которыя, говорилъ онъ Разумовскому, заставляли его принимать за черное, если не бѣлое, то сѣрое». [2])

Нельзя однако не отмѣтить, что во время сватовства его рѣшимость не разъ подвергалась испытанію.

Сначала его встревожила интрига Орлова. Императрица разсталась съ своимъ любовникомъ; думали, что этотъ «дуралей Орловъ», какъ выражался Павелъ, устроится съ какой-нибудь калмычкой или финкой такъ же, какъ и съ самой красивой женщиной при дворѣ. Но старый фаворитъ, въ поискахъ за приключеніями, началъ увиваться около Дармштадскихъ принцессъ, допуская съ ними «довольно свободное обращеніе» и нашептывая имъ любезности. „Онъ открыто ухаживаетъ за младшей“ и его поведеніе ясно, почти грубо выражало намѣреніе вступить съ ней въ бракъ. Принцесса Луиза поощряла его ухаживанія и неосмотрительно зашла можетъ быть нѣсколько дальше, чѣмъ хотѣла того вначалѣ. Всегда слѣдившій за происками Орловыхъ Панинъ довелъ до свѣдѣнія Павла о продѣлкахъ его врага. Прусскій посланникъ чувствовалъ себя, какъ на иголкахъ: онъ принималъ въ соображеніе «возвышенныя понятія» ландгафини, которая не захотѣла бы

---

[1]) Id. т. XXII, стр. 381. Наблюдая за его поведеніемъ можно было бы сказать, что онъ помышляетъ только о томъ, чтобы устранить всѣ препятствія для скорѣйшаго упроченія положенія и что онъ видитъ въ этомъ или безопасность, или средство заставить уважать свои притязанія. Affair étrang, vol. XCII fol. 270; Durand, 29 іюля 1773 г.

[2]) Васильчиковъ, Разумовскіе, т. II, стр. 20.

„имѣть зятемъ частнаго человѣка наряду съ великимъ княземъ Россіи“. Но какъ знать, не содѣйствуетъ ли Екатерина втайнѣ планамъ Орлова? Увѣдомленный о томъ Фридрихъ II написалъ ландграфинѣ съ цѣлью предупредить ее. Орловъ принужденъ былъ отступить. [1])

Но Павелъ не исчерпалъ еще чашу своихъ огорченій. По мѣрѣ того, какъ приближался моментъ свадьбы, мать его становилась къ нему холоднѣе. Она не была спокойна и опасалась, какъ бы женившись сынъ не ускользнулъ изъ подъ ея бдительнаго надзора и побуждаемый честолюбивой супругой не объявилъ ей войны. Императрица стала смотрѣть на Вельгельмину, какъ на соперницу; состарившаяся и поблекшая она не безъ горечи вспоминала въ эту минуту о томъ, что можетъ сдѣлать въ Россіи привлекательная и смѣлая княгиня. Французскій министръ Дюранъ утверждалъ даже, что опасенія Екатерины наканунѣ бракосочетанія Павла были такъ велики, что способны были помутить ея разумъ; онъ приводилъ даже подробности перенесеннаго ею нервнаго потрясенія. [2]) Заинтересованность въ дѣлѣ, которое извѣстно только одному или почти одному, заставляетъ, правда, иногда преувеличивать его значеніе. Но, въ данномъ случаѣ, извѣстно, что Екатерину сильно безпокоили тѣ послѣдствія, которыя могъ за собой повлечь бракъ ея сына. Она уже сожалѣла, что устроила пріѣздъ въ Петербургъ Дармштадтскихъ принцессъ и втайнѣ подумывала о разрывѣ, который не осмѣливалась однако вызвать.

Обрядъ бракосочетанія состоялся 29 сентября 1773 г.,

---

[1]) Сборникъ, т. LXXII стр. 366—369, депеша Сольмса отъ 5 іюля 1773 г. Въ послѣдующей депешѣ прусскій посланникъ доноситъ, что Екатерина думаетъ выдать принцессу Луизу замужъ за Карла Шведскаго.

[2]) Affair. etrang. т. XCII, fol. 257 Durand, 25 іюля 1773 г.

причемъ на немъ не присутствовало ни одного знатнаго лица изъ провинціальной Россіи. [1]) Хотя Екатерина ограничила къ большому недовольству дворянъ, насколько это было возможно, количество приглашенныхъ, но зато придала торжеству большую пышность. Колокола звонили, пушки палили въ тотъ моментъ, когда въ Петербургъ неожиданно пріѣхалъ преисполненный важности Дидро. И если философъ былъ непріятно разочарованъ, узнавъ, что артиллерійскіе салюты производились не въ честь его, то зато, смѣшавшись съ толпой, онъ могъ по крайней мѣрѣ наблюдать любопытное зрѣлище: огромный кортежъ съ большой торжественностью направлялся отъ царскаго дворца къ собору Казанской Божьей Матери; въ его центрѣ была императрица въ золоченой повозкѣ, запряженной восьмеркой лошадей; ее сопровождалъ конвой кавалергардовъ съ Григоріемъ Орловымъ во главѣ и съ Алексѣемъ сзади; оба брата съ саблями на голо, готовые „броситься на перваго, кто рѣшился бы агитировать въ пользу Павла"; толпы народа, привыкшаго къ военному великолѣпію, восторженными кликами привѣтствовали поѣздъ и въ теченіе нѣсколькихъ дней на всѣхъ перекресткахъ проспекта пили и плясали. [2]) По возвращеніи изъ собора былъ сервированъ обѣдъ въ тронномъ залѣ дворца. Императрица, великій князь и его супруга, ландграфиня и двѣ дочери ея заняли мѣста за почетнымъ столомъ. Княгиня Наталія съ мужемъ открыли балъ. Но изнемогая отъ тяжелаго платья изъ серебряной парчи, осыпаннаго бриллiантами и драгоцѣнными камнями она могла протанцевать лишь нѣсколько менуэтовъ. Въ десять часовъ Екатерина отвела ее въ предназначенные для новобрачныхъ покои. Пока статсъ-дамы раздѣвали новобрачную, Павелъ ужиналъ въ сосѣдней комнатѣ со своей

---

[1]) Id. т. XCIII, fol. 134 Durand, 8 октября 1773 г.

[2]) Affairesètrang т. XCIII, fol. 166, Durand 19 октября 1773 г.

матерью и нѣсколькими приближенными. По этому случаю онъ переодѣлся въ парчевый серебряный халатъ, который, кажется, очень походилъ на бальное платье его супруги. «Это не было такъ смѣшно, какъ можно было подумать» писала ландграфиня. [1])

Императрица обнаружила большую щедрость. Она подарила княжнѣ Наталіи парюру изъ бриллiантовъ и изумрудовъ, матери ея—эмалевую табакерку съ своимъ портретомъ, перстень съ бриліантомъ, мѣха и 100000 р. деньгами. Сестры княгини тоже не были забыты: каждая изъ нихъ получила по 50,000 рублей, что представляло истинную находку для бѣдныхъ дѣвушекъ безприданницъ. [2])

13-го октября ландграфиня простилась съ русскимъ дворомъ. Она провела нѣсколько дней въ Берлинѣ и прибыла въ Дармштадтъ, гдѣ и скончалась весной слѣдующаго года. Почувствовавъ къ ландграфинѣ большое расположеніе, послѣ ея отъѣзда, Екатерина нѣсколько разъ писала ей, собирая новости о молодомъ супружествѣ. Письма переполнены выраженіями нѣжности. Natalie скромна, Natalie мила. «Ея мужъ обожаетъ ее; онъ то и дѣло восхваляетъ ее и аттестуетъ; я слушаю и иногда чуть не задыхаюсь отъ смѣха, потому что она не нуждается въ рекомендаціи. Ея рекомендація—въ моемъ сердцѣ... Надо изо всѣхъ силъ выискивать и быть болѣе, чѣмъ придирчивой, чтобы не быть такъ-же удовлетворенной этой принцессой, какъ я удовлетворена ею. Однимъ словомъ, наше супружество живетъ прекрасно». [3]) Ландграфиня не должна безпокоиться о здоровьѣ ея дочери: «Великая княжна становится предметомъ злословія придворныхъ. На прошлой недѣлѣ съ ней случился сердечный припадокъ, давшій

---

[1]) Кобеко Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, стр. 98.

[2]) Assebourg, „Denkwürdigkeiten“, стр. 268.

[3]) Русскій архивъ, 1878, т. I, стр. 391.

поводъ къ намекамъ, отъ которыхъ не отказались еще, но для которыхъ до сихъ поръ нѣтъ рѣшительно никакихъ реальныхъ доказательствъ; но находясь въ ожиданіи, Его Высочество, ея супругъ, бережетъ ее, какъ зеницу ока; онъ не позволяетъ ей танцевать, и малѣйшій признакъ кажется ему убѣдительнымъ доказательствомъ.» [1])

Не менѣе восторженно о счастьѣ Павла пишетъ императрица г-жѣ Біельке: «Итакъ онъ обзавелся домомъ; онъ намѣренъ жить просто, не оставляетъ ни на шагъ своей супруги и, такимъ образомъ, между ними самая счастливая любовь. Дай Богъ, чтобы она была долговѣчна, потому что, какъ говорилъ кто-то, человѣческая жизнь долга. Съ удовольствіемъ принимаю ваше пожеланіе, чтобъ черезъ годъ родился маленькій великій князь; нельзя также отказаться и отъ маленькой великой княжны. То и другое для меня будетъ равно, лишь бы только дѣла пошли своимъ чередомъ». [2])

Не надо забывать, что Екатерина любила въ своихъ письмахъ высказывать удовлетвореніе какъ собою, такъ и другими. Въ своихъ письмахъ она обыкновенно обнаруживала глубокій и непоколебимый оптимизмъ даже въ наиболѣе критическіе моменты.

II.

Скрѣпить узы императорскаго семейства, не слушать наущеній тѣхъ, кто захотѣлъ бы разстроить ихъ, выказывать полное довѣріе императрицѣ, избѣгать пересудъ съ иностранными дворами, наконецъ, бережливо вести хозяйство—таковы были правила, которыя въ дошедшемъ до насъ документѣ указывала Екатерина принцессѣ, «ко-

---

[1]) Id, 1878, т. I, стр. 395.

[2]) Сборникъ, т. XIII, стр. 361.

торая будетъ имѣть счастье сдѣлаться невѣсткою Ея Императорскаго Величества Императрицы Всероссійской и супругою Его Императорскаго Высочества великаго князя.» [1])

Кромѣ того Екатерина высказывала пожеланіе, чтобы молодая супруга оказала на Павла все вліяніе новой любви и поглотила собой его мысли. Она въ мечтахъ уже представляла себѣ Наталію Алексѣевну, обожающей своего мужа, привязывающей его къ себѣ какими-то невидимыми тонкими и безконечно-прочными узами, и великаго князя, забывающаго у ногъ своей жены о томъ, что ему надо было отстаивать свои права, устраивать интриги, поддерживать сторонниковъ. Способомъ воспѣвать побѣду было писаніе писемъ своимъ друзьямъ: „Наше супружество живетъ прекрасно... Великая княжна золотая женщина... Его Высочество супругъ бережетъ ее какъ зеницу ока!“ Императрица любовалась на медовый мѣсяцъ своего сына и предсказывала чудо отъ своей невѣстки, которая, будучи живой, какъ порохъ, любительницей шума, веселья и праздниковъ, сумѣетъ приручить великаго князя и излечить отъ меланхоліи этого большого ребенка, нервнаго и желчнаго до крайности. Молодой супругъ, Павелъ, чистосердечно отдался сладкимъ иллюзіямъ, которыя смѣшивались съ горечью мизантропіи. Повидимому, онъ только и занятъ былъ тѣмъ, что отдавался радостямъ семейнаго очага, всецѣло посвятивъ себя Наталіи Алексѣевнѣ, не погрѣшая противъ нея даже думами о чемъ-либо иномъ, кромѣ нея. Къ большому удовлетворенію его матери его безпокойное настроеніе, повидимому, улеглось, озлобленность смягчилась. Онъ отдалъ себя въ руки великой княгини и тихо подчинился ей. Она была увлекательна и обладала неистощимой веселостью. Эта молодая

---

[1]) Id. т. XIII, стр. 332.

женщина была неугомоннаго и вѣтренаго нрава; въ глубинѣ души довольно легкомысленная и пустая, она испытывала постоянную потребность въ движеніи. Ей нужны были пикники, длинныя поѣздки за городъ, балы, гдѣ танцевали бы до упаду. Она устроила театръ, костюмировалась и по желанію играла то въ трагедіи, то въ комедіи или балетѣ. [1]) Въ ея присутствіи нельзя было имѣть ни минуты отдыха или собраться съ мыслями, подумать о чемъ нибудь серьезномъ. По извѣстнымъ читателю причинамъ, Екатерина была довольна этими свойствами своей невѣстки; но въ концѣ концовъ и она пришла къ заключенію, что куколка слишкомъ походила на чертенка. „У нея во всемъ крайности. Если соберется гулять пѣшкомъ, то за 20 верстъ; если начнетъ танцевать, то сразу танцуетъ двадцать контрдансовъ, столько же менуэтовъ, не считая аллемандовъ. Чтобы въ комнатахъ не было слишкомъ жарко, ихъ вовсе перестали топить. Иные натираютъ себѣ льдомъ лицо, мы все тѣло превратили въ лицо. Однимъ словомъ, золотая середина весьма отъ насъ далека. Опасаясь людей злыхъ, мы питаемъ недовѣріе ко всѣмъ вообще и не принимаемъ никакихъ совѣтовъ, ни добрыхъ, ни дурныхъ. Словомъ, до сихъ поръ не видать ни добродушія, ни осторожности, ни благоразумія. Богъ знаетъ, къ чему все это приведетъ, такъ какъ слушать мы никого не хотимъ и имѣемъ собственную волюшку. Вообразите, вотъ уже полтора года, какъ мы здѣсь, и еще ни слова не знаемъ по русски. Мы требуемъ, чтобы насъ учили, а вмѣстѣ съ тѣмъ не хотимъ посвятить ни минуты прилежанія. Во всемъ одно легкомысліе.“ [2])

---

[1]) Кобеко, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, стр. 111.

[2]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 12, письмо Гримму отъ 21 декабря 1774 г.

Находясь въ болѣе спокойномъ состояніи духа, имѣя на душѣ меньше злобы и непріязненныхъ чувствъ, Павелъ началъ интересоваться вещами, которыя до тѣхъ поръ оставались для него безразличными. Онъ никогда не обнаруживалъ большой склонности къ ученью. Да и могъ ли его умъ спокойно и постоянно быть занятымъ, когда онъ не зналъ покоя, когда душа его кипѣла и не умѣла обуздывать себя. Въ болѣе спокойномъ состояніи духа Павелъ проявлялъ склонность къ научнымъ занятіямъ и въ частности къ изученію французскаго искусства и литературы. Изъ желанія выдѣлиться среди другихъ, въ силу кастоваго духа, въ стремленіи къ галантности, русскіе дворяне того времени любили говорить по французски и рисовались своимъ интересомъ къ философіи; въ дѣйствительности же ихъ культура была поверхностной и, въ сущности, они попрежнему оставались въ значительной мѣрѣ варварами. Великій князь слѣдовалъ за модой. Правда, онъ плохо принялъ Дидро, льстивость котораго показалась ему слишкомъ грубой, энтузіазмъ черезчуръ глубокимъ, а спина слишкомъ гибкой. [1]) Онъ не старался завязывать сношеній съ полу-богами, которые за деньги и заискиваніе курили фиміамъ его матери. Но въ тоже время онъ слѣдилъ за ихъ доктринами и ему также хотѣлось имѣть корреспондента-литератора, избраннаго среди смѣшаннаго и шумливаго роя писателей и парижскихъ журналистовъ. Графъ Андрей Шуваловъ, имѣвшій связи съ Мармонтелемъ и Гельвеціемъ и въ свое время сочинявшій французскіе вирши, указалъ на Лагарпа. [2]) Такимъ образомъ, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, съ 1774—1789 г., знаменитый критикъ составлялъ

[1]) La Gour de Russie, стр. 276, депеша лорда Cathcart'a.

[2]) Письмо Вольтера къ Екатеринѣ II, отъ 10 декабря 1774 г., edit. Beuchot, т. LXIX, № 6819.

для Павла Петровича нѣчто вродѣ газеты, не предназначавшейся для свѣта, но которую настоятельная нужда въ деньгахъ, заставила автора опубликовать въ 1801 г. подъ заглавіемъ: «Correspondance litteraire adressée à Son Altesse Impériale le grand duc de Russie.» Храбрый Аристархъ поставлялъ цесаревичу смѣсь изъ своихъ сужденій о современникахъ и остротъ свободной критики; онъ указывалъ ему то наиболѣе отвѣчавшія вкусу его и великой княгини сочиненія, то собраніе арій de Laborde, то какую-нибудь салонную комедію, принадлежащую перу m-me де Мантесонъ или m-me Женлисъ. За недостаткомъ литературныхъ новинокъ, онъ прибѣгалъ къ своему портфелю и извлекалъ оттуда какой-нибудь эпизодъ изъ Жанны Неаполитанской или изъ своего Коріолана. Ему было довольно трудно поддерживать эту переписку. Указывающій на это обстоятельство принцъ де Линь, справедливо добавляетъ: „Это было все-таки гораздо лучше, чѣмъ заполнять письма измышленіями и пошлостями, особенно по адресу двора, какъ дѣлали это другіе корреспонденты иностранныхъ принцевъ.“ [1]) Лагарпъ задумалъ въ 1778 г. посѣтить Россію. Но его увѣрили, что императрица косо посмотритъ на это, и онъ отказался отъ своего намѣренія. [2])

По словамъ принца де Линь, Екатерина смѣялась надъ этой перепиской, которая, по ея мнѣнію, даже не заслуживала такого названія, «такъ какъ не содержала въ себѣ отвѣтовъ великаго князя». Для Екатерины не могли быть

---

[1]) Melanges militaires, litteraires, sentimentaires. т. XXVII, стр. 25.

[2]) Русскій архивъ, 1881 г., т. III, стр. 269. Лагарпъ однако старался расположить къ себѣ Екатерину, „перелагая свои мысли и влагая ихъ въ уста Меньшикова, фаворита Петра I, не умѣвшаго ни читать, ни писать и не имѣвшаго яснаго понятія о вещахъ“. (Сборникъ, т. XXIII, письмо Екатерины Гримму).

интересны «мелочныя пререканія, или соперничество по поводу выборовъ какого нибудь академика, чему во Франціи приписывали больше значеніе, чѣмъ выбору командующаго арміей».[1])

Императрица относилась къ Лагарпу нѣсколько презрительно. Но ее мало интересовало, что сынъ ея находитъ удовольствіе въ письмахъ этого посредственнаго ученика Вольтера! Она не преслѣдовала князя ни за его вкусы, ни за времяпрепровожденіе, лишь бы они отвлекали его мысли отъ государственныхъ дѣлъ.

Съ колыбели извѣрившійся въ счастье, любившій уединеніе, угрюмый уже съ ранней молодости, великій князь тѣмъ не менѣе пытался выйти изъ своей замкнутости. Ему тяжело было погружаться въ міръ идей; если его и увлекали туда воспоминанія, огорченія, то онъ готовъ былъ разстаться съ ними при первомъ случаѣ. Быть можетъ для того, чтобы заглушить въ немъ пламя безпокойства, Екатеринѣ достаточно было бы въ то время оставить въ отношеніяхъ къ нему свою надменную суровость и недовѣрчивость. Но она продолжала оставаться попрежнему глухо враждебной. По ея ли винѣ или силою вещей, произошли обстоятельства, которыя воскресили ненавистныя воспоминанія. Къ Павлу вернулись его мрачныя мысли въ тотъ самый моментъ, когда онъ думалъ, что почти избавился отъ нихъ. Раздраженный безплодностью своихъ усилій, онъ поддался своимъ естественнымъ наклонностямъ. Онъ, разсерженный и опечаленный, позволяя навѣщать себя лишь женѣ и другу своему Разумовскому, снова дѣлался невыносимымъ своими вспышками гнѣва и грубыми выходками.

Въ самомъ дѣлѣ, къ чему на другой же день послѣ свадьбы, въ то время какъ онъ рѣшилъ забыться, уйти отъ

---

[1]) Mélanges т. XXVII, стр. 123.

самого себя, его мать вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ счастливымъ настроеніемъ, затѣяла съ нимъ новую ссору. Она удалила отъ него графа Панина, единственнаго изъ всей массы себялюбивыхъ и алчныхъ придворныхъ, который входилъ въ его интересы. Павелъ былъ благодаренъ ему за его заботливое отношеніе къ себѣ, за то, что тотъ защищалъ его противъ матери. Нѣкоторые обвиняли Панина въ непостоянствѣ, даже двоедушіи и указывали на болѣе, чѣмъ несоотвѣтствіе того чувства преданности, которое онъ, повидимому, питалъ къ своему воспитаннику съ его поведеніямъ въ отношеніи къ императрицѣ. Нѣкоторые упреки не лишены были основанія. Неразгаданный Панинъ обладалъ въ большей мѣрѣ осторожностью, чѣмъ истинной энергіей. Можетъ быть потому и сомнѣваются въ его лояльности, что крайне трудно было проникнуть въ изгибы его характера. Ярко бросалось въ глаза, что онъ посвятилъ себя на службу Павлу съ энтузіазмомъ страстно-влюбленнаго человѣка, который не допуститъ оспорить своей дамы. Онъ слѣдовалъ политикѣ приспособленія и угодливости, стараясь иногда придать ей видъ независимости и смѣлости. Мы уже видѣли, что его роль не позволяла ему быть слишкомъ разборчивымъ; наставникъ Павла и министръ Екатерины взаимно стѣсняли и мѣшали другъ другу. [1]) Какъ бы то ни было, но крайне недовѣрчивый великій князь всецѣло полагался на Панина; онъ любилъ этого человѣка, достаточно чистаго и добросовѣстнаго для своего времени и для своей страны, человѣка, который, несмотря на нѣкоторыя

---

[1]) Строгій къ графу Панину, проявлявшему прусскія симпатіи, французскій министръ такъ опредѣлялъ его роль: „промежутки между обѣдомъ, игрой, распутствомъ и сномъ онъ проводилъ въ томъ, что ссорилъ мать съ сыномъ и сына съ матерью.“ Affaires étrangères, т. XCV fol 427; Durand, 24 іюня 1774 г.

слабости и безпорядочность, представлялъ все-таки положительную фигуру среди двора, полнаго безудержныхъ интригановъ. Удалить Панина это значило сильно и глубоко задѣть Павла.

Положеніе Никиты Панина, какъ воспитателя наслѣдника престола и какъ завѣдующаго иностранными дѣлами, уже давно пошатнулось. Хотя Екатерина и сознавала, что онъ былъ слишкомъ лѣнивъ для того, чтобы пойти на государственный переворотъ, но все же она не могла спокойно относиться къ той заботливости, которою тотъ окружалъ великаго князя. Она устранила его отъ Павла, сохранивъ за нимъ лишь руководство внѣшними сношеніями, что у него было отнято въ 1781 г. изъ ревности, изъ гордости, изъ за того, чтобы онъ не былъ причастенъ къ успѣхамъ, о которыхъ тогда мечтала Екатерина. «Мой достойный Панинъ,—писалъ Сольмсъ въ 1773 г.,—находится въ плохихъ отношеніяхъ съ императрицей; его хотѣли бы убрать отъ Павла послѣ его брака, потому что опасаются, какъ бы онъ не сталъ внушать ему недовѣріе къ императрицѣ и Орловымъ». [1])

Въ сентябрѣ Екатерина предложила воспитателю Павла покинуть императорскій дворецъ; она объяснила ему, что сынъ ея, достигши «зрѣлости лѣтъ» и наканунѣ празднованія своего бракосочетанія, «по справедливости и по всесвѣтному обыкновенію», долженъ считать свое воспитаніе законченнымъ. [2])

Панинъ полагалъ, что онъ въ качествѣ министра будетъ гарантированъ отъ немилости Екатерины до тѣхъ поръ, пока сохранитъ мѣсто подлѣ Павла Петровича. Онъ во всеуслышаніе сѣтовалъ на неблагодарность Екетерины. По его словамъ, его плохо вознаградили за то, что

---

[1]) Assebourg, Merkwürdigkeiten, стр. 429.

[2]) Affair. ètrang., т. XCIII, fol 70; Durand, 20 сентября 1773 г.

онъ «познакомилъ ее съ народомъ, указалъ способы управленія», тогда какъ «въ 1762 г. въ его власти было провозгласить великаго князя императоромъ». [1])

Но ни его упреки, ни опасеніе оскорбить князя въ его привязанности къ Панину не остановили императрицу: «Мой домъ точно вычищенъ», шутливо писала она г-жѣ Біельке 6-го октября; «дѣло не обошлось безъ кривляній, какъ я и предвидѣла; тѣмъ не менѣе воля Господня свершилась, какъ я и предсказывала». [2])

Желая, по выраженію французскаго министра, отнять великаго князя отъ груди его стараго наставника, она перевела сына въ Царское Село, несмотря на суровое время года. [3])

По своемъ возвращеніи, она поспѣшила приставить къ великому князю, взамѣнъ Панина, вполнѣ ей преданнаго человѣка, генерала Николая Салтыкова, на котораго впослѣдствіи было возложено воспитаніе великихъ князей Александра и Константина. Этотъ человѣкъ «отличался постыдной алчностью и лживостью».

Его жена была подвержена нервному разстройству и надъ ней часто подсмѣивались. «Ее можно было увидѣть лишь послѣ того, какъ она убѣдится, что отъ васъ ничѣмъ не пахнетъ, и даже тогда къ ней можно было приблизиться лишь на извѣстное разстояніе, мирясь при этомъ съ тѣмъ, что услужливые карлики жгли между вами и ею паклю, перья и тому подобныя вещи, отъ которыхъ воротитъ душу. Она показывалась публично только издали, какъ чудодѣйственная рака съ мощами, выносимая изъ алтаря». [4])

---

[1]) Affaires étrang., т. XCII, fol 28, Durand, сентября 1773 г.

[2]) Сборникъ, т. XIII, стр. 361.

[3]) Affaires étrangères, т. XCIII, fol 266; Durand 24 ноября 1773 г.

[4]) Головкинъ, la Cour et le regne de Paul I, partraits et souvenirs, стр. 203.

Павелъ съ перваго же дня смотрѣлъ на Салтыкова, какъ на шпіона. Онъ отправился къ матери съ жалобой, и подъ давленіемъ ея вопросовъ, кончилъ тѣмъ, что назвалъ лицо, предупреждавшее его относительно Салтыкова,— камергера Матюшкина. Послѣдній избѣгъ кнута, но былъ удаленъ отъ двора. [1])

Чтобы объяснить недовѣрчивому цесаревичу назначеніе Салтыкова, Екатерина, скрывая свои истинныя намѣренія, [2]) обратилась къ нему со слѣдующей исполненной благородства рѣчью: «Всѣ Ваши дѣйствія невинны, въ этомъ я вполнѣ убѣждена. Но Вы еще слишкомъ молоды. Общество слѣдитъ за Вами и его сужденія строги. Ни въ какой странѣ толпа не умѣетъ дѣлать разницы между просто молодымъ человѣкомъ и великимъ княземъ и очень часто поведеніе перваго омрачаетъ честь послѣдняго. Бракъ закончилъ Ваше воспитаніе. Невозможно болѣе обращаться съ Вами, какъ съ ребенкомъ, держать Васъ подъ опекой въ 20 лѣтъ. Теперь Вы уже сами будете отвѣчать за Ваши поступки передъ всѣмъ свѣтомъ; свѣтъ слѣдитъ за каждымъ Вашимъ движеніемъ. Онъ все знаетъ, все критикуетъ и, повѣрьте, что мнѣ онъ дѣлаетъ не болѣе снисхожденія, чѣмъ Вамъ. Обо мнѣ скажутъ: она отдала во власть страстей неопытнаго молодого человѣка; она оставила его въ обществѣ легкомысленныхъ молодыхъ людей, льстивыхъ куртизановъ, которые кружатъ ему голову, развращаютъ его умъ и душу. Васъ будутъ судить, смотря потому, будутъ ли ваши поступки разсудительны или опрометчивы. Но, Вы можете мнѣ повѣрить, я сочту своимъ долгомъ прійти къ Вамъ на помощь, чтобъ за-

---

[1]) La Cour de Russie стр. 276.

[2]) „На князя Салтыкова возложено, говорятъ, порученіе уронить Панина въ глазахъ великаго князя“ Affair. étrang. т. XCV, fol 53: Durand, 25 января 1774 г.

крыть рты этимъ болтунамъ, которые хотятъ, чтобы въ въ 20 лѣтъ Вы были-бы настоящимъ Катономъ съ тѣмъ однако, чтобы выказать свое Вамъ недовольство, если-бы Вы дѣйствительно рѣшили сдѣлаться таковымъ. Испрашивайте у меня совѣта всякій разъ, когда Вы это сочтете нужнымъ; я Вамъ скажу всю правду, и Вы будете счастливы, если захотите ее слушать». [1])

Павелъ съ раздраженіемъ относился къ указаніямъ матери: ему были невыносимы совѣты и бдительный надзоръ, которымъ она старалась окружить его. Онъ уклонялся и избѣгалъ ея, чтобы не вызывать столкновеній, но она какой-либо новой придиркой постоянно напоминала ему о томъ, что онъ напрасно старается избѣгнуть ея контроля. Даже, когда она не была разгнѣвана, когда она прятала свои когти, она давала себя чувствовать.

На дружбу великаго князя съ Разумовскимъ она смотрѣла не особенно благосклонно. Павелъ долженъ былъ «выслушать нравоученіе, вѣрнѣе приказаніе, по поводу того, что князья не должны имѣть фаворитовъ». Въ то время, какъ Эпинусъ велъ свой урокъ, вошелъ Андрей Разумовскій и великій князь, смѣясь, воскликнулъ ему: «онъ не хочетъ, чтобы я Васъ любилъ!» Эпинусъ заболѣлъ отъ страха. [2]) Но Павелъ считалъ себя не менѣе обязаннымъ принимать всякаго рода предосторожности при свиданіяхъ съ своимъ другомъ. «Мы никогда, писалъ онъ, не будемъ имѣть возможность говорить свободно, какъ бы мы того хотѣли. Ну, что же! Я нашелъ средство—это приходить въ мой кабинетъ, гдѣ я всегда одинъ, той дорогой, которой проходятъ ко мнѣ женщины, а податель этого билета покажетъ Вамъ ее, если хотите, сегодня же въ четыре часа. Вы должны только слѣдовать за нимъ, если можно,

---

[1]) Русскій архивъ, 1864, т. IX, стр. 934; Кобеко, стр. 100.

[2]) Affaires étrangères, т. XCVI, fol. 68; Durand, 22 іюля 1774 г.

пѣшкомъ. Потому что нужна всякая предосторожность въ нашей странѣ, настоящей странѣ обмана». [1])

Придирки возобновлялись ежедневно; Павелъ подобно покоренному непріятелю постоянно подвергался оскорбленіямъ и ограниченіямъ. Весной 1774 г. онъ имѣлъ очевидное доказательсто той степени подозрѣнія, которое онъ посѣялъ въ своей матери. Король Шведскій далъ знать о своемъ намѣреніи посѣтить русскій дворъ. Густавъ III, принцъ философъ, обвороживший Парижъ, отличался гордостью, былъ энтузіастомъ и жаждалъ властной дѣятельности. «По временамъ въ немъ какъ бы пробуждалась душа Густава Адольфа и онъ казался охваченнымъ этой великой памятью». [2])

Екатерина опасалась, какъ бы сношенія съ этимъ молодымъ и рыцарски настроеннымъ монархомъ «не подняли духа ея сына и не сообщили ему той энергіи, которую впослѣдствіи ей трудно было бы сдержать». Она начала порочить своего гостя, но такъ какъ ея злословіе не производило на великаго князя ожидаемаго ею впечатлѣнія, то она принялась за Наталію Алексѣевну и въ убѣдительныхъ и въ то же время ласковыхъ выраженіяхъ дала ей почувствовать, «насколько можетъ быть опасна близость ея мужа съ человѣкомъ безъ нравственныхъ устоевъ, безъ принциповъ и безъ религіи». Давая волю своему непристойному вдохновенію, она въ подробностяхъ разсказала ей о похожденіяхъ короля Густава. Отзываясь обыкновенно объ увлеченіяхъ молодежи болѣе, чѣмъ снисходительно, она проявила на этотъ разъ строгость весталки и, что было особенно чувствительно для французскаго дипломата, сообщающаго объ этой сценѣ,—это то, что она испорченность Густава приписывала парижскимъ

---

[1]) Васильчиковъ, Разумовскіе, т. II, стр. 865.

[2]) Albert Sorel, l' Europe et la Rèvolution francaise, т. стр. 506.

салонамъ. [1]) Такое недовѣріе, хитрость и предосторожности досаждали Наталіи Алексѣевнѣ не менѣе, чѣмъ Павлу. Великая княгиня отзывалась о своей свекрови съ нѣкоторой досадой: «Посмотрите немного, что это за женщина. Всего полгода тому назадъ она, проливая слезы умиленія, говорила мнѣ, что желала бы быть для меня матерью и не давать мнѣ испытывать горя въ жизни и все-таки не проходитъ дня, чтобы она не причиняла сама его и при томъ изъ за пустяковъ». [2])

Павелъ былъ ребенкомъ, такъ назвала его сама жена,[3]) ребенкомъ, котораго съ намѣреніемъ старались не посвящать въ государственныя дѣла. Екатерина обѣщала ему, что для того, чтобы «удовлетворить общественное мнѣніе и дать ему занятіе, она разрѣшитъ ему присутствовать два или три раза въ недѣлю при работахъ ея министровъ, что такимъ образомъ она введетъ его въ курсъ хода дѣлъ и законовъ страны». [4]) Въ продолженіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1774 г., по вторникамъ и пятницамъ, она распоряжалась, чтобы секретари читали ему докладъ о рѣшеніяхъ, принятыхъ наканунѣ въ Совѣтѣ, а одному изъ офицеровъ она поручила преподать ему нѣсколько уроковъ морской науки. [5])

Вслѣдъ затѣмъ вѣтеръ внезапно перемѣнился. По знаку императрицы чтецы и преподаватели провалились сквозь землю. Чтобы испытать свою мать, Павелъ возымѣлъ тогда смѣлость испросить разрѣшеніе войти въ Совѣтъ. Послѣдовала довольно живая сцена; письмо, написанное вечеромъ Екатериной сыну, дѣлаетъ на это нѣкоторые

[1]) Affair. étrang. т. XCV, fol. 315, Durand 13 мая 1774.

[2]) Affair. étrang. vol XCV, fol. 376; Durand, 7 іюня 1774.

[3]) Id. т. XCV, fol. 321; Durand, 17 мая 1774.

[4]) Русскій Архивъ, 1864, т. XI, стр. 934.

[5]) Affaires étrangères, т. XCV, fol. 30; Durand, 14 января 1774.

намеки: «Мнѣ показалось, что Вы сегодня были огорчены или не въ духѣ; мнѣ было бы больно, если бы Вы были огорчены; если же Вы были не въ духѣ, то предоставляю Вамъ самимъ обсудить, насколько я могу придавать этому важности; предположимъ, что Вы огорчены; если это происходитъ вслѣдствіе бывшаго между нами сегодня утромъ разговора и просьбы Вашей о томъ, чтобы я назначила Васъ въ Совѣтъ, то я очень рада объясниться съ Вами по этому поводу: во-первыхъ я могу только похвалить Васъ за желаніе, выраженное Вами,—заняться дѣлами; но такъ какъ нужно начинать сначала, то для того, чтобы Вы могли освоиться съ моими правилами, вотъ уже два года, что я допускаю Васъ присутствовать у меня два раза въ недѣлю; тутъ Вы выслушиваете подъ рядъ всѣ дѣла, проходящія ежедневно черезъ мои руки; относительно Вашей просьбы я сказала Вамъ, что она требуетъ зрѣлаго обсужденія, такъ какъ въ этомъ Совѣтѣ виды другихъ часто не согласны, да и не могутъ согласоваться съ моими...» Екатерина не терпѣла уже возраженій, ни къ кому не обращалась за совѣтами и допускала вокругъ себя лишь покорныхъ и податливыхъ людей. Въ концѣ письма она откровенно признавалась: «Я не считаю умѣстнымъ Ваше вступленіе въ Совѣтъ, Вы должны терпѣливо ждать, пока я рѣшу иначе». [1])

Наслѣдникъ престола былъ обреченъ на бездѣятельность. Условія его жизни испортили его характеръ и повліяли на разумъ. Съ этихъ поръ его стала мучить самая тяжелая изъ маній—манія преслѣдованія. Ему казалось, что всѣ люди и предметы какъ бы сговорились досаждать ему и показывать ему неуваженіе. Мысль о томъ, что ждутъ лишь случая убить его, овладѣваетъ имъ и уже не покидаетъ его. Его крайняя подозрительность стала обна-

---

[1]) Сборникъ т. XCII, стр. 355.

руживаться съ 1773 г. Однажды къ ужину ему приготовили его любимое блюдо сосисокъ: онъ нашелъ въ немъ осколки стекла; съ страшнымъ взрывомъ гнѣва и угрозъ онъ вскакиваетъ изъ за стола и, захвативъ блюдо, бѣжитъ къ матери. Онъ бросаетъ ей въ лицо самыя несправедливыя обвиненія. Онъ обвинялъ ее въ томъ, что она хотѣла погубить его и не желалъ слушать никакихъ доводовъ. Его идеи развивались сами собой и громоздились одна на другую, какъ безпорядочная толпа. Повидимому, съ нимъ былъ припадокъ временнаго помѣшательства. [1])

Имя несчастнаго Павла время отъ времени служило еще поводомъ къ безпорядкамъ въ казармахъ. Въ Россіи настроеніе массъ жаждетъ чудесъ. Однажды въ учебный день гвардейцы отказались выполнить предписанный маневръ и продолжали стоять съ ружьями къ ногѣ; они говорили, что получили внушеніе свыше и разсказывали офицерамъ, что великій князь явился имъ во снѣ въ сопровожденіи графа Панина и приказалъ итти на дворецъ, чтобы заставить отдать ему престолъ. [2]) Екатерина не могла перенести мысль о томъ, что въ народѣ жили еще элементы броженія и что смутьяны пользовались именемъ Павла. Она опасалась даже иностраннаго вмѣшательства въ пользу Павла, что дало поводъ въ 1774 г. французскому посланнику сказать, что гарантировать ей престолъ было бы лучшимъ средствомъ примирить ее съ ними, т. е. съ французами. «Но кто бы это могъ и кто бы захотѣлъ?» спрашивалъ дипломатъ.

Бунтъ Пугачева переполнилъ чашу волненій императрицы. Бѣглый казакъ, поднявшій возстаніе крѣпостныхъ и въ теченіе почти цѣлаго года заставлявшій дрожать Казань и Оренбургъ, разбившій всѣхъ генераловъ, высланныхъ

---

[1]) La de Cour de Russie, стр. 275.

[2]) Affaires étrangeres. XCV, fol. 258; Durand, 15 апрѣля 1774.

противъ него, Емельянъ Пугачевъ выдавалъ себя за Петра III, спасеннаго отъ рукъ своихъ палачей; онъ развернулъ гольштинское знамя, объявилъ, что пойдетъ на Петербургъ съ цѣлью наказать жену и короновать сына своего, великаго князя Павла. [1]) Онъ безпрестанно повторялъ какъ населенію, принимавшему его подъ звонъ колоколовъ, такъ и священникамъ, подносившимъ ему хлѣбъ и соль: «я не хочу царствовать; я хочу только прогнать Екатерину изъ Санктъ-Петербурга, вычеркнуть имя ея изъ церковныхъ молитвъ и заключить ее въ монастырь, гдѣ она будетъ искупать свои преступленія. Мой сынъ еще очень малъ и меня совсѣмъ не знаетъ». Стоя на колѣняхъ передъ иконами, со слезами на глазахъ, онъ молилъ Бога помочь ему добраться до Петербурга и вернуть себѣ сына въ добромъ здоровьѣ. Насколько имя Екатерины вызывало ярость среди возставшихъ крестьянъ, настолько имя Павла внушало уваженіе, и ничто такъ не подняло престижъ самозванца, какъ уловка нѣкоего Долгополова, который, выдавая себя за посланнаго Павломъ, отправился отыскивать самозванца и передалъ ему подарки отъ имени наслѣдника.

Наконецъ, когда Пугачевъ, окруженный между Волгой и Яикомъ, попалъ въ руки своихъ враговъ, то послѣднимъ средствомъ, къ которому онъ прибѣгъ, было назвать имя Павла и припугнуть его гнѣвомъ связывавшихъ его солдатъ. [2])

Въ письмахъ къ Вольтеру императрица иронизировала надъ «маркизомъ де Пугачевымъ, который задалъ ей много хлопотъ» и показывала видъ, что не считала его

---

[1]) Affaires étrangéres, т. XCIII, fol. 335; Durand, 17 декабря 1773.

[2]) Пушкинъ, Исторія Пугачевскаго бунта, т, I, стр. 19 и т. II, стр. 117; Гротъ. Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта, стр. 291, Кобеко 177.

предпріятіе серьезнымъ: «его планы мѣняются съ каждымъ днемъ и смотря по фантазіи, которая ему приходитъ въ голову». [1]) Но той же рукой и несомнѣнно тѣмъ же перомъ она предписывала своимъ генераламъ во что бы то ни стало остановить успѣхи этого бича и не допускать распространенія свѣдѣній о числѣ и силахъ мятежниковъ. Больше всего она опасалась, какъ бы Павелъ не узналъ о присягѣ, которую давали возставшіе въ пользу сына Петра III. [2])

Въ это критическое время несчастный князь былъ окруженъ болѣе строгимъ надзоромъ, чѣмъ когда-либо. Очевидно съ того дня, какъ до дворца дошли слухи о первыхъ успѣхахъ мятежниковъ, Екатерина немедленно приняла рѣшеніе посвятить сына въ государственныя дѣла.

Началомъ секуляризаціи церковныхъ имуществъ, освобожденіемъ крѣпостныхъ секуляризованныхъ имѣній, равно установленіемъ режима терпимости по отношенію къ *раскольникамъ*, Петръ III, несмотря на свое короткое царствованіе, оставилъ среди крестьянъ сожалѣніе о себѣ. Другъ философовъ, императрица занималась вопросами о реформѣ крѣпостного права; но боязнь вызвать недовольство дворянъ, пользовавшихся выгодами установленнаго порядка, мѣшала ей регламентировать права помѣщиковъ и уничтожить ихъ злоупотребленія. Надежды, которыя пробудилъ Петръ III, были перенесены на сына. Крестьяне, изнывавшіе въ глубинѣ лѣсовъ, среди громадныхъ и печальныхъ степей, вдалекѣ отъ высотъ, гдѣ царствовала въ своей славѣ Екатерина, мечтали о Павлѣ, какъ о своемъ спасителѣ и ждали отъ него созданія царства крестьянъ, *мужицкаго царства*, гдѣ не бу-

---

[1]) Voltaire, Oeuvres complètes, т. X стр. 471.

[2]) Affaires étrangères, vol. XCIII, fol. 360, Durand, 24 декабря 1775 г.

детъ больше ни помѣщиковъ, ни барщины, ни податей, ни чиновниковъ. Эти угнетенные люди любили Павла, какъ любятъ свою мечту.

III.

Въ томъ же 1774 году началось господство Петемкина, безобразнаго великана, отталкивающаго вида, одноглазаго и притомъ косящаго на послѣдній глазъ, нескладнаго, но могучаго тѣлосложенія, съ безпорядочнымъ, но большимъ умомъ, выдающагося и неистощимаго мастера въ искусствѣ очаровывать, прельщать и совращать. «Циклопъ» покорилъ Екатерину и всѣ склонились передъ нимъ. Но въ императорскомъ альковѣ онъ не былъ, подобно своему предшественнику Васильчикову, лишь „на содержаніи"; ему нужны были почетъ и вліяніе, которыми онъ въ огромной мѣрѣ и пользовался.

Увѣренный въ благосклонности императрицы, находясь внѣ всякаго контроля, онъ эксплуатировалъ людей и обстоятельства, пользовался и злоупотреблялъ ими; онъ дѣйствовалъ подобно султану и привыкъ имъ быть.

Кто бы въ 1774 г. могъ себѣ представить ту степень вліянія, какой долженъ былъ достигнуть Потемкинъ? Вначалѣ великій князь нисколько не безпокоился по поводу новаго избранника, который для того, чтобы проникнуть къ императрицѣ, принималъ таинственный видъ и скрывалъ лицо отъ гвардейскихъ солдатъ „какъ будто тайная связь ихъ не имѣла ежедневно десятка новыхъ свидѣтелей." [1]) Когда сдѣлалось очевиднымъ, что Екатерина не удовлетворяется положеніемъ Петемкина, какъ ея любовника, а желаетъ раздѣлить съ нимъ власть, Павелъ горячо возсталъ противъ этого плана. Но разсудивъ, что

---

[1]) Валишевскій, Вокругъ трона, стр. 118.

возростающее могущество Потемкина завершитъ гибель Орловыхъ, его злѣйшихъ враговъ, онъ не сталъ рѣзко отвергать неискреннія ласки новаго фаворита. Панинъ убѣждалъ его даже пойти навстрѣчу фавориту. Прежній наставникъ Павла одинъ изъ первыхъ припалъ къ стопамъ Потемкина, въ торжествѣ котораго онъ видѣлъ возмездіе Орловымъ. Великая княгиня тоже рекомендовала быть кроткимъ; люди, хорошо освѣдомленные относительно любовныхъ интригъ при дворѣ, говорили втихомолку, что она имѣла большія основанія не выступать противъ императрицы. [1]) Павелъ воздержался на нѣкоторое время отъ всякихъ выступленій. Но необузданное властолюбіе фаворита, его усилившаяся, благодаря успѣхамъ, заносчивость, невыносимый гнетъ, который онъ оказывалъ, не замедлили возмутить князя. Въ концѣ концовъ, едва сдерживаемая ненависть его прорвалась наружу, подобно расплавленной лавѣ.

Контрастъ между положеніемъ Потемкина и Павла былъ слишкомъ рѣзокъ. Въ то время, какъ фаворитъ, по своему усмотрѣнію, распоряжался всѣми государственными должностями, великій князь не могъ никого поддержать у своей матери: однажды, когда онъ попытался содѣйствовать повышенію своего камеръ-юнкера Перфильева, ему дано было понять, что всякая рекомендація съ его стороны будетъ встрѣчена несочувственно. [2]) Павелъ нуждался въ деньгахъ и, не имѣя возможности получить ихъ отъ матери, долженъ былъ прибѣгать къ займамъ; кто же приходилъ тогда къ нему на помощь?—родная сестра того Андрея

---

[2]) La Cour de Russie стр. 281.

[3]) Affaires ètrangéres, vol. XCVI, fol. 251; Durand, 4 октября 1774. Ст. совѣтникъ Рубановскій былъ разжалованъ за то, что пользовался покровительствомъ Павла.

Разумовскаго, котораго хроника называла любовникомъ великой княгини. [1])

Ему въ утѣшеніе говорили, что императрица оставила въ стѣсненномъ матеріальномъ положеніи также и Орлова, преслѣдуемаго своими кредиторами, армянами изъ Амстердама, у которыхъ онъ купилъ огромный бриллiантъ для императрицы! [2]) Въ то же время Потемкинъ получалъ отъ государыни подарокъ за подарками и хвастался одному изъ своихъ пріятелей: „Я любилъ играть, и могу проигрывать крупныя суммы; я любилъ задавать празднества, въ настоящее время я устраиваю ихъ во всемъ великолѣпіи, я любилъ драгоцѣнности—никто изъ обыкновенныхъ людей не имѣетъ болѣе цѣнныхъ и рѣдкостныхъ вещей, нежели я". [3])

Когда было рѣшено, что весь дворъ отправится въ Москву праздновать заключеніе мира съ Турціей, каждый задавалъ себѣ вопросъ, къ какимъ столкновеніямъ поведетъ это путешествіе, которое, по мысли императрицы, должно было доставить Потемкину поводъ для тріумфа. Приближенные великаго князя ожидали, что фаворитъ выместитъ на нихъ за враждебное отношеніе къ нему князя. Панинъ былъ въ страхѣ: вниманіе, которое онъ считалъ нужнымъ оказывать Потемкину, заживо задѣвало цесаревича, не удовлетворяя въ тоже время и фаворита. [4]) Онъ зналъ, насколько старая Москва, «эта дура», по выраженію Екатерины, была враждебна духу новаго царствованія. Москва была раздражена желаніемъ

---

[1]) Васильчиковъ, Разумовскіе.

[2]) Affaires etrangères, vol. XCVII, fol. 280; Durand, 31 января 1775 г.

[3]) Валишевскій, Вокругъ трона, стр. 129.

[4]) Affaires étrangères, vol. XCVI, fol. 403; Durand, 29 ноября 1774 г.

оторвать ее отъ Азіи и поставить въ уровень съ Европой. А что, если московское населеніе сбережетъ только для Павла свои привѣтственные клики? „Рѣшеніе предпринять это путешествіе,—разсуждалъ прусскій посланникъ,—является однимъ изъ самыхъ сильныхъ доказательствъ преобладающаго вліянія генерала Потемкина на императрицу. Достовѣрно извѣстно, что совершить путешествіе является его желаніемъ; остальные всѣ противъ и предпринимаютъ его съ неохотой, вслѣдствіе неудобствъ и расходовъ съ нимъ связанныхъ.“ [1]) По словамъ дипломата, послѣ послѣдняго пожара подходящихъ домовъ въ Москвѣ было очень мало: нанять таковой можно было лишь не менѣе, какъ за 3000 рублей. Чтобы размѣстить императорскую фамилію, выбрали три большихъ дома, принадлежавшихъ Голицынымъ и Долгорукимъ, соединивъ ихъ между собою деревянными галлереями. Домъ Павла представлялъ большой каменный ящикъ, куда входили черезъ единственное отверстіе, снабженное рѣшеткой; внутри множество коридоровъ, перегородокъ и дверей; Екатерина говорила: „разобраться въ этомъ лабиринтѣ все равно, что выпить море.“ [2])

Дворцы въ Кремлѣ очень обветшали и большею частью были полны стараго хлама. [3]) Старая и родовитая Москва, заслоненная новой столицей выскочкой, не занималась собой цѣлыхъ полъ-вѣка и вслѣдствіе своей неопрятности имѣла видъ отталкивающій. Но пришлось примириться съ обстоятельствами и постараться развлекаться

---

[1]) Archives secrètes de Berlin, reposit. XI, conv. 13; Solms, 6 сентября 1774 г.—Фридрихъ II писалъ своему брату: „повидимому императрица предпринимаетъ это путешествіе неохотно.“ (Сочиненія, т. XXVI, стр. 367).

[2]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 15.

[3]) См. Naumant, La Russie au XVIII, siecle.

по возможности. Съ этой цѣлью предпринимались поѣздки за городъ. Поѣхали для осмотра оружейныхъ мастерскихъ въ Тулу. [1]) Въ Москвѣ спектакли чередовались съ балами. „Не посѣтуйте, писала Гримму императрица, вчера у насъ состоялась комическая опера въ лѣсу; Аннетъ и Любэнъ [2]) пѣли и устраивали шалашъ къ большому удивленію мѣстныхъ крестьянъ.“ [3]) Быть можетъ читателю интересно узнать, что такое былъ народный праздникъ въ Москвѣ въ 1775 г.? Депеша Сольмса даетъ о немъ представленіе: «Между 11 часами и полуднемъ отправились за городъ на поле, называемое Ходынка, гдѣ вышли передъ дворцомъ. Это было деревянное зданіе, заключавшее въ себѣ круглый залъ съ четырьмя кабинетами и довольно обширными галлереями, подъ названіемъ Керченскихъ. Ея Величество Императрица съ Его Высочествомъ великимъ княземъ прибыли ровно въ 12 часовъ и тоже направились во дворецъ, гдѣ ихъ встрѣтило дворянство и высшее духовенство, а также толпы народа. Ея Величество вышла на площадку, чтобы видѣть раздачу народу призовъ и удалилась затѣмъ въ кабинетъ для того, чтобы дать время накрыть столы. Они были сервированы къ двумъ часамъ. Тогда отправились на Азовскую каланчу. Эта зданіе, изображавшее Азовскую крѣпость, было предназначено для стола. Каланча представляла внутри круглую галлерею, открытую съ внутренней стороны, гдѣ она поддерживалась колоннами, въ видѣ пальмовыхъ деревьевъ. Подъ этой галереей находились шесть столовъ для пяти первыхъ классовъ и сѵнода, а въ серединѣ виднѣлась башня въ древнемъ

---

[1]) Archives secretes de Berli reposit, XI, Solms; 16 октября 1775 г.

[2]) Екатерина, очевидно подразумѣваетъ комедію г-жи Фаваръ.

[3]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 33.

стилѣ для оркестра... Послѣ обѣда Его Высочество великій князь вернулся въ городъ къ великой княгинѣ, которая вслѣдствіе сильнаго разстройства желудка не могла присутствовать на этомъ праздникѣ. Ея Величество, Императрица, полюбовавшись нѣкоторое время на гимнастическія упражненія и другія народныя увеселенія, вошла въ галлерею и сыграла двѣ партіи съ фельдмаршалами Разумовскимъ и Чернышевымъ; при этомъ избраннымъ лицамъ всѣхъ сословій и положенія было разрѣшено приблизиться настолько, что вокругъ игральнаго стола образовалась большая и тѣсная толпа изъ желавшихъ поближе посмотрѣть на граціозную, изящную императрицу; среди нихъ многіе прибыли издалека.» [1])

Въ промежуткахъ между этими празднествами, въ которыя Екатерина вносила присущія ей привѣтливость, на гордыхъ и спесивыхъ лицахъ можно было читать соперничество и борьбу. Даже въ тотъ день, когда совершился торжественный въѣздъ въ Москву, 25 января 1776 года, императрица въ оказанномъ ей пріемѣ могла замѣтить оттѣнокъ холодной сдержанности и привѣтственные клики, раздававшіеся по пути Павла, должны были непріятно поразить ея слухъ. [2]) Вторая столица имперіи принимала наслѣдника престола очень горячо: это было способомъ протеста противъ западныхъ симпатій государыни, равно какъ средствомъ мести за тѣ строгости, которыя Орловъ практиковалъ въ Москвѣ во время чумы 1771 г. Санитарныя мѣры, предписанныя администраціей, послужили полиціи поводомъ для различныхъ вымогательствъ. Говорятъ, что графъ Андрей Разумовскій, пораженный популярностью великаго князя и желая проникнуть въ тайники его чувствъ, сказалъ ему: „Вы видите, какъ вы любимы,

---

[1]) Archiv. de Berlin, reposit. XI, conv. 95; Solms, 3 авг. 1775 г.

[2]) La Cour de Russie, стр. 290.

ваше высочество. Ахъ! Если бы вы только пожелали!“ Великій князь ничего на это не отвѣтилъ. [1])

Но какъ ни мало былъ онъ опьяненъ выраженіями симпатіи со стороны Москвы, онъ все же чувствовалъ, что въ немъ пробуждаются желанія независимости. Онъ почувствовалъ какъ бы приливъ гордости: онъ устыдился своего забитаго, зависимаго положенія. Въ его умѣ возникли дерзкіе замыслы, исчезнувшіе вскорѣ сами собой: дѣятельныя пружины въ немъ были слишкомъ ослаблены. Въ одинъ прекрасный день онъ отправился къ Потемкину и сталъ горячо просить его вернуть изъ Польши его кирассирскій полкъ: у него вдругъ проявилась страсть къ военщинѣ; онъ пожелалъ имѣть свой полкъ въ Москвѣ, командовать имъ, обучать, устраивать парады. Послѣ перваго момента удивленія, его просьбу постарались обойти, ссылаясь на невозможность располагать новыя войска въ городѣ, гарнизонъ котораго и безъ того очень великъ. Павелъ возобновилъ попытку и московскій главнокомандующій, уступая его горячимъ настояніямъ, согласился на то, чтобы его полкъ былъ размѣщенъ по квартирамъ въ сосѣднемъ пригородѣ. [2]) Его кирассиры, не останавливаясь на пути, прибыли въ началѣ марта. Онъ сталъ обучать ихъ на прусскій ладъ. Великій князь видѣлъ, какъ одинъ прусскій дезертиръ, служившій у генерала Бауэра, превосходно вскакивалъ на очень горячую лошадь. Онъ узналъ, что такіе наѣздники встрѣчаются сотнями въ войскахъ Фридриха, его воображеніе воспламенилось; онъ пригласилъ на службу пруссака, сдѣлалъ его инструкторомъ своего полка, изъ коего собственной властью уволилъ полковника. Съ тщательной заботливостью слѣдилъ онъ

---

[1]) Castèra, Histoire de Catherine II, стр. 201.

[2]) Affaires étrangères, vol. XCVII, fol. 234; Durand, 28 февраля 1775 г.

за выправкой своихъ войскъ, вырѣзая выкройки ихъ мундировъ, вырабатывая форму головного убора, удлинняя или укорачивая ихъ сѣдла; уже теперь въ немъ проявился тотъ маніакъ, который въ уединеніи Гатчины будетъ впослѣдствіи проводить время за выравниваніемъ солдатъ или измѣреніемъ ихъ роста. Онъ сдѣлалъ и освятилъ новыя знамена въ своемъ полку. Какъ-то вечеромъ онъ самъ провелъ своихъ кирассировъ по главнымъ улицамъ Москвы. Толпы народа въ неистовствѣ слѣдовали за нимъ; энтузіазмъ многихъ доходилъ до того, что цѣловали его ноги. [1]) Привѣтствія толпы вознаграждали его за тѣ униженія, которыя онъ терпѣлъ во дворцѣ. Было что то ребяческое въ его чувствѣ радости отъ этой мимолетной мести. Бо́льшаго онъ не хотѣлъ. Къ тому же энергія его быстро истощилась и на другой же день онъ впалъ уже въ свое мрачное настроеніе и у него не хватало духу ни на что рѣшиться. У него не было недостатка въ поводахъ для тревоги. Распространилась новость, что Потемкинъ думаетъ вступить въ бракъ съ императрицей. Для осуществленія этого предпріятія, на которомъ потерпѣлъ неудачу Григорій Орловъ, онъ разыгралъ ловкую комедію. Онъ вдругъ началъ проявлять большую набожность, окружилъ себя священниками и монахами, пѣлъ съ ними въ церквахъ, становился на колѣни и умиленно молился. Весь постъ жилъ только на овощахъ, грибахъ и рыбѣ съ постнымъ масломъ. Онъ каялся въ своихъ грѣхахъ съ тѣмъ, чтобы всецѣло отдаться церкви. Онъ признался духовнику императрицы, что его отношенія къ Екатеринѣ доставляютъ ему жестокія угрызенія совѣсти и намекнулъ на то, что Святѣйшій Синодъ сдѣлалъ бы богоугодное дѣло, если бы побудилъ императрицу по-

---

[1]) Ibid, XCVII, fol 351, 381; Durand, 24 марта и 6 апрѣля 1775 г.

кончить этотъ соблазнъ—бракомъ съ нимъ. Вмѣсто того, чтобы вступить въ игру, которую ему предлагали, Святѣйшій Синодъ предпочелъ принять на себя покаяніе за такое попраніе устоевъ нравственности. Тогда, пуская въ ходъ свои послѣдніе заряды, Потемкинъ въ присутствіи императрицы далъ клятву постричься въ монахи. Екатерина спокойно выслушала эти обѣты, зная хорошо, что монахъ скоро сброситъ съ себя монашеское званіе. [1]) Ей не понадобилось напоминать ему о возвращеніи къ ней. Комедія была забавна, но великій князь Павелъ не могъ безъ тревоги слѣдить за ея ходомъ и спокойно ожидать развязки. Переживъ это критическое время, великій князь подвергся новымъ испытаніямъ. Здоровье Наталіи Алексѣевны было всегда слабо; уже съ самаго пріѣзда двора въ Москву положеніе ея было, повидимому, серьезно. Павелъ взволновался. Великая княгиня не была для него настоящей подругой: наполовину птичка, наполовину игрушка, она умѣла только прыгать и щебетать. Однако Павелъ любилъ милую вѣтренницу, можетъ быть потому, что его печальное сердце чувствовало потребность привязанности. Она плохо отвѣчала на выраженія симпатіи съ его стороны; иногда казалось даже, что они были для нея утомительны. Его это нѣсколько удивляло, но онъ кончилъ тѣмъ, что молча покорился. Онъ проникся мыслью, что не внушать къ себѣ любви было для него вполнѣ естественно. Княгиня замѣтно блѣднѣла и худѣла. Говорили о чахоткѣ. Сольмсъ служилъ эхомъ тревожныхъ слуховъ, носившихся о больной. «Сильныя простуды, которымъ была подвержена княгиня вслѣдствіе суровыхъ зимнихъ холодовъ, ежедневныя прогулки пѣшкомъ верстъ за двадцать, которыя дѣлали молодые супруги въ то

---

[1]) Affaires étrangères, vol. XCVIII, fol. 47; Durand, 13 апрѣля 1775. Валишевскій, Вокругъ трона, 120 стр.

время, какъ великой княгинѣ предписано было пить воды (Spa), и чрезмѣрное увлеченіе танцами въ продолженіе послѣдней зимы, —все это такъ повліяло на ея организмъ, что легкіе ея не выдержали». [1]) Павелъ замѣчалъ болѣзнь и пытался убѣдить жену въ томъ, что гораздо важнѣе заняться здоровьемъ, чѣмъ увеселеніями. „Великому князю тяжело изъ-за нездоровья его дорогой супруги, но находясь вполнѣ подъ ея вліяніемъ, онъ не въ состояніи устоять противъ ея желаній. Благодаря его просьбамъ танцы, однако, сократились. Но въ общемъ онъ не позволяетъ себѣ противорѣчить ей или препятствовать ея стремленіямъ".

Обнаружившееся нездоровье Наталіи Алексѣевны вызвало предположеніе, что великокняжеская чета останется бездѣтной. Нашлось не мало лицъ, которые пожелали извлечь отсюда выгоду. Наталію Алексѣевну недолюбливали за нѣкоторое презрѣніе ея къ русскимъ. [2]) Ея недоброжелатели старались добиться отсылки бездѣтной супруги обратно на родину, а великаго князя вторично женить. Любовь Павла Петровича къ женѣ не могла, по ихъ мнѣнію, служить препятствіемъ, передъ которымъ слѣдовало бы останавливаться. Было бы безуміемъ, говорили они, считаться съ чувствами великаго князя или канонами православной церкви тамъ, гдѣ такъ очевиденъ интересъ государства. [3])

Екатерина, повидимому, не выказывала желанія принимать участія въ этой игрѣ. Она довольно легко отно-

---

[1]) Секретные архивы Берлина, reposit. XI, conv. 95; Сольмсъ, 10 апрѣля 1775; „Она жалуется на боли въ горлѣ, а на самомъ дѣлѣ у нея поражены легкія." Affair étrang., т. XCVII, fol. 395; Durand, 27 марта 1775 г.

[2]) Васильчиковъ, „Разумовскіе", т. II, стр. 34.

[3]) Affaires étrangères, vol XCVII, fol. 381; Durand, 20 марта 1775 г.

силась къ бездѣтности снохи и писала Гримму: „Я относусь къ этому терпѣливо, да и не имѣю права иначе поступать; я сама имѣла ребенка лишь девять лѣтъ спустя послѣ брака; правда обстоятельства были иныя“. [1])

Если при дворѣ шли разговоры о здоровьѣ Наталіи Алексѣевны, то еще больше было толковъ относительно ея поведенія. Графъ Андрей Разумовскій былъ съ ней очень близокъ. Это былъ милый и обворожительный молодой человѣкъ. Его семья происходила изъ Украины. Отецъ его былъ пѣвчимъ въ капеллѣ Елизаветы Петровны, понравился императрицѣ, которая «отъ служенія Богу перевела его на служеніе своей собственной особѣ» и можетъ быть даже тайно съ нимъ повѣнчалась. [2]) Андрей унаслѣдовалъ отъ отца извѣстную способность привлекать къ себѣ сердца: его пріятная наружность и обходительность должны были обезпечить ему при всѣхъ дворахъ Европы огромный успѣхъ. Во время путешествія отъ Любека до Ревеля онъ, какъ извѣстно, оказывалъ свое любезное содѣйствіе гессенскимъ принцессамъ. Принцесса не могла остаться нечувствительной къ его изяществу и уму. Съ перваго же разу онъ плѣнилъ ея сердце, но она затаила это въ себѣ и въ началѣ не сознавала всего значенія этого увлеченія, которое вскорѣ должно было повести ее дальше, чѣмъ она разсчитывала. Беззавѣтно привязавшійся къ Разумовскому Павелъ ввелъ его въ свой семейный кругъ. Богатырь преслѣдовалъ княгиню Наталію Алексѣевну шагъ за шагомъ, не отступалъ отъ нея, увлекъ ее и сумѣлъ сдѣлать для нея это увлеченіе сначала привлекательнымъ, а затѣмъ и необходимымъ. Его ухаживанія

---

[1]) Сборникъ, XXIII, стр. 400, письмо Гримму отъ 4-го апрѣля 1774 г.

[2]) D'Allonville, Memoirs secrets, p. 173; Головкинъ, стр. 205, Валишевскій, Послѣдняя изъ Романовыхъ, стр. 67 и слѣд.

за княгиней не составляли тайны ни для кого, за исключеніемъ развѣ великаго князя. [1])

Шумъ, надѣланный этой связью, не переставалъ занимать и волновать императрицу. Долгое время она показывала видъ, что ничего не замѣчаетъ; потомъ вдругъ рѣшила открыть все сыну. [2]) Ей не удалось его убѣдить. «Я думаю, душа моя,—писала она Потемкину,—что если ослѣпленный великій князь инако не можетъ быть приведенъ въ резонъ насчетъ Разумовскаго, то не можетъ ли Панинъ уговорить его, чтобы онъ Разумовскаго услалъ въ море, дабы слухи городскіе, ему противные, упали». [3])

Мы полагаемъ, что выдавая Наталію Алексѣевну, Екатерина движима была не боязнью скандала и не заботой о сохраненіи достоинства престола. Ею руководило желаніе мести. Ея симпатія къ снохѣ быстро остыла. Она находила въ ней вызывающій видъ, неумѣренныя притязанія. Она не имѣла къ тому же на нее вліянія, какъ бы того хотѣла. [4])

Сверхъ того за любовной интригой невѣстки она склонна была видѣть интригу политическую. Не ставя въ вину Разумовскому его ухаживаній, при дворѣ говорили, что политика не была вполнѣ чужда его исканіямъ. Бурбоны всѣми средствами старались уничтожить то, что называлось «*сѣверной системой*»,—тѣсный союзъ Россіи съ Пруссіей, Англіей и Даніей, и для того, чтобы обезпечить будущее министры Франціи и Испаніи не упускали случая сблизиться съ великокняжеской четой. Отказавшись отъ дипломатическаго нападенія на сердце молодой княгини, они, повидимому, привлекли на свою сторону Разу-

---

[1]) Harris, Diaries, t. I, стр. 182.

[2]) Affair. étrang. vol. XCVI, fol. 250. Durand, 4 октября 1774 г.

[3]) Сборникъ, т. XLII, стр. 395.

[4]) La Cour de Russie, стр. 289.

мовскаго и поручили этому блестящему кавалеру заступить ихъ мѣсто. Поставлять любовниковъ королевѣ, императрицѣ или супругѣ наслѣдника было тогда однимъ изъ любимыхъ пріемовъ дипломатіи. Коротко говоря, Разумовскаго подозрѣвали въ томъ, что онъ пользовался своимъ положеніемъ для того, чтобы привлечь княгиню Наталію на сторону Франціи. Въ *Мемуарахъ* Фридриха II имѣются отклики ходившихъ въ Петербургѣ слуховъ: [1]) Фридрихъ былъ убѣжденъ, что графъ Андрей Разумовскій передался на сторону враговъ Пруссіи и что, устраивая бракъ Гессенской принцессы съ цесаревичемъ, онъ сыгралъ дурака. Французскій посланникъ отрекался отъ приписываемой ему роли: онъ ограничивался, по его словамъ, тѣмъ, что принималъ графа Андрея, который, живя долго въ Страсбургѣ и любя французское общество, сдѣлалъ для этого первые шаги. Почему бы не слѣдовало ему принимать участіе въ этомъ молодомъ придворномъ, которому умъ и привлекательность обѣщали блестящее будущее. [2]) Однако, едва ли вполнѣ вѣрно, что посланникъ былъ настолько остороженъ, какъ онъ хотѣлъ въ этомъ убѣдить. Въ большей части его депешъ сквозитъ живая симпатія къ княгинѣ Наталіи. Всего вѣрнѣе, что говоря мимоходомъ о своихъ отношеніяхъ къ этимъ двумъ влюбленнымъ, онъ дѣлалъ это для того, чтобы не показать себя близкимъ участникомъ круто оборвавшейся интриги. Заразившись подозрѣніями, Екатерина не останавливалась ни передъ какимъ средствомъ для того, чтобы порвать связь Наталіи Алексѣевны съ Разумовскимъ. Ей не удалось возбудить ревность въ великомъ князѣ: всякое обвиненіе, исходившее отъ нея, принималось имъ за клевету. Павелъ спросилъ жену, заставилъ ее оправдываться: онъ впол-

[1]) Мемуары, т. II, стр. 434.

[2]) Affaires étrangères, vol. XCLX, fol. 257; de Juigné, 7 іюня 1776

нѣ поддался ея увѣреніямъ, ея слезамъ и его довѣріе къ ней лишь возрасло. [1])

Между тѣмъ романъ продолжался. По словамъ эллениста Дансъ де Виллуазона, (Danse de Villoison) «человѣка почтеннаго, давно состоявшаго въ близкихъ отношеніяхъ съ великимъ княземъ Павломъ», двое влюбленныхъ нашли удобный способъ устраивать свиданія. Разумовскій каждый вечеръ обѣдалъ съ великими княземъ и княгиней: какъ только Павелъ отвертывался, ему вливали немного опіума и онъ засыпалъ за своей тарелкой еще до десерта. Повидимому, это злоупотребленіе опіумомъ вызвало его болѣзнь въ зрѣломъ возрастѣ. Конечно, слова эллениста не могутъ считаться словами евангелиста. [2])

Эта не новая, разумѣется, исторія добряка мужа, обманываемаго своей женой и другомъ, еще продолжала давать пищу придворнымъ толкамъ и служить предметомъ пустыхъ интересовъ, какъ вдругъ распространилась новость, что Наталія Алексѣевна беременна. Одинъ дипломатъ писалъ Фридриху II 23 іюля 1775 г.: „болѣзнь, помѣшавшая великой княгинѣ появиться на праздникѣ третьяго дня, не изъ тѣхъ, о которыхъ говорятъ во всеуслышаніе. Эти тошнота, отвращеніе отъ пищи и тому подобныя хворости, скорѣе всего служатъ признакомъ беременности и не позволяютъ ей оставаться въ обществѣ“. [3]) Дворъ возвращался изъ Троице-Сергіевской Лавры, которая, подобно Кіевской лаврѣ и Соловецкому монастырю, считается однимъ изъ почитаемыхъ мѣстъ въ Россіи. Путь совершали пѣшкомъ и спали подъ открытымъ небомъ. Екатерина чувствовала большой приливъ набожности, постоянно крестилась, прикладывалась къ

---

[1]) La Cour de la Russie, стр. 290.

[2]) D' Allonville, Memoires secrets, стр. 173.

[3]) Arehiv secretes de Berlin, reposit. XI, conv 95; депеша Сольмса.

мощамъ, «простаивала на ногахъ въ церкви по пяти или шести часовъ ежедневно, доводя до изнеможенія великаго князя, великую княгиню и всю свиту». [1]) Такое усердіе было вознаграждено. „Поздравьте, писала Гримму императрица, поздравьте меня съ тѣмъ, что паломничество къ Троицѣ сдѣлало чудо, и Господь даетъ молодой княгинѣ то, что когда то далъ Саррѣ и старой Елизаветѣ; ваши молитвы услышаны". [2])

Злословіе никогда не отступаетъ; всѣ шептали другъ другу, что великій князь не былъ отцомъ ожидаемаго ребенка. [3])

Положеніе великой княгини побудило Екатерину покинуть Москву до наступленія зимнихъ холодовъ. Она снова спѣшила въ Петербургъ, который внушалъ ей больше спокойной увѣренности и выказывалъ больше любви. Цесаревичъ и его жена выѣхали 7 декабря за недѣлю до императрицы: въ видахъ осторожности они совершали путешествіе небольшими переѣздами. Молодая княгиня безъ всякаго безпокойства ожидала приближенія радостей материнства, забывая о томъ, что вслѣдствіе болѣзни годъ назадъ она была на волоскѣ отъ смерти. Всѣ были взволнованы замѣтнымъ ухудшеніемъ здоровья Наталіи Алексѣевны; но никто не ожидалъ столь быстраго обостренія болѣзни, которая унесла ее въ могилу.

10-го апрѣля 1776 г., которое пришлось въ Ѳоминое воскресенье, великая княгиня почувствовала первыя родовыя боли, при этомъ не было ни одного неблагопріятнаго симптома. На другой день боли усилились; роды, повидимому, неминуемо приближались. Но проходитъ день, два ожиданій; княгиня лежитъ въ постели, испытывая жестокія судороги.

---

[1]) Тамъ-же.

[2]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 33.

[3]) Fridrich II, Memoires, t II, стр. 435.

Присутствовавшія повивальныя бабки въ безпокойствѣ совѣщались съ придворными врачами Крузэ и Тодэ. Врачъ Генриха Прусскаго, прибывшій въ Петербургъ съ принцемъ, тоже давалъ свои совѣты: разрѣшеніе признали невозможнымъ. Ребенокъ умеръ въ утробѣ матери; стали опасаться рокового исхода. Для борьбы съ болѣзнью врачи того времени не имѣли ни такихъ средствъ, ни такой смѣлости, какъ современные. Жестокія страданія у великой княгини быстро усиливались: опасность казалась неотвратимой и конецъ неизбѣжнымъ. [1])

Впечатлѣніе, произведенное этой мрачной развязкой, было тѣмъ болѣе глубоко, что уже готовились праздновать рожденіе наслѣдника престола. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней только и говорили объ ухудшеніи въ состояніи здоровья и обстоятельствахъ болѣзни. Что говорятъ врачи? Испытали ли всѣ имѣющіяся въ наукѣ средства? Что думалъ великій князь? Правда ли, что больная послала Разумовскому, черезъ посредство подруги, Алимовой букетъ цвѣтовъ съ вложенной въ него запиской? За послѣднее время императрица относилась къ Наталія Алексѣевнѣ съ большимъ подозрѣніемъ и ея недовольство выражалось въ едва скрываемой натянутости отношеній: какъ же держала она себя у изголовья великой княгини? Придворные сходились во дворцѣ только для того, чтобы обратиться другъ къ другу съ этими вопросами. Нѣкоторые обвиняли выбранныхъ Екатериной бабокъ въ преступной и намѣренной небрежности; другіе шептали даже, что болѣзнь имѣетъ очень странный характеръ и что не такъ далеко было время, когда кинжалъ пришелъ бы на помощь императрицѣ въ ея желаніи мести. [2])

---

[1]) Русская старина, 1882 г., т. XXXV, стр. 24, письмо Екатерины Кашкину; Восьмнадцатый вѣкъ, т. I, стр. 164, письмо Екатерины князю Волконскому и т. д.

[2]) Русская Старина, 1884г. т. XLII, стр. 63 Воспоминанія Ми-

Наталія Алексѣевна скончалась 15 апрѣля. Народъ обнаружилъ нѣкоторое сожалѣніе о ней; онъ смутно чувствовалъ, что большая часть ея недостатковъ могла быть объяснена ея вѣтренностью, тѣмъ легкимъ опьяненіемъ молодости, которое дѣлаетъ насъ снисходительными къ самимъ порокамъ. Императрицѣ не было чуждо чувство состраданія. Скорбь, которую она проявила, показалась если и не очень глубокой, зато искренней. Но если бы даже она и была больше потрясена, ей не понадобилось бы болѣе дня, чтобы прійти въ равновѣсіе. Она вообще никогда особенно не предавалась душевнымъ волненіямъ и печаль не могла захватить ее съ силою и на долгое время. Не надо поэтому удивляться, если въ письмѣ къ Гримму, которое она писала на другой день послѣ смерти Наталіи Алексѣевны, не находится и слѣда глубокаго горя. Она писала безъ поправокъ. Ея неутомимое перо безпрерывно бѣгало по бумагѣ. По обыкновенію она нѣсколько тяжеловато подшучиваетъ по поводу слабостей своего «Souffre douleur»; ея французскій языкъ пестритъ нѣмецкими выраженіями, она употребляетъ нѣкоторыя „словечки“ «Я далека отъ того, чтобы оплакивать Ваше отсутствіе въ путешествіи принца Генриха; Вашъ слабый кишечникъ не перенесъ бы этой авантюры. Были минуты, когда мнѣ казалось, что у меня разрывается все внутри отъ страданій, которымъ была свидѣтельницей и при каждомъ крикѣ я сама чувствовала боль. Въ пятницу я превратилась въ камень, и еще до сихъ поръ ничего не чувствую; я испытываю то минуты слабости, то силы: это происходитъ отъ перемежающейся лихорадки; но она скорѣе нравственная, чѣмъ физическая. Никто не имѣетъ объ этомъ представленія, развѣ только тотъ,

---

хаила Фонъ-Визина; Русскій Архивъ 1871, стр. 35; duchesse d'Arbantès Gatherine II, стр. 252.

кто видѣлъ это или чувствовалъ. Вообразите себѣ, что я, представляя изъ себя записную плакальщицу, наблюдала смерть, не проливши слезы; я говорила себѣ: если ты заплачешь,—другіе зарыдаютъ, попадаютъ въ обморокъ и потеряютъ головы и не будутъ знать, что дѣлать und alles das wird unverantwortltch werden (и все будетъ безотвѣтственнымъ"). Дальше ея порывистость увлекаетъ ее и она описываетъ свойство ума своей любимой собаки сира Тома Андерсона, которая ворчитъ и урчитъ возлѣ ея ногъ. [1])

Толки, обвинявшіе Екатерину въ смерти снохи, задѣвали ее за живое. Никто такъ не чувствителенъ къ клеветническимъ упрекамъ какъ тотъ, кто при другихъ обстоятельствахъ подавалъ поводъ къ справедливымъ нареканіямъ. Она не желала, чтобы ее продолжали подозрѣвать. Она старалась доказать, что трагическая кончина Наталіи Алексѣевны не заключала въ себѣ ничего противуестественнаго. Она много писала по этому поводу и между прочимъ Вольтеру, [2]) и г-жѣ де Біельке, своей наперсницѣ, которая имѣла какъ бы литературное бюро въ Гамбургѣ и занималось въ то же время собираніемъ и передачей новостей. Екатерина объясняла ей, почему „никакая человѣческая помощь не могла спасти княгиню". Наталія Алексѣевна вслѣдствіе неудачнаго сложенія не могла „произвести на свѣтъ ребенка, которымъ была беременна" Она съ младенческихъ лѣтъ имѣла предрасположеніе къ искривленію. Одинъ шарлатанъ вызвался выправить ее съ помощью «кулаковъ и колѣнъ; весьма возможно, что кулаки этого шарлатана и отправили ее на тотъ свѣтъ».[3]) Опережая свое время Екатерина понимала, что можетъ значить

---

[1]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 45, письмо отъ 18 апрѣля 1776 г.

[2]) Вольтеръ, полное собр. соч. т. 2, стр. 476.

[3]) Сборникъ, т. XXVII, стр. 79, письмо отъ 28 апрѣля 1776 г.

хотя бы одно слово проскользнувшее цѣной золота даже въ самой мелкой прессѣ. Де Клевъ въ газетѣ «Курьеръ Нижняго Рейна» опубликовалъ заказанную ему статью, гдѣ передавалось, что Наталія Алексѣевна перенесла въ молодости болѣзнь бедра и что, оставаясь хворой, она была обречена умереть отъ родовъ. Баронъ Ассебургъ прочиталъ газету и, вообразивъ, что его обвиняютъ, взволновался и сталъ протестовать. Намекаютъ, что будто онъ былъ недостаточно внимателенъ, что прежде чѣмъ устраивать бракъ, онъ долженъ былъ серьезно разузнать о здоровьѣ принцессы. Все это клевета! Съ помощью писемъ и документовъ онъ установилъ, что въ этомъ важномъ дѣлѣ онъ не опустилъ ни одной предосторожности: онъ письменно запрашивалъ ландграфиню Каролину и послѣдняя отвѣтила, что ея дочь имѣетъ „хорошее сложеніе“ Императрица усмѣхнулась по поводу такой горячей защиты: „Я вполнѣ увѣрена въ невиновности г-на Ассебурга, но также справедливо и то, что четырнадцать медиковъ, хирурговъ и повивальная бабка черезъ вскрытіе тѣла убѣдились въ томъ, что онъ былъ обманутъ и что газетная статья справедлива“. [1]) Она, дѣйствительно, предписала произвести вскрытіе: результаты этой операціи послужили оружіемъ противъ ея клеветниковъ. Черезъ посредство принца Генриха она позаботилась послать прусскому двору „донесеніе о вскрытіи тѣла Ея Императорскаго Высочества великой княгини“, которое находится въ архивахъ Берлина. [2])

Она была убѣждена, что разсѣяла всѣ подозрѣнія, тяготѣвшія надъ ней, была чрезвычайно удовлетворена и не считала нужнымъ долѣе оплакивать свою невѣстку. „Такъ какъ дознано, что она не могла имѣть ребенка

---

[1]) Тамъ-же, стр. 95.

[2]) Reposit. XI, conv. 97.

или, лучше сказать, не могла совсѣмъ родить его, то приходится перестать объ этомъ и думать.» [1])

Останки Наталіи Алексѣевны поспѣшили перевести въ Александро-Невскую Лавру, въ которой Петръ I при основаніи своего города построилъ церкви и часовни и которую окружилъ на подобіе крѣпости высокими стѣнами.

Еще до похоронъ, Екатерина приказала убрать все, что украшало апартаменты усопшей: зеленые обои въ будуарѣ, шелковыя занавѣски, мебель были убраны, какъ будто эти скромныя вещи могли вызывать слишкомъ тягостныя воспоминанія. [2])

Екатерина сама обшарила всѣ ящики. Нашла ли она тамъ что-нибудь, кромѣ обычныхъ любовныхъ записокъ? Открыли ли ей, какъ это можно было предполагать, письма Разумовскаго и бумаги Наталіи Алексѣевны существованіе честолюбивыхъ замысловъ, мятежныхъ плановъ, политическихъ интригъ, переплетенныхъ любовными интригами, тайныхъ заговоровъ въ пользу цесаревича, заговоровъ больше платоническихъ, чѣмъ дѣйствительныхъ? [3]) Болѣе, чѣмъ сомнительно. Если бы она раскрыла

---

[1]) Сборникъ, т. XXVII, стр. 79. Прусскій посланникъ Сольмсъ тоже согласенъ съ тѣмъ, что не слѣдуетъ слишкомъ печалиться о судьбѣ Наталіи Алексѣевны. „Главный мотивъ, говоритъ онъ, для утѣшенія долженъ заключаться въ томъ, что не будучи въ состояніи дать наслѣдниковъ государству, она не могла выполнить назначеніе, для котораго была призвана, и что сохранивъ на этотъ разъ жизнь свою, она не была бы счастлива, потому что пришлось бы, несмотря ни на что, разлучить ее съ великимъ княземъ, ея супругомъ„. (Секретные архивы Берлина, reposit. XI, conv 97, 30 апрѣля 1776 г.

[2]) Русскій архивъ, 1878 г. т. VII, стр. 279.

[3]) Васильчиковъ, Разумовскі т. II. стр. 56. Французскій вицеконсулъ въ Москвѣ писалъ 23 мая 1776: „Здѣсь говорятъ, что графъ Андрей долженъ быть заключенъ въ Рижскую крѣпость за то, что вступилъ въ секретные переговоры съ Лондонскимъ дворомъ, желае-

враждебныя намѣренія Разумовскаго, она не удовлетворилась бы ссылкой его въ Ревель и, навѣрное, не назначила бы, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ полу-опалы, на дипломатическій постъ въ Италію.

Въ планы Екатерины, очевидно, входило, какъ можно скорѣе забыть Наталію Алексѣевну. «Мертвые пусть будутъ мертвы, надо думать о живыхъ»! [1]) Въ комнатѣ, гдѣ лежало тѣло Наталіи Алексѣевны, она оставила только діакона, читавшаго вслухъ евангеліе, сына увезла въ Царское Село и не позволила ему даже присутствовать на похоронахъ. Она обращалась съ нимъ, какъ съ мальчикомъ, котораго не хотятъ оставлять подъ впечатлѣніемъ зрѣлища смерти. Надо признаться, что обряды православной церкви очень трогательны. Священникъ, стоя передъ открытымъ гробомъ, вслухъ читаетъ молитву объ усопшемъ, даетъ ему отпущеніе, и затѣмъ преклоняется, чтобы отдать ему послѣднее цѣлованіе. Прежде чѣмъ закрыть гробъ, посыпаютъ солью и въ руки усопшаго вкладываютъ молитву,—„какъ бы паспортъ, удостовѣряющій его нравственную личность“. [2])

Когда, по истеченіи трехъ дней, Павелъ все еще продолжалъ плакать, Екатерина замѣтила ему, что онъ проявляетъ больше горя, чѣмъ это подобаетъ обманутому мужу. Могъ ли онъ еще вѣрить въ вѣрность жены? Умирая, говорила Екатерина, она произносила въ бреду слова, похожія на признанія; больше того, она исповѣдалась въ въ своихъ измѣнахъ духовнику, призванному примирить

шихъ возложить императорскую корону на главу великаго князя, котораго этотъ дворъ снабдилъ даже необходимой для того суммой денегъ (Affair. étrang., vol, XCIX, fol. 232).

[1]) Сборникъ, т. XXIII стр. 49, письмо Гримму.

[2]) In Diplomate francais à la cour de Catherine II, стр. 248.

ее съ Богомъ. [1]) Павлу было не такъ трудно, какъ предполагала Екатерина, оторваться отъ воспоминаній о Наталіи Алексѣевнѣ и вернуться къ жизни. Есть люди, которыхъ малѣйшіе уколы раздражаютъ, какъ сильныя пораненія, и которыхъ, наоборотъ, сильные удары судьбы дѣлаютъ, какъ говорятъ въ Россіи, тише воды, ниже травы. Павелъ пришелъ въ себя и отдался одинокимъ думамъ; нѣкоторое время онъ находилъ удовлетвореніе въ размышленіяхъ о путяхъ человѣческой жизни и о своей собственной судьбѣ, глубокое спокойствіе охватывало его.

Въ одномъ интимномъ письмѣ, адресованномъ барону Сакену, тогдашнему министру Даніи, онъ представляется совершенно успокоившимся; онъ подобно Іову и Соломону заявляетъ: „я очень тронутъ тѣмъ участіемъ, которое Вы принимаете въ постигнувшемъ меня несчастіи и въ той скорби, которую оно мнѣ причиняетъ. Я смотрю на этотъ неожиданный ударъ, какъ на испытаніе, посланное мнѣ Богомъ, и эта мысль доставляетъ мнѣ утѣшеніе и облегчаетъ мою печаль. Онъ меня создалъ. Онъ знаетъ, что Онъ мнѣ предназначилъ, какъ и вообще конечную цѣль всего, что намъ приходится испытать на землѣ. Въ какомъ бы положеніи мы ни находились, мы никогда не должны забывать главныхъ нашихъ обязанностей: въ отношеніи къ Богу, къ нашимъ ближнимъ и къ самимъ

---

[1]) Судя по мемуарамъ Головкина, архіепископъ Платонъ, присутствовавшій при умирающей, согласился на настоятельныя просьбы Екатерины, „и ради блага, которое должно было отсюда произойти“, открылъ великому князю послѣднюю исповѣдь его жены. (Lucien Perey. Catherine II et le prince de Ligne, Revue de Paris, 15 іюня 1895). Мало вѣроятно, чтобы Платонъ, который представлялъ собой крупную личность и имѣлъ прекрасную душу, сыгралъ ту роль, которую приписываетъ ему Головкинъ.

себѣ. Вотъ, милостивый государь, что меня занимало и занимаетъ и теперь". [1]) Возвышенныя и чистыя мысли зажигались по временамъ въ этой подверженной бурямъ душѣ.

---

[1]) Сборникъ, т. XX, стр. 408, письмо отъ 18 іюня 1776.

ГЛАВА IV.

Второй бракъ.

(1776—1781).

I.

Генрихъ Прусскій прибылъ въ С.-Петербургъ для переговоровъ съ императрицей о польскихъ дѣлахъ. Съ момента раздѣла въ 1772 г., Фридрихъ и Марія Терезія, войдя во вкусъ, обрѣзали польскія границы; оба они, то намѣчая ихъ, то передвигая и водружая своихъ орловъ, безъ зазрѣнія совѣсти, увеличивали свои предѣлы.

Екатерина II, желая сохранить въ своемъ распоряженіи то, что осталось отъ республики, возстала противъ захватовъ своихъ соучастниковъ. Сгладить слѣды этихъ разногласій, и укрѣпить дружественныя отношенія, цѣнныя для Пруссіи,—такова была миссія принца Генриха. Неожиданная смерть великой княгини доставила ему возможность ближе проникнуть въ интимную жизнь императорской фамиліи и проявить степень своей преданности.[1]) Онъ показалъ себя дѣятельнымъ и умѣлымъ другомъ: онъ ободрялъ великаго князя и выказывалъ императрицѣ большое вниманіе и предупредительность. Тронутая этими выраженіями симпатіи, Екатерина „ни минуты не поколе-

---

[1]) Frederic II, Memoires, II, стр. 436.

балась открыть ему свое сердце". [1]) Они дружески бесѣдовали и вмѣстѣ строили планы. На другой же день послѣ смерти великой княгини Наталіи, братъ Фридриха II имѣлъ дерзость предложить новую партію для цесаревича. Эта мысль была быстро подхвачена и на него было возложено порученіе пріисканія подходящей принцессы. Екатерина предоставила ему въ этомъ отношеніи широкія полномочія, совѣтуя только поскорѣе приниматься за дѣло.[2])

Размышляя о томъ, чтобы пристроить въ Петербургѣ какую-либо принцессу, преданную прусскому дому, Генрихъ остановился въ своемъ выборѣ на своей двоюродной внучкѣ, Софьѣ-Доротеѣ Вюртембергъ-Монбельярской.[3]) Екатерина вспомнила, что во время своихъ розысковъ по Германіи баронъ Ассебургъ обратилъ вниманіе на эту молодую особу; но Софья была тогда тринадцатилѣтней дѣвочкой и о ней не могло быть и рѣчи. Генрихъ Прусскій, не теряя времени, письмомъ пригласилъ принцессу Вюртембергскую немедленно выѣхать съ дочерью въ Берлинъ; тамъ она должна была встрѣтиться съ великимъ княземъ и познакомиться съ нимъ. [4]) Генрихъ превозносилъ достоинства жениха. „Дочь Ваша, говорилъ онъ съ нѣкоторымъ волненіемъ, не найдетъ человѣка болѣе лю-

---

[1]) Сборникъ, т. XX, стр. 352, письмо Фридриху II, отъ 10 мая, 1776 г.

[2]) Секретные архивы Берлина, reposit XI, p. 97; Сольмсъ, 26 апрѣля 1776 г.

[3]) Называли также, чтобы впрочемъ тотчасъ же отклонить одну Шведскую и одну Саксонскую принцессу. (Affaires etrang., vol. XCIX fol. 180; Маркизъ de Juigné, 30 апрѣля 1874 г.

[4]) Сборникъ, т. IX, стр. 2; Alfred Rambaud (Catherine II dans sa famille, Revue de deux mondes, 1-er fevrièr 1874) приводитъ большую часть документовъ, которые содержитъ этотъ томъ IX Сборника русскаго историческаго общества относительно брачныхъ переговоровъ въ 1776 г.

безнаго и болѣе достойнаго и болѣе нѣжной и уважаемой свекрови"

Генрихъ Прусскій, «моя кума хлопотунья», какъ его называла Екатерина, ни на минуту не допускалъ мысли, что такое спѣшное сватовство могло встрѣтить нѣкоторыя затрудненія. Софія протестантка. Но что изъ этого! Надъ ней совершатъ православное крещеніе. Генрихъ Прусскій быстро успокоилъ ея родителей по поводу религіознаго вопроса. Онъ убѣдилъ ихъ, что въ Петербургѣ религію мѣняютъ вродѣ того, какъ мѣняютъ платье, что греческая церковь вовсе не «суровая» и сразу воспринимаетъ того, кто желаетъ вступить въ нее. Добрый проповѣдникъ не находилъ возраженій богословскаго характера, которыя можно было бы сдѣлать противъ православія; онъ полагалъ, что лютеранинъ могъ сдѣлаться православнымъ, а православный лютераниномъ, не поступаясь догматами. «Если мнѣ будетъ позволено дать Вамъ совѣтъ, то посовѣтую избрать просвѣщеннаго лютеранскаго священника, чтобы онъ объяснилъ, (если нужно), молодой принцессѣ, что, будучи въ состояніи содѣйствовать счастью своего семейства, союзу Пруссіи и Россіи, однимъ словомъ благоденствію многихъ народовъ и способствовать благосостоянію столькихъ лицъ, она можетъ быть увѣрена, что подчиниться для сего обрядамъ значитъ послужить Богу; внутреннія же убѣжденія и чувства останутся при ней.» [1])

Приверженность къ лютеранству принцессы Вюртембергской не была непоколебимой: однимъ изъ основныхъ свойствъ ея податливой и мягкой души была скорѣй терпимость. Послушавшись совѣтовъ, она поручила одному протестантскому пастору обратить Софью-Доротею въ православіе: она отыскала, по ея словамъ, «лицо весьма

---

[1]) Сборникъ, т. IX, стр. 19.

достойное». «Разсужденія и совѣты, данные имъ моей дочери, доказываютъ, что если бы религія не была такъ часто искажаема или ложнымъ энтузіазмомъ, или нетерпимостью, то встрѣчалось бы болѣе истинныхъ христіанъ и личностей менѣе предубѣжденныхъ противъ основного характера религіи». [1])

Духъ вольномыслія, царившій въ Потсдамѣ, обрѣлъ въ обращеніи внучки предметъ для своихъ шутокъ: «Отецъ католикъ, мать реформатка, всѣ дѣти лютеране, одна дочь православная, эта семья представляетъ соединеніе главныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій». [2])

Что касается Екатерины, то она рѣшила обернуть это дѣло круто; уже въ путешествіи, во время остановокъ на почтовыхъ станціяхъ, принцессу должны были наставлять въ катехизисѣ. „Какъ только она будетъ у насъ,—объявила она Гримму,—мы приступимъ къ ея обращенію. А для того, чтобы ее убѣдить, я полагаю, понадобится не менѣе двухъ недѣль; я не знаю, сколько времени понадобится для того, чтобы научить ее читать внятно и правильно по-русски символъ вѣры; но чѣмъ скорѣе все это будетъ обдѣлано, тѣмъ лучше". Чтобы ускорить все это, Пастуховъ [3]) отправленъ былъ въ Мемель для обученія ея грамотѣ и катехизису въ дорогѣ. Убѣжденіе явится послѣ. [4])

Интимный совѣтникъ Аликсандра I, князь Адамъ Чарторижскій въ своихъ мемуарахъ очень просто объясняетъ, почему нѣмецкія принцессы всегда легко отрекались отъ лютеранства, чтобы воспріять православіе. Тѣ, кото-

---

[1]) Сборникъ, т. IX, стр. 21.

[2]) Фридрихъ Великій. Сочиненія, т. XXVI, стр. 381.

[3]) Петръ Ив. Пастуховъ, впослѣдствіи сенаторъ, служилъ въ это время въ кабинетѣ императрицы у принятія прошеній. Прим. перев.

[4]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 53, письмо 18 августа 1776.

рыя имѣютъ какіе-либо шансы вступить въ бракъ съ русскимъ княземъ, „не получаютъ, говоритъ онъ, благодаря предусмотрительности своихъ родителей, ни спеціальныхъ указаній, ни глубокихъ познаній въ догматахъ, раздѣляющихъ христіанскія вѣроисповѣданія. При такихъ предосторожностяхъ, принцессы легко мѣняютъ исповѣданіе". [1])

Генрихъ Прусскій, герой семилѣтней войны, побѣдитель при Фрейбергѣ, съ чисто военной быстротою устраивалъ какъ сердечныя дѣла, такъ и дѣла совѣсти. Молодая дѣвушка, которую онъ предлагалъ русскому двору, обѣщала свою руку наслѣдному принцу Гессенъ-Дармштадскому, брату покойной великой княгини Наталіи Алексѣевны. Было рѣшено, что она возьметъ свое слово обратно. Предстояло, какъ можно скорѣе, выпроводить изъ Потсдама жениха, Людвига Дармштадскаго. [2]) Екатерина не считала нужнымъ принимать предосторожности: она знала этого князя, получившаго послѣ замужества своей сестры чинъ въ русской арміи, и возмущалась тѣмъ, что онъ осмѣлился претендовать на руку Софьи-Доротеи. „Это, говорила она, негодная тварь, которая напивается каждый день до пьяна и которая кончитъ какой-нибудь скверной исторіей". [3]) Генрихъ Прусскій взялся уговорить наслѣдника Дармштадскаго. По его мнѣнію, было невозможно, чтобы молодой принцъ, столь привязанный къ своей невѣстѣ, былъ настолько низокъ, чтобы сѣтовать, разъ дѣло

---

[1]) Adam Czartorysky, Mémoires, t. I, p. 84.

[2]) Онъ пріѣхалъ въ Потсдамъ, гдѣ долженъ былъ провести „время смотринъ". (Affaires étrangères, Пруссія, vol. CXCIV, fol. 152; маркизъ de Pons, 18 мая 1776).

[3]) Сборникъ, т. XXVII, стр. 67. Молодой принцъ, повидимому, дѣлалъ въ Берлинѣ „очень нескромныя и очень оскорбительныя заявленія" насчетъ императрицы (Affaires étrangères, vol. XCIX, fol. 258; маркизъ de Juigné, 7 іюня 1776).

касается благоденствія Пруссіи и благополучія цѣлаго семейства, постоянно нуждающагося въ деньгахъ. «Если остается у него хоть малѣйшая доля чести, то онъ не захочетъ возмущать благосостоянія двухъ государствъ, союзъ которыхъ можетъ быть столь полезенъ для спокойствія всей Европы, и не пожелаетъ, если остается у него чувство, препятствовать счастью семейства, которое по великодушію императрицы и великаго князя будетъ находиться въ цвѣтущемъ положеніи, сравнительно съ тѣмъ, въ которомъ оно теперь находится». [1])

Наслѣдный принцъ Дармштадскій далъ себя убѣдить. Онъ заявилъ королю прусскому, что изъ дружбы къ великому князю Павлу, онъ отказывается отъ Софьи-Доротеи. Неукротимый насмѣшникъ Фридрихъ II писалъ по этому поводу: „Я васъ увѣряю, онъ тронулъ меня до слезъ... Нѣтъ, столько не могъ бы сдѣлать самъ Пиладъ для Ореста и Низъ для Евріала. Вотъ примѣръ преданности и дружбы, дѣлающей честь нашему вѣку“ [2]) Фридрихъ подалъ наслѣднику Дармштадскому надежду, что принцесса Вюртембергская отдастъ за него вмѣсто Софьи-Доротеи свою младшую дочь. Фридрихъ, Генрихъ, Екатерина и Людовикъ Дармштадскій, всѣ пришли къ тому заключенію, что, въ сущности, вѣдь это все равно и [3]) обмѣнялись изъявленіями единодушнаго согласія. Король прусскій въ прочувствованныхъ словахъ напомнилъ о роли Провидѣнія въ человѣческихъ дѣлахъ. Изъ опасенія, какъ бы въ сердцѣ молодого принца все-таки не осталось нѣкоторой горечи, Екатерина назначила ему пенсію. [4])

---

[1]) Сборникъ, т. IX, стр. 5.

[2]) Сборникъ, т. XI, стр. 8, письмо Фридриха 9 мая 1776.

[3]) Affaires étrangères, Пруссія, vol. CXCIV, fol. 197; маркизъ de Pons, 29 іюня 1776.

[4]) Фридрихъ Великій, Сочиненія, т. XXVI, стр. 380.

„Вашъ большой и глупый верзила, писала она Гримму, отправился пасти гусей съ 10000 рублей пенсіи, но подъ условіемъ, что я никогда его не увижу и никогда о немъ не услышу... [1])

Людовикъ заслуживалъ больше уваженія. Во всемъ, что извѣстно о немъ исторіи, онъ представляется человѣкомъ съ умомъ очень открытымъ, твердаго закала, съ возвышенной душой и благороднымъ сердцемъ. Герцогъ Гессенъ-Дармштадскій въ 1790 г. оказался однимъ изъ лучшихъ государей Германіи того времени и, что особенно должно привлекать къ нему симпатіи французовъ,— вѣрнѣйшимъ союзникомъ Франціи съ 1806 г. по 1813 г. [2])

Выпроводивъ Людовика Дармштадскаго, Фридрихъ II сталъ торопить свою Вюртембергскую племянницу дать согласіе. Чтобы окончательно разсѣять ея сомнѣнія, онъ привелъ въ пользу предполагаемаго союза такіе сильные доводы, которые неизбѣжно должны были повліять на всегда испытывающихъ нужду мелкихъ князей. Принцесса Вюртембергская, по его словамъ, обезпечила бы этимъ благополучіе своей „бѣдной семьи". Она выдаетъ свою дочь безъ приданаго; больше того, приданое, которое герцогство обязано выдать, она положила бы въ свой карманъ. Ей не надо будетъ тратиться: „нужны лишь два три платья". Ея сыновья, дочери, имя же имъ легіонъ, могли бы выхлопотать себѣ безъ стѣсненія и получить отъ императрицы приданыя, пенсіи, должности, титулы, «сотни хорошихъ вещей, которыя могли бы быть для нихъ, какъ нельзя болѣе, кстати». „Я надѣюсь, писалъ ей Фридрихъ въ заключеніе, я надѣюсь, что Вы, будучи женщиной разсудительной, рѣши-

---

[1]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 50, письмо отъ 29 іюня 1776 г.

[2]) Rambaud, L'Allemagne sous Napolen I, p. 37 и Revue de deux mondes, 1 февраля 1874.

тесь на то, чего я желаю, а именно, чтобы Вы согласились на выгоды, Вамъ предлагаемыя". [1]) Король съ тѣмъ же курьеромъ отправилъ ей вексель на 40000 рублей отъ имени императрицы. [2])

Принцесса Вюртембергская имѣла смѣлость не скрывать своей бѣдности: „эти 40000 рублей,—говорила она своему дядѣ,—настоящее подкрѣпленіе для финансовъ, столь истощенныхъ, какъ наши". [3])

Прусскій король сдѣлалъ своей племянницѣ нѣкоторыя указанія: «Постарайтесь пріискать какую-нибудь компаньенку поумнѣе, которая бы могла сопровождать вашу дочь и служить ей нѣкоторымъ образомъ совѣтомъ: ибо за Мемелемъ дадутъ ей только русскихъ, козаковъ, грузинъ и Богъ знаетъ, еще какое племя.» [4]) Фридрихъ охотно осмѣивалъ этихъ „варваровъ", дружбы которыхъ онъ добивался. Онъ чувствовалъ необходимость дать необходимыя указанія своимъ Вюртембергскимъ родственникамъ, прежде чѣмъ посылать ихъ въ Россію; онъ настоятельно приглашалъ ихъ пріѣхать въ Берлинъ недѣли за двѣ до великаго князя Павла.

Во время этихъ переговоровъ о бракѣ Екатерина старалась ускорить дѣло, много говорила и хлопотала. Ея близость съ Генрихомъ Прусскимъ возрастала съ каждымъ днемъ. Удовлетворенная Пруссіей она не хотѣла оставаться передъ ней въ долгу за прошлое и выражала Фридриху свою признательность и расположеніе. Письмо къ Гримму, приводимое нами цѣликомъ, показываетъ,

---

[1]) Сборникъ, т. IX, стр. 17 и 32.

[2]) Примѣч. перевод. Morane допускаетъ нѣкоторую неточность: цитируемое письмо Фридриха отправлено 7 мая 1771 г., вексель же на 40000 руб. былъ отправленъ при письмѣ отъ 7 іюня 1776 г.

[3]) Id., т. IX, стр. 33.

[4]) Id., т. IX, стр. 25.

какъ ея ненужная и кратковременная скорбь уступила мѣсто оживленному нетерпѣнію познакомиться съ Софьей: «Увидѣвъ, что корабль накренился на одинъ бокъ, я не теряла времени, наклонила его другимъ бокомъ, ковала желѣзо, пока оно было горячо, чтобы возмѣстить утрату и такимъ образомъ мнѣ удалось разсѣять глубокую печаль, которая насъ удручала. Сначала я предложила попутешествовать, съѣздить кое-куда и провѣтриться, а потомъ сказала: Мертвыхъ не воскресишь, надо помышлять о живыхъ. Были убѣждены въ своемъ благополучіи; утратили это убѣжденіе. Но зачѣмъ же отчаиваться обрести его вновь? Поищемъ этого новаго. Да въ комъ же? О, у меня есть наготовѣ. Какъ, уже? Да; да, и какая игрушечка! Такимъ образомъ затронуто любопытство. Кто же? Да какъ же? Черноволоса, бѣлокура, высока, маленькая? Нѣжная, прекрасная, восхитительная игрушечка! Про игрушечку весело слышать. Начались улыбки. Слово за словомъ призывается въ свидѣтели нѣкій расторопный путешественникъ (принцъ Генрихъ), недавно пріѣхавшій нарочно, чтобы утѣшать и развлекать. И вотъ онъ взялся посредничать и вести переговоры. Посланъ курьеръ, возвратился курьеръ, назначено путешествіе, приготовлено свиданіе, все это съ неслыханной быстротой. И вотъ сжатое сердце начинаетъ расширяться. Мы горюемъ, но по необходимости заняты приготовленіемъ къ поѣздкѣ, которая неизбѣжна для здоровья и должна послужить къ развлеченію. Такъ дайте намъ покамѣсть портретъ, отъ этого еще ничего не станется! Портретъ? Да немногіе портреты нравятся. Живопись не производитъ впечатлѣнія. Портретъ пришелъ съ первымъ курьеромъ. На что онъ? Ну, какъ не понравится? Лучше не вынимать его изъ ящика. И вотъ портретъ цѣлую недѣлю лежитъ, завернутый тамъ, гдѣ его положили, когда онъ былъ привезенъ, на столѣ рядомъ съ моей чернильницей? Что тамъ

такое? Вкусы разные, а на мой взглядъ черты прекрасные. Наконецъ портретъ вскрытъ, немедленно положенъ въ карманъ и потомъ опять вынутъ.» [1])

Такъ Екатерина острила и шутила, болтая о своей будущей снохѣ, которую ждала съ безпокойнымъ, чисто женскимъ любопытствомъ.

Почему бы намъ на минуту не заняться тѣмъ, чѣмъ былъ занятъ въ это время весь дворъ? Постараемся узнать что-нибудь о дѣтствѣ и юности Софьи-Доротеи. Есть много основаній интересоваться ею, познакомиться съ ея происхожденіемъ, склониться надъ ея колыбелью. Это семнадцатилѣтнее дитя, дочь некрупнаго нѣмецкаго принца, должна была сдѣлаться замѣтной фигурой въ странѣ, которая ее приняла. Ея роль не кончилась вмѣстѣ съ жизнью императора Павла. Въ продолженіе всего царствованія Александра I она держалась около трона, внушая своему сыну уваженіе съ примѣсью страха и оживляя въ немъ стремленія аристократической и королевской Европы, когда онъ послѣ Тильзита казался освободившимся отъ нихъ. Тяжело легъ на вѣсы исторіи тотъ день, когда она отказала коронованному солдату въ рукѣ своей дочери Анны Павловны.

Отецъ Софьи-Доротеи Фридрихъ-Евгеній Вюртембергскій былъ младшій въ семьѣ. Онъ вступилъ на престолъ въ Штутгардтѣ въ 1796 г. уже послѣ своихъ двухъ старшихъ братьевъ, Карла-Евгенія и Людвига-Евгенія. Съ раннихъ лѣтъ онъ вступилъ на службу Пруссіи, по приглашенію Фридриха II, который женилъ его на своей племянницѣ. [2]) Онъ храбро сражался въ семилѣтней войнѣ, столь богатой событіями, и по капризу судьбы ему особенно

---

[1]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 49 письмо отъ 29 іюня 1776 г.

[2]) Дочь его сестры Софьи-Доротеи-Маріи и маркграфа Бранденбургъ-Шведскаго.

много пришлось испытать страданій, опасностей и тяжелыхъ неудачъ. Король поручилъ ему управленіе Штеттиномъ и Помераніей. Край испытывалъ недостатокъ и крайнюю нужду въ людяхъ, лошадяхъ, въ деньгахъ и жизненныхъ припасахъ. Русскіе произвели опустошеніе, а голодъ довершилъ остальное. Въ концѣ 1761 г. принцу не удалось освободить Кольберга, осажденнаго Румянцевымъ; онъ оказался въ крайне затруднительномъ положеніи, когда вдругъ съ перемѣной правленія въ Петербургѣ Петръ III спасъ Фридриха II. [1])

Софья-Доротея родилась 25 октября 1759 г. въ самомъ разгарѣ кровавыхъ битвъ, въ тотъ моментъ, когда ея отецъ возвращался раненый и въ отчаяніи съ поля битвы при Кунерсдорфѣ. Она родилась въ Штеттинѣ, въ томъ самомъ старомъ померанскомъ городѣ, въ которомъ тридцать лѣтъ назадъ родилась и великая Екатерина; это совпаденіе дало Екатеринѣ поводъ сказать при заключеніи брака Павла: „Вы увидите, что впослѣдствіи будутъ ѣздить въ Штеттинъ на ловлю принцессъ и что въ этомъ городѣ будутъ собираться караваны посланцевъ, какъ около Шпицбергена собираются ватаги китолововъ“. [2]) Призраки войны омрачили первое дѣтство Софьи. Вокругъ нея, въ семьѣ жизнь была печальна и полна лишеній. Когда прекратился шумъ войны, Фридрихъ-Евгеній основался въ Трептовѣ, небольшомъ померанскомъ городѣ. Въ 1769 г. братъ его, герцогъ Вюртембергскій, уступилъ ему управленіе небольшой частью своего государства, герцогствомъ Монбельярскимъ. Онъ отправился туда съ женой и восемью дѣтьми, [3])

---

[1]) Шумигорскій, Императрица Марія Ѳеодоровна, стр. 12—14; Stark, Fürstliche Personen des Hauses Würtemberg, Stuttgart, 1876.

[2]) Сборникъ, т. XXII, стр. 53, письмо Гримму 18 августа 1776 г.

[3]) Его семья увеличилась въ Монбельярѣ еще тремя сыновьями, изъ которыхъ у старшаго Карла крестной матерью была Екатерина II и который съ момента рожденія (1776) былъ зачисленъ въ капитаны русской арміи.

пустымъ кошелькомъ и легкимъ сердцемъ. Онъ покинулъ безъ сожалѣнія суровую скучную страну, гдѣ уже съ 4-хъ часовъ утра будили сигналами для военныхъ упражненій; онъ имѣлъ въ виду держать небольшой дворъ, въ веселомъ краю, заниматься любовью, предаваться грезамъ, жить и процвѣтать.

Прихотливо разливающіяся и извивающіяся рѣки, покрытые лѣсомъ холмы съ виднѣющейся вдали голубоватой линіей Вогезовъ, благоухающія долины, изъ которыхъ подымается туманъ въ видѣ длинныхъ бѣлыхъ покрывалъ, всѣ эти живописныя окрестности Монбельяра имѣли чѣмъ прельстить путешественника, прибывшаго изъ безплодныхъ равнинъ Помераніи. Это небольшое владѣніе принадлежало вюртембергскому дому съ конца XIV вѣка. Обширно построенный дворецъ-замокъ, массивный и внушительнаго вида, съ осьмиугольной въ нѣсколько этажей башней, возвышающейся сбоку, былъ почти всегда необитаемъ. Жители Монбельяра, видавшіе своихъ государей лишь изрѣдка, радушно встрѣтили Фридриха-Евгенія, который долженъ былъ поселиться среди нихъ. Представители города, выстроенные въ рядъ, поднесли ему на серебряномъ блюдѣ три тысячи ливровъ, проводили его до замка и въ теченіе двухъ часовъ бесѣдовали съ нимъ на дворѣ, обсаженномъ тополями и каштановыми деревьями. [1])

Дворецъ его былъ полонъ паутины; обои висѣли по стѣнамъ; окна были разбиты, а крыша проржавѣла. Фридрихъ отдавалъ приказанія съ утра до вечера съ тайной радостью человѣка, получившаго новую власть и желавшаго ее испытать. Замокъ скоро утратилъ свой разоренный видъ. Несмотря на состояніе своихъ финансовъ, принцъ имѣлъ одну невинную страсть: онъ построилъ

---

[1]) Duvernoy, Ephemèrides du comte de Montbeliard, стр. 254.

деревенскій домъ въ Этюпѣ, по дорогѣ въ Базель, и съ тѣхъ поръ для него не было большаго удовольствія, какъ заниматься своими цвѣтниками и паркомъ; онъ постоянно измѣнялъ ихъ, украшалъ и улучшалъ, устраивая ихъ по требованію моды. Въ одинъ годъ онъ воздвигъ посреди рощицъ храмъ Флорѣ; годомъ позднѣе онъ устроилъ молочную ферму, швейцарскій домикъ и любовался видомъ пасущихся коровъ. Когда Этюпъ сталъ походить на Тріанонъ, онъ восхищался дѣломъ рукъ своихъ и былъ счастливъ. Онъ чувствовалъ себя совсѣмъ свободно, полнымъ хозяиномъ въ своемъ монбельярскомъ графствѣ, которому красивая холмистая окрестность придавала видъ маленькаго мірка, ограниченнаго и закрытаго со всѣхъ сторонъ. [1])

При дворѣ принца Фридриха не было никакого этикета, никакого стѣсненія, никакой суровости въ распоряженіяхъ; никто не считалъ нужнымъ сохранять важный и степенный видъ. Графствомъ было управлять не трудно; оно было населено главнымъ образомъ анабаптистами, переселившимися изъ Фрисландіи и французскими протестантами, однимъ словомъ людьми, пожертвовавшими всѣмъ ради спокойствія своей совѣсти. Принцъ любилъ охоту; по правдѣ сказать, его подданные, при всемъ стараніи угодить ему, находили, что онъ любитъ ее нѣсколько больше, чѣмъ слѣдуетъ, и недостаточно оберегаетъ ихъ земли отъ потравы дичью. [2]) Никакихъ хлопотъ, никакихъ заботъ. Жизнь была какъ бы шуткой; послѣ полудня прогулки на чистомъ воздухѣ и игра въ жмурки въ тѣни; вечеромъ--трикъ-тракъ или фараонъ. Веселье носилось всюду и на все накладывало свой отпечатокъ

---

[1]) Duvernoy, стр. 482; Шумигорскій, Императрица Марія Ѳеодоровна, стр. 44.

[2]) Id. стр. 255.

легкости. Занимались пѣніемъ, иногда фальшивили; танцевали скорѣе плохо, чѣмъ хорошо; но большихъ требованій не предъявлялось, вѣдь дѣло шло только о забавѣ. Только баронъ и баронесса фонъ Боркъ, обергофмейстеръ и обергофмейстрина, принимали менѣе участія въ общемъ ходѣ жизни. «Это были Филемонъ и Бавкида, обожавшіе другъ друга, объяснявшіеся въ любви въ присутствіи принцевъ такъ же, какъ и наединѣ, называвшіе другъ друга не иначе, какъ *моя дорогая, моя кошечка, моя курочка*. Эти милыя созданія часто играли въ трикъ-тракъ одинъ противъ другого и дѣлали другъ другу знаки при каждомъ удобномъ случаѣ, нисколько не помышляя о томъ, что этимъ они нарушаютъ правила честности». Препровожденіе времени намѣчалось само собой: случайно или по прихоти ихъ выбираютъ и бросаютъ. Капризъ ввелъ въ моду «уборъ любви» (les poufs au sentiment). Это была прическа въ которую вкладывали портретъ своей дочери, матери, своей канарейки, собаки; все это „украшалось волосами отца или друга сердца». Когда придумали эту прическу,—ею занимались въ теченіе нѣсколькихъ дней. Время отъ времени какой-нибудь неожиданный случай приводилъ замокъ въ волненіе: визитъ какого-либо крупнаго духовнаго лица изъ окрестности, пріѣздъ герцога Вюртембергскаго. Карлъ Евгеній дѣлалъ много глупостей: одна дама высокаго происхожденія, которой онъ увлекался, графиня де Гегенхеймъ, какимъ то чудомъ еще умѣла направлять его на путь истинный. Въ 1770 г. ѣздили въ Страсбургъ, чтобы привѣтствовать эрцгерцогиню Марію-Антуанетту при проѣздѣ ея во Францію, куда она отправлялась, чтобы сочетаться бракомъ съ дофиномъ. Это было цѣлое событіе. Долгое время говорили о городѣ, расцвѣченномъ флагами, декорированномъ, украшенномъ цвѣтами и иллюминованномъ, о великолѣпіи ливрей и роскоши придворныхъ костюмовъ. Изрѣдка прохаживались насчетъ ближ-

няго. Языки развязались, когда пришло извѣстіе, что двоюродный братъ принца увезъ изъ Парижа M-lle Клеронъ, заставивъ ее бросить сцену и предполагая довѣрить ей воспитаніе своихъ сыновей. Сколько добродушнаго и легкомысленнаго смѣха было въ старомъ замкѣ и Этюпскихъ лѣсахъ! Впослѣдствіи, когда семья разсѣялась, когда сыновья и дочери разошлись по разнымъ сторонамъ, въ тѣнистомъ и молчаливомъ уголкѣ парка воздвигнута была колонка въ честь отсутствующихъ съ ихъ иниціалами, выгравированными вокругъ нея, и видъ этого «памятника сердца» смягчалъ горечь разлуки. [1]) Небольшой дворъ, гдѣ росла Софья-Доротея, стремился къ осуществленію идилліи во вкусѣ Руссо. Каждый хотѣлъ быть одной изъ тѣхъ прекрасныхъ душъ, нѣжныхъ сердецъ, которыя создалъ Жанъ-Жакъ: приближались къ природѣ, восхищались деревней, любили простоту деревенскихъ нравовъ, вкушали сладости жизни, предаваясь нѣжнымъ чувствамъ и естественнымъ влеченіямъ, создавалось само собой чувствительное настроеніе, проникавшее всю жизнь, весь ея повседневный укладъ. Слѣдованіе идеямъ Руссо составляло предметъ тщеславія. Всѣ восхищались *Эмилемъ*, а *Элоизу* признавали за образецъ чувства. Не надо забывать, что при помощи тонкой лести, несмотря на нѣкоторую рѣзкость и несдержанность, авторъ Эмиля завоевалъ симпатіи дяди Софьи, герцога Людовика-Евгенія, а черезъ него и всего Вюртембергскаго дома. Въ 1762 г. во избѣжаніе ареста Руссо укрылся въ Мотье, въ княжество Невшательское, и здѣсь вспомнилъ о томъ, что когда-то встрѣчалъ въ Парижѣ герцога Людовика-Евгенія Вюртембергскаго, который «былъ очень любезенъ», и зная, что онъ симпатизируетъ его идеямъ, началъ съ нимъ переписку, какъ со своимъ послѣдователемъ. Принцъ инте-

---

[1]) M-e d'Oberkirch, Memoires, t. I, passim.

ресовался его хозяйствомъ, семьей; онъ самъ былъ человѣкъ гуманный, самъ былъ супругомъ и отцомъ.

Принцесса сама кормитъ грудью своихъ дѣтей, сама наблюдаетъ за ними и сама систематично слѣдитъ за ихъ воспитаніемъ:«Нѣжные супруги, какъ вы счастливы!—восклицаетъ Руссо.—Мы такъ не привыкли видѣть, что великіе міра сего имѣютъ сердце, любятъ добродѣтель, занимаются своими дѣтьми!» Людовикъ-Евгеній ничего не предпринималъ безъ его указаній: это былъ преданный и почтительный ученикъ. Онъ, не моргнувъ глазомъ, выслушиваетъ довольно суровые выговоры за то, что хотѣлъ было завести для своей второй дочери кормилицу—иностранку, ревниво оберегая красоту жены, «которая въ крайнемъ случаѣ предпочитала скорѣй испортить свою фигуру, чѣмъ принести вредъ ребенку». Старшая дочь принца была почти одного возраста съ Софьей-Доротеей. Письма Руссо къ принцу Вюртембергскому полны милыхъ подробностей относительно гигіены *маленькой женщины*, относительно навыковъ, которые слѣдуетъ прививать ей съ послѣдовательной и правильной методичностью, относительно языка, на которомъ съ ней говорить, голоса который надо въ ней развивать. Принцъ имѣлъ «мужество» воспитывать дочь по Жанъ-Жаку.

Отшельникъ въ Мотье былъ очень тронутъ такимъ проявленіемъ вниманія къ лихорадочному бреду больного («aux delires d'un fievreux»): «Горе, болѣзни очень состарили бѣдную машину, но сердце останется юнымъ до конца и я чувствую, что Вы возвращаете ему первую молодость». [1])

Коротко говоря, Жанъ-Жакъ имѣлъ для принцевъ Вюртембергскихъ авторитетъ оракула.

Воспитаніе Софьи-Доротеи было очень свободно и

---

[1]) I. I. Rouseau, Oeuvres, t. IV (Correspondance), passim.

сентиментально. Въ сопровожденіи г-жи Оберкирхъ, «постоянной обитательницы замка Монбельяръ», она дѣлала безконечныя прогулки по деревнямъ, интересуясь деревенскими нравами и обычаями, ботаникой и пейзажами. И на всю жизнь у нея запечатлѣлись призраки Монбельяра и Этюпа. Она больше любила природу, чѣмъ книги и, повидимому, не заботилась о расширеніи своихъ познаній; около нея не было напыщенныхъ и чинныхъ педантовъ. Она была способна проникаться и глубоко отдаваться самымъ нѣжнымъ душевнымъ чувствамъ. Женщина сильная и въ то же время мягкая, вдумчивая и наивная, простая и чуткая, она принесла изъ Монбельяра въ русскій дворъ истинное изящество, свѣжесть живой и открытой души, рѣдкую всюду и почти неизвѣстную при дворахъ! Она должна была много перенести въ своемъ новомъ отечествѣ, но никогда ея простая и глубокая душа не ожесточалась и не возставала.

Софья-Доротея съ чисто дѣтской радостью встрѣтила брачное предложеніе, шедшее изъ Петербурга. Какъ только вѣтеръ подулъ къ Россіи, наслѣдникъ Дармштадскій повелъ себя такъ недостойно, что принцессѣ понадобилось-бы много душевной стойкости, чтобы не отказаться совсѣмъ отъ своего жениха: всѣ окружающіе говорили ей «что утрачивая его, она теряетъ только негодяя». [1]) По словамъ г-жи Оберкирхъ она не любила его. Несмотря на то, что баронесса была убѣжденной протестанткой и и даже канониссой, она до такой степени была ослѣплена величіемъ, предстоящимъ ея подругѣ, что нисколько не смущалась необходимостью отреченія ея отъ лютеранской религіи.

«Богъ призоветъ ее къ себѣ, говорила она, не взирая на ея поклоненіе иконамъ». Вопросу о вѣроисповѣ-

---

[1]) Сборникъ, т. IX, стр. 13.

даніи было посвящено немного времени. Софіи нужно было спѣшить подготовиться къ предстоящей ей роли. Она обучалась придворнымъ манерамъ, пріучалась ходить, садиться, протягивать руку, управлять вѣеромъ, слушать, улыбаться непринужденно, слегка и свободно. Она раскланивалась передъ пустыми креслами, чтобы научиться быть граціозной, «стараясь при этомъ быть любезной въ той лишь мѣрѣ, какъ это слѣдовало». Вѣдь существуютъ дѣйствительно различные оттѣнки вниманія, смотря по различію положенія, происхожденія и заслугъ. Иногда, охваченная безпокойствомъ, она останавливалась среди своихъ реверансовъ; «я боюсь Екатерины,—вздыхала она,—она запугаетъ меня, я въ этомъ увѣрена и я покажусь ей настоящей дурочкой. Если бы только я понравилась ей такъ же, какъ понравилась и великому князю!» На мать ея по временамъ находили мрачныя предчувствія. «Съ царями,—говорила она,—часто случаются несчастія и кто знаетъ судьбу, которую готовитъ небо моей бѣдной дочери?» [1])

Въ день разлуки Софьи-Доротеи съ Монбельяромъ, принцъ и принцесса Вюртембергскіе были очень растроганы.

II.

Уже съ самаго начала переговоровъ, пользуясь прерогативами, связанными съ принятой на себя ролью, Фридрихъ II настаивалъ на томъ, чтобы первое свиданіе Павла и Софьи-Доротеи имѣло мѣсто въ Берлинѣ. Посылать ее въ Петербургъ, не будучи увѣреннымъ въ чувствахъ великаго князя, значило бы подвергать риску скомпрометировать свою двоюродную внучку и подвергнуть ее, можетъ быть, жестокому разочарованію. Будетъ

---

[1]) M-me d'Oberkirch, t. I, passim.

болѣе пристойно, если Павелъ отправится на встрѣчу невѣстѣ. Сверхъ того, путешествіе помогло бы ему забыть его недавнія испытанія. [1]) Откровенно говоря, старый монархъ меньше заботился въ этомъ дѣлѣ о соблюденіи правилъ вѣжливости, чѣмъ объ интересахъ своей политики. Если онъ стоялъ за то, чтобы сынъ Екатерины сдѣлалъ ему визитъ въ Берлинѣ, то онъ дѣлалъ это съ цѣлью сблизиться съ Россіей и тѣмъ привести въ безпокойство вѣнскій дворъ, а также для того, чтобы имѣть возможность польстить, ослѣпить, осторожно вовлечь въ свою игру наслѣдника императорскаго престола. [2]) Онъ вспоминалъ, какъ въ 1762 г. онъ былъ счастливъ, пріобрѣтя благосклонность Петра III.

Въ Петербургѣ планъ путешествія вызвалъ нѣкоторое безпокойство. Очень преданный цесаревичу народъ считалъ его всегда въ опасности, всегда подъ угрозой со отороны какихъ-то невидимыхъ враговъ, рыскавшихъ вокругъ него съ разставленными ловушками и составлявшихъ заговоры съ цѣлью его погибели. Многіе спрашивали себя, въ чѣмъ заключался тайный умыселъ, заставлявшій подвергать великаго князя опасностямъ путешествія въ чужестранные края къ еретикамъ; многіе боялись въ одинъ прекрасный день услышать, что съ нимъ произошло несчастье и притомъ неизвѣстно гдѣ. [3]) Что касается высшихъ классовъ, то они опасались, какъ бы подпавъ въ Берлинѣ подъ вліяніе короля прусскаго, Павелъ не взялъ его за образецъ и не наложилъ бы

---

[1]) Affaires ètrangéres, Prusse, vol. CXCIV, fol. 196; le marquis de Pons, 29 іюня 1776 г.

[2]) Affaires étrangères, Prusse, vol. CXCVI, fol. 188; le marquis de Pons, 22 іюня 1776 г.

[3]) Секретные архивы Берлина, reposit. XI, n. 97; Solms, 28 іюня 1776 г.

впослѣдствіи на свою имперію слишкомъ тяжелый гнетъ и слишкомъ тяжелую дисциплину. Сенатъ не скрывалъ своего недовольства. [1]) Всѣ вообще порицали Екатерину за то, что она такъ необдуманно рѣшилась на это путешествіе, не взвѣсивъ его послѣдствій, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись. При этомъ забывали, что приглашеніе Фридриха II было не изъ тѣхъ, которыя можно отклонить.

Когда же обнаружилось, что ради достойнаго пріема своего гостя король прусскій разстался съ своими привычками домосѣда, преодолѣлъ свои воображаемыя болѣзни и развязалъ тугіе шнурки своего кошелька, всякій понялъ, какое значеніе придавалъ онъ этому визиту. Въ 1776 году Фридрихъ былъ уже сухимъ, сгорбленнымъ старикомъ, опирающимся на палку, съ большими проницательными глазами, освѣщавшими выразительныя черты лица, съ высокимъ лбомъ и саркастической улыбкой. Онъ сдѣлался угрюмымъ. Когда-то въ Рейнсбергѣ находившій наслажденіе въ живой и тонкой бесѣдѣ, блестѣвшей мыслями, онъ избѣгалъ теперь общества. Онъ обѣдалъ одинъ, въ потертомъ платьѣ и возился у камина съ своей подагрой. Разсчетливый до скупости, на склонѣ лѣтъ онъ возстановилъ традиціи своего отца Фридриха-Вильгельма. Для подобающаго пріема ему нужно было выйти изъ своего уединенія, провести нѣсколько дней въ обществѣ, бывать на спектакляхъ, облечь себя въ тяжелый парадный расшитый мундиръ; уже одна мысль объ этомъ пугала его.

«Онъ съ безпокойствомъ думаетъ, доносилъ маркизъ де Понъ, объ утомленіи послѣ момента представленія. Его Величество говоритъ о немъ, какъ о предстоящей кампаніи». [2]) Тѣмъ не менѣе Фридрихъ добродушно по-

---

[1]) Тамъ-же, Solms, 23 августа 1776 г.

[2]) Affaires ètrangéres, Prusse, vol. CXCIV, fol. 214; le marquis de Pons, 20 іюля 1776 г.

корился. Онъ не щадилъ себя; самъ все устраивалъ, отдавалъ распоряженія и, повидимому, находилъ удовольствіе въ самыхъ мелочныхъ хлопотахъ. [1])

Обойщики и декораторы съ каждымъ дилижансомъ пріѣзжали въ Шарлоттенбургъ и Санъ-Суси. Окружающіе короля были особенно удивлены распоряженіемъ исправить кареты, употреблявшіяся въ торжественныхъ случаяхъ, и сдѣлать совершенно новыя ливреи. «Это обстоятельство само по себѣ, конечно, не представляетъ ничего особеннаго, писалъ маркизъ де Понъ, но оно много говоритъ, когда знаешь до какой степени король прусскій врагъ всякаго рода починокъ.» [2]) Ради Павла Фридрихъ сдѣлался расточительнымъ. Онъ ежеминутно повторялъ: «По правдѣ сказать—это увеличиваетъ расходы, но я не жалѣю». [3]) Онъ рѣшилъ, что «секретари и камергеры великаго князя во время пребыванія его въ Берлинѣ будутъ имѣть столъ при дворѣ.» Онъ предвидѣлъ, что эти господа быстро утомятся церемоніалами длинныхъ обѣдовъ, будутъ стараться уклониться отъ нихъ и ужинать иногда въ городѣ. «Я опасаюсь, писалъ Фридрихъ, графу Финкенштейну, какъ бы посланники Франціи и Вѣны не отвлекли ихъ, доставляя имъ различныя удовольствія, чтобы овладѣть ими и внушить имъ чувства, противныя моимъ интересамъ. Надо избѣгнуть этой ловушки. Совѣтники должны избавить отъ нея иностранцевъ съ помощью праздниковъ, обѣдовъ и ужиновъ». Въ концѣ письма Фридрихъ выражается напрямикъ: „Всѣхъ этихъ людей надо оградить отъ австрійскихъ и французскихъ когтей“. [4])

---

[1]) Тамъ-же, fol. 187; le marquis de Pons, 22 іюня 1776 г.

[2]) Тамъ-же, fol. 181; le marquis de Pons, 15 іюня 1776 г.

[3]) Тамъ-же, fol. 195; le marquis de Pons, 29 іюня 1776 г.

[4]) Секрет. архивы Берлина, reposit. XI, n. 175; Фридрихъ—графу Финкенштейну, 10 іюля 1776 г.

Готовясь къ пышному пріему сына Екатерины, король прусскій былъ не вполнѣ спокоенъ: „Не смѣйтесь надо мной, мой дорогой братъ, писалъ онъ принцу Генриху. Я хочу признаться Вамъ въ моей слабости. Я боюсь, не знаю почему, какъ бы великій князь не заболѣлъ и не случилось бы съ нимъ какого-либо несчастья. Я прошу Васъ такъ устроить, чтобы его врачъ сопровождалъ его и чтобы онъ ѣхалъ на лошадяхъ по возможности меньше. Я буду только тогда спокоенъ, когда онъ въ добромъ здоровьѣ вернется въ Петербургъ. Вы, можетъ быть, скажете, что это очень по стариковски. Но войдите въ мое положеніе и посудите, прошу Васъ, какъ плохо было бы для насъ, если бы произошло что-нибудь подобное!“ [1]) Но жребій былъ брошенъ. Время не ждало. 15 іюня король послалъ на встрѣчу великаго князя лакеевъ, буфетчиковъ, поваровъ и т. д., все людей важныхъ, величественныхъ и надутыхъ, которые и передъ кастрюлями несли свои обязанности въ порядкѣ и дисциплинѣ, на прусскій образецъ. [2])

Великій князь Павелъ покинулъ Петербургъ въ серединѣ іюня. Генрихъ Прусскій съѣхался съ нимъ въ Ригѣ; прощаясь съ нимъ, Екатерина поручила ему сына, «своего Талемаха». [3]).

Оба путешественника провели нѣсколько часовъ въ Митавѣ у сына Бирона, «проклятаго нѣмца», который угнеталъ Россію своимъ тяжелымъ деспотизмомъ при Аннѣ Іоанновнѣ и Иванѣ VI. Какъ только переѣхали границу, начался сплошной праздникъ. Павлу оказывали повсюду большія почести. Представители города подносили ему ключи отъ города, губернаторы говорили ему привѣтствія,

---

[1]) Фридрихъ Великій, Сочин. т. XXIV, стр. 383.

[2]) Тамъ-же, стр. 384.

[3]) Сборникъ, XXVII, стр. 99.

поэты превозносили его въ стихахъ, молодыя дѣвушки подносили цвѣты, города принимали его великолѣпно. Опасаясь, какъ-бы привѣтственные клики не были слишкомъ жидки, Генрихъ Прусскій, по собственному почину, нанялъ за плату людей, которые бы кричали ура. [1])

Великій князь прибылъ въ Берлинъ, гдѣ ему приготовили тріумфальный въѣздъ. «Не бойтесь, что по пути великаго князя будетъ мало народу,—писалъ своему брату прусскій король.—Здѣсь изъ своей комнаты я вижу болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, которые уже часа два смотрятъ на тріумфальную арку, гдѣ работаютъ нѣсколько плотниковъ. Окна по Королевской улицѣ берутъ въ наемъ по экю за мѣсто. Судите объ остальномъ. Народъ собирается со всѣхъ концовъ и со всѣхъ странъ. Многіе пріѣзжаютъ для того, что собственными глазами убѣдиться въ томъ, что сюда дѣйствительно пріѣзжаетъ великій князь». [2])

Какъ-же могла не подкупить Павла Петровича та тонкая лесть, которую расточали у его ногъ, какъ она могла не очаровать того, кто при дворѣ своей матери видѣлъ лишь равнодушіе и презрѣніе, того, кто униженный и оскорбленный приносился въ жертву какому-либо Орлову или Потемкину, того, кто въ стѣсненіи, праздности и скукѣ таилъ честолюбивыя желанія, отравленныя горечью безсилія? Но и помимо этого великій князь былъ настроенъ въ пользу Пруссіи и Германіи. По его мнѣнію именно у Германіи Россія должна брать уроки цивилизаціи. Когда Петръ Великій началъ просвѣщать свой народъ и приближать къ Европѣ старую Московію, онъ воспринялъ германскіе обычаи и идеи. Реформаторъ, русскій по своему характеру, поставилъ, повидимому, своей

---

[1]) Фридрихъ Великій, сочиненія, т. XXVI, стр. 183.

[2]) Фридрихъ Великій, сочиненія, т. XXVI, стр. 386.

задачей онѣмечить своихъ подданныхъ. Вновь основаннымъ городамъ, новымъ или реформированнымъ учрежденіямъ, онъ давалъ нѣмецкія названія. Однажды, говорятъ, онъ чуть было не сдѣлалъ нѣмецкій языкъ оффиціальнымъ.

Нѣмцы помогли русскимъ подняться, образовывали ихъ, вліяли на ихъ развитіе и нравы, потомъ при Аннѣ Іоанновнѣ угнетали ихъ и эксплуатировали. Изъ наставниковъ націи они сдѣлались ея тиранами. Но ученики ускользнули изъ подъ ихъ вліянія. Со времени царствованія Елизаветы высшіе классы оставили нѣмецкую культуру ради французской; они продолжали копировать иностранное, но менѣе рабски, чѣмъ прежде, и стали относиться съ большимъ уваженіемъ или осторожностью ко всему русскому. [1])

Однако при дворѣ Екатерины было не мало такихъ, которые питали глубокое презрѣніе къ народу, считали его варварскимъ и сильнѣе, чѣмъ когда-либо, хотѣли подвинуть его на путь подражанія и подчинить германскому вліянію, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что нѣмцы сами были учениками Франціи. Графъ Панинъ, уроженецъ Балтійскихъ провинцій, проведшій свою юность среди нѣмцевъ, сообщилъ великому князю свои симпатіи къ нѣмецкой цивилизаціи. [2])

Павелъ помнилъ, какъ его отецъ любилъ все прусское, и подчинялся самъ престижу имени Фридриха II.

Въ тотъ день, когда цесаревичъ переступилъ владѣнія короля Прусскаго, исполнилось одно изъ его самыхъ доро-

---

[1]) См. Anatol Leroy Beaulieu, Empire des tsars et le Russes, t. I стр. 272 и слѣд.

[2]) Лебедевъ, Графы Никита и Петръ Панины, стр. 74—75.—„Панинъ,—писалъ лордъ Каткартъ,—во многихъ отношеніяхъ представляетъ исключеніе въ своей странѣ. Онъ скорѣе нѣмецкаго склада ума и характера“. La Gour de Russie, стр. 246).

гихъ мечтаній. Какъ ни мало онъ былъ склоненъ дѣлиться съ матерью, онъ не умолчалъ о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя производила на него во время путешествія монархія Фридриха. Въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ его писемъ онъ высказываетъ свое восхищеніе по поводу того, что король Прусскій, привыкшій надъ всѣмъ командовать, всѣмъ управлять самъ, сумѣлъ своими энергичными руками перенести жизнь изъ центра къ окраинамъ своихъ государствъ; здѣсь развивались и процвѣтали города, крестьяне занимались хлѣбопашествомъ, собирали жатву, строились, скотъ пасся на сырыхъ и нездоровыхъ прежде мѣстахъ, гдѣ на памяти человѣческой не видали ни животныхъ, ни людей. Великаго князя всего болѣе поразилъ городской классъ, хорошо организованный подъ защитой законныхъ учрежденій, дисциплинированный, трудолюбивый; въ Россіи еще не было буржуазіи. «Видно, пишетъ Павелъ, что въ Пруссіи имѣютъ во всемъ передъ нами вѣка два преимущества». [1])

10-го іюля 1776 г. восторженно настроенный великій князь прибылъ въ Берлинъ. Столица встрѣтила его съ почетомъ и радушіемъ. Послѣ обмѣна любезностями Фридрихъ представилъ ему свою внучку. Софья-Доротея понравилась своему жениху съ первой же встрѣчи. Была ли она красива? Г-жа Оберкирхъ въ своихъ «Мемуарахъ» отмѣчаетъ правильность ея чертъ и великолѣпный цвѣтъ лица.[2]) Въ своей депешѣ Наполеону, въ 1810 г., Голенкуръ восхвалялъ ея красоту: «Императрица, писалъ онъ, несмотря на свои 50 лѣтъ и теперь еще является образцомъ для дѣтей. [3]) Слѣдуетъ однако признаться, что на портретахъ она не особенно красива, но лицо—очень благородно и

---

[1]) Сборникъ, т. XXVII, стр. 99, письмо 20 іюля 1776 г.

[2]) Г-жа Оберкирхъ, Мемуары, т. I, стр. 20.

[3]) Vandal, Napoleon et Alexandre I, т. II, стр. 224.

довольно внушительно. Павелъ не счелъ нужнымъ изливаться въ выраженіяхъ восхищенія: «Она не дурна собой, писалъ онъ своей матери; высока и стройна». [1])

Онъ не преувеличивалъ. По его собственному признанію, онъ былъ особенно очарованъ внутренними качествами Софіи, добротой, которая отражалась на ея оживленномъ и улыбающемся лицѣ. Ему не стоило большого труда понравиться: ему не поставили въ вину небольшой ростъ, невзрачный обликъ, вздернутый носъ, благодаря которому, какъ говорили, онъ походилъ на своего дѣда принца Ангалтъ-Цербтскаго..

Празднества продолжались десять дней. Члены королевской фамиліи, Фридрихъ II, его два брата, Генрихъ и Фердинандъ, его племянникъ и наслѣдникъ, Фридрихъ-Вильгельмъ, соперничали другъ съ другомъ въ предупредительности и вниманіи по отношенію къ Павлу; для него ставилась лучшая опера, устраивался самый блестящій концертъ, богатый ужинъ. Обѣды продолжались по три часа; таковъ былъ обычай при Прусскомъ дворѣ. Столъ былъ «скорѣй военнымъ, чѣмъ изысканнымъ». Одинъ обѣдъ у Фридриха ознаменовался лѣдующимъ происшествіемъ: куски штукатурки упали съ потолка на королевскій столъ; все время опасавшійся какого-нибудь вѣроломства король быстро вышелъ въ сосѣдній залъ и столъ прервался на первомъ блюдѣ. [2])

Послѣ обѣда отправлялись обыкновенно въ Шарлоттенбургъ, Санъ-Суси, или Монъ Бижу. Военныхъ маневровъ не было.

Король показалъ своему гостю лишь Потсдамскій полкъ, продѣлавшій нѣсколько упражненій. Очень гордив-

---

[1]) Сборникъ, т. XXVII, стр. 98.

[2]) Affair. ètrang., Prusse, vol. CXCIV, fol. 218; le marquis de Pons, 27 іюля 1776 г.

шійся своей арміей, являвшейся наиболѣе искусно построеннымъ колесомъ во всемъ механизмѣ Пруссіи, король задумалъ устроить для цесаревича большой смотръ; онъ отдалъ уже распоряженіе доставить въ Берлинъ лошадей, которыя были на подножномъ кормѣ, и отказался, говорятъ, отъ своего плана только по просьбѣ Екатерины, которая боялась, какъ бы ея сынъ отъ соприкосновенія съ прусскими войсками не почувствовалъ слишкомъ большой склонности къ военному дѣлу. [1])

У Фридриха нашлось много ласковыхъ словъ для будущихъ супруговъ. Онъ выражалъ удовольствіе по поводу того, что ему пришлось быть свидѣтелемъ ихъ счастья въ періодъ обрученія, періодъ взаимныхъ признаній. Нѣсколько разъ онъ водилъ ихъ и по-долгу бесѣдовалъ съ ними. «Изъ разговора ничего нельзя было слышать. Но судя по жестамъ, движеніямъ лица короля, великаго князя и принцессы Вюртембергской, разговоръ имѣлъ видъ поученія даваемаго королемъ, повидимому, въ отеческомъ тонѣ». [2]) Фридрихъ взялъ на себя по отношенію къ Софіи роль Фенелона, руководителя молодой женщины. Но особенно онъ любилъ вести частныя бесѣды съ Павломъ въ небольшихъ аппартаментахъ своего уединеннаго Санъ-Суси. «Тамъ его подходы были менѣе видны или, если и видны, то лишь для скромныхъ свидѣтелей». Онъ разспрашивалъ его на счетъ двора Екатерины, читалъ съ нимъ письма, полученныя изъ Петербурга; подробно излагалъ ему свою систему управленія; онъ относился къ нему не какъ къ иностранцу, а какъ къ лицу близкому и внушавшему довѣріе; онъ его возбуждалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очаровывалъ. [3])

---

[1]) Тамъ-же, fol. 231; le marquis de Pons, 3 августа 1776 г.

[2]) Тамъ-же, fol. 223; le marquis de Pons, 27 іюля 1776 г.

[3]) Сольмсъ писалъ королю: „Графъ Панинъ благодаритъ Васъ за совѣты, которые Вы подали великому князю относительно искусства управлять; онъ надѣется, что они не останутся безплодны“. (Архивы Берлина, reposit, XI, conv. 97, 24 сентября 1776 г.).

Изъ рукъ Фридриха цесаревичъ переходилъ въ руки Генриха Прусскаго. Послѣдній хотѣлъ отъ путешествія Павла извлечь для себя славу и выгоду. За исключеніемъ короля, онъ ни съ кѣмъ не хотѣлъ дѣлиться открытыми выраженіями симпатіи со стороны сына Екатерины. Наслѣдникъ престола, Фридрихъ-Вильгельмъ, испытывалъ даже нѣкоторое чувство зависти. Онъ чувствовалъ себя забытымъ и какъ бы въ пренебреженіи. Онъ не скрывалъ своего отрицательнаго мнѣнія о принцѣ Генрихѣ, выставляя на видъ черты его характера, высокомѣріе и вызывающій тонъ, который тотъ вдругъ принялъ. [1])

Много скрытыхъ интригъ раскрылось въ Берлинѣ. Отъ великаго князя не могло укрыться, что семейныя узы при прускомъ дворѣ не были болѣе тѣсными, чѣмъ при русскомъ. Бракъ не накладывалъ тамъ слишкомъ тяжелыхъ цѣпей. Фридрихъ Великій при своемъ восшествіи на престолъ удалилъ жену: «Здравствуйте, сударыня, и счастливаго пути!» Генрихъ сплавилъ свою жену, Фридрихъ-Вильгельмъ развелся съ первой женой и примирился со второй—Фредерикой Гессенъ-Дармштадской только подъ условіемъ ежедневно быть ей невѣрнымъ. Принцы и принцессы открыто или тайно враждовали другъ съ другомъ и наносили изъ за угла жестокіе удары, причемъ менѣе острыя стрѣлы не всегда пускались женской рукой. Принцесса Фредерика поручила Генриху Прусскому, при его отъѣздѣ въ Россію, передать письмо своей сестрѣ, великой княгинѣ Наталіи. «Я боюсь,—говорила она въ немъ, какъ бы податель сего письма не сталъ стараться и не достигъ того, чтобы разлучить меня съ моимъ мужемъ; онъ желалъ бы, чтобы всѣ мужья обходились со своими женами такъ же, какъ онъ со своей. Желаю, чтобы его

---

[1]) Affaires étrangères, Prusse, vol. CXCIV, fol. 237; le marquis de Pons, 10 августа 1776 г.

путешествіе не нарушило Вашего счастья!» Императрица нашла въ бумагахъ своей снохи это неосторожное письмо и поспѣшила прочитать его принцу Генриху. Послѣдній, задѣтый за живое, не преминулъ задать своей племянницѣ строгій выговоръ въ письмѣ, а по своемъ возвращеніи пустился въ ругательства по ея адресу. [1])

Во время пребыванія Павла въ Берлинѣ принцесса Фредерика допустила еще другія неловкости. Въ присутствіи великаго князя она при каждомъ случаѣ выражала соболѣзнованіе по поводу смерти своей сестры Наталіи Алексѣевны. Король, отличавшійся черствостью, грубо упрекнулъ ее за то, что она вызываетъ сожалѣнія въ молодомъ князѣ и отвлекаетъ его умъ и сердце отъ невѣсты. Вступился мужъ и сталъ поносить всѣхъ. [2])

Эти принцы, когда имъ не надо было думать о представительствѣ, ссорились между собой, подобно писцамъ въ нотаріальной конторѣ.

Понятно, почему Павелъ испытывалъ извѣстное стѣсненіе въ этой средѣ, гдѣ все было для него ново и гдѣ подъ привѣтливой личиной скрывалось столько злобы. У него не было быстрой находчивости; онъ не умѣлъ придумывать пріятные комплименты; онъ сомнѣвался въ самомъ себѣ и ему не доставало увѣренности. Маркизъ де Понъ такъ передаетъ свои берлинскія впечатлѣнія: «съ внѣшней стороны великій князь имѣетъ видъ еще не вполнѣ сформировавшагося молодого человѣка, который старается быть находчивымъ въ обстоятельствахъ, гдѣ онъ чувствуетъ, что долженъ играть первую роль, но не обладая этимъ свойствомъ, желаетъ скрыть свое смущеніе подъ внѣшнимъ видомъ непринужденности. Его походка

---

[1]) Affaires étrangères, Prusse, vol. GXCVI, fol. 256; le morquis de Pons, 24 августа 1776 г.

[2]) Тамъ-же fol 238; le-morguis de Pons, 10 августа 1776 г.

и манеры неестественны. Въ его любезности также замѣтна преувеличенность, она носитъ слишкомъ показной характеръ и слишкомъ напоминаетъ объ наставленіяхъ, полученныхъ въ Петербургѣ при отъѣздѣ». [1])

Дипломатъ добавляетъ, что Павелъ не прощалъ себѣ своей неловкости; что, не имѣя достаточно тугого кошелька, онъ не могъ позволить себѣ обычно принятой щедрости, а та, которую онъ допускалъ, была не такой, какую отъ него ожидали. Фридрихъ II въ *Мемуарахъ* приводитъ свое мнѣніе о гостѣ; король философъ не только наблюдалъ, но и предвидѣлъ: «Великій князь произвелъ впечатлѣніе высокомѣрнаго, надменнаго и заносчиваго; все это давало поводъ знакомымъ съ Россіей опасаться того, что ему трудно будетъ удержаться на тронѣ, что управляя суровымъ и угрюмымъ народомъ, распущеннымъ къ тому же слабымъ правленіемъ нѣсколькихъ императрицъ, онъ долженъ страшиться участи, подобной участи его несчастнаго отца». [2])

Въ упоеніи празднествъ Павелъ и не замѣчалъ, что злые языки забавлялись его смущеннымъ видомъ и тѣмъ, что король, столь щедрый на лесть, очень сурово отзывался о немъ. При прощаніи разстались съ увѣреніями во взаимной преданности. Прежде чѣмъ возвратиться въ Россію, великій князь провелъ съ своей невѣстой два дня въ Рейнсбергскомъ замкѣ, который съ 1752 г. принадлежалъ принцу Генриху. [3]) Этотъ привлекательный замокъ, весь наполненный миѳологическими картинами, былъ расположенъ на молчаливыхъ берегахъ небольшого озера среди еловыхъ лѣсовъ, которые придавали всему пейзажу оттѣнокъ строгаго спокойствія. Въ этомъ отдаленномъ уеди-

---

[1]) Тамъ-же, fol. 221; 27 іюля 1776 г.

[2]) Фридрихъ II, Мемуары, т. II, стр. 237.

[3]) Кобеко, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, стр. 144.

неніи Фридрихъ Великій готовился и вооружалъ себя для суровой и плодотворной королевской доли. Года, прошедшіе въ ожиданіи престола, дали Фридриху созрѣть: эти годы скорѣе испортили великаго князя Павла, низведеннаго до унизительнаго положенія, предоставленнаго фантазіямъ своего воображенія, мучимаго тревогами... При отъѣздѣ изъ Рейнсберга, слѣдуя по песчанымъ дорогамъ Помераніи, молодой князь не задавалъ себѣ вопроса, какъ создался свободный духъ и твердая воля Фридриха II. У него была на умѣ одна мысль: какъ можно скорѣе отплатить долгъ признательности королю, оказавшему ему столь горячій пріемъ.

Во время путешествія ему представился случай доказать свою преданность прусскимъ интересамъ. Однажды вечеромъ, во время остановки въ одномъ небольшомъ мѣстечкѣ, Оливѣ, онъ освѣдомился о маршрутѣ слѣдующаго дня и узналъ, что предстояла на самое непродолжительное время остановка въ Данцигѣ. Съ момента раздѣла 1772 г. озабоченный увеличеніемъ своей доли и обезпеченіемъ торговли на нижней Вислѣ Фридрихъ добивался Данцига и Торна, и если незадолго передъ тѣмъ между Петербургомъ и Берлиномъ произошло нѣкоторое охлажденіе, то это надо было приписать, главнымъ образомъ, притязаніямъ Пруссіи на эти два города, оставшіеся въ польскомъ владѣніи. Находясь подъ угрозой со стороны Пруссіи, Данцигъ искалъ опоры у Россіи и заискивалъ передъ Екатериной. [1])

Великій князь Павелъ вскипѣлъ при мысли о томъ, что его хотятъ везти въ Данцигъ и придать его проѣзду тріумфальный видъ для того, чтобы досадить Фридриху. Онъ горячился, требуя немедленной перемѣны маршрута и другихъ лошадей. Ему указали на невозможность найти

---

[1]) Albert Sorel, la Question d'Orientau dix-huiteme siècle, т. XIX.

на другой день гдѣ-либо кромѣ Данцига нужное количество лошадей для почтовыхъ каретъ и повозокъ и онъ принужденъ былъ согласиться, проклиная необходимость, подчиниться первоначальному плану. Но онъ впалъ въ такое дурное настроеніе духа, что удалился въ свои аппартаменты и ужиналъ одинъ, не желая никому показываться, хотя собралось много народу изъ окрестностей и были сдѣланы большія приготовленія къ его пріему. На другой день представители города Данцига съ большой торжественностью вышли на встрѣчу ему къ городскимъ воротамъ. Они всѣ выстроились въ рядъ, готовые каждый произнести привѣтствіе. Перваго успѣвшаго открыть ротъ Павелъ съ высокомѣрнымъ видомъ спросилъ: «не идетъ ли дождь», и не прибавивъ ни слова больше, не ступивъ даже на землю, громко отдалъ распоряженіе отправляться дальше, оставивъ обывателей Данцига столь же удивленными, сколько и оскорбленными такимъ отношеніемъ. [1]) Въ этотъ день великій князь Павелъ показалъ, что онъ больше считался съ обидчивостью Фридриха, чѣмъ съ интересами Екатерины.

Изъ Данцига онъ поѣхалъ прямо въ Петербургъ, куда долженъ былъ прибыть за двѣ недѣли до прибытія новой великой княгини. Софья-Доротея разсталась съ своимъ женихомъ въ Рейнсбергѣ. Принцъ и принцесса Вюртембергскіе проводили ее до Мемеля, гдѣ ее ожидали статсъ-дамы, посланныя Екатериной ей на встрѣчу. Бриллiантовые колье и серьги, табакерка, шпага украшенная бриллiантами и другіе подарки, которые передала графиня Румянцева Софіи и ея родителямъ, не могли смягчить всей горечи разлуки. [2]) Безвозвратный разрывъ съ

---

[1]) Affaires etrangères. Prusse, vol. CXCIV, fol. 253; le marquis de Pons, 24 августа 1776 г.

[2]) Сборникъ, т. XXVII, стр. 109.

прошлымъ вызывалъ у принцессы слезы отчаянія. Ее увели почти безъ чувствъ. Ей не удалось добиться отъ Екатерины разрѣшенія оставить при себѣ хотя бы свою горничную. Вокругъ нея были теперь только чужія лица: Пастуховъ, который, согласно предписанію, на скорую руку обучалъ ее православному катехизису, и статсъ-дамы, которымъ поручено было въ сущности столько же слѣдить за нею, сколько и служить. [1])

Сердечный пріемъ императрицы вернулъ Софіи ея бодрость духа и веселость. Чтобы понравиться ей, Екатерина употребила все свое искусство плѣнять. Она пустила въ ходъ лесть, ласки и изыскнинную предупредительность, она разсылала во всѣ углы Европы похвалы принцессѣ Вюртембергской: «Мой сынъ, писала она г-жѣ Біельке, пріѣхалъ совершенно здоровымъ и совсѣмъ влюбленнымъ въ свою принцессу. Сознаюсь Вамъ, что я пристрастилась къ этой очаровательной принцессѣ и пристрастилась въ буквальномъ смыслѣ слова; она именно такая, какую нужно было: стройна, какъ нимфа, цвѣтъ лица бѣлый, какъ лилія, прелестнѣйшая кожа въ свѣтѣ, высокаго роста съ соразмѣрной шириной въ плечахъ и притомъ легка; кротость, доброта сердца и искренность выражаются у нея на лицѣ; всѣ отъ нея въ восторгѣ и тотъ кто не полюбитъ ее, будетъ неправъ, такъ какъ она рождена для того и дѣлаетъ все, чтобы быть любимой». Въ концѣ своего письма Екатерина бранитъ наслѣдника Дармштадтскаго, отказавшагося отъ руки этой очаровательной принцессы, забывая, что его вѣжливо попросили объ удаленіи: „Представьте себѣ, что этотъ дрянной фландріецъ, (глупый какъ пробка), который долженъ былъ на ней жениться, не сожалѣетъ о ней; онъ былъ совершенно равнодушенъ ко всѣмъ этимъ восхитительнымъ прелестямъ; мнѣ кажется,

---

[1]) Шумигорскій, Императрица Марія Ѳеодоровна, стр. 94—96.

что это характеристично и по такой чертѣ можно бы было безошибочно предсказать судьбу этого негодяя“ [1])

Среди окружающихъ императрицу и въ народѣ Софья-Доротея возбуждала самую живую симпатію. Черты ея лица, особенно ея глаза, напоминали старикамъ царицу Елизавету Петровну, дочь Петра Великаго, которую они въ одинъ прекрасный день восторженно провозгласили императрицей, ослѣпленные блескомъ ея красоты и молодости. [2])

Принцесса отреклась отъ лютеранства и получила у подножья греческаго алтаря имя Маріи Θеодоровны. 26-го сентября архіепископъ Платонъ совершилъ обрядъ вѣнчанія. При дворѣ царила радость. Екатерина и Павелъ охотно отворачивали свой взоръ отъ тяжелаго прошлаго. Повидимому, между ними установилось не только простое примиреніе, но и интимная близость. Въ жизни великаго князя это была недолгая минута отрады. Марія Θеодоровна была «одна изъ тѣхъ счастливыхъ натуръ, которыя самимъ небомъ предназначены примирять съ человѣчествомъ саму мизантропію.» [3]) Можно было надѣяться, что она сумѣетъ остепенить безпокойнаго юношу, съ которымъ вступала въ бракъ. «Телемахъ влюбленъ въ нее, писала Екатерина, а она очень страстна для Телемаха». [4]) Павелъ привязался къ женѣ, которую указала ему политика. «Всюду, куда приходитъ моя жена, писалъ онъ принцу Генриху, она имѣетъ даръ разливать веселость и непринужденность и она столь искусна

---

[1]) Сборникъ, т, XXVII, стр. 117; письмо къ г-жѣ Бьельке 5 сентября 1776 г. См. также т. XXIII, стр. 59, письмо къ Гримму, 1-го сентября 1776 г.

[2]) Секрет. архивы Берлина, reposit XI п. 97; Solms, 17 сент. 1776

[3]) Allonville, Memoires secrets, стр. 108.

[4]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 57.

въ этомъ, что не только разогнала мои черныя мысли, но вернула мнѣ свойства моего характера, которыя я совершенно утерялъ за эти несчастные три года.» [1]) Среди писемъ, которыя онъ посылалъ барону Сакену, писемъ, не предназначавшихся для постороннихъ взглядовъ и открывающихъ намъ лучшія стороны характера Павла, его самыя благородныя чувства, стремленія къ добру, среди этихъ писемъ, представляющихъ драгоцѣнный документъ, безъ котораго, быть можетъ, совсѣмъ исчезнулъ бы истинный обликъ Павла, мы находимъ небольшую записку, гдѣ послѣ нѣжной похвалы своей невѣстѣ, онъ говоритъ своему другу: „Вы можете видѣть изъ письма моего, что я не изъ мрамора и что сердце мое далеко не такое черствое, какъ многіе полагаютъ, моя жизнь докажетъ это.“ Потомъ сознавая, что дурное мнѣніе о немъ создалось благодаря его странностямъ, онъ добавлялъ: «Одно лишь время и твердый образъ дѣйствій въ состояніи уничтожить клевету». [2]) Чтобы направить первые шаги своей жены на придворной аренѣ и предостеречь ее отъ опасностей, которымъ подверглась Наталія Алексѣевна, великій князь снабдилъ свою невѣсту большой и обстоятельно написанной инструкціей относительно обязанностей въ ея новомъ положеніи. Оно было ей передано въ Рейнсбергѣ для того, чтобы имѣть время обдумать ее, прежде чѣмъ навсегда водвориться въ Россіи. Это былъ тщательно разработанный планъ жизни. Принцесса должна бояться прежде всего Бога: усердно изучая обряды православной церкви, она полюбитъ народъ, очень привязанный къ вѣрѣ. Въ ея сношеніяхъ съ императрицей, она должна быть почтительной и ласковой дочерью; она мо-

---

[1]) Krauel, Briefwechsel zwischen Heinrich von Preussen und Katharina von Russland, стр. 166.

[2]) Сборникъ, т. XX, стр. 409; письмо 3 сентября 1776 г.

жетъ имѣть общеніе только съ лицами разумными и способными дать ей полезное указаніе: дворы полны людей ничтожныхъ, живущихъ, главнымъ образомъ, интригами, происками, въ развратѣ. Принцесса должна вставать рано утромъ, заканчивать свой туалетъ къ полудню, а въ праздничные дни къ десяти съ половиной часамъ. Она должна въ порядкѣ держать свои счета; великокняжескій дворъ получаетъ свое ежегодное содержаніе, назначенное Ея Величествомъ, по третямъ; если не разсчитывать, то послѣ обильныхъ мѣсяцевъ будутъ наступать мѣсяцы недостатка. Принцесса не должна разоряться на платья и наряды, не должна ничего брать въ долгъ изъ опасенія накопить долги; должна имѣть дѣло всегда съ одними и тѣми же лицами, такъ какъ такимъ способомъ можно пріобрѣтать на лучшихъ условіяхъ; должна отказывать торговцамъ модными товарами, которые, эксплуатируя женское кокетство, подъ вымышленными предлогами приходятъ соблазнять васъ и вводить въ расходъ... Великій князь, какъ видно, входилъ въ мельчайшія подробности домашней жизни и регулировалъ всѣ движенія будущей великой княгини. Хотя вскорѣ должно было минуть 100 лѣтъ, какъ Петръ Великій освободилъ русскую женщину, заключенную до тѣхъ поръ въ теремѣ, все еще существовало сомнѣніе въ эпоху Екатерины въ томъ, способна ли она вести себя самостоятельно. Занимались тѣмъ, что давали ей письменные совѣты, правила житейской мудрости и подробнѣйшія указанія, какъ будто вспоминая о *Домостроѣ*, этомъ суровомъ руководствѣ протопопа Сильвестра, такъ долго служившемъ путеводителемъ для боярынь-затворницъ. Марія Ѳеодоровна, повидимому, нисколько не возмутилась тѣмъ, что такая манера поучать заключала въ себѣ нѣчто для нея унизительное. Въ заголовкѣ инструкціи, переданной великимъ княземъ, нашли слѣдующія слова, написанныя ея рукой: „Я никогда не нуждалась въ этомъ руководствѣ,

слава Богу. Моей любви къ мужу было всегда достаточно и будетъ всегда достаточно для того, чтобы угадывать его желанія и сообразоваться съ ними.“ [1])

III.

Ни въ характерѣ, ни во вкусахъ Маріи Θеодоровны не было ничего, что могло бы возбудить недовѣріе Екатерины. Отличавшаяся мягкостью и добротой, дѣлающими женщину, къ какому бы сословію она ни принадлежала, украшеніемъ семьи, новая великая княгиня любила простыя удовольствія и радости семейнаго очага настолько же, насколько Наталія Алексѣевна любила шумъ и оживленіе. Всѣ были согласны въ томъ, что она обладала всѣми обычными семейными добродѣтелями, даже нѣсколько въ буржуазномъ видѣ; при этомъ не безъ ироніи добавляли, какъ бы цѣня лишь ея душевныя качества: «Принцесса Вюртембергская, великая княгиня или императрица, она всегда будетъ только женщиной и ничѣмъ больше.» [2]) Небольшой дворъ Монбельяра не научилъ ее вести интригъ: она не была склонна усиливать честолюбіе мужа, подстрекать къ смутѣ. Когда она ближе приглядѣлась ко двору, въ который попала, къ безчинствамъ, творящимся около трона, къ возведеннымъ въ дворянское достоинство и пожалованнымъ мѣстами любовникамъ Екатерины, къ фаворитамъ, подобно Потемкину, выбирающимъ себѣ преемниковъ и представляющимъ своихъ замѣстителей,—это зрѣлище послѣ честнаго нѣмецкаго очага не могло не поразить ее, не оскорбить ея нравственнаго чувства самымъ глубокимъ образомъ и не за-

---

[1]) Этотъ документъ былъ опубликованъ Шумигорскимъ въ „Русской Старинѣ“, 1898 г., т. XCIII, стр. 247—260.

[2]) La Cour de Russie, p. 234; депеша de Corberon'a.

ставить ее уйти въ себя. Она рѣшила, что для нея приличнѣе будетъ держаться нѣсколько въ сторонѣ, уйти въ домашнія дѣла. При жизни Екатерины она довольствовалась этимъ нѣсколько узкимъ образомъ жизни. Впослѣдствіи, въ царствованіе ея сына Александра, она почувствовала потребность играть болѣе крупную роль, выступать съ большей пышностью, а также оказывать большее вліяніе на политическія дѣла.

Ея замужество обѣщало ей корону; но она больше всего ждала отъ него счастья. Она любила великаго князя и не скрывала этого. «Я очень довольна, пишетъ она г-жѣ Оберкирхъ, что Вы его не узнаете; ибо Вы не могли бы удержаться и не обожать, и не любить его, а я приревновала бы его. Мой дорогой мужъ—ангелъ, я люблю его безумно.» [1])

Прочтемъ нѣкоторые отрывки изъ ея интимныхъ писемъ графу Панину, который успѣлъ быстро завоевать ея симпатію и съ которымъ она охотно дѣлилась: «Обожаемый великій князь осыпаетъ меня любовью и ласками... Стоитъ ему немного прихворнуть, какъ я теряю голову и занимаюсь только тѣмъ, что ухаживаю за нимъ и тѣмъ, что французы называютъ разыгрывать добродѣтельную женщину... Мужъ вашей королевы шлетъ Вамъ привѣтъ. Въ приливѣ нѣжности тотъ же самый мужъ сдѣлалъ мнѣ синякъ на рукѣ, который заставилъ меня пронзительно вскрикнуть. Прощайте, мой дорогой король! По истинѣ, (соблаговолите вспомнить, что въ тотъ моментъ, когда вамъ 60 лѣтъ), я люблю Васъ отъ всего моего сердца». [2])

Даже по прошествіи цѣлаго столѣтія можно было усомниться оглашать эти шалости супружеской нѣжности,

---

[1]) M-me d'Oberkirch, Memoires, t. I, стр. 81.

[2]) Русскій Архивъ, 1882 г., т. I, стр. 399—404.

если бы такимъ образомъ не открывалась возможность пролить свѣтъ на самыя привлекательныя черты этой благородной личности. По отношенію къ своему мужу княгиня заняла положеніе самой преданной, самой покорной жены. И великій князь находилъ удовольствіе въ ея пріятномъ обществѣ. Въ Петербургѣ не было никого, кто не былъ бы пораженъ гармоніей, царившей между молодой четой. «Великая княгиня, говорилъ одинъ англійскій уполномоченный агентъ, проникнута самымъ глубокимъ чувствомъ супружескаго долга... Ея предупредительность и вниманіе заслуживаютъ признательности со стороны мужа; онъ также очень нѣжно ее любитъ. Они чрезвычайно счастливы другъ съ другомъ; но я боюсь, что ихъ счастье непродолжительно среди такого безнравственнаго и смѣшаннаго двора, какъ этотъ.» [1])

Въ тотъ періодъ, къ которому мы приступаемъ, Павелъ былъ, повидимому, въ болѣе спокойномъ настроеніи. Несчастія, падавшія на него съ ранняго дѣтства, судьба, подвергавшая его всякаго рода испытаніямъ, постоянныя огорченія и гнетъ,—все это онъ переносилъ съ нѣкоторой покорностью; онъ меньше сердился и раздражался, не такъ яростно сыпалъ проклятія и не съ такимъ злорадствомъ давалъ волю брани.

Екатерина была въ расцвѣтѣ своей славы. Все склонялось передъ ней. Тѣ изъ русскихъ, которые были наиболѣе предубѣждены противъ женскаго правленія, все же не могли не признавать, что власть попала въ 1762 г. въ достойныя и способныя руки. Внутри страны она исправляла и создавала; реформы центральной власти были направлены на искорененіе привычки къ неповиновенію, прекратились крестьянскія и городскія волненія. Даже въ южной Россіи, повидимому, потухли ста-

---

[1]) La Cour de Russie, стр. 320; депеша Harris'a.

рые очаги возстаній. За предѣлами страны императрица сдѣлала пріобрѣтенія на Востокѣ; русскій народъ питалъ даже дерзкую мечту изгнать турокъ изъ Европы и возстановить православіе въ Константинополѣ. Если и раздавались еще кое-какіе голоса съ цѣлью оспаривать величіе царствованія, то и они терялись въ общемъ хорѣ похвалъ, доходившемъ до самаго престола. Самъ Павелъ не могъ не признавать достигнутыхъ крупныхъ результатовъ; въ глубинѣ души онъ, быть можетъ, и таилъ недовольство и злобу, но не могъ громко ихъ выражать и тѣмъ менѣе мстить за свои личныя обиды. Онъ принялъ видъ обреченной на бездѣйствіе, вѣчно страждущей жертвы.

Менѣе, чѣмъ когда-либо, онъ думалъ о какихъ-либо выступленіяхъ, враждебныхъ политикѣ матери. Если бы произошла революція «онъ могъ-бы быть ея объектомъ, но отнюдь не причиной». [1]) Нѣтъ основаній заподазривать его лояльность. Онъ заявлялъ, что всѣмъ его поведеніемъ руководятъ соображенія о благѣ государства и что враги общественнаго порядка или государственныхъ интересовъ— его личные враги. Во время своего путешествія онъ замѣтилъ въ Ригѣ «ужасные безпорядки по военной части» и немедленно увѣдомилъ мать о недисциплинированности солдатъ, о лихоимствѣ офицеровъ. «Если бы, писалъ онъ по этому поводу, мнѣ надо было составить себѣ политическую партію, я могъ бы умолчать о подобныхъ безпорядкахъ съ тѣмъ, чтобы пощадить извѣстныхъ лицъ, но я стою на такой высотѣ, гдѣ для меня не существуетъ ни партій, ни интересовъ, кромѣ интересовъ государства». Онъ заканчиваетъ письмо слѣдующими благородными словами: «Лучше пусть меня ненавидятъ за правое дѣло, чѣмъ любятъ за неправое». [2])

---

[1]) La Cour de Russie, стр. 321.

[2]) Сборникъ, т. XX, стр. 412; письмо къ Сакену 15 февраля 1777 г.

Его устранили отъ дѣлъ и онъ страдалъ отъ своей праздности и зависимаго положенія, на что и жаловался иногда публично. Но «это все, на что онъ осмѣливался».[1]) Онъ сталъ не такимъ рѣзкимъ, но болѣе унылымъ. Въ его движеніяхъ и позахъ выражалось какое-то усталое равнодушіе безысходной печали. Онъ изнывалъ отъ скуки.

«Вы въ письмѣ своемъ, писалъ онъ архіепископу Платону, много мнѣ чести дѣлаете, сравнивая мои упражненія съ Кировыми. Они ни славою, ни важностію не могутъ съ оными быть сравнены; но со стороны добрыхъ намѣреній могутъ на Кировы походить когда-нибудь; а теперь стараюсь успокаивать духъ свой и занимаю себя невиннымъ здѣшняго мѣста иногда упражненіемъ. Вотъ цѣна здѣшняго мѣста и пребыванія моего въ немъ. Потъ же мой не упражненія, не трудовъ, а потъ развѣ иногда скуки. И такъ изъ сего видите, что и тутъ на Кира не похожъ, ибо онъ проливалъ его въ трудахъ, въ которыхъ отдыхалъ отъ важнѣйшихъ; а я не имѣя таковаго рода, есть-ли отчего могу отдыхать, такъ развѣ со стороны духа».

Въ отвѣтъ на совѣты своего прежняго наставника бороться съ уныніемъ, цесаревичъ отвѣчалъ: «Все, что Ваше преосвященство пишите въ послѣднемъ письмѣ своемъ о скукѣ столь справедливо, что остается мнѣ только напрягать силы свои къ исполненію подаваемыхъ мнѣ Вами совѣтовъ. Всеконечно ослабляетъ она духъ, отымая силы и нѣтъ лучшаго средства оборониться отъ нея, какъ занимая себя предметами, сходными съ состояніемъ каждаго. Тогда, хотя бы и оставалось праздное время, будетъ то утѣшеніе, что употреблено хотя протчее въ пользу, и отъ сего самого должно и спокойствіе духа проистекать. Но властны ли мы всегда такимъ образомъ

---

[1]) La Cour de Russie, стр. 322.

временемъ располагать? Сей вопросъ стоитъ нѣкотораго вниманія. Конечно властны, поелику другихъ препятствій не настоитъ. Но когда съ самой лучшей волею къ тому отымаются средства не отъ насъ зависящими способами, то что тутъ дѣлать? Я не вывожу изъ того слѣдствія, чтобы отъ того должно было унывать; но нельзя не чувствовать, что принужденно занятъ не тѣмъ и не съ такой пользою, чѣмъ и съ каковою надлежало». [1]) Часто среди своихъ горестей Павелъ Петровичъ призывалъ на помощь чудо; у него была надежда на Бога. Въ тѣ промежутки, когда онъ отрѣшался отъ гнетущихъ мыслей о своей судьбѣ онъ старался пополнить пробѣлы своего образованія. Его любимыми науками были военныя. Онъ работалъ вмѣстѣ съ княземъ Николаемъ Рѣпнинымъ, ловкимъ дипломатомъ и администраторомъ, который вернулся въ 1776 г. послѣ поѣздки въ Константинополь. Павелъ обращался также за совѣтами къ генералу Панину, брату прежняго своего наставника.

На армію Екатерины онъ смотрѣлъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ и изыскивалъ средства лучше обезпечить рекрутскіе наборы и упорядочить строевую службу. На армію и флотъ ассигновалось всего лишь десять милліоновъ рублей въ годъ; по его мнѣнію, было бы лучше, сокративъ расходы при дворѣ, добавить на армію и флотъ еще три милліона рублей. Армія имѣла недостатокъ въ людяхъ не менѣе, чѣмъ въ деньгахъ. Онъ совѣтовалъ вербовать опытныхъ солдатъ за границей въ Польшѣ и Германіи. Слѣдовало-бы съ помощью обѣщаній или угрозъ подогрѣть усердіе дворянъ къ военной службѣ. Послѣ манифеста 1762 г. дворяне были освобождены отъ обязательной службы государству, которую возложилъ на нихъ Петръ Великій. Законъ не принуждалъ ихъ, и многіе

---

[1]) Русскій Архивъ, 1887 г. II; письма 19 іюня и 16 іюля 1781 г.

ускользали отъ службы; наборы офицеровъ становились все труднѣе и труднѣе. Великій князь имѣлъ готовые планы реформъ: онъ имѣлъ возможность по усмотрѣнію ихъ исправлять и улучшать, но прошло не мало времени, пока онъ былъ въ состояніи ихъ осуществить. Въ 1796 г., уже будучи самостоятельнымъ, онъ сдѣлалъ попытку уничтожить злоупотребленія въ арміи и провести реформы, необходимыя въ цѣляхъ усовершенствованія тактики и вооруженія; но въ это дѣло онъ слишкомъ часто вносилъ узость взглядовъ. [1])

Марія Θеодоровна скоро замѣтила у Павла ощущеніе какой-то пустоты, какъ бы пропасти, откуда слышались по временамъ глухіе раскаты. Принимая жизнь такой, какъ она есть, пользуясь ею, не увлекаясь мечтаніями, она хотѣла вселить спокойствіе и въ мятежную душу своего мужа. Она достигла того, что у нея онъ находилъ то успокоеніе, ту, основанную на требованіи долга, жизненную стойкость, при которыхъ мало по малу стихаютъ сердечныя бури. Она искусно умѣла заинтересовать его домашними дѣлами. Они занялись устройствомъ своихъ покоевъ. Въ спальнѣ были: «колонны изъ голубого стекла, она была обита обоями бѣлаго дама́, съ розовымъ бордюромъ; большую печь рѣшено было изъ спальни убрать, что составляло не малую задачу. Была устроена парадная спальня: обои были изъ вытканной золотомъ матеріи съ бордюромъ изъ голубого бархата, вышитаго золотомъ, рисунокъ по ложамъ Рафаэля. [2])

Князь и его супруга пристрастились къ живописи: «Они набиваютъ свои аппартаменты, говоритъ Екатерина, всякой ерундой, настоящихъ же картинъ, которыя не испортили

---

[1]) Русскій Архивъ, 1882 г. т. I, стр. 392.

[2]) Сборникъ, т. XXVII, стр. 115.

бы и моей галлереи, у нихъ съ сотню и всѣ отъ меня». [1]) Съ 1763 г. у Павла былъ свой небольшой дворецъ при въѣздѣ въ столицу на Каменномъ Островѣ, одномъ изъ тѣхъ покрытыхъ лѣсомъ островов, которые образуетъ своими рукавами Нева. Онъ сталъ его расчищать. Каждую субботу тамъ происходили санные бѣга, а по вечерамъ спектакли. [2]) Въ 1777 г. Екатерина пожаловала сыну своему 360 десятинъ земли, находившейся въ пяти верстахъ отъ Царскаго Села. Великая княгиня страстно любила деревенскую жизнь и сохраняла въ глубинѣ сердца воспоминаніе объ Этюпѣ. Она съ перваго же взгляда вывела заключеніе, что Павловскъ съ его густыми лѣсами и живописной рѣчкой Славянкой могъ-бы послужить рамкой для княжеской идилліи и искусно сумѣла передать мужу свое восторженное отношеніе къ новому владѣнію. Она занялась составленіемъ плановъ дворца. Павелъ выстроилъ два скромныхъ дворца—Паульлустъ и Маріенталь, потомъ въ паркѣ—китайскій павильонъ, храмъ дружбы и швейцарскій домикъ. Онъ живо заинтересовался этой работой и на нѣкоторое время забылъ обо всемъ на свѣтѣ. [3])

Что касается Маріи Феодоровны, то въ Павловскѣ ей все нравилось и все напоминало о дорогихъ Этюпскихъ впечатлѣніяхъ: дневная красота, ночная свѣжесть, здоровый и чистый воздухъ и тѣнистыя аллеи. Она радовалась всякій разъ, когда представлялась возможность пожить нѣкоторое время въ этой прелестной резиденціи. Ей нерѣдко приходилось въ самыхъ различныхъ душевныхъ состояніяхъ бродить по глубокимъ аллеямъ Павловска; сна-

---

[1]) Тамъ-же т. XXIII, стр. 135; письмо 16 апрѣля 1779 г.

[2]) Васильчиковъ, Разумовскі т. III, стр. 175; письма Загряжской.

[3]) Шумигорскій, Императрица Марія Ѳеодоровна, стр. 140—151.

чала—съ мужемъ въ радостномъ блескѣ молодости, потомъ со своими дѣтьми, ея счастьемъ и гордостью. Позднѣе она вновь увидитъ ихъ, съ тяжелымъ отъ горя сердцемъ и, проходя по нимъ, будетъ останавливаться передъ мавзолеями или погребальными урнами, воздвигнутыми въ память ея умершихъ родителей, передъ деревьями, имѣвшими свою исторію, посаженными въ день рожденія каждаго изъ ея дѣтей и посвященными воспоминаніямъ объ интимныхъ радостяхъ.

Въ Павлевскѣ великій князь и его супруга придали своей жизни мирный характеръ. Общество было не многочисленное, но пріятное. Лафермьеръ, образованный французъ, читалъ и сочинялъ комедіи для небольшого театра князя; Николаи, по происхожденію эльзасецъ, неутомимый собесѣдникъ, запасы остроумія и веселья котораго были неисчерпаемы: онъ жилъ въ Парижѣ и посѣщалъ салонъ м-мъ де Деффанъ въ ту эпоху, когда, подруга д'Аламбера, умная Леспинасъ, затмѣвала свою покровительницу. Онъ объѣздилъ Европу съ Разумовскими и привезъ въ Россію, гдѣ онъ основался съ 1769 г., обильный запасъ пикантныхъ анекдотовъ.

Видное положеніе при молодомъ дворѣ занималъ также графъ Панинъ. Иногда двери Павловска раскрывались для баловъ и спектаклей, на которые приглашались лица, не имѣвшія доступа въ интимный кругъ. У великаго князя были своеобразныя развлеченія. Давнишнее пристрастіе къ рыцарству привело его къ увлеченію мальтійскимъ орденомъ; онъ преобразилъ камергеровъ въ рыцарей крестоваго похода, надѣлъ на нихъ кольчуги, покрылъ попонами ихъ лошадей и организовалъ турниры во вкусѣ среднихъ вѣковъ. [1]) Сдѣлавшись императоромъ,

---

[1]) Описаніе такихъ турнировъ находится въ „Voyage en Russie et en Pologne", опубликованномъ въ Женевѣ въ 1786 г. Если вѣрить

Павелъ остался вѣренъ своей мечтѣ и признавать его великимъ магистромъ Мальтійскаго ордена, предоставить ему управленіе дѣлами ордена и распредѣленіе должностей— оказалось для Бонапарта лучшимъ средствомъ расположить къ себѣ его сердце. Въ данную же минуту, когда наслѣдникъ престола игралъ въ рыцарство, эту забаву порицали лишь тѣ, кто полагалъ, что такое изощреніе воображенія способно испортить человѣка. Когда проходилъ сезонъ турнировъ и прогулокъ на чистомъ воздухѣ, возвращались въ Петербургъ. «Свободный воздухъ, которымъ дышешь здѣсь, былъ невыразимо для меня благотворенъ, писала изъ Павловска великая княгиня; моему обожаемому мужу онъ также полезенъ физически и нравственно. И вотъ! Мы покидаемъ все это для того, чтобы на 7 мѣсяцевъ запереться въ городѣ. Вы знаете, въ какомъ мы тамъ стѣсненіи. Правда, я безконечно люблю нашъ городъ Потербургъ и я столь же охотно пребывала бы тамъ, какъ и здѣсь, если бы можно было немного больше дѣлать то, что хочется. Но, увы! Вы лучше меня знаете, что это такое... Великій князь боится зимы такъ же, какъ и я. Это еще болѣе разстраиваетъ меня и когда онъ высказываетъ мнѣ свои опасенія, я тотчасъ забываю свои и стараюсь представить ему все въ розовомъ свѣтѣ.» [1])

Въ Петербургѣ надо было держать себя на чеку съ императрицей; нужно было поддерживать унизительныя сношенія съ Потемкинымъ и его «кликой». Стойкая княгиня слѣдила за мужемъ и старалась скрасить ему жизнь.

Желая отдохнуть, Марія Ѳеодоровна нерѣдко обращала взоры къ Монбельяру. Въ первый годъ своего за-

---

Порошину (Записки, стр. 289), Мальтійскій уставъ рано зажегъ воображеніе его царственнаго ученика. Ср. Кобеко, стр. 166.

[1]) Русскій Архивъ, 1882, т. I, стр. 398.

мужества она не писала своей матери, опасаясь, какъ бы не были перехвачены ея письма и открыты ея тайны. Но какъ только въ ея распоряженіи оказались надежные и проворные курьеры, она стала поддерживать съ своей семьей правильную переписку. Она тщательно вкладываетъ получаемыя ею письма въ запечатанный конвертъ, на которомъ написаны слова: «Сжечь прежде всего.» («Brûler avant tout en cas d'accident».) [1]) Это было полезной предосторожностью. Принцесса Вюртембергская, дѣйствительно, писала своей дочери не стѣсняясь и все, что у нея лежало на душѣ. Она не всегда была исполнена нѣжныхъ чувствъ къ императрицѣ; она нападала на слабости и „грѣшки" Екатерины, съ тайнымъ чувствомъ удовлетворенія, испытываемымъ иногда добрыми душами, когда онѣ соприкасаются съ порокомъ и соблазномъ и не поддаются имъ. Только бы не погибло ея бѣдное дитя среди такого развращеннаго двора. Занятая своими увлеченіями, Екатерина очень холодно относилась къ своему сыну и снохѣ; надо было вооружиться терпѣніемъ и надѣятся: «Я вѣрю, говорила принцесса Вюртембергская, что судьба улыбнется по прошествіи нѣкотораго времени: возрастъ императрицы часто вызываетъ подобнаго рода вспышки въ темпераментѣ». Помимо безпокойства за свою старшую дочь, прекрасная мать вынуждена безпокоиться и за себя. Съ нѣкоторыхъ поръ въ Монбельярѣ дѣла пошатнулись. Чувствовался большой недостатокъ въ средствахъ; кредиторы сердились. Эта нужда не мѣшала, однако, принцу Фридриху-Евгенію производить безумные расходы. Онъ страдалъ какой-то непонятной страстью

---

[1]) Письма принцессы Вюртембергской, сохранившіяся въ архивахъ Павловска, были извлечены и частью опубликованы Шумигорскимъ. Онъ чаще приводитъ не оригинальный текстъ, а русскій переводъ.

дѣлать долги и разоряться. Фантазія его не знала предѣловъ. Можно ли было покупать обширное имѣніе въ Гохбергѣ, не имѣя средствъ за него заплатить. Онъ попалъ въ руки авантюриста, нѣкоего Горзи, который вводилъ его въ расходы и растрачивалъ его состояніе. Совѣты и предупрежденія только больше возбуждали его противъ жены. Отсюда—разладъ между супругами, столь дружныхъ между собою раньше. Казалось, будто злой вѣтеръ опахнулъ всю семью. Старшій изъ сыновей, Фридрихъ, всегда отличавшійся запальчивымъ и неугомоннымъ нравомъ, устраивалъ въ Берлинѣ страшные скандалы, изъ которыхъ самый невинный могъ повлечь за собой исключеніе изъ прусской арміи; при дворѣ Фридриха II онъ публично злословилъ на счетъ своего отца. Что ему за дѣло? Наконецъ, сестры Маріи Ѳеодоровны подростали, приходилось думать объ ихъ устройствѣ, найдутся ли и для нихъ такіе мужья, которые возьмутъ ихъ безъ приданаго? Будущее полно неизвѣстности. Сильная и энергичная принцесса Вюртембергская смотритъ однако съ бодростью впередъ. Имя Господа постоянно попадается въ ея письмахъ. Господь уже сдѣлалъ и сдѣлаетъ еще „чудеса ради нея“. [1])

Пріятно отмѣтить, съ какой глубокой преданностью приходила на помощь своей матери Марія Ѳеодоровна. Благодаря ея просьбамъ, столь же щедрая на обѣщанія принцамъ Вюртембергскимъ, какъ и неаккуратная и медлительная въ исполненіи ихъ, имератрица кончила тѣмъ, что назначила имъ ежегодную пенсію. Посылая это доброе извѣстіе своему отцу, великая княгиня дала ему всколзь нѣсколько осторожныхъ совѣтовъ быть поэкономнѣе, и для того, чтобы оградить большое дитя отъ соблазновъ, она убрала изъ Монбельяра авантюриста

---

[1]) Шумигорскій, Императрица Марія Ѳеодоровна, стр. 113, 142, 144.

Горзи, пообѣщавъ ему за удаленіе отъ Вюртембергскаго двора постоянную пенсію въ 2000 рублей. Примиренные, просвѣтлѣвшіе принцъ и принцесса Вюртембергскіе могли спокойно ожидать старости. [1]) Марія Θеодоровна съ неменьшей заботливостью относилась и къ своему брату Фридриху! [2]) Она не поколебалась гостепріимно принять его, хотя онъ становился невыносимымъ повсюду, куда ни попадалъ. Въ Петербургѣ принцъ провелъ почти полгода. При Екатеринѣ такъ же, какъ и впослѣдствіи при Наполеонѣ, онъ сдерживался; но съ сестрой онъ не зналъ никакой сдержки, былъ грубъ и заносчивъ. Несмотря на все это, она оказывала ему покровительство и даже нашла жену, Августу Брауншвейгскую. Ея любовь не могла однако скрыть отъ невѣсты недостатки Фридриха и она предвидѣла, что онъ будетъ отвратительнымъ мужемъ. Въ письмахъ, посылаемыхъ ею въ Монбельяръ, она дала понять о своихъ опасеніяхъ; мать ея раздѣляла ихъ, но почти не осмѣливалась признаться въ этомъ, такъ трудно ей было строго осуждать своего старшаго сына, предметъ ея безконечной слабости. [3]) Ея послѣднія иллюзіи скоро однако были разрушены. Фридрихъ оказался тираномъ своей жены и дѣтей и въ 1805 г. сдѣлавшись, по милости Наполеона, королемъ Вюртембергскимъ, проявилъ всю жестокость деспота.

Выдать замужъ своихъ сестеръ представляло для княгини болѣе благодарную задачу. Ей улыбалась мысль соединить самую старшую, Фридерику, съ Петромъ Гольштейнъ-Ольденбургскимъ. Этотъ принцъ, который получилъ въ 1776 г. званіе коадъютора въ Любекѣ,

---

[1]) Шумигорскій, стр. 145.

[2]) Род. въ Трептовѣ въ 1754 г., умеръ королемъ Вюртембергскимъ въ 1816 г.

[3]) Шумигорскій, стр. 152

долженъ былъ получить наслѣдство отъ своего дяди, царствующаго герцога Ольденбургскаго; у него была очень благообразная и пріятная наружность, изящныя манеры, рѣдкія по своей изысканности; онъ былъ популяренъ и привлекалъ къ себѣ взоры женщинъ. «Коадьюторъ, писала въ 1778 г. императрица, сдѣлается, кажется, самой важной персоной въ нѣмецкой провинціи, всѣ взрослыя принцессы или ихъ родители добиваются породниться съ нимъ. Гордячки, онѣ всѣ останутся съ носомъ. Король шведскій желаетъ его для своей сестры, а великая княгиня—для своей.» [1]) Сама Екатерина прочила его въ супруги принцессѣ Брауншвейгской. Герой, котораго такъ добивались, склонился въ пользу Фридерики Вюртембергской. Но нужно было имѣть терпѣніе; невѣстѣ было въ 1779 г. всего лишь 14 лѣтъ; она хрупка, болѣзненна и разсуждаетъ еще какъ ребенокъ. Матери хотѣлось протянуть время. „Принцъ Петръ смотритъ на женщину, какъ на простую забаву. Поэтому необходимо, чтобы характеръ Фридерики сформировался прежде, чѣмъ выдавать ее замужъ". [2]) Свадьбу праздновали въ 1781 г. Одинъ изъ сыновей отъ этого брака, Георгій Ольденбургскій, оказался въ 1808 г. счастливымъ соперникомъ Наполеона. Марія Ѳеодоровна со стремительной поспѣшностью дала ему согласіе на руку своей дочери Екатерины, чтобы только не оставить ее для императора.

Заботливость великой княгини распространялась даже на обитателей Монбельяра. Коммерсанты этого города хотѣли получить привилегію для ввоза бумажныхъ товаровъ въ Россію. Павелъ поддержалъ ихъ просьбу, но натолкнулся на сопротивленіе Екатерины, вовсе не желавшей давать монополіи. Кромѣ того, внутри страны были осно-

---

[1]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 23, письмо Гримму.

[2]) Шумигорскій, стр. 142.

ваны новыя фабрики и въ заграничныхъ ситцахъ не было надобности. [1])

Въ противоположность Екатеринѣ, которая со времени своего пріѣзда въ Россію отрѣшилась отъ своего отца и матери и совершенно забыла, повидимому, своего брата Фридриха-Августа, нуждавшагося и праздношатавшагося принца, Марія Θеодоровна оставалась вѣрной своему отечеству и своей привязанности къ семьѣ. Фридрихъ II, съ которымъ ее соединяли не только семейныя узы, но и узы благодарности, могъ разсчитывать на ея преданность. Княгиня Туркестанова передаетъ намъ, что она почитаетъ его такъ, какъ почитаютъ только святого.[2]) Павелъ преклонялся передъ Фридрихомъ, повидимому, еще больше. „Если онъ не измѣнится, то будетъ столь же смѣшонъ въ своемъ пристрастіи къ королю Прусскому, какъ и его отецъ". [3]) Для того чтобы принять мнѣніе англійскаго посланника Гарриса, достаточно прослѣдить поведеніе великаго князя Павла по отношенію къ принцамъ, которые, начиная съ 1777 и до 1781 г., непрерывно пріѣзжали свидѣтельствовать свое почтеніе императрицѣ Россіи.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1777 г. въ Петербургъ пріѣхалъ Густавъ III Шведскій. Уже пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ путемъ дерзко выполненнаго государственнаго переворота, молодой король отмѣнилъ олигархическую конституцію своей страны, возстановилъ королевскую власть и спасъ Швецію отъ судьбы, которую поляки навлекли на себя своими внутренними распрями. Густавъ хорошо сознавалъ, что для того, чтобы спасти свое дѣло, усилить блескъ своего царствованія и осуществить прекрасныя мечты, часто посѣщавшія его рыцарское воображеніе, ему

---

[1]) Шумигорскій, стр. 120.

[2]) Дневникъ княгини Варвары Туркестановой, стр. 106.

[3]) La Cour de Russie, стр. 308; депеша Гарриса.

необходимо посѣять раздоръ между его врагами—Россіей и Пруссіей, изъ которыхъ одна добивалась Финляндіи, а другая шведской Помераніи. Онъ прибылъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ работать тамъ противъ Фридриха II и обмѣняться мыслями съ императрицей по поводу своихъ плановъ относительно Норвегіи, которая находилась тогда въ зависимости отъ Даніи. Своими претенціозными манерами французскаго петиметра онъ не понравился великому князю. Густавъ съ сознаніемъ своего превосходства презрительно отзывался о Фридрихѣ и такъ направлялъ свои остроты, чтобы польстить тщеславію императрицы. Онъ указывалъ императорскому двору на опасности, которыя король прусскій можетъ причинить Россіи и постоянно возвращался къ вопросу о прусскихъ притязаніяхъ. Императрица молча выслушивала недоброжелательныя рѣчи короля Густава о ея дядѣ съ материнской стороны. Но Павелъ вскипѣлъ и съ горячностью сталъ упрекать молодого монарха за презрѣніе своего долга по отношенію къ великому Фридриху: „Короли и принцы—люди, Государь, и горе тѣмъ, кто забываетъ кровныя узы и узы признательности, связывающія ихъ между собой!“ По прошествіи нѣсколькихъ дней произошелъ полный разладъ.[1])

Три года спустя, пользуясь путешествіемъ императрицы, въ ея вновь пріобрѣтенныя польскія владѣнія, Императоръ Іосифъ II прибылъ въ Могилевъ привѣтствовать ее и сопровождалъ затѣмъ въ Петербургъ. Молодой императоръ любилъ скитаться по большимъ дорогамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ договоръ въ Тешенѣ положилъ конецъ конфликту, возникшему между австрійскимъ домомъ и Фридрихомъ II изъ за баварскаго наслѣдства, онъ искалъ случая удаляться изъ Вѣны.

---

[1]) Affaires étrangères vol. C, fol. 287; de Juigné 5 августа 1777 г., Васильчиковъ, Разумовскіе, т. III; Русскій Архивъ, 1882, т. I, стр. 384—386.

Въ 1780 г. Екатерина, считавшая для себя выгоднымъ постоянное соперничество между двумя нѣмецкими дворами, повидимому охладѣла къ Пруссіи. Іосифъ II удвоилъ свою предупредительность къ русскому двору и намѣревался поднять въ Петербургѣ вопросъ о союзѣ. Во время своего путешествія въ Польшу и въ ожиданіи своего гостя, Екатерина посылала своимъ дѣтямъ „письма каракульками", относительно которыхъ можно было бы сказать, что онѣ написаны очень нѣжной матерью. Они состояли изъ болтовни и болтовни очень веселой. Она острила насчетъ „красавицъ Нарвы, которыя страшно уродливы, желты, какъ айва, и худы, какъ клячи" „Вѣжливость красавицъ дошла до того, что онѣ прислуживали мнѣ за столомъ и во главѣ ихъ жена доктора. Я до смерти боялась, что она вычиститъ мнѣ тарелки ревенемъ, какъ ихъ вытираютъ чеснокомъ... Да сохранитъ Васъ Господь отъ 7 или 8 нарвскихъ женщинъ, стоящихъ за спинками стульевъ за обѣдомъ. Онѣ обдавали меня жаркимъ своимъ дыханіемъ и потому я не чувствовала свѣжаго воздуха". Въ Псковѣ она пообѣдала „у одной княгини, насоленной, какъ вятчина,--буквально насоленной", „потому что краска, которой она покрываетъ себѣ лицо, солоновата".—„Если ея мужъ часто цѣлуетъ ее, то ему вѣроятно всякій разъ послѣ этого хочется пить". [1])

Повидимому, Екатерина въ веселомъ настроеніи готовилась выдержать дипломатическій приступъ Іосифа II.

Но вотъ императоръ въ Петербургѣ. Онъ преклонялся передъ прогрессомъ: зрѣлище грандіозныхъ успѣховъ, которое являла Россія, недавно вышедшая изъ хаоса, было способно его плѣнить, очарованіе, испытанное имъ, подтверждалось не только его публичными заявленіями, но и

---

[1]) Сборникъ, т. IX стр. 43 и слѣд., письма отъ 11 и 24 мая 1780 г.

интимными признаніями. [1]) Часть дня онъ проводилъ въ бесѣдахъ съ императрицей: разнообразныя признанія нарушали монотонность дѣлового разговора. Екатерина со всѣми подробностями разсказывала ему о „революціи, доставившей ей престолъ, о безумствѣ Петра III и средствахъ, которыя она должна была пустить въ ходъ". [2])

Іосифъ II прибѣгнулъ къ нѣкотораго рода кокетству по отношенію къ Маріи Феодоровнѣ. Онъ восторгался ею. „Если бы десять лѣтъ тому назадъ я узналъ принцессу, которая бы такъ прекрасно умѣла себя держать, отличалась бы такими же физическими и нравственными качествами, какія я встрѣтилъ въ великой княгинѣ, я не поколебался-бы рискнуть еще бракомъ. Но въ настоящее время, въ моемъ возрастѣ, при моихъ обстоятельствахъ, меня не соблазнитъ сама Венера съ Юноной и Палладой вмѣстѣ". [3]) Среди этихъ восторговъ Іосифъ удѣлялъ часть времени для своихъ наблюденій. Онъ улавливалъ на лицѣ великаго князя выраженіе безпокойной грусти. Онъ замѣчалъ существованіе недовѣрія и соперничества между императрицей и ея сыномъ: „Здѣсь нѣтъ искренности, безъ которой я не могъ бы себѣ представить существованія, дорогая матушка". Это нѣжное признаніе было сдѣлано уже слабѣющей и близкой къ могилѣ Маріи Терезіи. Іосифъ II забылъ, что и онъ тоже не всегда жилъ въ тѣсной близости съ своей матерью-императрицей и что онъ также долженъ былъ скрывать или сдерживать большую часть своихъ стремленій.

Цесаревичъ не ошибался относительно возможныхъ по-

---

[1]) Ср. d'Arneth et Flammermont, Correspondance secréte de Mercy-Argenteau t. II стр. 560.

[2]) D'Arneth, Maria Theresia und Ioseph, Ihre Correspondenz; III, стр. 271.

[3]) Id. ibid., т. III, стр. 290.

слѣдствій свиданія. Екатерина II, умъ которой всегда былъ занятъ широкими комбинаціями, отвернется отъ Пруссіи и не замедлитъ заключить союзъ съ Австріей. [1]) Эта перемѣна политики должна была глубоко задѣть великаго князя, и точно для того, чтобы раздражить его, ему говорили, что главное недовольство Екатерины противъ Фридриха II вызвано тѣмъ, что послѣдній очень дружественно относился къ наслѣднику престола и заслужилъ его признательность. [2])

Любовь Маріи Ѳеодоровны къ королю Прусскому была, повидимому, не такъ исключительна. Ей бы хотѣлось, не обижая Фридриха, угодить Іосифу II. Отъ императора не ускользнуло, что „привязанность ея къ матери, которая одна ее воспитала, и ко всей своей семьѣ есть господствующее чувство въ ея душѣ“, [3]) и что лучшимъ средствомъ привлечь ее на свою сторону, это оказать принцамъ Вюртембергскимъ какія-либо существенныя услуги. Великой княгинѣ предстояло выдать замужъ сестру Елизавету. [4])

Іосифъ предлагалъ своего племянника Франциска, старшаго сына Леопольда Тосканскаго. [5]) При первыхъ словахъ императора супруга Павла обнаружила большое смущеніе: какъ взглянетъ ея дядя, ея покровитель, Фридрихъ II, на бракъ принцессы Вюртемберской съ принцемъ австрійскаго дома. Она боялась оскорбить короля Прусскаго, но еще болѣе опасалась упустить выгодную партію для своей сестры и изъ писемъ, посылаемыхъ ею въ Монбельяръ, видно скорѣй ея желаніе, чтобы предложеніе могущественнаго монарха было принято благосклонно. Прин-

---

[1]) Требованія этикета затянули ходъ дѣла, союзъ былъ окончательно заключенъ лишь въ маѣ 1781 г.

[2]) Русскій архивъ, 1874, т. II, стр. 376.

[3]) D'Arneth, Joseph II et Leopold, t I, стр. 324.

[4]) Род. въ 1767.

[5]) Affaires étrangéres, vol. CVI, fol. 267; маркизъ de Verac, 24 апрѣля 1781.

цесса Вюртембергская близко приняла къ сердцу выгоды брака, предложеннаго ея дочери. Развѣ она такъ тѣсно связана съ Прусскимъ домомъ, что не можетъ выдать свою дочь безъ согласія Фридриха? Многаго ей ужъ нечего ждать отъ короля Прусскаго, который занимался устройствомъ „благополучія другихъ лишь постольку, поскольку это было нужно для него и для его политики".

Съ нѣкоторыхъ поръ король, повидимому, не оказывалъ ей должнаго вниманія; когда она заговорила о бракѣ между своей дочерью Елизаветой и сыномъ Фридриха-Вильгельма, ей былъ данъ сухой отвѣтъ, что возрастъ принцессы еще не подходитъ для немедленныхъ переговоровъ. Слава Богу! Развѣ только въ одномъ Берлинѣ можно найти друзей и покровителей! Разъ императоръ обнаруживаетъ предупредительность, надо быть дуракомъ, чтобы отвергнуть его вниманіе. [1]) Принцесса Вюртембергская отъ глубины сердца благодарила Іосифа и устроила ему въ 1781 г. самый теплый пріемъ, когда онъ пріѣхалъ въ Монбельяръ просить у нея руки Елизаветы для Франциска Тосканскаго. [2])

Министръ Фридриха II въ Петербургѣ опасался, какъ бы подкупленная вниманіемъ Іосифа II великая княгиня не ускользнула изъ подъ вліянія его монарха. Ея чувства измѣнчивы, ея политика неустойчива. „Ей хотѣлось бы быть то австріячкой, то чѣмъ-либо другимъ. Привлечь ее на свою сторону надо посредствомъ оказанія ей вниманія и услугъ. Великая княгиня, добавлялъ прусскій посланникъ, имѣетъ удивительное вліяніе на своего супруга, который не можетъ противустоять ей и единственнымъ средствомъ удержать ее на добромъ пути будутъ милости

---

[1]) Шумигорскій, стр. 158.

[2]) Елизавета умерла въ 1788 г. за нѣсколько лѣтъ передъ вступленіемъ ея мужа на престолъ.

Вашего Величества къ ея братьямъ.“ [1]) Чтобы вернуть утерянную почву, Фридрихъ II отправилъ въ Петербургъ своего племянника и наслѣдника Фридриха-Вильгельма. Этотъ принцъ—грубый пентюхъ, по опредѣленію Екатерины, человѣкъ, дѣйствительно, со странностями, легко возбудимый, чувственный, окружившій себя изящными женщинами и теозофами, былъ принятъ Екатериною, какъ лицо, не имѣющее большого вѣса. Онъ добросовѣстно старался возстановить связь съ молодымъ дворомъ. Хорошія слова, которыя онъ передавалъ отъ имени своего дяди, производили впечатлѣніе на великую княгиню; еще большій успѣхъ они имѣли у цесаревича. Павелъ и Фридрихъ-Вильгельмъ поклялись во взаимной вѣрности и обѣщались поддерживать дружбу. [2]) Если немного спустя, Павелъ почувствовалъ склонность къ мистицизму и влеченіе къ таинственнымъ наукамъ, то онъ былъ обязанъ этимъ, отчасти, вліянію Фридриха-Вильгельма.

Противоположность взглядовъ, обнаружившаяся между императрицей и ея сыномъ по поводу союза съ Австріей, обострили ихъ отношенія какъ разъ въ то время, когда, благодаря добротѣ и осторожности Маріи Ѳеодоровны, они могли исправиться. Императрица не могла простить наслѣднику престола его враждебное отношеніе къ союзу, который пробуждалъ въ ней столько надеждъ и открывалъ ей, повидимому, дорогу въ Константинополь. „Я вижу, говорила она въ 1780 г., въ какія руки попадетъ имперія послѣ моей смерти! Мой преемникъ будетъ имѣть

---

[1]) Секретные архивы Берлина, reposit. XI, 110; Goertz 13 іюля 1781.

[2]) Великій князь, повидимому, смотритъ на него (Фридриха-Вильгельма) какъ на брата и дорогого друга. (Секретные архивы Берлина, reposit. XI, conv. 110; Goertz, 12 сентября 1780 г.). Ср. Affair. ètrang., vol. CV, fol. 306; маркизъ de Vérac, 31 октября 1780 г.

одну цѣль: сдѣлать изъ Россіи прусскую провинцію!“ [1]) Императрица считала себя тѣмъ болѣе вынужденной устранять своего сына отъ участія въ дѣлахъ, что какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ онъ стоялъ совершенно на иной точкѣ зрѣнія. Нѣсколько лѣтъ спустя, Сегюръ говорилъ Павлу: „Если императрица не совѣтуется съ Вами и устраняетъ Васъ отъ всякаго участія въ дѣлахъ, то, да будетъ мнѣ позволено Вамъ замѣтить, что ей было бы трудно дѣйствовать иначе, разъ она знаетъ, что Вы порицаете ея склонности, ея связи, ея систему управленія и направленіе ея политики.“ [2])

Если около 1780 г. возникли новыя осложненія при императорскомъ дворѣ, то вина въ этомъ не падала всецѣло на Павла. Главная вина въ этотъ разъ тяготѣла на Екатеринѣ. У великаго князя родилось два сына, Александръ и Константинъ. Императрица взяла этихъ дѣтей отъ отца, въ свои руки, воспитывая ихъ на своихъ глазахъ и лишая ихъ родительскихъ ласкъ. Она создала пустоту вокругъ своего сына и отказала ему даже въ семейныхъ радостяхъ.

Тотъ, кто въ одинъ прекрасный день сдѣлается императоромъ Александромъ I, кто освободитъ отъ Наполеона Россію и Европу, появился на свѣтъ 12-го декабря 1777 г. Дворъ и городъ встрѣтили его рожденіе съ радостью. «Всѣ наши головы закружились, восклицала Екатерина, отъ множества праздниковъ, баловъ, маскарадовъ, комедій, оперъ серьезныхъ или шутовскихъ, однимъ словомъ наши мозги, повторяю, перевернулись». [3])

Великая княгиня дѣлилась съ архіепископомъ Платономъ своими первыми материнскими радостями. Это была

---

[1]) Herman, Geschichte des Russischen Staates, B VI, стр. 451.

[2]) Mémoires, т. III, стр. 534.

[3]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 81, письмо Гримму.

женщина—семьянинка, жаждавшая любить своихъ дѣтей, ухаживать за ними, и воспитывать ихъ. [1])

Великій князь, который вошелъ во вкусъ семейной жизни, и полюбилъ ее, говорилъ «о своемъ маленькомъ мальчикѣ» съ волненіемъ и нѣжностью. Иногда въ письмахъ къ Сакену у него вырывается какъ бы сдавленный вздохъ. [2])

Это дитя, которому суждено было впослѣдствіи занять царскій престолъ, принадлежалъ имперіи, а не императрицѣ, и тѣмъ не менѣе Екатерина забрала его къ себѣ съ самой колыбели. Едва увидѣлъ онъ свѣтъ, какъ она взяла его въ руки и удалила отъ матери: «Я, вымывши Александра, унесла его въ другую комнату, гдѣ помѣстила его на большую подушку. Его завернули въ легкое одѣяло. Послѣ этого Александра положили въ корзинку, въ которой находилась кукла для того, чтобы его нянюшки не имѣли соблазна его качать. Ему дали въ кормилицу жену садовника изъ Царскаго Села и послѣ его крещенія онъ былъ изъ аппартаментовъ матери перенесенъ въ предназначенную для него комнату. Небольшая кроватка Александра,—такъ какъ онъ не знаетъ ни качки, ни колыбели,—сдѣлана изъ желѣза и не имѣетъ полога; онъ спитъ на матрацѣ, обтянутомъ кожею, который покрываютъ простыней. У него есть подушка и англійское очень легкое одѣяло. Оглушительныя забавы избѣгаются, но въ комнатѣ всегда говорятъ громко, даже во время его сна.“ [3])

Екатерина умѣла одѣвать новорожденнаго, ухаживать за нимъ, успокаивать, усыплять. Для того, чтобы меньше носить его на рукахъ, она дала коверъ, который разсти-

---

[1]) Русскій Архивъ, 1887, т. II, стр. 279.

[2]) Сборникъ, т. XX, стр. 416—418.

[3]) Сборникъ, т. XXVII письмо къ Густаву Шведскому.

лался въ ея комнатѣ. «Тутъ одна или двѣ женщины садились на него и Александра клали на животъ. Смотрѣть, какъ онъ тутъ валяется, одно удовольствіе; онъ становится на четвереньки, пятится назадъ, когда не можетъ двигаться впередъ". Бабушка изготовляла ему платье, модель котораго посылала шведскому и прусскому дворамъ. «Все сшито вмѣстѣ и надѣвается заразъ, застегивается сзади четырьмя или пятью маленькими крючками; вокругъ платья—бахрома, и она отлично украшаетъ... Ребенокъ почти не замѣчаетъ, что его одѣваютъ; руки и и ноги его вдѣваютъ ему въ платье заразъ, и все готово; это платье—мое геніальное изобрѣтеніе». [1])

Нѣжность императрицы къ своему внучку изобрѣтательна, наивна и привлекательна. Александръ „прекрасенъ какъ ангелъ". Его глаза „очень умны". Онъ дѣлаетъ сотни вещей: онъ говоритъ, ласкаетъ, хлопаетъ ручками, гладитъ, дѣлаетъ реверансъ. Эти шалости, эти шутки «безконечно интересны», и Екатерина мило и шутливо разсказываетъ о нихъ въ письмахъ. «Третьяго дня я крестила ребенка съ Александромъ, который, услыхавъ крикъ этого ребенка, сказалъ на своемъ односложномъ языкѣ, чтобы ребенку дали его кормилицу. Видя это, я приказала немедленно исполнить предложеніе Александра, хорошо сознавая, что рыбакъ рыбака видитъ издалека, согласно старой пословицѣ, и дѣйствительно ребенокъ замолчалъ». [2]) Четырехъ лѣтъ онъ становится бѣдовымъ маленькимъ бѣсенкомъ.

Однажды во время болѣзни, дрожа отъ лихорадки, онъ всталъ на караулъ передъ комнатой своей бабушки: «Я

---

[1]) Сборникъ, XXIII стр. 205, письмо Гримму.

[2]) Сборникъ, т. XXIII стр. 154; дословно торговецъ чеснокомъ узнается по чесночному запаху, какъ говорилъ Санхо-Панса.

спросила, что значитъ эта церемонія? Онъ мнѣ отвѣтилъ, что это часовой, умирающій отъ холода». [1])

Играть съ нимъ одно удовольствіе: «Если бы Вы видѣли, какъ Александръ дѣлается то лавочникомъ, то поваромъ, какъ онъ лично проходитъ черезъ всѣ виды мастерства, какъ онъ самъ малярничаетъ, оклеиваетъ обоями, смѣшиваетъ и растираетъ краски, обтесываетъ дерево, чиститъ мебель, справляетъ дѣло кучера и конюха». [2])

Любопытно было видѣть, какъ та, которую пытались называть Мессалиной сѣвера, кроила платьица, вырѣзала картинки, дѣлала кнутики для своего внука. Заслуживало не меньшаго вниманія такъ же и то, какъ валялся на полу, прыгалъ и шалилъ ребенокъ, которому предстояло руководить мечомъ гигантской имперіи, тотъ самый, кто, проигравъ битву при Аустерлицѣ и Фридландѣ, одержалъ побѣду при Лейпцигѣ и завладѣлъ Парижемъ.

Второго сына Павла—Константина бабушка оберегала не меньше. Марія Ѳедоровна родила его 29 апрѣля 1779 г. «Этотъ проказникъ, шутливо писала Екатерина, заставилъ себя ждать съ середины марта, и когда онъ пустился въ дорогу, то какъ градъ упалъ на наши головы, черезъ полтора часа. Добрыя старушки, окружающія его, утверждаютъ, будто онъ походитъ на меня, какъ двѣ капли воды". [3]) Это хрупкое дитя уже съ пеленокъ занимало большое мѣсто въ честолюбивыхъ планахъ императрицы; она предназначала ему византійскій престолъ; [4]) она мечтала

---

[1]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 266.

[2]) Тамъ-же, стр. 233.

[3]) Тамъ-же, стр. 136.

[4]) Рожденіе юнаго великаго князя, наименованіе его Константиномъ даетъ просторъ самымъ романтическимъ предположеніямъ. Предполагаютъ напр. планъ возстановить греческую Имперію. Affair. étrang., т. CII, fol 349; de Carberon, 14 мая 1779.

возстановить древнюю греческую имперію въ ея полной независимости и образовать между этой имперіей, которая должна была протянуться до Дуная, и Россіей, границы которой доходили до Днѣстра, промежуточное государство— Дакію. Преслѣдуемая этой мыслью, она дала своему внуку многозначительное имя Константина. „Меня спросили, кто будетъ крестнымъ отцомъ; я сказала: я знаю только моего лучшаго друга, Абдулъ-Гамида, кто могъ бы быть имъ; но такъ какъ ни одинъ христіанинъ не могъ быть крещенымъ туркою, окажемъ ему по крайней мѣрѣ честь, назвавъ его Константиномъ. Всѣ воскликнули: Константинъ! И вотъ Константинъ, крѣпкій какъ кулакъ!» [1])

Мальчугана отдали кормилицамъ гречанкамъ. Онъ долженъ былъ слышать лишь греческій языкъ; впослѣдствіи онъ долженъ былъ изучать языкъ Ѳемистокла и Демосѳена, проникаться духомъ Платона и приложить стараніе, чтобы сдѣлаться грекомъ. [2])

Но императрицы полагаютъ, а Богъ располагаетъ: вмѣсто того, чтобы царствовать надъ Босфоромъ, Константину пришлось управлять Польшей вплоть до того момента, когда изгнанный возстаніемъ изъ Варшавы онъ оставилъ Пашкевичу задачу докончить въ этой несчастной странѣ дѣло покоренія и успокоенія. Этотъ питомецъ Греціи не чувствовалъ въ 1826 г. большой жалости къ грекамъ, подданнымъ султана, возставшимъ противъ него. Слышали, какъ однажды онъ сказалъ агенту Меттерниха: „Увѣряю Васъ, что меня часто соблазняла мысль перемѣнить свое имя, видя какое значеніе стараются придать ему нѣкоторые“. И иронически добавлялъ: «Читали ли Вы статью Шатобріана, гдѣ онъ возлагаетъ такую

---

[1]) Сборникъ, т. XXIII стр. 136.

[2]) Masson. Mémoires secrets, т. II стр. 164. Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1887 г., т. II находятся письма Константина, написанныя на греческомъ языкѣ.

большую надежду на меня относительно реставраціи Греціи? Надо по совѣсти сознаться, что онъ хорошо меня знаетъ!» [1])

Императрица желала сама и согласно своимъ принципамъ руководить воспитаніемъ своихъ внуковъ. Уже пятнадцать лѣтъ, какъ она съ жадной любознательностью изучала вопросы воспитанія, изыскивала, обсуждала, изобрѣтала и болтала по поводу этихъ вопросовъ, съ пыломъ и несдержанностью ниспровергая все и воображая, что сама дошла до идей, почерпнутыхъ въ сочиненіяхъ Локка и Жанъ-Жака Руссо! [2]) Могла ли она упустить случай примѣнить на опытѣ свой педагогическій методъ. Если у нея не было вполнѣ связной системы, то были по крайней мѣрѣ правильныя понятія. Изъ переписки ея съ Гриммомъ видно, что она хотѣла предоставить Александру свободно самому все пробовать, нащупывать, отыскивать, находить. «Что касается Александра, предоставьте его самому себѣ, почему хотите Вы, чтобы онъ зналъ непремѣнно такъ, какъ думали и знали до него?.. Я очень слѣжу за тѣмъ, чтобы его ни къ чему не принуждали; онъ дѣлаетъ, что хочетъ; надо не допускать только причинять вредъ другимъ». Знанія, которыя ему будутъ нужны, онъ пріобрѣтетъ впослѣдствіи, когда укрѣпятся его умственныя способности. Въ свободное время, начиная съ 1780 г., Екатерина пишетъ для Александра и Константина „Азбуку бабушки“, разсказы по русской исторіи, цѣлую «Александро-Константиновскую» библіотеку, которая произвела впечатлѣніе не только въ Россіи, но и въ Германіи. Она выполняла задачу воспитательницы

---

[1]) Alf. Stern, Geschichte Europas, 1815—1871, т. III, стр. 388. По донесенію de Bombelles, сохранившемуся въ архивахъ Вѣны.

[2]) См. Валишевскаго, Романъ Императрицы, главу—Екатерина, какъ педагогъ.

умно и съ одушевленіемъ. Но никто не долженъ былъ вставать между нею и ея питомцами; отецъ и мать съ ревнивой заботливостью были отстранены, ихъ вліяніе могло оказаться только пагубнымъ. Императрица не постѣснилась написать однажды относительно малолѣтняго Александра, «который не могъ говорить еще и которому только полтора года: „Его испортили мнѣ въ четыре дня, когда я его не видала“. [1])

И еще нѣсколько позднѣе, когда пробудился умъ ребенка, она гордо возвѣщала Гримму, что онъ будетъ „самой совершенной личностью“, однако при условіи, что его родители, пропитанные ложными и неправильными понятіями, не будутъ препятствовать его успѣхамъ. [2])

Повидимому, императрица перенесла всѣ свои надежды на старшаго сына Павла. Многіе даже подозрѣваютъ, что въ глубинѣ своей души она лелѣетъ тайныя мечты объ Александрѣ и попытается оставить ему престолъ, помимо великаго князя Павла. [3])

---

[1]) Сборникъ, т. XXIII стр. 148.

[2]) Id, т. XXIII стр. 289.

[3]) La Cour de Russie, стр. 381, депеша Гарриса отъ 17 декабря 1782 г

ГЛАВА V.

Путешествіе въ Европу

(1781—1782).

I.

Съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Великій объѣхалъ Европу въ платьѣ туриста—«полукафтанѣ изъ коричневаго сукна, короткомъ и плохомъ парикѣ», [1]) царствующія особы перестали считаться со своимъ высокимъ положеніемъ и пустились путешествовать въ качествѣ простыхъ смертныхъ то ради развлеченія, то съ дѣловыми цѣлями. Они испытывали какую-то неловкость быть исключеніемъ и желаніе приблизиться къ жизни остальныхъ людей; ихъ какъ будто тяготило одиночество ихъ положенія, которое доставляло имъ больше скуки, чѣмъ удовлетворенія ихъ гордости. Густавъ III Шведскій посѣтилъ Францію, куда его влекла живая симпатія къ философской школѣ. Генрихъ Прусскій нѣсколько разъ ѣздилъ въ Россію. Іосифъ II, самый неспокойный изъ этихъ странствующихъ полу-боговъ, ѣздилъ по всѣмъ концамъ Европы, доводя до усталости своихъ спутниковъ, пренебрегая роскошью и разбивая свою походную кровать въ самыхъ скромныхъ гостинницахъ. «Мода путешествовать проникла уже, по словамъ императрицы Екатерины II, даже въ Ватиканъ», [2]) и папа, спустившись съ своего трона, отправился въ Вѣну.

---

[1]) Saint-Simon, Memoires т. XV.

[2]) Сборникъ, IX т. стр. 112.

Великій князь Павелъ также не избѣгнулъ этой заразы. Воспоминанія, увезенныя имъ изъ Берлина, внушили ему желаніе предпринять новое путешествіе и подъ чужимъ небомъ поискать хотя немного независимости. Онъ горячо стремился перемѣнить мѣсто, освѣжиться, пополнить образованіе. «Надо употребить всѣ усилія, чтобы принести возможно больше пользы своему отечеству, а для этого надо пріобрѣтать познанія, а не сидѣть на одномъ мѣстѣ, сложа руки». [1])

Онъ строилъ планы. Визитъ къ императору Іосифу, который приглашалъ къ его себѣ, могъ послужить предлогомъ и началомъ для дальнѣйшаго путешествія по Европѣ. Великая княгиня также упрашивала ѣхать; она предвидѣла возможность быть поближе къ своей семьѣ и ея воображеніе уносилось въ Вѣну, Берлинъ, Монбельяръ, всюду, куда манили ее старыя привязанности; одно чувство удерживало ее: ей тяжело было покидать своихъ дѣтей и оставить ихъ императрицѣ, которая и такъ лишила ее столькихъ материнскихъ радостей.

Екатерина втайнѣ одобряла мысль о путешествіи, зародившуюся у ея сына. Заботясь о томъ, чтобы ослабить связи, соединявшія молодой дворъ съ прусскимъ домомъ, Екатерина желала, чтобы Павелъ и Марія отправились въ Вѣну. Она была бы только довольна, если бы они поѣхали дальше и заставили нѣсколько мѣсяцевъ ждать своего возвращенія. Въ отсутствіе Павла у нея будутъ развязаны руки для дѣйствій противъ турокъ, а также для того, чтобы устранить отъ завѣдыванія иностранными дѣлами графа Панина, открытаго противника союза съ Австріей и «системы истребленія оттомановъ». Потемкинъ горячо убѣждалъ императрицу послать вели-

---

[1]) Сборникъ, т. XX, письмо отъ 13 іюля 1781 г.

каго князя за границу и лишить такимъ образомъ Панина его послѣдней опоры. [1])

Но какъ приняться за дѣло и убѣдить Павла поѣхать? Если бы императрица первая заговорила о путешествіи, крайне недовѣрчивый сынъ ея тотчасъ заподозрилъ бы ея намѣренія и рѣшительно отказался-бы покинуть Россію. Нужно сдѣлать такъ, чтобы мысль о поѣздкѣ исходила отъ великаго князя. Для достиженія этой цѣли Екатерина пустила въ ходъ искусную стратегію. Ея хитрое искусство былъ направлено на Николая Рѣпнина, пользовавшагося симпатіями при молодомъ дворѣ. Она проявила внезапную холодность къ этому блестящему дипломату, котораго обыкновенно встрѣчала очень любезно. Чувствуя, что ему угрожаетъ немилость, Рѣпнинъ съ унылымъ видомъ повѣдалъ о своихъ горестяхъ Потемкину. Слѣдуя полученному указанію, фаворитъ шепнулъ ему на ухо, что онъ могъ-бы вновь найти путь къ сердцу императрицы, коль скоро онъ сумѣетъ искусно убѣдить Павла Петровича ходатайствовать о разрѣшеніи на путешествіе. Рѣпнинъ осторожно и умѣло разыгралъ роль подстрекателя. Будучи не въ силахъ сдерживать свое нетерпѣніе, великій князь отправился просить свою мать отпустить его ѣхать; онъ дрожалъ при мысли о томъ, какъ бы она не воспротивилась его намѣреніямъ. Императрица изобразила удивленіе и не сразу пошла на встрѣчу желаніямъ сына: долгая разлука была бы, говорила она, тяжела для нея. Послѣднимъ актомъ комедіи была сцена нѣжнаго соглашенія. [2])

---

[1]) Affaires ètrangéres, Австрія, т. CCCXLIII, fol. 250; барона де Бретейль, 20 ноября 1771 г.

[2]) Affaires ètrangères, Австрія, vol. CCCXLIII, fol. 250; баронъ де Бретейль, 20 ноября 1781, донесеніе о частной бесѣдѣ съ Іосифомъ II.—Этотъ разсказъ подтверждается англичаниномъ Гаррисомъ (La Cour de Russie) стр. 363. По словамъ Гарриса, Рѣпнинъ дѣй-

Оставалось намѣтить маршрутъ для путешествія. Было условлено, что Павелъ и Марія Θеодоровна «совершатъ паломничество въ Кіевскія пещеры—обычай, выполненіе котораго хоть разъ въ жизни требуется отъ русскихъ царей»; что изъ Кіева они отправятся черезъ Польшу въ Вѣну, проѣдутъ Италію, отдохнутъ нѣкоторое время въ Монбельярѣ и послѣ года отсутствія вернутся въ Петербургъ. [1]) Павлу съ трудомъ удалось получить разрѣшеніе посѣтить Францію: вмѣшался Гриммъ и заявилъ притязаніе на честь «предложить сыну Екатерины кофе со сливками въ Парижѣ». [2]) Но когда великій князь заговорилъ о Пруссіи, всѣ его настоянія разбились о непреклонную волю императрицы. Между тѣмъ Берлинъ больше всего привлекалъ его, Берлинъ, гдѣ царствовалъ его герой и покровитель! Онъ не могъ удержаться отъ чувства досады, а великая княгиня—отъ слезъ. Чего хотѣли отъ него? Чтобы онъ нанесъ обиду королю Прусскому и вызвалъ его недовольство? Но ничто не могло долго оставаться неизвѣстнымъ для такого проницательнаго и обладавшаго такими ловкими агентами государя, какъ Фридрихъ. Когда онъ узналъ, что Екатерина разрѣшила своему сыну предпринять путешествіе по Европѣ и что изъ всѣхъ крупныхъ дворовъ его дворъ былъ единственнымъ, на который она наложила запрещеніе, онъ рѣшилъ повліять на своего молодого друга и убѣдить его отказаться отъ

ствовалъ въ руку императрицы сознательно и не игралъ той глупой роли, которую приписываетъ ему Бретейль.—Срав. Секретные архивы Берлина, reposit XI, conv. 110: „Императрица, пишетъ Гёртцъ, дала ему разрѣшеніе на путешествіе, сопровождая его выраженіями материнской нѣжности, испытывающей страданіе отъ лишенія возможности видѣть своихъ дѣтей“. По этому поводу см. Рамбо, Екатерина II въ кругу семьи (Revue de deux mondes, 1-е февраля 1874 г.)

[1]) Affaires étrang., маркизъ de Verac, 6 іюля 1781.

[2]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 226.

мысли о путешествіи. Министръ Фридриха—Гертцъ предупреждалъ Фридриха относительно трудностей, которыя его ожидали, указывая на то, что Павелъ жаждетъ движенія и свободы, что онъ сгораетъ отъ нетерпѣнія поѣхать, и въ заключеніе посовѣтовалъ ему, если онъ желаетъ все-таки добиться успѣха, устраниться самому и отдать карты въ руки графу Панину. [1])

Панинъ уже давно утерялъ то вліяніе и довѣріе, которыми пользовался въ теченіе многихъ лѣтъ. Торжество австрійской политики на берегахъ Невы, власть, которую забралъ Потемкинъ надъ Екатериной, нанесли послѣдніе удары старому государственному дѣятелю. Гроза росла надъ нимъ со дня на день: чтобы не слышать ея раскатовъ, онъ устранился отъ двора и удалился въ свое имѣніе Дугино. Императрица во всеуслышаніе заявила, что отнынѣ «онъ никогда не будетъ при ея дворѣ чѣмъ-либо инымъ, кромѣ какъ сидѣлкой». [2])

Онъ вооружился терпѣніемъ и молчаніемъ. Эмиссары Фридриха явились въ его уединеніе: скрываясь подъ монашескимъ одѣяніемъ, они походили на трехъ безвѣстныхъ богомольцевъ-странниковъ, которые просятъ милостыню по русскимъ дорогамъ и ходятъ на богомолье очень далеко, то въ Кіевскій монастырь, то въ Соловецкій на Бѣломъ морѣ или даже въ Палестину, въ Іерусалимъ. Они убѣдили Панина вернуться ко двору и попытаться помѣшать въ послѣдній моментъ отъѣзду великаго князя. И дѣйствительно, съ момента своего возвращенія Панинъ старался вліять на настроеніе молодыхъ супруговъ. Маріи Ѳеодоровнѣ и безъ того было очень тяжело разставаться съ своими двумя дѣтьми; графъ еще болѣе растравлялъ ея печаль,

---

[1]) Секретные архивы Берлина, reposit. XI, çonv. 110, Goertz, 31 іюля 1781 г.

[2]) La Cour de Russie, стр. 387, депеша Гарриса.

говоря о послѣдствіяхъ, которыя могли произойти во время ея отсутствія, вслѣдствіе предстоящаго дѣтямъ оспопрививанія. Ему не стоило особаго труда пробудить недовѣріе и въ Павлѣ. Какъ великій князь не замѣчаетъ, что вокругъ него образовалась какъ бы цѣпь, которая опутывала его, сѣть различныхъ вліяній, направленныхъ на то, чтобы непремѣнно заставить его совершить путешествіе? Съ какой цѣлью такъ настойчиво хотятъ его удалить? Кто знаетъ, не воспользуется ли императрица его отсутствіемъ для того, чтобы привезти своихъ внуковъ въ Москву, представить ихъ народу и провозгласить Александра наслѣдникомъ престола? Кто знаетъ, не задержитъ ли императоръ Іосифъ подъ предлогомъ придворнаго этикета своего гостя и не будетъ ли держать его въ заключеніи въ Вѣнѣ? Внушало опасенія такъ же и то соображеніе, какъ бы въ случаѣ смерти императрицы въ отсутствіе сына, теперешніе враги—Орловъ и Потемкинъ не объединились вмѣстѣ съ цѣлью произвести революцію, которая навсегда могла закрыть великому князю двери въ Россію? [1]) Павелъ испугался и отказался ѣхать. Онъ отмѣнилъ приказаніе относительно почтовыхъ лошадей и остановилъ тѣхъ лицъ, которыя должны были ѣхать впередъ, чтобы приготовить остановки. По мнѣнію Потемкина, Екатерина должна была уступить, т. е. позволить ихъ Императорскомъ Высочествомъ посѣтить Берлинъ на возвратномъ пути. Бурныя сцены происходили въ продолженіе цѣлой недѣли. Екатерина осталась все-таки непоколебима и назначила отъѣздъ на ближайшее воскресенье, 19 сентября 1781 г. Вопреки желаніямъ Павелъ и Марія Ѳеодоровна должны были отправиться въ путь и отказаться отъ посѣщенія Берлина.

---

[1]) Секретные архивы Берлина, reposit XI. conv. 110, Goertz, 28 августа 1781.—Affaires étrangéres, Австрія, т. CCCXLIII. fol. 253; баронъ de Breteuil, 20 ноября 1781, донесеніе о частной бесѣдѣ съ Іосифомъ II.

Они уѣзжали съ тоской въ душѣ и разставались со своими дѣтьми съ такимъ тяжелымъ чувствомъ, какъ будто не надѣялись ихъ больше увидать. Марія Ѳеодоровна падала отъ слабости и почти въ обморочномъ состояніи была отнесена въ экипажъ, который долженъ былъ ее везти. Въ народѣ поднялось сильное волненіе. Про императрицу втихомолку шли недоброжелательные толки и всякаго рода слухи. Взволнованная какими то тайными, мрачными предчувствіями толпа окружила карету августѣйшихъ путешественниковъ. Цесаревича привѣтствовали радостными криками, бросались цѣловать слѣды его ногъ, его руки и покрывали ихъ своими слезами. Это былъ потокъ изліяній. Екатерина опасалась за себя, боялась вспышекъ и усилила стражу въ своемъ дворцѣ. [1])

Отъѣздъ великаго князя болѣе всего взволновалъ Панина. Онъ пришелъ въ отчаяніе и чувствовалъ себя такъ, какъ если бы послѣдній мостикъ спасенія рушился подъ его ногами. Онъ заболѣлъ настолько серьезно, что опасались за его жизнь. [2]) Его опала сдѣлалась скоро оффиціальной. Но чувство ненависти къ нему улеглось, какъ только получило удовлетвореніе; въ виду того, что съ его стороны не опасались интригъ противъ его преемниковъ, то по отношенію къ нему не предприняли обычной предосторожности въ видѣ ссылки для размышленія о своей опалѣ.

Онъ остался въ Петербургѣ для того, говорилъ онъ, чтобы постоянно свидѣтельствовать императрицѣ о своемъ униженіи. Управленіе департаментомъ иностранныхъ дѣлъ было опять поручено графу Остерману, человѣку безъ характера и авторитета, портретъ котораго Чарторійскій рисуетъ намъ въ своихъ Мемуарахъ въ слѣдующемъ

---

[1]) Секретные архивы Берлина, reposit. XI, conv. 110; Goertz, 9 октября 1781; La Cour de Russie, стр. 363, депеша de Verac'a.

[2]) Affairesètrang.; маркизъ de Verac, 5 октября 1781 г.

видѣ: «Онъ какъ будто срисованъ со старой картины. Длинный, худой, блѣдный, одѣтый по старинному, въ своихъ суконныхъ сапогахъ и когда-то коричневомъ сюртукѣ, онъ представлялъ собой эпоху Елизаветы... У него были важныя манеры; на подобіе телеграфа, онъ молча привѣтствовалъ всѣхъ своей длинной рукой». [1]) Кауницъ называлъ его «автоматомъ».

Павелъ и Марія Ѳеодоровна не проѣхали и сутокъ на почтовыхъ, какъ Екатерина, повидимому, забыла уже бурныя сцены, поводомъ для которыхъ послужилъ ихъ отъѣздъ. Внимательными, почти нѣжными письмами она старалась разсѣять страхи, которые Панинъ хотѣлъ имъ внушить. Она старалась доказать, что они вполнѣ свободно предприняли это путешествіе, а она только выразила на него свое согласіе, и что они всегда вольны прекратить путешествіе. «Если бы я могла предвидѣть, писала она 21 сентября, что при отъѣздѣ моя дорогая дочь три раза упадетъ въ обморокъ и что ее подъ руки отведутъ въ карету, то уже одна мысль, что ея здоровье придется подвергнуть такимъ жестокимъ испытаніямъ, помѣшала бы мнѣ согласиться на это путешествіе»; далѣе она добавляла: «любовь матери говоритъ Вамъ и повторяетъ опять, возвратитесь, какъ только будетъ возможно, будь это изъ Пскова, Полоцка, Могилева, Кіева или изъ Вѣны; ибо мы въ конечномъ счетѣ безъ всякой основательной причины переносимъ печаль такой разлуки».

Нѣсколько дней спустя она возобновляетъ свою попытку:

«Развѣ нѣтъ возможности сократить это путешествіе и возвратиться возможно скорѣе оттуда, откуда Вамъ будетъ угодно»? [2])

---

[1]) Czartoryski, Mémoires, t. I.

[2]) Сборникъ т. XI, стр. 64 и 71; Rambaud, Catherine II. dans sa famille (Revue de deux mondès, 1-е февр. 1874).

Въ то же время она старалась успокоить Марію Ѳеодоровну относительно здоровья ея дѣтей. Прививка оспы не отразилась на нихъ; они не потеряли своей веселости; старшій просилъ показать ему на глобусѣ города, черезъ которые проѣзжали его родители. [1])

Мало по малу путешественники успокоились: по дорогѣ ихъ взоры поражало такъ много новыхъ явленій, ихъ вниманіе было такъ занято, что тревога ихъ разсѣялась. Великій князь однако таилъ въ глубинѣ своей души нѣкоторое недовѣріе и возилъ свои подозрѣнія по европейскимъ дорогамъ. Вотъ одинъ примѣръ этой подозрительности: когда онъ былъ въ Брюгге, фламандское пиво причинило ему «сильный поносъ»; онъ подумалъ, что принцъ де Линь хотѣлъ его отравить. [2]) Но невозможность побывать въ Берлинѣ продолжала составлять для Павла большое лишеніе. Весной 1781 г. какъ только великій князь выпутался «изъ австрійскихъ сѣтей», Фридрихъ II, не считавшій себя побѣжденнымъ, сдѣлалъ новыя попытки, чтобы привлечь его въ свою столицу. Прежде чѣмъ возвращаться въ Россію, ихъ высочества должны были посѣтить Саксонскій дворъ; не будетъ ли признано болѣе удобнымъ проѣхать черезъ Пруссію, чѣмъ вязнуть во время дождей по плохимъ дорогамъ Польши. Но Павелъ не осмѣлился оказать неуваженіе волѣ своей матери. [3])

Екатерина рѣшила, что сынъ и невѣстка будутъ путешествовать подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ. „Что за странная фантазія, восклицалъ Гриммъ, назвать ихъ дѣтьми Сѣвера? Я уже давно пораженъ этой фантазіей

---

[1]) Сборникъ, т. IX passim.

[2]) Le prince de Ligne, Mèlanges militaires, XXVII, стр. 13.

[3]) Секретные архивы Берлина, reposit X. conv. 112, Goertz, 10 февраля и 10 марта 1782 г.

желать быть сѣверной державой, когда границы достигаютъ Китая, Персіи и почти Америки". [1])

Императрица приказала выгравировать для своего сына печать, на которой фигурировала полярная звѣзда. «Павлу, говорила она,—звѣзда Сѣвера; Константину—звѣзда Востока». [2]) Чтобы поддержать блескъ своего положенія, великій князь повезъ множество подарковъ для раздачи по дорогѣ: онъ получилъ 300,000 рублей на проѣздъ и 100,000 дукатовъ въ качествѣ «карманныхъ денегъ". Свита была многочисленна; но изъ всѣхъ тѣхъ, кто входилъ въ ея составъ, по словамъ прусскаго посланника, «только г-жа фонъ Бенкендорфъ и князь Куракинъ имѣли какое-либо значеніе». Баронесса Шиллингъ-Канштадтъ, вышедшая въ 1780 г. замужъ за ливонского дворянина Бенкендорфа, была подругой дѣтства Маріи Ѳеодоровны и пользовалась большимъ ея довѣріемъ. Ее подозрѣвали въ преданности австрійскимъ интересамъ и о ней довольно сурово отзывались въ прусскихъ депешахъ: «эта особа, руководимая принцессой, матерью великой княгини, пріобрѣла настолько большое вліяніе на нее, что русскіе прозвали ее «принцессой des Ursins». Императрица пользуется ея услугами, въ томъ увѣрены всѣ; она же въ тихомолку интригуетъ.» Пруссакъ Гертцъ опасался, какъ бы эта довольно подозрительная дама не сдѣлалась во время путешествія орудіемъ какихъ либо «австрійскихъ фокусовъ». [3]) «Кавалеры», которые сопровождали

---

[1]) Сборникъ, т. XLIV, стр 212.

[2]) Секретные архивы Берлина, reposit XI., conv 110; Goertz, 24 сентября 1781 г. Маркизъ de Uèrac писалъ Верженю 4 сентября: „Рѣшено, что онъ будетъ называться графомъ Сѣвернымъ и Вы можете посудить, что министры Швеціи и Даніи не особенно довольны этимъ переименованіемъ. Послѣдній не говоритъ ничего, но шведскій министръ не скупится на остроты". Affair. étrang. 1781, (II) fol. 115.

[3]) Секретные архивы Берлина reposit XI, conv. 119. Goertz 7 августа 1781 г.

великаго князя были «честные люди, но безъ всякаго вліянія». Между нами находился одинъ нѣмецкій поэтъ, другъ Клопштока и Гете,—Клингеръ, который, послѣ тяжелой и полной упорнаго труда молодости, поселился въ Россіи и привязался къ цесаревичу.

II.

Многочисленные документы помогутъ намъ въ подробностяхъ возстановить путешествіе великаго князя Павла по Европѣ. Посланники Людовика XVI при различныхъ дворахъ континента могутъ намъ служить въ этомъ отношеніи указателями. Они съ любопытствомъ наблюдали его повсюду, гдѣ онъ проѣзжалъ и все, что они видѣли или слышали, описывали, какъ французы, жадные до всего новаго, нѣсколько свысока, гордые древностью своей расы, своей воспитанностью, своей репутаціей носителей изящества и утонченности, немного предубѣжденные противъ представителя имперіи, еще недавно варварской и не игравшей роли въ исторіи. Ихъ донесенія были очень интересны. Письма, которыя императрица регулярно писала своимъ дѣтямъ во время ихъ долгаго отсутствія, не менѣе интересны. Сколько въ нихъ живости и добродушія! Какая любопытная смѣсь глубокихъ сужденій и самыхъ обыденныхъ замѣчаній! Удѣляя много мѣста въ своей перепискѣ бюллетенямъ о здоровьѣ, объ успѣхахъ Александра и Константина, императрица въ то же время бесѣдовала съ сыномъ и снохой обо всемъ видѣнномъ ими по пути. «Прошу Васъ,—писала она имъ съ нѣжностью, надо полагать, искренней,—прошу Васъ давать свободу перу каждый разъ, какъ придетъ Вамъ охота поболтать». [1])

---

[1]) Сборникъ, т. IX, стр. 127.

Изъ переписки Екатерины лучше всего можно узнать о путевыхъ впечатлѣніяхъ графа и графини Сѣверныхъ. Они ѣхали черезъ старый русскій городъ Псковъ, пережившій во времена народовластія свой вѣкъ славы и сохранившій отъ своего кремля и знаменитыхъ стѣнъ лишь развалины, очень цѣнныя, правда, для археологовъ. Они далеко объѣхали Москву, посѣтить которую имъ было запрещено, остановились на нѣкоторое время въ Кіевѣ, магическое имя котораго пробуждаетъ въ каждомъ православномъ русскомъ столько благочестивыхъ воспоминаній, и въ концѣ октября прибыли въ Польшу. «Общее мнѣніе о плохихъ дорогахъ и скверныхъ ночлегахъ этой страны,—говорила Екатерина,—рождаютъ во мнѣ опасенія, чтобы вамъ отъ нихъ не пришлось страдать». [1]).

Они проѣзжали черезъ отвратительные городишки, населенные, главнымъ образомъ, евреями. Среди голыхъ равнинъ, время отъ времени, взоръ замѣчалъ группу построекъ, внушительныхъ и широко раскинувшихся, въ различныхъ стиляхъ; это была резиденція какого-нибудь вельможи.

Въ одномъ изъ такихъ феодальныхъ замковъ, гдѣ часто можно было найти заимствованную изъ Версаля роскошь, они встрѣтили польскаго короля, того самаго Станислава Понятовскаго, который еще при жизни Петра III былъ, если не первымъ, то во всякомъ случаѣ однимъ изъ наиболѣе любимыхъ фаворитовъ Екатерины. Двадцать пять лѣтъ прошло послѣ этой романической исторіи; но среди другихъ привязанностей Екатерина не могла предать забвенію этой связи. Она вела по отношенію къ несчастному Станиславу жестокую политику, способствуя тому, чтобы королевство его жило и умерло въ анархіи; тѣмъ не менѣе

---

[1]) Сборникъ, т. IX, стр. 78.

сердце ея не совсѣмъ еще зажило. Эта старушка въ письмахъ къ своему сыну безъ всякихъ стѣсненій тревожитъ старую любовь: «Его Польскому Величеству,—говоритъ она,—думаю, трудно было отыскать сходство съ моей наружностью двадцать пять лѣтъ назадъ, въ портретахъ, которые Вы ему показали. Но нашли ли Вы бесѣду этого государя исполненной прежней пріятности, веселости и знаній или, можетъ быть, королевское достоинство уменьшило эти свойства. Мнѣ казалось, что я нашла слѣды ихъ въ томъ, какъ онъ пилъ за мое здоровье». [1]).

Польскій король вернулся въ Варшаву въ восторгѣ отъ своихъ гостей и «убѣжденный въ томъ, что для того, чтобы быть хорошимъ патріотомъ надо быть хорошимъ русскимъ.» [2])

Великій князь глубоко порицалъ неумолимую политику Екатерины по отношенію къ Польшѣ. Въ 1797 г. уже будучи императоромъ, Павелъ, выставлявшій на показъ свое благородство по отношенію къ тѣмъ, кого считалъ жертвами матери, перевелъ изъ Гродно въ Петербургъ стараго короля Станислава, лишеннаго короны и впавшаго въ дѣтство.

Іосифъ II ожидалъ графа и графиню Сѣверныхъ на границѣ своего государства. Начиная съ Троппау, путешествіе превратилось въ тріумфальное шествіе. Каждая провинція высылала на встрѣчу имъ свою депутацію; войска поднимали ружья въ честь ихъ пріѣзда; города устраивали балы или парадные пріемы. Они пріѣхали въ Вѣну 10-го ноября очень торжественно. Тамъ ожидалъ ихъ цѣлый рядъ пышныхъ пріемовъ, ужиновъ, маскарадовъ, баловъ и военныхъ празднествъ: шестьсотъ чело-

---

[1]) Id, т. IX, стр. 86; Рамбо указ. ст.

[2]) Донесеніе посланника Екатерины Штахельберга, приведенное Шумигорскимъ, Императрица Марія Ѳеодоровна стр. 185; Rambaud указ. ст.

вѣкъ солдатъ воздвигли въ окрестностяхъ Вѣны сооруженіе въ формѣ крѣпости, чтобы изобразить передъ сыномъ Екатерины подобіе аттаки и защиты. Во всѣхъ этихъ торжествахъ бросались въ глаза, главнымъ образомъ, величіе и элегантность, свойственныя австрійскому дому. [1])

Императоръ оказывалъ великому князю утонченное и трогательное вниманіе, въ которое онъ вкладывалъ все свое сердце. Какъ только онъ хорошо узналъ привычки и вкусы знатныхъ гостей, онъ поспѣшилъ сообщить объ этомъ своимъ братьямъ и сестрамъ, эрцгерцогамъ и эрцгерцогинямъ, царствовавшимъ во Флоренціи, въ Пармѣ, въ Неаполѣ и Версалѣ и готовившимся къ пріему русскихъ князя съ княгиней. «У великаго князя и великой княгини,—говорилъ онъ въ своемъ циркулярѣ,—къ незаурядным способностямъ и довольно обширнымъ познаніямъ присоединяется сильное желаніе посмотрѣть и поучиться, и въ то же время имѣть успѣхъ и понравиться всей Европѣ, и такъ какъ можно разсчитывать на ихъ честность и скромность, то показать имъ безъ прикрасъ и безъ ограниченій все, обо всемъ говорить съ полной откровенностью, значитъ оказать имъ наибольшую услугу... Въ виду ихъ недовѣрчивости, происходящей больше отъ внѣшихъ обстоятельствъ, чѣмъ отъ ихъ характера, нужно тщательно избѣгать того, что можетъ имѣть видъ происковъ или розыгрываемой передъ ними комедіи». Іосифъ горячо рекомендовалъ оберегать ихъ отъ усталости и безсонныхъ ночей. Онъ обращалъ также вниманіе на качество стола и съ мелочной заботливостью составлялъ списокъ ихъ любимыхъ кушаній. «Ихъ совсѣмъ не трудно удовлетворить столомъ, и вообще они любятъ простую пищу, но хорошаго качества, особенно имъ нра-

---

[1]) Affaires étrang., Австрія, т. CCCXLIII, fol. 166; Barthelemy 3 октября 1781 г.

вятся компоты и фрукты. Они пьютъ только воду, а великая княгиня привыкла къ сельтерской водѣ; если же ея нѣтъ въ вашей мѣстности, то можно замѣнить какой-либо другой минеральной водой слегка желѣзистой и которая не слабитъ.» [1])

Это вниманіе разсѣяло отчасти предубѣжденія Павла. Покидая Россію, онъ написалъ императору довольно неучтивое письмо, гдѣ высказывалъ намѣреніе остаться въ Вѣнѣ лишь одну или двѣ недѣли. Подкупленный привѣтливымъ обращеніемъ Іосифа II и скромнымъ изяществомъ двора, онъ провелъ тамъ больше мѣсяца. Его познанія, говорилъ онъ своему другу Сакену, пріобрѣли много отъ этого пребыванія. [2]) Марія Θеодоровна радовалась встрѣчѣ съ своимъ отцомъ и матерью, прибывшими въ Вѣну по приглашенію императора. Она чувствовала потребность подогрѣть ихъ нѣжность. Дѣйствительно, надежда выдать свою младшую дочь за наслѣдника Австрійской короны кружила имъ голову и въ послѣднее время они охладѣли къ старшей дочери, особенно отецъ, который не могъ забыть упрековъ за расточительность, которыми не совсѣмъ почтительно преслѣдовала его дочь. [3]) Марія Θеодоровна нисколько не завидовала своей сестрѣ и думала только о томъ, чтобы быть ей полезной. Въ ея поддержкѣ чувствовалась нужда. Переговоры относительно брака Елизаветы Вюртембергской съ Францискомъ Тосканскимъ продолжались, не приходя къ опредѣленному концу. Отецъ молодого принца, Леопольдъ сильно затруднялся въ своемъ рѣшеніи. У него являлись все новыя и новыя возраженія, то основательныя, то довольно фантастичныя. [4]) Самымъ

---

[1]) D'Arneth, Joseph II et Leopold, I стр. 336.

[2]) Сборникъ, т. XX, стр. 432.

[3]) Шумигорскій, Императрица Марія Θеодоровна, стр. 166.

[4]) Аристократія отнеслась очень враждебно къ этому плану, писалъ изъ Вѣны баронъ Breteuil. Affair. ètrang., Австрія, т. CCCXVIII, fol. 225.

серьезнымъ было различіе религій. Продолжая высказывать горячій интересъ къ проекту, Іосифъ II однако извинялъ долгія колебанія брата. Нельзя было не признать, что невѣста была мала и некрасива: неправильныя и рѣзкія черты лица, невыразительные глаза и непріятный ротъ. Ей едва минуло пятнадцать лѣтъ. Самый неблагодарный возрастъ для дѣвушекъ. «Мнѣ пришлось заботиться,— писалъ Іосифъ II,—о томъ, чтобы заставить ее чистить и держать въ порядкѣ зубы». [1]) Она обладала всѣми качествами, достаточными для того, чтобы сдѣлаться доброй гражданкой: скромность, простота, здравый смыслъ; но какая неловкость, какое незнаніе свѣта и двора! Марія Ѳеодоровна хлопотала за свою сестру и добилась того, что Леопольдъ Тосканскій далъ окончательное согласіе на бракъ, но съ тѣмъ, чтобы Елизавета осталась въ Вѣнѣ въ монастырѣ для того, чтобы кончить свое воспитаніе и заняться изученіемъ католической религіи. [2])

Старый государственный человѣкъ Кауницъ, уже 30 лѣтъ управлявшій австрійской политикой, вмѣшался въ это дѣло и помогъ Маріи Ѳедоровнѣ. Благодаря ему всегда нуждающіеся принцъ и принцесса Вюртембергскіе были освобождены отъ платы за свою дочь въ монастырѣ Салезіанокъ. [3])

Этотъ высокій сановникъ, превозносившій себя и свой геній, отличавшійся даже нахальствомъ, не всегда любезно принималъ гостей императора. Когда, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ австрійскую сталицу явился Пій VI, онъ обошелся съ нимъ, какъ съ простымъ туристомъ. Пригласивши папу на обѣдъ, «онъ не постѣснился, разсказываетъ

---

[1]) D'Arneth. Joseph II, т. I, стр. 63.

[2]) Id. т. I, стр. 121. Affaires étrangères, Австрія, баронъ Breteuil, 20 ноября 1781 г.

[3]) Сборникъ, т. X, стр. 144.

княгиня Дашкова, по своей привычкѣ отправиться на свою дачу, и вернулся лишь послѣ того, какъ папа прождалъ его въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Онъ явился въ сапогахъ, съ хлыстомъ въ рукахъ и пользовался этимъ инструментомъ для того, чтобы указывать своему знатному гостю картины, которыя онъ болѣе всего цѣнилъ». [1])

Надо было быть осторожнымъ, чтобы не обойтись также безцеремонно съ сыномъ Екатерины, наслѣдникомъ могущественной имперіи, съ которой Австріи предстояло заключить союзъ! Зная, какъ тяжело было Павлу Петровичу отъ того, что мать устраняла его отъ участія въ дѣлахъ, Іосифъ счелъ нужнымъ показать ему свое довѣріе, поговоривъ съ нимъ объ общихъ замыслахъ Австріи и Россіи и сообщивъ ему конфиденціальныя письма, которыми императоръ и императрица обмѣнялись въ маѣ мѣсяцѣ 1781 г. и которыя закрѣпляли ихъ союзъ.

«Въ виду обѣщанія моего сына я осмѣливаюсь вѣрить, писала Екатерина, что онъ сохранитъ это въ строжайшемъ секретѣ, какъ бы онъ ни былъ легковѣренъ въ силу своей молодости, отъ тѣхъ, кто сдѣлалъ себѣ ремесло изъ вывѣдыванія подобныхъ секретовъ.» [2]) Впрочемъ, несмотря на любезности, расточаемыя по отношенію къ нему, Павелъ покинулъ Вѣну, хотя и болѣе расположеннымъ къ императору, но почти столь же враждебно настроеннымъ къ союзу съ Австріей, какъ и прежде. Даже въ Шенбруннскихъ салонахъ онъ не стѣснялся вслухъ выражать свои чувства по отношенію къ тѣмъ, которые, подобно Потемкину, продались по его словамъ Австріи. «Какъ только я получу какую-либо возможность распоряжаться,

---

[1]) Архивы Воронцова, т. XXI, стр. 218.

[2]) D'Arneth, Joseph II und Katharina v. Russland; стр. 67.

говорилъ онъ съ запальчивостью, я прикажу ихъ высѣчь, разжалую и прогоню.» [1])

Отъѣздъ изъ Вѣны совершился не при добрыхъ предзнаменованіяхъ. Какая-то странная и коварная, неизвѣстная еще врачамъ болѣзнь, „эпидемическая катарральная лихорадка“ свирѣпствовала въ столицѣ Іосифа II, какъ и во всей остальной Европѣ: появился, повидимому, впервые тотъ бичъ, который сто лѣтъ спустя произвелъ между нами столько опустошеній,—инфлуенца. У большинства подвергавшихся ей болѣзнь была непродолжительна и протекала въ легкой формѣ. Великая княгиня прибыла въ Нейштадтъ съ головной болью и лихорадкой; черезъ нѣсколько дней болѣзнь прошла и можно было вновь отправиться въ путь. [2]) Но печальныя мысли омрачали путешествіе. Изъ Россіи приходили также плохія вѣсти. Чрезвычайно суровая зима съ рѣзкими перемѣнами температуры способствовала распространенію эпидеміи. „Въ продолженіе десяти дней, писала Екатерина, думаю, было отъ десяти до пятнадцати тысячъ больныхъ той же болѣзнью. Въ Москвѣ, по московской дорогѣ, слѣдовательно въ Твери, Новгородѣ, повсюду слышишь тѣ же новости. Подобныя же извѣстія имѣются изъ Тулы, Калуги и Пскова. Вообразите, какую прелестную гармонію составляетъ имперія, вся кашляющая и чихающая. Говорятъ, что въ прошедшемъ году въ Парижѣ эту болѣзнь называли гриппомъ“. [3])

Дѣти, Александръ и Константинъ, тоже не убереглись, у нихъ былъ кашель и лихорадка. «Съ вечера въ пят-

---

[1]) Id. Joseph II et Leopold, т. I, стр. 169; „Несмотря на празднества, которыми его хотѣли поразить, у него полное недовѣріе къ властителю имперіи“, писалъ баронъ de Маскаи. Affaires étrangéres, Австрія т. CXIII, fol. 299.

[2]) Донесеніе Голицина, цит. Шумигорскимъ, Императрица Марія Ѳеодоровна, стр. 198.

[3]) Сборникъ, т. IX, стр. 117.

ницу, цвѣтъ ихъ волосъ заставилъ меня подозрѣвать, что это случится, и я предупредила ихъ нянекъ». [1])

Императрица безпокоилась. Къ счастью, дѣти вскорѣ поправились и веселость вернулась къ нимъ. Послѣ кризиса и безпокойства Екатерина почувствовала какъ бы приливъ нѣжности къ своимъ внукамъ. Въ своихъ письмахъ она съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ обыкновенно, распространялась объ ихъ шалостяхъ и выдумкахъ! Александръ и Константинъ сами писали своей матери, чтобы извѣстить ее, что они здоровы. Александру стоило большого труда писать, „потому что его маленькія ручки не повинуются ему еще"; онъ выходитъ изъ терпѣнія, потомъ, стыдясь своего гнѣва, упрашиваетъ бабушку «дать ему книгу, изъ которой онъ могъ бы научиться терпѣнію». Его письма коротки и скромны. Ему очень хотѣлось бы, чтобы изъ путешествія ему привезли маленькаго брата, а то скучно, добавлялъ онъ, когда играешь въ кучера, запрягать только одну лошадь. Екатерина поддержала его просьбу: она также желаетъ, чтобы ей привезли милаго малютку, „спокойно готовящагося выйти на свѣтъ Божій..." [2]) Да извинятъ намъ, что мы, подобно графу и графинѣ Сѣвернымъ, во время ихъ путешествія вызываемъ иногда воспоминанія о тѣхъ, кого они покинули въ Петербургѣ.

Августѣйшіе путешественники нашли въ Тріестѣ благорастворенный воздухъ, лазурное море, горячее великолѣпное небо, всѣ прелести юга. «Прекрасно было бы, если бы можно было купить климатъ, который Вы мнѣ описываете». [3])

Княжеская чета извѣдала прелести Тріеста, который

---

[1]) Сборникъ, т. IX, стр. 116.

[2]) Сборникъ, т. IX, passim.

[3]) Сборникъ, т. IX, стр. 123.

напоминалъ, по ихъ словамъ, Петергофъ, дачу Петра Великаго. [1]) Они проѣхали Адріатическое море «безъ страха и ужаса» и остановились въ Венеціи 18 января. Передъ ними открывалась Италія, Италія залитая свѣтомъ: они не безъ волненія вступили на эту землю, всю пропитанную стариной. Въ Венеціи ихъ все удивляло и восхищало: мраморные дворцы, мраморныя церкви, мраморные мосты, масса воды, волнующейся и сверкающей. Базилика Святого Марка съ главами въ видѣ луковицъ, съ мозаичными сводами, съ ея куполами, сверкающими золотомъ, эта оригинальная святыня, нѣчто въ родѣ христіанской мечети, напомнила имъ старыя московскія церкви, построенныя подобно ей въ полу-византійскомъ стилѣ. Венеціанская республика организовала въ честь своихъ гостей гонки гондолъ, бой быковъ и собакъ. [2])

Въ этомъ прелестномъ городѣ веселились больше, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ; карнавалъ продолжался тамъ шесть мѣсяцевъ. Венеція, какъ и ея сестры, греческія республики, заканчивала свое существованіе по-язычески—безпечно и среди удовольствій. Павелъ подѣлился съ матерью философскими размышленіями, которыя внушилъ ему упадокъ этой республики. [3])

Римъ произвелъ на путешественниковъ сильное впечатлѣніе. Тотчасъ по пріѣздѣ они отправились на почтовой двумѣстной коляскѣ къ храму св. Петра и въ Пантеонъ. Пантеонъ особенно восхитилъ ихъ. Въ 1819 г. Марія Ѳеодоровна, вспоминая свои прежнія впечатлѣнія, писала въ Швейцарію Лагарпу, который сопровождалъ великаго князя Михаила въ Италію: „Этотъ открытый сводъ, это

---

[1]) Id. т. IX стр. 116.

[2]) Архивы Воронцова, т. XXIX стр. 218, письмо de la Fermiera, секретаря и компаніона въ путешествіи великаго князя Павла.

[3]) Сборникъ, т. IX стр. 121; Rámbaud, указ. ст.

прекрасное голубое небо наполняли душу мою столь высокимъ настроеніемъ, которое при видѣ закрытаго свода храма св. Петра было менѣе ощутительно". [1])

Они посѣтили Колизей, Капитолій, имѣли случай созерцать въ базиликѣ св. Петра великолѣпіе богослуженія. Божественную службу отправлялъ красивый и величавый папа Пій VI. По окончаніи богослуженія Его Святѣйшество очень благосклонно принялъ «нашихъ схизматиковъ». Императрица могла поздравить своего сына «съ двумя папскими поцѣлуями въ обѣ щеки. Онъ можетъ похвастаться, что владѣетъ такой рѣдкостью, которую мало кто изъ католиковъ уносилъ изъ Рима». [2]) Это было въ то время, когда Пій VI готовился предпринять путешествіе въ Вѣну съ той цѣлью, чтобы сдержать реформаторскій пылъ императора Іосифа II. «Я полагаю, писалъ Воронцову одинъ изъ секретарей великаго князя, я полагаю, что ему легче будетъ перенести горы, чѣмъ остановить ходъ полезныхъ реформъ, которыя предпринимаются въ Вѣнѣ». Таково же было мнѣніе и Екатерины. «А все-таки, насмѣшливо писала она, это путешествіе болѣе принесетъ пользы здоровью папы, чѣмъ дѣламъ его». Императоръ, дѣйствительно, холодно принялъ намѣстника Христова, отказался выслушать его заявленія и заставилъ его уѣхать или вѣрнѣе «снарядилъ его въ путь при первой же возможности». [3])

Цесаревичъ былъ непріятно пораженъ, встрѣтивъ въ

---

[1]) Сборникъ, т. V, стр. 105—106.

[2]) Сборникъ, т. IX, стр. 123.—Аббатъ Жіофани писалъ королю прусскому: „Ихъ Императорскія Высочества были очарованы папой, очень удовлетворены его гуманностью; они не могутъ на него насмотрѣться". Секретные архивы Берлина, reposit. XI, conv. 112, 7 февраля 1782 г.

[3]) Архивы Воронцова, т. XXIX, стр. 217, письмо Ла Фермьера; т. IX, стр. 131; d'Arneth, Joseph II, т. I, стр. 103.

Римѣ старую подругу матери, княгиню Дашкову. Эта честолюбивая и безпокойная женщина мало выиграла отъ переворота 1762 г., который она подготовила вмѣстѣ съ Екатериной. Когда при дворѣ императрицы всѣ отвернулись отъ нея, она отправилась путешествовать, повсюду сохраняя свой шумливый нравъ, громко восторгаясь произведеніями искусства эпохи возрожденія, воображая, что впервые открываетъ ихъ. [1])

Въ Римѣ у Екатерины былъ менѣе назойливый другъ, котораго Павелъ спѣшилъ повидать,—это нѣмецкій художникъ Рейфенштейнъ. Этотъ «божественный», какъ называла его Екатерина, представлялъ довольно комичную фигуру; какъ болшого любителя древностей его привлекалъ къ себѣ и удерживалъ Римъ. Онъ зналъ его въ совершенствѣ и любилъ, какъ собственникъ любитъ свое владѣніе. Самымъ большимъ удовольствіемъ его было служить проводникомъ знатныхъ туристовъ, лишь бы только ихъ любознательность была искренней. Императрица прибѣгала къ его опытности и преданности при пополненіи галлереи Эрмитажа и постоянно обращалась къ нему съ просьбами относительно старинныхъ картинъ, статуй или медалей. Тяжеловѣсный нѣмецъ отправлялся тогда въ походъ, старался изъ всѣхъ силъ, копался въ лавкахъ у старьевщиковъ и кончалъ тѣмъ, что всегда что-нибудь находилъ. Онъ съ ожесточеніемъ торговался и всегда добивался хорошихъ условій, чѣмъ, разумѣется, очень гордился. [2])

На бѣду жестокій припадокъ подагры приковалъ его къ постели въ то время, когда сынъ Екатерины посѣтилъ старый папскій городъ. Вслѣдстіе недостатка указаній и опыта, Павелъ попалъ въ руки извѣстнаго Дженкинса, анти-

[1]) Архивы Воронцова, т. XXI, стр. 215.

[2]) См. письма Екатерины Гримму, Сборникъ, т. XXIII, passim.

кварія низшаго разряда, который, по словамъ Гримма, «наполнялъ часть Англіи произведеніями невысокаго качества». Павелъ купилъ въ его лавкѣ больше поддѣлокъ, чѣмъ «подлинниковъ».

Изъ Рима графъ и графиня Сѣверные отправились въ Неаполь: «Не думаю, чтобы при возвращеніи, мы нашли Васъ пополнѣвшими отъ утомляющаго образа жизни, который вы ведете». [1]) Такъ какъ по случаю карнавала не было мѣста въ меблированныхъ комнатахъ, то Павелъ устроился въ небольшомъ, тѣсномъ домикѣ, который онъ убѣдилъ владѣльца сдать ему. [2])

Павелъ посѣтилъ Помпею, раскопки которой начались съ половины XVIII в., Геркуланумъ, Баіи, Пестумъ. Холодъ помѣшалъ взойти на Везувій, который очень его интересовалъ, очевидно, по тому, что одинъ изъ его учителей, Эпинусъ, написалъ работу «о вулканахъ на лунѣ». Раза два на прогулкахъ ихъ сопровождалъ аббатъ Галіани. «Это, по замѣчанію Екатерины, преоригинальная личность, несмотря на то, что ростомъ не выше кочня капусты». Этотъ красивый «геніальный карликъ», который философствовалъ, какъ Платонъ, и паясничалъ, какъ арлекинъ, могъ быть занимательнымъ спутникомъ. По возвращеніи изъ прогулокъ по окрестностямъ великаго князя ожидали въ Неаполѣ празднества; онъ проходилъ по либиринту извилистыхъ и красивыхъ переулковъ, расцвѣченныхъ по случаю карнавала флагами, гдѣ виднѣлись яркіе костюмы, насмѣшливыя и возбужденныя лица, шумливая и разношерстная толпа. Французскій посланникъ де Клермонтъ д'Амбуазъ, устроилъ въ честь высокаго иностранца маскированный балъ. Было разослано множество приглашеній. Но многіе

---

[1]) Сборникъ, т. XXIII стр. 126.

[2]) Affair. étrang., Неаполь, т. CVI, fol. ; de Clermont d'Amboise, 23 февраля 1782 г.

имѣли неосторожность продать свои билеты или передать ихъ лицамъ недостойнымъ. «Эти люди, разсказываетъ злополучный дипломатъ, смотрѣли на буфетъ съ прохладными напитками, какъ на приготовленную для нихъ добычу и растаскивали бокалы, чашки, графины и серебряныя блюда, въ результатѣ чего оказалось весьма затруднительнымъ доставить угощеніе тѣмъ, кому оно предназначалось». Де Клермонтъ д'Амбуазъ зналъ неаполитанскій народъ и былъ не очень пораженъ этимъ непріятнымъ приключеніемъ. [1])

Во время своего пребыванія въ Неаполѣ, Павелъ былъ озабоченъ, угрюмъ и раздражителенъ. Король и королева пригласили его обѣдать; въ послѣднюю минуту онъ прислалъ извиненіе съ отказомъ черезъ завѣдующаго гостинницей. Его Величество король организовалъ въ честь его охоту на кабановъ: онъ отказался принять и въ ней участіе.[2]) Слѣдуетъ, однако, сказать въ его защиту, что чета, царствовавшая въ королевствѣ обѣихъ Сицилій, не внушала къ себѣ симпатіи. Фердинандъ IV былъ грубый деспотъ, съ животнымъ чертами чувственности въ характерѣ и страстью къ охотѣ. Его жена повелѣвала имъ и укрощала: она была сестра Іосифа II и Маріи Антуанетты, высокомѣрная, пылкая Марія Каролина. Не боясь скандала, она выставляла напоказъ свою близость съ ирландцемъ Актономъ, ея постояннымъ любовникомъ, который захватилъ въ свои руки все управленіе; это однако ей не помѣшало въ 1782 г. увлечься однимъ русскимъ дворянчикомъ, имя котораго вызывало у великаго князя горькія воспоминанія,—Андреемъ Разумовскимъ. Этотъ дипломатъ по счастли-

---

[1]) Affair. étrang., Неаполь, т. CVI, fol. 45; de Clermont d'Amboise 16 февраля 1782 г.

[2]) Id. Неаполь, т. CVI, fol. 56; de Clermont d'Amboise; 23 февраля 1782 г.

вой случайности былъ тогда представителемъ Россіи при неаполитанскомъ дворѣ. Онъ явился отдать долгъ почтенія Павлу; его видъ при этомъ не обнаруживалъ никакого смущенія; онъ, казалось, забылъ всѣ свои прегрѣшенія передъ своимъ царственнымъ другомъ и свой романъ съ великой княгиней Наталіей Алексѣевной. Увидя его, Павелъ задрожалъ отъ гнѣва, полчаса держалъ его подъ градомъ упрековъ и оскорбленій и былъ готовъ даже, говорятъ, кинуться на него со шпагою. [1]) Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ былъ взволнованъ и разстроенъ. Что касается Разумовскаго, то онъ далъ бурѣ успокоиться и рѣшилъ обезпечить себѣ карьеру и будущность помимо Павла. Пышность продолжительнаго посольства при австрійскомъ дворѣ, неотразимая очаровательность, гордыя властныя манеры, несравненное превосходство должны были рано или поздно сдѣлать его властителемъ Вѣны; въ 1810 г. онъ былъ законодателемъ австрійскихъ салоновъ и уже на другой день послѣ бракосочетанія Наполеона съ Маріей Луизой внушалъ ненависть къ Франціи. [2])

Поэтическій Неаполь не былъ для Павла лучшимъ этапомъ въ его путешествіи. Любуясь на восхитительный заливъ, онъ не могъ не замѣчать за весело раздувавшимися парусами угрюмаго вида крѣпости, замка Святого Эльма, видъ котораго пробуждалъ въ его безпокойной душѣ трагическія воспоминанія и мрачныя предчувствія. Старая темница пріютила въ 1717 г. измученнаго молодого Алексѣя, сына Петра Великаго, и въ продолженіе пяти мѣсяцевъ укрывала бѣглеца отъ преслѣдованій отца. Несчастный князь покинулъ итальянскую крѣпость лишь

---

[1]) Affair. étrang., Неаполь, т. CVI, fol. 65; Clermont d'Amboise. 23 февраля 1782; Васильчиковъ, „Разумовскіе", т. II, стр. 71; Schnitzler Fürst Andreas Razoumovski, Leipzig, 1863 г.

[2]) Id. Albert Vandal, Napoleon et Alexandre I, т. II. стр. 409.

для того, чтобы отправиться умирать въ глухіе петербургскіе казематы. [1])

Передъ замкомъ Св. Эльма наслѣдникъ Екатерины думалъ о наслѣдникѣ Петра I, раздирающая душу исторія котораго имѣла сходство съ его собственной судьбой. Павелъ вспоминалъ о распряхъ съ своей матерью и въ его напуганномъ воображеніи пробуждалось опасеніе испытать когда-нибудь участь Алексѣя.

Онъ покинулъ Неаполь, какъ заключенный убѣгаетъ изъ тюрьмы. Внезапно онъ рѣшилъ вернуться въ Римъ и захотѣлъ отправляться въ путь немедленно, не теряя времени даже на прощаніе съ королемъ Сициліи. [2])

Стали подыматься на сѣверъ, проѣхали у подножія Абруццскихъ горъ. Дороги были плохія. На почтовыхъ станціяхъ встрѣчалось множество нищихъ, прокаженныхъ, жалкихъ сиротъ, убогихъ и капуциновъ, одѣтыхъ въ отребья, протягивающихъ путешественникамъ свои подозрительныя руки. Спать приходилось въ плохихъ трактирахъ. «Италія, заявила Екатерина, не можетъ похвастать ночлегами для путешественниковъ». [3])

Видъ страны былъ необыченъ, всюду безпорядокъ и одичаніе, всюду скудость, какъ въ обществѣ, такъ и на землѣ. Населеніе не умѣло извлекать пользы изъ земли. Правительство занималось только поборами и ничего не дѣлало для населенія; если оно во что-либо вмѣшивалось, то это было не содѣйствіе, а вымогательство. «Путешествуя по Италіи, писала Марія Θеодоровна, испытываешь чувство крайняго сожалѣнія, когда видишь такое несоотвѣтствіе между положеніемъ большей части жителей

---

[1]) Cf. E.-M. de Vogue, Le fils de Pierre le Grand, гл. VI.

[2]) Affair. étrang., Неаполь, т. CVI, fol. 56; de Clermont d'Amboi 23 февраля 1782.

[3]) Сборникъ, т. IX, стр. 153 г.

и красотами природы. Природа величественна, живительна, производительна вездѣ, гдѣ хотѣли ее сдѣлать таковою, какъ напр. въ Ломбардіи, Тосканѣ; но обезцѣнена, истощена въ папскихъ владѣніяхъ и частью въ неаполитанскомъ королевствѣ, вслѣдствіе недостатка попеченія и надзора правительства. Отсутствіе личной безопасности страшно для жителей и постыдно для вѣка, который, будучи во многихъ отношеніяхъ просвѣщеннымъ, долженъ бы былъ бороться со всѣмъ, что порождаетъ разстройство и тьму». [1])

Великаго князя Павла сильно поражалъ контрастъ между прошлымъ и настоящимъ въ этой своеобразной странѣ. «Мы протекаемъ разныя земли и правленія, но въ сихъ странахъ кромѣ картинъ и тому подобнаго нечего смотрѣть, развѣ плакать надъ развалинами древнихъ, показывающими, что человѣкъ можетъ, когда хорошо управляемъ, и сколь онъ отъ того удаляется, когда управляемъ, какъ теперь, не взирая на безпогрѣшность папы». [2])

Екатерина не любила «итальянскихъ головъ». Въ нихъ „зарождаются и развиваются преданія, которыя между тѣмъ въ сущности ничто иное, какъ перелетныя птицы, очень худыя и безвкусныя. Эти головы и остатки римскихъ древностей должны представлять странную противоположность для всякаго мыслящаго человѣка.“ [3]) Она однако питала вѣру въ будущее. «Италія ждетъ и надѣется,» писала она въ 1780 г. Г-жа де Сталь выразила очень распространенную въ концѣ XVIII вѣка мысль, когда, говоря о таинственной судьбѣ Италіи, добавляла:

---

[1]) Сборникъ, т. V, стр III, письмо Лагарпу отъ 30 апрѣля 1819 г.

[2]) Русскій Архивъ, 1887, т. II, стр. 28,—письмо в. к. Павла къ Московскому архіепископу Платону изъ Флоренціи отъ 14—25 марта 1782 г.

[3]) Сборникъ, т. IX, стр. 134.

«Итальянцы болѣе замѣчательны тѣмъ, чѣмъ они были и чѣмъ они могли быть, а не тѣмъ, каковы они теперь.» [1])

Только въ Тосканѣ графъ и графиня Сѣверные опять замѣтили слѣды труда и человѣческаго благополучія. Отеческое управленіе нѣмецкихъ властителей явилось здѣсь продолженіемъ пышнаго управленія итальянскихъ принцевъ. Въ концѣ XVIII вѣка Флоренція была небольшимъ оазисомъ въ Италіи: ее называли gli felicissimi Stati. Здѣсь жили по прежнему, устраивали празднества, болтали; суровая рука деспота не уничтожила тутъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, духа общественности. Леопольдъ Тосканскій, покровитель искусствъ, другъ просвѣщенія и гуманности, управлялъ съ большимъ умомъ и тактомъ, чѣмъ его братъ, неугомонный Іосифъ II. Онъ съ изысканной любезностью водилъ своихъ гостей среди образцовыхъ произведеній флорентійскаго искусства. Его сынъ Францискъ долженъ былъ, какъ помнитъ читатель, вступить въ бракъ съ сестрой Маріи Θеодоровны. Будущему мужу Елизаветы Гюртембергской было въ 1782 г. всего лишь четырнадцать лѣтъ, его отецъ не считалъ умѣстнымъ предупредить его о томъ, что онъ помолвленъ. Великая княгиня наблюдала за нимъ съ благосклоннымъ вниманіемъ. «Онъ — дитя, говорила она, только по внѣшности, но его образъ мысли и способъ выражаться выше его возраста. Его манеры очень изящны. Повидимому не надо много усилій для того, чтобы полюбить его.» [2]) Этотъ симпатичный принцъ, выросшій при флорентійскомъ дворѣ, былъ призванъ къ власти преждевременной смертью своего отца въ 1792 г., въ томъ возрастѣ, когда еще былъ мало знакомъ съ дѣлами, когда еще не знаютъ самого себя:

---

[1]) M-me Stael, Corinne, кн. I, гл. V; Albert Sorel, L'Europe et la révolution francaise т. I, стр. 384.

[2]) Шумигорскій, Императрица Марія Θеодоровна стр. 207.

сколько понадобилось ему душевныхъ силъ въ будущемъ, чтобы перенести униженіе при Аустерлицѣ и Ваграмѣ!

Леопольдъ Тосканскій близко изучилъ своихъ гостей и во время пребыванія ихъ въ столицѣ оказывалъ имъ большія почести. Ему удалось достигнуть того, что великій князь поговорилъ съ нимъ съ несвойственной его недовѣрчивой и скрытной натурѣ откровенностью. Когда онъ познакомился съ Павломъ Петровичемъ, онъ подѣлился своими наблюденіями съ братомъ Іосифомъ. Чтобы знать, какое впечатлѣніе производилъ сынъ Екатерины на иностранные дворы всего лучше справиться объ этомъ у Леопольда, обладавшаго тонкимъ и проницательнымъ умомъ. «Графъ Сѣверный кромѣ большого ума, таланта и сообразительности обладаетъ способностью улавливать сущность понятій и вещей и быстро схватывать всякія идеи и обстоятельства. Изъ всѣхъ его рѣчей видно, что онъ стремится къ добру. Я полагаю, что съ нимъ надо дѣйствовать открыто, чистосердечно, искренно и прямо, чтобы не сдѣлать его недовѣрчивымъ и подозрительнымъ. Я думаю, что онъ будетъ очень дѣятельнымъ, но особенно онъ отличается живостью мышленія. Я считаю его очень стойкимъ, смѣлымъ и твердымъ, какъ скоро онъ принялъ извѣстное рѣшеніе, и несомнѣнно онъ не таковъ, чтобы дать управлять собой. Вообще онъ, повидимому, не особенно любитъ иностранцевъ и будетъ даже скорѣе суровымъ, поддерживать порядокъ, полную субординацію, точность и аккуратность.» [1])

Послѣ разнообразныхъ празднествъ и удовольствій въ честь великаго князя, прусскія симпатіи котораго не переставали безпокоить Леопольда Тосканскаго, послѣдній поѣхалъ проводить его до Ливорно. Графъ и графиня Сѣверные нашли тамъ отголоски далекой родины: въ То-

---

[1]) D'Arneth, Joseph II, т. I, стр. 165.

сканскихъ водахъ стояла въ то время русская эскадра подъ командой Сухотина, съ цѣлью держать подъ угрозой архипелагъ и въ то же время наблюдать знаменитую осаду Гибралтара испанскими и французскими войсками. [1]) Едва только Россія завладѣла Черноморскимъ побережьемъ, какъ уже обнаружила притязаніе на полученіе роли на Средиземномъ морѣ. Путешественники провели Пасху въ Ливорно. Вслѣдъ затѣмъ они направились въ Парму, Миланъ и Туринъ. Ихъ особенно интересовалъ визитъ къ королю Сардиніи: дѣйствительно Савойскій домъ, занятый увеличеніемъ своихъ владѣній, удивлялъ своимъ аппетитомъ Европу; въ то время онъ объѣдалъ лишь первые листки «австрійскаго артишока». Викторъ-Амедей III женилъ своего сына на сестрѣ Людовика XVI, граціозной и кроткой Маріи-Клотильдѣ. „Піемонтская принцесса, заявила г-жа Оберкирхъ, ангелъ благочестія и добродѣтели и, несомнѣнно, католики имѣютъ въ своемъ календарѣ много святыхъ, не стоящихъ ея.“ [2]) Она обворожила русскую великую княгиню и сдѣлалась ея пріятельницей. Она заставила ее сожалѣть объ Италіи и уже заранѣе полюбить Францію.

„Чертовскій духъ“ обитателей Женевы помѣшалъ графу и графинѣ Сѣвернымъ проѣхать черезъ старый городъ Кальвина. Смуты были тамъ хроническимъ явленіемъ; старинныя фамиліи старались удержать власть въ своихъ рукахъ, а народъ то и дѣло заявлялъ о правахъ и преимуществахъ пріобрѣтенныхъ имъ при паденіи савойскаго правительства. Время отъ времени республика переживала острый кризисъ. «Городъ Женева, писала Екатерина, хорошо будетъ управляемъ, такъ какъ ноги взяли верхъ надъ головами! Люди эти ужъ нѣсколько лѣтъ дѣлаютъ

---

[1]) Rambaud, указ. ст.

[2]) M-me d'Oberkirch, Memoires т. I, стр. 315.

все возможное въ мірѣ, чтобы погубить себя. Руссо, говорятъ, подлилъ масла въ огонь.» [1])

«Contrat social» былъ дѣйствительно программой, а «Lettres de la Montagne» боевымъ лозунгомъ революціонеровъ. Императрица обвиняла даже Вольтера, котораго она такъ любила и которому курила ѳиміамъ! Убѣгая отъ зрѣлища человѣческихъ раздоровъ, цесаревичъ поднялся въ область высокихъ и спокойныхъ горъ, которыя ничто не смущаетъ. Не безъ нѣкотораго трепета взиралъ этотъ сынъ степей на чудовищныя Альпы, ихъ гигантскія скалистыя вершины, ихъ изломанные хребты, ихъ огромныя ущелья съ отвѣсными скалами, на ихъ неожиданныя пропасти. Стоялъ мартъ мѣсяцъ, остатки снѣга лежали по всѣмъ впадинамъ, еще не чувствуя первыхъ солнечныхъ ласкъ. Въ Россіи зима подходила къ концу. Екатерина писала своимъ дѣтямъ о томъ, какъ пріятно чувствовать себя охваченной теплымъ дыханіемъ весны. Новое и милое выраженіе подвернулось ей подъ перо: „здѣсь мы чувствуемъ апрѣль“. [2])

III.

Сынъ Екатерины прибылъ во Францію въ трагическій моментъ ея исторіи. Каждый шагъ по пути необходимыхъ реформъ задерживался могущественными интересами привилегированныхъ сословій. Власть ослабѣла. Парламенты были въ состояніи возмущенія, правительство въ состояніи полнаго упадка. Своимъ паденіемъ Неккеръ искупилъ попытку опубликовать отчетъ о государственныхъ приходахъ и расходахъ и внести въ нихъ порядокъ

---

[1]) Сборникъ, т. IX, стр. 148; архивы Воронцова т. XXIX, стр. 230, письмо де La Fermiere'a.

[2]) Сборникъ, т. IX, стр. 137.

и гласность. Людовикъ XVI перебралъ всѣхъ людей и исчерпалъ всѣ средства. Франція находилась на порогѣ революціи. Но надо удивляться тому, что русскій великій князь, повидимому, не предчувствовалъ событій, ареной которыхъ предстояло сдѣлаться Франціи. Онъ посѣщалъ здѣсь лишь лицъ своего круга, а извѣстно, что въ салонахъ не допускались непріятныя истины и мрачныя предположенія. Павелъ видѣлъ роскошь Версаля, мельканіе ливрей, формъ и нарядовъ, пріятно оживленное общество, располагавшееся такъ, чтобъ ласкать взоры на подобіе оперной сцены; онъ видѣлъ мужчинъ, представлявшихъ образецъ свѣтской элегантности, женщинъ -изящныя миніатюры. Онъ не задавалъ себѣ вопроса, было ли это общество такъ-же солидно, какъ и блестяще.

Великій князь встрѣтилъ во Франціи радушный пріемъ. Въ Парижѣ и Версалѣ сразу создалось мнѣніе благосклонное къ Россіи, русскимъ, особенно къ Екатеринѣ. Мода требовала восхищенія всѣмъ, что исходило изъ имперіи царей. Театръ снабжался сюжетами изъ русской исторіи. Наивный энтузіазмъ толпы соперничалъ въ изобрѣтательности съ лирикой поэтовъ. Одинъ портной, по имени Фаго, составилъ себѣ состояніе на дѣтскомъ платьѣ, моделью котораго снабдила его императрица: это была свободная блуза, которую она, забавляясь, собственноручно выкроила для своего внука Александра. Нельзя было сдѣлать ни одного шага на улицѣ, не прочитавъ на вывѣскѣ лавки: A l'Imperatrice de Russie, A l'Empire russe, A la dame russe. Какая-то остроумная портниха написала на вывѣскѣ: «Au Russe galant». Екатерина высмѣивала это временное увлеченіе: „Французы увлечены мною, какъ перомъ для прически, но это не продолжится болѣе всякой другой моды.“ [1]) Если имя Екатерины было на устахъ у всѣхъ, то объясняется

---

[1]) См. Валишевскій, Романъ императрицы стр. 388—389.

это тѣмъ, что она сумѣла заставить служить себѣ великихъ проповѣдниковъ славы, властителей общественныхъ думъ, Вольтера, Дидро и многихъ другихъ. Но большей частью своей популярности она обязана была своему вмѣшательству во время американской войны. Въ 1780 году Екатерина, возмущенная жестокостями, совершенными англійскимъ флотомъ, провозгласила вооруженный нейтралитетъ и оказала Франціи моральную поддержку противъ Англіи. Ей были за это благодарны.

Радостные клики, которыми привѣтствовали въѣздъ во Францію великаго князя Павла, не особенно, повидимому, тронули императрицу. «Императрица не любитъ ни Франціи, ни своего сына», писалъ изъ Петербурга маркизъ де Веракъ. [1]) Въ письмахъ, которыя Павелъ получалъ отъ своей матери, не разъ проскальзывали презрѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ зависть къ Франціи. Она съ тайнымъ удовольствіемъ констатировала плохое тамъ состояніе путей сообщенія. „Превосходство путей сообщенія Франціи—вотъ предразсудокъ, отъ котораго надо будетъ отречься!“ Она указывала на плохое достоинство театральныхъ піесъ, предлагавшихся публикѣ: „Какимъ это однако образомъ весь Парижъ, до безумія любящій театральныя представленія, не имѣетъ лучше сыгранныхъ піесъ, чѣмъ наши?“ Для умаленія настоящаго она выражала большее преклоненіе передъ прошлымъ. «Кажется мнѣ, что въ Фонтенебло я бы только и думала, что о Генрихѣ IV». Дворъ не прельщалъ ее. Снисходительная къ Людовику XVI, она строго осуждала Марію Антуанетту. «Если королева Франціи лицомъ похожа на императора, то, кажется, нѣтъ такого же сходства въ ихъ бесѣдѣ, судя по тому, что вы мнѣ о нихъ разсказываете.» Она осмѣивала легкомысліе сестры Іосифа II. «Да благословитъ Господь христіаннѣйшую ко-

---

[1]) Affaires étrang. CIX, fol. 185.

ролеву, ея уборы, балы, спектакли, ея румяны и хорошо или дурно прилаженныя украшенія! Я рада, что все это наводитъ на васъ скуку и усиливаетъ въ васъ желаніе возвратиться.» [1]) Одинъ дипломатъ тонко подмѣтилъ, что причиной антипатіи Екатерины къ Франціи была отчасти женская ревность. [2])

Первыя впечатлѣнія Ихъ Императорскихъ Высочествъ отъ Франціи врядъ ли могли быть благопріятными. Провинція была безжизненна, дороги заброшены, поля обнажены, земледѣліе—въ упадкѣ или въ бѣдственномъ положеніи. Одинъ русскій поэтъ, посѣтившій Францію въ 1778 г., фонъ-Визинъ, замѣтилъ, что крестьяне были по уши въ грязи. [3]) Разумѣется, они мало походили на добрыхъ поселянъ, тихихъ, скромныхъ признательныхъ, простота сердца которыхъ, по книгамъ Руссо, приводила въ умиленіе Марію Ѳеодоровну. Небольшіе города казались вымершими. Наши путешественники спали въ отвратительныхъ трактирахъ большихъ мѣстечекъ, о которыхъ англичанинъ Юнгъ говорилъ, что они могли бы быть „мѣстомъ чистки для его свиней“ „Они нисколько не требовательны, сообщалъ Верженню графъ де Брюсъ,—и довольствуются тѣми помѣщеніями въ гостинницахъ, какія есть“. [4])

Цивилизацію и достатокъ можно было встрѣтить лишь въ крупныхъ центрахъ. Для пріема русскихъ князя и княгини Ліонъ расцвѣтился флагами, и былъ иллюминованъ. Купеческій старшина (le prevôt des marchands) привѣтствовалъ ихъ съ почтеніемъ и сердечно, проводилъ

---

[1]) Сборникъ, т. IX. стр. 155—156; Rambaud указ. ст.

[2]) Sabatier de Cabres въ своемъ докладѣ 1772 г.

[3]) См. Lous Leger, Russes et Slaves, 3-e serie.

[4]) Affair. étrang., т. XCIII, fol. 205; графъ де Брюсъ, 6 апрѣля 1782.

черезъ восторженную толпу и устроилъ въ честь ихъ празднества въ городской ратушѣ. [1]) Въ Ліонѣ, какъ и во многихъ другихъ городахъ, Павелъ просилъ разрѣшенія посѣтить госпитали. Его побуждало къ тому не только любопытство, но и состраданіе. До XVIII вѣка русскіе бояре любили зрѣлище человѣческихъ страданій, принимая въ свою дворню карликовъ, калѣкъ и кликушъ. И въ настоящее время еще страданіе представляетъ для русскихъ, особенно для простого народа, таинственную привлекательность. Французскіе госпитали были всѣ переполнены больными, плохо провѣтривались, плохо содержались, и Екатерина II имѣла основаніе считать ихъ „настоящими помойными ямами". [2])

Княжеская чета посѣтила оружейный заводъ въ С-Этьенѣ, гдѣ приготовлено было 80,000 ружей для вооруженія французскихъ войскъ: „Я твердо надѣюсь, — говорила Марія Ѳеодоровна,—что доблестные и любезные французы не направятъ ихъ на нашихъ дорогихъ русскихъ; лучше быть друзьями" [3]) Она не предполагала, что русскіе и французы въ продолженіе пятнадцати лѣтъ будутъ стоять лицомъ къ лицу на всѣхъ поляхъ битвы Европы, ни того, что она будетъ пользоваться своимъ вліяніемъ супруги и матери больше для того, чтобы раздуть пламя, чѣмъ потушить его. 18 мая графъ и графиня Сѣверные, встрѣтившись въ Фонтенебло съ милой и умной Оберкирхъ, пріѣхали въ Парижъ и остановились въ отелѣ русскаго посланника, князя Барятинскаго. Слухъ о ихъ пріѣздѣ распространился по Парижу съ быстротой молніи. Толпа зѣвакъ осадила ихъ домъ. „Желаніе видѣть ихъ было чрезвычайно и настойчиво, писалъ Лафермьеръ своимъ

---

[1]) Le Mercure de France, juin 1782, стр. 32.

[2]) Сборникъ, т. IX, стр. 160.

[3]) M-me d'Oberkirch Mèmoires, I, стр. 3`3.

рускимъ друзьямъ. [1]) Павлу было тогда двадцать восемь лѣтъ. Многіе были очень удивлены, „что у него не такой ростъ, какъ у Атланта или у Геркулеса, у него, который долженъ былъ править такимъ обширнымъ государствомъ“ Онъ былъ малъ, некрасивъ: его обликъ нисколько не походилъ на тотъ, который сочли бы нужнымъ ему приписать поэты и романисты“. [2]) Зато не могли нахвалиться живостью его взгляда, веселостью улыбки, тонкостью его лица и какъ будто не замѣчали его дѣланныхъ манеръ и нескладной рѣчи: „Онъ говоритъ мало, замѣчалъ „Mercure de France“, но всегда очень кстати; безъ смущенія, повидимому, не подыскивая тѣхъ изысканныхъ выраженій, которыя употребляетъ“.[3]) Высокіе путешественники должны были имѣть торжественный пріемъ въ Версалѣ у короля и королевы лишь 20 мая. Но уже 19-го графъ Сѣверный, спѣша посмотрѣть на резиденцію короля, прослѣдовалъ въ простомъ штатскомъ платьѣ за вереницей экипажей, которые какъ потокъ безпрерывно направлялись изъ Парижа въ Версаль, и никѣмъ не узнанный прогуливался вокругъ огромнаго и грандіознаго дворца, куда сходились всѣ нити жизни народа. Онъ присутствовалъ при прохожденіи кавалеровъ Св. Духа и вернулся восхищенный. [4])

Въ назначенный день великій князь былъ представленъ княземъ Барятинскимъ Людвику XVI въ то время, какъ графиня де Вержень сопровождала великую княгиню къ королевѣ. Будущая царица возбуждала такое живое любопытство, что младшая дочь г-жи де Полиньякъ выпросила у королевы позволеніе пробраться за ея кресло, чтобы

---

[1]) Архивы Воронцова, т. XXIX, стр. 232.

[2]) Grimm, Correspondance littéraire, т. XIII, стр. 145.

[3]) Le Mecure de France, juin 1782, стр. 176.

[4]) Pierre de Nolhac. La Reine Marie Antoinette.

только видѣть ее. На Маріи Θеодоровны былъ прелестный туалетъ, длинное парчевое платье, вышитое жемчугомъ, на кринолинѣ въ шесть локтей. [1]) Королева, обыкновенно любезная, почувствовала на этотъ разъ себя смущенной передъ царскими гостями; она принуждена была удалиться къ себѣ, какъ бы охваченная слабостью, и сказала г-жѣ Кампанъ, прося у нея стаканъ воды, что она сейчасъ почувствовала, „что играть роль королевы гораздо труднѣе въ присутствіи государей или принцевъ, призванныхъ быть таковыми, чѣмъ съ придворными“.[2]) Она скоро впрочемъ оправилась отъ своего первоначальнаго смущенія.

Принцъ де Пуа провелъ ихъ Высочества въ аппартаменты, приготовленные для нихъ въ нижнемъ этажѣ Оранжереи. Марія Антуанетта сама наблюдала за мельчайшими подробностями по устройству помѣщенія и строго придерживалась указаній своего брата Іосифа II. Въ комнатѣ великой княгини находился клавесинъ и гирлянды цвѣтовъ; у великаго князя—планы Версаля, планы Марли и множество гравюръ. „Я не видалъ другого такого почетнаго пріема, писалъ Мерси-Аржанто императору,—и вся обстановка этого пріема до такой степени носитъ печать личной воли королевы, что нельзя въ томъ ошибиться; моей цѣлью было увѣрить русскихъ князя и княгиню въ томъ, что всѣмъ вниманіемъ, которымъ они

---

[1]) D'Oberkirch, Mémoires, т. I, стр. 195.

[2]) M-me Campan, Memoires, стр. 180. о пребываніи графа Сѣвернаго при дворѣ Людвика XVI, см Larivier (Revue bleue, 3 окт, 1896); de Nolhac (Echo de Versailles, 23 октября 1893) и т. д.—Графъ Флёри опубликовалъ (въ Revue de Versailles et dé Seinet Oise, февраль 1902) документъ изъ національныхъ архивовъ, „журналъ того, что происходило въ Версалѣ съ момента пріѣзда графа и графини Сѣверныхъ вплоть до момента ихъ отъѣзда“.

здѣсь при дворѣ пользуются, они обязаны императору". [1]) Марія Ѳеодоровна немного отдохнула въ своихъ аппартаментахъ: у нея болѣла голова „отъ всего этого блеска, шума, отъ фразъ, которыя надо было говорить и выслушивать." [2]) Обѣдъ былъ сервированъ въ большомъ кабинетѣ Людвика XVI; король и его гости, немного натянутые во время утренняго свиданія, чувствовали себя теперь болѣе свободными. Вечеромъ состоялся прекрасный концертъ въ Салонѣ Мира. „Замокъ былъ иллюминованъ, какъ въ дни большихъ собраній. Тысячи люстръ спускались съ потолка, канделябры въ сорокъ свѣчей возвышались на всѣхъ консоляхъ. Трудно представить себѣ весь этотъ блескъ и роскошь. Туалеты были восхитительны". [3])

Въ послѣдующіе дни празднества слѣдовали почти безъ перерыва: ужины въ интимномъ кругу и великолѣпныя пиршества, концерты, экскурсіи въ Тріанонъ, Севръ, въ Марли; ничего не было опущено, чтобы разнообразить удовольствія, чтобы обновить обычную программу королевскихъ пріемомъ. Дамы сберегали для бала въ Тріанонѣ свои самые блестящіе туалеты—чудеса искусства, созданныя M-lle Бертенъ. М-мъ Оберкирхъ попробовала очень модную, но довольно стѣснительную вещь: „небольшія плоскія бутылочки, согнутыя по формѣ головы, содержавшія немного воды для смачиванія ею стебельковъ натуральныхъ цвѣтовъ и сохраненія ихъ свѣжими въ прическѣ". Ея царственная подруга имѣла тоже довольно оригинальную прическу, въ которой маленькая птичка изъ драгоцѣнныхъ камней качалась на пружинкѣ, взмахивая крыльями надъ розой. [4])

---

[1]) D'Arneth et Flammermont, Correspondance secrète de Mercy-Argenteau, т. I, стр. 107 и 110.

[2]) D'Oberkirch, Mémoires т. I, стр. 202,

[3]) Id. ibid.. т. I, стр. 200.

[4]) Id. ibid., т. I, стр. 272.—См. Pierre de Nolhac, la reine Marie-Antoinette, стр. 125 и слѣд.

Интимныя собранія имѣли особую прелесть. Не разъ Марія Антуанетта съ гостями оставались для бесѣды въ салонахъ изъ зелени, которые представляли изъ себя цвѣтники и паркъ въ Версалѣ; здѣсь незамѣтно ослабленный этикетъ уступалъ мѣсто непринужденному веселью. Подкупленные улыбками молодой королевы графъ и графиня Сѣверные открыли свои сердца. Павелъ съ горечью говорилъ „о стѣсненіи, непріятностяхъ и даже гнусностяхъ, которыя ему пришлось испытывать въ С.-Петербургѣ“ Онъ сѣтовалъ на непріязненый надзоръ за нимъ, на дерзости фаворитовъ, преслѣдовавшихъ и безпокоившихъ его „во всемъ, что доставляло ему удовлетвореніе, отдыхъ или касалось преданныхъ ему приближенныхъ“. Когда королева спросила его, правда ли, что онъ не можетъ разсчитывать на вѣрность ни одного изъ сопровождавшихъ его лицъ, онъ отвѣтилъ: „Мнѣ было бы жаль имѣть при себѣ даже преданную мнѣ собаку, такъ какъ ей не пришлось бы покидать Парижа, мать моя распорядилась бы сбросить ее съ камнемъ на шеѣ въ Сену“ Такія рѣчи и вспышки могли показаться странными и немного плебейскими; въ аллеяхъ Версаля, гдѣ для придворныхъ было закономъ говорить въ полголоса, быть сдержаннымъ, умѣрять себя, сокращая свои жесты и смягчая выраженія. Великій князь, считая себя въ правѣ ждать откровенности за откровенность, просилъ королеву сказать ему, какъ вела она себя при жизни Людовика XV по отношенію къ графинѣ Дюбарри. Ея Величество съ готовностью объяснила ему, что основаніемъ ея поведенія въ такихъ обстоятельствахъ было избѣгать всего, что могло непосредственно затронуть покойнаго монарха и не оказывать въ то же время никакихъ знаковъ одобренія по отношенію къ фавориткѣ. [1]) Между Маріей Антуанеттой

---

[1]) D'Arneth et Flammermont, Correspondancè secréte de Mercy—Argenteau т. I. стр. 110—111. Срав. Mémoires de m-me Campan.

и русской княжеской четой завязалась истинная дружба. Великая княгиня посылала дофину, бывшему еще въ пеленкахъ, взгляды и улыбки, которые проникали прямо въ сердце королевы. Екатерина спрашивала у своей снохи: „Есть-ли сходство между воспитаніемъ дофина и воспитаніемъ нашихъ мальчугановъ, Александра и Константина". [1])

Братья короля, принцы крови, почитали за честь съ изысканной любезностью принимать высокихъ гостей. Графъ д'Артуа устроилъ для нихъ концертъ, принцъ де Конде—охоту съ факелами въ окрестностяхъ Шантильи. Въ Шантильи „молодая и милая герцогиня де Бурбонъ, въ соблазнительномъ одѣяніи наяды провезла графа Сѣвернаго въ золоченой гондолѣ по большому каналу до острова любви". Принцъ де Конти служилъ лоцманомъ великой княгинѣ; остальные кавалеры и дамы, „каждый въ аллегорическомъ костюмѣ," представляли экипажъ и на зеркальной водѣ канала веселый красивый картежъ казался феріей Тасса. Торговки Парижскаго базара отправились въ Шантильи въ надеждѣ обратиться къ Его Московскому Высочеству съ нѣсколькими куплетами ихъ сочиненія, „но бѣдняжки напрасно трудились". [2])

Вечеромъ «огни засверкали среди листвы». Можно было видѣть стаи оленей, безумно испуганныхъ факелами и преслѣдуемыхъ сворами лающихъ собакъ. [3])

Воспоминанія о Шантильи глубоко запечатлѣлись въ сердцѣ Павла: ему представился случай отблагодарить гостепріимствомъ принца Конде, когда тотъ, изгнанный революціей, искалъ убѣжища въ Россіи. Графъ Сѣверный

---

[1]) Сборникъ, т. IX, стр. 156.

[2]) Correspondance par Metra т. XIII, стр. 97; Taine, l'Ancien Regime т. I, стр. 238.

[3]) M-me d' Oberkirch, Memoires, т. I, стр. 283.

сдѣлалъ визитъ герцогу Шартрскому, безпокойному и честолюбивому Филиппу, который полагалъ, что немного оппозиціи при дворѣ представляется необходимымъ для величія орлеанской вѣтви, и который впослѣдствіи настолько увлекся революціоннымъ движеніемъ, что подалъ голосъ за смерть королю. Павелъ пожелалъ видѣть герцогиню. «Она была еще въ постели и приняла князя у изголовья своей кровати. Все произошло такимъ образомъ по дружески, безъ этикета». [1])

Цесаревичъ узналъ, что герцогъ Шартрскій почти открыто покровительствовалъ пасквилямъ и куплетамъ, которые распространяли злоумышленники про Марію Антуанетту: „французскій король, сказалъ онъ, терпѣливъ. Если бы моя мать имѣла такого двоюроднаго брата, онъ не остался бы долго въ Россіи". [2]) Въ Версалѣ, какъ и въ Петербургѣ, темныя дѣла совершались и на ступеняхъ трона. Парижъ привлекалъ къ себѣ путешественниковъ не менѣе Версаля. Они не чувствовали себя тамъ вполнѣ чужими. Какъ извѣстно Лагарпъ регулярно посылалъ имъ изъ Парижа сообщенія о мельчайшихъ новостяхъ литературной жизни, о разногласіяхъ академиковъ, о новыхъ трагедіяхъ и комедіяхъ, о модныхъ авторахъ, о салонныхъ остротахъ, эпиграммахъ и выраженіяхъ, пользовавшихся успѣхомъ. Лагарпъ не покидалъ высокихъ сферъ, гдѣ онъ взвѣшивалъ на своихъ вѣсахъ, подобно древнему Миносу, судьбы писателей; онъ не любилъ говорить о народной жизни, такъ что изъ писемъ его можно было узнать лишь то, что всплывало на верхъ въ Парижѣ. Тоже самое можно сказать о корреспонденціи, неизданной еще и до сихъ поръ, которую получалъ великій князь Павелъ отъ посредственнаго поэта Блэнъ де Сенмора, слабаго

---

[1]) Correspondance, par Metra, т. XIII, стр. 64.

[2]) M-me d'Oberkirch, Memoires, t. I, стр 254.

подражателя Дора, прославившагося больше своими кулачными боями съ Лагарпомъ, чѣмъ своими стихами. [1]) Павлу были представлены большинство изъ тѣхъ модныхъ писателей, о которыхъ упоминалось въ сообщеніяхъ Лагарпа. Ему удалось сказать нѣсколько счастливыхъ выраженій, сдѣлать нѣсколько острыхъ замѣчаній. Лагарпъ слѣдовалъ за нимъ по пятамъ, рискуя быть назойливымъ. Гриммъ ликовалъ. «Я бы хотѣлъ очень знать,—писалъ онъ императрицѣ,—почему помазанница сдѣлалась въ сотню, въ тысячу разъ дороже людямъ Гримма съ тѣхъ поръ, какъ они разсмотрѣли ея сына unigenitus; я зналъ ихъ термометръ съ температурой Сенегала; какъ же могъ онъ подняться еще?» [2])

Д'Аламберъ выражалъ свою радость въ болѣе достойной формѣ. [3]) Присутствіе въ Парижѣ графа и графини Сѣверныхъ показалось Бомарше прекраснымъ поводомъ для того, чтобы попытаться нанести сильный ударъ королю. Ихъ Высочества были приглашены прослушать чтеніе «Свадьбы Фигаро», которая служила въ 1772 г. во всемъ Парижѣ поводомъ для разговоровъ. Это чтеніе имѣло большой успѣхъ. „Насколько, говорила м-мъ Оберкирхъ, не понравился мнѣ видъ невзрачнаго Лагарпа, настолько плѣнило меня прекрасное, открытое и умное, быть можетъ, немного дерзкое лицо Бомарше. Меня порицали за это. Говорили, что это бездѣльникъ". [4]) Бомарше ловко воспользовался расположеніемъ сына Екатерины, сдѣ-

---

[1]) Эта корреспонденція сохранилась въ архивахъ Павловска; она составила бы болѣе 20 томовъ in quarto.

[2]) Сборникъ, XLIV стр. 214.

[3]) Ср. его письмо Фридриху II; Фридрихъ Великі сочиненія, т. XXV, стр. 230.

[4]) D' Oberkirch, Memoires, т. I, стр. 223.

лавъ попытку испросить у государственнаго канцлера разрѣшеніе на представленіе комедіи. [1])

Французскій театръ, (только что основанный въ новомъ помѣщеніи около Люксембурга, на мѣстѣ прежняго отеля Конде,) устроилъ въ честь гостей Людовика XVI представленіе *Галантнаго Меркурія* и *Охоты Генриха* IV Опера давала *Кастора и Палукса* Рамо, пантомиму *Нинетъ при дворѣ*, въ которой выступала знаменитая танцовщица Гейнель. Послѣ обѣда посѣщали Гобеленовскую фабрику на ул. Инвалидовъ, Люксембургскій дворецъ въ Королевскомъ Саду Всюду побывали, все осмотрѣли. Великую княгиню особенно поразилъ соборъ Богоматери. «Эта таинственность, этотъ полумракъ цвѣтныхъ стеколъ, эта архитектура эпохи, когда религія имѣла такое могущество, внушаютъ сосредоточенность и любовь. Является надежда быть выслушанной, увѣренность быть услышанной, начинаешь любить и надѣяться». [2])

Посѣтили парламентъ. „Члены парламента вышли навстрѣчу Ихъ Императорскимъ Высочествамъ и дѣлали реверансы на манеръ дамъ». Ѣздили привѣтствовать Неккера въ его популярномъ убѣжищѣ въ Сентъ-Уэнѣ. Прежній генеральный контролеръ, котораго Екатерина подумывала пригласить въ Россію, чтобы довѣрить ему финансы, не особенно понравился посѣтителямъ. М-мъ Оберкирхъ называла его „Жеманнымъ Каліостро съ видомъ упрямымъ и непріятнымъ“. Не лучше отзывалась она и о г-жѣ Неккеръ: „это учительница и больше ничего“.[3])

Графъ и графиня Сѣверные не гнушались салоновъ,

---

[1]) Louis de Loméni Beaumarchais et son temps. О пребываніи княжеской четы въ Парижѣ можно справиться въ Memoires de Bachaumont, Anecdotes russes de Coudrey (Paris 1782) Souvenirs de Didonne Thièbaut, la Correspondance litteraire de Grimme etc.

[2]) D'Oberkirch, Memoires, т. I, стр. 217.

[3]) Id. Ibid, т. I, стр. 263--265.

гдѣ собиралось нѣсколько смѣшанное общество и разговоры велись часто легкомысленные; они позволили себѣ побывать у Божона, придворнаго банкира, крупнаго милліонера XVIII-го столѣтія, и если вѣрить м-мъ Оберкирхъ, этотъ визитъ оставилъ у нихъ веселыя воспоминанія. Жизнь этого капиталиста была одна изъ самыхъ странныхъ. Вслѣдствіе болѣзни ему было запрещено ѣсть что-либо, кромѣ жидкой молочной каши безъ сахара. Онъ задавалъ обѣды, достойные Лукулла; смотрѣлъ, какъ ѣли его гости, обонялъ запахъ кушаній и ни до чего не дотрагивался. Его окружали самыя красивыя женщины Парижа, какъ Гимаръ, Гейнель, Розалія Дюте, куртизанка принцевъ крови; онѣ держали себя съ нимъ фамильярно, тормошили его, и постоянно подразнивали. Большее ему было запрещено, такъ какъ всякое волненіе было для него гибельно. Вечеромъ его домъ наполнялся веселымъ обществомъ; ужинъ бывалъ блестящій. Въ то время какъ еще «слова и пробки продолжали хлопать», хозяинъ дома уходилъ, чтобы лечь въ постель, гдѣ боли не давали ему заснуть. Дамы смѣняли другъ друга около него, убаюкивая его одна послѣ другой своими пѣснями и разговорами. [1])

Великій князь могъ констатировать, что во Франціи нравы отличались такимъ же безпутствомъ, какъ и въ Россіи, но только въ болѣе утонченной формѣ; въ «колыбельныхъ пѣсняхъ» Божона имѣлся привкусъ изящества, о которомъ не имѣли представленія въ Петербургѣ. Отель Ларейньера, великолѣпно отдѣланный первыми художниками того времени, былъ въ Парижѣ «лучшимъ пристанищемъ для знаменитыхъ лицъ». [2])

Тутъ между великимъ княземъ и Клериссо произошло острое столкновеніе, которое, по выраженію Гримма,

---

[1]) M-me d' Oberkirch, Memoires, I, стр. 302.

[2]) Id. ibid, т. I, стр. 303.

надѣлало «шуму и на томъ свѣтѣ». Художникъ и архитекторъ Клериссо уже давно работалъ для Екатерины II: онъ посылалъ ей планы дворцовъ или соборовъ, рисунки, этюды развалинъ, вывезенные изъ Италіи. Императрица не могла насытиться. «Такъ дайте же намъ Клериссо, писала она Гримму, это восхитительное блюдо». Она снарядила фрегатъ, чтобы перевезти изъ Любека въ Петербургъ цѣнные тюки, упакованные и отправленные Гриммомъ. Она осыпала художника крайне лестными похвалами и не сознавая того, развила въ немъ необыкновенное тщеславіе. По пріѣздѣ русской велико-княжеской четы въ Парижъ, Клериссо счелъ долгомъ пойти засвидѣтельствовать почтеніе дѣтямъ его безсмертной покровительницы. Попавъ къ графу Сѣверному въ тотъ моментъ, когда того осадили со всѣхъ сторонъ художники, подносившіе ему свои произведенія, онъ не обратилъ на себя особаго вниманія князя. Это привело его въ страшное раздраженіе и онъ во всеуслышаніе заявилъ, что будетъ жаловаться Екатеринѣ. Великій князь, сожалѣя о томъ, что невольно задѣлъ обидчивость художника, искалъ случая исправить свою вину. Увидя Клериссо въ салонѣ Ларейньера, онъ пошелъ къ нему съ протянутой рукой и любезными словами на устахъ. Ему сухо отвѣтили на его любезность; произошла очень живая сцена, во время которой наиболѣе суровыя слова были произнесены не Павломъ. «Никогда со мной не обходились такъ дурно,— воскликнулъ князь и, поворачиваясь къ присутствующимъ, добавилъ: у меня даже потъ выступилъ!» Великая княгиня старалась уладить дѣло, но вспыльчивый Клериссо не хотѣлъ ничего и слышать. Узнавъ о происшествіи, всегда предубѣжденная противъ сына Екатерина была готова обвинить его въ безтактности. [1])

---

[1]) Сборникъ, т. XLIV, стр. 284 287; Grimme, Gorrespondance litte-

Ихъ Императорскія Высочества сдѣлали съ своей стороны все, чтобы привлечь къ себѣ симпатіи. Побывавъ на смотру гвардейскаго полка, они хотѣли въ знакъ своего удовольствія передать солдатамъ 12000 ливровъ; но маршалъ де Биронъ заявилъ имъ, что полкъ можетъ получать деньги только отъ короля. Марія Θеодоровна стала настаивать и Людовикъ XVI согласился, чтобы она сдѣлала подарокъ и чтобы выпили за ея здоровье. [1]) Князю и княгинѣ представился еще случай проявить свое благородство. Франція потерпѣла неудачу на морѣ. На Антильскихъ островахъ графъ де Грасъ былъ разбитъ англійскимъ флотомъ и потерялъ большую часть своихъ линейныхъ судовъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1782 года въ Парижѣ поднялось большое движеніе, проявившееся впервые послѣ послѣднихъ военныхъ неудачъ семилѣтней войны. Между военными и частными лицами шли въ широкихъ размѣрахъ подписки для пополненія потерь французскаго флота. Въ качествѣ гостя Франціи, Павелъ счелъ нужнымъ принять въ ней участіе. «Несмотря на энтузіазмъ, писала по этому поводу Екатерина, найдется не мало такихъ, что пожалѣютъ и даже будутъ вздыхать по той суммѣ, которую онъ подписалъ».

Великодушный Павелъ проявилъ такое же отношеніе и къ заключеннымъ въ тюрьмахъ Консьержери и Аббатства: ихъ судьба была ужасна, хотя Малесгербъ исправилъ нѣкоторые недостатки, закрылъ наиболѣе вредныя для здоровья камеры и попытался положить предѣлъ вымогательствамъ тюремщиковъ. [2])

---

raire, т. XIII стр. 151.—См. ст. de Larivière Catherine II et son premier architecte, въ Souvenirs et Memoires (мартъ и апрѣль 1901 г.).

[1]) Affair éfrang., т. CVIII, fol. 319.

[2]) M-me d'Oberkirch, Memoires, т. I, стр. 204; Валишевскій. Романъ императрицы, стр. 309.

Въ первыхъ числахъ іюня графъ и графиня Сѣверные выразили желаніе продолжать свое путешествіе. Они попрощались съ королемъ и королевой въ Шуази: послѣднее свиданіе было чрезвычайно дружественно. „Вашъ отъѣздъ, писала великой княгинѣ сестра Маріи Антуанетты, Марія Клотильда, вызвалъ много сожалѣній... я могу Васъ увѣрить, что Вы плѣнили сердца, особенно деньгами, которыя Вы раздавали всѣмъ несчастнымъ.“ [1]) Августѣйшіе туристы достигли Луары, посѣтили нѣкоторые изъ замковъ, составляющихъ вдоль береговъ рѣки какъ-бы почетную стражу. Они проѣхали Менъ, Бретань, Нормандію: какой контрастъ между ограниченнымъ и всегда мѣняющимся горизонтомъ французскихъ провинцій и безграничными и пустынными горизонтами русскихъ равнинъ. Екатерина, всегда любознательная, спрашивала у своихъ дѣтей: „имѣетъ ли бретонское нарѣчіе нѣкоторое сходство съ финскимъ нарѣчіемъ.“ „Въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, такъ какъ въ древности берега моря были посѣщаемы сѣверными народами, которые даже населяли Нормандію и доходили до Парижа.“ [2]) Ихъ Высочества проѣхали Пикардію и направились къ Нидерландамъ. Они путешествовали съ удивительной простотой, не доставляли никому хлопотъ, стѣсненія и безъ желанія поддержать свое достоинство. Однажды они сошли съ экипажа, чтобы подать помощь раненому почталіону. Видѣли, какъ они запросто болтали съ прислугой и бросали золотыя луидоры бѣднымъ крестьянамъ. [3]) Какъ ни привлекательны были картины, которыя при быстромъ путешествіи одна за другой мелькали передъ ихъ глазами, на подобіе декорацій, великій князь часто съ любопытствомъ, къ кото-

---

[1]) Шумигорскій, Императрица Марія Ѳеодоровна, стр. 224.

[2]) Сборникъ, т. IX, стр. 166; Rambaud, ук. соч.

[3]) M-me d'Oberkirch, Mémoires, т. I, passim.

рому примѣшивалось безпокойство, задавалъ себѣ вопросъ, что произошло въ его отсутствіе въ Россіи? Сохранилъ ли Потемкинъ свое вліяніе? Какія политическія или любовныя интриги завязывались вокругъ императрицы? Время отъ времени Павелъ получалъ извѣстія обходными путями; курьеры, которымъ было поручено доставлять ему ихъ, были, повидимому, испытанной вѣрности; но кто могъ ручаться, что ихъ никогда нельзя накрыть или подкупить? По словамъ Леопольда Тосканскаго, Павелъ имѣлъ «постоянныя подозрѣнія по поводу судьбы своихъ писемъ.» [1]) Нѣкій Бибиковъ посылалъ Куракину, компаніону по путешествію великаго князя письма, предназначенныя попасть на глаза цесаревичу. Въ нихъ онъ съ полной откровенностью говорилъ о злободневныхъ новостяхъ, опредѣлялъ злыми, характерными кличками различныхъ лицъ, безъ стѣсненія разоблачалъ поведеніе Потемкина, котораго онъ называлъ не иначе, какъ одноглазымъ. Онъ допускалъ всякія вольныя выраженія, иногда даже и грубыя. Въ то время, когда великій князь путешествовалъ по Франціи, императрица перехватила одно письмо, очень компрометирующее Бибикова. Первой мыслью императрицы было дать письму дойти до князя Куракина черезъ посредство одного изъ надежныхъ курьеровъ, которому было бы предписано молчать объ открытіи секрета. Поддавшись обману, Куракинъ отвѣтилъ бы своему другу и безъ сомнѣнія далъ-бы въ руки оружіе противъ самого себя. [2]) Но Екатерина была слишкомъ разсержена, чтобы отлагать кару Бибикова. Преступникъ былъ немедленно арестованъ, лишенъ правъ и сосланъ въ Астрахань. „Если его не заставили умереть подъ кнутомъ, заявляла Екате-

[1]) D'Arneth, Joseph et Leopold, т. I, стр. 117.

[2]) Секретные архивы Берлина, reposit XI, conv. 112, графъ Гертцъ, 28 мая 1782 г.

терина, то это только потому, что мой тонъ менѣе трагиченъ, чѣмъ моихъ предшественниковъ.“ Свое раздраженіе она высказывала всѣмъ: „Что касается Бибикова, то онъ изобличенный въ неблагодарности и лжи, рѣшился на единственный оставшійся ему исходъ; онъ раскаялся, просилъ прощенія и показалъ душу и разумъ дитяти, которое заслужило наказанія розгами. Все это дѣло могло бы послужить урокомъ нравственности для молодежи. Но какое бы онъ раскаяніе ни показалъ, чего можно ожидать отъ головы, проникнутой бабьими сплетнями, составляющими главнѣйшее и любимѣйшее занятіе его и между которыми обыкновенно первое мѣсто занимаетъ клевета, какъ бы она ни была вредна для блага частнаго и общественнаго все равно, лишь бы занимающіеся этимъ могли собирать и распускать подобнаго рода умственныя испанскія мушки. Мои принципы за волосы вытащили этого молодого человѣка изъ пропасти, куда онъ было бросился, потому что тонъ мой менѣе трагиченъ, чѣмъ тонъ моихъ предшественниковъ. Говорю Вамъ это, потому что моя нѣжность къ Вамъ желаетъ, чтобы Вы извлекли изъ этого пользу для настоящаго и будущаго.» Тонъ письма не былъ успокоителенъ. Павелъ съ горечью думалъ о томъ, что его свободныя скитанія по Европѣ скоро окончатся и онъ будетъ опять во власти своего суроваго отечества. [1])

Онъ охотно задержался бы въ Бельгіи и Голландіи, въ этихъ сѣверныхъ странахъ, гдѣ природа имѣетъ особую красоту, но красоту, которая развертывается медленно. Города тамъ нѣсколько холодны и непривѣтливы; нужно время, чтобы постигнуть ихъ скрытую привлекательность; они интересны больше своей внутренней стороной, чѣмъ внѣшней.

---

[1]) Сборникъ т. IX, стр. 157 157; M-me d'Oberkirch, Mémoires т. I, стр. 371.

Ихъ Высочества проѣхали лишь Брюгге, Гентъ, Брюссель и Антверпенъ. [1]) Они слѣдовали длинными каналами, съ зеленой, застоявшейся водой, которые вели къ Амстердаму. Павелъ встрѣтилъ въ Саардамѣ слѣды пребыванія Петра Великаго, который по словамъ легенды, приписываемой Вольтеру, учился тамъ настилать палубу на судахъ и оснащивать мачты. Петръ I, напоминала императрица своему сыну «очень любилъ голландцевъ, потому что они говорили ему правду прямо въ глаза, а онъ, слушая ихъ, курилъ свою трубку. Во второй половинѣ XVIII вѣка голландцы были очень счастливы въ промышленности и торговлѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильно поколеблены въ своемъ могуществѣ и достоинствѣ.» [2]) Екатерина не имѣла «блестящаго понятія о голландскомъ здравомъ смыслѣ нашего времени.» [3]) Она не сердилась за то, что великій князь видѣлъ у себя этихъ республиканцевъ. Павелъ имѣлъ слишкомъ большую склонность къ деспотизму для того, чтобы очень восхищаться этой республикой соединенныхъ провинцій, гдѣ штатгальтеръ (Stathouder) и штаты начали между собой въ 1782 г. борьбу болѣе острую, чѣмъ когда-либо. Какое чувство отвращенія должно было внушать это собраніе Генеральныхъ Штатовъ, гдѣ, по словамъ Дидро, можно было видѣть «коммерсантовъ, банкировъ, принимавшихъ внушительный и величественный царскій тонъ» тому, кто на другой день послѣ своего восшествія на всероссійскій престолъ говорилъ Дюмурьецу: „Знайте, что въ Россіи ни одинъ человѣкъ не имѣетъ большаго значенія, чѣмъ тотъ, къ которому я обращаю свое слово и пока я съ нимъ говорю?“ Голландія была контробандной биржей, куда являлись тайные агенты дипломатіи и по-

---

[1]) Русскій архивъ, 1876 г., т. II, стр. 45.

[2]) Albert Sorel, L'Europe et la revolution française т. I, стр. 367.

[3]) Сборникъ, т. IX, стр. 172 и 180.

литическіе браконьеры продавать раскрытыя тайны и похищенные документы. Одинъ изъ рыцарей подобнаго промысла, нѣкій Лефебвръ, выдававшій себя за врача и литератора, ловко вкрался въ довѣріе къ великому князю во время его пребыванія въ Амстердамѣ; онъ предложилъ г-ну де Вержень послѣдовать за княземъ въ Россію и заняться тамъ ремесломъ тайнаго агента. [1]) Неизвѣстно, принялъ ли министръ Людовика XVI его услуги.

Прежде чѣмъ достигнуть Кельна и подниматься вверхъ по Рейну, князь и княгиня отправились посѣтить небольшой городъ Спа, куда въ 1717 г. Петръ Великій пріѣзжалъ пить воды. Въ то время, какъ они предавались воспоминаніямъ о Петрѣ Великомъ, Екатерина увѣдомила ихъ, что она открыла созданіе Фальконета, такъ долго отъ него ожидавшееся, и что Петръ Великій подымается подобно цезарю Римскому надъ берегомъ Невы, пуская свою лошадь на скалу и смотря на рѣку. [2]) Путешественники проѣхали черезъ Боннъ и Кобленцъ и остановились во Франкфуртѣ. Множество мелкихъ французскихъ принцевъ съ женами и дочерьми явились привѣтствовать ихъ. Графъ и графиня Сѣверные произносили и выслушивали по двѣ, по три сотни привѣтствій ежедневно. Екатерина смѣясь поздравляла ихъ „съ знаменитыми и пріятными знакомствами“, которыя они пріобрѣли въ старомъ свободномъ городѣ. [3])

Въ Монбельярѣ они могли отдохнуть отъ этикета: Они прибыли туда въ концѣ іюля. Обитатели небольшого Вюртембергскаго двора и гости проливали радостныя слезы и заключали другъ друга въ объятія. Въ Этюпскихъ садахъ были восхитительныя прогулки; памятники

---

[1]) Affaires étrang. письмо Лефебвра отъ 25 августа 1783 г.

[2]) Сборникъ, т. IX, стр. 174.

[3]) Id., т. IX стр. 175.

попадались на каждомъ шагу; небольшіе храмы, скрытые въ зелени, каменная скамья, дерево вызывали воспоминанія, изліянія, чувство умиленія. Въ память объ этихъ прекрасныхъ дняхъ въ серединѣ парка воздвигли жертвенникъ и вырѣзали на немъ очень чувствительные стихи. [1])

У нѣмецкихъ князей часто проявлялась чувствительность сердца и быть растроганнымъ у нихъ не считалось зазорнымъ. Павелъ испыталъ эту сентиментальную чувствительность, которая проникала дворъ Монбельяра. „Вотъ уже недѣля, какъ мы живемъ семейной жизнью, писалъ онъ графу Румянцеву; то, что я испытываю, совершенно ново для меня; это счастье, источникъ котораго—сердце, а не разсудокъ. [2])

На этихъ интимныхъ собраніяхъ принцесса Вюртембергская не разъ говорила о судьбѣ своихъ дѣтей, которая постоянно ее занимала. Ея старшій сынъ, рѣзкій и грубый Фридрихъ оставилъ службу у Фридриха II. Семья все больше и больше отдалялась отъ Фридриха и искала поддержки и покровительства у императора Іосифа; отъ послѣдняго ждали большихъ благъ. Принцесса Вюртембергская съ удовольствіемъ замѣчала, что дочь ея на половину принадлежитъ Австріи; она не понимала, почему ея зять упорствовалъ еще въ своихъ симпатіяхъ къ Пруссіи.

Находившаяся невдалекѣ Швейцарія привлекала нашихъ августѣйшихъ туристовъ экскурсіями по живописнымъ мѣстамъ. То, съ чѣмъ познакомилъ ихъ Жанъ-Жакъ Руссо и что болѣе всего они были способны понять, не было бурной поэзіей высокихъ и величавыхъ

---

[1]) M-me d'Oberkirch, Mémoires, т. I, стр. 404 Duvernoy, Ephémérides du comté de Montbeliard, стр. 312.

[2]) Шумигорскій. Императрица Марія Ѳедоровна, стр. 228; письмо Павла къ Платону отъ 1-е августа 1781 (Русскій архивъ, 1881, т. II, стр. 28).

сферъ, гдѣ природа облекаетъ суровой дикостью бѣлыя отъ снѣга вершины; ихъ привлекала безхитростная поэзія болѣе низменныхъ странъ, гдѣ природа въ граціозной фантазіи развертываетъ зеленѣющія долины и голубовато-лазурныя озера. Высокіе Альпы съ ихъ суровымъ и непривѣтливымъ видомъ нѣсколько пугали путешественниковъ того времени: они предпочитали созерцать ихъ, когда наполненный парами воздухъ и разстояніе окутывали ихъ легкой дымкой. Сосюръ первый увлекся остроконечными горами, ледниками и лучезарными пустынями. Графъ и графиня Сѣверные съ умиленіемъ смотрѣли на смѣющіяся долины Швейцаріи, гдѣ пѣніе птицъ звучало безграничной нѣжностью, гдѣ журчаніе водъ вызывало любовную тоску. Въ 1799 г. этотъ рай земной сдѣлался полемъ брани, на которомъ помѣрялись между собой силами Европа и Революція. Павелъ толкнулъ сюда солдатъ Суворова. Въ эту смутную эпоху, Лагарпъ, членъ Директоріи Швейцарской Ресцублики, писалъ съ грустью Романову: „Графъ Сѣверный былъ когда-то принятъ въ Гельвеціи съ радушіемъ тронувшимъ сердце, и тѣмъ не менѣе русскіе солдаты, безъ всякаго вызова съ нашей стороны, пришли жечь наши дома и опустошать наши поля". [1])

Въ Цюрихѣ великій князь встрѣтился съ человѣкомъ, на котораго вся Германія смотрѣла почти какъ на пророка, знаменитаго Лафатера. Гете въ своей „Wahrheit und Dichtung" оставилъ милый привлекательный портретъ своего друга: „Его кроткій и глубокій взглядъ, его выразительный ротъ, простой швейцарскій діалектъ, который слышался въ его нѣмецкой рѣчи, и многое другое, выдѣлявшее его среди другихъ, давало всѣмъ, кто обращался къ нему,—самое пріятное душевное успокоеніе".[2])

---

[1]) Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи, стр. 185.

[2]) Wahrheit und Dichtung кн. XVI.

Лафатеръ придалъ своей жизни религіозное направленіе. Онъ носилъ въ себѣ живую идею о Христѣ; онъ не понималъ, какъ человѣкъ могъ жить и дышать, не будучи христіаниномъ. Во всякомъ событіи на этомъ свѣтѣ, физическомъ и моральномъ, онъ видѣлъ личное проявленіе Божества. Физіономистъ и въ тоже время богословъ, онъ старался отыскать на человѣческихъ лицахъ отраженіе божественности; по его мнѣнію человѣкъ долженъ былъ сдѣлаться когда-нибудь, физически и духовно, совершеннымъ отображеніемъ Божества. [1]) Павелъ просилъ его изложить во всей полнотѣ его идеи и слушалъ его съ жаднсстю. Стремившійся въ эту эпоху своей жинзи ко всему, что заключало въ себѣ элементы мистицизма, онъ съ наивнымъ волненіемъ замѣчалъ, что доктрины цюрихскаго философа давали очень много его душѣ. Какъ мы позднѣе увидимъ, въ Россіи все возрастало число тѣхъ, кто хотѣлъ уйти отъ нестерпимой сухости раціонализма и охотно поддавался мистическому настроенію, шедшему изъ Германіи.

Покидая Швейцарію, графъ и графиня Сѣверные отправились въ Штутгартъ. Ихъ дядя, герцогъ Вюртембергскій, съ нетерпѣніемъ ждалъ ихъ тамъ и приготовилъ имъ пышный пріемъ. Карлъ-Евгеній представлялъ собою любопытную фигуру нѣмецкаго принца. Онъ имѣлъ нѣкоторыя природныя достоинства, былъ не глупъ и обладалъ благородными и привлекательными манерамы. Не имѣя надежды играть большую роль на широкомъ поприщѣ, онъ расположился съ пріятностью провести свою жизнь на томъ престолѣ, занять который онъ былъ призванъ очень рано. Его бракъ съ дочерью маркграфа Байрет-

---

[1]) Лафатеръ издалъ въ 1775 и 1778 г. свои знаменитые Fragments phisiognomiques pour l'avancement de la connaissance des hommes et de la charité universelle—См. о Лафатерѣ, Bossert Goethe, ses précurseurs et les contemporains.

скаго не былъ счастливъ. Этотъ прекрасный дядюшка не умѣлъ обуздывать свои страсти; въ самый интимный свой кругъ онъ допускалъ актрисъ, итальянокъ или француженокъ, примадоннъ балета или оперы. Онъ тратилъ много денегъ. Въ Людвигсбургѣ онъ хотѣлъ имѣть свой Версаль, а въ Солитюдѣ—свой Тріанонъ. Онъ допускалъ роскошь—держать до шестисотъ лошадей. Вюртембергъ имѣлъ конституцію, но она не функціонировала правильно. Народъ еще сносилъ обложеніе сборами помимо своего согласія, но онъ не хотѣлъ разоряться вслѣдствіе этихъ поборовъ. Карлъ-Евгеній легко выпутался изъ тѣхъ затрудненій, которыя были созданы сословіями герцогства: давъ обѣщаніе уважать политическія вольности, онъ достигъ того, что герцогство взяло на себя часть его долговъ. Послѣ 1772 г. онъ подпалъ подъ вліяніе очень изящной и очень умной графини Гогенхеймъ, на которой впослѣдствіи и женился. Франциска вовсе не была такъ безобразна, [1]) какъ утверждалъ Іосифъ II, она была только некрасива, но отличалась очень возвышеннымъ умомъ; у нея была нѣкоторая склонность къ піетизму и добродѣтельной жизни; она любила герцога, не требуя отъ него большей вѣрности, чѣмъ это допускали его характеръ и вкусы. Карлъ-Евгеній предавался заботамъ и объ общественномъ благѣ. Его очень занимала школа, которую онъ основалъ во владѣніяхъ своего замка и которой было присвоено его имя. Въ виду того, что совершенно военная дисциплина и система обученія отталкивали учениковъ отъ поступленія въ эту школу, герцогъ набиралъ ихъ силой. Юный Шиллеръ былъ въ числѣ этихъ жертвъ; его поэтическая душа жестоко страдала въ этой тюрьмѣ. [2])

---

[1]) D'Arneth, Joseph II, стр. т. I, 111.

[2]) Pfaff, Geschichte des Fürstenhauses und Landes Würtemberg, Stuttgard, 1839; Minor, Schiller, sein Leben und seine Werke, кн I.

Карлъ-Евгеній былъ не такой человѣкъ, который остановился-бы передъ расходами, чтобы устроить великолѣпный пріемъ своему племяннику и племянницѣ, будущему императору и будущей императрицѣ Россіи. Празднества въ Штутгартѣ стоили 350.000 флориновъ. 22 сентября 1782 г. состоялась большая охота въ окрестностяхъ Людвигсбурга, въ ней принимали участіе нѣкоторые нѣмецкіе владѣтельные князя и избранные иностранцы, между прочимъ Дальбергъ. Множество крестьянъ и тысячи лошадей были собраны для того, чтобы обходить дичь со всѣхъ пунктовъ герцогства и сгонять къ ногамъ охотниковъ. Эта неумѣренная бойня сопровождалась ночнымъ празднествомъ въ замкѣ Солитюдъ. Шиллеръ давно искалъ случая ускользнуть изъ когтей Карла-Евгенія, который возставалъ противъ его призванія поэта и угрожалъ заключить его въ тюрьму. Въ то время какъ толпа разсыпалась по городу въ поискахъ за обѣщанными повсюду удовольствіями и въ ожиданіи великолѣпныхъ зрѣлищъ, ночью Шиллеръ приготовился бѣжать, одѣлся подобно Карлу Мору, герою его „*Разбойниковъ*“, и со слезами на глазахъ простился съ своей матерью. Въ десять часовъ вечера онъ вышелъ изъ воротъ Есслинга, которыя были менѣе освѣщены и менѣе охранялись, и охваченный безпокойствомъ направился по дорогѣ къ Маннгейму. Одинъ моментъ онъ видѣлъ вдалекѣ Солитюдъ, блестяще иллюминованный. Около восьми часовъ утра онъ уже достигъ границы герцогства. Онъ былъ безъ средствъ, но зато свободенъ! Онъ не принадлежалъ больше ни одному изъ большихъ и малыхъ нѣмецкихъ государствъ; онъ былъ теперь, по его собственному выраженію, гражданиномъ міра. [1])

---

[1]) Minor, ук. соч. кн. 1, стр. 542 и слѣд. Bossert, Goerhe et. Schiller, стр. 135.

Великій князь уѣзжалъ изъ Штутгарта въ великолѣпномъ экипажѣ и при грохотѣ пушекъ. Онъ направился прямо въ Вѣну, не заѣзжая въ Мюнхенъ, гдѣ баварскій курфюрстъ готовился принять его и устроить ему празднества. [1]) Екатерина просила своихъ дѣтей поторопиться съ ихъ возвращеніемъ. „Я просила бы васъ, писала она, двигаться быстрѣе". Ей было пріятно видѣть, что ими «овладѣла тоска по родинѣ». [2])

Марія Ѳеодоровна, не раздѣлявшая слѣпого предубѣжденія своего мужа противъ императрицы, надѣялась встрѣтить ее послѣ года разлуки болѣе расположенной и довѣрчивой. Какъ бы для того, чтобы лучше ее настроить, она по мѣрѣ приближенія возвращенія усиливала въ своихъ письмахъ выраженія нѣжности. [3]) Она благодарила Екатерину за заботы объ Александрѣ и Константинѣ. Ея дѣти! Ей безъ сомнѣнія трудно будетъ узнать ихъ, такъ они должны были вырости. А узнаютъ ли они ее? Какая радость видѣть медленно появляющуюся на ихъ губахъ первую улыбку ребенка, который вначалѣ остается удивленнымъ, видимо ищетъ въ глубинѣ своей памяти и затѣмъ, мало по малу вспоминаетъ! «При свиданіи, писала императрица, не испугайте ихъ слишкомъ большимъ восторгомъ. Пусть любезная дочь обниметъ ихъ съ умѣренностью, а главное пусть не падаетъ въ обморокъ, ибо въ этомъ мы ничего не понимаемъ и это внушитъ намъ страхъ и боязнь». [4])

Ничто не могло бы заставить рѣшиться Марію Ѳеодоровну на новое довольно продолжительное пребываніе

---

[1]) Архивы Воронцова, т. XXIIV, стр. 95, письмо Румянцева.

[2]) Сборникъ, т. IX стр. 148 и 149.

[3]) Шумигорскій, Императрица Марія Ѳеодоровна, стр. 230, на основаніи императорскихъ архивовъ.

[4]) Сборникъ, т. IX стр. 150.

въ столицѣ Австріи, если бы она не считала своимъ долгомъ окончательно устроить свою сестру Елизавету. Екатерина съ интересомъ слѣдила за переговорами относительно замужества той, которую она по дружески называла «моя принцесса» и безъ задней мысли радовалась, когда эти переговоры закончились успѣшно. [1])

Іосифъ II отнесся къ своимъ гостямъ еще съ большей сердечностью, чѣмъ въ предыдущемъ году. Отдаваясь потребности путешествовать, которая, повидимому, съ возрастомъ у него усиливалась, онъ проводилъ ихъ до границы монархіи. Графа и графиню Сѣверныхъ ожидали въ Петербургѣ къ концу ноября. Они не останавливались ни въ Силезіи, ни въ Польшѣ, ни въ Прибалтійскихъ провинціяхъ. Послѣдняя часть ихъ путешествія была „столь же непріятна, какъ и утомительна". [2])

Русская осень лишена прелести, потоки дождя, море грязи, затянутый тучами горизонтъ. Природа какъ-бы разстраивается и портится. Наступленіе зимы всегда ожидается съ нетерпѣніемъ. Этотъ печальный и непреклонный властитель русской земли знаетъ секретъ ее украсить. Наслѣдникъ русскаго престола направлялся къ сѣверу, къ зимѣ, охваченный мрачными предчувствіями. Приключенія этого года скитаній, свобода, которую находили они, странствуя по Европѣ, итальянское небо и великолѣпіе Версаля, все это было теперь не болѣе, какъ прекрасныя промелькнувшія видѣнія, разсѣянныя ледянымъ вѣтромъ.

---

[1]) Id. IX, стр. 136.

[2]) Affair. étrang., т. CIX, fol 382; маркизъ де Веракъ, 3 декабря 1782 г.

ГЛАВА VI.

Испытанія Павла въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ.

(1782—1790).

I.

До революціи XIX вѣка одинаковыя формы правленія, одинаковые нравы при дворахъ придавали различнымъ націямъ внѣшній видъ сходства. Народы, жившіе подъ управленіемъ монарховъ, еще скрывались въ тѣни и между ними еще не обозначилось рѣзкихъ этнографическихъ и хронологическихъ контрастовъ, картину которыхъ представляетъ теперь Европа; еще не были замѣтны и различія, намѣченныя вѣками. Такъ какъ культура Запада проникла въ тонкій верхній слой русской націи, то окружающіе Екатерину охотно воображали, что Россія была Европой и шла въ уровень съ ней. «Славны бубны за горами, писала императрица своимъ дѣтямъ.—Хотя я никогда и не бывала въ странахъ, по которымъ проѣхали вы, все же я всегда была того мнѣнія, что при небольшомъ стараніи мы сможемъ пойти наравнѣ съ другими!» Геній не можетъ замѣнить время. Для народнаго роста нуженъ долгій срокъ и лишь постепенно народъ достигаетъ своего развитія. Сознавалъ-ли великій князь, въѣзжая въ свою имперію, что Россіи надо пройти еще долгій путь, прежде чѣмъ она нагонитъ Европу? Матери его показалось, что въ глубинѣ его мыслей скрывалось нѣко-

торое презрѣніе къ своей родинѣ; она съ огорченіемъ упрекала его, что «онъ не можетъ привыкнуть къ нравамъ своей страны». [1])

У нея были и другіе поводы для недовольства имъ. Въ Вѣнѣ онъ обнаружилъ неумѣстную холодность и позволялъ себѣ при Іосифѣ II и Людовикѣ XVI дѣлать оскорбительные намеки объ императрицѣ и русскомъ дворѣ. Онъ произвелъ за границей чрезмѣрныя траты на подарки и на всякаго рода покупки. Наконецъ, онъ велъ въ Панинымъ тайную переписку, проходившую, какъ говорили, черезъ руки прусскаго министра въ Петербургѣ. [2])

Чтобы показать снохѣ своё недовольство ею и Павломъ, Екатерина воспользовалась своеобразнымъ способомъ. Очень увлеченная французскими модами и манерами, великая княгиня заказала самой лучшей парижской портнихѣ M-lle Бертенъ множество нарядовъ и возвращалась въ Россію съ двумя сотнями сундуковъ, наполненныхъ газомъ, мелкими украшеніями женскаго туалета, лентами, шитьемъ, шелковыми кружевами и отдѣлками. Этотъ моментъ и избрала императрица, чтобы издать указъ противъ роскоши: были запрещены отдѣлки къ платьямъ „шире чѣмъ въ два дюйма“, запрещены высокія прически и перья въ волосахъ! Со времени Елизаветы Петровны, оставившей, по словамъ Екатерины, гардеробъ, котораго достало бы для того, чтобы одѣть цѣлую армію, между придворными дамами развилась роскошь въ нарядахъ; указъ Екатерины наносилъ имъ смертельный ударъ. Онъ разорялъ модистокъ, дѣла которыхъ были далеко не плохи еще во время путешествія великой княгини. Къ ея возвращенію онѣ выписали много товаровъ, которые опла-

---

[1]) La Cour de Russie, стр. 381, депеша Гарриса.

[2]) Id. стр. 380.

чивались пошлиной въ 30; 40, 50 и 60 за 100. [1]) Марія Θеодоровна должна была подчиниться и отослать ящики, не раскрывъ ихъ. Гриммъ опасался, какъ бы эта проскрипція французскихъ модъ не повредила императрицѣ. «Не лучше ли для нея быть на ножахъ съ ея интимнымъ другомъ Абдулъ Гамидомъ, нежели ссориться съ м-мъ Бертенъ». Гриммъ возставалъ противъ роскоши и уговаривалъ въ Парижѣ и Версалѣ дамъ признать безуміемъ «разоряться на тряпки», петербургскій указъ былъ по его мнѣнію «самымъ разумнымъ распоряженіемъ, сдѣланнымъ за послѣднее столѣтіе». Неисправимый льстецъ писалъ своей царственной пріятельницѣ: и вотъ въ Парижѣ императрица прославляется какъ разъ за то, въ чемъ она должна была бы потерпѣть здѣсь неудачу». [2])

Іосифъ II предвидѣлъ, что по своемъ возвращеніи великій князь встрѣтитъ, быть можетъ, еще больше непріятностей, чѣмъ имѣлъ ихъ до путешествія. [3]) Во избѣжаніе придирокъ, Павелъ и Марія Θеодоровна удалились въ свой Павловскій дворецъ, гдѣ они пользовались нѣкоторой свободой и не чувствовали тяготѣвшихъ надъ ними презрительныхъ взглядовъ фоворитовъ. Во время путешествія Марія Θеодоровна много разъ вспоминала о дорогомъ Павловскѣ, гдѣ ее приводили въ восхищеніе лѣсныя богатства и красоты; «Готовъ ли птичникъ? Льщу себя надеждой, что онъ красивъ?—писала она изъ Польши своему управляющему.—Вѣдь вы мнѣ это обязаны, мой добрый Кюхельбекеръ. Что дѣлаетъ молочня? Будетъ ли она подъ крышей? Будетъ ли окончена колло-

---

[1]) Aftair. etrand., т. CXI, fol 379, донесеніе полицейскаго чиновника Лонгпре (1783). Относительно модъ при русскомъ дворѣ во время царствованія Екатерины, см. Русская Старина, 1875, т. XII, стр. 226 и Рамбо, Парижъ и С.-Петербургъ наканунѣ революціи (Revue politique, 28 іюня 1878 г.).

[1]) Сборникъ, т. XLIV, стр. 305, письмо отъ 25 декабря 1782 г.

[2]) D'Arneth, Joseph II et Leopold, т. I, стр. 128.

нада? Готовъ ли цвѣтникъ передъ птичникомъ. Очищенъ-ли мой лѣсъ? Словомъ, найду ли я много новенькаго"? [1] Строился храмъ. Мраморныя и бронзовыя фигуры населяли аллеи: тутъ можно было видѣть стройнаго Апполона, театральнаго Юпитера, Флору, которой, говоря откровенно, недоставало олимпійскаго величія и которая имѣла голову лоретки на туловищѣ башни. «Я нашла у нея, говорила Екатерина непочтительно, подозрительное сходство съ мадонной съ большой дороги». [2]

Изъ Италіи и Франціи великая княгиня привезла первоклассныя произведенія искусства: античный мраморъ, купленный въ Римѣ, мозаику, подаренную папой, великолѣпный сервизъ изъ севрскаго фарфора, который подарила своимъ августѣйшимъ гостямъ французская королева. Павловскъ становился съ каждымъ годомъ красивѣе. Марія Ѳеодоровна отдавалась тамъ деревенскимъ удовольствіямъ, совершала прогулки съ ботанической цѣлью; сушила растенія, раскладывая и расправляя ихъ вѣточки, стараясь сохранить окраску и форму у листьевъ и цвѣтовъ, и составляла, такимъ образомъ, гербаріи, которые можно и теперь еще видѣть во дворцѣ. Однимъ изъ ея любимыхъ занятій была рѣзьба силуэтовъ на камнѣ. По капризу моды это изящное искусство, процвѣтавшее при Людовикѣ XVI, было въ большомъ ходу въ Петербургѣ; очень искусенъ былъ въ немъ фаворитъ Екатерины Ланской; въ 1783 г. онъ послалъ Гримму силуетъ Ея Величества, гдѣ, по ея собственному выраженію, она была изображена негритянкой. [3]

[1] Русская Старина, 1870, т. I, стр. 425.

[2] Сборникъ, т IX, стр. 146, письмо отъ 2 мая 1782 г.

[3] Въ 1899 г. въ Петербургѣ издана была книга подъ заглавіемъ Дворъ императрицы Екатерины II, ея сотрудники и приближенные. Эта любопытная коллекція портретовъ—силуэтовъ, составленная графомъ П. Разумовскимъ около 1783 г. и найденная въ 1895 году въ библіотекѣ покойнаго великаго князя Михаила Павловича.

Дворъ великаго князя и великой княгини походилъ въ миніатюрѣ на дворъ императрицы: меньше роскоши, меньше многолюдства, но больше интимности и уюта. При небольшихъ расходахъ здѣсь умѣли веселиться и веселить своихъ гостей. Самымъ любимымъ увеселеніемъ была комедія, гдѣ въ одно и тоже время были авторами, актерами и зрителями. Для того, чтобы ознаменовать тезоименитство хозяина или хозяйки дома приглашенные разыгрывали передъ ними импровизированную оперетку, какую-нибудь хвалебную пастораль, одѣтые то богами, то феями, то въ костюмахъ крестьянъ или странствующихъ торговцевъ. Лучшей артисткой маленькой труппы была Нелидова, превосходно исполнявшая роль простушки. По окончаніи представленія, Павелъ и Марія Ѳеодоровна подносили актерамъ мелкіе подарки на память; они не жалѣли воображенія, чтобы дѣлать эти подарки въ изящной и оригинальной формѣ. Однажды они выпустили изъ клѣтки десять щегловъ, и каждая изъ этихъ птицъ садилась на плечо приглашеннаго, держа въ клювѣ кольцо. Подобно вырвавшимся на свободу школьникамъ, здѣсь увлекались музыкой, танцами, играми въ жмурки, въ крокетъ или въ кольцо, и, повидимому, не замѣчали, что хозяинъ дома имѣлъ часто сосредоточенный и озабоченный видъ. [1])

Ему хотѣлось иныхъ занятій, болѣе серьезныхъ, болѣе достойныхъ наслѣдника престола. Въ 1783 г. Екатерина принудила отречься послѣдняго Крымскаго хана и присоединила къ своему государству полуостровъ, откуда не разъ устремлялись татары, чтобы съ помощью огня и меча добраться до Москвы, этой твердыни, висѣвшей надъ Чернымъ моремъ, какъ угроза Константинополю. Порта протестовала противъ этого присоединенія:

---

[1]) Князь Долгорукій, Капище моего сердца; Кобеко.

столкновеніе было, повидимому, неизбѣжно. Павелъ просилъ разрѣшенія послѣдовать за южной арміей. Одинъ моментъ мать какъ будто согласилась на это; сдѣланы были даже приготовленія къ отъѣзду; снаряжали для князя экипажъ. [1]) Французскій посланникъ въ Константинополѣ Сенъ-Пристъ провѣдалъ объ этомъ проектѣ. «Признаюсь Вамъ,—писалъ онъ своему петербургскому коллегѣ,—императрица поступаетъ неосторожно, посылая своего сына въ армію». [2])

Екатерина, видимо, испугалась, какъ бы Павелъ не вызвалъ среди войскъ слишкомъ большого энтузіазма и вопросъ объ отъѣздѣ больше не подымался. «Предстоящее мнѣ, по слухамъ, путешествіе, писалъ великій князь Сакену, есть вѣроятно путешествіе in partibus infidelium, это совершенная новость какъ для меня, такъ и для всѣхъ; я не вижу необходимости, ни возможности оного, развѣ что это будетъ путешествіе въ Индію или на острова для моего исправленія». [3]) Онъ замкнулся въ своей раковинѣ.

Великій князь и великая княгиня не могли избѣжать того, чтобы не появляться иногда при дворѣ Екатерины. Каждое воскресенье во дворцѣ происходилъ балъ или большое собраніе. Императрица совершала торжественный выходъ въ парадный залъ. Во главѣ шествія шли гофмаршалъ, камергеры и камеръ-юнкеры парами. Потемкинъ шелъ торжественно за императрицей; потомъ слѣдовали Павелъ Петровичъ и Марія Θеодоровна, затѣмъ статсъ-дамы и камерфрейлины и фрейлины. Много собиралось и дво-

---

[1]) Affaires étrang., т. CX, fol. 250 и 286; Маркизъ де Веракъ, 15 апрѣля и 5 мая 1783.

[2]) Affaires étrang., т. CX, fol. 395; Сенъ-Пристъ, 12 іюня 1783 г.

[3]) Сборникъ, т. XX стр. 445 Павелъ въ письмѣ къ Сакену отъ 4 марта 1782 г. признавался, что онъ часто принимаетъ „апокалипсическій стиль.“

рянъ. Екатерина проходя привѣтливо кивала головой, затѣмъ садилась играть въ карты. Она любила карты и предпочитала видѣть передъ собой заинтересованныхъ игроковъ и спорщиковъ, чѣмъ игроковъ снисходительныхъ. На масляницѣ она давала большой балъ-маскарадъ, на который купечество допускались наравнѣ съ дворянствомъ, при условіи одѣть домино, венеціанскій плащъ или капуцинское одѣяніе. Еженедѣльно въ Эрмитажѣ происходили болѣе интимные вечера, на которыхъ Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна присутствовали не всегда. Ея Величество отдыхала отъ церемоній и любила пошутить. По ея желанію этикетъ на этихъ собраніяхъ былъ изгнанъ и нарушавшій это правило долженъ былъ произнести пятьдесять или сто стиховъ изъ плохой русской поэмы *Телемахиды.* [1]) Злословіе тутъ не преслѣдовалось такъ строго. Часто злословили и на счетъ великаго князя. Тихонько разсказывали о томъ, что происходило въ Павловскѣ. Въ своихъ Мемуарахъ княгиня Дашкова передаетъ, что она всячески избѣгала показываться при дворѣ Павла, для того, «чтобы лишить Ея Величество права распрашивать ее относительно великаго князя, а послѣдняго—подозрѣвать въ ней доносчицу.» «Я ни за какія деньги не соглашусь, объявила она, вставать между матерью и сыномъ.» [2])

„Внутренняя жизнь императорскаго двора ярко выступаетъ въ сценѣ, послѣдовавшей за смертью Ланского въ 1784 году. Будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ Екатерина въ продолженіе четырехъ лѣтъ пылко, до опьяненія любила этого страстнаго и слабаго юношу; это было горячее пламя любви. Она любила Ланского почти такъ же, какъ m-me де Варансъ любила Жанъ-Жака, своего малютку; къ этому роману примѣшивался оттѣнокъ какой-то

---

[1]) Энгельгардтъ, Записки, ст. 44—47; Кобеко, стр. 297.

[2]) Архивы Воронцова, т. XXI, стр. 263.

особой развращенности. Покровительствуемый и поддерживаемый благосклонностью императрицы, Ланской наслаждался жизнью безъ всякой мѣры и стѣсненія, грубо и совершенно открыто. Онъ велъ жизнь турецкаго паши, давая волю своимъ похотямъ. Изнуренный излишествами, онъ серьезно заболѣлъ и слегъ. Екатерина не отходила отъ его изголовья и боролась со смертью. Онъ умеръ и Екатерина сходила съ ума отъ горя. Съ измѣнившимся лицомъ, съ опухшими отъ слезъ глазами, она заперлась въ своей комнатѣ, спустила шторы и отдалась своему отчаянію. Павелъ и Марія явились къ ней, чтобы выразить свое искреннее соболѣзнованіе. Прерывающимся отъ рыданій голосомъ она запретила имъ входить. Они не знали удалиться имъ или остаться, и долго бродили по корридорамъ угрюмаго дворца, куда вошла смерть, оплакиваемая одними, осмѣиваемая другими, обнаруживъ самыя низменныя страсти, чувственность государыни, вожделѣнія царедворцевъ. Прошелъ обѣденный часъ, всѣ были голодны, но не осмѣливались просить обѣда. Екатерина оставалась въ Царскомъ Селѣ около двухъ мѣсяцевъ, въ чрезвычайно угнетенномъ состояніи, пренебрегая государственными дѣлами, почти не говоря и никому не показываясь, исключая сестры Ланского, удивленной и польщенной той ролью, въ которую поставили ее обстоятельства. [1])

Однажды вечеромъ императрица внезапно вышла изъ затворничества, гдѣ скрывала свое горе и явилась въ Петербургъ въ простой наемной каретѣ, не будучи узнанной достигла своего дворца и найдя двери запертыми, вышибла ихъ, легла, потомъ въ полночь распорядилась произвести пушечный залпъ. Эта канонада взволновала

---

[1]) Affair. étrang. t. CXII, fol. 246 и 300 стр. Caillard, 13 и 18 іюля 1784 г.

гарнизонъ и населеніе; всѣмъ пришла мысль объ революціи. [1])

Очевидно, императрица не пришла еще въ равновѣсіе. Въ ней происходили странныя смѣны въ настроеніи: страданіе пришло, какъ мягкое и влажное дуновеніе осени, чтобы растопить то, что было жесткаго въ ея сердцѣ. Ея отношенія съ сыномъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль носили отпечатокъ самой искренней сердечности. [2])

Затѣмъ вскорѣ Ермоловъ заступилъ мѣсто Ланского и вѣтеръ подулъ въ другую сторону.

За нѣсколько мѣсяцевъ передъ смертью самаго дорогого фаворита Екатеины, смерть въ нѣсколько дней похитила двухъ людей, всю жизнь враждовавшихъ между собой,— графа Панина и Григорія Орлова. Екатеринѣ показался забавнымъ ихъ союзъ при переходѣ въ другой міръ. Послѣдніе годы жизни Панину жилось очень тяжело и онъ не могъ примириться съ своимъ положеніемъ. Вмѣсто того, чтобы по своемъ возвращеніи въ Россію проявить сочувствіе по поводу его опалы, великій князь отнесся къ нему холодно, находясь, быть-можетъ, не сознавая того, подъ вліяніемъ принцессы Вюртембергской, желавшей отдалить отъ Панина дочь и зятя. Этотъ государственный человѣкъ, находясь между Екатериной и Павломъ въ положеніи стѣсненномъ, которое создавало большія осложненія, придерживался столь же настойчиво, какъ и ловко системы колебанія, и если къ концу жизни вокругъ него создалась пустота, то онъ могъ приписать это лишь своей двусмысленной роли. Когда передъ его глазами всталъ неизбѣжный и близкій конецъ его страданій, онъ обратился за утѣшеніями къ Павлу. Великій князь отвѣтилъ на его призывъ и явился къ его изголовью съ вернув-

---

[1]) Валишевскій, Вокругъ трона, стр. 346.

[2]) Affair. étrang., т. CXII, fol. 393; Caillard, 1-е октября 1784.

шимся благорасположеніемъ. 31 марта 1783 г. онъ закрылъ ему глаза. [1])

Григорій Орловъ умеръ въ Москвѣ. „Ходъ его болѣзни открылъ ужасающія подробности, которыя не смѣю довѣрить даже шифру", писалъ французскій посланникъ, маркизъ де Веракъ. Въ продолженіе шести мѣсяцевъ этотъ человѣкъ, игравшій первую роль въ драмѣ 1762 г. находился во власти жестокой меланхоліи и ему казалось, говорятъ, что его преслѣдуетъ тѣнь мстительница. Екатерина извѣстила своихъ дѣтей еще въ то время, какъ они путешествовали, о болѣзни своего прежняго фаворита, товарища самыхъ лучшихъ лѣтъ ея жизни. Она сообщала объ этомъ глухо и какъ объ обычной болѣзни. Не безъ страха смотрѣла она, какъ этотъ выходецъ почти забытой эпохи боролся съ безуміемъ и смертью. [2])

Григорій Орловъ оставилъ сына, родившагося отъ императрицы, Алексѣя Бобринскаго. Здѣсь, можетъ быть, своевременно будетъ поговорить объ этой странной личности, которая какъ разъ въ моментъ смерти своего отца вышла изъ тѣни, въ которой ее старались держать и какъ бы изъ хвастовства заставила говорить о себѣ. Павелъ былъ для Екатерины сыномъ супруга, внушавшаго ей страхъ и отвращеніе, сыномъ низвергнутаго въ 1762 г., онъ оставался „кредиторомъ мести, кредиторомъ престола"; [3]) она презирала его. Бобринскій—сынъ того, кто доставилъ ей престолъ, плодъ любви, который не могъ ни возбуждать къ себѣ недовѣрія въ императрицѣ, ни помѣшать ея дѣятельности. Интересно было бы знать, питала ли она къ нему материнскія чувства? Лучше

---

[1]) Affaires étrang., т. CX, fol. 234, маркизъ de Verac, 11 апрѣля 1783 г.

[2]) Валишевскій, Вокругъ трона, стр. 99.

[3]) Albert Sorel, L'Europe et la revolution francaise т. V, стр. 134.

ли она обходилась съ естественнымъ ребенкомъ, чѣмъ съ законнымъ сыномъ? Читатель помнитъ, при какихъ обстоятельствахъ родился въ 1762 г. Алексѣй Бобринскій, а также и то, что онъ былъ порученъ камердинеру императрицы, Шкурину, который за свою преданность и молчаливость былъ награжденъ землей съ 1000 душъ крестьянъ. Екатерина и Орловъ выходили часто „подъ вечеръ, чтобы въ простой телѣжкѣ" отправиться на свиданіе съ сыномъ.

Читатель не забылъ, быть можетъ, также, что въ 1764 г. Екатерина едва не вступила въ бракъ со своимъ любовникомъ и не объявила Алексѣя наслѣдникомъ престола въ ущербъ великому князю Павлу. [1])

Когда тайная связь порвалась, Бобринскій не могъ много разсчитывать на мать. Она съ легкимъ сердцемъ послала его въ Лейпцигъ и Швейцарію. Онъ не занимался ничѣмъ. Для руководства его воспитаніемъ она думала одно время пригласить Гримма:[2]) Екатерина всегда вспоминала о Гриммѣ, когда рѣчь заходила о щекотливыхъ дѣлахъ, хлопотливыхъ и неблагодарныхъ порученіяхъ. Въ 1775 г. она вызвала своего сына въ Россію и помѣстила его въ кадетскій корпусъ, гдѣ велѣла его записать подъ именемъ Романова. „Она не могла, замѣчалъ французскій посланникъ, найти другого болѣе внушительнаго и болѣе подходящаго имени для уразумѣнія того, какъ она намѣрена была поставить его въ будущемъ". [3]) Она мало интересовалась обученіемъ этого мальчика, но время отъ времени тайкомъ доставляла ему нѣкоторыя удовольствія. Однажды

---

[1]) Affaires étrang., Memoires et Documents, т. II, „Дерзость Орловыхъ давала поводъ опасаться, какъ бы она не заставила передать корону дѣтямъ, родившимся отъ связи одного изъ братьевъ съ Екатериной II". Durand, 1773 г.

[2]) Affaires étrang., т. XCIX, fol. 240; de Juigne, 11 октября 1776 г.

[3]) Affaires étrangères, т. XCVIII, fol, 171; Durand, 25 мая 1775.

когда онъ предполагалъ устроить ужинъ своимъ товарищамъ, онъ нашелъ на столѣ записку съ такой надписью: „Господину Бобринскому въ кадетскій корпусъ. Одинъ незнакомецъ, узнавъ, что г. Бобринскій устраиваетъ угощеніе, посылаетъ ему небольшое денежное подспорье“.[1])

Его ожидали и болѣе крупные подарки. По словамъ одного очень освѣдомленнаго лица, императрица построила обширный дворецъ въ Воронежской губерніи, на лѣвой сторонѣ Дона въ помѣстьѣ, названномъ Бобрики, пріобрѣтенномъ въ 1763 г. Доходы съ земли скапливались для скупки сосѣднихъ земель и достигали уже суммы въ 10.000 рублей. Въ населеніи ходили слухи, что въ этомъ имѣніи императрица хочетъ провести остатокъ дней своихъ; но, повидимому, дворецъ предназначается для ребенка.[2])

Въ тотъ моментъ, когда Бобринскому минуло 19 лѣтъ, онъ получилъ отъ императрицы короткое и сухое письмо, гдѣ она открывала ему его происхожденіе. Она произвела его на свѣтъ въ смутные времена, въ кратковременное царствованіе жестокаго Петра III; чтобы спасти ему жизнь она должна была скрывать его рожденіе; она заботилась о немъ, занималась его воспитаніемъ. Теперь, по достиженіи имъ зрѣлаго возраста, онъ долженъ самъ знать, какъ вести себя съ помощью Всевышняго. [3]) Она обезпечивала ему средства къ жизни, назначивъ ему ренту отъ 30,000 до 40,000 рублей съ капитала, который былъ положенъ въ Воспитательный Домъ; теперь она расквиталась съ нимъ. Екатерина отличалась сухостью сердца и холодной разсудительностью, свойственной виновнымъ отцамъ, которые не хотятъ связывать себя на всю жизнь за ошибки молодости и освобождаютъ себя отъ обязанностей по отношенію къ своему ребенку, подавъ имъ милостыню.

---

[1]) Русскій Архивъ, 1899, стр. 210

[2]) Affaires etrang., т. XCVII, fol. 26; Durand, 6 апрѣля 1776 г.

[3]) Русскій архивъ, 1899, стр. 213, письмо отъ 2 апрѣля 1781 г.

О Бобринскомъ ничего добраго не извѣстно. Онъ отличался не только свободой нравовъ и поступковъ, свойственныхъ многимъ другимъ молодымъ баричамъ, но главнымъ образомъ рѣзкимъ, вспыльчивымъ характеромъ, строптивымъ, задорнымъ нравомъ, не терпящимъ никакой сдержки и дѣлавшимъ его врагомъ всякой дисциплины.

«Это странная голова, признавалась Екатерина, онъ, правда, относится къ очень своеобразной категоріи людей, черты которыхъ онъ воплощаетъ.» [1]) Опасаясь какихъ-либо безпокойствъ изъ-за него въ Петербургѣ, она рисовала ему прелести путешествія въ дальніе края и убѣдила его поѣхать въ 1782 году въ сопровожденіи полковника Бушуева. Послѣ долгаго пребыванія въ Нижнемъ-Новгородѣ и Казани путешественники спустились по Волгѣ до Астрахани. Но Бобринскій находилъ мало развлеченія въ этихъ уединенныхъ мѣстахъ и непрерывное плаваніе цѣлыми днями и даже недѣлями внизъ по теченію огромной, медленно текущей рѣки, берега которой представляли видъ необозримыхъ степей, было удовольствіемъ, наскучившимъ ему довольно скоро. Ему нужны были шумные, веселые города, гдѣ можно было найти хорошо обставленныя помѣщенія, раззолоченные потолки, празднества, балеты и красивыхъ женщинъ,—словомъ всѣ блага цивилизаціи. Онъ возставалъ противъ указаній наставника. Бушуевъ писалъ своимъ петербургскимъ друзьямъ отчаянныя письма, гдѣ выставлялъ Бобринскаго неспособнымъ къ какой-либо сдержкѣ, чрезвычайно вспыльчивымъ и неуравновѣшеннымъ, дерзко встрѣчавшимъ всѣ его совѣты. [2]) Алексѣй увлекъ своего наставника за предѣлы Россіи,—въ Польшу, Австрію и Италію. Повсюду, гдѣ онъ проѣзжалъ, владѣтельныя лица, освѣдомленныя черезъ своихъ

---

[1]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 330.

[2]) Русскій Архивъ, 1889, стр. 216 и слѣд.

агентовъ о его происхожденіи, считали нужнымъ принять его. Онъ не оскорблялся, если въ ихъ пріемѣ замѣчался оттѣнокъ холодной сдержанности. Незаконныя дѣти Людовика XIV затрачивали цѣлые годы на то, чтобы получить отличія, чтобы подняться одной ступенью выше своего положенія. Сынъ Екатерины, наоборотъ, старался затеряться въ толпѣ и развлекаться. Онъ притворялся, что пренебрегаетъ или не знаетъ о своемъ происхожденіи и положеніи. Въ Римѣ онъ держалъ себя съ лакеемъ французскаго посланника, какъ съ равнымъ товарищемъ, водилъ въ тавернахъ кампанію съ подозрительными личностями, бѣгалъ за женщинами и входилъ въ долги. Видя, что къ нему относятся съ самой оскорбительной развязностью, Бушуевъ рѣшилъ вернуться въ Россію. [1])

Въ 1785 г. Бобринскій появился въ Парижѣ. Дурное мнѣніе, существовавшее о парижскихъ нравахъ, стало привлекать въ Парижъ много иностранцевъ. Русскіе полюбили французскую кухню, французскія вина, театры и ночные рестораны столѣтіемъ раньше, чѣмъ полюбили саму Францію. Поэтъ фонъ Визинъ, посѣтившій Францію при Людовикѣ XVI, въ своихъ письмахъ къ сестрѣ приводитъ интересныя подробности относительно жизни иностранной колоніи въ Парижѣ. «Въ распредѣленіи времени нѣтъ никакого порядка: ночь превращаютъ въ день, а день—въ ночь. Игра и прекрасный полъ занимаетъ все время. Вообрази, матушка, что здѣсь по четыре спектакля въ день, базары и прогулки—и все полно. Одинъ изъ мостовъ на Сенѣ называется новымъ (Pont-Neuf): съ новичками въ городѣ держатъ пари, что каждый разъ, проходя по этому мосту, они встрѣтятъ священника, бѣлую лошадь и падшую женщину. Я нарочно прохожу этимъ мостомъ и каждый разъ встрѣчаю и то, и другое... Вотъ

---

[1]) Русскій Архивъ, 1899, стр. 222 и слѣд.

день чужестранца въ Парижѣ: встанетъ онъ поздно, фракъ, камзолъ, или скорѣе ватное пальто, плохого вида. Весь растрепанный онъ бѣжитъ въ Palais-Royal, находитъ тамъ множество женщинъ, выбираетъ одну или нѣсколько и уводитъ къ себѣ на обѣдъ. Онъ на свой счетъ водитъ этихъ потаскухъ на спектакли, возвращается съ которой-нибудь домой и тратитъ свое здоровье и деньги навѣки. Женатые люди живутъ, какъ холостяки, съ тѣмъ различіемъ, что держатъ на сторонѣ небольшія квартирки для своихъ шалостей.»

Куртизанки—царицы Парижа. «Онѣ, говоритъ московскій поэтъ, покрыты бриллiантами съ головы до ногъ и одѣты восхитительно; у нихъ лучшіе экипажи, дома, сады; однимъ словомъ, онѣ наслаждаются всѣми земными благами.» Фонъ Визинъ пришелъ къ тому заключенію, что «Парижъ ни въ чемъ не уступитъ Содому и Гоморрѣ.“ [1])

Алексѣй не могъ оторваться отъ этого очаровательнаго мѣста, онъ обосновался тутъ прочно и поселился на житье. „Я сомнѣваюсь, писалъ де Вержень, чтобы императрица была очень довольна Бобринскимъ. Его поведеніе въ Парижѣ заставляетъ предполагать очень бурный характеръ, недостатокъ воспитанія и плохіе принципы“. [2]) Молодой повѣса завелъ подозрительныя знакомства и увлекся даже политическими авантюрами. Екатерина подозрѣвала Фридриха II въ томъ, что онъ держалъ въ своихъ рукахъ нить этихъ интригъ: „Это коварство Ирода“,—писала она Гримму подъ вліяніемъ гнѣва.[3]) Между тѣмъ Бобринскій предавался самому низкому безпут-

---

[1]) Письма изъ Франціи фонъ Визина своей сестрѣ, переведенныя русскимъ.

[2]) Affaires étrang. CXVI, fol. 343; le comte de Vergennes, 13 сент. 1786 г.

[3]) Сборникъ, XXIII, стр. 376; Scherer, Melchior Grimm, 283 стр.

ству и устраивалъ скандалы. Въ Сенъ-Дени онъ разругалъ станціоннаго почтоваго смотрителя, который требовалъ съ него плату за лошадей, потомъ бросился на него и нещадно избилъ; женщина, бывшая съ Бобринскимъ, кричала и била еще сильнѣе, чѣмъ онъ. Вмѣшалась полиція, но дѣло потушили, такъ какъ „г. Бобринскій былъ не простой русскій офицеръ.“ [1]) Юный скандалистъ вскорѣ оказался безъ копейки въ карманѣ и попалъ въ цѣпкія руки ростовщиковъ и подозрительныхъ посредниковъ; противъ него возбудили преслѣдованіе, засыпали вызовами въ судъ и исполнительными листами, и если бы онъ познакомился съ ними, то могъ бы замѣтить, что съ нимъ обходятся не какъ съ русскимъ дворяниномъ благороднаго происхожденія, а какъ со злостнымъ должникомъ. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, онъ обратился къ средству, являющемуся послѣдней надеждой для расточителей: обратился къ чудесному источнику—царской щедрости. Однако ожидаемая и страстно желанная помощь не приходила.

Императрица знала сумасбродство Бобринскаго, навыдававшаго векселей на значительныя суммы; среди нихъ одинъ былъ на сумму въ полмилліона ливровъ, изъ коихъ держатель соглашался получить половину, если бы уплата была произведена немедленно. Она спокойно пишетъ Гримму: «Прискорбно, что Бобринскій входитъ въ долги, онъ знаетъ свои доходы; онъ честенъ; но кромѣ этого у него нѣтъ ничего.» Въ ея письмахъ постоянно повторяется мысль: «онъ вполнѣ въ состояніи уплатить.» Безпокоиться она стала лишь тогда, когда ея посланникъ въ Парижѣ, Симолинъ, сталъ предостерегать ее относительно того, что выходки Бобринскаго могутъ повредить репутаціи его августѣй-

---

[1]) Affaires étrang., CXVII, fol 107.

шей матери. Послѣ того Гримму пришлось съ затратой громадныхъ усилій слѣдить и наблюдать за бездѣльникомъ, хлопотать у маркиза де Вержень и при случаѣ подкупать органы правосудія. Снисходительный къ слабостямъ другихъ, министръ Людовика XVI пользовался своимъ авторитетомъ, чтобы избавлять расточителя отъ нападокъ со стороны его жертвъ и спасать его изъ рукъ правосудія; Екатерина въ благодарность за эти услуги подарила г-жѣ де Вержень мѣха. [1])

Нужно было во что бы то ни стало вырвать «молодого путешественника» изъ Парижа. Можно было бы, полагала Екатерина, послать его въ Англію, „гдѣ имѣются русскія суда, на которыхъ, быть можетъ, ему пришла бы фантазія совершить путешествіе.“ „Если вы найдете его въ большой нуждѣ, препятствующей его выѣзду,—добавляла императрица,—вы можете выдать ему авансомъ до тысячи рублей, отнюдь не больше.“ [2])

Ее не огорчало, что Бобринскій былъ въ стѣсненномъ положеніи. „Можетъ быть нужда исправитъ его.“ Послѣ долгихъ уловокъ Алексѣй рѣшился въ концѣ 1787 года переѣхать Ламаншъ. „Не правда ли, говорила его мать, что онъ такая голова, которая всегда болѣе всего боится, какъ бы не злоупотребили правомъ руководить имъ и который изъ боязни, что его поведутъ направо, стремится всегда налѣво.“ [3])

Въ Лондонѣ Бобринскій попадаетъ въ сѣти нѣкоей Элліотъ, старѣющейся, умной, сухой и практичной, умѣющей ловить въ свои сѣти, женщины. На нѣкоторое время влюбленные путешественники исчезли изъ вида; опасались даже, какъ бы увлеченіе не закончилось компрометтирую-

---

[1]) Scherer, Melchier Grimm, стр. 282.

[2]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 401.

[3]) Id. т. XXIII, стр. 424.

щимъ Алексѣя бракомъ. На требованія его кредиторовъ поднялась полиція Георга III; Бобринскій поспѣшилъ покинуть Лондонъ, представлявшій въ глазахъ его покровителей больше опасности, чѣмъ Парижъ, „такъ какъ въ Англіи никакіе толки не могли быть предотвращены административными мѣрами, не допускаемыми англійской конституціей.“ За неимѣніемъ средствъ сынъ Екатерины съ понурымъ видомъ повернулъ путь свой къ Россіи. [1])

Съ помощью чрезвычайно почтительныхъ писемъ, которыя, надо полагать, были продиктованы самымъ глубокимъ раскаяніемъ, блудный сынъ надѣялся отвратить висѣвшій надъ нимъ ударъ. «Теперь мы капитулировали, писала Екатерина Гримму въ апрѣлѣ 1788 г.; онъ написалъ письмо съ сожалѣніями по поводу того, что ему пришлось разориться»; она согласна «предать забвенію его поведеніе» при томъ условіи, что о немъ ничего больше не будетъ слышно. Она какъ бы забыла его въ Ревелѣ, на берегахъ Балтійскаго моря, не давая ему никакихъ вѣстей, не посылая денегъ; онъ тамъ умиралъ со скуки. „Я очень хорошо знаю, замѣчала она ему, что Ревель не Парижъ и не Лондонъ и что вы скучаете тамъ; но вамъ полезно тамъ побыть. Займитесь размышленіями, которыя хоть крошечку исправятъ васъ.“

Малѣйшее вниманіе вызываетъ у Бобринскаго изліянія благодарности. «Какими чувствами была взволнована моя душа, писалъ онъ своей матери, когда я прочелъ письмо Вашего Величества!.. Я могу увѣрить, что ни удовольствія пребыванія въ Парижѣ, ни Лондонскія удовольствія не были главными причинами моего долгаго пребыванія въ этихъ странахъ; всѣ столицы будутъ одинаковы или безразличны для меня съ той минуты, какъ я буду лишенъ Вашего покровительства». Онъ просилъ о дарованіи

---

[1]) Русскій Архивъ, 1899, стр. 233.

чина въ арміи: Екатерина оставалась глухой и къ этой просьбѣ. «Какъ это Вы хотите, спрашивала она Гримма, посадить на шею полку такого мота, какъ онъ? Это противорѣчитъ опыту и здравому смыслу. Я считаю его ни на что негоднымъ, хотя говорятъ, что никогда не надо отчаяваться въ молодыхъ людяхъ». Екатеринѣ приписывали намѣреніе отдать малодому Бобринскому герцогство Курляндское: «Несмотря на заботливое вниманіе, которое ей приходится проявлять по отношенію къ этому молодому человѣку,—замѣчалъ одинъ дипломатъ,—она не сдѣлала ничего, что могло бы свидѣтельствовать, что она готовитъ ему столь блестящую судьбу». [1])

Все замолкло вокругъ несчастнаго Бобринскаго и онъ былъ оставленъ подъ гнетомъ праздности и одиночества. Онъ пришелъ къ сознанію своего ничтожества и въ немъ поднялась внутренняя работа. Онъ сталъ искать спасенія въ женитьбѣ и тридцати трехъ лѣтъ вступилъ въ бракъ съ дочерью одного офицера, Анной Унгернъ-Штернбергъ, отличавшейся скромнымъ и спокойнымъ характеромъ. «Какъ не побоялись вы взять въ мужья этого шелопая» спрашивала ее императрица, когда молодые супруги явились къ ней съ свадебнымъ визитомъ въ Зимній Дворецъ. Супруги жили очень уединенно въ окрестностяхъ Дерпта. [2]) Бобринскій волей неволей принужденъ былъ подчиниться правиламъ разумной экономіи, которой легкомысленно пренебрегалъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ. Отъ капитала, положеннаго для него Екатериною, не осталось почти ничего. Престижъ его происхожденія не производилъ на поставщиковъ и купцовъ такого впечатлѣнія, чтобы заглушить ихъ профессіональную осмотрительность; не находилось и людей, которые могли бы одолжить ему.

---

[1]) Русскій Архивъ, 1899, стр. 235.

[2]) Id. 1899, стр. 239.

Онъ находился въ скучномъ уединеніи Оберъ-Палена, когда въ ноябрѣ 1796 г. пришло извѣстіе о смерти Екатерины II и о восшествіи на престолъ Павла I. Перемѣна царствованія вызвала во всей Россіи безпокойство и страхъ. Гнѣвъ государя пугалъ всѣхъ тѣхъ, кто предалъ его отца и помогалъ устройству судьбы его матери. Бобринскій готовился быть первой жертвой мести императора, который, казалось ему, не проститъ его происхожденія, оскорбительнаго для памяти Петра III. Но судья былъ склоненъ къ страннымъ движеніямъ и неожиданнымъ порывамъ благородства. Павелъ почувствовалъ симпатію къ Бобринскому, имѣвшему, какъ и онъ, права на любовь Екатерины и къ которому она, повидимому, относилась не лучше, чѣмъ къ нему. Публично исправлять ошибки матери служило для Павла средствомъ выставлять ихъ всѣмъ напоказъ и такимъ образомъ унижать ея великую память. Императорскіе курьеры были отправлены въ Ливонію для поисковъ незаконнаго сына Екатерины и Орлова и трепещущаго отъ страха доставили въ Петербургъ. Императоръ принялъ его съ распростертыми объятіями, помѣстилъ въ своемъ дворцѣ, посадилъ обѣдать за свой столъ и тотчасъ же пожаловалъ ему высокій военный чинъ. Въ письмахъ своихъ къ женѣ Алексѣй наивно выражалъ свое удивленіе и волненіе. Онъ думалъ, что счастье улыбнулось ему. Но не прошло и мѣсяца, какъ капризный императоръ совершенно пересталъ имъ интересоваться. Онъ рѣшилъ тогда молча вернуться обратно въ свое имѣніе. [1]) и окончательно сошелъ со сцены. О его второй половинѣ жизни почти ничего неизвѣстно; вѣроятно потому, что она протекла болѣе порядочно. У него былъ сынъ Алексѣй, за воспитаніемъ котораго онъ заботливо слѣдилъ и котораго окружалъ своимъ вниманіемъ. Онъ былъ однимъ изъ

---

[1]) Русскій Архивъ 1899, стр. 240.

тѣхъ людей, о которыхъ моралисты говорятъ, что они проповѣдуютъ добрыя правила для утѣшенія себя сознаніемъ, что они уже не въ состояніи болѣе подавать дурныхъ примѣровъ.

Въ этой длинной исторіи слѣдуетъ отмѣтить полное равнодушіе Екатерины по отношенію къ сыну ея Бобринскому, воспитанному кое-какъ лакеемъ, лишенному всякаго моральнаго воздѣйствія и предоставленному судьбѣ. Съ какой легкостью освободила она себя отъ цѣпей, приковывавшихъ ее къ этому мальчику. Тѣмъ хуже для него, если онъ плохо кончитъ! Самое большее, что проявляла къ нему императрица,—это особая бдительность въ тѣхъ случаяхъ, когда безчинства молодого вѣтренника производили шумъ скандала. При дворѣ Екатерины ходили слухи, которые приводитъ и Ланжеронъ въ неизданной части своихъ мемуаровъ, утверждавшіе что отъ связи императрицы съ Григоріемъ Орловымъ были еще двѣ дочери, дѣвицы Алексѣевы, изъ которыхъ одна была женой генерала эстонскаго дворянина Буксгевдена, а другая женой нѣмецкаго поэта Клингера, автора «Sturm und Drang,» который, какъ извѣстно, съ давнихъ поръ поселился въ Россіи. [1]) Если правда, что дѣвицы Алексѣевы родились такъ близко около трона, то онѣ имѣли еще больше основаній, чѣмъ Бобринскій, сѣтовать на эгоизмъ Екатерины, такъ какъ императрица никогда не интересовалась ими. Примѣръ Бобринскаго достаточно показываетъ, что природа совершенно не создала ее для того, чтобы она была нѣжной, внимательной и преданной матерью. Весь пылъ ея души обращался въ другую сторону. Надо поэтому полагать, что великій князь Павелъ никогда не занялъ бы много мѣста въ ея сердцѣ, даже въ томъ слу-

---

[1]) Affair. étrang., Memoires et Documents, т. XXII; Срав. Helbig, Russische Gunstlinge; Русскій Архивъ 1884, т. II, стр. 212; Валишевскій, Вокругъ трона, стр. 103.

чаѣ, если-бы политическія обстоятельства не создали между матерью и сыномъ непреодолимыхъ преградъ. Можно даже задать себѣ вопросъ, была ли глубокимъ чувствомъ и та нѣжность, которую Екатерина такъ шумно проявляла къ своимъ внукамъ: можетъ быть она осыпала ласками Александра и Константина лишь ради забавы, изъ потребности возбужденія, или для того, чтобы помучать великаго князя.

II.

Семья великаго князя Павла быстро увеличивалась. Послѣ Александра и Константина онъ имѣлъ серію, или по выраженію Екатерины, «вереницу» изъ шести дочерей, и въ заключеніе для обезпеченія цѣлости династіи,—третьяго сына Николая, который получилъ въ 1825 году престолъ своего старшаго брата; четвертый сынъ Михаилъ родился въ 1798 году, когда Павелъ былъ уже императоромъ. „Я безконечно больше люблю мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ“, говорила императрица. [1])

Рожденіе Александры въ іюлѣ мѣсяцѣ 1783 года не было очень желаннымъ. Екатерина была того мнѣнія, что „русскія принцессы“ будутъ несчастны, невыносливы и имъ трудно будетъ выходить замужъ. „Онѣ не будутъ довольствоваться ничѣмъ, все будетъ имъ казаться дурнымъ, онѣ будутъ язвительны, сварливы, разборчивы, красивы, легкомысленны, выше всѣхъ предразсудковъ этикета, выше того, что скажутъ; онѣ безъ сомнѣнія будутъ имѣть своихъ поклонниковъ, но все это поведетъ къ безчисленнымъ уклоненіямъ съ пути.“ [2]) Болѣе благосклонно встрѣтила Екатерина рожденіе второй внучки Елены.

---

[1]) Сборникъ, XXIII, стр. 281, письмо Гримму.

[2]) Id, т. XXIII, стр. 92.

„Прекрасная Елена названа удачно, говоритъ она; это дитя очень красиво, вотъ почему я назвала его Еленой... Говорятъ, что она похожа на меня, и я чувствую къ ней нѣкоторую слабость". [1]) Это красивое дитя увидало свѣтъ въ декабрѣ 1784 г. За ней слѣдовали Марія, потомъ Екатерина, Ольга, умершая въ раннемъ возрастѣ, и наконецъ Анна,—г-жа Анна, какъ называла ее бабушка,—которая чуть было не вышла замужъ за Наполеона I.

Видѣть, какъ «подростали ребята», [2]) доставляло радость Екатеринѣ. Плодовитость ея снохи вызывала въ ней удивленіе и восхищеніе. «Дѣйствительно, говорила она ей, вы мастерица производить на свѣтъ дѣтей». [3]) Частые роды, повидимому, не поколебали здоровья Маріи Ѳеодоровны. Она никогда не чувствовала себя такъ хорошо, какъ „на сносѣ". [4]) Широкая въ плечахъ, она пріобрѣтала въ это время особенно внушительный видъ, и ея сынъ Константинъ, выражался довольно грубо, что онъ «въ жизни своей никогда не видалъ такого живота, тутъ мѣста хватитъ на четверыхъ». [5])

Когда приближался моментъ разрѣшенія отъ бремени, она держала при себѣ только одну повивальную бабку и позволяла врачамъ лишь подавать изъ сосѣдняго кабинета совѣты: въ Россіи еще не вполнѣ отдѣлались отъ привычекъ XVI вѣка, когда врачи, лечившіе царицу или какую-нибудь знатную даму, не должны были видѣть ея лица и могли изслѣдовать ихъ пульсъ не иначе, какъ черезъ покрывало. [6])

---

[1]) Id. т. XXIII, стр. 326 и 327.

[2]) Id. XXIII, стр. 497.

[3]) Id. XV, стр. 166, письмо отъ 9 октября 1789 г.

[4]) Id. т. IX, стр. 124.

[5]) Id. т. XXIII, стр, 687

[6]) Секретные архивы Берлина, reposit. XI, conv. 125; баронъ фонъ Keller, 27 мая 1788 г. Акушеромъ, оказывавшимъ въ это время по-

Когда великая княгиня „подносила“ своей свекрови внучку, она получала денежный подарокъ, — чекъ въ 30000 рублей на государственное казначейство. Ихъ Высочества, не обладая богатствами, спѣшили получить причитающуюся имъ сумму. Если вѣрить маркизу де Веракъ, въ 1783 году съ ними приключилось досадное происшествіе; имъ не могли уплатить по чеку, касса была пуста. [1])

Императрица не считалась съ правами родителей и взяла къ себѣ Александра и Константина, чтобы самой воспитывать этихъ юныхъ князей, продолжателей рода, которые должны были быть призваны къ правленію. Труднѣе объяснить то обстоятельство, что такую-же власть она присвоила себѣ и надъ ихъ сестрами, маленькими княжнами, которыя предназначались къ выходу замужъ за границу и, безъ сомнѣнія, никогда не играли бы значительной роли въ исторіи. Павелъ и Марія были устранены и отъ колыбели ихъ дочерей. Если же они не остались столь же чуждыми въ дѣлѣ ихъ воспитанія, какъ то было по отношенію къ сыновьямъ, то этимъ они были обязаны исключительно добрымъ отношеніямъ съ гувернанткой, которую императрица приставила къ своимъ внучкамъ,—г-жей Ливенъ.

Шарлотта Ливенъ въ тотъ моментъ, когда взошла ея звѣзда, была вдовой двадцати одного года, оставшейся послѣ разорившагося генералъ-майора, и жила въ предмѣстьѣ Риги на ренту въ 2000 рублей, сохранившуюся отъ разоренія, и на нѣкоторыя скромныя пособія: на ея рукахъ было

мощь великой княгинѣ, былъ баронъ Іосифъ Моренгеймъ, предокъ барона Артура Моренгейма, представителя Россіи въ Парижѣ въ царствованіе Адександра III.

[1]) Affaires étrang., т. CXI, fol. 263, le marquis de Verac, 7 сентября 1783 г.

четверо дѣтей. Счастье само пришло къ ней, она его не искала. Ея свѣтскія качества, ея умъ, безыскусственная прелесть поразили людей свѣдующихъ, которые рекомендовали ее Екатеринѣ. Въ 1783 г. императрица пригласила ее къ своему двору руководить воспитаніемъ своихъ внуковъ. Какъ ни лестно было предложеніе, но оно встревожило чуткую совѣсть. То, что разсказывали о распущенности нравовъ императрицы, заставляло молодую женщину опасаться за свое достоинство. То, что она знала объ отношеніяхъ между Екатериной и Павломъ, заставляло ее страшиться, какъ бы въ царской семьѣ ей не пришлось вести слишкомъ большую борьбу съ недовѣріемъ, слишкомъ много успокаивать волненій и улаживать внутреннихъ треній. Рижскому губернатору, графу Брауну не удалось разсѣять ея колебаній и сомнѣній; онъ рѣшилъ помимо ея, что она поѣдетъ въ Петербургъ. [1])

Г-жа фонъ-Ливенъ была женщина великодушная, одаренная тонкимъ, очень разсудительнымъ умомъ, преданная, скромная и простая. Императрица и другіе скоро почувствовали къ ней большое расположеніе, въ которомъ одинаково смѣшивались симпатія, уваженіе и преданность,— чувства во время ея службы въ роли воспитательницы еще болѣе возросшія. На ней лежала трудная задача. Благодаря прямотѣ сужденій и вѣрному чутью относительно положенія дѣлъ, она могла, не навлекая на себя немилости Екатерины заинтересовать отца и мать въ воспитаніи ихъ дѣтей, а иногда и пользоваться ихъ совѣтами. Противъ всякаго ожиданія воспитательницѣ, которую выбрала Екатерина и любовь къ которой она не скрывала, удалось войти въ довѣріе Павла и Маріи. «Она обладала, говорила впослѣдствіи одна изъ ея воспитанницъ, способностью повелѣвать и ей не легко было

[1]) Blum, Ein russischer Staatsmann, Leipzig, II, ст. 458.

такъ умѣло руководить тѣмъ множествомъ женщинъ, которыя находились подъ ея началомъ. Вокругъ насъ было много народа и графиня дѣйствовала такъ, чтобы удовлетворить какъ императрицу, такъ и нашихъ родителей; это доказываетъ, насколько графиня Ливенъ умѣла себя держать.» [1])

Въ продолженіе почти полувѣка и четырехъ царствованій фонъ-Ливенъ безъ шума и чванства пользовалась постояннымъ расположеніемъ. Ея заслуги доставили ея сыновьямъ почетъ и положеніе. Старшій былъ министромъ народнаго просвѣщенія при Николаѣ I; младшій, не отличавшійся большимъ умомъ и способностями, былъ извѣстенъ главнымъ образомъ благодаря своей женѣ, блестящей княгинѣ фонъ-Ливенъ, которая была въ свое время звѣздой дипломатическаго общества, пріятельницей Меттерниха и Гизо; ея богатую и безпокойную жизнь съ живой симпатіей изобразилъ недавно нашъ историкъ. [2])

Въ томъ же году, когда Екатерина довѣрила Шарлоттѣ фонъ-Ливенъ свою внучку Александру, она задумала опредѣлить наставника и къ своимъ внукамъ. Александру было шесть лѣтъ, Константину четыре. У старшаго просыпались уже запросы. Онъ не только спрашивалъ о причинѣ всѣхъ явленій, но его было очень трудно удовлетворить. «Его исключительная любознательность, писала въ 1782 г. императрица, дѣлаетъ то, что няня журитъ его, чтобы онъ оставилъ книгу, какъ другихъ дѣтей журятъ для того, чтобы они за нее взялись.» [3])

Гриммъ выслалъ карты, книги, планисферу, карманную печатню, которая благодаря де Вержену, могла быть по-

---

[1]) Сборникъ, т. XCVIII, стр. 11. Замѣтка великой княжны Маріи Павловны.

[2]) Ernest Daudet въ Une vie d'ambassadrice au siecle derni

[3]) Сборникъ, XXIII, стр. 231.

лучена изъ Франціи безъ оплаты пошлинъ. [1]) На основаніи того, что малолѣтній Александръ, „этотъ будущій вѣнценосецъ“, обожалъ чтеніе, бабушка предсказывала, „что онъ никогда не будетъ завоевателемъ“ [2]) Чтобы использовать эти счастливыя наклонности, нуженъ былъ внимательный и основательный наставникъ. Екатерина избрала Николая Салтыкова.

Приставленный къ двору великаго князя, графъ Салтыковъ встрѣтилъ со стороны его больше довѣріе расположенія, чѣмъ того заслуживалъ. Всецѣло преданный Екатеринѣ, онъ имѣлъ, повидимому, порученіе подслушивать у дверей, вызывать на откровенность и доносить своей августѣйшей монархинѣ то, что говорилось вокругъ Павла. Это была загадочная личность сомнительной честности. По словамъ Ланжерона, онъ отличался своеобразной развязностью манеръ. «Николай Салтыковъ имѣлъ въ наружности нѣкоторое сходство съ обезьяной; кривоногій, горбатый, низкорослый, съ желтымъ цвѣтомъ лица. Когда онъ надѣвалъ сорочку, то показывалъ всѣ свои прелести толпѣ генераловъ и полковниковъ, окружавшихъ его.» Русскіе вельможи, въ томъ числѣ и Потемкинъ, усвоили привычку „дѣлать пріемы при совершеніи своего туалета, такъ что ни одна подробность не ускользала отъ присутствующихъ“. Ланжеронъ удивлялся блестящей карьерѣ Салтыкова: „это былъ человѣкъ лишенный ума и талантовъ.“ [3]) Свидѣтельство Ланжерона сходится съ свидѣтельствомъ государственнаго секретаря Грибовскаго, рисующаго Салтыкова „худымъ, плохо сложеннымъ, съ

---

[1]) Id. т. XLIV, passim. Гриммъ посылалъ также лакомства, пряники изъ Оверня.

[2]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 275; это то, что Екатерина называла „проницательными пророчествами“ бабушекъ, Ibid. стр. 72.

[3]) Affaires ètrangéres, Memoires et Documents, т. XX, fol. 419.

короткимъ и заостреннымъ носомъ, тщательно выбритымъ, съ постоянно растегнутымъ платьемъ, опиравшимся при ходьбѣ на трость и безпрестанно нервнымъ движеніемъ руки поддергивающимъ свои штаны“ [1]) Несомнѣнно, это былъ царедворецъ, гибкій и ловкій, но съ характеромъ слабымъ и умомъ неглубокимъ. Передъ вступленіемъ въ свои обязанности, Салтыковъ былъ снабженъ со стороны императрицы инструкціей, которая содержала не менѣе семи главъ! [2])

Удачно Екатерина привлекла къ воспитанію своихъ внуковъ человѣка очень гордаго и смѣлаго ума, одного изъ лучшихъ представителей философской арміи на Западѣ, швейцарца Фридриха Цезаря Лагарпа. Родившійся въ 1754 г. въ одной вальденской семьѣ, имѣвшей нѣкоторыя родственныя связи съ семьей извѣстнаго французскаго литературнаго критика, Лагарпъ покинулъ службу на своей родинѣ, чтобы сопровождать по Италіи брата и племянника фаворита Ланского. Императрица призвала его въ Россію въ 1783 г. Подруга философовъ не считала вреднымъ сообщить будущимъ наслѣдникамъ либеральную закваску. Она расточала по отношенію къ молодому республиканцу знаки довѣрія и расположенія. Извѣстно, что при первыхъ вспышкахъ революціи, она объявила войну тѣмъ доктринамъ вѣка, которыя съ энтузіазмомъ привѣтствовала въ другое время. Лагарпъ имѣлъ враговъ, которымъ удалось возбудить противъ него подозрѣніе въ Петербургѣ. Въ 1794 г. онъ потерялъ свое мѣсто и вернулся

---

[1]) Записки, стр. 6.

[2]) См. Богдановичъ. „Исторія императора Александра I“, т. оправдательные документы. — Музыка была строго изгнана изъ программы: „клавесина не надо; Александръ и Константинъ, если захотятъ, будутъ бренчать или играть и безъ ученья.“ (Сборникъ, т. XXIII, стр. 334, письмо Гримму).

въ свои горы, куда также проникла революціонная струя. Онъ предпринялъ здѣсь ожесточенную борьбу противъ Бернской олигархіи, стяжалъ любовь и восхищеніе со стороны населенія и достигъ славы.

Лагарпъ былъ швейцарецъ, а его жена, урожденная фонъ-Ливенъ, родомъ изъ Балтійскаго края, была нѣмка по крови и по духу. Національная гордость русскихъ стала страдать отъ того, что дѣти императорской фамиліи воспитывались иностранцами. Умственный шовинизмъ и нравственный протекціонизмъ восторжествовали въ Россіи лишь при Николаѣ I; но уже съ эпохи Екатерины слышны были протесты противъ вмѣшательства въ національное воспитаніе французскихъ или нѣмецкихъ наставниковъ. Федоръ Головкинъ энергично порицалъ „неблагоразумный и постыдный выборъ иностранныхъ преподавателей, которые, будучи въ Парижѣ парикмахерами безъ практики или неудачными историками, являются учить въ Россію безстыдству и безнравственности.“ [1]) Ихъ упрекали за то, что они одну за другой вырывали всѣ основы, которыми ихъ воспитанники были прикрѣплены къ Россіи. Испор-

---

[1]) Графъ Головкинъ, Дворъ и царствованіе Павла I, портреты, воспоминанія и анекдоты, стр. 212. «Въ Петербургѣ и Москвѣ, писалъ Александръ Воронцовъ, мнимо просвѣщенные люди стремятся обучить своихъ дѣтей французскому, окружаютъ ихъ иностранцами, снабжаютъ ихъ дорого стоющими учителями танцевъ, музыки и не обучаютъ родному языку: такимъ образомъ, это прекрасное воспитаіе, очень дорого стоющее, ведетъ къ полному незнанію своей страны Растопчинъ въ Pensées à haute voix sur l'Escalier rouge, ссыпаетъ сильными ругательствами французскихъ учителей. См. Рамбо, Парижъ и Петербургъ наканунѣ революціи (Revue politique 29 іюня 1878). Ср. Іосифъ де Местръ, Первое письмо о публичномъ воспитаніи въ Парижѣ, (Lettres et Opuscules inédits, стр. 306): „это всегда не только посредственные люди, но часто испорченные и съ запятнанной репутаціей, которые являются на сѣверъ предлагать за деньги свою мнимую науку“.

ченный ими, будущій властитель земли православной не будетъ, говорили, имѣть никакого чувства привязанности къ народу; онъ будетъ чувствовать себя чужимъ на родинѣ, одинокимъ въ собственной имперіи и слыть не настоящимъ русскимъ въ глазахъ народа, который придерживался московскаго образа мыслей и нравовъ и коснѣлъ въ старинѣ. Для устраненія этого зла слѣдовало отослать за границу иноземныхъ наставниковъ, а также оставить чужестранныя понятія, которымъ Петръ Великій открылъ широкій доступъ въ свою имперію.

Реформаторъ больше, чѣмъ на цѣлый вѣкъ смутилъ спокойствіе національной души, но приходилось мириться съ этимъ и вооружаться терпѣніемъ. Ради удовлетворенія умственныхъ интересовъ, Екатерина любила обращаться къ иностранцамъ, но въ своихъ личныхъ привязанностяхъ придерживалась русскихъ. Потемкинъ былъ нужнымъ другомъ, постояннымъ совѣтчикомъ, фактически первымъ министромъ; онъ былъ управителемъ и довѣреннымъ лицомъ по устройству утѣхъ, отъ которыхъ отказался самъ. Ему необходимо было помѣшать Екатеринѣ привязаться къ такому любовнику, который могъ бы пріобрѣсти прочное вліяніе, его интересамъ болѣе соотвѣтствовало, если-бы она заводила легкія связи съ молодыми офицерами, непритязательными и не способными къ интригамъ. Заступившій въ 1784 г. мѣсто Ланскаго, Ермоловъ былъ самъ больше всѣхъ пораженъ своимъ быстрымъ успѣхомъ. Это былъ человѣкъ крупнаго сложенія, тихій, скромный, покорно страстный. Министръ Екатерины Безбородко, близко и основательно знавшій придворный міръ, отзывался о фаворитѣ, какъ о человѣкѣ серьезномъ, немного натянутомъ и сдержанномъ, любившемъ образованное общество. [1])

([1] Архивы Воронцова, XIII, стр. 82, 111.

Лишенный темперамента, веселости, онъ не могъ долго нравиться императрицѣ. Она наградила его и отпустила. Потемкинъ выдвинулъ молодого человѣка, очень привлекательной наружности, занимательнаго собесѣдника, Александра Мамонова, «красный кафтанъ», какъ его называла Екатерина, которая такъ рисовала его наружность: «Г. „красный кафтанъ“ необыкновенный человѣкъ, блестящій умъ, очень оригиналенъ, превосходный разсказчикъ и рѣдкой веселости; наконецъ, онъ исполненъ изящества, честности, учтивости и остроумія; однимъ словомъ онъ не ударитъ лицомъ въ грязь.» [1])

Мамоновъ, удивлявшій во время путешествія въ Крымъ Іосифа II своей развязной манерой держать себя и своимъ вольнымъ обращеніемъ, былъ лишенъ неприкрытаго цинизма Ланского: онъ нѣсколько стыдился своихъ отношеній къ императрицѣ, которая была вдвое старше его, но его честолюбивыя требованія одерживали верхъ надъ сомнѣніями. Пришло однако время, когда онъ порвалъ эту золотую цѣпь, чтобы жениться на богатой наслѣдницѣ, за которой многіе ухаживали и руки которой многіе добивались! [2])

Великій князь Павелъ едва преодолѣвалъ то чувство отвращенія, которое вызывали въ немъ эти періодическіе альковные перевороты. Онъ не увлекался распутствомъ вѣка; но съ уваженіемъ и волненіемъ говорилъ о добродѣтели. Влеченіе къ ней было его естественной склонностью, его обычнымъ настроеніемъ. Нравы матери вызывали въ немъ отвращеніе, и онъ хотѣлъ произвести впечатлѣніе на умы противоположнымъ. Случайные фавориты раздѣляли верховную власть, располагали большимъ вліяніемъ

---

[1]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 392.

[2]) Относительно Ермолова и Мамонова см. Валишевскій, Вокругъ трона, стр. 379 и слѣд.

у императрицы, пользовались и злоупотребляли ея благосклонностью; наслѣдникъ страдалъ, видя себя вытѣсненнымъ этими авантюристами. Онъ втайнѣ ненавидѣлъ ихъ и, казалось, откладывалъ свое мщеніе до того времени, когда будетъ у власти. Императрица предвидѣла строгости, которыя онъ будетъ примѣнять. „Твоя будущность меня безпокоитъ, писала она Мамонову. Отецъ твой богатъ, я тебя тоже обогатила. Но послѣ меня, что будетъ съ тобою, если заранѣе не подумаю о судьбѣ твоей". И изъ чувства ли любви, или утомленія, а можетъ и скрытаго желанія разрыва, она занялась подысканіемъ для него блестящей партіи. „Ты знаешь, что покойная графиня Брюсъ была лучшей подругой моей юности. Умирая она мнѣ поручила свою единственную дочь; ей теперь шестнадцать лѣтъ и я имѣю право располагать ея будущностью. Женись на ней! Ты образуешь изъ нея жену по вкусу и будешь однимъ изъ первыхъ богачей въ Россіи". [1])

Насколько можно судить по запискамъ швейцарца Рибопьера, отправившагося искать счастья къ берегамъ Невы и жившаго на дружеской ногѣ съ всемогущимъ Мамоновымъ, этотъ фаворитъ, поднявшійся столь высоко и вышедшій изъ низовъ, не потерялъ голову. Какъ тактичный человѣкъ, онъ оказывалъ великому князю больше вниманія, чѣмъ его предшественники и былъ съ нимъ любезенъ. Павелъ не отвѣчалъ ему признательностью; онъ былъ одинъ изъ тѣхъ подозрительныхъ, хмурыхъ людей, которые не любятъ, чтобы ими занимались и которые не выносятъ внимательнаго отношенія почти такъ же, какъ и оскорбленія. Великая княгиня обладала большей гибкостью характера и любезность Мамонова не оставляла ее вполнѣ равнодушной. Не переходя въ отношеніе къ нему его границъ учтиваго безразличія, она при-

---

[1]) Русскій Архивъ, 1877, I, стр. 467.

глашала его иногда къ столу и для игръ, запросто съ нимъ бесѣдовала, рискуя навлечь этимъ недовольвольство императрицы. [1]) Было бы несправедливо упрекать ее за несоотвѣтствіе между строгостью къ себѣ и снисходительностью къ другимъ. Изъ предосторожности или человѣколюбія она показывала видъ, что не замѣчаетъ, когда къ тому не побуждали обстоятельства, постыдной связи императрицы съ какимъ-нибудь Ермоловымъ или Мамоновымъ. Въ обществѣ XVIII в., особенно въ Россіи, добродѣтель должна была быть терпимой.

Съ Екатериной великій князь былъ грубъ и рѣзокъ, великая же княгиня—кротка и терпѣлива. Принцъ де Линь, съ самаго своего пріѣзда къ петербургскому двору былъ пораженъ разницей ихъ обхожденій. „Когда императрица заговаривала съ великимъ княземъ, онъ дѣлалъ холодный и почтительный поклонъ и отходилъ. Почему Вы, Ваше Высочество, говорилъ я, хотите имѣть видъ разжалованнаго царедворца? Посмотрите на то удовольствіе, которое доставляетъ ей великая княгиня, этотъ ангелъ, когда она отвѣчаетъ ей съ такимъ очаровательнымъ привѣтливымъ видомъ, ей пріятно быть съ нею, а Ваше Высочество не желаете ни сами быть тамъ, ни чтобы она находилась тамъ“ [2])

Повидимому, Екатерина была нѣсколько удивлена и немного смущена, встрѣтивъ въ снохѣ такую нравственную чистоту и такое строгое поведеніе. Она, конечно, не доходила до того, чтобы упрекать ее за ея семейныя добродѣтели, но говорила о нихъ съ оттѣнкомъ ироніи. Откровенно признаваясь Гримму въ своихъ честолюбивыхъ бабушкиныхъ замыслахъ, она говорила по поводу дочерей великой княгини Маріи Ѳеодоровны, что ей хотѣлось бы назвать

---

[1]) Ср. Мемуары Гарновскаго въ Русской Старинѣ 1876, т. XV.

[2]) Mèlanges militaires, т. XXVII, стр. 13.

ихъ, хотя бы ихъ было десятокъ, именемъ матери и добавляла: „Тогда, мнѣ кажется, онѣ будутъ держать себя прямо, заботиться о своемъ станѣ и цвѣтѣ лица, ѣсть за четверыхъ, благоразумно выбирать книги для чтенія и напослѣдокъ изъ нихъ выйдутъ отличныя гражданки для какой угодно страны". [1])

Уединенная и простая жизнь великаго князя и великой княгини раздѣлялась между Павловскомъ и новымъ владѣніемъ Гатчиной, которое было пожаловано имъ при рожденіи ихъ первой дочери. Во времена шведскаго владычества Гатчина была простой мызой. Послѣ завоеванія Ингерманландіи Петръ Великій отдалъ ее сестрѣ съ сосѣдними финляндскими деревнями, въ которыхъ и теперь еще дома странно окрашены въ коричневую и зеленую краску. Гатчина сдѣлалась затѣмъ собственностью короны. Послѣ трагедіи 1762 г. Екатерина пожаловала это имѣніе своему соучастнику Григорію Орлову: это было поле крови, „Haceldama" Въ 1766 г. фаворитъ, возлюбивъ философовъ по примѣру императрицы, просилъ Жанъ-Жака Руссо, находившагося тогда въ графствѣ Дерби, воспользоваться гостепріимствомъ Гатчины. „Воздухъ тамъ здоровый, вода чудесная; холмы, окружающіе различныя озера, образуютъ прогулки, располагающія къ мечтаніямъ. Обитатели не слышатъ тамъ ни англійскаго языка, ни французскаго, еще менѣе греческаго и латинскаго, духовенство не умѣетъ ни диспутировать, ни проповѣдовать; ихъ прихожане, творя крестное знаменіе, полагаютъ, что этимъ все сказано". [2])

Руссо вѣжливо отклонилъ приглашеніе. „Ваши обязательныя предложенія,—отвѣчалъ онъ князю,—вниманіе, съ которымъ Вы мнѣ ихъ дѣлаете, и описаніе жилища, ко-

---

[1]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 92.

[2]) Шильдеръ. Павелъ I, стр. 186.

торое Вы мнѣ предназначаете, способны были бы привлечь меня туда, если бы я былъ не такъ слабъ, болѣе подвиженъ, болѣе молодъ и если бы Вы были поближе къ солнцу". [1]) Выкупленное вновь по смерти князя за 150,000 рублей, это имѣніе перешло въ августѣ 1783 г. въ руки великаго князя Павла.

Мѣстоположеніе Гатчины мало возвышенно, лишь вдали едва виднѣется цѣпь холмовъ, которая идетъ, понижаясь къ Петербургу, до Финскаго залива. Но тамъ есть высокія деревья, живописныя воды и со вкусомъ устроенныя дороги, обширное озеро,—Бѣлое, красиво обрамленное деревьями и освѣщаемое блескомъ заходящаго солнца. Паркъ имѣлъ что-то величественное, строгое и сильное, что охватывало посѣтителя. Дворецъ, построенный для себя Орловымъ, былъ замѣчателенъ лишь тѣмъ, что имѣлъ широко раздвинутые фасады и большое количество залъ и комнатъ. Возлѣ этого обширнаго зданія находились соотвѣтствующія службы. Павелъ построилъ въ разныхъ мѣстахъ павильоны для своей свиты, школу, церковь, молитвенный домъ, въ которомъ по очереди отправлялось католическое и протестанское богослуженіе, большую и малую конюшню, псарню, магазины и мастерскія. [2]) Главной роскошью были казармы. Маневры, обученіе, военные парады съ блестящимъ оружіемъ и въ чистенькихъ формахъ должны были скоро поглотить всю жизнь Гатчины. Въ то время, какъ Павловскъ, приспособленный ко вкусамъ Маріи Θеодоровы, все болѣе украшался, Гатчина подъ режимомъ Павла принимая видъ прусскаго лагеря. Въ этомъ мѣстѣ лучше всего сохранилась память о немъ и здѣсь, намъ кажется, мы становимся къ нему ближе всего. Въ Гатчинѣ великій

---

[1]) Сочиненія Ж. Ж. Руссо, Переписка, письмо отъ 23 февраля 1766 г.

[2]) Кобеко, стр. 269 и слѣд.

князь Павелъ черпалъ силы, чтобы быть болѣе спокойнымъ свидѣтелемъ волновавшихъ его картинъ и мириться съ успѣхами ненавистныхъ ему людей. Унижаемый въ Петербургѣ наслѣдникъ подымалъ голову, когда вступалъ въ своей дворецъ и испытывалъ тамъ сознаніе своего величія. Быть можетъ здѣсь въ его поведеніи былъ оттѣнокъ вызова. Въ Гатчинѣ онъ освобождался изъ подъ надзора своей матери, которая была этимъ не вполнѣ довольна. Она пользовалась всѣми предлогами, чтобы отозвать его въ Петербургъ. Прусскій посланникъ рисуетъ намъ ее въ 1788 г. занятой экономическими соображеніями: пребываніе въ деревнѣ значительно увеличиваетъ, по ея мнѣнію, расходы двора; на одни поѣздки въ Петербургъ за провизіей и переѣзды прислуги и дворецкихъ требуется до тридцати лошадей ежедневно! [1]) Екатерина относилась съ недовѣріемъ къ посѣщеніямъ великаго князя въ его резиденціи. Одинъ годъ онъ слишкомъ много приглашалъ представителей дипломатическаго корпуса; она открыто выражала недовольство по этому поводу и иностранные министры должны были прекратить свои визиты.

Среди посланниковъ былъ въ модѣ молодой и умный графъ де Сегюръ. Онъ отличался остроуміемъ и развязностью, несравнимымъ изяществомъ и благородствомъ чувствъ; въ этомъ очаровательномъ французѣ соединялись самыя разнообразныя свойства своего отечества. Онъ плѣнилъ русское общество и заступилъ въ расположеніи императрицы мѣсто посланниковъ Австріи и Англіи. Инструкція де Верженя предписывала ему „быть очень осторожнымъ въ своемъ поведеніи по отношенію къ великому князю и великой княгинѣ, не столько

---

[1]) Секретные архивы Берлина, reposit. XI, 125; Keller, 25 ноября 1788.

изъ опасенія возбудить недовольство императрицы, сколько для того, чтобы не скомпрометтировать князя и княгиню; въ то же время—избѣгать всякой замѣтной связи съ ними и съ лицами, извѣстными своей преданностью имъ". [1]) Но ему не было воспрещено быть любезнымъ по отношенію къ молодому двору. Павелъ принималъ его съ „такой живой симпатіей, что она походила на увлеченіе", но онъ тотчасъ-же охладѣлъ къ нему, какъ только замѣтилъ близость, установившуюся между его матерью и посланникомъ Людовика XVI. Но въ послѣдній годъ своей миссіи Сегюру удалось установить съ княземъ такія отношенія, что тотъ довѣрчиво и съ открытой душой говорилъ съ нимъ. Павелъ не разъ жаловался ему на „непріятныя стороны своего положенія, страхъ, который внушалъ ему, и печальную судьбу, которую готовилъ ему дворъ, привыкшій признавать и переносить лишь правленіе женщинъ. Печальный конецъ его отца пугалъ его; это была его ideé fixe". Напрасно Сегюръ говорилъ ему, „что его предубѣжденіе обманываетъ его, что мать его далека отъ опасеній, если предоставляетъ ему содержать дворъ, какъ онъ того желаетъ, и кромѣ того держать недалеко отъ себя, въ небольшомъ разстояніи отъ Царскаго Села, два батальона, въ которыхъ онъ, по своему усмотрѣнію, могъ назначать офицеровъ, устанавливать дисциплину, вооружать и обмундировывать, между тѣмъ какъ она сама имѣетъ при своей особѣ только одну гвардейскую роту". Дипломатъ при этомъ пророчески добавлялъ: „Что касается несчастій, которыхъ Вы боитесь въ будущемъ, то повѣрьте мнѣ, что боясь ихъ, Вы можете ихъ только накликать." [2])

Тонкій наблюдатель, графъ де Сегюръ вѣрно схва-

---

[1]) Rambaud, Instructions donnèes aux ambassadeurs т. II, стр. 392.
[2]) Memoires, т. III, стр. 533.

тилъ и обрисовалъ въ своихъ Мемуарахъ характеръ великаго князя. „У Павла Петровича, пишетъ онъ, наряду съ большимъ умомъ и познаніями, къ несчастью сохранился самый безпокойный и подозрительный нравъ и самый непостоянный характеръ. Нерѣдко привѣтливый до фамильярности, а чаще высокомѣрный, деспотическій и суровый; никогда, можетъ быть, не бывало человѣка, менѣе разсудительнаго, болѣе робкаго и капризнаго, наконецъ менѣе способнаго создавать счастье другимъ и себѣ... Исторія низложенныхъ и умерщвленныхъ монарховъ превратилась у него въ навязчивую идею и постоянно вставала въ его воображеніи. Воспоминаніе объ этомъ являлось, какъ призракъ, который постоянно преслѣдуетъ его, смущаетъ ясность его духа и омрачаетъ разумъ... Во всякомъ другомъ положеніи, этотъ князь могъ бы сдѣлать другихъ счастливыми и быть счастливымъ самъ. Но для такого человѣка престолъ и особенно русскій престолъ неминуемо долженъ былъ быть опаснымъ подводнымъ камнемъ, взойти на который онъ могъ не иначе, какъ въ чаяніи скораго и насильственнаго низверженія“.[1])

Молодой дворъ поддерживалъ съ прусскимъ посланникомъ болѣе близкое общеніе, чѣмъ съ французскимъ. Въ послѣдніе годы своего царствованія Фридрихъ II имѣлъ своимъ представителемъ въ Петербургѣ графа Гертца, который служилъ предметомъ для остротъ Екатерины. „Онъ произноситъ только да и нѣтъ,—говорила она,—его можно отнести къ полярной породѣ людей“. Баронъ Келлеръ замѣнилъ Гертца и еще больше сблизился съ великимъ княземъ. Съ самаго пріѣзда къ императорскому двору онъ оказался въ обособленномъ положеніи, изъ котораго ему весьма трудно было выйти. Екатерина укрѣпила дружественныя связи съ Іосифомъ II; отсюда

---

[1]) Mémoires, II, стр. 227; III, стр. 532.

между Петербургомъ и Берлиномъ произошло охлажденіе, натянутость отношеній, недовѣріе. Въ Россіи было въ ходу говорить, что „силы прусской монархіи были увеличены Фридрихомъ II выше предѣловъ, удобныхъ для его сосѣдей“ и высказывалось намѣреніе поставить ихъ на надлежащее мѣсто. Фридриха-Вильгельма язвительно называли недостойнымъ наслѣдникомъ великаго Фридриха. Этотъ „толстякъ“, какъ называла его Екатерина, не имѣлъ „никакой способности къ управленію, какъ можно было того ожидать въ виду свойственной ему склонности къ глубокимъ размышленіямъ во время долгаго ожиданія власти“;[1]) его министры, банда нуждающихся, жадныхъ авантюристовъ, управляли имъ, потворствуя его страстямъ, пользуясь слабостями его причудливаго и мистически настроеннаго ума. Стоя одинъ лицомъ къ враждебному двору, баронъ фонъ Келлеръ искалъ опоры въ великомъ князѣ Павлѣ, прусскія симпатіи котораго были всѣмъ извѣстны. По его перепискѣ можно шагъ за шагомъ прослѣдить осторожные шаги, которые онъ дѣлалъ, въ началѣ своей миссіи для того, чтобы укрѣпиться въ довѣріи князя. Быстро поддавшійся Павелъ вызвалъ и его на болѣе интимныя бесѣды. Онъ заявлялъ о своихъ сердечныхъ чувствахъ къ Фридриху-Вильгельму и обращался къ посланнику съ просьбой увѣрить своего монарха „въ его вѣчной преданности“ Онъ сѣтовалъ, что надзоръ за нимъ заставляетъ его сдерживать и утаивать свои чувства. Императрица подозрѣвала „его рѣшительное пристрастіе къ королю прусскому“ и была этимъ недовольна. Для того, чтобы узнать его сокровенныя мысли, она устроила ему ловушку; она притворилась, увѣривъ его, что она желаетъ сблизиться съ Берлинскимъ дворомъ. Онъ воз-

---

[1]) Донесеніе Румянцева у Мартенса: Recueil des traités et conventions conclus par la Russie, т. I, стр. 136—138.

ставалъ противъ политики матери и союза съ Австріей, который ставилъ Россію во враждебныя отношенія съ Турціей. Онъ полагалъ, что имперія нуждалась въ мирѣ, чтобы возстановить свои финансы и осуществить административныя реформы. Онъ видѣлъ всѣ недостатки правительственной машины и уничтожить ихъ представлялось ему первой заботой при достиженіи власти.[1])

Принцы XVIII в. любили, какъ извѣстно, тайныя свиданія, секретную переписку и скрытыя уловки. Отношенія барона фонъ Келлера съ княземъ были полны самаго остраго интереса и волненій, сопряженныхъ съ соблюденіемъ тайны. Они были обставлены всѣми тѣми предосторожностями, которыя приняли-бы заговорщики при подготовленіи государственнаго переворота. Пруссакъ косвеннымъ путемъ доставлялъ великому князю шифрованныя посланія; князь тайкомъ читалъ ихъ и отвѣчалъ на нихъ. Когда предположенія относительно этой переписки распространились при дворѣ, чье любопытство и самолюбіе были болѣе всего задѣты?—Императрицы. Она поняла, что ничего не выиграетъ, превративъ подозрѣніе въ увѣренность. Ей нужно было открыть характеръ и содержаніе этихъ тайныхъ сношеній. Изъ архивовъ Берлина мы узнаемъ, что въ нихъ дѣло не исчерпывалось лишь одними платоническими увѣреніями въ дружбѣ; тамъ часто заходила рѣчь и о событіяхъ политической жизни. Повидимому, великій князь Павелъ пошелъ еще дальше и сокровенными путями началъ переписываться съ самимъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Депеши Келлера содержатъ не одинъ намекъ на таинственныя письма, которыми обмѣнивались король прусскій и наслѣдникъ императорскаго престола; этимъ и объясняется, почему они такъ живо заинтересовали вѣн-

---

[1]) Секретные архивы Берлина, reposit. XI, conv. 125, депеша барона Келлера.

скій кабинетъ, которому удалось перехватить нѣкоторыя изъ нихъ. [1]) Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1788 г. прусскій посланникъ узналъ, что русская эскадра стоитъ въ устьѣ Вислы передъ польскимъ городомъ Данцигомъ, который со времени раздѣла 1772 г. пруссаки не спускали съ глазъ: это привело посланника въ безпокойство, онъ прибѣжалъ къ цесаревичу и, побывавъ у него, сообщалъ Фридриху-Вильгельму: „Я не преминулъ дать почувствовать великому князю, насколько подобная новость должна была быть непріятна Вамъ и я не сомнѣваюсь, что онъ объяснится по этому поводу въ письмахъ съ Вашимъ Величествомъ, какъ онъ сдѣлалъ это по поводу Польши въ тѣхъ письмахъ, которыя переданы черезъ г. фонъ Нессельроде". [2]) Эти письма были написаны иносказательно и условнымъ языкомъ; великій князь назывался въ нихъ „maitre Gren", прусскій посланникъ „von Д... Б... Г...: Данцигское дѣло превратилось въ дѣло Палласса. [3]) Такимъ образомъ, сынъ Екатерины для того, чтобы занять себя, прогнать свою скуку, поддерживалъ тайныя сношенія съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ и его посланникомъ при русскомъ дворѣ. Въ эту эпоху онъ переживалъ, какъ мы увидимъ, нравственный кризисъ; былъ весь проникнутъ мистическимъ настроеніемъ и въ его безпокойномъ воображеніи бродила потребность сентиментальной набожности. Непреодолимая склонность влекла его къ прусскому королю, который, подобно ему, исповѣдовалъ презрѣніе къ сухому философскому скептицизму, отличался набожностью и часто чувствовалъ себя вдохновленнымъ свыше.

---

[1]) Трачевскій, Союзъ князей, С.-Петербургъ 1877, стр. 407.

[2]) Архивы Берлина, reposit. XI, conv. 125; 1 августа 1788 г.

[3]) Трачевскій, стр. 406; Кобеко.

III.

Мысль расчленить Турцію и возстановить греческую имперію въ пользу второго сына Павла овладѣла умомъ Екатерины. Это подтверждалось многочисленными и убѣдительными доказательствами. Если заходила рѣчь о введеніи въ школахъ обученія иностранному языку, то въ программу она желала ввести не нѣмецкій или французскій языки, а греческій и ново-греческій. Одинъ дипломатъ, для котораго имѣли значеніе малѣйшія подробности, послалъ въ Версаль оттискъ медали, на которой императрица ясно запечатлѣла свою волю: въ серединѣ „три богословскія добродѣтели стоятъ на берегу константинопольскаго пролива; Любовь держитъ великаго князя Константина; Надежда указываетъ ему звѣзду востока, которая видна на горизонтѣ, немного выше поверхности моря между звѣздой и фигурой Надежды на водѣ различаются два судна неравной величины, которыя по направленію звѣздъ, повидимому, движутся къ Константинополю; позади фигуры Вѣры — изображена базилика Св. Софіи; верхъ медали занятъ славой, окруженной облаками. Надпись относится къ ребенку и фигурамъ трехъ добродѣтелей; она состоитъ изъ двухъ русскихъ словъ, которыя гласятъ „съ сими“. [1])

Императрица не удовлетворилась медалью; ей нужна была картина, гдѣ бы Константинъ былъ изображенъ держащимъ въ рукѣ labarum грековъ. Она способна была, какъ видно, къ полетамъ воображенія и обладала умѣньемъ устраивать декоративную обстановку. По мѣрѣ того, какъ возрастали ея надежды, какъ вырисовывались и развивались въ болѣе замѣтныхъ очертаніяхъ ея проекты отно-

---

[1]) Affairesètrang., т. CVII, fol. 132; marquis de Verac, 10 сентября 1781 г.

сительно отдаленнаго будущаго, она все съ большимъ смущеніемъ чувствовала, что наслѣдникъ ея престола—Павелъ, не будетъ наслѣдникомъ ея политики и отброситъ ея планы, если при своемъ вступленіи на тронъ не найдетъ ихъ почти полностью осуществленными. [1]) Поэтому надо было спѣшить. Присоединенная Таврида должна была быть въ рукахъ Потемкина угрозой для безопасности турокъ. Она построила Севастополь, создала флотъ, который въ два дня могъ бы бросить якорь у стѣнъ Сераля. Въ тоже время она возбуждала Кавказъ и брала подъ свое покровительство царя Грузіи. Наконецъ, въ исходѣ 1786 г. она задумала предпринять путешествіе во всемъ военномъ блескѣ на югъ Россіи и пограничныя съ Турецкой имперіей области. Въ Каневѣ она должна была встрѣтиться съ королемъ польскимъ, а въ Херсонѣ—съ другомъ своимъ Іосифомъ II, съ которымъ предстояло обмѣняться торжественными обѣщаніями, и двѣ могущественныя христіанскія монархіи, наготовѣ и вооружившись, будутъ ждать лишь сигнала, чтобы вторгнуться въ Турцію.

Всѣ средства были пущены въ ходъ для того, чтобы путешествіе это было обставлено съ небывалой пышностью, а также для того, чтобы устроенные на протяженіи всего пути пріемы производили подавляющее впечатлѣніе на иностранную дипломатію, сопровождавшую императрицу. Екатерина про себя рѣшила взять своихъ внуковъ. „Политика и нѣжныя чувства соединились, чтобы укрѣпить ее въ этомъ рѣшеніи“. Приготовленія, которыя дѣлалъ наставникъ къ отъѣзду двухъ дѣтей, открыли ве-

---

[1]) Affair. étrang. т. CXII, fol. 138; Cailiard, 26 марта 1784 г. „Пока императрица на престолѣ, будуть говорить объ этой химерѣ (реставраціи Греческой Имперіи); ее предадутъ забвенію тотчасъ же, какъ великій князь приметъ бразды правлені . Affair, étrang., т. CXX, fol. 145; Belland, 16 марта 1787.

ликому князю намѣренія Екатерины. Павелъ написалъ своей матери «почтительное и трогательное» письмо, въ которомъ онъ умолялъ ее не усиливать огорченія, причиняемаго ея отъѣздомъ, еще разлукой съ сыновьями. Это долгое зимнее путешествіе должно, по его мнѣнію, утомить дѣтей, а масса путевыхъ развлеченій нанесетъ ущербъ ихъ ученью. Екатерина не пошла на уступки. Она слишкомъ любила, по ея словамъ, своихъ внуковъ, чтобы жить далеко отъ нихъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; она нуждалась «на закатѣ дней» въ утѣшеніи и «не могла быть такъ долго въ одиночествѣ, не имѣя возлѣ себя кого-нибудь изъ близкихъ.» «Возьмите меня» говорилъ ей Павелъ. Удивленная этой просьбой, Екатерина съ нѣкоторымъ смущеніемъ отвѣтила, «что она очень тронута этимъ доказательствомъ нѣжности, но что присутствіе великаго князя и великой княгини вызвало бы столько осложненій для налаженнаго уже путешествія, что и времени не достало бы для всѣхъ приготовленій.» Кромѣ того остальныя дѣти не могли оставаться одни въ Петербургѣ вдали отъ всѣхъ своихъ родныхъ. [1]) Бросая послѣднюю карту, Марія Ѳеодоровна обратилась къ Потемкину, что было ей очень нелегко сдѣлать. «Я не вижу никого, кромѣ Васъ, князь, кто могъ бы прійти намъ на помощь, чтобы поддержать передъ императрицей наши ходатайства и наши мольбы.» [2]) Письмо должно было проѣхать всю Россію, чтобы достигнуть Потемкина, который готовилъ въ Крыму грандіозныя празднества: медленность курьеровъ сдѣлала безполезнымъ посредничество князя Тавриды.

Неожиданное обстоятельство въ послѣднюю минуту заставило измѣнить планы императрицы. Александръ и Константинъ, заболѣвшіе оба свойственной ихъ возрасту

---

[1]) Affaires étangères, т. CXIX fol. 316 Segur, 26 ноября 1786 г.

[2]) Русскій Архивъ 1879 г. т. I, стр. 369.

болѣзнью, вѣтряной оспой, а вслѣдъ затѣмъ корью, не могли въ назначенный день отправиться въ путь. Для экипажей Ея Величества и ея свиты на каждой почтовой станціи было приготовлено по сотнѣ лошадей. Города и села, гдѣ долженъ былъ проѣзжать поѣздъ, уже были переполнены трепещущими толпами любопытныхъ. Отсрочка отъѣзда вызвала бы большое увеличеніе расходовъ, а продолжительность ожиданія охладила бы энтузіазмъ толпы. Екатерина уѣхала 17 января 1787 г. безъ внуковъ. [1]) «Она испытывала, говоритъ Сегюръ, то, что случается со всѣми царственными особами, которыхъ постоянно черезчуръ баловало счастье: самыя небольшія препятствія представляютъ для нихъ огорченіе и даже удивляютъ ихъ.» [2]) Недовольная, она освободила Павла и Марію отъ прощальнаго визита къ ней въ Царское Село. [3])

Почему она такъ настаивала на томъ, чтобы Александръ и Константинъ сопровождали ее въ Крымъ? Дипломаты задавали себѣ этотъ вопросъ и доискивались разрѣшенія его даже тогда, когда императрица уже давно покинула столицу. Хотѣла ли она короновать Константина «императоромъ Греціи?» «Она слишкомъ любила славу и блескъ,—говорилъ французскій уполномоченный,—чтобы задумать такой дерзкій планъ.» Увозя юныхъ князей, не хотѣла ли она такимъ образомъ обезпечить себѣ поведеніе ихъ отца на случай, если-бы ея отсутствіе дало поводъ къ вспышкѣ возмущенія? [4]) Петербургъ обнаруживалъ нѣкоторые признаки возбужденія. Одинъ посланникъ

---

[1]) Affaires ètangéres, v. CXX fol. 38; Segur, 17 января 1787 г.

[2]) Memoires, т. III стр. 5.

[3]) Секретные архивы Берлина, reposit XI, 120; баронъ von Keller 16 января 1787 г.

[4]) Affair. étrang., т. CXX, fol. 41; Belland, 19 января 1787 г.

писалъ: „Народное недовольство, усилившееся вслѣдствіе дороговизны хлѣба и чрезвычайныхъ обложеній, по случаю путешествія императрицы, могли бы дать поводъ для опасеній, если бы государыня не была увѣрена въ командирахъ полковъ, оставшихся здѣсь.“ [1])

Лица хорошо освѣдомленныя, благодаря своему положенію, утверждали, что желаніе императрицы увезти своихъ внуковъ обуславливалось не политическими соображеніями. Она настаивала яко-бы на поѣздкѣ для того, чтобы имѣть въ своей свитѣ ихъ учителя танцевъ, знаменитаго Пика, которому Ея Величество много аплодировала въ театрѣ и который, какъ гласила скандальная хроника, замѣнялъ иногда оффиціальнаго фаворита Александра Мамонова. [2]) Твердо установившаяся репутація способствовали распространенію наиболѣе неблагопріятныхъ для нея предположеній.

Болѣзнь, задержавшая въ Петербургѣ обоихъ дѣтей, быстро пошла на улучшеніе и императрица получала въ пути утѣшительныя вѣсти. Великая княгиня постоянно сообщала ей объ успѣхахъ Константина, «который сильно выросъ,» Александра, «который дѣлалъ антраша въ комнатѣ,» сообщала о прекрасной Еленѣ, «всегда красивой и въ хорошемъ расположеніи духа,» о Маріи, самой меньшой, «которая была такъ любезна, что подарила первый зубъ съ наименьшимъ ропотомъ, какой только можно себѣ представить.» [3])

Екатерина вовсе не согласна была на то, чтобы въ ея отсутствіе родительское воздѣйствіе проявлялось слишкомъ свободно; она приняла предосторожности и сдѣлала Сал-

---

[1]) Архивы Берлина, reposit, XI, conv. 123; Келлеръ, 23 января 1787 г.

[2]) Архивы Берлина, reposit. XI, conv. 123; 13 января 1787 г.

[3]) Русская Старина, 1873 г., т. VIII стр. 667—690.

тыкову на этотъ счетъ подробныя указанія. Салтыковъ долженъ былъ ежедневно увѣдомлять ее о томъ, что происходило и что говорилось въ царской семьѣ. Павелъ чувствовалъ, что за нимъ наблюдаютъ, и съ оттѣнкомъ горечи говорилъ прусскому посланнику, барону фонъ Келлеру, ожидавшему, что ихъ сношенія будутъ болѣе свободными во время путешествія императрицы: «мы постоянно будемъ окружены Аргусами.» [1])

Рискуя вызвать сильныя возраженія, императрица потребовала, чтобы ея внуки явились для встрѣчи ея въ Москву и вернулись съ ней вмѣстѣ въ Петербургъ. Пришлось подчиниться и отпустить ихъ. Александръ не помнилъ себя отъ радости, писалъ Салтыковъ августѣйшей бабушкѣ; онъ наложилъ на себя строгую діэту и отказался отъ опасныхъ игръ изъ боязни заболѣть въ тотъ моментъ, когда надо будетъ отправляться въ путь; мало того, онъ побуждалъ брата своего Константина принимать тѣ же предосторожности. [2]) Павелъ и Марія просили разрѣшенія сопровождать своихъ дѣтей въ Москву. «Есть большія основанія думать, что Ея Величество никогда не дозволитъ своему сыну путешествовать по Россіи, писалъ г. де Монтморэну уполномоченный посолъ Белляндъ. [3]) Она знаетъ, что князь пользуется любовью, и что только отъ его желанія зависитъ вступить на престолъ. Хотя она спокойна насчетъ образа мыслей своего сына въ этомъ отношеніи, тѣмъ не менѣе она не хочетъ подавать повода къ новому отказу отъ предложенія, которое ему столько разъ уже дѣлали. Она опасается, какъ бы зависимость, въ которой она его держитъ, не

---

[1]) Архивы Берлина, reposit XI, conv. 121; 29 декабря 1786 г.

[2]) Шильдеръ, Императоръ Адександръ I, т. I, стр. 52, на основаніи императорскихъ архивовъ.

[3]) Affaires étrangères, т. CXI, fol. 78, 5 іюня 1787.

сдѣлалась для него невыносимой.» Александръ и Константинъ поѣхали безъ родителей. 23-го іюня они съѣхались съ своей бабушкой въ селѣ Коломенскомъ и 27-го пріѣхали съ ней въ Москву. [1])

Нѣкоторые полагали, что во время пребыванія въ «первопрестольной», Екатерина II постарается вызвать движеніе въ пользу своихъ внуковъ. [2]) Она водила ихъ въ церкви и театръ, старалась лишній разъ показать ихъ народу, запружавшему улицы Москвы, такъ что его любопытство было вполнѣ удовлетворено. Населеніе радостно привѣтствовало двоихъ дѣтей, но не безъ нѣкотораго безпокойства задавало вопросъ, гдѣ-же ихъ отецъ? Имя Павла, наслѣдника престола, котораго устранили отъ празднествъ, оставивъ въ далекомъ уединеніи, было на устахъ у всѣхъ. [3]) Населеніе Москвы упорно оставалось преданнымъ великому князю и лишь въ силу необходимости оказывало почетное вниманіе вдовѣ Петра III. Екатерина обвиняла въ этомъ архіепископа Платона и хотѣла сослать его въ Троице-Сергіевскую лавру. „Платонъ, какъ и большинство русскихъ монаховъ, былъ человѣкъ низкаго происхожденія, но съ большимъ умомъ, заглохнуть которому мѣшало крайнее честолюбіе. Его враги называли его шарлатаномъ престола и кальвинистомъ въ глубинѣ души, но его служеніе всегда трогало до слезъ.“ [4]) Силой краснорѣчія онъ обезоруживалъ и Екатерину.

22 іюля 1787 г. императрица пріѣхала въ Царское

---

[1]) Шильдеръ, Императоръ Александръ I, т. I, стр. 52.

[2]) Архивы Берлина, reposit XI, conv. 123, 22 мая 1787.

[3]) Архивы Берлина, reposit XI, conv. 123; баронъ фонъ Келлеръ, 31 іюля 1787 г.

[4]) Lucien Pèrey. Catherine et le prince de Ligne (Revue de Paris, 15 іюня 1896), по мемуарамъ Головкина.

Село. Великій князь отправился во дворецъ на встрѣчу ей. Свиданіе было тягостно, все указывало на невыносимую подавленность настроенія Павла: и его угрюмый видъ, и глаза, опущенные въ землю, и запинающаяся рѣчь. Разстались также холодно. [1]) Великій князь не щадилъ злорадства по поводу пышнаго путешествія своей матери и старательно отыскивалъ въ немъ смѣшныя стороны. Петемкинъ представилъ взорамъ путешественницы картины построенныхъ городовъ и собравшагося населенія: какой миражъ обманчиваго благополучія! Увидя блестящаго принца де Линя, сопровождавшаго Екатерину, какъ онъ самъ говорилъ, въ качествѣ „дипломатическаго жокея", Павелъ въ глаза сказалъ ему: „Вы всѣ хорошо льстили моей матери, милостивые государи, представляясь видящими то, что не существуетъ: войска, гавани, корабли, невыстроенные города." „Прочтите, возразилъ ему принцъ, мое письмо Гримму, которое я нашелъ въ одной газетѣ, тамъ нѣтъ ни одного слова лжи. Мнимыя селенія перенесли обитатели, пришедшіе, можетъ быть, дѣйствительно за двадцать верстъ только для того, чтобы видѣть императрицу, и это вполнѣ естественно. Ее обкрадывали, но не обманывали. Къ тому же женщина не можетъ ходить повсюду, входить во всѣ подробности, чтобы знать, въ совершенствѣ ли были выполнены ея распоряженія." Эти слова вызвали у Павла сильный приливъ гнѣва: „О, я это хорошо знаю, воскликнулъ онъ, вотъ почему мой собачій народъ хочетъ быть управляемымъ только женщиной." [2]) Неумолимый великій князь видѣлъ въ имперіи повсюду лишь грабительство и гадости и, думая о сво-

---

[1]) Архивы Берлина, reposit XI, conv. 123, Keller, 27 іюля 1787 г.

[2]) Принцъ де Линь, Melanges militaires, т. XVII, стр. 14. Павелъ говорилъ какъ-то Сегюру; „Русскіе больше любятъ на престолѣ платье, нежели мундиръ." (Сегюръ, Memoires, т. III, стр. 536).

емъ грядущемъ царствованіи, часто повторялъ своимъ семейнымъ, что только императоръ сумѣетъ очистить и оздоровить Россію, слишкомъ долго находившуюся подъ женскимъ управленіемъ.

Царское путешествіе смутило Порту. Она предвидѣла наступленіе Россіи, готовилась выдержать его и собиралась даже ускорить его. 26 іюля она послала русскому представителю, Булгакову, ультиматумъ; она требовала въ немъ выдачи князя Маврокордато, молдавскаго господаря, отозванія русскахъ консуловъ изъ Яссъ и Бухареста, уничтоженія протектората надъ Грузіей. Булгаковъ отказалъ. Его посадили въ Семибашенный замокъ и вслѣдъ за тѣмъ оттоманская армія выступила въ походъ.

Россія совсѣмъ не предвидѣла такого смѣлаго способа ускорять развязку. Военныя приготовленія, которыми съ гордой самонадѣянностью занимался Потемкинъ, не были закончены и князь посылалъ императрицѣ отчаянныя письма, чтобы увѣдомить ее объ опасности и необходимости безотлагательной помощи. Страдая отъ своей бездѣятельности, великій князь добивался чести пойти подъ огонь. „Признаюсь, говорилъ онъ однажды Сакену, что здравомыслящему человѣку грустно видѣть всѣ эти затрудненія, вызванныя честолюбіемъ, но когда дѣла достигли уже извѣстной точки, то очень тяжело смотрѣть на все это, не имѣя возможности дѣйствовать... Будущія поколѣнія станутъ судить только по внѣшнему виду, а внѣшній видъ въ такомъ случаѣ будетъ противъ меня.“ [1])

Императрица представила многочисленныя возраженія. Въ ея глазахъ отъѣздъ цесаревича произвелъ бы въ народѣ слишкомъ большую сенсацію. Перенесеніе двора вслѣдъ за арміей повлекло бы расходы, производить которые совершенно не позволяло трудное время.

---

[1]) Сборникъ, т. XX, стр. 418.

Было позднее время года, въ арміи свирѣпствовали болѣзни, рѣшительные шаги можно было сдѣлать лишь по прошествіи большого протежутка времени. Исключительно оборонительная кампанія, безъ возможности немедленныхъ побѣдъ, не представляла для Его Императорскаго Высочества подходящаго случая выступить на арену, но Павелъ не поддавался этимъ доводамъ. Его жена хотѣла поѣхать съ нимъ: она отказала бы себѣ въ лишнихъ расходахъ и стала бы путешествовать самымъ скромнымъ образомъ. [1]) Раздраженная Екатерина писала Гримму 29 ноября: «Въ теченіе трехъ сутокъ я страннымъ образомъ осаждена и получаю по два и по три письма отъ monsieur и madame de Secondat, которые во что бы то ни стало желаютъ ѣхать въ армію. Ему я позволяю это, но ей,—какъ на это согласиться? Это невозможно, а милая женщина, сказать правду, обладаетъ головой, не подчиняющейся разсудку и очень несговорчивой.» [2])

Въ декабрѣ мѣсяцѣ распространился слухъ, что великій князь получилъ наконецъ разрѣшеніе, котораго онъ такъ добивался. Сильно опечаленная невозможностью слѣдовать за нимъ въ армію, Марія Ѳеодоровна, говорятъ, заболѣла. «Князь Потемкинъ, разсуждалъ Сегюръ, будетъ не мало смущенъ имѣть въ своей арміи наслѣдника престола, храбрость котораго ему придется сдерживать и намѣреніямъ котораго—часто противодѣйствовать. Онъ не такой человѣкъ, чтобы предоставить ему малѣйшее участіе въ командованіи, а доброволецъ такого ранга не довольствуется славой, обусловленной одной лишь храб-

---

[1]) Русская Старина, 1873, т. VIII, стр. 856.

[2]) Сборникъ. т. XXIII, стр. 439. Хотя сынъ ея и невѣстка не имѣли ничего общаго съ знаменитымъ Карломъ de Secondat, барономъ де Монтескье, Екатерина часто обозначала ихъ въ своихъ письмахъ Гримму подъ именами г. и г-жи de Secondat или „la secondaterie“.

ростью.» [1]) Екатерина очень разсчитывала въ послѣднюю минуту помѣшать отъѣзду своего сына. Въ выраженіяхъ, все болѣе и болѣе настоятельныхъ, она убѣждала его „отдать предпочтеніе нѣжнымъ, серьезнымъ и священнымъ обязанностямъ супруга и отца всякой другой склонности и привязанности.“ „Изъ городскихъ слуховъ ей послѣдней“ пришлось узнать о томъ, что по злорадству скрывали отъ нея: о новой беременности своей снохи. Поймутъ, что великій князь покинулъ Петербургъ до родовъ его жены, подъ рискомъ вызвать у послѣдней волненія, вредныя для ея здоровья? [2]) Напрасно Павелъ утверждалъ, что беременность Маріи Ѳеодоровны „не могла служить препятствіемъ выполнить свой долгъ“. Тѣмъ не менѣе онъ былъ вынужденъ вернуть обратно уже отправленные экипажи. [3]) Онъ вылилъ свое раздраженіе на своихъ лучшихъ друзьяхъ. Онъ обвинялъ небо и землю, говорилъ одинъ очевидецъ его гнѣва. [4]) Всего непріятнѣе ему было то, что иностранные дворы уже были въ курсѣ его приготовленій къ отъѣзду. Онъ спрашивалъ себя, какъ отнесутся къ его бездѣятельности: «На кого вы будите похожи въ глазахъ Европы?» говорила ему мать. «Отвѣчать на это очень не трудно. Вы будете похожи на человѣка, покорнаго моей волѣ, исполнявшаго то, чего я желала и то, о чемъ я убѣдительнѣйше просила васъ». [5]) Этотъ надменный отвѣтъ не могъ, конечно, удовлетворить великаго князя.

---

[1]) Affaires étràng., т. CXXII, fol. 343.

[2]) Русская Старина, 1873 г., т. VIII, стр. 858, письмо отъ 17 января 1788 г.

[3]) Affaires étrang. т. CXXIV, fol. 46; Segur, 5 февраля 1788.

[4]) Русская Старина, 1876, т. XV, стр. 484, письмо Мусина-Пушкина

[5]) Русская Старина, 1873, т. VIII, стр. 872, письмо отъ 18 января 1788.

Тотчасъ послѣ родовъ своей жены онъ вновь просилъ разрѣшенія поѣхать. Возможно, что и на этотъ разъ она отказала бы его настоятельнымъ просьбамъ, если бы Россія не оказалась вдругъ передъ лицомъ двухъ враговъ. Въ тотъ моментъ, когда армія Потемкина и султана наносили на югѣ другъ другу жестокіе удары, король Швеціи, по подстрекательству Англіи и Пруссіи, открылъ наступательныя дѣйствія противъ Екатерины II. 1-го іюля онъ отправилъ въ Петербургъ дерзкій ультиматумъ и не дождавшись отвѣта отдалъ своимъ войскамъ приказъ выступать. Несмотря на свои неудачи, Швеція была еще озарена отблескомъ былой славы. Она потеряла Балтійскія провинціи, но хранила еще обладаніе Финляндіей, и черезъ эту всегда открытую дверь шведская армія, почти не выходя изъ своего дома, могла достигнуть Петербурга и подвергнуть опасности русскую столицу, городъ, который геній сына Алексѣя смѣло забросилъ на берега Невы.

Внезапная аттака Густава III испугала Петербургъ, изъ котораго были выведены войска. Въ Зимнемъ Дворцѣ были слышны шведскія пушки. «Замѣшательство, волненіе, разсказываетъ Сегюръ, царили въ столицѣ. Запаковывали все: серебро, драгоцѣнности, мебель, дорогія вещи. Увѣряли, что императрица уѣдетъ ночью въ Москву. Набирали, снаряжали, обучали второпяхъ кучеровъ, прислугу, городскихъ рабочихъ». Въ нѣсколько дней Екатерина собрала 12,000 человѣкъ для своей защиты. Она поручила командованіе ими старому генералу Мусину-Пушкину. „Это былъ, по словамъ Ланжерона, первый, кто попался ей подъ руку. Это былъ наиболѣе достойный и честный изъ людей; но одна добродѣтель не дѣлаетъ еще великихъ генераловъ. Екатерина дала ему въ помощники всѣ вышитые мундиры, какіе могла найти въ Петербургѣ. Отставные, разжалованные, страдающіе подагрой, боль-

ные, все пошло въ ходъ. Своего сына, великаго князя Павла, она послала въ сухопутную армію. Каковъ былъ ея планъ? Я не знаю. Не думала ли она, что присутствіе предполагаемаго наслѣдника имперіи сообщитъ тотъ пылъ войскамъ, который замѣнитъ недостающую ихъ численность, или она хотѣла заставить его испытать посрамленіе, противопоставляя его силамъ, въ четыре раза большимъ. Быть можетъ и такъ, потому что годъ спустя, когда силы приблизительно сравнялись, она прекратила его командованіе арміей.» [1])

Прощаніе Павла съ женой было въ высшей степени трогательно.

«Тебѣ самой извѣстно, сколь я тебя любилъ и привязанъ былъ. Твоя чистѣйшая душа передъ Богомъ и человѣки стоила не только сего, но почтенія отъ меня и отъ всѣхъ. Ты мнѣ была первой отрадой и подавала лучшіе совѣты. Однимъ словомъ, не могу довольно тебѣ благодарности за все сіе сказать, равномѣрно и за терпѣніе твое, съ которымъ сносила состояніе свое, ради меня по человѣчеству, случающіяся въ жизни нашей скуки и прискорбія, о которыхъ прошу у тебя прощенія.» [2])

Прежде чѣмъ рисковать своей жизнью на полѣ брани, Павелъ установилъ порядокъ наслѣдованія актомъ, который онъ подтвердилъ въ день своего коронованія и который былъ «возложенъ на престолъ въ соборѣ Успенья Божіей Матери.» Извѣстно, что Петръ Великій знаменитымъ указомъ даровалъ право русскому монарху назначать себѣ наслѣдника. Нарушая такимъ образомъ начало наслѣдованія, которое составляетъ существенную часть монархіи, онъ поколебалъ прочность престола и вызвалъ много смутъ въ Россіи XVIII вѣка. Въ своемъ завѣщаніи

---

[1]) Affaires étrangères, Mémoires et Documents, XXI, fol. 41.

[2]) Вѣстникъ Европы 1857 г., кн. I,—Кобеко.

Павелъ возстановилъ начало наслѣдованія. «Дабы государство, писалъ онъ, не было безъ наслѣдника. Дабы наслѣдникъ былъ назначенъ закономъ самимъ. Дабы не было малѣйшаго сомнѣнія кому наслѣдовать. Мой старшій сынъ Александръ по естественному праву избирается наслѣдникомъ, а послѣ него—его мужское потомство. Послѣ пресѣченія всего мужского потомства, право наслѣдованія переходитъ въ линію моего второго сына, и затѣмъ такимъ же образомъ къ моимъ другимъ сыновьямъ, по праву первородства. Послѣ пресѣченія всего мужского потомства моихъ сыновей, право престолонаслѣдія остается въ родѣ и принадлежитъ женскому потомству послѣдняго монарха, какъ наиболѣе близкому къ престолу.» [1])

Вмѣсто того, чтобы рѣшительно двинуться къ Петербургу, Густавъ III повелъ осаду крѣпостей и его вялыя операціи охладили пылъ его войскъ. 1-го іюля 1788 года цесаревичъ прибылъ въ Выборгъ, гдѣ русская армія слѣдила за движеніями шведовъ. Съ того дня, когда положеніе, казалось, улучшилось, Марія Θеодоровна имѣла одно желаніе, одну мысль: „сдѣлать сюрпризъ своему мужу, поѣхать на день или на два повидать его“, но ей не было на то дано разрѣшенія. [2]) 20 августа Павелъ направился къ Фридрихсгаму. Русскіе и шведы стояли другъ противъ друга въ боевой готовности, одинаково нерасположенные вступать въ бой. На той и другой сторонѣ давались совѣты насчетъ осторожности и даже указанія на слабость. Генералъ Мусинъ-Пушкинъ, возрастъ котораго еще болѣе усиливалъ его природную нерѣшительность, имѣлъ мало вѣры въ свою звѣзду и лучшіе шансы на побѣду не могли его разувѣрить. Роль подчиненнаго и наблюдателя всего менѣе подходила великому князю, пылкое воображеніе котораго всегда работало. Онъ сгоралъ отъ нетерпѣнія.

---

[1]) Affaires ètrang. vol. GXXXIX, стр. 123.

[2]) Русская Старина 1873, т. VIII, стр. 875.

Хотя онъ и не былъ призванъ руководить общимъ планомъ кампаніи, онъ тѣмъ не менѣе создавалъ одинъ проектъ за другимъ. Бездѣйствіе главнокомандующаго было предметомъ жесточайшей, нерѣдко публичной критики съ его стороны. Въ ожиданіи случая пойти подъ огонь, онъ присутствовалъ при всѣхъ передвиженіяхъ и посѣщалъ стоянки войскъ. [1]) 30 августа съ тремя батальонами и нѣсколькими офицерами онъ отправился на развѣдку непріятеля.“ Шведы явно цѣлились въ великаго князя и его свиту. Отъ огня погибли два козака и одинъ унтеръ-офицеръ изъ стрѣлковъ.“ [2]) Послѣ этого происшествія шведскій полковникъ прибылъ въ русскій лагерь, чтобы принести извиненія князю. Этотъ актъ вѣжливости могъ показаться страннымъ даже въ ту эпоху, когда война сохраняла еще извѣстныя черты благородства. Возможно, что шведъ прежде всего хотѣлъ вывѣдать намѣренія сына Екатерины и съ оружіемъ въ рукахъ начать переговоры о мирѣ. Воинственный пылъ Густава III внезапно погасъ въ тотъ день, когда наборъ рекрутъ въ Россіи отнялъ у него надежду на быстрый и блестящій успѣхъ. Онъ занимался только тѣмъ,—писалъ Павелъ своей женѣ, [3])—что задавалъ балы и празднества въ своемъ лагерѣ и ему хотѣлось положить конецъ войнѣ, которую онъ объявилъ безъ вѣдома сената, и которая не встрѣчала сочувствія даже въ окружающей его средѣ офицеровъ. Возникшій заговоръ парализовалъ его силы и вынудилъ его спѣшно вернуться въ свою столицу.

Кампанія заканчивалась для русскихъ безъ громкихъ успѣховъ. Великому князю не представилось ни одного случая отличиться. Онъ возвращался въ Петербургъ же-

---

[1]) Affairesètrang., т. CXXV, fol.; 366, Seigur, 26 августа 1788.

[2]) Id. т. CXXVI, fol. 23. Seigur, 9 сентября 1788.

[3]) Русская Старина, 1873, т. VIII, стр. 877.

стоко обманутый въ ожиданіяхъ и въ очень дурномъ расположеніи духа. Въ своемъ интимномъ кругу Екатерина не разъ иронизировала, говорятъ, по поводу той роли, которую онъ игралъ въ арміи. Въ это время она находилась въ писательскомъ настроеніи: сочиняла для своего театра въ Эрмитажѣ сатирическую комедію «Горе-Богатырь», гдѣ выводила на сцену одного принца болтливаго и чваннаго, отъѣзжающаго съ храбрымъ видомъ въ чаяніи побѣдоносной славы и послѣ сотни смѣхотворныхъ приключеній возвратившагося домой, очень довольнаго самимъ собой. Былъ ли это король Густавъ или великій князь Павелъ, котораго она хотѣла изобразить въ лицѣ этого хвастливаго солдата? Вотъ вопросъ, который задавали себѣ зрители, и Екатерина лукаво предоставляла имъ самимъ отвѣчать на него. [1]) Ея насмѣшки не помѣшали однако великому князю добиваться мѣста въ императорскихъ войскахъ, когда, въ слѣдующемъ году, задорный король Швеціи вновь взялся за оружіе противъ Россіи. На настоятельныя просьбы своего сына императрица отвѣтила, однако, вѣжливымъ отказомъ. Никогда, по ея словамъ, она не согласилась бы вновь подвергать его случайностямъ войны. Вмѣсто того, чтобы «заставлять ее (семью) плакать и тосковать», она совѣтовала ему оставаться «въ кругу его милой и прелестной семьи и раздѣлить съ нею радость успѣховъ, которыми угодно будетъ Милостивому Богу благословить наше правое дѣло.» [2])

Сражались больше на морѣ, чѣмъ на сушѣ. Павелъ не принялъ никакого участія въ операціяхъ, которыя постепенно сократили шведскій флотъ и обезпечили имперіи

---

[1]) Seigur, Mémoires; стр. 302; Русская Старина, 1874, т. III, стр. 154.

[2]) Сборникъ, т. XLII, стр. 357; Affaires ètrang. т. CXXVIII, fol. 332; Seigur, 28 августа 1789.

спокойствіе со стороны сѣвера. Начиная съ 1790 г. Густавъ занятъ былъ лишь французскими дѣлами и снова сблизился съ Россіей.

Во Франціи въ это время разыгрывался первый актъ великой драмы. За границей, хотя и не сознавали еще ни смысла ея, ни серьезности, тѣмъ не менѣе не могли равнодушно слѣдить за ея перипетіями. Событія, происшедшія въ Парижѣ и Версалѣ, съ момента взятія Бастиліи, заключали въ себѣ нѣчто угрожающее для всѣхъ монарховъ, даже для тѣхъ, которыхъ отдаленность государствъ и настроеніе населенія лучше всего защищали отъ революціонной пропаганды. Начиная съ осени 1789 г., Марія Θеодоровна стала получать изъ Монбельяра тревожныя извѣстія. Во Франшъ-Конте (Верхней Бургундіи) поднялось населеніе: вооруженныя банды уничтожали лѣса, нападали на замки. Возмущеніе вспыхнуло даже у воротъ Монбельяра: отецъ Маріи Θеодоровны собственными глазами видѣлъ, какъ уничтожили солеварню, приносившую ему ежегодно 40,000 ливровъ дохода. [1]) Въ виду грозящей со всѣхъ сторонъ опасности, онъ покинулъ свое небольшое герцогство, гдѣ правилъ двадцать лѣтъ, свой дорогой Этюпъ, гдѣ революціонныя неистовства должны были скоро произвести опустошеніе, и искалъ убѣжища въ Базелѣ. Велика была его скорбь. Смерть его покровителя, Іосифа II, и еще болѣе прискорбная смерть его дочери Елизаветы, супруги Франциска Тосканскаго, лишили его всякой поддержки при австрійскомъ дворѣ. Разсчитывать на Екатерину II онъ не могъ. Его старшій сынъ Фридрихъ-Евгеній своимъ предосудительнымъ поведеніемъ въ Петербургѣ вызвалъ тяжелыя осложненія, въ которыхъ оказались замѣшанными Павелъ и Марія, и возстановилъ

---

[1]) Русская Старина, 1873, т. VIII, стр. 867. Mauveaux, Rixes entre les habitants d'Hericourt et de Montbéliard à la fin du XVIII siècle.

русскую императрицу противъ всей Вюртембергской фамиліи.

Какъ ни привыкъ Сѣверный дворъ къ семейнымъ трагедіямъ, но приключенія Фридриха-Евгенія Вюртембергскаго вызвали шумъ и здѣсь. Его грубость и жестокость, которыя онъ нисколько не старался скрыть, его дерзкое обращеніе съ женой, исключеніе изъ русской арміи, стыдъ, который испытывали изъ за его печальныхъ похожденій сестра его и зять, удаленіе и таинственный конецъ его жены въ замкѣ въ Прибалтійскомъ краѣ, все это и по прошествіи трехъ лѣтъ скорбно проходило въ памяти Маріи Ѳеодоровны.

Старшій братъ великой княгини, который послѣ своего отца долженъ былъ получить въ 1806 г. изъ рукъ Наполеона Вюртембергскую королевскую корону, Фридрихъ-Евгеній, плохо велъ себя на прусской службѣ: «Онъ производилъ безпорядокъ въ собственномъ полку.» Въ 1781 году на маневрахъ въ Силезіи король Фридрихъ II сдѣлалъ ему публичный выговоръ. [1]) Послѣ этой обиды, находясь какъ бы въ опалѣ, которая только подогрѣвала его глухую злобу, молодой офицеръ рѣшился покинуть армію своего августѣйшаго покровителя. «Въ тотъ моментъ, когда этого менѣе всего ожидали,—разсказываетъ маркизъ де Понъ,—камердинеръ принца явился въ Потсдамъ съ письмомъ, въ которомъ тотъ просилъ объ отставкѣ. Король не заставилъ ждать своего отвѣта и въ тотъ же день полкъ былъ переданъ полковнику фонъ Малену. Камердинеръ еще все ждалъ отвѣта въ Потсдамѣ, когда онъ уже былъ переданъ по назначенію черезъ одного стрѣлка.» [2])

---

[1]) Affaires ètrang., Prusse, vol. CC, fol. 272; le marquis de Pons. 27 октября 1781.

[2]) Тамъ же, fol. 319, le marquis de Pons, 22 декабря 1781 г.

Вскорѣ послѣ этого, уступая просьбамъ своей снохи, Екатерина предоставила Фридриху генералъ-губернаторство въ русской части Финляндіи. Новому генералъ-губернатору, прежде чѣмъ вступить на его постъ, было разрѣшено остаться на нѣкоторое время въ Монбельярѣ, куда должны были въ скоромъ времени пробыть графъ и графиня Сѣверные. Ему совѣтовали даже «лучше переждать разрѣшенія отъ бремени супруги его, чѣмъ подвергать ее и ребенка опасности ужаснаго путешествія осенью, по распутицѣ, продолжающейся въ теченіе пяти мѣсяцевъ.» [1]) Принцъ потребовалъ, однако, чтобы жена его, Августа Брауншвейгская, отправилась въ дорогу и постарался даже отправить ее путешествовать одну. Въ Петербургъ онъ пріѣхалъ раньше ея, 30 сентября 1782 г., гдѣ нашелъ весьма лестный для себя пріемъ. Екатерина помѣстила его въ домѣ, пріобрѣтенномъ за 56.000 рублей. Комнаты были роскошно обставлены; въ гостинной находился портретъ императрицы во весь ростъ съ многозначительной надписью: *Начатое—окончу*. Императрица довершила свои благодѣянія, пожаловавъ принцу Вюртембергскому сумму денегъ въ 150.000 рублей «на устройство дома и его первоначальное обзаведеніе.» [2])

У нея не осталось особенно дурного воспоминанія о Фридрихѣ-Евгеніѣ, который еще въ 1779 г. сдѣлалъ визитъ русскому двору. «Мы нашли въ немъ плотную массу, только и всего, писала она Гримму —Далеко отъ того, чтобы подозрѣвать его въ жестокости, способнымъ на жестокость и безчеловѣчность, мы наблюдали его въ такихъ слу-

---

[1]) Сборникъ, т. IX, стр. 175, письмо Екатерины Павлу отъ 15 августа 1782.

[2]) Секретные архивы Берлина, reposit. XI, conv. 112; Goertz, 15 октября 1782.

чаяхъ, гдѣ онъ проявлялъ даже состраданіе и много добродушія вмѣстѣ съ благородствомъ въ сужденіяхъ.» [1])

Екатерина давно знала его жену, которой, неизвѣстно почему, дала прозвище Зельмиры. Она считала принцессу немного кокетливой, нѣсколько пустой, быть можетъ даже, какъ наговаривалъ ей прусскій посланникъ, довольно безпорядочнаго нрава, но красивой, умной и изящной.

При дворѣ не было ни одного человѣка, кто-бы не замѣтилъ очень скоро грубыхъ манеръ и дикой внѣшности вюртембержца, равно какъ робкаго вида и опечаленнаго лица его жены. Ссоры возникали у супруговъ по всякому поводу: они жили «какъ кошка съ собакой». [2]) Принцъ дошелъ до того, что жестоко упрекалъ Августу за то, что она родила ему дочь, вмѣсто сына, котораго онъ ожидалъ. На что жаловался онъ? «Въ концѣ концовъ, это его вина!» замѣчала Екатерина. [3])

Раздоръ усилился. «Зельмира, писала въ 1785 г. императрица, держитъ себя прекрасно и ее не за что упрекнуть. Но ея красавецъ-муженекъ несговорчивый человѣкъ и обходится съ ней такъ грубо и недостойно, что заставитъ умереть съ горя бѣдную женщину и я даже не увѣрена, не угрожаетъ ли ей опасность съ нимъ. У него произошла съ нею скандальная сцена на прошлой недѣлѣ, о которой извѣстно всѣмъ: онъ билъ ее, таскалъ за волосы, а потомъ заперъ ее на ключъ дома". [4])

Съ внѣшней стороны принцъ и принцесса помирились, «но это былъ фальшивый миръ». Были приняты мѣры къ тому, чтобы пробудить сожалѣніе къ участи дочери

---

[1]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 249, письмо отъ 7 іюля 1782 г.

[2]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 218, письмо Потемкину отъ 8 октября 1782 г.

[3]) Id. т. XXIII, стр. 218

[4]) Id. XXIII, стр. 340.

въ герцогѣ Брауншвейгскомъ,[1])послѣдній не хотѣлъ понять, что его зять былъ дурной человѣкъ, тиранъ, «дуралей»; онъ всталъ на его сторону и угрожалъ Августѣ заточить ее, если она нарушитъ узы брака. [2])

На послѣднихъ дняхъ 1786 г., наканунѣ отъѣзда императрицы въ Крымъ, въ Эрмитажѣ разыгрался скандалъ. По окончаніи спектакля Августа послѣдовала за императрицей въ ея аппартаменты, бросилась вся въ слезахъ къ ея ногамъ и умоляла защитить ее отъ мужа, который мучилъ ее своимъ жестокимъ обращеніемъ и который, несомнѣнно, удвоитъ жестокость во время отсутствія императрицы. Сильно взволнованная Екатерина немедленно рѣшила оставить около себя несчастную женщину и удалить брата Маріи Θеодоровны. [3]) „Зельмира укрылась у меня,—сообщала она на другой день Гримму,—избѣгая рисковать жизнью у своего низкаго негодяя мужа. Я воспользовалась благопріятнымъ случаемъ, чтобы приказать бѣшенному бездѣльнику [4]) удалиться отсюда. Онъ написалъ мнѣ сердитое письмо, но принужденъ былъ сложить багажъ“.

Случай въ театрѣ явился темой для безконечныхъ пересудовъ; окружающіе не могли объяснить себѣ, какъ принцесса Августа, съ виду такая спокойная и покорная, вышла вдругъ изъ себя. Нѣкоторые утверждали, что ея мужъ грубо попрекнулъ ее за мнимыя интриги съ княземъ Дашковымъ и что она вспылила отъ обиды. По мнѣнію другихъ, она пошла жаловаться на своего супруга вовсе

---

[1]) Герцогъ Карлъ Брауншвейгскій (1735—1806) извѣстенъ въ исторіи тѣмъ, что издалъ и опубликовалъ манифестъ 1792 г.

[2]) См. этюдъ de Lariviére о Зельмирѣ (Revue hebdomadaire, 16 и 23 ноября 1901 г.); Брикнеръ, ст. о Зельмирѣ въ Историческомъ Вѣстникѣ 1890 г.

[3]) Affair. ètrang. vol. CX, fol. 3; Segur, 22 январь 1587.

[4]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 388; de Larivière, указ. ст.

не въ пылу семейной ссоры, болѣе сильной, чѣмъ обыкновенно; ея поступокъ уже давно задуманный имѣлъ цѣлью лишь получить разрѣшеніе на пребываніе во время императорскаго путешествія въ русской столицѣ, представлявшей гораздо больше развлеченій, чѣмъ скромный городъ Выборгъ, гдѣ находился генералъ-губернаторъ Финляндіи. Она дѣйствовала бы безъ сомнѣнія съ большей осторожностью, если бы могла предвидѣть, что императрица придастъ дѣлу такой серьезный оборотъ. Немного сухая и нѣсколько высокомѣрная Августа пріобрѣла враговъ. Что касается Фридриха, то онъ былъ предметомъ всеобщей антипатіи и никто не сѣтовалъ на его опалу. Изгнанный изъ Россіи, онъ направился въ Брауншвейгъ для того, чтобы разрѣшить съ своимъ тестемъ вопросъ о разводѣ. Онъ хотѣлъ сохранить себѣ сыновей, а дочь вручить матери, принцессѣ Вюртембергской; Августѣ онъ оставлялъ половину пенсіи въ 14000 флориновъ, которую онъ имѣлъ отъ Вюртемберга. Въ случаѣ отказа отъ его условій, онъ рѣшилъ перенести дѣло въ Ратибонскій сеймъ. [1])

Обида, нанесенная Фридриху Вильгельму, сильно опечалила великую княгиню. Она, какъ и всѣ, страдала отъ «высокомѣрія» и «запальчивости» своего брата и не могла не признавать, что онъ тиранилъ свою жену. Но она сердилась на молодую принцессу за то, что та придала своимъ жалобамъ слишкомъ широкую огласку, и особенно на Екатерину за то, что она такъ круто и скоро осудила виновнаго. «Эта кара,—говорила она своей свекрови,—покроетъ ее публичнымъ позоромъ, приводитъ ее въ отчаяніе, и будетъ ударомъ для тѣхъ, кто даровалъ ей жизнь». Павелъ былъ очень разсерженъ: онъ чувствовалъ жалость къ принцу Вюртембергскому, хотя никогда его особенно не

---

[1]) Секретные архивы Берлина, reposit XI, conv. 123, баронъ Keller, 2 января 1787.

любилъ, заплатилъ его долги и обѣщалъ ему пенсію въ 6000 рублей. [1])

Чтобы доказать свое разстройство, великій князь и великаяя княгиня въ продолженіе двухъ недѣль не выходили изъ своихъ аппартаментовъ. «Невѣстка разыгрываетъ ребенка, писала императрица; ей нельзя всего говорить, а слѣдовательно самое благоразумное и осторожное то, что сдѣлала я, вотъ и все". [2])

„Ей нельзя говорить всего,—писала Екатерина, и въ другомъ письмѣ: «это дѣло изъ категоріи тѣхъ, которыя лучше предать забвенію и обойти глубокимъ молчаніемъ, вотъ все, что я нахожу самымъ разумнымъ и самымъ осторожнымъ сказать ей по этому дѣлу и въ чемъ я постараюсь ее убѣдить». Къ чему эти замалчиванія? Возможно, что поведеніе вюртембержца по отношенію къ своей женѣ было не единственнымъ и не главнымъ мотивомъ, заставившимъ императрицу рѣшиться метнуть свои перуны. Она не считала своимъ долгомъ вмѣшиваться въ супружескія распри и никогда не брала на себя труда карать плохихъ мужей, исключая развѣ своего. Она поступила съ Фридрихомъ такъ сурово потому, что лично имѣла противъ него. Принцъ въ чемъ-то провинился и это она старалась скрыть. Но секретъ не былъ хорошо сохраненъ и нѣкоторые документы, особенно донесенія фонъ Келлера королю Прусскому наводятъ насъ на путь истинный.

Фридрихъ-Евгеній, не пользовавшійся особымъ уваженіемъ при дворѣ, и глубоко уязвленный этимъ, обратился противъ своей благодѣтельницы. Неизвѣстно, откуда явилось у него пристрастіе къ заговорамъ и приключеніямъ. Серьезное разслѣдованіе, произведенное секретно по приказанію импе-

---

[1]) Архивы Берлина. reposit. XI, conv. 123, та же депеша.

[2]) Сборникъ, т. XXIII.

ратрицы, якобы установило, что принцъ, во время своего управленія Финляндіей и будучи въ Петербургѣ, затѣялъ темное дѣло, поощрялъ недовольныхъ и забралъ въ свои руки главныя нити заговора противъ Екатерины. Быть можетъ онъ дошелъ до переговоровъ съ королемъ Швеціи. Повидимому, его цѣлью было передать власть своему зятю, великому князю Павлу, и занять при новомъ императорѣ первое мѣсто у подножія престола. Екатерина могла предположить, что во время своего путешествія въ Крымъ, принцъ Вюртембергскій удвоитъ свою дерзость и постарается осуществить приписываемыя ему злыя намѣренія. Виновнаго надо было удалить, какъ можно скорѣе. Ловко использованый и умѣло раздутый скандалъ, который бытъ вызванъ Зельмирой во дворцѣ Эрмитажа, позволилъ императрицѣ избавиться отъ государственнаго преступника, не давъ заподозрить обществу истинныя причины его немилости. [1])

Откровенными признаніями передъ барономъ фонъ Келлеромъ, великій князь Павелъ самъ пріоткрываетъ намъ тѣ серьезныя обвиненія, которыя тяготѣли надъ его шуриномъ. «Какъ можно было бояться,—это были его собственныя слова,—движеній въ его пользу со стороны иностраннаго принца, не имѣвшаго друзей? Можно было быть увѣреннымъ, добавлялъ великій князь, что я бы ихъ никогда не одобрилъ. Не мнѣ судить о томъ, было ли справедливо то, что произошло двадцать четыре года тому назадъ. Весь народъ принесъ присягу на вѣрность монархинѣ, которая управляетъ въ настоящее время. Искренни или нѣтъ были эти вѣрноподданническія заявленія, но я былъ свидѣтелемъ всеобщей покорности. Пусть тѣ, кто тогда дѣйствовалъ, спросятъ свою совѣсть: я не хочу

---

[1]) См. ст. Бальбасова о Фридрихѣ Вюртембергскомъ въ Русской Старинѣ 1892 г., т. LXXIII стр. 460.

ссориться со своей! Я обсудилъ и ничего не могу сдѣлать, не будучи въ согласіи съ ней, предпочитая это счастье болѣе блестящей роли, которую могъ бы играть въ исторіи... Вотъ испытываемыя мною чувства, ихъ надо бы знать и не забывать повода, по которому я ихъ открыто высказалъ». Въ порывѣ откровенности Павелъ передалъ дипломату, что во время своего путешествія въ 1774 г. въ Москву, гдѣ восторженныя толпы ходили по его слѣдамъ и позднѣе, въ Петербургѣ въ оффиціальномъ разговорѣ съ своей матерью, онъ имѣлъ «случай разувѣрить императрицу Россіи относительно опасеній ея на его счетъ». Эти „добродѣльныя чувства" не могли служить по его словамъ основаніемъ для хвастовства. Онъ не строилъ иллюзій: привязанность къ нему народа была болѣе шумливой, чѣмъ глубокой, народъ нисколько не желалъ перемѣны правленія. „Многіе люди ловятъ въ мутной водѣ, пользуются безпорядками нынѣшней системы управленія, основы которой, какъ извѣстно, очень отличаются отъ моихъ», [1]) Изъ всей этой „исповѣди" великаго князя «представителю короля, которому онъ былъ очень признателенъ», для насъ имѣетъ значеніе главнымъ образомъ то, что принцъ Вюртембергскій оказался виновнымъ или что его по крайней мѣрѣ обвиняли въ политическомъ преступленіи.

Если бы Фридрихъ—Евгеній, «don Feroce», какъ его называла Екатерина, [2]) не имѣлъ другой вины, кромѣ дурного обращенія съ женой, то развѣ императрица заявила своему секретарю, что она совершаетъ актъ милосердія, высылая его изъ предѣловъ имперіи, не подвергнувъ его предварительно публичному наказанію? [3]) Едва-ли на-

---

[1]) Архивы Берлина, reposit. XI, 132 a; баронъ фонъ Kelier, 24 февраля 1787 г.

[2]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 434.

[3]) Храповицкій, Дневникъ, стр. 21, Мемуары Гарновскаговъ Русской Старинѣ, 1876, т. XV, стр. 19.

правила бы она тогда самыхъ искусныхъ своихъ сыщиковъ въ погоню за Герсдорфомъ, этимъ наперсникомъ, за этой „обреченной don'y Feroc'y душой"? Едва-ли стала бы она придавать такое значеніе задержанію бѣглеца, скрывать его и подвергать строгимъ допросамъ въ Шлиссельбургской крѣпости, куда уже водворили, повидимому, нѣсколькихъ неизвѣстныхъ лицъ, обвинявшихся въ соучастіи съ принцемъ Вюртембергскимъ. [1])

Въ то время какъ Фридрихъ-Евгеній спѣшно покидалъ Россію, предоставляя Екатеринѣ и историкамъ рѣшать задачу, его несчастная жена отправилась скрывать свое горе въ старый замокъ Лодэ въ Эстляндіи, гдѣ она вскорѣ умерла таинственной смертью. Ея отецъ преслѣдовалъ ее упреками и хотѣлъ снова подвергнуть супружескому игу. «Папа Браунгшвейгскій» искалъ также повода для ссоры съ императрицей. «Все это происходитъ отъ того,— полагала Екатерина,—что я не все выболтала, что мнѣ извѣстно, и что я поступала съ удивительнымъ благоразуміемъ, такимъ, которое удивило мѐня самое, это, быть можетъ, содѣйствуетъ успѣху ея негодяя мужа, который, какъ мнѣ кажется, завладѣлъ слухомъ папаши, и набилъ его уши, Богъ знаетъ, чѣмъ". [2])

Зельмира жила въ Лодэ милостями императрицы «очень убого», но «вдали отъ всякихъ преслѣдованій». «Кроткую, какъ агнецъ, ее обожали немногіе, окружавшіе ее». Смотритель замка, нѣкій Польманъ, былъ однимъ изъ первыхъ ея поклонниковъ и характеръ его участія, которое онъ проявилъ по отношенію къ ней, не оставлялъ ника-

---

[1]) Кобеко, (Русская Старина, 1892, т. LXXIII стр. 267), опубликовалъ письма Екатерины къ коменданту шлиссельбургской крѣпости, полковнику фонъ Циглеру; императрица обнаруживаетъ въ нихъ большую суровость.

[2]) Сборникъ, т. XXIII стр. 409, письмо къ Гримму 5 мая 1787.

кихъ сомнѣній. [1]) Конецъ этой романической жизни окутанъ трагическимъ мракомъ. Зельмира умерла внезапно сентября 1788 г. Никто не зналъ или не хотѣлъ сказать, какъ явилась смерть въ этотъ день въ мрачный замокъ Лодэ, ни какимъ образомъ она свершила свое дѣло. Въ XVIII в. въ Россіи, повидимому, забыли, что смерть уноситъ того, кого желаетъ; вмѣсто того, чтобы внезапную кончину молодой принцессы Вюртембергской объяснить однимъ изъ капризовъ смерти, шепотомъ говорили о преступленіи. Кто былъ палачемъ? Императрица, мужъ или любовникъ? Исторія могла собрать лишь сплетни, неточныя указанія, сомнительные разсказы. Изъ всѣхъ предположеній наиболѣе правдоподобнымъ и вѣрнымъ представляется слѣдующее; Зельмира была похищена смертью, спустя нѣсколько часовъ послѣ того, какъ произвела на свѣтъ ребенка, плодъ любви къ Польману. [2])

Эти печальныя событія причинили очень привязанной къ своей семьѣ Маріи Ѳеодоровнѣ большое горе. Она была плохо вознаграждена за свою любовь. Другой изъ ея братьевъ принцъ Людвигъ, [3]) котораго она женила въ 1784 г. на княжнѣ Чарторійской, не считаясь съ предупрежденіями Екатерины, послѣдовалъ примѣру старшаго и обращался со своей женой еще болѣе сурово. По словамъ императрицы, «онъ заставлялъ ее чистить ему сапоги, стирать его бѣлье и такъ билъ ее, что княгиня-мать должна была явиться для освобожденія своей дочери отъ подобнаго ада».

Можно было думать, что «кулачная расправа свойственна роду» Вюртембергскому. «Они всѣ чрезвычайно плохо воспитаны»,—категорично заявляла императрица. [4]) Стран-

---

[1]) Тамъ-же стр. 417; письмо 13 сентября 1787 г.

[2]) См. de Lariviére, указ. ст.

[3]) Род. въ 1756, ум. въ 1817.

[4]) De Larivière, указ. ст.

но было видѣть среди княжескихъ фамилій такихъ мужей, которые проводили свою жизнь въ томъ, что изводили своихъ женъ побоями. Великій князь Павелъ не обнаруживалъ такихъ стремленій къ порабощенію и жестокости, какъ его зятевья, и не билъ свою жену, но онъ заставлялъ ее жестоко страдать отъ своего неровнаго настроенія и припадковъ мрачной тоски.

IV.

Человѣческая жизнь, по глубокому замѣчанію одного психолога, выражается не въ поступкахъ. Она заключается въ чувствахъ, которыми эти поступки вызываются. Попытавшись изложить событія, въ которыхъ до тридцатилѣтняго возраста принималъ то или другое участіе великій князь Павелъ, условія его жизни и среды, и прежде чѣмъ продолжать наше изложеніе дальше, я считаю необходимымъ ознакомиться съ душевнымъ состояніемъ Павла, вызваннымъ въ немъ обстоятельствами, среди которыхъ онъ жилъ до сихъ поръ, съ тѣми чувствами и мыслями, которыя волновали его.

Онъ не принадлежалъ къ тѣмъ счастливымъ и гибкимъ душамъ, которыхъ ничто не ломаетъ, но только подымаетъ. Онъ сгибался подъ тяжестью ударовъ, которые, начиная съ дѣтства, одинъ за другимъ обрушивались на него. Онъ не могъ подняться, прійти въ себя. И тѣмъ не менѣе онъ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что даже среди самыхъ суровыхъ жизненныхъ испытаній не слѣдуетъ падать духомъ, а нужно жить, нужно существовать. Послушайте мужественныя слова, съ которыми онъ однажды обратился къ своему другу Сакену: «Я очень радъ видѣть, что Вы стали смотрѣть на вещи болѣе спокойно. Повѣрьте, что съ нашимъ достоинствомъ несовмѣстно волноваться изъ за всякой мелочи; это значитъ

подчиняться обстоятельствамъ. Надо себя уважать, надо постоянно стоять выше всякихъ случайностей и удаляться лишь отъ всего недостойнаго и безчестнаго, что вполнѣ отъ насъ зависитъ. Все остальное суета». [1])

Читатель вѣроятно замѣтилъ, что Павелъ любилъ давать совѣты. Онъ хвалился, что достигъ обладанія истиной, что ему доступно высшее познаніе того, что составляетъ нравственную красоту. Онъ философъ. Въ немъ пышный расцвѣтъ высокихъ мыслей. Онъ любилъ разсудительность или скорѣй обожалъ ее, но онъ удалилъ ее изъ своей жизни; поэтому онъ непослѣдователенъ. Между высокими запросами своей души и ничтожностью своей жизни, онъ стоялъ въ смущеніи и страхѣ. Онъ съ грустью задавалъ себѣ вопросъ, какая болѣе сильная воля мѣшаетъ ему сообразовать свои поступки съ своими помыслами. Онъ хватался за голову и повторялъ самому себѣ слова Гамлета: «Во мнѣ есть что-то странное и опасное».

Этотъ человѣкъ столь порывистый, столь мятежный, человѣкъ, котораго ничтожный поводъ могъ вывести изъ равновѣсія, въ часы глубокаго сосредоточенія своихъ мыслей размышлялъ о самомъ себѣ, изучая всѣ изгибы своей души. Склонность его къ уединенному размышленію заходила очень далеко. Онъ копался въ себѣ и разбирался, онъ охотно сознавался въ своихъ заблужденіяхъ и промахахъ; но его смиреніе исчезало, какъ только онъ начиналъ разбирать свои внутреннія побужденія. На днѣ своей души онъ находилъ только достойное восхищенія. Его чистая совѣсть была предметомъ его гордости. Она походила на таинственный садъ, гдѣ онъ вдыхалъ сладость ароматовъ и куда онъ удалялся въ тяжелые дни. О своей совѣсти онъ говорилъ всегда гордо. Онъ не хотѣлъ «съ ней ссориться».—«И вотъ въ тридцать лѣтъ я ничего не

---

[1]) Сборникъ, т. XX, стр. 440, письмо отъ 23 мая 1783.

дѣлаю, писалъ онъ графу Румянцеву.—Но я не жалуюсь на это. Я покоряюсь волѣ Божіей, и утѣшаю себя. Клянусь Вамъ, мое спокойствіе не зиждется на большемъ или меньшемъ спокойствіи окружающемъ меня, но на моей совѣсти и на убѣжденіи, что существуютъ блага, непоколебимыя никакой временной властью... Это во многомъ меня утѣшаетъ и подымаетъ духъ».[1]) Вотъ истинно христіанскій образъ мысли. Въ другой разъ онъ писалъ: «Я не имѣю и не буду имѣть иной цѣли, кромѣ Бога во всемъ, что я совершаю, и я терплю съ покорностью». [2]) Сохранившіяся частью письма Павла къ архіепископу Платону рисуютъ намъ его человѣкомъ набожнымъ, открытымъ небесному вліянію, ввѣрявшимъ себя Богу, ищущимъ въ немъ поддержки и утѣшенія. Высокіе сановники Екатерининскаго двора, среди которыхъ онъ жилъ, были большею частью людьми невѣрующими или по легкомыслію и невѣжеству, или изъ тщеславія и моды; они соблюдали православные обряды, но считали ихъ потѣшными „tout haut de mômeries“ по выраженію Екатерины. Христіанство нисколько, повидимому, не затрагивало ихъ внутренней жизни. Не отличаясь сильнымъ духомъ, Павелъ былъ глубоко проникнутъ религіознымъ чувствомъ. Его мысль занимали вопросы иного міра. Онъ возносился къ Богу съ пылкой молитвой, въ какомъ-то мистическомъ восторгѣ. Дежурные офицеры, въ караульной комнатѣ, слышали его «стѣнанія» во время молитвы и показывали другъ другу въ кабинетѣ князя мѣсто, гдѣ «онъ имѣлъ обыкновеніе стоять на колѣняхъ, погруженный въ уединенную молитву, съ лицомъ, часто омоченнымъ слезами: паркетъ былъ протертъ колѣнопреклоненіями»... [3])

---

[1]) Шумигорскій, Императрица Марія Ѳеодоровна, стр. 207, по императорскимъ архивамъ.

[2]) Шумигорскій, стр. 275.

[3]) Саблуковъ, Описаніе смерти Павла I (Revue moderne, декабрь 1868 г.)

Если ближе присмотрѣться къ сокровеннымъ мыслямъ сына Екатерины, то можно сдѣлать выводъ, что въ петербургскомъ обществѣ господство поверхностнаго и насмѣшливаго атеизма, à la Voltaire, близилось къ концу и что волна мистическаго настроенія, проходившаго черезъ Европу въ послѣднюю треть XVIII вѣка, достигла и Россіи. На своемъ склонѣ вѣкъ удалялся отъ учителей, которые вліяли на него въ юности. Въ настроеніи чувствовалась какая-то особая потребность чудеснаго. Въ противовѣсъ скептикамъ выдѣлялись какъ-бы вдохновенные свыше. Развѣнчанный разумъ уступалъ свое первенство воображенію. Призывъ *Савойскаго Викарія* смутилъ сердца; они начали жить той внутренней жизнью, «безъ которой день не имѣетъ солнца, а ночь звѣздъ». Они возстали противъ сухой и поверхностной доктрины энциклопедистовъ; вмѣсто сухого и высокомѣрнаго раціонализма они выдвинули на первый планъ чувство. Философское божество было лишь холодной абстракціей; они отправились въ поиски Бога, который снизошелъ бы къ нимъ, наполнилъ бы ихъ чувствомъ обладанія божественнымъ. Часто они блуждали по сомнительнымъ путямъ и пристрастные къ невѣдомому, увлеченные безпредѣльными чаяніями поддавались необдуманному увлеченію чудеснымъ, слѣпому пристрастію къ сокровеннымъ силамъ. Германія, гдѣ чувство вѣчной тайны, заключающейся въ основѣ всего сущаго, было развито гораздо болѣе, чѣмъ во Франціи, представляла зрѣлище живого религіознаго движенія. Эпикурейскій скептицизмъ уже не удовлетворялъ больше. Въ началѣ вѣка піетизмъ Спенера господствовалъ во всей Германіи и проникалъ въ самые глубокіе слои народа; его сила мало по малу исчерпалась къ 1750 г.; но въ нѣжныхъ сердцахъ, которыя отталкивала сухость богословскихъ формулъ, онъ сохранилъ зачатки, которые должны были распуститься вскорѣ послѣ приступа

безвѣрія, проповѣдумаго философами. Благочестіе возрождалось. Даже тѣ или, по крайней мѣрѣ, многіе изъ тѣхъ, кто отрицалъ или сомнѣвался въ наиболѣе простыхъ и наиболѣе общихъ истинахъ христіанства, искали религіозныхъ эмоцій, такъ какъ имъ нужно было во чтобы то ни стало удовлетворить потребность своего сердца. Умы были охвачены нетерпѣніемъ; воображеніе было смущено. Жаждали вдохновенія, высшаго созерцанія, энтузіазма. Жаждали слышать голосъ Св. Духа. Внимали остроумному и пылкому Лафатеру, поэтическому Сведенборгу, который утверждалъ, что находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ ангелами и душами умершихъ. Являлось даже желаніе извѣдать тайны, окружающія человѣка со всѣхъ сторонъ; стремились отыскать или измыслить сокровенныя причины вещей, физическую тайну жизни. Нѣкоторые не стыдились добиваться раскрытія высшей тайны способами внѣшними и матеріальными, по рецептамъ колдовства и магіи. Безуміе, которое таится въ каждомъ человѣкѣ и которое гордая философія считала обузданнымъ, внезапно разорвало свои преграды и вырвалось на волю. [1])

Пропаганда мистицизма создала цѣлую сѣть тайныхъ обществъ. Въ Германіи только и говорили о таинственныхъ обществахъ и тайныхъ союзахъ. Франкъ-масонство получило тамъ большое развитіе. Будучи сначала лишь простымъ орудіемъ для распространенія терпимости и гуманности, оно стремилось измѣнить свой характеръ. Секта теософовъ, Rose-Croix, старалась увлечь франкъ-масонство въ сторону мистицизма; первый проповѣдникъ этой секты Шрепферъ основалъ въ 1772 г. въ Лейпцигѣ

---

[1]) Относительно этого религіознаго движенія см. особ. Philipson, Geschichte des preussischen Staates; Tocqueville, Mélanges; E Denis, L'Allemagne de 1789—1815; Albert Sorel, L'Europe et la Revolution francaise. т. I, гл. III.

ложу, куда привлекалъ толпу явленіями духовъ. Теософъ и шарлатанъ Вельнеръ увлекъ своими идеями ложу въ Берлинѣ. Около 1780 г. мистическіе революціонеры, иллюминаты, надѣявшіеся покорить природу и подчинить ее съ помощью тайнаго искусства какими-то формулами и сокровенными способами, пытались въ свою очередь поглотить франкъ-масонство. Таинственной стряпней занимались не только въ ложахъ. Даже наиболѣе здравомыслящіе и сильные умы удѣляли благосклонное вниманіе таинственнымъ наукамъ. Самъ Гете допустилъ увлечь себя своей подругѣ фонъ Клеттенбергъ, «прекрасной душѣ», тайнами алхиміи; въ подражаніе этой святой личности онъ устроитъ во Франкфуртѣ лабораторію, возился съ перегонными кубами и ретортами, приготовлялъ нейтральныя соли и соки изъ гальки. [1])

Это духовное теченіе встрѣтило благопріятную почву въ Россіи, странѣ вдумчивыхъ и воспламеняющихся людей, которыхъ волнуетъ и влечетъ къ себѣ невидимое и безконечное. Доктрины теозофовъ, явившіяся изъ Германіи, впитывались здѣсь болѣе или менѣе незамѣтно; бредни шведа Сведенборга находили послѣдователей среди подданныхъ императрицы. Уже около 1765 г. профессора магіи, гадальщики по гороскопу, вызыватели привидѣній, графъ де Сенъ Жерменъ и Казанова сильно заинтересовали своими чудесными исторіями праздную аристократію Петербурга. Въ 1779 г. знаменитый врачъ Месмеръ посѣтилъ далекую сѣверную столицу; тамъ только и говорили о его необыкновенныхъ исцѣленіяхъ съ помощью магнетизма. Въ томъ же году полушарлатанъ, полуэнтузіастъ графъ Каліостро направился въ Россію съ цѣлью распространить тамъ свое знакомство съ магіей, химіей, демонологіей, а его жена, прекрасная и доступная

---

[1]) Alfred Mezières, Goethe.

Лоренца, сопровождала его и старалась привлечь къ наукѣ мужчинъ. „Г. Каліостро,—писала Гримму императрица,—явился въ очень благопріятный для него моментъ, въ тотъ моментъ, когда нѣсколько франкъ-масонскихъ ложъ, насыщенныхъ принципами Сведенборга, изъ всѣхъ силъ желали видѣть духовъ.“ [1])

Масонскія ложи сильно размножились. Около 1787 г. ихъ насчитывали въ Россіи сто сорокъ пять и семьдесятъ пять—въ Польшѣ. [2]) Новиковъ, человѣкъ «съ большимъ умомъ, ханжа, бѣдный, смѣлый, краснорѣчивый,» [3]) основалъ «Дружеское общество», кружокъ, гдѣ фигурировало много молодыхъ людей, предназначенныхъ блистать въ царствованіе Александра I. Новиковъ и его друзья отправились заграницу, «чтобы изучать тайны;» они переводили и печатали въ основанной ими въ Москвѣ типографіи всѣ плоды піетической или мистической философіи, которые произвела Европа за послѣдніе два вѣка, начиная съ книгъ Якова Бёме и Спенера и кончая Arcana coelestia Сведенборга и книгой *Заблужденія или Истины* (Erreurs ou Vérités) Сенъ-Мартена. Извѣстно, что такое представлялъ Сенъ-Мартенъ, эта кроткая, прекрасная душа, „полная высокихъ порывовъ въ безпредѣльность, пронизывавшая молніями сумерки сознанія“ [4]) душа, жаждавшая слиться съ божественнымъ все наполняющимъ духомъ, жить въ единеніи съ Богомъ, проникнуться имъ и заставить зву-

---

[1]) Rambaud, Paris et Petersbourg à la veille de la Revolution (Revue politique, 26 іюня 1878 г. Валишевскій, Вокругъ трона, стр. 312; Henri d'Aliméras, Cagliostro, 163 стр.

[2]) P. Deschamps, Les Sociétes secrètes et la Sociéte; t. II, стр. 687.

[3]) Архивы Воронцова, т. XXVI стр 498, замѣтка Растопчина о мартинистахъ.

[4]) Saint Beuve. Causerie du Lundi, t. X, стр. 236, Срав. Matter, Saint Martin, sa vie et ses ecrits Caro, Essai sur la vie et les docrines de Saint-Martin.

чать его голосъ въ себѣ. Неизвѣстный философъ, онъ не имѣлъ склонности къ опасной и полной хитростей физикѣ кабалистическихъ сектъ, онъ любилъ и способствовалъ развитію прежде всего внутренняго созерцанія. Сенъ-Мартенъ оказалъ наибольшее вліяніе на русское франкъ-масонство и, освобождая его отъ матеріализма, заключавшагося въ большинствѣ тайныхъ ученій, онъ увлекалъ его въ крайній мистицизмъ. Обладавшій живымъ воображеніемъ и легко возбуждавшійся великій князь Павелъ былъ какъ бы созданъ для увлеченія этими идеями; онъ долженъ былъ отдать предпочтеніе передъ простотой православія затемненнымъ и запутаннымъ положеніямъ теософіи. Въ немъ замѣчалась природная наклонность къ суевѣрію, особая склонность во всемъ усматривать указаніе или предзнаменованіе. Такъ какъ онъ всегда жилъ жизнью, полной недовѣрія и скрытности, то любилъ таинственное, секретное, тайныя общества и людей, которые въ нихъ вращались; книги, обращавшіяся между ними, должны были неудержимо увлекать его. Пристрастіе къ чудесному превратилось при дворахъ въ какую-то эпидемію. Шведскій король предавался мистическимъ грезамъ, окружалъ себя ясновидящими; братъ его, герцогъ Зюдерманладскій, по ночамъ, въ лѣсу вызывалъ духовъ. Интимнымъ другомъ и корреспондентомъ великаго князя Павла былъ мистически настроенный и суевѣрный монархъ, который рано сроднился съ теургическими сектами и, едва вступивъ на тронъ, сдѣлалъ изъ своего двора, по выраженію Мирабо, «noble tripot» (благородный притонъ), [1]) гдѣ задавали тонъ маги, духовидцы и куртизанки. Это былъ король Пруссіи, Фридрихъ-Вильгельмъ. Этотъ сумасбродный и распутный ханжа посвятилъ себя тайнымъ ученіямъ, которыя со смутнымъ религіознымъ чувствомъ допускали соединеніе нравствен-

---

[1]) Geffroy, Gustave III, т. II.

ной распущенности. Дѣйствительно, какое имѣютъ значеніе скверны низшей и чувственной стороны души, когда высшая сторона ея любовно созерцаетъ Бога и поддерживаетъ съ Нимъ постоянное общеніе? Два авантюриста высокаго полета, два проходимца Вёльнеръ и Бишофсвердеръ наставляли Его Величество, короля прусскаго, и держали его въ своей власти. Вліяніе «Rose Croix» и роль чародѣевъ были въ Берлинѣ очень велики. Наслѣдникъ Фридриха II, этого короля философа, желавшаго съ помощью человѣческаго разума изгнать все таинственное и сверхестественнное, Фридрихъ-Вильгельмъ,—братъ «Ormesus,» какъ его наименовали при присоединеніи къ массонскому ордену,—въ кампаніи съ грубыми истолкователями таинствъ предавался кабалистическимъ вычисленіямъ, входилъ въ непосредственное сношеніе съ силами того міра, вызывалъ и заставлялъ говорить тѣнь Цезаря или тѣнь Фридриха. [1])

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что сынъ Екатерины воспринялъ уроки и подчинился внушенію иллюмината, правившаго въ Берлинѣ. «Чрезвычайная зависимость, въ которой онъ росъ, писалъ одинъ изъ французскихъ дипломатовъ, должна была установить нѣкоторое сходство между его прежней жизнью и жизнью Фридриха Вильгельма, нынѣшняго короля Пруссіи. Со времени путешествія послѣдняго, въ бытность его еще принцемъ (въ 1780 году), въ Петербургѣ между этими двумя царственными особами установились близкія и дружескія отношенія, сопровождавшіяся тайной перепиской, интимность которой еще больше закрѣпилась, благодаря ихъ посвященію въ

---

[1]) Mirabeau, La Monarchie, prussienne; Philippson, Geschichte des preussischen Staates; Sorel, L'Europe et la Revolution francaise, т. I, кн. III гл. VII.

секту иллюминатовъ. Эта близость всегда существовала и тщательно поддерживалась ихъ братьями по сектѣ.» [1])

На великаго князя сильное вліяніе оказывали два философа-мистика: Лафатеръ и Сенъ Мартенъ. Въ Швейцаріи Лафатеръ принялъ у себя графа Сѣвернаго и затѣмъ дѣлалъ ему въ письмахъ внушенія и наставленія. [2]) Что касается Сенъ Мартена, то онъ нашелъ себѣ горячій пріемъ у принцессы Вюртембергъ—Монбельярской, которая не преминула поговорить о немъ со своей дочерью и зятемъ. „Было время въ началѣ вѣка, когда знатныя дамы считали нужнымъ держать при себѣ своего острослова «bel esprit», потомъ своего геометра, затѣмъ своего философа; къ концу вѣка нѣкоторыя принцессы перещеголяли эту роскошь и захотѣли имѣть своего теозофа.“ [3]) Сенъ-Мартенъ насчитывалъ среди своихъ наиболѣе ревностныхъ послѣдователей представителей высшей аристократіи. Одинъ изъ многочисленныхъ русскихъ друзей, которыхъ онъ пріобрѣлъ себѣ въ Лондонѣ, Кошелевъ, увезъ его въ Монбельяръ; мать Маріи Ѳеодоровны была въ восторгѣ. Философъ, русскій вельможа и принцесса, «завтракали втроемъ въ гротѣ Этюпскаго замка и испытывали такое ясное, хорошее чувство, такое живое умиленіе, что не могли удержаться отъ слезъ.» [4]) Небольшой Монбельярскій дворъ сдѣлался очагомъ мистицизма.

---

[1]) Affaires étrang, Memoires et Documents, т. XXV, fol. 23. Замѣчанія относительно смерти императрицы Россіи Poterat'a, переданныя въ министерство иностранныхъ дѣлъ при Директоріи, 6 нивоза, V года.

[2]) Павелъ писалъ также Лафатеру, котораго называлъ „достойнымъ пастыремъ и другомъ человѣческаго рода.“ См. Русскій Архивъ 1900 г., т. X, стр. 491.

[3]) Saint-Beuf, Causeries de Lundi т. X стр. 240,

[4]) Duvernoy, Éphémérides du comté de Montbéliard, стр. 255; Matter, стр. 143.

Все располагало, такимъ образомъ, цесаревича къ тому, чтобы выказать къ мартинистамъ, главой которыхъ былъ Новиковъ, нѣчто большее, чѣмъ одну только симпатію. Онъ интересовался ихъ правилами, ихъ обычаями и работами, и досталъ себѣ ихъ книги, сочиненія Ѳомы Кемпійскаго, трактатъ о таинствахъ Св. Креста, «всю избранную библіотеку для чтенія христіанина.» Франкъ-масонство, вѣрное своему обыкновенію искать опору вплоть до ступеней трона, старалось привлечь и его въ свое лоно. Онъ колебался: его безпокоила мысль, не проникнуты ли эти благочестивыя сообщества, мистическимъ направленіемъ которымъ онъ восхищался, политическимъ духомъ и не имѣютъ ли они въ виду подготовить народныя движенія и ниспровергнуть самодержавіе. [1]) Трудно опредѣленно сказать, присоединился ли онъ къ ордену и присутствовалъ ли на его тайныхъ собраніяхъ. Екатерина начала коситься на сношенія сына съ мартинистами и стала аттаковать орденъ ударами пера. Въ одной сатирической комедіи, которая называлась *Обманутый*, она вывела на сцену несчастнаго, который помѣшался въ разсудкѣ подъ вліяніемъ измышленій иллюминатовъ, выражался не иначе, какъ мистическими афоризмами, желалъ превратить розы въ металлъ и всюду слышалъ голосъ духовъ. [2]) Вскорѣ она перестала довольствоваться осмѣяніемъ и начала закрывать ложи. Во Франціи вспыхнула революція: испуганныя правительства объявили войну тайнымъ обществамъ, покрывавшимъ Европу; «иллюминаты или философы имѣли цѣлью, какъ то показалъ опытъ, лишь разрушеніе,» писала Гримму, старый другъ Вольтера, императрица. [3]) Въ 1792 г. Новиковъ былъ арестованъ, допрошенъ

---

[1]) Архивы Воронцова, т. XXVI, стр. 503, замѣчаніе Растопчина.

[2]) Rambaud, Paris et Petersbourg à la veille de Revolution (Revue politique, 29 іюня 1878 г.)

[3]) Сборникъ, т. XXIII, письмо отъ 11 февраля 1794 г.

по поводу сношеній съ наслѣдникомъ престола и безъ суда на пятнадцать лѣтъ заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, сохранившую печальную память объ Иванѣ VI Брауншвейгскомъ. Растопчинъ передавалъ, что Новиковъ „чудилъ, вступая въ тюрьму, бросался на колѣни, благодарилъ небо за кары, котороеоно на него ниспосылаетъ, увѣрялъ въ своей невинности и давалъ обѣтъ все перенести изъ любви къ Спасителю.“ [1])

При восшествіи на престолъ Павла въ 1796 г. мартинисты подняли головы; они возлагали много надеждъ на князя, который оказывалъ имъ знаки расположенія. Но остановленный своими совѣтниками, напомнившими ему «одинъ обѣдъ, на которомъ послѣдователи Новикова бросали жребій, кому убить императрицу», „крайне ревнивый къ своей власти и склонный повсюду видѣть зачатки революціи,“ новый императоръ совершенно охладѣлъ къ мартинистамъ. «Неудивительно, что онъ такъ скоро перемѣнилъ свое мнѣніе,—разсуждалъ Растопчинъ, знавшій людей,—есть такой разрядъ людей и такой родъ услугъ, которые наслѣдники престола любятъ только до своего воцаренія; но, разъ сдѣлавшись властителями, они удаляютъ и даже наказываютъ тѣхъ, которыхъ раньше почитали необходимыми и отплатой которымъ послѣ должно быть одно презрѣніе.“ [2])

Слѣдуетъ отмѣтить, что великій князь Павелъ былъ однимъ изъ первыхъ въ Россіи, кто выступилъ противъ раціонализма и отдался мистическому теченію, которое послѣ великаго испытанія 1812 и 1813 г. съ такой силой увлекло

---

[1]) Архивы Воронцова, т. XXVI.

[2]) Id., т. XXVI; «Франкъ-масоны, которыхъ онъ такъ горячо защищалъ, будучи великимъ княземъ, быть близкимъ къ которымъ доставляло, повидимому, ему столько удовлетворенія, стали ему теперь казаться лишь привиллегированными заговорщиками.» Федоръ Головкинъ, Дворъ и царствованіе Павла I, портреты и воспоминанія, стр. 132.

императора Александра I и русское общество. Какая противоположность характеровъ и образа мыслей между матерью и сыномъ! Интересно и достойно изученія зрѣлище этого столкновенія двухъ поколѣній. Екатерина съ ея холоднымъ умомъ была разсудительна, проникнута скептицизмомъ, съ нѣкоторой примѣсью вольномыслія, которое проскальзывало и давало себя чувствовать во всемъ ея поведеніи; она имѣла пристрастіе къ достовѣрности и гордилась своимъ положительнымъ здравымъ смысломъ. Павелъ, напротивъ, обладалъ развитымъ религіознымъ чувствомъ; его сентиментальность была повышена, онъ впадалъ въ экстазъ, проливалъ слезы, бросался на колѣни; онъ проявлялъ утонченность и пылкость своего чрезмѣрно развитого и неумѣреннаго воображенія; отвращеніе къ свѣту, и склонность къ чувствительности толкали его къ таинственнымъ ученіямъ, глухо волновавшимъ умы Европы, на порогѣ революціи. Какъ извѣстно, Павелъ считалъ себя достигшимъ высшихъ вершинъ нравственной красоты. Онъ высоко цѣнилъ себя за то, что его волновалъ и интересовалъ невидимый міръ, который опять ввели въ моду его современники. Но это былъ не единственный признакъ благородства его натуры, открывать которые въ себѣ доставляло ему высшее удовольствіе: онъ любилъ!

Руссо какъ-бы вновь открылъ всѣ источники чувства и энтузіазма: началось прославленіе любви. Уже прошло время, когда любовь сводилась къ ухаживанію, къ «обмѣну двухъ фантазій», когда на нее смотрѣли, какъ на случайность или удачу; теперь она захватывала всего человѣка цѣликомъ и ее чуть не возводили на высоту общественнаго долга. Во Франціи приходилось присутствовать при какой-то выставкѣ чувствъ: выраженія умиленія и изліянія чувствъ отличались напыщенностью, сердце же оставалось въ глубинѣ не затронутымъ. Французы были значительно меньше нѣмцевъ пропитаны вліяніемъ Руссо, самымъ нѣ-

мецкимъ изъ всѣхъ французскихъ писателей. Въ Германіи же съ эпохи страстнаго подъема, получившаго названіе „Sturm und Drang“ періода, глубокія чувства кипѣли ключемъ въ сердцахъ.

Любовь почиталась добродѣтелью, самымъ высокимъ проявленіемъ нашего внутренняго существа. Любовь—это божественное чувство, которое ведетъ къ любви божественной и сливается съ ней. На женщину переставали смотрѣть какъ на существо тѣлесное, подобное мужчинѣ; недалеко были отъ того, чтобы сдѣлать изъ нея божество. Она была не только существомъ, отъ котораго исходила всякая красота, но такимъ, въ которомъ воплощалась всякая добродѣтель. Ея глаза, какъ небесныя звѣзды, проливаютъ миръ на весь свѣтъ и заставляютъ думать о Богѣ. Обратимся къ литературѣ, «этой, какъ говорятъ, исповѣди общества». Для Гете любовь была самой прекрасной изъ добродѣтелей. Религіозныя стремленія, нравственныя исканія смѣшивались съ нѣжнымъ и страстнымъ чувствомъ которое онъ питалъ къ Шарлоттѣ фонъ Штейнъ Онъ называлъ ее «той, которая утѣшаетъ, «Boesenftiegerin». Онъ на всѣ лады повторялъ ей, что она его успокоила, очистила, облагородила, что она исцѣлила его отъ его сумасбродствъ: «Ты пролила спокойствіе въ мою жгучую кровь; ты направила ея кипучее и безумное теченіе и въ твоихъ ангельскихъ объятіяхъ мое потрясенное сердце находило покой!“ Поэтъ обращался къ г-жѣ Штейнъ съ нѣжными мольбами: «О, умоляю тебя на колѣняхъ, сдѣлай меня совершеннымъ, mache mich recht gut!» Этотъ романтическій идеализмъ находитъ свое выраженіе въ послѣднемъ стихѣ Фауста: «Das Ewig-weibliche zieht uns hinan», который не слѣдовало переводить такъ, какъ подсказывали французскія привычки: „Вѣчно женственное привлекаетъ насъ“, но «вѣчно женственное насъ возвышаетъ». Герои иностраннаго романиста, пользовавшагося

у насъ большимъ успѣхомъ, Фогацаро помогутъ, можетъ быть, намъ исправить и лучше понять эту манеру чувствовать и выражать любовь. Для нихъ также женщина представляла «Божіе Слово, которое онъ шепчетъ намъ во мракѣ», любовь—сила, «которая подымаетъ насъ изъ грязи» и возноситъ насъ къ высшему добру. «Властитель душъ,—восклицаетъ одинъ изъ нихъ,—сдѣлай такъ, чтобы я былъ любимъ. Ты знаешь, что я ищу въ любви не только сладости, но отвращенія ко всему низменному, силы бороться за добро и за правду". Это стремленіе обоготворять страсть мы найдемъ и у великаго князя Павла. Около тридцати-пятилѣтняго возраста, какъ разъ въ то самое время, когда у него проявился религіозный пылъ, холодный до тѣхъ поръ сердцемъ и чувствами, Павелъ начинаетъ испытывать желаніе познать опьяненіе любви. Любовь рисуется ему въ видѣ сладкаго чувства, восторговъ, безконечныхъ ласкъ. Онъ находитъ нѣсколько холодными тѣ достойныя уваженія привязанности, которыя выпали на его долю. Великая княгиня была не изъ тѣхъ женщинъ, которыя почувствовали бы или внушили къ себѣ сильную страсть; по своей натурѣ она была неспособна къ экзальтаціи, — спокойная, уравновѣшанная, всегда какъ гладкая поверхность тихаго озера. Павелъ влюбился въ молодую придворную дѣвушку Нелидову. Сейчасъ еще не время излагать въ подробностяхъ этотъ странный романъ, который былъ для князя смѣсью наслажденій и въ тоже время мученій. Удовольствуемся пока сейчасъ лишь указаніемъ на то, что здѣсь играли роль, какъ нравственныя исканія, такъ и религіозныя чувства.

Любовь, которую сынъ Екатерины питалъ къ Нелидой, была возвышеннымъ чувствамъ, стремленіемъ къ духовному единенію, увлеченіемъ, которое не затрагиваетъ или почти не затрагиваетъ чувственной стороны, но которое хочетъ быть платоническимъ: но отъ этого она не

менѣе исполнена безпокойствъ, тревоги, волненій и орошена слезами. Павелъ и Нелидова испытывали непреодолимую потребность одухотворить свою любовь, возвысить ее, предать ей религіозный оттѣнокъ. Они доставляли другъ другу благочестивыя книги; вмѣстѣ молились, взаимно побуждали другъ друга къ добру. Подобно менѣе сдержаннымъ и цѣломудреннымъ любовникамъ Руссо они думали поощрять въ себѣ добродѣтель нѣжными дружескими ласками. Въ своихъ любовныхъ письмахъ они говорили только о Богѣ, о небесномъ и безконечномъ. Они жили въ горячей атмосферѣ мистицизма. Павелъ выражалъ своей подругѣ тѣ же чувства, какія Гете Шарлоттѣ фонъ-Штейнъ. Въ часы нѣжныхъ изліяній онъ благодарилъ ее за то, что она поддержала его, подкрѣпила, переродила, спасла, и молодая женщина, увѣренная въ своемъ благотворномъ вліяніи, готова была повѣрить, что она облечена по отношенію къ будущему императору божественной миссіей.

Этотъ добродѣтельный пылъ, эти сверхчувственныя стремленія, эти фантазіи чувствительности не должны однако безпокоить насъ. Мы достаточно хорошо знаемъ великаго князя Павла, чтобы поставить діагнозъ постигшей его болѣзни. Его болѣзнь, это—притязаніе подняться слишкомъ высоко, это мечты о возвышенномъ, о недоступномъ, о невозможномъ. Ему было нужно выйти за предѣлы обыкновенныхъ чувствъ. Онъ не могъ довольствоваться тѣмъ христіанствомъ, которое удовлетворяетъ потребности массы людей; для его нервной экзальтаціи требовалось высшее христіанство, изобилующее мистическими эмоціями. Онъ презиралъ благо, которое было доступно всѣмъ. Въ немъ никогда нельзя было отыскать твердаго намѣренія, мужественнаго рѣшенія осуществить тѣ скромныя усилія и тѣ малыя добродѣтели, которыя признаются достаточными для снисканія уваже-

нія къ себѣ и относительнаго счастья въ обществѣ, среди котораго мы живемъ. Но мы видимъ его изнемогавшимъ въ химерическихъ порывахъ къ добру въ его чистомъ видѣ. Онъ приходилъ въ изумленіе, какъ мы сказали, что съ такими возвышенными мыслями онъ долженъ былъ вести такое сѣренькое существованіе. Онъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что эти горделиво возлелѣянныя высокія мысли вызывали въ немъ какъ бы умственное опьяненіе, очаровательное опьяненіе, въ которомъ онъ забывалъ то, что повелѣваетъ людямъ истинное познаніе долга.

ГЛАВА VII.

Гатчинскій дворъ.

(1790—1796).

I.

Кромѣ идіотовъ, слабоумныхъ и сумасшедшихъ психіатры признаютъ объектами своего изученія и такихъ людей, которыхъ они именуютъ дегенератами высшаго типа (dégénéres superieurs). Эти новые кліенты уже были подвергнуты тщательному изученію. Поколѣніе, отъ котораго они произошли, передало имъ зачатки нервныхъ болѣзней. Подъ вліяніемъ наслѣдственности, нервная система ихъ представляетъ такіе дефекты, которые разрушаютъ въ ней гармоническое проявленіе способностей. Они не умѣютъ, не могутъ ни довести свои мысли до надлежащаго конца, ни съ успѣхомъ использовать свое нерѣдко блестящее дарованіе. Богато одаренные отъ природы, они отличаются при этомъ врожденной неспособностью дисциплинировать свой мозгъ. Они вполнѣ оправдываютъ даваемые имъ эпитеты чудаковъ, людей взбалмошныхъ, сумасбродовъ. Ихъ мысли лишены послѣдовательности и связи: онѣ безпорядочны, ничто не управляетъ ихъ порывами, не координируетъ ихъ скачковъ. Ихъ характеръ—то буйный, то кроткій, то упорный, то слабый, то нерѣшительный, то упрямый,—лишенъ постоянства. Чувства ихъ также неуравновѣшенны: повышенная чувствительность, странныя влеченія,

безпорядочная смѣна настроеній, безпричинная восторженность. Всѣ дегенераты неуравновѣшенны. Если природный недостатокъ у большинства изъ нихъ выражается лишь въ большей или меньшей неуравновѣшенности, то у другихъ онъ ярко проявляется въ цѣломъ рядѣ нервныхъ явленій, различныхъ по внѣшнему виду, но общихъ по происхожденію, обнаруживающихся въ той или другой формѣ, отдѣльно или въ совокупности, въ продолженіе всей жизни больного или въ видѣ отдѣльныхъ характерныхъ „эпизодовъ", каковы галлюцинаціи, мономаніи, нервные страхи (фобіи), маніи сомнѣній (folie de doutes), ненормальности осязанія, боязнь пространства, непреодолимое влеченіе повторять слышанныя слова или поступки, которыхъ были свидѣтелями, половыя извращенія всякаго рода, навязчивыя идеи или стремленія. Положеніе дегенератовъ полно опасности; они втянуты въ трудное дѣло жизни, не имѣя твердой опоры и достаточнаго капитала; имъ очень тяжело дотянуть до конца, избѣжать краха; для менѣе устойчивыхъ достаточно малѣйшаго толчка, чтобы вызвать отчаяніе, упадокъ силъ, душевную болѣзнь. [1])

Великій князь Павелъ весь въ этомъ портретѣ. Несомнѣнно, что вырожденіе коснулось этого неуравновѣшеннаго, безпокойнаго, съ разстроеннымъ воображеніемъ князя. Посмотрите на его внѣшность: онъ страдаетъ тѣлесными недостатками и Сенъ-Бефъ не преувеличивалъ, изображая сына Екатерины, какъ „плосконосаго, невзрачнаго лопаря". [2]) Вспомните его болѣзненное дѣтство: если довѣрять довольно темнымъ свидѣтельствамъ нѣсколькихъ современниковъ, онъ страдалъ въ юные годы эпилептическими припадками. Какъ вредно должны были отразиться страшныя волненія 1762 г. на предрасположен-

---

[1]) Magnan, les Dégénérès, état mental et syndromes épisodiques.

[2]) Nouveaux Lundis, t. II, article sur Catherine II.

номъ къ нервнымъ припадкамъ юномъ существѣ! Онъ съ раннихъ поръ отличался странностями мыслей, чувствъ и поведенія, преувеличенной любовью къ уединенію, несчастной наклонностью относиться ко всему подозрительно, собирать самыя незначительныя обстоятельства и относить ихъ къ какому-то воображаемому заговору. Онъ чувствовалъ себя окруженнымъ безпокойной и недоброжелательной силой. Какъ помнитъ читатель, на него нѣсколько разъ находилъ и мучилъ страхъ быть отравленнымъ. Онъ былъ подверженъ болѣзненной возбудимости, выражавшейся въ приступахъ бурнаго гнѣва: его жизнь являлась какъ бы рядомъ бурь, глубоко волновавшихъ окружающую среду. Часто за этими вспышками слѣдовало состояніе глубокой нервной подавленности. Помимо всякаго непосредственнаго огорченія, онъ былъ какъ-бы подавленъ безконечно печальнымъ положеніемъ дѣлъ. На него находили приступы безнадежной тоски и ипохондріи и онъ былъ подверженъ галлюцинаціямъ. Г-жа Оберкирхъ разсказываетъ, что прогуливаясь однажды вечеромъ по набережной Невы, въ 1780 г., „великій князь вообразилъ, что за нимъ слѣдуетъ призракъ, назвавшій его по имени, дѣлавшій ему мрачныя предсказанія, призракъ, который былъ никто иной, какъ его прадѣдъ, Петръ Великій“ [1].

Разсказъ г-жи Оберкирхъ тѣмъ болѣе важенъ, что будучи преданной подругой Маріи Ѳеодоровны, она была расположена къ Павлу и охотно обходила молчаніемъ недостатки его характера и болѣзненное разстройство его здоровья. Далѣе читатель узнаетъ о другихъ нервныхъ проявленіяхъ, причиной которыхъ являлась неуравновѣшенность его нервной организаціи. Его болѣзненно впечатлительное сознаніе страдало преувеличеніями; въ разстроенномъ воображеніи нарождались несбыточныя

---

[1]) M-me d'Oberkirch, Mèmoires, т. I, стр. 337.

мечты. Дѣлаясь все болѣе и болѣе чувствительнымъ и неуравновѣшеннымъ, онъ поддавался безпорядочнымъ увлеченіямъ, мономаніямъ, приливамъ набожности, мистицизму. Но до времени его восшествія на престолъ въ немъ можно было наблюдать лишь отдаленные „эпизоды", характерные для психическаго состоянія дегенератовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было замѣтно, что мозговая устойчивость съ каждымъ годомъ уменьшалась. Ничтожнаго толчка было достаточно для ея крушенія. Послѣ трагическаго дня 6 ноября 1796 г., когда внезапно скончалась императрица и когда Павелъ, еще утромъ охваченный самыми мрачными мыслями и готовившійся покориться волѣ своего врага и подвергнуться заточенію и смерти, вечеромъ вдругъ увидѣлъ себя властителемъ имперіи, то казалось, что мозговая устойчивость его окончательно поколебалась; казалось, что душевное равновѣсіе окончательно рушилось, разумъ пошатнулся; сознаніе затемнилось, что наступило состояніе бреда.

Наука, которая въ каждомъ человѣкѣ видитъ хранилище, гдѣ покоятся прежнія поколѣнія, представляетъ намъ дегенерата, какъ „продуктъ долгаго ряда болѣзненныхъ наслѣдственныхъ превращеній". [1])

Такимъ образомъ элементы и тайны своеобразной организаціи Павла слѣдуетъ искать въ его родителяхъ, въ таинственныхъ законахъ наслѣдственности. Какія черты нервной организаціи могла передать своему сыну Екатерина? Она—хорошей породы, сильная, энергичная, проницательная, всегда съ яснымъ умомъ. Но ей постояно надо сдерживать себя и слѣдить за собой. Она отличалась большой порывистостью и горячностью. Гриммъ сравнивалъ ее съ вулканомъ, и она сама шутливо называла Этну „своимъ кузеномъ". Нельзя сказать, чтобы въ ея мысляхъ

---

[1]) Magnan, Les Dégénérés.

недоставало послѣдовательности. Но когда она заявляла что «она нѣчто цѣлое составленное изъ обломковъ», то приходилость вспоминать о неровности ея настроенія, о страстныхъ увлеченіяхъ и послѣдующихъ быстрыхъ разочарованіяхъ. [1]) Самымъ серьезнымъ недостаткомъ Екатерины являлись ея половыя излишества. Никогда еще женщина не давала большей воли своей чувственности. Психіатры не преминули бы счесть за болѣзненный симптомъ не соотвѣтствовавшія ни возрасту, ни разуму ея любовныя связи. Не эти ли излишества вызывали, начиная съ 1774 г., нервныя явленія у императрицы? Врачи Ея Величества наблюдали у нея „обмороки", нервные „тики", извращенныя чувства и нѣсколько поспѣшно ссылались на „истерію".

Съ того момента, какъ законность происхожденія Павла стала возбуждать споры, объясненіе чертъ у Павла— чертами Петра III не могло повести ни къ какимъ серьезнымъ, положительнымъ результатамъ. Если бы несчастный супругъ Екатерины былъ истиннымъ отцомъ Павла, (нельзя съ полной увѣренностью утверждать обратное), то онъ долженъ былъ-бы оставить ему очень тяжелое наслѣдіе. Какое физіологическое убожество скрывалось въ этомъ человѣкѣ, плохо сложенномъ физически, чахломъ, который весь былъ лишь какой-то каррикатурой, какимъ-то низшимъ созданіемъ, таившимъ въ себѣ всѣ пороки, какимъ-то трагическимъ шутомъ, пропитаннымъ алкоголемъ, одержимымъ нелепѣйшими мономаніями, впадавшимъ въ дикіе припадки безсильнаго бѣшенства, опускавшимся до послѣдней степени паденія.

Принадлежалъ-ли Павелъ къ этому страждущему роду, или подобно брату своему, Бобринскому, обязанъ своимъ рожденіемъ любовнику Екатерины, слѣдуетъ признать,

---

[1]) Валишевскій, Романъ Императрицы.

что его мозгъ не былъ мозгомъ здороваго человѣка. Вотъ на что нужно было обратить вниманіе, прежде чѣмъ приступать къ бурному періоду его жизни, когда онъ уже не принадлежалъ больше себѣ. Снисходительное отношеніе къ нему является лишь справедливостью. Онъ страдалъ изъ за слабости своей воли и изъ за разстройства своего разсудка. Много зла причинилъ онъ себѣ своими собственными руками: не будемъ же мы соединяться съ нимъ противъ него самого.

II.

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, великіе князь и княгиня замкнуто жили въ Павловскѣ и Гатчинѣ; повидимому они питали отвращеніе къ Петербургу и и искали уединенія. Марія Ѳеодоровна больше любила Павловскъ, куда ѣздила во всѣ времена года: это было средствомъ отъ всѣхъ ея заботъ, отъ всѣхъ печалей. Она присматривала за своими владѣніями и занималась съ Кюхельбекеромъ, своимъ управляющимъ и пріятелемъ, украшеніемъ Павловска, не производя при этомъ большихъ расходовъ.

Будущая императрица принуждена была разсчитывать, и часто бывала очень стѣснена въ средствахъ. Однажды, по поводу счета обойщика на сумму 40 рублей, она съ очаровательной наивностью писала своему доброму Кюхельбеккеру: «Заплатите, пожалуйста, и не бойтесь я вамъ отдамъ деньги въ самомъ скоромъ времени». [1]) Въ другой разъ она радовалась, что нашла удобный способъ сдѣлать небольшую экономію: «Пришлите мнѣ, говорила она

---

[1]) Шумигорскій, Императрица Марія Ѳеодоровна, стр. 313. Въ другомъ письмѣ она признается, что „ея кошелекъ изсякъ и что прежде чѣмъ уѣхать въ Гатчину, ее мучаютъ какъ несчастную“. Она проситъ въ займы „пять или шесть тысячъ рублей срокомъ на три года и съ уплатой %% впередъ“.

управляющему,—мѣрку съ печей, которыя въ третьемъ этажѣ; я знаю, гдѣ заказать заслонки. Мастеръ состоитъ на службѣ въ Петербургѣ; онъ сдѣлаетъ намъ ихъ и намъ не придется ничего платить». Было даже странно видѣть принцессу, такъ преданную хозяйственнымъ дѣламъ. Она не скупилась въ тѣхъ случаяхъ, когда надо было оказать помощь Павловскимъ обитателямъ; она знала каждаго изъ нихъ и всѣхъ любила. Она старалась просвѣтить, направить на добрый путь рабовъ, жившихъ во власти элементарныхъ инстинктовъ. Во время эпидеміи оспы она послала къ нимъ своего врача Галидея и настойчиво убѣждала ихъ дѣлать прививку. [1]) Свою сострадательность она проявляла въ очень тонкой и деликатной формѣ.

Впослѣдствіи, во время царствованія своего мужа и сыновей она расширила сферу своей благотворительности, но она творила ее съ той же чарующей простотой; съ возрастомъ она стала нѣсколько высокомѣрнѣе, и желала видѣть больше преданности и признательности, чѣмъ того могла требовать истинная любовь къ ближнему. При очень правильномъ образѣ жизни Марія Ѳеодоровна много времени удѣляла умственнымъ занятіямъ. Она читала всевозможныя книги; вела интимный дневникъ; весело и просто писала массу писемъ, которыя очень часто совѣтовала своимъ корреспондентамъ уничтожать. Самымъ любимымъ ея развлеченіемъ была, какъ извѣстно, рѣзьба по камню. Она съ такой же любовью занималась этимъ труднымъ искусствомъ (глиптика), какъ и м-ме Помпадуръ. Вотъ какъ, по свидѣтельству Лафермьера, она работала: «Съ натуры или хорошаго портрета она дѣлаетъ сначала модель изъ воска, потомъ исполняетъ ее на твердомъ камнѣ, пользуясь для этого прекрасными сибирскими камнями различной породы». Иногда случалось, что знат-

---

[1]) Шумигорскій, стр. 315.

ныя дамы, страдая больше артистическими претензіями, чѣмъ талантомъ обращались къ помощи услужливаго учителя, уступая ему кисть или рѣзецъ съ тѣмъ, чтобы взяться за нихъ лишь тогда, когда надо было сдѣлать подпись. Марія Θеодоровна не заставляла помогать себѣ и все достоинство ея произведеній съ полной справедливостью должно быть приписано ей. «Когда она дѣлала модель портрета, она выслушивала совѣты своего учителя и присутствовавшихъ, но принимала ихъ въ разсчетъ лишь въ томъ случаѣ, если признавала ихъ правильными; когда же она приступала къ рѣзьбѣ по камню, учитель уже не рѣшался прикладывать свою руку и только подавалъ ей инструменты». [1]) Этотъ учитель былъ нѣмецкій медалёръ, по имени Лебрехтъ, который въ молодости еще поселился въ Петербургѣ и обогощалъ императорскія коллекціи. Отъ рисованія и гравированія у Маріи Θеодоровны утомлялись глаза. За музыкой она отдыхала. Очень извѣстный въ концѣ XVIII в. итальянскій композиторъ Païsillo давалъ ей уроки. Маэстро былъ раздражительнаго нрава. Когда въ 1793 г. въ отвѣтъ на «всякія придирки и нападки» онъ разразился дерзостями по адресу нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ, онъ чуть было не попалъ въ тюрьму, но долженъ былъ оставить русскій дворъ, гдѣ его смѣнилъ его соперникъ, Cimarosa. [2]) Наконецъ въ виду того, что лишь комедія могла вызвать немного веселости на лицѣ Павла, великая княгиня время отъ времени ставила комедіи графа Чернышева или Лафермьера. Искусный Лафермьеръ отличался умѣньемъ превратить сказку или романъ вольнаго содержанія въ цѣломудренную комедію, «приноровленную для того, чтобы быть разыгранной камерфрейлинами и кавалерами передъ

---

[1]) Архивы Воронцова, т. XXIX, стр. 291.

[2]) Id т. XXIX, стр. 246.

великой княгиней». Въ одномъ письмѣ онъ выражалъ радость по поводу того, что передѣлалъ въ невинную пастораль «скандалезную исторію матроны Эфесской». [1]) Марія Ѳеодоровна чувствовала настоятельную потребность въ развлеченіяхъ какъ для себя, такъ и для окружающихъ ее. Она очень любила веселиться и, несмотря на большія огорченія, которыя приходилось переживать ей, обладала большимъ душевнымъ спокойствіемъ.

Павелъ окончательно пріобрѣталъ видъ человѣка тяжелаго и угрюмаго. Чтобы стряхнуть скуку онъ все больше и больше отдавался своему пристрастію къ мелочамъ военнаго дѣла. У этого ненормальнаго, нескладнаго и разстроеннаго человѣка это влеченіе сдѣлалось неудержной страстью и какой-то маніей. Павелъ увлекался тѣми же игрушками, какъ и Петръ III; странности одного проявлялись и въ другомъ. Но было бы неосторожно, по извѣстнымъ намъ причинамъ, говорить здѣсь о вліяніи роковой наслѣдственности. У насъ имѣется иное объясненіе. Павелъ свято хранилъ память о Петрѣ III, котораго, основательно или нѣтъ, считалъ своимъ отцомъ, хранилъ быть можетъ потому, что она была ненавистна Екатеринѣ. Онъ восхищался этимъ опозореннымъ княземъ и хотѣлъ подражать ему. И когда его темпераментъ полусумасшедшаго человѣка вовлекалъ его въ чудачества, то можно ли удивляться тому, что въ этомъ случаѣ онъ только воспроизводилъ странные вкусы и дѣтскія забавы отца? Любопытно, что преувеличенное увлеченіе казармщиной, какъ отдаленное эхо, отразилось и на второмъ сынѣ Павла. Фанатичный поклонникъ Наполеона, великій князь Константинъ игралъ во французскаго гренадера, подобно тому какъ Павелъ и Петръ играли въ прусскихъ солдатъ; свой дворецъ въ Стрѣльнѣ онъ превратилъ въ крѣпость, раскинулъ

---

[1]) Архивы Воронцова, т. XXIX, стр. 271.

въ своемъ паркѣ булонскій лагерь въ миніатюрѣ, одѣлъ своихъ улановъ на французскій ладъ и водилъ ихъ на парадъ подъ звуки французскихъ военныхъ трубъ. [1])

Кто посѣщалъ любимую резиденцію великаго князя Павла—Гатчину, тотъ подумалъ бы, говорилъ одинъ современникъ, что онъ «въ чужой странѣ». Предмѣстье было построено по образцу небольшого нѣмецкаго города. «Въ городѣ имѣлись заставы. Бараки, конюшни, всѣ постройки были выстроены по-прусски и, при взглядѣ на войска, находившіяся тамъ, можно было бы поклясться, что солдаты только что прибыли изъ Берлина». [2]) Въ гарнизонѣ насчитывалась двѣнадцать батальоновъ «очень небольшой силы», по нѣскольку «экземпляровъ» драгуновъ и гусаровъ, нѣсколько артиллерійскихъ орудій. Предметъ особо тщательнаго изученія, форма была «совсѣмъ странная», она представляла сходство съ прусской формой, но доведенной до крайности. «Многіе представители общества и двора получили разрѣшеніе ее носить, разсказываетъ Чарторижскій: это были недовольные большимъ дворомъ, и пристававшіе къ Павлу. Эту форму надѣвали на себя, кромѣ военной службы, когда отправлялись въ Павловскъ или Гатчину... Никто въ этомъ костюмѣ не показывался въ свѣтѣ, за исключеніемъ внутреннихъ покоевъ великаго князя; повсюду, въ остальныхъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ при жизни Екатерины, онъ былъ недозволенъ и надъ нимъ охотно смѣялись». [3])

Великій князь Павелъ все умножалъ маневры и парады. На зарѣ раздавался сигналъ къ ученью; войска оставались подъ ружьемъ до двѣнадцати часовъ ежедневно: онъ

---

[1]) Vandal, Napoleon et Alexandre I, т. I, стр. 134.

[2]) Саблуковъ, Récit de la mort de Paul I (Revue moderne, décembre 1866).

[3]) Czartoryski, Mémoires, т. I, стр. 107.

не могъ налюбоваться ихъ воинственнымъ видомъ. На военныя церемоніи онъ нерѣдко приглашалъ своихъ придворныхъ дамъ: здоровыя или больныя, онѣ принуждены были смотрѣть до конца за упражненіями небольшой арміи и выносить съ веселымъ видомъ солнце, вѣтеръ или пыль. Великая княгиня сама подавала тому примѣръ. На маневрахъ въ Гатчинѣ происходили важныя, достопамятныя событія: давали сраженія, наносили пораженія, одерживали побѣды, карали и награждали. [1]) О подвигахъ своихъ войскъ Павелъ разсказывалъ въ гомерическомъ тонѣ. Не участвовавъ никогда серьезно въ войнѣ, онъ воображалъ, что основательно знаетъ стратегію, тактику и всю военную науку. Онъ смѣшно подражалъ Фридриху II. Все на прусскій образецъ: мундиръ, высокіе сапоги, длинныя перчатки, высокіе треуголки, усы, косы, букли. Фехтовальныя залы, заставы получали нѣмецкія названія; дѣло дошло до того, что на прусскій ладъ красили мосты и сторожевыя будки. Во время семилѣтней войны, на другой день послѣ одной битвы, король прусскій наказалъ за дурное поведеніе во время сраженія солдатъ одного полка, приказавъ снять нашивки съ ихъ шапокъ. Этотъ поступокъ запечатлѣлся въ памяти цесаревича. Однажды, за плохое выполненіе одного движенія, солдаты гатчинскаго батальона должны были снять петлицы со своей формы и возвратиться въ свои казармы черезъ кухню. [2]) У Павла все было мелочно: подражаніе, цѣли и средства.

Дисциплина была суровая. Офицеры слѣдили за обученіемъ съ тростью въ рукѣ. По большей части это были люди низкаго происхожденія, невѣжественные „отбросы нашей арміи“, говоритъ Вигель въ своихъ мемуарахъ. [3])

---

[1]) Czartoryski, Mémoires, т. I. стр. 107.

[2]) Пишчевичъ, Жизнь А. С. Пишчевича, стр. 215.

[3]) Пишчевичъ, стр. 215 Записки, 1-я часть, стр. 90.

Павелъ изготовлялъ дипломы, выдавалъ грамоты, имѣвшія значеніе лишь въ его войскахъ. Чины доставались болтунамъ солдатской артели, хвастунамъ и послушнымъ ничтожествамъ. Разжалованія были такъ же внезапны, какъ быстры и повышенія. Можно было въ нѣсколько скачковъ пройти всѣ ступени іерархіи. Несмотря на свой непостоянный нравъ, Павелъ привязывалъ къ себѣ офицеровъ, рисуя имъ заманчивыя перспективы и удовлетворяя ихъ грубое желаніе показывать силу своихъ кулаковъ. Какое имъ было дѣло до того, что публика осмѣивала ихъ, сравнивая „съ дѣтьми, которыя забавляются игрой въ деревянные солдатики». [1]) Они сами восхищались и восхваляли другъ друга, вообще считали себя героями. При испытаніи они не оправдали громкихъ титуловъ, которыми украшали себя; ни одинъ изъ нихъ не достигъ славы въ ту историческую эпоху, когда слава представляла людямъ столько возможности достигнуть ея высоты. Эти Гатчинскіе офицеры,недальнозоркіе и ограниченные солдаты, снабдили русскую армію посредственнымъ и невѣжественнымъ составомъ тогда, когда нужно было не парадировать на маневрахъ, а вслѣдъ за Суворовымъ пройти скорымъ маршемъ всю Европу и оспаривать побѣду у республиканскихъ генераловъ на равнинахъ Италіи или въ чудовищныхъ ущельяхъ Альпъ, «въ этомъ царствѣ ужаса», куда самъ неустрашимый Суворовъ, по собственному признанію, вступалъ съ содраганіемъ.

Единственный, чье имя пережило его носителя, былъ Аркачеевъ, и это имя ненавистно. Онъ былъ принятъ въ гатчинскія войска 4 сентября 1792 года въ чинѣ капитана; ему было тогда двадцать четыре года. „По наружности онъ походилъ на большую обезьяну въ мундирѣ. Онъ былъ высокъ ростомъ, худощавъ и жилистъ; въ его

---

[1]) Czartoryski (Memoires, т. I. стр. 107.

осанкѣ не было ничего стройнаго, такъ какъ онъ былъ очень сутуловатъ и имѣлъ длинную, тонкую шею, на которой можно было бы изучить анатомію жилъ и мышцъ. У него были впалые, сѣрые глаза и все выраженіе его лица дышало своеобразной смѣсью ума и жестокости.“ [1]) Онъ получилъ командованіе артиллеріей: отличаясь суровымъ нравомъ, грубый, непреклонный, онъ съ жаромъ и твердостью, нерѣдко съ жестокостью исполнялъ свое ремесло инструктора. «Никогда еще, говорилъ одинъ современникъ, ни одинъ пиндарическій поэтъ не надоѣдалъ болѣе Аполлону, чѣмъ этотъ человѣкъ своему воинственному демону“. [2])

Его неутомимое усердіе, его точность, его молчаливая покорность заслужили довѣріе и милость Павла. Послѣ 6 ноября 1796 г. суровый гатчинскій «капралъ» (это прозвище сохранилось за нимъ) достигъ всемогущества. Слѣпой слуга несдержаннаго и капризнаго императора, онъ установитъ надъ народомъ режимъ крайняго гнета, будетъ сѣять неправосудіе, жестоко и на авось карать, чтобы только удовлетворить гнѣвъ властелина и заставить трепетать передъ нимъ всю Россію. Отпущенный императоромъ Павломъ, подавленный общественнымъ презрѣніемъ, онъ вновь поднялъ голову въ 1812 г., а въ послѣдніе годы царствованія Александра, ударами плети возстановлялъ попранный, какъ ему казалось, принципъ власти. Всѣмъ было извѣстно, что наиболѣе вѣрнымъ средствомъ для пріобрѣтенія расположенія великаго князя Павла была лесть его военной страсти. Одинъ молодой офицеръ, во время путешествія въ Берлинъ, выигралъ большую сумму денегъ. Его должникъ, не будучи въ состояніи уплатить всю причитающуюся сумму, вручилъ ему въ уплату дол-

---

[1]) Саблуковъ, Recit de la mort de Paul I.

[2]) Шильдеръ, Императоръ Александръ I, I, стр. 97.

га любопытную коллекцію, дошедшую къ нему отъ отца офицера, бывшаго на службѣ короля-сержанта, коллекцію оружія, касокъ, щитовъ, воинскихъ одѣяній всѣхъ вѣковъ и народовъ и, что было не менѣе интересно,—цѣлую армію солдатъ, величиной съ палецъ, которые посредствомъ замысловатаго механизма исполняли чрезвычайно правильныя движенія. Эти вещи, привезенныя въ Петербургъ, вызвали тамъ любопытство и зависть. Молодого офицера осѣнила счастливая мысль поднести ихъ великому князю Павлу, который, въ порывѣ радости не могъ удержаться, чтобы не броситься ему на шею. [1]) Таковы были первые счастливые шаги человѣка, который долженъ былъ далеко двинуть свою карьеру, достигнуть очень высокихъ степеней и играть одну изъ самыхъ главныхъ ролей, въ качествѣ защитника Москвы, въ грозной драмѣ 1812 года. Его имя было Растопчинъ. Ловкій придворный сумѣлъ заслужить милость великаго князя. Получившій въ 1792 г. званіе камеръ-юнкера и приставленный къ особѣ Павла онъ расположилъ его къ себѣ, порицая во всеуслышаніе своихъ товарищей, которые слѣдуя примѣру, шедшему свыше, открыто показывали пренебрежительное и презрительное отношеніе къ князю, которому они должны были служить. Онъ замѣнялъ ихъ, когда они пропускали свои дежурства. Наконецъ, выйдя изъ терпѣнія, онъ написалъ гофмаршалу очень рѣшительное письмо, гдѣ указывалъ на заносчивость этихъ молодыхъ господъ, заявляя подъ конецъ, что, «не имѣя надобности ни лечиться отъ секретной болѣзни, ни содержать итальянскую пѣвицу», онъ будетъ охотно нести за нихъ службу при цесаревичѣ. Если это письмо стоило ему года ссылки въ предѣлы Орловской губерніи, то оно же вызвало сильное и продолжительное расположеніе того, кто былъ пока только за-

---

[1]) Кобеко, стр. 351—352.

гнаннымъ и безсильнымъ наслѣдникомъ обширной имперіи, но который въ скоромъ времени долженъ былъ обладать всѣмъ могуществомъ власти. [1])

Тридцати лѣтъ Растопчинъ былъ тѣмъ-же, чѣмъ оставался до послѣдняго вздоха: большимъ гордецомъ, исполненнымъ презрѣнія къ человѣческому роду; оригиналомъ, кичившимся особыми свойствами своего ума и характера, тратившимъ свое язвительное дарованіе на то, чтобы поражать и потѣшать раекъ: онъ былъ страстно непримиримъ, какъ Альцеста, дикъ и рѣзокъ У него была блестящая внѣшность, очень тонкое образованіе; но воспитаніе не искоренило въ немъ старый московскій закалъ и на его примѣрѣ видно, какъ трудно было русскому обществу освободиться отъ недавней дикости и грубости. Онъ свободно владѣлъ рѣчью и легко писалъ: его независимый и язвительный умъ обрушивался, главнымъ образомъ, на людей власти, онъ какъ будто ничего не уважалъ. Наблюдая за всѣмъ, что говорилось и дѣлалось вокругъ него, освѣдомленный о малѣйшихъ подробностяхъ всѣхъ событій и всѣхъ сплетенъ въ обществѣ, онъ велъ имъ списокъ, занося въ него главнымъ образомъ подлости. Онъ таилъ въ себѣ какой-то скрытый зародышъ зависти и раздраженія; онъ былъ озлобленъ и мстителенъ. Читать его нужно съ нѣкоторымъ недовѣріемъ; овладѣвавшая имъ и легко замѣтная читателю пристрастность часто приводила его къ преувеличеніямъ и мѣшала спокойно судить о событіяхъ и людяхъ. Весь свой пылъ, всю свою озлобленность онъ изливалъ въ перепискѣ, которую онъ въ продолженіе болѣе чѣмъ двадцати лѣтъ поддерживалъ съ Семеномъ Воронцовымъ такимъ же фрондеромъ, какъ и онъ самъ. Извѣстно, что Воронцовы насчитывали въ своей исполненной гордости

---

[1]) Segur Rastoptchin; Rambaud, Revue de deux Mondes, 1 апрѣля 1876 г.

хроникѣ фаворитку, доставленную Петру III: [1]) при Екатеринѣ они не пользовались расположеніемъ двора. Письменныя сношенія между двумя недовольными завязались уже въ то время, когда у Растопчина установились близкія отношенія съ великимъ княземъ Павломъ. Тщательно сохранившіяся его письма даютъ намъ возможность глубже заглянуть въ гатчинское общество. Это письма артиста. Они богаты острыми наблюденіями, полны живыхъ образовъ, злыхъ, жестокихъ, но удивительно выпуклыхъ портретовъ. Растопчинъ нерѣдко грубо и своеобразно искажаетъ французскій языкъ. Окружающіе Павла не внушали Ростопчину ничего, кромѣ презрѣнія и насмѣшекъ. Гатчинскій дворъ служилъ пріютомъ для недовольныхъ, интригановъ низшаго разряда, безсовѣстныхъ авантюристовъ, «изъ которыхъ самый честный могъ бы быть колесованъ безъ суда». [2]) Растопчинъ заставляетъ ихъ одного за другимъ проходитъ передъ нами во всемъ ихъ разнообразіи портретовъ: здѣсь и докторъ Фрейгангъ, путешествовавшій во Франціи съ княземъ Орловымъ и «получившій степень» въ Монпелье, большой матеріалистъ, «который завѣдуетъ физической стороной государя, но вмѣшивается и въ его духовный миръ и также его отравляетъ"; здѣсь и грубый Иванъ Петровичъ Кутайсовъ, привезенный съ востока солдатами Потемкина „когда-то турокъ, потомъ христіанинъ, цирюльникъ и первый камердинеръ Государя", цирюльникъ не столь ловкій, какъ Севильскій, и цѣ-

---

[1]) Сегюръ восхищался „выдержкой" Великой Екатерины, когда въ 1789 г. онъ видѣлъ еще въ живыхъ эту знаменитую Воронцову, любовницу Петра III, получившую отъ этого князя обѣщаніе вступить съ ней въ бракъ, развестись съ Екатериной и сослать ее въ Сибирь. Affair. étrang., т. CXXIX, fol. 126. Сегюръ, 3 іюля 1789.

[2]) Архивы Воронцова, т. VIII, стр. 93.

нимый главнымъ образомъ за свои гримасы, [1]) тутъ и хитрый баронъ фонъ Боркъ, интендантъ гатчинскихъ владѣній, который „въ два года укралъ 300,000 руб.“; и полковникъ Линденеръ, „плоская личность, самовлюбленная, ведущая свое происхожденіе отъ одного изъ прошлыхъ увлеченій государя; этотъ человѣкъ очень опасенъ, такъ какъ подозрителенъ и недовѣрчивъ, между тѣмъ какъ господинъ легковѣренъ и вспыльчивъ“. [2])

Растопчинъ не пощадилъ и Нелидову—«это миніатюрное созданіе, правящее деспотически». Онъ любилъ и жалѣлъ Марію Θеодоровну, преданную семейной жизни, спокойному однообразію своихъ обязанностей, всегда терпѣливую и всегда привѣтливую: «Великая княгиня,—писалъ онъ Воронцову,—не имѣетъ больше никакого вліянія и эта достойная и почтенная женщина рѣшила терпѣть и находить счастье въ своихъ дѣтяхъ“. Этотъ острословъ и насмѣшникъ восхищался Маріей Θеодоровной: «Эта женщина заслуживала бы жертвенника: это сама добродѣтель». [3])

Растопчинъ рисуетъ намъ мрачную картину жизни, которую Павелъ создавалъ для жены, дѣтей и своихъ домашнихъ. Князь потерялъ всякое самообладаніе; мало смысла въ его головѣ, еще менѣе въ его поведеніи. «Нельзя безъ сожалѣнія и ужаса смотрѣть на все, что дѣлаетъ великій князь - отецъ; можно бы сказать, что онъ выдумываетъ средства, чтобы заставить ненавидѣть и презирать себя. Онъ забралъ себѣ въ голову, что его презираютъ и ищутъ способа показать ему неуваженіе; исходя изъ этого, онъ придирается ко всему и наказываетъ

---

[1]) Комичная фигура Кутайсова тонко обрисована въ мемуарахъ Чарторижскаго, т. I. стр. 75.

[2]) Архивы Воронцова, т. VIII. стр. 96.

[3]) Id. т. VIII passim, и т. XXIV, стр. 258.

безъ разбора... Малѣйшее запозданіе, малѣйшее противорѣчіе выводитъ его изъ себя, заставляетъ горячиться... Въ его распоряженіи четыре баталіона матросовъ и съ этимъ составомъ онъ воображаетъ себя покойнымъ королемъ Прусскимъ. Каждый день приходится слышать разговоры о жестокости и мелочности, которые заставили бы покраснѣть всякаго». [1])

Растопчинъ, человѣкъ съ душой черствой, питалъ довольно умѣренную привязанность къ своему своенравному господину: онъ хвастался, что устоялъ противъ соблазнительныхъ предложеній со стороны князя; чувствовалось, что онъ порвалъ бы свои цѣпи, если бы не его честолюбіе. Въ 1793 г. онъ писалъ Воронцову: „Государь осыпаетъ меня вниманіемъ, говоря мнѣ, чтобы я не стѣснялся съ нимъ, и это безконечно смущаетъ меня; ибо, добавлялъ спесивый придворный, ничего я не боюсь такъ на свѣтѣ, какъ его милости. Его тайны отталкиваютъ меня и я предпочитаю подвергнуться явной его немилости и вызвать ненависть, чѣмъ сдѣлаться презираемымъ за низкое угодничество, на которое здѣсь смотрятъ, какъ на дозволенное и ни въ какомъ случаѣ не преступное средство“. Однако Растопчину становилось жаль «этого забытаго, униженнаго, презираемаго князя,» и онъ закрывалъ глаза на его недостатки. Злосчастная судьба не была для сына Екатерины доброй совѣтницей. Вѣроятно, онъ былъ бы инымъ, если бы вышелъ изъ того положенія, въ которомъ находился. [2])

Въ эту эпоху на характеръ великаго князя Павла оказали пагубное вліяніе французскіе эмигранты. Потерпѣвъ крушеніе вмѣстѣ со старымъ порядкомъ, они стекались въ Россію: здѣсь они много шумѣли по поводу постигшей

---

[1]) Id. т. VIII письмо отъ 25 апрѣля и 6 іюля 1793 г.

[2]) Архивы Воронцова т. VIII, и. XXIV.

ихъ невзгоды, въ промежутки между пикниками составляли всякаго рода воинственные замыслы, обращались за содѣйствіемъ къ военнымъ силамъ Екатерины и ея кошельку. Эти болтливые господа считали все возможнымъ, съ помощью силы они надѣялись подавить революцію; ни о чемъ другомъ они не разговаривали, кромѣ какъ о жестокой расправѣ: „Г.г. Галльскіе выходцы, по выраженію Растопчина, такъ много проповѣдовали о деспотизмѣ и необходимости управлять съ помощью скорпіоновъ, что великій князь усвоилъ эту систему и сообразно съ этимъ держалъ себя.» [1]) Павелъ переносился воспоминаніями въ Версаль и Шантильи, гдѣ его восхищало великолѣпіе падавшаго режима. Его ненависть къ революціи, этой попыткѣ освобожденія человѣчества, была слѣпа и не знала границъ. Онъ ею хвастался и высмѣивалъ революцію.

Однажды онъ замѣтилъ офицеровъ, слишкомъ короткія косы которыхъ показались ему проявленіемъ духа неповиновенія, онъ приказалъ арестовать ихъ, какъ заподозрѣннымъ въ якобинствѣ. Въ другой разъ онъ сурово расправился съ однимъ молодымъ придворнымъ, который во время прогулки въ экипажѣ обратилъ его вниманіе на великолѣпныя деревья и допустилъ неосторожность, назвавъ ихъ «представителями прошедшихъ вѣковъ»: это выраженіе «дышало революціей». Павелъ занялъ враждебное положеніе и по отношенію къ французскому дипломатическому агенту въ Петербургѣ. Г. Жене, министръ сначала короля конституціоннаго, затѣмъ короля отрѣшеннаго отъ своихъ обязанностей и почти плѣненнаго въ своемъ дворцѣ, поддался мало по малу обаянію нарождающейся свободы: въ августѣ мѣсяцѣ 1791 г. онъ продалъ свою

---

[1]) Архивы Воронцова, т. VIII.

[2]) Leonce Pingaud, les Francais en Russie et les Russes en France, стр. 164.

шпагу, пожертвовалъ часть своего содержанія, чтобы имѣть возможность послать въ Парижъ дань своего патріотизма. Павелъ далъ ему почувствовать свой гнѣвъ и обращался съ нимъ какъ съ зачумленнымъ. Злополучный дипломатъ писалъ Монтморэну 13-го сентября: «Великій князь Павелъ, который, я Вамъ это предсказываю, будетъ самымъ безпокойнымъ изъ всѣхъ тирановъ, внушилъ нѣкоторымъ дамамъ, расположеніе которыхъ доставляло мнѣ удовольствіе, не видаться со мной. Князь имѣлъ неосторожность сказать передъ толпой придворныхъ, которые его ненавидятъ, что данный моментъ является рѣшительнымъ для монарховъ и что если они не сговорятся изгнать изъ своихъ государствъ всѣхъ французовъ, которые подчиняются новымъ законамъ, изданнымъ Національнымъ собраніемъ, то онъ не ручается за то, что не позднѣе двухъ лѣтъ вся Европа не будетъ потрясена». [1]) Павелъ вполнѣ одобрялъ мать, когда она весной 1792 г. сообщила французскому уполномоченному о его удаленіи.

За то онъ былъ очень благосклоненъ къ эмигрантамъ. Онъ раздѣлялъ ихъ иллюзіи и вѣрилъ въ ихъ геній. Среди этихъ версальскихъ бѣглецовъ онъ отличалъ Валентина Эстергази, оффиціальнаго представителя графовъ Прованскаго и д'Артуа. «Умный и очень образованный человѣкъ», Эстергази „таилъ много хитрости подъ нѣсколько рѣзкой внѣшностью и, чтобы еще лучше ее скрыть, показывалъ иногда грубоватую откровенность". [2]) Это былъ веселый собесѣдникъ, и «императрица часто забавлялась, слушая какъ маленькій Эстергази поетъ игривыя пѣсенки». [3]) Этотъ французъ былъ принятъ въ

---

[1]) Rambaud, Instructions données aux ambassadeurs de France, t. II, 515.

[2]) Affair. ètrang., Memoires et Documents т. XX, fol. 401, Memoires de Langeron.

[3]) Affair. étrang., т. XVII, добавленія fol. 133, письмо Баре, 12 вандеміера года V.

наиболѣе тѣсномъ кругу великаго князя и „повсюду таскалъ съ собой и въ Гатчину, и въ Эрмитажъ свою голубую орденскую ленту, бѣлую кокарду, свой печальный образъ и свои кровавыя мечты». [1]) Сыновья Павла, какъ и большая часть русской молодежи, увлеченные смутнымъ идеаломъ свободы и предубѣжденные противъ „французскихъ аристократовъ", потѣшались надъ барономъ Эстергази и заставили его какъ-то на охотѣ убить покрытую медвѣжьей шкурой свинью. [2]) Наступилъ, наконецъ, моментъ когда и самъ Павелъ пересталъ чувствовать состраданіе къ эмигрантамъ, буйнымъ путешественникамъ, безпокойнымъ и, быть можетъ, даже опаснымъ гостямъ. Онъ пришелъ къ тому выводу, что эти перебѣжчики, прежде чѣмъ покинуть свои очаги, въ большей или меньшей степени уже заразились идеями, господствовавшими въ ихъ странѣ, и что они сами нестоль чужды, какъ это они выдаютъ, тѣмъ принципамъ, жертвами которыхъ они оказались. [3]) Можно было опасаться, какъ бы эмигранты, эти французы XVIII столѣтія, вкусившіе новшествъ, воспитанные Вольтеромъ, Мабли, Руссо не занесли въ самодержавную Россію еще не остывшій пепелъ, пламя либерализма.

Деспотическіе инстинкты Павла обнаружились вполнѣ. Читая мемуары современниковъ, можно себѣ ясно представить, какое безпокойство и страхъ внушалъ своимъ будущимъ подданнымъ этотъ упрямый и непостоянный

---

[1]) Affair. étrang. т. CXXVII, fol. 10; Genêt, 3 января 1792.— О пребываніи Валентина Эстергази при Русскомъ дворѣ см. его Memoires et Lettres къ женѣ, изданныя Эрнестомъ Додэ.

[2]) Affair. étrang., т. CXXXVI, fol. 248, Genêt, 27 декабря 1791.

[3]) Genêt писалъ 5 іюня 1792 г.: „Великій князь, послѣ того какъ сильно возставалъ противъ насъ, начинаетъ теперь смотрѣть болѣе благосклонно и увѣряютъ, что онъ не мало способствовалъ вѣжливому удаленію нашихъ аристократовъ". Affair. étrang., т. CXXXVIII. fol. 15; ср. Leonce Pingaud, указ. соч.

человѣкъ, очень склонный къ подозрѣнію и гнѣву. «Павла всѣ боятся. Тѣмъ больше восхищаются мощью и высокими дарованіями его матери, которая держитъ его въ подчиненіи себѣ, вдали отъ трона, принадлежащаго по праву ему». [1]) Въ теченіе этихъ послѣднихъ лѣтъ долгаго царствованія, заносчивость и расточительность фаворитовъ —этой надмѣнной придворной сволочи, по выраженію Ростопчина, переходила всякую мѣру. Правительство представляло сплошной «скандальный водоворотъ злоупотребленій власти, гнета и тиранніи». [2]) Признаки упадка увеличивались; нація, казалось, дряхлѣла вмѣстѣ съ своей императрицей. И вмѣстѣ съ тѣмъ не было никого, кто не желалъ-бы, «чтобы бразды правленія долго еще оставались въ рукахъ Екатерины»; отъ грядущаго царствованія со страхомъ ожидали всего. Гусударыня ничего не имѣла противъ того, чтобы сынъ ея не привлекалъ народныхъ симпатій; она не защищала его отъ злословія придворныхъ: «Легко понять, доносилъ Жене, эту систему. Всѣ, кто тяготѣетъ къ старому двору, находятъ удовольствіе въ распространеніи слуховъ о дѣйствіяхъ, которыя могутъ навлечь немилость на великаго князя. Доходили даже до того, что утверждали будто у него не въ порядкѣ голова». [3]) Повидимому, Екатерину не пугало то, что думали о Павлѣ заграницей. «Что говорятъ о Secondat'ѣ въ Германіи? спросила она какъ-то Гримма, здѣсь продолжаютъ говорить много дурного; правда также, что онъ создаетъ себѣ враговъ, сколько только можетъ». [4]) Гриммъ постарался ловко избѣгнуть отвѣта. „Что говорятъ

---

[1]) Adam Czartoryski, Memoires, т. I, стр. 18.

[2]) Affair. étrang. Memoires et Documents т. XX.—Sorel L'Europe et la Revolution francaise т. VI, стр. 7.

[3]) Affair. étrang. т. GXXXV, fol 188; Genêt, 15 ноября 1791 г.

[4]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 627.

о Secondat'ѣ въ Германіи? Этотъ вопросъ заставляетъ меня собирать въ Священной Имперіи мнѣнія о лицѣ, о которомъ никто даже не вспоминаетъ". [1]) Во Франціи Павла судили очень строго. Среди революціонной бури, разыгравшейся въ Парижѣ, кто дерзнулъ-бы воскресить воспоминанія о 1782 г., о пріятномъ визитѣ графа Сѣвернаго двору Людовика XVI г. Moniteur Universel подъ видомъ „частнаго письма, написаннаго англичаниномъ, нѣсколько лѣтъ прожившимъ въ Россіи," опубликовалъ въ 1792 г. депешу французскаго посланника Жене, которая заключала сильныя нападки на наслѣдника престола: "этотъ князь вполнѣ идетъ по слѣдамъ своего несчастнаго отца и не будь сердце великой княгини храмомъ всѣхъ добродѣтелей, его могла бы постигнуть та же участь, какъ и Петра III. Онъ ожидаетъ ее, самъ говоритъ о ней, она удручаетъ его. Онъ мраченъ, жестокъ, угрюмъ и никого не жалуетъ своимъ довѣріемъ. Его придворные ненавидятъ его. Въ войскахъ, которыми онъ командуетъ, пропадаетъ охота служить изъ за его мелочной строгости; гвардейцы не любятъ его и несомнѣнно, какъ только онъ займетъ престолъ, безчисленные бунты положатъ конецъ блестящему періоду, который такъ счастливо прожила Екатерина II." [2]) Нумеръ Moniteur'а былъ перехваченъ и Павелъ не узналъ о немъ. [3])

Къ концу царствованія Екатерины отношенія въ царской фамиліи обострились больше, чѣмъ когда-либо. Вражда разгоралась, распри усилились. Великій князь, снѣдаемый безпокойствомъ, подъ вліяніемъ маніи преслѣдованія, смотрѣлъ на себя, какъ на жертву большого заговора, руководимаго матерью. Вслѣдствіе нервнаго

---

[1]) Id т. XLIV, стр. 610.

[2]) Le Moniteur Universel, № 115, mardi, 24 апрѣля 1792 г.

[3]) Affaires étrangères, т. LXXXIII, fol., 96; Genêt, 29 іюня 1792.

разстройства, его болѣзненное уныніе уступало мѣсто бурному чувству протеста. Малѣйшее прикосновеніе заставляло его содрагаться, и при самообороне онъ становился страшенъ, внѣ себя отъ сдерживаемаго раздраженія, отъ оскорбленной чувствительности. Графъ Фаунтціенъ писалъ Фридриху Вильгельму, что «зависимость, въ которой онъ живетъ, озлобила его и лишила равновѣсія». [1]

Во избѣжаніе скандальныхъ сценъ, мать и сынъ держались въ отдаленіи другъ отъ друга. Николай Салтыковъ служилъ посредникомъ между ними. „Онъ,—разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ Адамъ Чарторижскій,— передавалъ то, что Екатерина имѣла сказать великому князю Павлу. Графъ Салтыковъ опускалъ или смягчалъ то, что было иногда непріятнаго или слишкомъ суроваго въ распоряженіяхъ или упрекахъ императрицы ея сыну; онъ поступалъ также и съ передаваемыми отвѣтами.“ [2] Екатерина писала иногда гатчинскому отшельнику; но въ ея письмахъ не было и слѣда тѣхъ любезностей, которыя она когда-то разсыпала въ своихъ письмахъ и которыя могли создавать ложное представленіе относительно ея чувствъ къ сыну. Однажды, чтобы развлечься и показать себя самостоятельнымъ, князь позволилъ себѣ внезапно сдѣлать осмотръ военныхъ сооруженій на кронштадскомъ рейдѣ; объ этомъ посѣщеніи онъ извѣстилъ императрицу лишь по своемъ возвращеніи. Выговоръ не заставилъ себя долго ждать: «Ваша записка, любезный сынъ мой, похожа на горчицу послѣ обѣда: вы сообщаете мнѣ въ ней сегодня о вашемъ вчерашнемъ путешествіи по направленію къ Кронштадту и флоту, которое оказалось для меня тѣмъ болѣе неожиданно, что, придя вчера ко мнѣ обѣдать, вы не сказали мнѣ о немъ ни слова, хотя

---

[1] Секрет. архивы Берлина, reposit XI, 12 сентября 1794 г.

[2] Memoires, т. I, стр. 117.

вы и были согласны со мною, что по отзыву адмираловъ погода была довольно бурная. Такъ какъ я не сочла это обстоятельство тѣмъ, чѣмъ оно не было, т. е. бѣгствомъ, то я не послала за вами въ погоню.» [1])

Чѣмъ больше разгорались распри въ императорской семьѣ, тѣмъ меньше фавориты считали себя обязанными щадить великаго князя. До конца 1791 г. царилъ Потемкинъ. Его крупная личность занимала всю сцену. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пожертвовалъ собою ради измѣнчивыхъ вкусовъ императрицы, и пересталъ быть любовникомъ для того, чтобы сдѣлаться другомъ, совѣтникомъ, въ нѣкоторомъ родѣ умнымъ товарищемъ императрицы, его кредитъ только выросъ. Онъ со своей высоты съ презрѣніемъ смотрѣлъ на Завадовскихъ, Корсаковыхъ, Ланскихъ, этихъ куколъ, которыхъ онъ самъ по своему выбору намѣчалъ для императорской утѣхи, которыхъ царица принимала и отпускала одного за другимъ и которые безпорядочно путались въ интригахъ, нити которыхъ были въ его рукахъ.

Онъ испытывалъ наслажденіе своего величія и всемогущества. Въ своемъ Таврическомъ дворцѣ въ Петербургѣ онъ проявлялъ шумную расточительность, азіатскіе вкусы, привычки и роскошь. Послѣ долгой войны съ Турціей, весной 1791 г. онъ появился въ Петербургѣ съ той гордой увѣренностью, которая свидѣтельствуетъ объ ясномъ сознаніи своей силы: вѣдь самодержецъ подобенъ полубогу, величіе котораго обожаютъ и не позволяютъ себѣ оспаривать.

Это необычайное могущество удручало великаго князя. Его волновалъ періодически появлявшійся при дворѣ слухъ, который послѣ второй войны съ Турціей получилъ нѣкоторое подкрѣпленіе: онъ передавалъ будто госуда-

---

[1]) Сборникъ, т. XLII, стр. 191.

рыня вступила съ побѣдителемъ Очакова въ тайный бракъ и что она не прочь передать ему свою корону. [1])

Павелъ чувствовалъ себя безоружнымъ передъ лицомъ «этого колосса, возвысившагося въ тѣни трона», и жестоко страдалъ отъ своего униженія. Всего хуже было то, что ему приходилось не разъ обращаться къ помощи этого человѣка, когда его мать хотѣла взять въ Крымъ его дѣтей, а его оставить возиться съ кредиторами. Потемкинъ оказывалъ ему свое содѣйствіе, но съ какимъ побѣдоноснымъ видомъ, съ какой обидной снисходительностью! Обходясь довольно безцеремонно съ великимъ княземъ, Потемкинъ старался, однако, быть любезнымъ по отношенію къ великой княгинѣ. Среди адъютантовъ южной арміи находился одинъ изъ братьевъ Маріи Ѳеодоровны, Карлъ Вюртембергскій, очень даровитый и владѣвшій собой принцъ, отъ котораго ждали, что онъ заставитъ забыть гнусныя исторіи старшаго. Въ угоду великой княгинѣ Потемкинъ взялъ его подъ свое покровительство, отличалъ его, представлялъ къ царскимъ наградамъ, а когда несчастный принцъ около Галаца заболѣлъ смертельнымъ недугомъ, то съ теплой преданностью ухаживалъ за нимъ до конца. [2])

Два мѣсяца спустя послѣ смерти Карла Вюртембергскаго, 5 октября 1791 г. Потемкинъ самъ умеръ внезапно по дорогѣ изъ Яссъ въ Николаевъ. «Мой ученикъ, мой другъ и почти мой кумиръ, князь Потемкинъ Таврическій умеръ», съ горестью восклицала Екатерина. Великая княгиня, подъ впечатлѣніемъ того, что сдѣлалъ фаворитъ для ея брата, раздѣляла до извѣстной степени печаль

---

[1]) Ср. особенно депеша Genêt отъ 25 октября 1741; Affaires étrang., т. CXXXVI, fol. 116.

[2]) Shlossberger; Prince Karl de Wurtemberg; Шумигорскій. Марія Ѳеодоровна, стр. 352—354.

свекрови. Павелъ считалъ себя отомщеннымъ судьбой и избавленнымъ отъ мучительныхъ думъ. Онъ не предвидѣлъ, что преемникъ Потемкина, Платонъ Зубовъ, дастъ ему почувствовать сильнѣе князя Таврическаго свое могущество и свое презрѣніе.

Состоя въ положеніи фаворита въ теченіе двухъ лѣтъ, Платонъ Зубовъ, послѣ смерти Потемкина, выражалъ притязаніе раздѣлить верховную власть. И Екатерина уже не имѣла силы противостоять этимъ притязаніямъ. Это уже была женщина, охваченная страхомъ приближающейся старости, страхомъ не быть любимой, это была уже престарѣлая любовница, съ пыломъ отчаянія предававшаяся своей страсти. Возрастъ разрушилъ ее, но не исправилъ. Салтыковъ, Понятовскій, фавориты молодыхъ годовъ, отличались красотой, изяществомъ и умомъ, которые могли служить до извѣстной степени извиненіемъ позорныхъ слабостей императрицы. Герой Чесмы, Орловъ, создатель Новороссіи, Потемкинъ создали славу своей царственной любовницѣ. Переходя отъ князя Таврическаго къ низкому и незначительному Зубову, Екатерина спустилась на нѣсколько ступеней ниже по лѣстницѣ безнравственности и непристойности. Современники рисовали намъ этого жалкаго человѣка разрумяненнымъ и надушеннымъ, какъ куртизанка, лѣниво растянувшимся на диванѣ и убаюкивающимъ свой любовный пылъ „меланхолическими и сладкими звуками флейты“ въ то время, какъ толпа состоявшая изъ первыхъ сановниковъ имперіи притекала и тѣснилась въ его переднихъ, готовая «на раболѣпное низкопоклонство», [1]) выдрессированная для рабства. Платонъ Зубовъ заставилъ все склониться передъ собой. Нѣтъ другой воли, пишетъ Растопчинъ, кромѣ его воли. Многіе ропщутъ на него, но каждый при его появленіи

---

[1]) Adam Czartoryski, Mémoires, т. I, стр. 72.

немедленно готовъ къ слѣпому повиновенію. [1]) Онъ пользовался всѣми почестями и выгодами деспотизма: онъ обладалъ огромными богатствами; онъ отдалъ Россію на добычу и кормленіе своимъ братьямъ, льстецамъ и прислужникамъ. Этотъ позорившій петербургскій дворъ скоморохъ стремился согнуть передъ своей наглостью и сына своей любовницы; онъ съ особымъ удовольствіемъ давалъ чувствовать свою надменность Павлу, и послѣдній принужденъ былъ молчать на его оскорбленія. Растопчинъ такъ характеризовалъ это унизительное положеніе Павла: „Когда съ великимъ княземъ Россіи, въ возрастѣ 41 года, обращаются какъ съ мальчишкой его будущіе подданные, то, естественно, можно засохнуть съ тоски, что съ нимъ и происходитъ.“ Павелъ страдалъ одной изъ тѣхъ формъ глубокой меланхоліи, которая похожа на хроническія продолжительныя болѣзни, кончающіяся иногда роковымъ исходомъ. Онъ самъ изводилъ себя, «радуясь,—по словамъ Растопчина,—когда проходилъ день, такъ какъ время тяготитъ его.» [2])

Его мысль печально блуждала и смутные страхи мучили его бѣдную голову. Онъ замкнулся въ гатчинскомъ уединеніи, чтобы избавиться отъ злыхъ взглядовъ людей, смѣявшихся надъ его несчастной судьбой и уныніемъ, онъ ждалъ своего часа, того часа, когда онъ очиститъ дворъ и имперію... Однако и царица чувствовала, что ея силы падаютъ, что тѣло тяжелѣетъ и что смерть приближается. „Ее волнуютъ, говорилъ Ланжеронъ, угрызенія совѣсти за прошлое и страхи за будущее.“ [3]) Закатъ, печальный для каждаго, былъ особенно мучителенъ для

---

[1]) Архивы Воронцова, т. VIII, письмо отъ 20 августа 1795 г.

[2]) Id. т. VIII, стр. 115.

[3]) Affair. étrang., Mémoires et Documents, т. XX. Ср. Sorel, Europe et la Revolution française, т. IV, стр. 7.

этой гордой женщины, которая въ продолженіе удивительнаго, какъ сонъ, существованія извѣдала опьяненіе и признанной геніальности, и торжества своей воли, и удовлетворенія своей чувственности.

III.

Въ эти тяжелые и трудные годы сынъ Екатерины находилъ у Нелидовой утѣшеніе въ переживаемыхъ имъ волненіяхъ и пищу для своей души.

Родившаяся въ 1759 г., два года спустя послѣ великаго князя Павла, въ семьѣ, владѣвшей землей и 500 крестьянами въ Смоленской губерніи, Екатерина Ивановна воспитывалась на лонѣ спокойной деревенской природы въ одномъ изъ русскихъ дворянскихъ гнѣздъ, которыя таятъ въ себѣ столько нѣжной поэзіи. [1]) Восьми лѣтъ ей пришлось покинуть свою провинцію, родимый домъ, родныя мѣста, дорогую Царицу, спокойную рѣку, тихо несущую свои воды среди камышей, покинуть также мамушекъ и слугъ, разсказывавшихъ ей сказки русской земли. Ее помѣстили въ Смольный монастырь, основанный въ 1764 г. государыней, которая прилагала здѣсь всѣ свои знанія и весь свой умъ. Въ Смольномъ молодыя дѣвушки держались тщательно въ сторонѣ отъ своихъ семей, согласно указаній Жанъ-Жака Руссо, и были удалены отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній по крайней мѣрѣ до того момента, когда переходили въ классъ „сѣрыхъ“ (grises). Подъ благосклоннымъ надзоромъ очень умной француженки, „Maman Лафонъ“, пользовавшейся любовью своихъ питомицъ, замѣнявшей имъ въ одно и то же время

---

[1]) Русскій Архивъ 1873, т. II, стр. 2159—2162; Dimitri de Benkendorff. La favorite de un tzar, переводъ труда Шумигорскаго (Екатерина Ивановна Нелидова, стр. 8—10.

мать и старшую сестру, онѣ обучались немного исторіи, немного физикѣ и, какъ подобаетъ благороднымъ дѣвицамъ, нѣкоторымъ элементамъ геральдики; наряду съ изяществомъ ума и рѣчи онѣ особенно усваивали грацію манеръ и жестовъ; главной пружиной этого обученія былъ учитель танцевъ. [1]) У императрицы была мысль сдѣлать изъ Смольнаго очагъ свѣтской культуры, школу свѣтскости: воспитаніе не было солидно, какъ въ Сенъ-Сирѣ, гдѣ имъ руководила умная женщина, съ христіанскимъ чувствомъ г-жа де Ментенонъ. Очаровательныя птички этого птичника, пансіонерки Смольнаго, были совершенно не подготовлены къ опасностямъ самостоятельной жизни; многія изъ нихъ, по выходѣ изъ клѣтки, попадали въ ловушки свѣта. Уже начиная съ монастыря, Нелидова пользовалась большимъ успѣхомъ. Это была небольшая брюнетка, тоненькая и нѣжная. Ея неправильное лицо оживлялось выраженіемъ очень красивыхъ черныхъ глазъ. [2]) Она отличалась большой живостью ума, остроуміемъ, подвижностью, что придавало ей особую привлекательность. Она восхитительно танцевала, съ необыкновеннымъ изяществомъ разыгрывала свои роли въ миѳологическихъ операхъ и пастораляхъ, которыя давались въ Смольномъ. Подруги баловали ее и ухаживали за ней. Императрица благосклонно отнеслась къ ея раннему успѣху и назначила ее фрейлиной великой княгини Наталіи Алексѣевны. Екатерина Нелидова сохранила свои обязанности и при второй супругѣ Павла и сопровождала великокняжескую чету въ ея поѣздкѣ по различнымъ дворамъ Европы. [3])

---

[1]) Dmitri de Benkendorff, стр. 12—14.

[2]) Sabloukhof, Récit de la mort de Paul I-er. Revue moderne, декабрь 1865 г.).

[3]) D. de Benkendorff, стр. 35—36.

Какъ разъ послѣ путешествія 1782 г. между Павломъ и Нелидовой установились отношенія духовной близости.

Молодая дѣвушка расцвѣла и созрѣла, ея нѣжная юность, заброшенная въ среду развращеннаго двора, удачно избѣгла всѣхъ опасностей, радостное сознаніе своей силы и невинности освѣжало всю ея личность. Ея воображеніе было живо и увлекательно. Мечтательность, сострадательность и восторженное отношеніе къ природѣ, къ добродѣтели и несчастью, т.е. тѣ чувства, которыя проповѣдывала Новая Элоиза, были очень сильно въ ней развиты. Она мечтала о волненіяхъ любви, о нѣжныхъ привязанностяхъ, которыя даютъ основу чувствительности и добродѣтели. Она близко видѣла несправедливости и притѣсненія, жертвой которыхъ былъ великій князь Павелъ, и была тронута его душевной скорбью. Въ этой экзальтированной головкѣ составлялись романтическія комбинаціи, къ которымъ не примѣшивалось никакого личнаго разсчета или интереса. Поддержать князя въ его испытаніяхъ, скраситъ тайнымъ очарованіемъ его жизнь, исправить его характеръ, пролить спокойствіе въ его мятежную душу и увлечь его въ свѣтлую область идеала,—такова была благородно-честолюбивая задача, которой Екатерина Нелидова рѣшила посвятить весь пылъ своей молодости. Она знала недоброжелательство придворныхъ, знала, что ея намѣренія будутъ заподозрѣны, что высокую миссію, взятую на себя, сочтутъ за низкую интригу, но рѣшила пренебречь всѣмъ. Ей легко можно было найти доступъ къ сердцу Павла. Великій князь, надежды котораго рухнули и положеніе котораго все осложнялось, переживалъ, какъ мы знаемъ, внутренній кризисъ. Онъ приходилъ въ трепетъ отъ нѣсколько рѣзкаго дуновенія, пронесшагося надъ міромъ въ тотъ моментъ столѣтія, когда инстинктивныя, долго сдерживаемыя и тѣснимыя силы души нѣсколько безпорядочно стремились вознаградить себя. Его умъ и

сердце были охвачены волненіемъ, въ немъ проснулись потребность изліяній, мечты о чувствѣ, религіозные запросы. Слишкомъ простая, слишкомъ уравновѣшенная и преданная домашнимъ дѣламъ великая княгиня оказывала ему мало поддержки. Онъ скоро распозналъ, что за видомъ внѣшняго ребячества у Нелидовой скрывается сложная, какъ лабиринтъ, душа, способная какъ и его, на сильные порывы. Онъ былъ очарованъ прелестью рѣчи, то легкой, то серьезной, тонкостью ея ума, добротой ея сердца. Онъ просилъ ее быть его повѣреннымъ и искалъ ея дружбы, не допуская при этомъ какихъ-либо болѣе дерзкихъ помысловъ. Такъ между княземъ и фрейлиной создались сильныя и прочныя узы; Нелидова была не изъ тѣхъ, кто быстро вызываетъ скоро преходящее увлеченіе, напротивъ она привлекала къ себѣ постепенно и удерживала надолго своимъ умомъ, всегда добрымъ. Языки развязались, когда сдѣлалась очевидной близость Екатерины Ивановны къ великому князю. Не было еще примѣра и казалось невѣроятнымъ, чтобы влюбленный въ фрейлину князь наложилъ на свою страсть какую-то узду религіозности или добродѣтели и поддерживалъ съ предметомъ своего обожанія лишь дружескія и братскія отношенія. Считали несомнѣннымъ, что Нелидова околдовала великаго князя, добродѣтельнаго лишъ «въ своихъ планахъ и намѣреніяхъ», и страстно отдалась ему. Однако соглашались, что влюбленные въ обществѣ сохраняли надлежащія приличія. Въ дипломатической перепискѣ Жене встрѣчается много свидѣтельствъ этого недоброжелательства; посланникъ рисуетъ великаго князя «посвящающимъ ночи на недостойную любовь", Нелидову—подкупленной, «съ цѣлью склонить сына Екатерины ко всякимъ излишествамъ» и вынужденной на время покинуть дворъ, чтобы родить подъ сѣнью монастыря. [1])

[1]) Affaires ètrang, т. CXXXVI fol. 190; M. Genêt, 15 ноября 1791г., т. CXXXVIII, 172, 24 іюля 1792 г.

Ходившіе въ то время слухи не могутъ однако служить доказательствомъ. Современникъ Саблуковъ, заявивъ сначала въ своихъ *Мемуарахъ*, что Павелъ былъ чуждъ распутства, нѣсколькими страницами дальше, приводитъ довольно пикантный эпизодъ, единственный, который, насколько намъ извѣстно, могъ бы послужить поводомъ для обвиненій великаго князя и его подруги. Это было на дежурствѣ, уже во время царствованія Павла. Дежурный скомандовалъ: на караулъ! Едва гвардейцы успѣли взяться за свои ружья, какъ дверь въ корридорѣ открылась. Оттуда выбѣжалъ императоръ. Въ ту же минуту надъ его головой пролетѣлъ женскій башмакъ съ очень высокимъ каблукомъ и едва не задѣлъ его. Павелъ прошелъ черезъ переднюю, чтобы пройти въ свой кабинетъ, а Нелидова спокойно вышла въ корридоръ взять обратно свой башмакъ, надѣла его на ногу и вернулась въ покои, откуда вышла. [1]) Трудно опредѣлить, что хотѣлъ сказать этимъ Саблуковъ. Не забудемъ, что Павелъ и Екатерина нашли себѣ защитниковъ даже среди современниковъ; высокій сановникъ, очень склонный къ злословію, Ѳедоръ Головкинъ замѣчаетъ въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, [2]) что если даже Нелидова и заняла положеніе любовницы, то связь ея съ сыномъ Екатерины совершенно невинна. Адамъ Чарторижскій, [3]) тоже подтверждаетъ это, хотя онъ всегда нѣсколько смѣлъ въ утвержденіи такихъ вещей. Что поведеніе князя и фрейлины никогда не переходило границъ нѣжной дружбы, это доказывалось прежде всего спокойной увѣренностью Екатерины Ивановны, ея искренней и простой манерой держать себя на глазахъ у всѣхъ,

---

[1]) Саблуковъ, Recit sur la mort de Paul I (Revue mcderne, декабрь 1865.)

[2]) La Cour et le Régne de Paul I-er, стр. 114.

[3]) Memoires, т. I, стр. 163.

а также той прочной дружбой, которая смѣнила у великой княгини ея первоначальное вполнѣ естественное недовѣріе къ подругѣ своего мужа, дружбой, которую Марія Ѳеодоровна продолжала къ ней питать даже послѣ смерти Павла I. Павелъ и Екатерина Ивановна были слишкомъ горды для того, чтобы отдаться обычнымъ страстямъ, которыя позорили весь дворъ. Они оба обладали чувствомъ собственнаго достоинства и восторженно относились къ добродѣтели. Они повидимому искали лишь изысканныхъ наслажденій, рождающихся отъ мистическаго единенія двухъ душъ, преисполненныхъ однѣми и тѣми же мечтами объ идеалѣ. Опьяненіе, которому они отдавались, не имѣло ничего плотскаго. По правдѣ сказать, имъ повидимому не стоило большого труда противостоять влеченіямъ своихъ чувствъ. Молодая женщина писала однажды своему другу: „Но развѣ Вы для меня мужчина! Клянусь Вамъ, что съ тѣхъ поръ какъ я къ Вамъ привязалась, я этого никогда не замѣчала; мнѣ кажется, что Вы для меня сестра". [1]) Ея любовь была проникнута религіознымъ чувствомъ; они поднимались къ Богу, чтобы тамъ очистить себя, чтобы тамъ подкрѣпиться, чтобы найти тамъ новую опору, почерпнуть новой жизни. Великій князь предлагалъ властительницѣ своихъ думъ книги благочестиваго содержанія и убѣждалъ ее поразмыслить надъ ними. «А въ комъ заключается высшее благо, если не въ Томъ, Кому я полагаю свое счастье поручать Васъ на каждомъ шагу моемъ въ теченіе дня?.. Я своею книгою дѣлаю Вамъ великій подарокъ, ибо заставляю Васъ думать о Богѣ, чтобы все болѣе Васъ къ Нему приблизить. Тѣмъ самымъ я и себѣ дѣлаю величайшій, истинный подарокъ. Таковъ мой способъ любить тѣхъ, которые мнѣ дороги; пусть отыскиваютъ во всемъ этомъ что-либо преступное. Читайте,

---

[1]) Осьмнадцатый вѣкъ, т. III.

добрый другъ мой, открывая книгу по произволу и наудачу... Будьте снисходительны къ человѣку, любящему Васъ больше, чѣмъ самого себя, и въ этомъ духѣ пріимите все. Единому Богу извѣстно, насколько и во имя чего Вы мнѣ дороги; призываю на Васъ самыя святыя Его благословенія». [1])

Павелъ призывалъ Бога въ свидѣтели чистоты своихъ помысловъ къ своему другу. Въ одномъ письмѣ безъ даты и являвшемся какъ бы завѣщаніемъ онъ, въ случаѣ своей смерти, поручалъ Нелидову своей матери. «Я видѣлъ, какъ злоба возставала на судъ и хотѣла дать ложныя толкованія связи, единственно дружественной, возникшей между Е. И. Нелидовой и мною. Относительно этой связи, клянусь тѣмъ судилищемъ, передъ которымъ мы всѣ должны явиться, что мы предстанемъ передъ нимъ съ совѣстью, свободною отъ всякаго упрека, какъ за себя, такъ и за другихъ. Зачѣмъ не могу засвидѣтельствовать цѣною моей крови! Свидѣтельствую о томъ... прощаясь съ жизнью. Клянусь еще разъ всѣмъ, что есть священнаго. Клянусь торжественно и свидѣтельствую, что насъ соединяла дружба священная и нѣжная, но невинная и чистая». [2])

Ухаживаніе Павла за Нелидовой заставляло великую княгиню первое время опасаться, какъ бы не пострадало отъ низкой интриги достоинство ея семейнаго очага. Ей отзывались о Нелидовой, какъ объ опасной сиренѣ. Однако ея подозрѣнія и сомнѣнія понемногу разсѣялись и она начала надѣяться, что страсть, овладѣвшая мужемъ, не заведетъ его такъ далеко, какъ она въ началѣ думала. Тѣмъ не менѣе супружеская гордость великой княгини должна была сильно страдать; она видѣла себя вытѣс-

---

[1]) Осьмнадцатый вѣкъ, т. III, стр. 448.

[2]) Id. стр. 445.

ненной изъ сердца Павла, котораго столько лѣтъ она вдохновляла своими мыслями и своей любовью: невысказанная обида тяготила ее. Трогательная и безропотная печаль наполняла ея письма къ Сергѣю Плещееву, преданному другу, ревностному христіанину, одному изъ главарей русскаго масонства: «Наше отношеніе къ *малюткѣ*—(„petite"), (въ этомъ названіи, которое она давала своей соперницѣ заключалась нѣкоторая доля презрѣнія), вполнѣ корректно; но признаюсь, что съ тѣхъ поръ, какъ мы встали на такую ногу, даже публично перестали стѣсняться въ проявленіи къ ней нѣжности. Это очень неискренняя дѣвушка. Но это не смущаетъ меня. Я пойду по пути, намѣченному мною, убѣжденная, что это испытаніе, которое ниспосылаетъ мнѣ Богъ.» [1])

Мучительное молчаніе установилось между обоими супругами, стѣснявшимися и какъ бы парализовавшими другъ друга. Свои обращенія къ женѣ Павелъ дѣлалъ въ повелительномъ и суровомъ тонѣ; иногда онъ забывался до того, что выказывалъ знаки неуваженія къ ней даже при лакеяхъ. «Ни въ какую минуту моей жизни,—писала Марія Ѳеодоровна,—я надѣюсь, я не потеряю терпѣнія и покорности волѣ Божіей, которыя я выработала въ себѣ и хотя, быть можетъ, очень жестоко и тяжело безпричинно терпѣть худое обхожденіе,—мои убѣжденія оттого не пострадаютъ.» [2])

Въ началѣ 1792 г., приближеніе всегда трудныхъ родовъ вызывало въ Маріи Ѳеодоровнѣ мрачныя мысли, страшное безпокойство: «малютка», быть можетъ, желаетъ, чтобы съ ней (великой княгиней) случилось несчастье и ласкаетъ себя мыслью сдѣлаться второй «Ментенонъ.» [3])

---

[1]) D. de Benkendorff, стр. 61.

[2]) Шумигорскій, Императрица Марія Ѳеодоровна, стр. 359.

[3]) De Benkendorff, стр. 62.

При дворѣ великаго князя у Нелидовой скоро нашлись льстецы. Извѣстно было то вліяніе, которое она имѣла на наслѣдника престола и на старѣющуюся императрицу; „расчеты въ будущемъ“ („batteries pour le futur“, какъ выразился Сенъ-Симонъ), были направлены и сосредоточены на ней. Ей оказывали больше почета, чѣмъ Маріи Ѳеодоровнѣ. Александръ Куракинъ изъ отдаленной ссылки поздравлялъ Павла съ его „великой чувствительностью“, съ его умилительной непринужденностью, съ которой онъ отдается тому, что фразеологія того вѣка называла «самымъ сладкимъ влеченіемъ природы.» «Я знаю,—говорилъ онъ ему,—насколько оригинальный характеръ дѣвицы Нелидовой и очаровательность ея ума имѣютъ благотворное вліяніе на ваше теперешнее существованіе.» [1]) Однако блестящая и всемогущая подруга Павла пріобрѣла себѣ враговъ, которыхъ не всегда могъ заставить молчать страхъ не понравиться великому князю. Г-жа Бенкендорфъ принадлежала къ партіи, враждебной фавориткѣ. Она проявляла большое соболѣзнованіе великой княгинѣ, которую знала еще молодой дѣвушкой въ Монбельярѣ и которой всегда была предана. Это была безпокойная личность, искусившаяся въ интригахъ. Позволивъ себѣ однажды открыто порицать Екатерину Ивановну, она навлекла на себя гнѣвъ Павла, а въ концѣ 1791 г. получила отставку въ формѣ наиболѣе рѣзкой. Ей дано было только три часа срока для оставленія Гатчины.

Лекторъ великой княгини, Лафермьеръ, заподозрѣнный въ приверженности своей госпожѣ, былъ также удаленъ. [2]) Эти расправы, повидимому, успокоили гнѣвъ великаго князя, который, если довѣрять прусскому посланнику

---

[1]) Princesse Lise Trubezkoï, Correspondance d. S. M. l'imperatrice Maria Feodorovna, Введеніе, гл. XII.

[2]) Affaires étrang. т. CXXXVI, fol. 207, Genêt, 2 декабря 1791.

Гольцу, въ продолженіе нѣкотораго времени обнаруживалъ больше вниманія къ своей женѣ. [1]) Марія Ѳеодоровна горевала отъ того не меньше по случаю отъѣзда г-жи Бенкендорфъ, ея дорогой Тилли. «Безъ моей преданности,—вздыхала она,—безъ моей вѣры въ волю Провидѣнія, мое сердце сокрушилось бы отъ испытаній.» [2])

Въ тотъ день, когда Нелидова увидала, что она не могла выполнить по отношенію къ князю своего высокаго назначенія самопожертвованія и покровительства, не вызывая тѣмъ толковъ вокругъ своего имени, не подымая бурь при Гатчинскомъ дворѣ, она потеряла твердость духа и задумала удалиться: эта честная дѣвушка считала невыносимымъ положеніе, которое опьянило бы гордость всякой честолюбивой авантюристки. У нея было желаніе отдать себя, пожертвовать собой; но она была одарена тонкой чувствительностью и страдала отъ недостатковъ, слабостей, непослѣдовательности великаго князя Павла, несомнѣнно любящаго, честнаго и добраго, но подозрительнаго, непостояннаго, вспыльчиваго, изъ всего дѣлавшаго драму и примѣшивавшаго оскорбительную рѣзкость къ чувствительнымъ увѣреніямъ. Она лелѣяла планъ удалиться въ свой милый Смольный монастырь, гдѣ, казалось ей, она вновь обрѣтетъ душевную ясность своей ранней молодости съ ея иллюзіями и невинными радостями. Она говорила объ этомъ иногда великому князю, чѣмъ приводила его въ отчаяніе; она была тронута его слезами, чувствовала себя любимой и колебалась уѣзжать. Не было недостатка въ людяхъ, которые говорили ей, что покинувъ добровольно дворъ, она тѣмъ самымъ дастъ яркое доказательство своего безкорыстія и независимости. «Посмотрите,—

---

[1]) Archives secrets de Berlin, reposit. XI, conv. 133, 7 февраля 1792 г.

[2]) Шумигорскій, стр. 371.

говорилъ ей Плещеевъ,—на все, что происходитъ здѣсь; подумайте о разногласіяхъ, существующихъ между обоими супругами; подумайте о дурныхъ слухахъ, распространяемыхъ о Васъ, которые должна неизбѣжно породить ваша продолжительная близость съ великимъ княземъ. Этотъ союзъ, я въ томъ увѣренъ, не имѣетъ ничего преступнаго, но внѣшній видъ противъ васъ. Зрѣло поразмысливъ надъ всѣмъ тѣмъ, что я Вамъ указалъ, вы не замедлите принять окончательное рѣшеніе и сумѣете вернуть покой въ смущенныя сердца, въ особенности въ сердце великаго князя, который въ этомъ сильно нуждается.» Нѣкоторыя лица при дворѣ, болѣе проницательныя, чѣмъ Плещеевъ, имѣли совершенно противоположныя желанія. Если Нелидова удалится, то кто же завладѣетъ наслѣдникомъ, психическое состояніе котораго внушало все большія и большія безпокойства? Кто сумѣетъ смягчить его горячность и незамѣтно образумливать? [1])

Очень тяжелая сцена, разыгравшаяся между Павломъ и его женой, ядовитая статья въ „Moniteur Universel“ [2]) заставили, однако, Екатерину Нелидову рѣшиться просить объ отставкѣ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Растопчинъ сообщалъ эту новость своему другу Воронцову, 8 іюля 1792 г.: «M-lle Нелидова передала письмо императрицѣ, гдѣ она проситъ позволить ей удалиться въ монастырь и покинуть дворъ, столь же бѣдной и чистой, какой она вступала въ него. Нѣкоторыя лица усматриваютъ въ этомъ шагѣ хитрость и скрытое намѣреніе: думаютъ, что она хочетъ разжечь страсть великаго князя и еще больше воспламенить его; но внѣшніе признаки доказываютъ противное и разсѣиваютъ подозрѣніе въ искренности ея намѣреній, тѣмъ болѣе, что душа этой интриги, князь

---

[1]) De Benkendorff, стр. 65—72.

[2]) № 115, 24 апр. 1792.

Голицынъ, совсѣмъ разжалованъ и получилъ распоряженіе никогда не возвращаться въ Павловскъ. Нелидова знаетъ великаго князя; ее тяготили его преслѣдованія; она видѣла, что ему тяжело было ея сопротивленіе и умъ ея подсказываетъ ей надлежащее средство снискать себѣ уваженіе общества. Это удаленіе, если оно состоится, удовлетворитъ желаніе всѣхъ честныхъ людей и заставитъ забыть горести, причиненныя этой исторіей великой княгинѣ, высокая добродѣтель которой, дѣлаетъ ее столь дорогой для всѣхъ.» [1]) Нелидова оставалась еще больше года при дворѣ, удерживаемая, безъ сомнѣнія, мольбами Павла, котораго она продолжала любить, сожалѣніемъ бросить свое дѣло, опасеніемъ оставить свой постъ и, быть можетъ, также боязнью безцвѣтнаго будущаго, ибо и въ самыхъ прекрасныхъ душахъ таится кое-что человѣческое. Ея колебанія послужили поводомъ къ недоброжелательнымъ комментаріямъ. [2])

Наконецъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1794 г. давъ пройти, не смущая своими приготовленіями къ отъѣзду, торжествамъ по случаю брака старшаго сына Павла, Александра, она удалилась въ Смольный монастырь. «Несмотря на всякія сцены, гдѣ ярость и грубость заступили любовь и нѣжность,—язвительно писалъ Растопчинъ,—онъ принужденъ былъ разстаться съ Нелидовой, которая должна занять аппартаменты, приготовленные для нея въ монастырѣ, великолѣпно обставленные и снабженные всѣмъ, что только могутъ себѣ представить вкусъ и богатство.» [3]) Въ дѣйствительности Екатерина Нелидова вовсе не была окружена въ Смольномъ такой роскошью. Покидая свой постъ фрейлины, она получила отъ императрицы скудное

---

[1]) Архивы Воронцова, т. VIII, стр. 53.

[2]) Id. т. VIII, стр. 80.

[3]) Id. т. VIII, стр. 84.

приданое въ 4000 рублей, а отъ великой княгини—въ 6000 рублей и небольшую ежегодную пенсію. „Это значительно больше того, что я чувствую себя способной желать,—писала она Куракину.—Но такъ какъ „il n'ya pas de bonheur sans malheur", (нѣтъ счастья безъ несчастья), то независимость, къ которой я стремлюсь не будетъ свободна отъ тяжести признательности." [1]) Она въ особенности не хотѣла быть ничѣмъ обязанной Павлу. «Вамъ не трудно будетъ понять, какъ было бы для меня пріятно не быть обузой для его кошелька, хотя я ни минуты не сомнѣваюсь въ его сердечности.» Она не разъ жаловалась на нѣкоторыхъ изъ своихъ мало деликатныхъ родственниковъ, которые строили расчеты на щедрости Павла: могла ли она допустить, чтобы «великій князь позволилъ высасывать себя каждому, кто случайно родился въ какой-либо степени родства съ ней?»—«Великій князь, между нами говоря, не имѣетъ чѣмъ заплатить своимъ рабочимъ въ Гатчинѣ. Подумайте, въ состояніи ли онъ помочь каждому, испытывая самъ нужду.» [2])

Ни корысти, ни честолюбія. Нелидова желала только быть счастливой въ тиши и уединеніи Смольнаго, не омрачая счастья другихъ. „Мнѣ доставило-бы очень много радости пожить съ воспитавшими меня лицами, безконечно уважаемыми мною, чувство которыхъ ко мнѣ осталось прежнимъ. Если я не буду имѣть счастья пожить съ г-жей де Лафонъ столько времени, сколько нужно для моего счастья здѣсь, то я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, не быть свидѣтельницей смерти тѣхъ дамъ, общество которыхъ было мнѣ чрезвычайно пріятно, которыя были моими воспитательницами и подругами до выхода моего изъ монастыря, который вы считаете такимъ гадкимъ и представ-

---

[1]) Princesse Lise Troubetzkoï, стр. 191. Paris.

[2]) Id., стр. 202.

ляете какимъ-то обиталищемъ скуки. Вы забываете, что благодаря добротѣ нашего друга я имѣю прелестную библіотеку, свою арфу, свою гитару, свои карандаши, словомъ всѣ предметы, которые такъ хорошо служили для моего развлеченія въ горестныя минуты. Я буду пользоваться еще совершенно новымъ для меня удовольствіемъ видѣть юныхъ родственницъ, успѣхи которыхъ будутъ мнѣ каждое мгновеніе напоминать благодѣяніе нашего друга, который оплачиваетъ содержаніе одной изъ нихъ. Мнѣ не будетъ столь тяжело, какъ вы думаете, порвать какимъ-либо образомъ съ тѣмъ свѣтомъ, который не имѣлъ или скорѣе не хотѣлъ быть ко мнѣ справедливымъ.“ [1])

Отставка Екатерины Нелидовой пришлась очень на руку интриганамъ, которые старались овладѣть великимъ княземъ. Представлявшій смѣсь ловкости съ дерзостью, раболѣпства и плутовства, Иванъ Кутайсовъ, этотъ лакей, сдѣланный фаворитомъ, сумѣлъ войти въ расположеніе Его Императорскаго Высочества. Буйныя выходки Павла участились. „Одному Богу извѣстны мои страхи,— дѣлилась съ Плещеевымъ великая княгиня. Я трепещу за своего мужа: онъ не умѣетъ пріобрѣтать друзей и погибнетъ когда-нибудь, если не будетъ окруженъ преданными, вѣрными слугами. Съ помощью лести и другими постыдными средствами удалось вызвать въ немъ тѣ ужасныя перемѣны, которыя мы теперь видимъ. Я прекрасно сознаю, что всѣ ежедневно замѣчаютъ разстройство его способностей.“ Павелъ добился того, что Нелидова выѣзжала иногда изъ Смольнаго, чтобы повидаться съ ними въ Гатчинѣ или Павловскѣ. Онъ не могъ забыть ее, не хотѣлъ утратить это очаровательное и милое созданіе, которое онъ не умѣлъ любить, не заставляя его

---

[1]) Princesse Lise Troubetzkoi, стр. 103.

[2]) Benkendorff, стр. 96.

страдать. Въ апрѣлѣ 1794 г. Екатерина Ивановна, встревоженная меланхолическимъ настроеніемъ и нервнымъ состояніемъ, замѣченнымъ ею въ своемъ другѣ, продлила свое пребываніе долѣе обыкновеннаго. Предполагали, что она займетъ прежнее мѣсто при маломъ дворѣ. Великая княгиня не могла удержать порыва негодованія: „Дѣвица гордится и много о себѣ думаетъ, заявляла она Плещееву. Я удивляюсь ея неблагоразумію; ибо по какому праву является она сюда и покидаетъ свое скромное убѣжище? Ахъ, мой другъ, какъ гадокъ свѣтъ и какъ ужасно все то, что въ немъ происходитъ.“ [1]) Сношенія Павла съ Екатериной Нелидовой не могли быть порваны и съ этимъ надо было примириться. Если вѣрить Головкину, великая княгиня, слѣдуя указаніямъ своей матери, принцессы Вюртембергской, приняла въ отношеніи прежней своей фрейлины болѣе миролюбивую тактику. Сначала робко, потомъ открыто, она привлекла ее къ себѣ на помощь, чтобы попытаться спасти великаго князя. Разногласія между государыней и ея сыномъ обострились. Своими злобными рѣчами, своимъ вызывающимъ поведеніемъ, неприличными отзывами и выходками князь шелъ прямо на то, чтобы навлечь на себя гнѣвъ Ея Величества. „Онъ сумасшедшій“ осмѣлился сказать фаворитъ Зубовъ. „Я это знаю такъ-же, какъ и вы, отвѣтила императрица. Но, къ несчастью, онъ еще не настолько сумасшедшій, чтобы можно было избавить государство отъ бѣдствій, которыя онъ ему готовитъ“. [2]) Тѣмъ не менѣе все болѣе укоренялось такое мнѣніе, что, устранивъ отъ престола недостойнаго Павла, императрица назначитъ наслѣдникомъ своего внука Александра. Казалось, что для того, чтобы отвратить столь серьезную опасность слѣдовало

---

[1]) Шумигорскій, стр. 408.

[2]) Fédor Golovkine, стр. 120.

обезпечить со стороны великаго князя большее терпѣніе и спокойствіе, большее подчиненіе волѣ матери. Сознавая безплодность своихъ усилій, великая княгиня неоднократно обращалось съ просьбой къ Екатеринѣ Нелидовой внушить князю, что грубо обходясь со своей матерью, онъ тѣмъ самымъ даетъ ей въ руки „оружіе противъ самого себя", и напомнить ему, что императрица, несмотря на всѣ свои прегрѣшенія, имѣетъ право на уваженіе, „оставаясь монархиней и матерью". [1]) Когда Марія Θеодоровна больше увѣрилась въ молодой женщинѣ, имѣвшей такую сильную власть надъ душой Павла, она поступилась своей гордостью настолько, что, черезъ посредство Плещеева, повѣдала ей о своемъ горѣ, своихъ постоянныхъ униженіяхъ и затаенныхъ обидахъ; она обѣщала ей свою искреннюю признательность, если великій князь, слѣдуя добрымъ совѣтамъ, откажется отъ оскорбительныхъ выходокъ, которыя онъ обычно допускалъ дома и которыя оскорбляли даже прислугу. [2]) Она усилила свои просьбы и была очень довольна, видя что онѣ имѣли успѣхъ; она могла попрежнему считать Нелидову нѣсколько гордой, но искренно привязалась къ ней и умѣла это ей показать. Скоро между одинаково преданными великому князю женщинами не было и тѣни злобнаго чувства; ихъ дружба была тѣсной и закрѣплена на будущее. [3])

Павлу не нравился союзъ, заключенный между его женой и его другомъ. Этого подозрительнаго и ревниваго къ своей самостоятельности князя можно было легко убѣдить въ томъ, что противъ него соединились для того, чтобы держать его въ рукахъ. Онъ серьезно вообразилъ, что во-

---

[1]) Шумигорскій, стр. 399 и 403.

[2]) „Великій князь дозволилъ себѣ третьяго дня сильно оскорбить великую княгиню. Affair. étrang., т. CXXXVII, fol. 10, 3 января 1792 г.

[3]) De Benkendorff стр. 103—105.

кругъ него куются тайныя ковы. Недовѣріе затемняло его наиболѣе искреннія чувства и онъ рѣшилъ, что Нелидова измѣнила ему, потому что совѣтовала ему забыть свою досаду на императрицу и оказывать ей почтеніе хотя бы съ внѣшней стороны. Кутайсовъ сумѣлъ воспользоваться подозрѣніями и опасеніями своего господина. Для того, чтобы оторвать его отъ Нелидовой, онъ попытался заинтересовать его болѣе молодой и привлекательной красавицей —Наталіей Веригиной. Но чувство порядочности, нравственной чистоты предохраняло великаго князя отъ легкомыслія и мимолетныхъ связей, которыя съ такой непринужденностью выставлялись напоказъ кругомъ его. Эта интрига, хотя не зашла слишкомъ далеко, все же причинила Нелидовой большое огорченіе, къ которому примѣшивалось чувство раздраженія и оскорбленія. Раздраженная тѣмъ недовѣріемъ, которое, она чувствовала, тяготѣло надъ ней съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлала попытку примирить Павла съ его матерью, она рѣшила въ мартѣ 1796 г. замкнуться въ Смольномъ и не показываться больше при дворѣ своего недостойнаго друга. [1])

Павелъ не умѣлъ любить избранницу своего сердца; онъ любилъ ее возвышеннымъ чувствомъ, которое не охладѣло съ годами, можетъ быть потому, что оно никогда не было соединено съ животными помыслами. Екатерина умѣла собрать, преобразовать въ любовь всѣ колеблющіяся и измѣнчивыя желанія великаго князя. Будучи уже подъ сорокъ лѣтъ, она сохранила прелесть молодости и нравилась ему. Изящная, развитая, благородная, оживленная она давала удовлетвореніе его уму, его душѣ какой-то тайной прелестью своей близости и своего присутствія. Когда онъ пересталъ видѣть ее, онъ почувствовалъ полную безпомощность, тоску какъ о незамѣнимой

---

[1]) De Benkendorff стр. 106—110.

потерѣ; его нравственныя страданія усилили физическую нервность. Охваченный непреодолимымъ желаніемъ вернуть, увидѣть вновь своего друга, онъ началъ преслѣдовать ее потрясающими письмами, полными скорби и мольбы. Екатерина отвѣчала холодностью и презрѣніемъ. Скорбь, которой она была полна, сдѣлала ее суровой, почти несправедливой къ великому князю. Послушаемъ ея жалобы Куракину: „Нѣтъ, мой другъ, ничто не заставитъ меня больше возобновить нарушенную дружбу. Очарованіе исчезло... Почему хотите Вы, чтобы я видѣлась съ нимъ? Онъ отъ этого ничего не выиграетъ. Его видъ пробудилъ бы во мнѣ только непріятныя чувства, которыя онъ долженъ бы былъ желать заставить заглохнуть во мнѣ, если бы онъ хотя немного придавалъ значенія тому, что я могу къ нему чувствовать... Вы думаете, онъ не чувствовалъ, не предвидѣлъ того, что поднимется во мнѣ при видѣ того, какъ онъ предавался всѣмъ своимъ причудамъ и показывалъ себя въ нихъ совершенно безсердечнымъ человѣкомъ. Если бы онъ обнаружилъ только горячность, можетъ быть, я имѣла бы еще тогда слабость вернуться къ нему. Но онъ проявилъ низость, предательство въ своихъ поступкахъ. Онъ уронилъ себя въ моихъ глазахъ... Въ эту минуту я получаю ворохъ извиненій и оправданій, которыя прервали мою бесѣду съ Вами; я возобновляю ее, чтобы увѣрить Васъ, что все это лишь усиливаетъ мое отвращеніе.“ [1])

Это раздраженное письмо, отправленное изъ Смольнаго 1 ноября 1796 г., не дошло еще по своему назначенію, когда императрица скончалась отъ апоплексическаго удара и Павелъ воцарился въ Зимнемъ Дворцѣ.

Тревожныя перипетіи этой великой драмы, оказываемый почетъ, отдача распоряженій, наконецъ сладостное испы-

---

[1]) Princesse Lise Troubetzkoi, стр. 292.

таніе нетерпѣливо жданной и неожиданно полученной власти, ничто не могло заставить забыть Павла своего друга въ Смольномъ. Во время агоніи императрицы, въ то время, какъ среди тревожной толпы придворныхъ каждый старался разгадать тайну своей будущей судьбы на лицѣ того, кто на другой день долженъ былъ сдѣлаться источникомъ всякаго повышенія и всякихъ милостей, Павелъ увидалъ одного камерпажа, который былъ никто иной, какъ младшій братъ его фаворитки, долго разговаривалъ съ нимъ и снабдилъ его конфиденціальнымъ порученіемъ къ Екатеринѣ Ивановнѣ. Пажъ Нелидовъ въ одну недѣлю прошелъ нѣсколько степеней военной іерархіи. [1]) Послѣ брата царскою милостью воспользовалась мать: она получила 2000 крестьянъ. Нелидова выражала благодарность въ слѣдующихъ признательныхъ словахъ: „Ради Бога, Государь, позвольте мнѣ просить у Васъ, какъ милости, чтобы Вы уменьшили этотъ даръ, на половину. Моя мать всегда бы сочла за великое и неожиданное богатство тысячу душъ, отъ которыхъ не смѣю отказаться за нее, ибо она мнѣ мать. Вы понимаете, Государь, все то, что въ этихъ обстоятельствахъ можетъ подсказать мнѣ языкъ. Но смѣю завѣрить Васъ всѣмъ тѣмъ, что есть для меня священнаго, что я сочла бы истиннымъ благодѣяніемъ, если бы Вы имѣли милость дать ей 500 душъ и моя мать сочла бы себя весьма счастливою и щедро награжденною; между тѣмъ какъ 2000 душъ тяготятъ мою совѣсть.“ [2])

Въ день своихъ именинъ Екатерина получила великолѣпный подарокъ, отъ котораго считала нужнымъ отказаться: она приняла лишь „фарфоровый приборъ для завтрака“. Нѣжное вниманіе, которое къ ней было про-

---

[1]) De Benkendorff, стр. 123.

[2]) Осьмнадцатый вѣкъ, т. III, стр. 427.

явлено, разсѣяло мало по малу ея дурныя воспоминанія. Она смягчилась и, послѣ нѣкотораго сопротивленія съ цѣлью поднять цѣну своей уступки, была счастлива возобновить порванную связь, вернуть Павлу ту восторженную дружбу, которой она посвятила себя съ душевнымъ пыломъ и сердечной жаждой. Ея благородныя мечты окрылились и она воспламенялась при мысли быть вдохновительницей, скромной и бдительной совѣтницей, женскимъ провидѣніемъ страннаго и легковѣрнаго князя, слабая голова котораго должна была нести тяжесть слишкомъ тяжелой короны.

Повидимому, въ первый годъ этого тревожнаго царствованія она искусно сдерживала бури. Она умѣряла грубую и недисциплинированную силу деспота, капризныя желанія котораго и неистовыя распоряженія заставляли трепетать Россію. Она пыталась склонить его къ терпимости, необходимой для управленія людьми. Болѣе внимательная, болѣе усердная, чѣмъ когда-либо раньше, она старалась разгладить чело монарха, по природѣ подозрительнаго, чувствовавшаго себя всегда неспокойно, даже за тройной оградой своего дворца. Не будучи жестокимъ, Павелъ многихъ сдѣлалъ несчастными. Съ упорной энергіей она защищала интересы, достоинство его жертвъ, знатныхъ или неизвѣстныхъ, должностныхъ лицъ, отрѣшаемыхъ по одному слову какого-нибудь доносчика, офицеровъ, ссылавшихся въ Сибирь за легкій проступокъ. Зубовъ и Суворовъ были обязаны ей облегченіемъ ихъ участи. [1]) Для Маріи Ѳеодоровны она была вѣрной и преданной союзницей. Императрица и фаворитка пишутъ другъ другу почти ежедневно, говорятъ по душѣ, дѣлятся между собой своими надеждами, своими печалями, заботами по поводу государя. „Любить Васъ для насъ благо“,

[1]) De Benkendorff, стр. 140—148.

признавалась государыня. [1]) Она не одна признавала услуги, которыя оказывала императору Павлу проницательная преданность его друга. Къ несчастью, опьяненный деспотизмомъ, надутый подозрительной спесью, государь сталъ дурно толковать откровенность Нелидовой, сталъ ускользать изъ подъ вліянія ея совѣтовъ, за которыми еще недавно онъ посылалъ и вызывалъ, и подпалъ подъ вліяніе Ивана Кутайсова, «предмета ненависти (bête noire) этихъ женщинъ", бывшаго брадобрея, который сдѣлался ужасомъ двора послѣ того, какъ былъ его посмѣшищемъ. Во время поѣздки въ Москву въ 1798 г. ловкая интрига «выдвинула», какъ выражались тогда, Анну Лопухину, миловидную, кокетливую дѣвушку, менѣе щепетильную и чуткую, чѣмъ Екатерина Ивановна. [2]) Кутайсовъ взялся разжечь пожаръ, воспламенившійся въ душѣ Павла, который на этотъ разъ пренебрегъ своими принципами и отдался восторгамъ любви. [3]) Для Нелидовой все было кончено. Она покидала дворъ съ нѣкоторой гордостью. Въ глубинѣ души она была довольна своей прекрасной стойкостью, вѣрностью, благородствомъ своихъ чувствъ, равно какъ и тѣмъ чувствомъ стыда и униженія, которыя она оставила въ душѣ неблагодарнаго, и горечь собственнаго разжалованія отъ этого смягчалась. Въ Смольномъ и позднѣе подъ сѣнью замка Лодэ, гдѣ сохранялось воспоминаніе о Зельмирѣ, другой жертвѣ мужского вѣроломства, она не могла отвлечь своихъ мыслей отъ императора,

---

[1]) Осьмнадцатый вѣкъ, т. III, стр. 455.

[2]) Czartoryski, Memoires, т. I, стр. 177.

[3]) Эта новая любовь окрашена еще мистицизмомъ. „Онъ открылъ, что имя Анна обозначало божеская милость", писала Варвара Головина (Revue d'histoire diplomatique, 1896, статья de M. Costa de Beauregard). По мнѣнію l'abbé Georgel'я (Voyage à Saint-Petersbourg, 1799—1800), m-lle Лопухина, какъ и m-lle Нелидова была „больше другомъ, чѣмъ любовницей".

въ которомъ надменность, страсти, лесть окончательно помутили разсудокъ и который катился въ пропасть.

Когда въ Лодэ она узнала объ ужасной смерти Павла, задушеннаго ночью хищными руками, когда она представила себѣ какъ за нимъ раздѣтымъ гонялись по его комнатѣ, какъ его обступили, наносили удары, душили, потомъ ругались надъ нимъ, топтали ногами пьяныхъ солдатъ, безграничная жалость поглотила въ ней всѣ другія чувства, которыя могли возникнуть раньше у нея въ душѣ. Поплакавъ нѣкоторое время въ одиночествѣ, она отправилась къ своимъ дорогимъ подругамъ въ Смольный. Пораженная неисцѣлимымъ горемъ и чувствуя себя съ этихъ поръ неспособной къ шумной придворной жизни, она провела остатокъ своей жизни въ монастырѣ, мужественно и бодро перенося свою печаль. Она занимала тамъ скромные, но изящные аппартаменты, съ прекраснымъ видомъ на сады по берегу Невы. Она сдѣлалась добровольной воспитательницей, отдавая всѣ силы своего ума и сердца юнымъ подругамъ по монастырю, по большей части сиротамъ, и въ особенности племянницѣ, которая была для нея важной цѣлью въ жизни. Она получала отъ императрицы вдовы письма и принимала ее у себя. Искавшая забвенія отъ своего горя въ дѣлахъ благотворительности, Марія Θеодоровна взяла Смольный институтъ подъ свое руководство и попеченіе: обѣ женщины, связанныя дружбой, которая въ силу общихъ испытаній стала еще болѣе трогательной, любили сходиться, чтобы поговорить «объ ихъ дорогомъ усопшемъ» и поплакать о немъ. Онѣ обѣ въ святая святыхъ своихъ сердецъ воздвигли алтарь, божествомъ котораго былъ онъ. Другіе посѣтители, друзья, оставшіеся вѣрными вліятельной фавориткѣ, являлись въ Смольный, чтобы полюбоваться благороднымъ и гордымъ изяществомъ, свѣжимъ умомъ, всегда пылкой душой Нелидовой: современники утверждали, будто въ преклонномъ возрастѣ она

сохранила въ своемъ взглядѣ, въ своемъ станѣ и походкѣ запоздавшую весну. Смерть Маріи Ѳеодоровны въ 1828 г. лишила ее самой твердой опоры. Друзья одинъ за другимъ удалились и исчезли. Ее забыли, оставивъ одну съ созерцаніемъ уже отдаленнаго прошлаго. Эта заброшенность дѣйствовала на нее; она становилась нѣсколько рѣзкой; внутреннее недовольство, накопившееся за цѣлые годы въ ея душѣ, выливалось по временамъ наружу. Возрастъ, болѣзнь медленно уносили ея силы, ослабляли тѣло, помрачали ея разумъ и 82 лѣтъ она тихо и незамѣтно погрузилась въ вѣчную ночь. [1])

Достойная слава вполнѣ заслужена этой прямой и пылкой женщиной, которая бросила на мрачную страницу исторіи немного любви. Она была совершенно оригинальна какъ въ мысляхъ, такъ и въ чувствахъ. У нея, быть можетъ, впервые проявилась жажда состраданія и жертвы, которая охватила русскія души въ девятнадцатомъ столѣтіи. Ея мистическое состраданіе къ несчастному существу, ея самоотверженность встрѣтятся вновь у героинь Тургенева и Льва Толстого, ея младшихъ сестеръ.

IV.

«Высокое положеніе лишаетъ насъ многихъ радостей», печально говорила Марія Ѳеодоровна въ письмѣ къ Нелидовой. Она завидовала «греческимъ женщинамъ, столь вѣрнымъ въ исполненіи перваго долга природы—долга кормить своего ребенка.» [2]) Она, безъ сомнѣнія, забыла, что ея супружеская любовь была-бы очень слабо оплачена взаимностью, если бы она свободно отдавалась ма-

---

[1]) De Benkendorff стр. 317—319.

[2]) Princesse Lise Troubezkoi, Корреспонденція императрицы Маріи Ѳеодоровны, стр. 36.

теринскому чувству. Но Екатерина II, пока была жива, встала между внуками и родителями. [1]) Бодрая, веселая, всегда живая, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, она отрывалась отъ дѣлъ управленія и поглощающихъ страстей для того, чтобы повеселить «эту кучу ребятъ». Повсюду она вносила оживленіе и изобрѣтательность: «Я до безумія и какъ пятилѣтній ребенокъ люблю смотрѣть на игру въ жмурки и на всевозможныя дѣтскія игры. Молодежь, мои внуки и внучки, говорятъ, что я здѣсь нужна, чтобы веселье царило по ихъ вкусу. Значитъ я,—добавляла она съ торжественнымъ видомъ,—являюсь „Lustigmacher",—забавницей!» [2]) Какіе взрывы веселой рѣзвости вокругъ старой императрицы! Какъ волновались умныя головки, какъ блестѣли глаза и загорались отъ удовольствія щеки! Любимымъ увеселеніемъ была игра въ барры, на лужайкахъ Царскаго. Старые генералы Барятинскій и Львовъ, волей-неволей должны были вступать въ игру; ихъ безжалостно преслѣдовали и безъ церемоніи дѣлали плѣнниками. Однажды вечеромъ, когда игра окончилась, веселая толпа, какъ стая воробьевъ, улеглась за стогомъ сѣна и скрылась за нимъ, замышляя ловкій ударъ; Платонъ Зубовъ приблизился къ императрицѣ и положилъ ей на плечо вѣтку травы; это было условленнымъ знакомъ аттаки. Тотчасъ же стоги сѣна были взяты приступомъ, опрокинуты, растащены; охапки сѣна падали на платья статсъ-дамъ, на мундиры камергеровъ. Генералъ Львовъ, который отбивался и поднялъ громкій крикъ, служилъ особенно любимой цѣлью для нападеній; Зубовъ съ помощью

---

[1]) „Мы не смѣемъ никого приставить къ дѣтямъ, писала великая княгиня. Императрица сама назначаетъ даже дѣвушекъ при гардеробѣ". (Шумигорскій, Императрица Марія Ѳеодоровна, стр. 437)

[2]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 592; Валишевскій, Романъ императрицы, стр. 226.

юныхъ великихъ князей потащилъ его и зарылъ въ скошенную траву. Императрица-бабушка любила, когда молодежь забавлялась невинными шалостями. [1]) Иногда залы въ Царскомъ отдавались на разграбленіе. Изъ мебельныхъ чехловъ устраивали постель на билліардѣ и разыгрывали «доктора и больного». Игры въ доктора всегда очень забавляли дѣтей. Устраивались шуточныя церемоніи, достойныя „*Мнимаго больного*“ и передъ августѣйшей императрицей проходили медики съ пѣніемъ, съ бутылками и огромными полосами бумаги, изображающими рецепты, съ клистирными трубками и съ раздувальными печными мѣхами, хирурги съ лопатками и щипчиками. [2]) Екатерина была того мнѣнія, что веселиться можно лишь при условіи не быть стѣсненными «тяжелымъ багажемъ», т. е. великимъ княземъ Павломъ и его женой. «Когда кошки уходятъ,—писала она весело Гримму,—мыши начинаютъ танцевать и скакать по столамъ; онѣ съ ума сходятъ отъ радости!» [3])

Неугомонная маленькая труппа актеровъ или фигурантовъ въ Царскомъ Селѣ состояла въ 1792 году изъ: Александра, шестнадцати лѣтъ; Константина, четырнадцати лѣтъ; Александры, десяти лѣтъ; Елены девяти лѣтъ; Маріи, семи лѣтъ; Екатерины, пяти лѣтъ. Не успѣли завербовать только Ольгу, бывшую еще въ пеленкахъ, слабое дитя, скоро умершее. Въ своихъ письмахъ Мельхіору Гримму, веселому куму, болтовня съ которымъ вошла въ обычай, императрица откровенно распространялась относительно достоинствъ каждаго изъ «мальчугановъ». «Александръ какъ въ отношеніи тѣла, такъ и въ отношеніи сердца и ума рѣдкая личность по красотѣ; онъ бодръ, понятливъ, от-

---

1) Башиловъ, Памятники, т. III, стр. 4.

2) Башиловъ, т. III, стр. 7.

3) Сборникъ, т. XXIII, письмо отъ 6 апрѣля 1795.

личается живымъ и спокойнымъ нравомъ, разсудительностью проворствомъ и вдумчивостью и ему легко дается все, за что онъ берется... Онъ великъ и силенъ для своего возраста и вмѣстѣ съ тѣмъ ловокъ и подвиженъ; однимъ словомъ этотъ мальчикъ есть собраніе противорѣчій; это заставляетъ всѣхъ окружающихъ любить его... Я боюсь за него лишь одного, это женщинъ, такъ какъ за нимъ будутъ бѣгать.» Съ своимъ тонкимъ и женственнымъ видомъ, со своими вьющимися волосами, съ влажными глазами, выдававшими пылкое желаніе нравиться, обворожительный Александръ, согласно предположеніямъ Екатерины, плѣнялъ сердца многихъ женщинъ, начиная съ граціозной и поэтичной г-жи Нарышкиной и кончая г-жей Крюднеръ, «евангелической Велледой, пророчицей Сѣвера». [1]) Вторымъ „лицомъ" былъ „сударь Константинъ. Онъ отличался живостью, граничащей съ буйностью; у него было доброе сердце и хорошія способности, но это былъ человѣкъ порыва; у него не было такой устойчивости въ характерѣ, какъ у старшаго, обладающаго ею до безконечности, но онъ заставитъ говорить о себѣ... Онъ отъ природы любитъ военное, а въ особенности морское дѣло." Какъ извѣстно, Константинъ довелъ до крайности свою страсть къ военному дѣлу, которая была очевидна уже для проницательныхъ взоровъ бабушки. Старшая изъ дочерей, Александра, „сдѣлала особенные успѣхи... У нея видъ и ростъ старше ея возраста. Она говоритъ на четырехъ языкахъ, со стараніемъ пишетъ и усердно рисуетъ, играетъ на клавесинѣ, поетъ, танцуетъ, воспринимаетъ все легко." Елена—„выдающейся красоты, съ видомъ лицемѣрки." Марія—по ошибкѣ не мальчикъ. „Оспа совершенно ее испортила; у нея всѣ черты грубы, она смахиваетъ на драгуна." Екатерина—

---

[1]) Sainte-Beuve.

„толстый бѣлый ребенокъ съ красивыми глазами“, сидитъ въ игрушкахъ, стрекочетъ цѣлый день, но «не произнесетъ ни слова, заслуживающаго вниманія.“ [1].

Въ іюнѣ 1796 г. императрицѣ предстояла радость привѣтствовать рожденіе Николая, будущаго Николая I, безподобнаго «кавалера», «очень крупнаго мальчика, низкій голосъ котораго звучитъ оглушительно.» [2]) Но всего больше нѣжности она сохранила къ Александру и Константину. „Она, повидимому, любитъ ихъ до безумія“, писалъ одинъ французкій эмигрантъ. [3])

Александру не минуло еще и 15 лѣтъ, какъ императрица уже обнаруживала нетерпѣніе женить его. Въ 1791 г. графъ Румянцевъ, бывшій ея представителемъ въ Кобленцѣ, былъ приглашенъ высказать свое мнѣніе относительно тѣхъ юныхъ принцессъ, которыхъ онъ встрѣчалъ при небольшихъ дворахъ на Рейнѣ. Германія всегда представляла для брачныхъ агентовъ самое лучшее на свѣтѣ поприще для развѣдокъ. По возвращеніи изъ путешествія въ Карлсруэ, Румянцевъ обратилъ вниманіе императрицы на принцессъ Баденскихъ. Ихъ дѣдъ, маркграфъ Карлъ-Фридрихъ, человѣкъ умный, разсчетливый и съ мѣщанскими вкусами, въ продолженіе цѣлаго полувѣка отечески управлялъ своимъ дворомъ и своимъ народомъ и пріобрѣлъ въ Германіи хорошую репутацію Ихъ мать, по происхожденію изъ Гессена, была „старой знакомой“ Екатерины: прежде чѣмъ выдать ее за Баденскаго принца, ее привезли въ 1773 г. въ Петербургъ вмѣстѣ съ ея сестрой Вильгельминой, которой было отдано предпочтеніе и которая сдѣлалась супругой Павла

---

1) Сборникъ, т. XXIII, стр. 497, 661.

2) Id. т. XXIII, стр. 679.

3) Feuillet de Conches, Louis XVI, Marie Antoinette et madame Elisabeth, т. IV, стр. 77.

подъ именемъ Наталіи Алексѣевны. Румянцевъ лестно отозвался объ обѣихъ принцессахъ Баденскихъ—Елизаветѣ и Фридерикѣ, которыхъ предстояло пристраивать, несмотря на ихъ юность; старшая страдала лишь преждевременной „полнотой", которая „заставляла опасаться, какъ бы она слишкомъ не развилась впослѣдствіи." [1])

Было рѣшено, что онѣ обѣ отправятся къ русскому двору со Стрекаловымъ въ качествѣ надзирательницы. Путешествіе было очень длительно, по желанію Екатерины: Стрекаловъ затягивалъ его подъ всевозможными предлогами. Наконецъ 31-го октября 1792 г. онѣ прибыли въ добромъ здоровьѣ „за исключеніемъ того, что старшая кашляла, а у младшей былъ насморкъ". Послѣ того, какъ онѣ „совершенно отдохнули", государыня представила ихъ своему внуку, который до тѣхъ поръ совершенно не думалъ о бракѣ. „Онъ отличается полной невинностью—писала Екатерина,—и я устраиваю съ нимъ дьявольскую штуку, потому что ввожу его въ искушеніе". [2])

Въ своихъ письмахъона описывала робость и влюбленное смущеніе Алексадра, оказавшагося между двумя дѣвушками, одинаково милыми и застѣнчивыми. Она не торопила его съ выборомъ. «Жениться будетъ онъ», говорила она, „а не я буду его женить". Елизавета удостоилась выбора. Въ маѣ она была крещена, а въ сентябрѣ повѣнчана. [3]) Пришлось прибѣгнуть къ Екатеринѣ Нелидовой для того, чтобы убѣдить великаго князя принять участіе въ свадебныхъ торжествахъ. [4]) Онъ жаловался, что съ

---

[1]) Письма графа Румянцева, относящіяся къ переговорамъ по поводу этого брака, были опубликованы генераломъ Шильдеромъ въ „Русской Старинѣ" за 1892; письма Екатерины—Бильбасовымъ въ томъ же журналѣ за 1894 г.

[2]) Сборникъ, т. XXIII, письмо Гримму отъ 31 октября 1792 г.

[3]) Ея сестра Фридерика вышла позднѣе за Густава IV Шведскаго.

[4]) Шумигорскій, Императрица Марія Ѳеодоровна, стр. 404.

нимъ не посовѣтовались и вообще былъ не особенно доволенъ Александромъ, который своимъ видомъ и своимъ молчаніемъ обнаруживалъ нѣкоторое презрѣніе къ отцовскимъ идеямъ и привычкамъ.

Въ пятнадцать лѣтъ, съ едва раскрывшейся душой, Елизавета Алексѣевна была восхитительна по своей красотѣ, свѣжести и граціи. „Если бы задумали нарисовать Гебу,—говорилъ Ланжеронъ, то ее можно было бы взять моделью". [1]) Она отличалась гордостью, изяществомъ, чувствительностью; имѣла „живое и пылкое воображеніе". [2]) Къ несчастью, безпокойный и непостоянный человѣкъ, съ которымъ ее соединили, не сумѣлъ ни понять ее, ни отвѣтить на ея нѣжность, ни остаться ей вѣрнымъ. Она замкнулась въ самое себя и сохраняла затаенной и въ дремотномъ состояніи свою способность къ чувству: „Она запирается у себя, предоставленная скукѣ, писалъ Растопчинъ два года спустя послѣ брака.—Ея мужъ мягкій, безупречный и врагъ всякихъ ссоръ, не имѣетъ достаточнаго представленія ни о человѣческомъ сердцѣ, ни о томъ уходѣ, котораго требуетъ женщина, чтобы дать покорить себя". [3])

Покинутая, она всю свою жизнь прожила въ кроткой грусти. Дворъ, который вообще нелегко было устыдить, все-таки былъ шокированъ, когда въ 1795 г. предпріимчивый Зубовъ началъ вздыхать возлѣ молодой супруги даже на глазахъ своей царственной любовницы. Томный, опечаленный „онъ казался удрученнымъ подъ вліяніемъ большой тяжести на сердцѣ; онъ проявлялъ всѣ признаки серьезно влюбленнаго человѣка." Престарѣлая императрица поймала нѣсколько взглядовъ и осыпала своего фаворита горькими упреками. «Въ теченіе нѣсколькихъ дней шли ссоры, а

---

[1]) Affair. étrang. Mémoires et Documents, т. XX, стр. 416.

[2]) Comtesse Edling, Mémoires, стр. 34.

[3]) Архивъ кн. Воронцова, т. VIII, стр. 136, письмо 1 февраля 1796 г.

потомъ дѣло уладилось». Елизавета на обратила никакого вниманія на праздную и быстро забытую прихоть страннаго Зубова. [1])

По мнѣнію Екатерины, бракъ не долженъ былъ положить конецъ обученію Александра, но онъ доставилъ царственному ученику тысячи предлоговъ, чтобы не работать. До насъ дошло нѣсколько записокъ, въ которыхъ молодой супругъ мило извинялся передъ своимъ учителемъ Лагарпомъ въ томъ, что былъ лишенъ возможности взять свой урокъ. Ему надо было присутствовать на одномъ любительскомъ концертѣ, гдѣ жена его должна была пѣть, въ другой разъ—на балу, который можетъ очень долго затянуться и онъ не ручается, что „не проспитъ и завтра утромъ слишкомъ долго;“ или что нездорова Елизавета: „Прошу у Васъ тысячу извиненій, пишетъ онъ, я принужденъ еще сегодня измѣнить Вамъ. Надѣюсь, что Вы извините меня; ибо это происходитъ оттого, что моя жена чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо и должна принимать лекарство и мнѣ не хотѣлось бы ее покидать. Прошу Васъ до другого раза“. [2]) И чтобы окончательно обезоружить своего наставника, онъ добавляетъ: „Я тѣмъ болѣе разсчитываю на вашу снисходительность, что вы сами человѣкъ женатый и потому знаете, какъ должно заботиться о женѣ“. Коротко сказать, молодость его проходила въ праздности. Онъ пріобрѣлъ мало познаній, и „никогда не дотрагивался до книги“. [3]) Наоборотъ, его

---

[1]) Czartoryski., Memoires т. I., стр. 72; Архивъ Воронцовыхъ, т. VIII стр. 119.—Если фаворитъ ухаживалъ за Елизаветой, то только для того, чтобы имѣть опору въ императорской фамиліи въ тотъ моментъ, когда смерть Екатерины поставитъ его зависимымъ отъ воли Павла. Affaires. étrang. Memoires et Documents, т. XXXV, Мемуары голландца, долго жившаго въ Россіи и Польшѣ, годъ IV).

[2]) Сборникъ, т. V, стр. 14.

[3]) Архивы Воронцовыхъ, т. VIII, стр. 94.

очень занималъ туалетъ: несмотря на противодѣйствіе бабушки, онъ ввелъ въ моду платье новаго покроя, „большіе галстухи, скрывавшіе подбородокъ“. Его воспитатель, Александръ Протасовъ съ прискорбіемъ констатировалъ, что „онъ пристращался, безсознательно и совершенно невинно, къ ликерамъ“. [1]) Старшій сынъ Павла пренебрегалъ серьезнымъ ученьемъ; какъ корабль безъ балласта онъ склонялся то туда, то сюда, отъ одного занятія къ другому. Если его справедливо упрекали за его невѣжество и легкомысліе, то несмотря на это, Растопчинъ, при всей своей склонности къ безжалостному осужденію, первый признавалъ, «что у него были наилучшія природныя качества въ свѣтѣ;» сердце было благородное, справедливое, „направленное къ добру“. [2]) Лучшими своими качествами юный князь обязанъ былъ Лагарпу. Въ этихъ швейцарскихъ республиканцахъ, которымъ монархи любили довѣрять своихъ дѣтей, не было недостатка въ образованности, стойкости и въ профессіональныхъ способностяхъ. Лагарпъ всесторонне изучилъ сердце свего ученика и повелъ непримиримую войну съ заносчивостью, предразсудками происхожденія и положенія. Сколько разъ Александръ долженъ былъ смиряться, письменно исповѣдываться въ своемъ легкомысліи и лѣни и вывѣшивать на стѣнахъ своей комнаты, какъ свидѣтельство своей нерадивости, списокъ невыполненныхъ обязанностей! Его „архивы посрамленія“ („archives de honte“) составлялись изъ множества записей дѣтскаго, милаго содержанія, въ родѣ слѣдующей: „Тринадцати лѣтъ я такое же дитя, какъ и въ восемь и чѣмъ болѣе я росту, тѣмъ болѣе приближаюсь къ нулю. Что изъ меня будетъ? По всей видимости—ни-

---

[1]) Id. т. XV, стр. 25.

[2]) Id. т. VIII, стр. 94.

чего". [1]) Серьезный и очень настойчивый, мало способный входить въ дѣтскія развлеченія, Лагарпъ сумѣлъ, тѣмъ не менѣе, пріобрѣсти любовь Александра. Онъ видѣлъ этому трогательныя доказательства послѣ своей опалы съ 1794 г.

Этотъ республиканецъ—наставникъ будущихъ самодержцевъ былъ радостно потрясенъ событіями 1789 г., при помощи прокламацій и брошюръ онъ побуждалъ своихъ согражданъ, среди которыхъ взрывъ французской революціи нашелъ большой отзвукъ, освободиться изъ подъ ига Бернской олигархіи. Бернъ конфисковалъ его имущество. Въ С.-Петербургѣ французскіе эмигранты донесли о его „карбонаризмѣ", о его революціонныхъ связяхъ и похвалялись тѣмъ, что добьются его изгнанія. Они искали поддержки у великаго князя Павла, уже давно предубѣжденнаго противъ воспитателя своихъ сыновей. Императрица уважала „стараго якобинца", однако кончила тѣмъ, что пожертвовала имъ для его враговъ, вѣроятно потому, что онъ отказался, какъ мы увидимъ, разстроить отношенія Александра съ его отцомъ. Лагарпъ долженъ былъ покинутъ Россію. Въ прощальную минуту великій князь Александръ въ слезахъ бросился въ его объятія, не думая о томъ, что это проявленіе дружбы къ разжалованному можетъ его скомпрометтировать. Онъ уговорилъ его проѣхать чрезъ Карлсруэ, гдѣ Баденская фамилія должна была устроить ему горячій пріемъ. Въ послѣдующіе годы онъ тайно посылалъ ему письма, въ высшей степени сердечныя, гдѣ сожалѣнія о разлукѣ перемѣшивались съ выраженіемъ признательности. Его самой пріятной надеждой было снова увидѣть своего учителя: „Надежда,—гово-

---

[1]) Сборникъ, т, V, стр.4—13; Rambaud, Catherine II dans sa famille (Revue des Deux Mondes, 1 февраля 1874 г.)

рилъ онъ,—есть душа жизни; безъ нея люди были бы очень несчастливы". [1])

Въ началѣ 1796 г. онъ высказалъ Лагарпу слѣдующія печальныя размышленія: „Непостижимо, что происходитъ: всѣ грабятъ, почти не встрѣчаешь честнаго человѣка, это ужасно". Онъ мечталъ о свободѣ въ уединеніи. „Я охотно уступлю свое званіе за ферму подлѣ вашей или по крайней мѣрѣ въ ея окрестностяхъ". [2])

Неосуществимая мечта о скромной, счастливой и уединенной жизни часто повторялась въ его интимныхъ бесѣдахъ съ княземъ Адамомъ Чарторижскимъ. [3]) Извѣстно, что этотъ молодой полякъ, съ достоинствомъ носившій среди побѣдителей трауръ по своемъ отечествѣ, былъ удивленъ и обрадованъ, пріобрѣтя расположеніе старшаго сына Павла. [4]) Воспитанный среди гнета двора, жаждавшій передъ кѣмъ-нибудь излиться, Александръ открывалъ ему самыя сокровенныя свои мысли. Его чувство возставало противъ идей и противъ политики царствующей императрицы. Его природа протестовала въ то время, какъ онъ унижался въ льстивыхъ увѣреніяхъ о сыновнихъ чувствахъ. Онъ всѣмъ сердцемъ ненавидѣлъ деспотизмъ, „всюду и въ какой бы формѣ онъ ни выражался". Онъ любилъ запрещенный плодъ: любилъ свободу, „одинаково присущую всѣмъ людямъ." Несмотря на „страшныя заблужденія", французская революція „вызывала въ немъ симпатію и воспламеняла его надежды". Онъ молча питалъ честолю-

---

[1]) Сборникъ, т. V, стр. 27.

[2]) Id, т. V, стр. 23.

[3]) Memoires, т. I, стр. 104; „Простая жизнь, спокойная и уединенная, въ какой-либо красивой фермѣ, въ уединенной и веселой мѣстности,—таковъ былъ романъ, который онъ хотѣлъ осуществить."

[4]) Czartoryski, Memoires, т. I, стр. 94—96; Vandal, Napoleon et Alexandre I, т. II стр. 326.

бивые планы создать нѣчто другое, чѣмъ его бабка, разрушить старыя формы, работать надъ либеральнымъ обновленіемъ Россіи и Польши. [1])

Лагарпъ могъ радоваться; его уроки оказали свое вліяніе на пылкую душу Александра. У этого девятнадцатилѣтняго князя неопредѣленныя слова о свободѣ, равенствѣ, о народномъ суверенитетѣ, всѣ новыя истины горѣли, какъ зажженное пламя и выдѣляли опьяняющій чадъ. Хмѣль либерализма одурманилъ его навсегда. На тронѣ самодержавныхъ царей ему должно было быть не по себѣ: онъ часто находился въ борьбѣ и разногласіи съ самимъ собой; его благородныя стремленія мучили его. Въ часы унынія онъ могъ спрашивать своего учителя, какъ въ „Fantasio" принцесса Елизавета свою гувернантку: «Зачѣмъ въ мою мысль ты посѣяла столько чуждыхъ и таинственныхъ цвѣтовъ?»

Имѣлъ ли Александръ достаточно благоразумія или хитрости, чтобы не дать проявиться своей юной личности? Императрица вѣрила или дѣлала видъ, что вѣрила въ полное единство его мыслей съ нею; она смотрѣла на него, какъ на своего продолжателя, какой ей былъ нуженъ.

Послѣднія пятнадцать лѣтъ жизни Екатерину, отличавшуюся обычно рѣшимостью, періодически волновалъ наразрѣшимый вопросъ, оставить ли престолъ своему естественному наслѣднику Павлу или призвать царствовать послѣ себя внука Александра? Ни для кого не было тайной, что второе рѣшеніе имѣло за себя свои преимущества. Она колебалась, однако, принять его окончательно; то, казалось, она готова была рѣшиться, то откладывала его и предпочитала выжидать. Ея намѣренія въ пользу Александра не выходили изъ области перемежающихся настроеній, которыя дѣлались все болѣе и болѣе устойчивыми

---

[1]) Czartoryski, Memoires, т. I, стр. 96.

по мѣрѣ того, какъ приближался конецъ жизни. Она такъ и умерла, не принявъ окончательнаго, неизмѣннаго рѣшенія, и ея имперія досталась Павлу. Нравы за время отъ Петра I до Екатерины II очень смягчились. Въ 1718 году менѣе колебались передать палачу неспособнаго наслѣдника, чѣмъ въ концѣ вѣка лишать его правъ.

Если бы въ 1796 г. великій князь Александръ пожелалъ бы предъявить притязаніе на корону, то для подкрѣпленія этого онъ, если не могъ сослаться на торжественное завѣщаніе своей бабушки, то во всякомъ случаѣ могъ указать болѣе, чѣмъ одинъ намекъ, напомнить болѣе, чѣмъ одно обстоятельство, въ которыхъ обнаруживались намѣренія покойной императрицы въ отношеніи его. Замѣтимъ прежде всего, что Екатерина въ одномъ изъ своихъ писемъ, гдѣ вопросъ шелъ о будущемъ Россіи, не опредѣляла никакой роли Павлу. Повидимому, въ ея предположеніяхъ и разсчетахъ, царствованіе внука должно было слѣдовать непосредственно за ея царствованіемъ. „Если французская революція захватитъ Европу, писала она въ 1791 году, то явится новый Чингисханъ или Тамерланъ чтобы вернуть ей разумъ; вотъ ея судьба, но этого не случится ни при мнѣ, ни при Александрѣ.“ [1])

Ея внукъ, такой прекрасный, такой чуткій и способный плѣнять сердце, есть обѣщанный Мессія Россіи. «Мой Александръ женится и, со временемъ, будетъ коронованъ со всѣми церемоніями, всей торжественностью и всевозможными публичными празднествами; онъ пройдетъ черезъ все это съ великолѣпіемъ, пышностью и величіемъ; о! какъ будетъ онъ счастливъ и какъ будутъ счастливы съ нимъ.» [2])

Въ 1787 году послѣ знаменитаго путешествія въ юж-

---

[1]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 555.

[2]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 574.

ныя губерніи, императрица,—такъ передаетъ ея секретарь и повѣренный Храповицкій,—изыскивала способы устранить своего естественнаго наслѣдника отъ обширной имперіи, по которой она проѣхала. Она рылась въ архивахъ, наводила справки относительно прецедентовъ. Она перечитывала указъ, гдѣ Петръ Великій, ссылаясь на «авессаломскую злость» своего сына Алексѣя, признаетъ за русскимъ монархомъ право самому назначать себѣ преемника, не считаясь съ началомъ наслѣдованія. Она приказала принести ей книгу, которую составилъ Ѳеофанъ Прокоповичъ для оправданія этой мѣры великаго царя и которая носила названіе: «Правда воли монаршей.» [1]) Неотложная необходимость продолжать войну противъ Турціи и Швеціи оторвали императрицу отъ составленія плановъ относительно престолонаслѣдія. Она возвратилась къ нимъ послѣ Ясскаго мирнаго договора. Раздраженная враждебнымъ поведеніемъ великаго князя Павла, напуганная его усиливавшимся душевнымъ разстройствомъ, она, видимо, склонялась къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Никто не сомнѣвался, что отрѣшеніе Павла, уже давно ожидаемое народомъ, не встрѣтитъ общаго неодобренія. [2])

Павелъ уже заранѣе внушалъ ужасъ и безпокойство: опасались общаго потрясенія. Въ послѣдніе мѣсяцы 1793 г. Екатерину, охватило желаніе покончить съ этимъ вопросомъ. Французскіе эмигранты, державшіе нити интригъ въ Петербургѣ, содѣйствовали ея намѣреніямъ и подготовляли ей средства. Шуазель-Гуффе, Эстергази, Нассо-Зигенъ дали обѣщаніе привлечь Лагарпа къ заговору, имѣвшему цѣлью спасти Россію «отъ царствованія новаго Тиверія». Они раз-

---

[1]) Храповицкій, Дневникъ, стр. 46—47.

[2]) Депеша англичанина Гарриса отъ 17 февраля 1782 (La Cour de Russie).

считывали на преданность Лагарпа своему ученику Александру; разсчитывали также и на либеральныя стремленія вальденскаго наставника: неужели этотъ республиканецъ не сочтетъ своимъ долгомъ содѣйствовать лишенію короны князя, прирожденнаго деспота? Если бы эта затѣя разстроилась, то вся отвѣтственность за нее пала бы на беззащитнаго заподозрѣннаго, ославляемаго якобинцемъ иностранца. Замыселъ обнаружился. Лагарпъ съ полуслова понялъ, чего отъ него хотѣли: возстановить великаго князя Александра противъ его отца, обольстить его, запугать насчетъ его собственной участи и склонить его, наконецъ, къ событіямъ, которыя подготовлялись. 18 октября 1793 г. Лагарпъ былъ приглашенъ императрицей, которая, прикрываясь умышленно загадочнымъ выраженіями, дала ему понять свои планы. Онъ устранился отъ дальнѣйшихъ объясненій и почтительно, но рѣшительно отказался отъ содѣйствія. [1])

Съ этихъ поръ его опала была внѣ сомнѣній. Онъ уѣхалъ, какъ «жертва своей лояльности». Держалъ-ли онъ, дѣйствительно, въ своихъ рукахъ, какъ представляютъ, судьбу Павла? Нѣсколько лѣтъ спустя, въ тотъ моментъ, когда русская армія вступила на Швейцарскую землю, Лагарпъ, ходатайствуя за свой край, напомнилъ императору Павлу о той услугѣ, которую онъ оказалъ князю въ 1793 г. «Не отъ Васъ зависѣло,—сказалъ онъ ему,—сдѣлать меня несчастнымъ, но моей неподкупности и благоразумію Вы весьма вѣроятно обязаны своей жизнью, находившейся въ опасности въ 1793 и 1794 годахъ». [2])

Немного спустя послѣ рожденія внука Николая въ февралѣ 1796 г. Екатерина, все болѣе и болѣе раздражавшаяся противъ своего сына, пыталась еще разъ устра-

---

[1]) Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи стр. 95—97; Кобеко.

[2]) Сухомлиновъ, стр. 182; Кобеко.

нить его отъ престола. Эта новая попытка совершалась въ тайнѣ и незамѣтно ни для кого изъ наиболѣе освѣдомленныхъ обыкновенно въ придворныхъ дѣлахъ лицъ. Намъ бы ничего не было извѣстно объ этомъ инцидентѣ, если бы въ одной замѣткѣ, написанной тридцать или тридцать пять лѣтъ спустя и дошедшей до насъ, дочь Павла, великая княжна Анна, не потрудилась вспомнить о немъ. Эта княжна, руки которой не могъ получить Наполеонъ, вышла замужъ за принца Вильгельма Оранскаго, который долженъ былъ унаслѣдовать престолъ отца въ Нидерландахъ. Она разсказываетъ, что по случаю смерти брата своего, царя Александра въ 1825 г., ея мужъ отправился къ русскому двору и что онъ былъ призванъ къ вдовствующей императрицѣ для интимной бесѣды. Марія Феодоровна говорила ему о своемъ горѣ, была съ нимъ откровенна и въ порывѣ откровенности сдѣлала поразительное сообщеніе. Она только что родила сына Николая. Императрица Екатерина взошла въ ея комнату и передала ей бумагу, «въ которой шелъ вопросъ о томъ, чтобы потребовать отъ Павла (тогда цесаревича) отреченія отъ его правъ на престолъ въ пользу Александра». У нея просили подписи «въ знакъ согласія на актъ, котораго хотѣла добиться императрица». [1]) Она съ негодованіемъ отказала и никакія угрозы не могли ее склонить. Признанія, сдѣланныя Маріей Θеодоровной ея зятю и дочери, достаточно ясны. Повидимому достовѣрно, что въ началѣ 1796 г., Екатерина настойчиво старалась вовлечь Марію Θеодоровну въ свой планъ и пріобщить ее къ тому, что замышлялось противъ Павла. Но она потерпѣла неудачу. Тогда она принялась за Александра. 17 сентября того же 1796 г. заставъ юнаго князя въ минуту раздраженія противъ отца, она стала подстрекать его. Въ важномъ и таинствен-

---

[1]) Сборникъ, т. XCVIII, стр. 9—10.

номъ тонѣ она представила ему опасность, быть можетъ, даже позоръ, въ которые вовлечетъ Россію безуміе Павла, неотложную необходимость измѣнить порядокъ престолонаслѣдія. Отъ него зависитъ рѣшить и обезпечить спасеніе имперіи. Имѣются письма, которыя Александръ писалъ своей бабушкѣ въ послѣдующіе дни: они свидѣтельствуютъ объ уклончивыхъ намѣреніяхъ и ничего не содержатъ кромѣ банальныхъ увѣреній въ преданности и признательности: «Дѣйствительно, даже своей кровью я не въ состояніи отплатить за все то, что Вы соблаговолили уже и еще можете сдѣлать для меня». [1])

Этотъ юный князь, сомнѣвающійся въ самомъ себѣ, колеблющійся, мечтательный, волнуемый смутными идеальными стремленіями, не разстающійся съ мечтой о созерцательной жизни,—онъ думалъ только о томъ, чтобы выиграть время и какъ-нибудь уклониться отъ рѣшительнаго отвѣта. Съ его устъ сорвались однажды слѣдующія слова: «Если правда то, что хотятъ нарушить права отца, то я сумѣлъ бы избавиться отъ этого несправедливаго поступка, скрывшись съ своей женой въ Америку; тамъ мы были бы свободны и счастливы и ничего больше о насъ не услыхали бы». [2])

Въ Петербургѣ въ тотъ моментъ, когда смерть уже готовилась поразить престарѣлую императрицу, циркулировалъ слухъ, что 24 ноября, въ день тезоименитства Екатерины, или 1-го января 1797 г. будетъ обнародованъ манифестъ, провозглашающій Александра наслѣдникомъ. Было ли въ бумагахъ покойной императрицы найдено и затѣмъ изъято завѣщаніе, которое объявляло лишеннымъ наслѣдства сына Екатерины? Возможно, но за недостаткомъ

---

[1]) Шильдеръ, Императоръ Алексадръ I, т. I, стр. 128.

[2]) По не вполнѣ достовѣрному свидѣтельству графини Edljng, горячей поклонницы Александра I (Mémoires, стр. 35).

доказательствъ исторія не можетъ утверждать это положительно. Разсказъ, оставленный Сангленомъ, директоромъ канцеляріи министерства полиціи при Александрѣ I, не внушаетъ полнаго довѣрія Вогюэ, который огласилъ его: самъ плохо освѣдомленный авторъ приводитъ признанія, которыя будто-бы были имъ получены отъ Платона Зубова, долго спустя послѣ смерти Екатерины. Въ тотъ день, когда скончалась императрица, генералъ-адъютантъ Зубовъ представился Павлу. „Первая обязанность, которую на него возложили,—было доставить монарху запечатаные пакеты, которые могли быть найдены въ кабинетѣ усопшей. Императоръ взялъ одинъ случайно и вскрылъ печать; это былъ проектъ указа, санкціонировавшаго его отреченіе отъ россійскаго престола. Второй пакетъ содержалъ распоряженіе о заключеніи его въ крѣпость. Павелъ улыбнулся и разорвалъ оба пакета на мелкіе куски. Онъ положилъ въ свой карманъ не распечатывая третій конвертъ, который носилъ слѣдующую надпись, сдѣланную рукой Екатерины: «Это мое завѣщаніе». [1])

Для сравненія съ сообщеніями Санглена приведемъ анонимный и внушающій подозрѣніе разсказъ, который не постѣснились разгласить въ послѣдующіе годы послѣ восшествія на престолъ Павла. Въ то время, какъ врачи слѣдили по выраженію лица Екатерины за приближеніемъ смерти, Павелъ съ канцлеромъ Безбородко рылся въ ящикахъ, разбирался въ бумагахъ своей матери и натолкнулся на завѣщаніе, которое назначало Александра наслѣдникомъ. Два человѣка безмолвно взглянули другъ на друга и страшный документъ былъ брошенъ въ огонь. Почетъ, которымъ пользовался Безбородко въ продолженіе послѣд-

---

[1]) E.-M. de Vogüé, le Fils de Pierre le Grand. Un changement de régne, стр. 341. Мемуары Sanglén'а были переведены на нѣмецкій языкъ фонъ Marnitz'емъ, Stuttgart, 1894.

нихъ трехъ лѣтъ своей жизни, пожалованія землями и крестьянами, сдѣланныя новымъ монархомъ, были якобы наградой за оказанную услугу. [1])

Достовѣрно лишь то, что внезапная кончина Екатерины застала всѣхъ въ расплохъ и что при общемъ смятеніи никто не рѣшился требовать престола для Александра. Юный князь совершенно не былъ настроенъ на такое покушеніе. Въ 1796 г. у него не было желанія царствовать. Онъ еще не созрѣлъ достаточно для злословія враговъ его отца, которые должны были въ 1801 г. поколебать его сомнѣнія, пріобщить его къ своимъ планамъ и сдѣлать участникомъ въ ихъ проступленіи.

Александръ, лелѣемый Екатериной, предназначенный, можетъ быть, наслѣдовать ей, безпокоилъ великаго князя Павла, который открыто предпочиталъ ему Константина. Растопчинъ писалъ по поводу Константина: „Отецъ потворствуетъ его вкусамъ и оказываетъ ему замѣтно предпочтеніе, недовольный тѣмъ отличіемъ, съ которымъ императрица относится къ старшему его сыну. [2])

Павелъ и его сынъ походили другъ на друга, говоритъ Кочубей, «какъ двѣ капли воды». [3])
Та же рѣзкость характера, та же стремительность, грубость и та же язвительность. Еще ребенкомъ Константинъ доставлялъ много заботъ своимъ учителямъ. «Ни одной минуты въ покоѣ,—замѣчалъ Лагарпъ,—всегда въ движеніи, не замѣчая, куда идетъ и куда ставитъ ногу; онъ непремѣнно выпрыгнулъ бы за окошко, если бы за нимъ не слѣдили». [4])

Упрямый ученикъ плохо принималъ выговоры, упря-

---

[1]) Валишевскій, Вокругъ трона, стр. 447.

[2]) Архивы Воронцова, т. VIII, стр, 25.

[3]) Id. т. XXIII, стр. 36.

[4]) Русская Старина, 1880, т. I, стр. 168.

мился, горячился, даже грубилъ достойному Лагарпу. Эти «бури» вызвали у воспитателя слѣдующія печальныя размышленія: „Упорство, гнѣвъ и насиліе побѣждаются въ частномъ человѣкѣ общественнымъ воспитаніемъ, столкновеніемъ съ другими людьми, силой общественнаго мнѣнія и въ особенности законами, такъ что общество не будетъ потрясено вспышками его страстей. Членъ царской семьи находится въ діаметрально противуположныхъ условіяхъ; высокое положеніе въ обществѣ лишаетъ его высшихъ, равныхъ и друзей; онъ чаще всего встрѣчаетъ въ окружающихъ толпу, созданную для него и подчиняющуюся его капризу". [1])

Константинъ довольно добродушно сознавался въ своемъ упорствѣ и упрямствѣ. „Быть грубымъ, невѣжливымъ, дерзкимъ—вотъ къ чему я стремился. Знаніе мое и прилежаніе достойны армейскаго барабанщика». [2])

Но „l'âne Constantin" какъ онъ самъ себя величалъ, совсѣмъ не исправлялся. „Онъ предается гнѣву, никого не слушается и ведетъ себя какъ повѣса", писалъ въ 1794 г. Растопчинъ. „Онъ похваляется, что пренебрегаетъ туалетомъ и часто носитъ вывороченное платье и грязные галстухи изъ черной тафты... Его рѣчь походитъ на простонародную". [3]) Что его интересовало, такъ это армія; онъ много времени посвящалъ ея педантичному обученію и увлекался этимъ. Его мысли относительно военной дисциплины свидѣтельствовали о жестокосердіи. Отъ офицеровъ онъ требовалъ слѣпого и механическаго повиновенія; приказъ начальника долженъ былъ исполняться въ точности, хотя бы это былъ дикій капризъ звѣря. [4]) Онъ въ

---

[1]) Руская Старина 1870, т. I, стр. 198.

[2]) Сборникъ, т. V, стр. 56.

[3]) Архивы Воронцова, т. VIII, стр. 95.

[4]) Шильдеръ, Императоръ Александръ I, стр. 238.

рѣзкомъ тонѣ высказывалъ эти прекрасныя правила, которыя приводили въ негодованіе Лагарпа. Искренно привязанный къ брату, Александръ сожалѣлъ, что „военное искусство вскружило ему голову". [1])

Ограниченный умъ и властные инстинкты великаго князя Константина представляли неблагодарную почву для принциповъ французской революціи, вызывавшихъ въ Александрѣ радостное головокруженіе и опьяняющія мечты. Французскій посланникъ Жене удивительно ошибался на его счетъ, когда въ своихъ депешахъ въ 1792 г. представлялъ его пылкимъ демократомъ. Демократъ, потому что въ тринадцать лѣтъ ему доставляло удовольствіе высмѣивать и дурачить „пошлыхъ французскихъ эмигрантовъ", или ради хвастовства заявлять, «что если бы онъ былъ во Франціи, то дрался бы охотно!" [2])

Этотъ князь со здоровыми кулаками и хорошо отточенной саблей оставался всю жизнь совершенно равнодушенъ къ правамъ человѣка: извѣстно, какъ послѣ 1815 г. въ качествѣ намѣстника царя въ Варшавѣ, онъ поставилъ свои автократическіе вкусы выше конституціонныхъ правъ, дарованныхъ Польшѣ. Его деспотизмъ подходилъ бы къ Константинополю. Но столь же непомѣрный, сколько и грандіозный планъ возстановленія греческой имперіи и возведенія на Византійскій престолъ великаго князя Константина не былъ еще близокъ къ осуществленію. Хотя пріобрѣтенія Екатерины, за счетъ Турціи, распространили ея господство на Черноморское побережье до Днѣстра, однако до Босфора было еще далеко; жестокая война 1788—1780 г. показала ей, что турки не дадутъ себя легко отбросить въ Азію. Она не чувствовала себя болѣе способной привести въ исполненіе смертный при-

---

[1]) Сборникъ, т. V, стр. 23.

[2]) Affaires ètrang., т. CXXXVIII, fol. 95; Genêt, 29 іюня 1792 г.

говоръ надъ Оттоманской Имперіей. Къ тому же, въ 1792 г. она искала для своего внука короны на Западѣ. Варшавскій Сеймъ вотировалъ 3 мая 1791 г. конституцію, которая ставила предѣлъ польской анархіи, признавала престолъ наслѣдственнымъ и призывала Саксонскій домъ для наслѣдованія Понятовскому. Эти реформы, которыя могли возродить Польшу, разстраивали московскіе планы. Императрица, развязавшаяся съ турецкой войной Ясскимъ трактатомъ (январь 1792) пріютила у себя недовольныхъ поляковъ, сторонниковъ liberum veto и вызвала образованіе въ маѣ 1792 года конфедераціи въ м. Тарговицахъ. Чтобы заставить поляковъ опять вернуться къ анархіи, путемъ отмѣны обновленной конституціи 1791 г., она по просьбѣ Тарговицкой конфедераціи направила свою стотысячную армію на территорію республики. Изъ дипломатическихъ депешъ іюля 1792 г. извѣстно, что, желая обезпечить за собой болѣе полную власть въ Варшавѣ, она задумала планъ «возвести великаго князя Константина въ печальный санъ короля Польши". [1]) Ея внукъ долженъ былъ замѣнить фаворита, котораго она короновала въ 1764 г. Она не предвидѣла, что раздутый ею кризисъ такъ быстро разростется и что не пройдетъ трехъ лѣтъ, какъ Польша будетъ предана вся цѣликомъ своимъ палачамъ, поражена на смерть и уничтожена. Юному великому князю легче было найти жену, чѣмъ королевскую корону. Хотя никто не ошибался насчетъ черствости и грубости его нрава, онъ былъ, по словамъ его бабушки, „одной изъ самыхъ ходкихъ партій въ Европѣ; его сватали всѣмъ, кому только было возможно". [2])

---

[1]) Affaires errang., CXXXVIII, fol. 92 и 171; Genet. 29 іюня и 24 іюля 1792 г.

[2]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 593, письмо Гримму отъ 17 февраля 1794 г.

Одинъ русскій дипломатъ, баронъ Будбергъ, предложилъ принцессу Юлію, дочь Франца Саксенъ-Кобургскаго. Мельхіора Гримма просили дать свой отзывъ, „отложивъ въ сторону свое пристрастіе къ нѣмецкимъ принцамъ и принцессамъ". „Ну, страдалецъ (souffre douleur), писала ему Екатерина, отвѣчай намъ поскорѣе... Нѣкій верзила (Константинъ), видя счастливую супружескую жизнь своего брата, только и думаетъ и мечтаетъ о другой такой же для себя; этотъ чудакъ стремителенъ во всемъ». [1])

Справки оказались благопріятными. Будбергъ отправился въ дорогу въ началѣ сентября 1795 г. съ „своими похищенными принцессами", Юліей Саксенъ-Кобургской, ея двумя сестрами и матерью. [2]) Онѣ были очарованы пріемомъ императрицы, которая одѣла ихъ заново; имъ менѣе понравилось въ Гатчинѣ, въ этомъ опальномъ и печальномъ дворѣ, гдѣ царила любовь къ военщинѣ и прусскіе пріемы. [3]) Вотъ впечатлѣніе, которое произвели принцессы на польскаго князя, который послѣ разоренія своего отечества поступилъ на русскую службу: „Герцогиня Саксенъ-Кобургская очень умна: всѣ три дочери ея красивы. Тяжело смотрѣть на эту мать, представляющую своихъ дочерей, какъ товаръ на продажу, выжидающую, на которую изъ нихъ упадетъ взглядъ императрицы и выборъ великаго князя Константина». [4]) Екатерина сожалѣла, что „нашъ женихъ могъ взять лишь одну изъ нихъ". Избранной оказалась Юлія. «Мрачное покрывало печали царило надъ обрядами отреченія и

---

[1]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 637.

[2]) Id., т. XXIII, стр. 651.

[3]) Русскій архивъ, 1869, стр. 1102, письмо графини Саксенъ-Кобургской своему мужу.

[4]) Czartoryski, Mèmoires, т. I, стр. 81.

надъ свадебнымъ торжествомъ, которое происходило 15 февраля 1796 г. «Тяжелое зрѣлище», добавляетъ Чарторижскій, представляетъ видъ этой прекрасной принцессы, явившейся такъ издалека, чтобы принять на чужой землѣ чужую вѣру, быть предоставленной капризной волѣ человѣка, который, какъ то можно было прекрасно предвидѣть, никогда не будетъ заботиться о ея счастьѣ». [1]) Начиная уже съ „медоваго мѣсяца", Константинъ давалъ поводы для обвиненій, а вскорѣ и совсѣмъ разошелся съ своей женой. Въ 1820 г, онъ устроилъ себѣ разводъ и отказался отъ предполагаемаго наслѣдованія послѣ своего брата Александра I для того, чтобы свободно вступить въ бракъ съ прекрасной полькой Жанетой Грудзинской, которая болѣе счастливо, чѣмъ принцесса Кобургская, пользовалась любовью и преданностью со стороны своего мужа.

У великаго князя Павла, удаленнаго въ свои казармы, признаннаго неспособнымъ, лишеннаго возможности осуществлять свою родительскую власть никогда неспрашивали совѣта, когда заходилъ вопросъ о бракѣ его дѣтей; его приглашали лишь присутствовать на церемоніи. Въ 1796 г. его старшимъ дочерямъ Александрѣ и Еленѣ было одной тринадцать, а другой двѣнадцать лѣтъ. Екатерина подумывала уже объ устройствѣ ихъ судьбы. „Онѣ восхитительны обѣ,—говорила она.—Имъ надо съ фонаремъ поискать жениховъ. Уроды—исключаются, равно какъ и глупые. Бѣдность не порокъ". [2])

Она спрашивала совѣта у одного изъ своихъ иностранныхъ поклонниковъ, англичанина, очень оригинальнаго по уму, котораго видали повсюду, исключая Англіи

---

[1]) Memoires, т. I. стр, 88.

[2]) Сборникъ, т. XXIII, стр. 669, письмо Гримму отъ 18 февраля 1796 г.

и который проводилъ каждое лѣто на водахъ въ Богеміи, гдѣ онъ являлся благодѣтелемъ, это былъ лордъ Findlater, прозванный императрицей «пэромъ Шотландіи» или «шотландскимъ оракуломъ». Внучки Екатерины должны были, по его мнѣнію, вступить въ бракъ съ младшими принцами нѣмецкихъ домовъ, затѣмъ выйдя замужъ, держать свой дворъ въ наиболѣе крупныхъ городахъ имперіи, чтобы насаждать тамъ цивилизацію. Но это не могло удовлетворить честолюбія императрицы-бабушки. [1]) Она уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ таила планъ, болѣе отвѣчавшій ея гордости и политикѣ: это соединить великую княжну Александру съ молодымъ сыномъ несчастнаго Густава III Шведскаго, котораго 16 марта 1792 г. въ разгарѣ маскированнаго бала смертельно ранилъ ружейный выстрѣлъ. Этотъ бракъ сблизилъ бы два двора, съ давнихъ поръ враждебныхъ другъ другу, и подчинилъ бы Швецію вліянію Россіи. Если бы съ самаго начала это трудное дѣло не натолкнулось на препятствія, которыя не предвидѣлъ религіозный скептицизмъ эпохи, если-бы въ началѣ XIX вѣка русская княжна сидѣла-бы на тронѣ въ Стокгольмѣ, то, можетъ быть, судьбы Швеціи были бы счастливѣе и буря, разразившаяся тогда надъ Европой, не стоила бы ей Помераніи и Финляндіи.

Брачные переговоры, завязавшіеся между двумя сѣверными дворами, возбудили живое любопытство историковъ и сдѣлались предметомъ тщательныхъ изслѣдованій: они почти во всѣхъ подробностяхъ стали извѣстны съ тѣхъ поръ, какъ петербургскіе ученые [2]) дополнили и провѣ-

---

[1]) Id. т. XLIV, стр. 643.

[2]) Дризенъ (ст. опублик. въ Русской Старинѣ 1886 г.) и Брикнеръ (ст. въ Вѣстникѣ Европы, апрѣль 1807). Срав. Geffroy (Revue de deux Mondes, 1855), Rambaud (Catherine II, dans sa famille, Revue de deux Mondes, 1 февраля 1874 г.), графъ Vitzthum (Catherine II, Revue de deux Mondes, 1 апрѣля 1890 г.) и Валишевскій, Вокругъ трона.

рили русскіе матеріалы источниками, добытыми изъ шведскихъ архивовъ. Извѣстно, что герцогъ Карлъ Зюдерманландскій, бывшій регентомъ во время малолѣтства своего племянника Густава IV, довольно холодно встрѣтилъ сначала предложеніе Екатерины. Недовольный Россіей, причинявшей ему затрудненія, озабоченный послѣдствіями, которыя могъ повлечь за собой предлагаемый союзъ для его страны, онъ поспѣшилъ оповѣстить въ ноябрѣ 1795 г. о помолвкѣ своего опекаемаго племянника съ Луизой-Шарлоттой Мекленбургской. Отвергнутая Россія разгнѣвалась. Шведскій дипломатъ, которому согласно обычаю поручено было сообщить императорскому двору о предстоящемъ бракосочетаніи своего монарха, баронъ Шверинъ до такой степени боялся подвергнуться гнѣву Екатерины, что прежде чѣмъ прибыть въ Петербургъ, велѣлъ опрокинуть на дорогѣ свою повозку, сказался раненымъ, легъ на постояломъ дворѣ въ постель и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль заставилъ сопровождавшихъ его лицъ дѣлать себѣ перевязки, массажъ и растираніе ногъ.

Казалось, война готова была разразиться. Лишенный всякаго оффиціальнаго характера агентъ Будбергъ былъ посланъ для развѣдокъ въ Стокгольмъ, слѣдить за событіями, изучать политическія теченія, партіи, разузнавать ходъ интригъ. Онъ быстро замѣтилъ, что населеніе Швеціи было глубоко враждебно къ русскимъ: всюду угрюмыя или недоброжелательныя лица. Его всѣ избѣгали. Но онъ привезъ изъ Петербурга неограниченный кредитъ, который позволилъ ему устроить себѣ доступъ ко двору, гдѣ министры и канцлеры не были всѣ неподкупны. Одинъ женевскій авантюристъ, состоявшій на службѣ у Швеціи, сообщилъ ему, что проектъ Мекленбургскаго брака былъ не вполнѣ по душѣ царственному жениху. Будбергъ похвастался разстроить его. По его совѣту, для устраше-

нія регента, императрица вооружала свои суда и мобилизовала войска на границахъ Финляндіи. Угрозы, деньги и обѣщанія оказали свое дѣйствіе. Чувствуя подъ собой съ каждымъ днемъ болѣе твердую почву, Будбергъ добился того, что помолвка съ нѣмкой была разстроена, а регентъ согласился на поѣздку Густава въ Петербургъ, для знакомства со старшей дочерью Павла. «Шведскія свѣтлости» путешествовали подъ именемъ графовъ Гага и Ваза и въ половинѣ августа мѣсяца 1796 г. прибыли ко двору Екатерины. Густаву было семнадцать лѣтъ, онъ былъ очень строенъ, средняго роста, имѣлъ очень выразительное лицо, благодаря большимъ глазамъ на выкатѣ, которые, правда, выражали одно хладнокровіе. [1]) Въ немъ не чувствовалось молодости: сосредоточенный характеръ, высокомѣріе, застѣнчивость, крайняя молчаливость, усталыя тѣлодвиженія. „Съ тѣхъ поръ, какъ онъ здѣсь, никто не помнитъ его улыбки,"—замѣчаетъ Растопчинъ. Его дядя, герцогъ Зюдерманландскій, „былъ очень малъ ростомъ, имѣлъ нѣсколько косые, но живые глаза, ротъ сердечкомъ, выпуклое брюшко и тоненькія ножки;" [2]) онъ соединялъ, по словамъ того же Растопчина, «съ большой живостью ума—манеры полишинеля, что придавало ему видъ стараго повѣсы.» [3])

Императрица усилила соблазны для своихъ гостей: великолѣпныя празднества бросали послѣдній отблескъ на великое царствованіе, клонившееся къ концу. Густавъ казался очарованнымъ молодой великой княжной. [4]) Онъ

---

[1]) Архивы Воронцова, т. VIII, стр. 143.

[2]) Compte Vitzthum, указ. ст.

[3]) Архивы Воронцова, т. VIII, стр. 143.—„Всѣ вообще находили что регентъ имѣлъ много сходства съ Суворовымъ". (Affair. ètrang., т. XVII, дополненія, fol. 108, письмо поляка Порадовскаго).

[4]) „При первомъ представленіи замѣтно было много смущенія и робости въ молодой нареченной, а также и со стороны жениха". (Affaires étrang., т. XVII добавленій, fol. 108).

«даже въ присутствіи другихъ былъ любезенъ съ крошкой», которая отдавала ему все свое сердце. „Наши двое нареченныхъ“ часто перешептывались, „пожимали слегка руки во время танцевъ“ и на глазахъ восхищенной Екатерины впервые поцѣловались. [1]) Тронутый привлекательностью вспыхнувшаго чувства великой княжны и его племянника, регентъ заставилъ умолкнуть свои политическія соображенія и свои предубѣжденія противъ Россіи. Единственный пунктъ, повидимому, представлялъ затрудненія для заключенія этого союза: это вопросъ о религіи. Густавъ желалъ, чтобы невѣста приняла лютеранство. Гордая императрица, изъ политическаго разсчета, требовала, чтобы внучка ея сохранила свою религію и чтобы ее сопровождали въ Стокгольмъ нѣсколько православныхъ священниковъ. Коварный шведъ какъ-бы пошелъ на нѣкоторыя уступки. Екатерина же сочла дѣло выиграннымъ, стала торопить Зубова и Маркова, фаворита и его наперсника, составить договоръ и назначила день и часъ торжественной помолвки.

Это было въ четвергъ 2 сентября. Архіепископы, петербургскій и новгородскій, которые должны были благословить обрученіе, «придворныя дамы, подруги невѣсты, весь дворъ, министры, сенатъ», съ большой пышностью собрались въ шесть часовъ вечера въ тронномъ залѣ. Ожидали прибытія короля. Его промедленіе начало вызывать удивленіе. Прошелъ часъ; „стало замѣтно перешептываніе даже среди людей наиболѣе освѣдомленныхъ, хожденіе взадъ и впередъ лицъ, которыя поспѣшно удалялись во внутренніе аппартаменты императрицы и быстро выходили оттуда“. Распространился слухъ, что король не желаетъ являться. Въ десять часовъ Екатерина съ

---

[1]) Русская Старина, 1874, т. IX, стр. 277—300 и 473—498, переписка Екатерины съ сыномъ и невѣсткой.

исказившимися чертами лица, отдала распоряженіе отпустить «всѣхъ, кто ожидалъ исхода этого фарса». [1])

„Всѣ были изумлены, разсказываетъ Чарторижскій, что маленькій королекъ поступилъ такъ неуважительно по отношенію къ императрицѣ всей Россіи.“ [2]) Какъ объяснить его безпримѣрное поведеніе? Что произошло? Оказывается, что вмѣсто того, чтобы серьезно обсудить деликатный вопросъ о религіи, только обмѣнивались пустыми фразами, говорили на балу, въ оперѣ, на празднествахъ, не устроивъ ни одного серьезнаго совѣщанія. [3]) Густавъ въ довольно неясныхъ выраженіяхъ высказалъ, что сталъ бы признавать свободу совѣсти будущей королевы, „если-бы только она присутствовала на всѣхъ большихъ національныхъ торжествахъ въ лютеранской церкви.“ Въ послѣдній моментъ, въ день обрученія, его нѣсколько безцеремонно попросили дать письменное обязательство, подписать «нѣчто вродѣ публичнаго акта, заключавшаго въ себѣ ручательство, что княжна будетъ имѣть домовую церковь для отправленія своего богослуженія.» Густавъ «раскипятился.» Онъ уже обѣщалъ не стѣснять ничѣмъ совѣсть Александры. Его слово должны были считать достаточнымъ ручательствомъ. Всякое другое обязательство было бы излишнимъ и даже больше, «противорѣчащимъ основнымъ законамъ его страны.»—«Онъ могъ,—добавлялъ онъ,—допускать религію королевы, но не покровительствовать ей публично при дворѣ.» [4])

Если бы можно было читать въ душѣ юнаго монарха, воспитаннаго теозофами, которые развелись въ Стокгольмѣ,

---

[1]) Czartoryski, Memoires, т. I, стр. 120.

[2]) Memoires, т. I, стр. 120 и слѣд.

[3]) Сборникъ, т. XVI, стр. 524; письмо графа Панина Рѣпнину.

[4]) Id. т. XVI, стр. 525; Архивы Воронцова, т. XXX, стр. 66, письмо Роджерсона.

набожномъ и склонномъ къ мистицизму, то тамъ можно было бы навѣрное открыть тайное намѣреніе обратить въ одинъ прекрасный день Александру. „Неподатливый, какъ колъ и упорный, какъ бревно“, [1]) таковы подлинныя выраженія Екатерины,—онъ въ высокомѣрныхъ выраженіяхъ отказался дать письменное обязательство. Это сопротивленіе, нестерпимое для гордости Екатерины, привело къ разрыву въ тотъ моментъ, когда духовенство и придворные ожидали во дворцѣ появленія жениха съ невѣстой. Черезъ день послѣ того, герцогъ Зюдерманландскій сдѣлалъ передъ императрицей очень осторожно шагъ къ примиренію, прося прощенія «за глупости» своего племянника. [2]) На этомъ дѣло и стало, несмотря на горькія сожалѣнія юной великой княжны; отъ всѣхъ дальнѣйшихъ безполезныхъ попытокъ отказались и четыре дня спустя произошло прощаніе съ соблюденіемъ холоднаго достоинства съ одной стороны и съ видомъ пренебрежительнаго упорства съ другой.

Послѣ отъѣзда шведовъ досада Екатерины вылилась въ рѣзкой формѣ. Въ своихъ письмахъ Будбергу, она яркими красками ненависти изображала «іезуитское» поведеніе Густава, его ничтожество, „его упрямство, которымъ онъ вообразилъ, походить на Карла XII.“ „Но ему всего 17 лѣтъ, и онъ занятый только своими богословскими идеями не предвидитъ въ будущемъ важныхъ послѣдствій, которыя повлекли бы за собою и для него и для великой княжны принятіе ею другой религіи.“

Первымъ послѣдствіемъ этого легкомысленнаго поступка было бы то, что она потеряла бы всякое расположеніе къ себѣ въ Россіи, что ни я, ни отецъ ея, ни мать, ни братья, ни сестры не увидѣли бы ее во всю жизнь и

---

[1]) Id. т. IX, стр. 306.

[2]) Id. т. IX, стр. 307.

что она никогда не осмѣлилась бы возвратиться въ Россію, вслѣдствіе чего потеряла бы всякое расположеніе къ себѣ и въ Швеціи и осталась бы съ довольно значительнымъ приданымъ во власти страны, нуждающейся и корыстной, которая бы не замедлила мало по малу обобрать у ней, подъ предлогомъ государственныхъ нуждъ ея деньги и другія драгоцѣнныя вещи. Такъ какъ она не имѣла бы покровительства Россіи, то всякій договоръ былъ бы нарушенъ и она осталась бы при одной только лютеранской религіи...» [1])

Каждый день императрица находила новые поводы для недовольства. Она снисходительно доставляла возможность шведу, казавшемуся влюбленнымъ, наединѣ бесѣдовать съ великой княжной Александрой. Что она могла узнать? Если бы въ своихъ интимныхъ бесѣдахъ женихъ говорилъ исключительно о теологіи! Онъ старался обратить Александру «въ свое вѣроисповѣданіе подъ величайшимъ секретомъ». «Онъ хотѣлъ, по его словамъ, читать съ ней Библію и самъ объяснять ей догматы; она должна пріобщиться съ нимъ вмѣстѣ, въ тотъ день, когда онъ возложитъ на нее корону“ [2])

Эти апостольскіе труды вызывали въ Екатеринѣ комическое негодованіе. Она кидала угрозы: «кузенъ Густавъ будетъ проученъ». [3])

Между тѣмъ король спокойно достигъ своей столицы, устроившей ему блестящую встрѣчу. Освѣдомленная черезъ своего посланника, Екатерина съ удовольствіемъ высмѣивала «докучливыя» празднества, которыя ожидали его въ Стокгольмѣ. Густаву предстояло видѣть, „сибиллъ, выходящихъ изъ грота Зороастры и предсказывающихъ ему будущее“, нимфъ и сильфидъ, исполняющихъ контр-

---

[1]) Сборникъ, т. IX, стр. 318.

[2]) Сборникъ т. IX, стр. 347.

[3]) Русская Старина, 1874, т. X, стр. 489.

дансы, толстыхъ балеринъ, изъ которыхъ одна по крайней мѣрѣ разрѣшится отъ бремени до окончанія бала. Онъ долженъ былъ присутствовать на парадномъ представленіи въ театрѣ Гринсгольма, въ которомъ скамьи амфитеатра были изгрызены крысами и мышами. Шведскіе сановники показали мѣру своей глупости и нахальства, осмѣливаясь сравнивать изъѣденный червями театръ съ театромъ Эрмитажа. [1])

Хотя великій князь Павелъ и приписывалъ неудачу брачныхъ переговоровъ [2]) отчасти безтактности Маркова и Зубова, онъ все же сильнѣе, чѣмъ кто-либо почувствовалъ обиду, нанесенную русской императорской фамиліи и въ этихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ нѣсколько сблизился съ матерью. Растопчинъ писалъ въ сентябрѣ 1796 г. „имъ повидимому хорошо вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ настолько, насколько можетъ быть хорошо семидесятилѣтней матери съ сорокадвухлѣтнимъ наслѣдникомъ, который разрывается съ досады и думаетъ только о томъ часѣ, когда онъ взойдетъ на престолъ“. [3])

Этотъ столь нетерпѣливо жданный часъ пробилъ, спустя два мѣсяца. Изъ документовъ, извлеченныхъ нѣсколько лѣтъ назадъ изъ шведскихъ архивовъ, мы узнаемъ, что въ началѣ своего царствованія Павелъ вновь предпринялъ осторожные переговоры со Швеціей. Онъ снизошелъ съ высоты своего оскорбленнаго достоинства и выразилъ Густаву увѣренія въ своемъ дружескомъ и миролюбивомъ отношеніи къ нему. „Предадимъ забвенію прошлое“, сказалъ онъ шведскому посланнику, барону Клингспору. Онъ

---

[1]) Сборникъ. IX, passim.

[2]) Можно было бы найти средство къ примиренію и затрудненія были бы устранены, если бы графъ Марковъ не внесъ сюда упорства, высокомѣрія, и, можно сказать, безтактности, которая обострила положеніе вещей. Affair. étrang., Memoires, et Dokuments, т. XX, fol. 420, Memoires de Langeron.

[3]) Архивы Воронцова, т. VIII стр. 145.

оказывалъ послѣднему много вниманія и относился къ нему, какъ къ надежному другу, дѣлясь съ нимъ своими личными горестями, разсказывая ему о томъ „гнетѣ, который онъ терпѣлъ въ продолженіе тридцати четырехъ лѣтъ". По смерти императрицы онъ пожелалъ, чтобы Густавъ забылъ свои обиды, какъ онъ забылъ свои огорченія. Марія Ѳеодоровна также желала возобновленія прерваннаго замысла и брака своей дочери съ молодымъ монархомъ. Несмотря на то, что въ 1776 г. она сама безъ всякихъ сомнѣній перешла изъ лютеранства въ православную религію, она не хотѣла допустить того, чтобы Александра публично отреклась отъ своей религіи и отказалась отъ своего культа. Но она сказала барону Клингспору (который, навѣрное, не могъ не улыбнуться при этомъ), «что было бы достаточно устройства отдѣльной, переносной часовни во внутреннихъ аппартаментахъ». Пойти навстрѣчу этимъ предложеніямъ Густавъ былъ менѣе расположенъ, чѣмъ когда-либо; онъ не хотѣлъ и слышать о примиреніи. По возвращеніи въ Стокгольмъ онъ вновь погрузился въ свою суровую и сосредоточенную набожность, онъ не только былъ далекъ отъ смягченія своихъ требованій, но желалъ теперь, чтобы великая княжна открыто раздѣляла его вѣру и порвала всякую связь съ русской церковью. [1])

Соглашеніе не могло состояться. Три года спустя, старшая дочь Павла вышла замужъ за эрцгерцога Іосифа, Палатина Венгерскаго. Австрійскій дворъ отнесся неодобрительно къ ея приверженности къ православной религіи; вторая жена императора Франца, завидуя ея красотѣ, относилась къ ней враждебно. Ей пришлось испытать много горя; умерла она отъ родовъ восемнадцати лѣтъ. [2])

---

[1]) Брикнеръ, Павелъ I и Густавъ IV, ст. въ Вѣстникѣ Европы апрѣль 1897 г.

[2]) Студентская, Александра Павловна въ Историческомъ Вѣстникѣ, октябрь 1903 г.

ГЛАВА VIII.

Воцареніе.

1796.

Въ 1796 г. Екатеринѣ было шестьдесятъ семь лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ, когда умъ теряетъ свою силу, когда сердце тоскуетъ и тихо оплакиваетъ прошлое, она, наоборотъ, чувствовала подъемъ энергіи и задавалась обширными планами: на Западѣ—остановить успѣхи французской революціи, освободить Италію; на Востокѣ еще расширить свои владѣнія и покорить Персію. Вмѣсто того, чтобы повернуть спину къ будущему, она шла къ нему навстрѣчу, какъ на зарѣ жизни. Она хвалилась въ своихъ письмахъ, «что весела и легка какъ зябликъ». Здоровье ея, повидимому, расшаталось немного. «Ея хорошее сложеніе, писалъ пруссакъ Фаузнтціенъ, правильная и однообразная жизнь обезпечатъ ей еще нѣсколько лѣтъ жизни; но каждый лишній годъ увеличиваетъ заботы и трудности, съ которыми въ одинъ прекрасный день встрѣтится ея наслѣдникъ». [1])

По примѣру Растопчина и Безбородко, Фаузнтціенъ охотно изслѣдовалъ тѣ элементы разложенія, которые угрожали гибелью русскому могуществу. Послѣ тридцатилѣтнихъ успѣховъ труда и славы государственныя пружины ослабѣли отъ усилій и напряженія. Постоянныя войны, не-

---

[1]) Секретные архивы Берлина, Личная переписка, 8 апрѣля 1796.

добросовѣстность должностныхъ лицъ, роскошь двора, расходовавшаго по три милліона въ годъ, безумная расточительность по отношенію къ фаворитамъ, нанесли серьезный ущербъ финансамъ. Выпуски ассигнацій слѣдовали одинъ за другимъ съ тѣмъ большей поспѣшностью, что дефицитъ увеличивался и наличность звонкой монеты сократилась; номинальная сумма ассигнацій достигла въ 1795 г. 156 милліоновъ. [1]) Въ арміи падала дисциплина: солдатъ плохо оплачивали, плохо одѣвали, плохо кормили; воровали на всѣхъ поставкахъ. «Коммиссіи по снабженію провіантомъ и обмундировкой, говоритъ Ланжеронъ, состоятъ изъ самыхъ отъявленныхъ плутовъ въ мірѣ". [2]) Флотъ разрушался. Россія едва могла противопоставить девять изъѣденныхъ червями судовъ противъ двадцати пяти, которые Турція могла выставить на Черномъ морѣ. Тяжелая машина, которую императрица привела въ движеніе, казалось, испортилась. Переживетъ ли духъ Екатерины ее самое въ ея наслѣдникѣ? Каждый старался проникнуть въ планы великаго князя Павла, который долженъ былъ получить власть, не принимая никогда никакого участія въ дѣлахъ. Ему приписывали миролюбивыя намѣренія: онъ отказался бы отъ завоевательныхъ войнъ, отъ великаго замысла „удалить турокъ изъ Европы". Устранить злоупотребленія власти, дисциплинировать и организовать армію, «измѣнить то, въ сохраненіи чего многіе были заинтересованы», такова была задача, которой, казалось, онъ долженъ былъ себя посвятить. Несомнѣнно, онъ долженъ былъ встрѣтить много затрудненій. „Надо опасаться, замѣчалъ Фауентціенъ, какъ бы этотъ

---

[1]) Haumant, La Russie au dix-huitième siecle, стр. 129.

[2]) Affaires ètrang., Memoires et Documents, т. XX. О безпорядкахъ и взяточничествѣ въ арміи см. duc d' Audiffret — Pasquier, le duc de Ruchelieu (le Correspondant, 10 января 1907 г.)

князь со своимъ высокомѣрнымъ, рѣзкимъ и непостояннымъ нравомъ не началъ слишкомъ много дѣлъ заразъ и не потерпѣлъ неудачи вслѣдствіе недостатка содѣйствія, которое готовы будутъ ему оказать". [1])

Павелъ спѣшилъ проявить себя. Ожиданіе власти, какъ будто близкой и вмѣстѣ съ тѣмъ далекой, тянулось слишкомъ долго. Онъ изнывалъ въ атмосферѣ шпіонства и доносовъ, гдѣ не представлялось никакой пищи для его ума и сердца съ того момента, когда удаленіе Нелидовой прервало теченіе его нейрастенической идилліи. «Злобность мелочной среды, говорилъ Головкинъ, загубила несчастнаго князя морально и физически». [2]) Онъ изнывалъ отъ сознанія собственнаго ничтожества. Мрачныя мысли грызли и разъѣдали его все менѣе и менѣе устойчивый мозгъ. Онъ боялся за свою корону, трепеталъ за свою жизнь. Все служило ему поводомъ для подозрѣній; каждую минуту онъ ожидалъ попасть въ тюрьму или ссылку. Тяжкіе сны тревожили его сонъ, а воображеніе видѣло въ нихъ предзнаменованія. Однажды ночью ему пригрезилось, что таинственная сила унесла его на небо. Это видѣніе преслѣдовало его въ теченіе всего утра слѣдующаго дня, на прогулкѣ и на маневрахъ. Около трехъ часовъ, когда онъ пилъ кофе на Гатчинской мельницѣ, онъ увидалъ ѣдущимъ на лошади брата фаворита, Николая Зубова. Мучительный испугъ отразился на его взорѣ: слухи, ходившіе въ обществѣ, уже за нѣсколько недѣль предупреждали его, что его предполагаютъ отправить въ замокъ Лодэ; онъ подумалъ, что Зубовъ пріѣхалъ арестовать его и препроводить туда. Обернувшись къ великой княгинѣ,

---

[1]) Архивы Берлина, непосредственная корреспонденція, 8 апрѣля 1796 г.

[2] Fedor Golovkin, la Cour et le Regne de Paul I-er, poriets et souvenirs, стр. 122.

онъ испуганно вскрикнулъ: «дорогая моя, мы погибли!» Зубовъ приблизился, почтительно поклонился великому князю и объявилъ ему, что императрица, пораженная апоплексическимъ ударомъ, находится въ агоніи. [1])

Это было 5—16 ноября 1796 года. Въ теченіе четырехъ или пяти недѣль Екатерина, глубоко раздраженная противъ короля шведскаго, нанесшаго ей такое жестокое оскорбленіе, потеряла свое хорошее настроеніе и измѣнила своимъ привычкамъ. «Она показывалась только по воскресеньямъ за службой и за обѣдомъ». Ея сильно распухшія ноги не позволяли ей много ходить. Удаляя докторовъ, которые никогда не внушали ей довѣрія, пренебрегая всѣми заботами, которыхъ требовало ея состояніе, она примѣняла сама «средство одной хорошей женщины, которую ей нахвалили ея служанки.» Въ воскресенье 2 ноября, превозмогая свои боли, она пошла въ церковь черезъ кавалергардскую залу, гдѣ, согласно обычаю, находился въ сборѣ весь дворъ. Послѣ службы она обошла тронный залъ и долго разсматривала портретъ великой княгини Елизаветы, нарисованный тонкой кистью г-жи Виже-Лебрэнъ. Она въ послѣдній разъ показалась публично. «Можно было сказать, что она какъ бы пришла проститься съ своими подданными.» [2])

Утромъ 5-го ноября она встала въ свой обычный часъ и ничто не возбуждало безпокойства у окружающихъ: хорошо проведенная ночь вернула къ ней веселость и она шутила съ одѣвавшими ее женщинами. Позавтракавъ и

---

[1]) Русская Старина 1882 г., XXXVI, стр. 468 —О смерти Екатерины II и воцареніи Павла мы сошлемся здѣсь на прекрасную статью виконта de Vogue (le Fils de Pierre le grand, un changement de regne) составленную на основаніи разсказа директора канцеляріи министерства полиціи Sanglene, и графа Растопчина.

[2]) Gomte Vitzthum, Catherine II, по запискамъ Варвары Головкиной, (Revue de Deux Mondes) 1 го апрѣля 1890 г.

занявшись нѣкоторыми дѣлами, она направилась въ уборную. Прошло полчаса, а императрица не выходила; удивленныя служанки подошли и окликнули: отвѣта не было. Что дѣлать? Онѣ рѣшили пріотворить дверь и увидѣли, похолодѣвъ отъ ужаса, императрицу, лежавшую съ налитымъ лицомъ на полу. Прибѣжалъ лакей, вѣрный Захаръ; его госпожа, видимо, узнала его, «поднесла руку къ своему сердцу съ выраженіемъ глубокаго страданія и закрыла глаза, чтобы уже не открывать ихъ больше.» [1]) Ее подняли, съ трудомъ вытащили изъ тѣснаго помѣщенія, гдѣ сразилъ ее недугъ, и отнесли въ ея комнату. «Тѣло еще живо, но голова мертва.» [2]) Врачи суетились, ставили банки; думали найти апоплектическую воду, подагру. Фаворитъ, Платонъ Зубовъ, «разстроенный и напуганный» съ безпокойствомъ спрашивалъ, помогаютъ ли примѣняемыя средства. Послѣ отвѣта врачей, что ихъ искусство безсильно и конецъ неизбѣженъ, Зубовъ отправилъ своего брата курьеромъ въ Гатчину, чтобы извѣстить цесаревича о послѣднемъ часѣ императрицы. [3])

Дворъ находился въ волненіи и смятеніи. Рѣзкій переходъ отъ почти полной беззаботности къ самымъ худшимъ опасеніямъ привелъ всѣхъ въ разстройство. Прислуга, растерянные придворные шушукались въ корридорахъ дворца, распрашивали о подробностяхъ событія, волновались, толкали другъ друга, не зная куда итти, что дѣлать. Растопчинъ ускользнулъ отъ этой толпы людей, которые плакали или старались плакать, и съ затаенной надеждой, поспѣшилъ въ Гатчину. За его санями слѣдовало много другихъ: всѣ, кто такъ или иначе соприкасались съ великимъ княземъ, посылали нарочныхъ съ извѣстіями; даже главный поваръ и поставщикъ рыбы нанимали курьеровъ.

---

[1]) A. Czartoryski, Mémoires т. I, стр. 124.

[2]) Comte Vitzthum, указ. ст.

[3]) Czartoryski, Mémoires, т. I, стр. 124.

Узнавъ, что его мать должна скончаться, что пришелъ конецъ его томительному состоянію стѣсненнаго и загнаннаго наслѣдника, и что онъ, благодаря неожиданному повороту судьбы, долженъ перейти отъ подчиненія къ всемогуществу, Павелъ испыталъ сильное потрясеніе, одинъ изъ тѣхъ нервныхъ ударовъ, которые часто влекутъ за собой продолжительное разстройство даже и у людей съ болѣе крѣпкимъ мозгомъ. Потрясеніе всего организма обнаружилось настолько ясно, что опасались прилива крови къ мозгу и совѣтовали немедленно пустить ему кровь. «Радостное или горестное, говорилъ одинъ свидѣтель, волненіе вывело его изъ равновѣсія.» Великій князь и великая княгиня, съ наступленіемъ ночи, сѣли въ повозку, запряженную восьмеркой лошадей и покинули Гатчину. По дорогѣ они нѣсколько разъ останавливались, чтобы смѣнить лошадей, или чтобы при свѣтѣ фонаря прочесть депеши, которыя имъ посылали изъ столицы. Ночь была холодная и тихое небо усѣяно звѣздами. Природа молчала: царила безграничная тишина. Павелъ былъ „точно въ экстазѣ передъ полнотой власти,“ которая должна была ему достаться. [1]) При лунномъ свѣтѣ замѣтны были слезы, которыя наполняли обращенные къ небу его глаза и медленно текли по его щекамъ.

Около половины девятаго, наслѣдникъ прибылъ въ Петербургъ, гдѣ еще немногіе знали о происшествіи съ императрицей. Пробывъ съ минуту въ своей комнатѣ въ Зимнемъ дворцѣ, онъ прошелъ въ аппартаменты Ея Величества. Здѣсь онъ видѣлъ только своихъ сыновей: дочери получили приказаніе оставаться у себя. Комната, въ которой Екатерина боролась съ приступами болѣзни, была слабо освѣщена. „Женскія рыданія смѣшивались съ хри-

---

[1]) Fedor Golovkin, la Cour et le Règne de Paul 1-er, portrais et souvenirs, стр. 123.

пѣніемъ императрицы, единственный шумъ, который прерывалъ глубокое молчаніе.“

Однако, какъ ни мало привыкъ Павелъ владѣть собой онъ не далъ проявиться чувствамъ, которыя внушало ему, это мрачное зрѣлище. Нашла ли его затаенная гордость удовлетвореніе за столько разочарованій и жгучихъ оскорбленій? Проснулось ли въ его уязвленномъ сердцѣ хотя немного жалости къ старой и славной властительницѣ, которую громовый ударъ низвергнулъ съ высоты величія и которая наравнѣ съ самыми низкими созданіями, обращалась, по выраженію Растопчина, въ прахъ. Раззолоченная толпа ожидала его въ пріемныхъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи повергнуться къ его стопамъ. Тутъ было множество темныхъ личностей, которымъ ни талантъ, ни происхожденіе не позволяли питать какую-либо надежду на тѣ милости, которыя они уже провидѣли падающими на нихъ.

Толпа увеличивалась. Гатчинцы задѣвали и толкали придворныхъ, съ удивленіемъ спрашивавшихъ себя, кто такіе эти невѣжи, которыхъ до тѣхъ поръ никогда не видали, даже въ переднихъ. [1]) Зубовъ держался въ углу, удрученный «увѣренностью въ своемъ паденіи и своемъ ничтожествѣ». Придворные, еще наканунѣ прибѣгавшіе къ нему, почтительные и униженные, сторонились теперь отъ него, какъ отъ зачумленнаго. «Измученный отъ усталости и жажды онъ не находилъ у кого можно было попросить стаканъ воды.»

Павелъ расположился въ кабинетѣ, прилегавшемъ къ комнатѣ его матери. Здѣсь онъ сдѣлалъ первую пробу своей власти. Всѣ, кому нужно было получить распоряженія, должны были пройти мимо находившейся въ агоніи императрицы, «какъ будто ея уже не существовало!» [2]) «Это неуваже-

---

[1]) Comte Vitzthum, указ. ст.

[2]) Id. ibid.

ніе къ Ея Величеству непріятно поразило всѣхъ и бросало очень неблагопріятный свѣтъ на допустившаго это.» Нѣкоторые придворные уже не считали нужнымъ изображать на своемъ лицѣ печаль и подобно Самойлову, забывшемуся до того, что объ умирающей еще выразился «покойная императрица,» совершенно, казалось, не заботились сохранить хотя бы остатокъ приличія.

Смерть заставила себя ждать до вечера слѣдующаго дня. Когда врачи объявили, что роковая минута наступаетъ, вся императорская фамилія собралась въ комнатѣ. Мертвенная блѣдность покрывала уже широкій лобъ императрицы. Ея задыхающаяся грудь поднималась отъ послѣднихъ вздоховъ, которые становились все рѣже; послѣдняя судорога прошла по ея лицу. Пробило четверть десятаго. Великой Екатерины не стало.

Величіе смерти снизошло на нее и „черты той, которая наполняла міръ славой своего царствованія, приняли выраженіе спокойствія и величія". «Господа! Императрица Екатерина преставилася и Его Величество Павелъ Петровичъ соизволилъ вступить на всероссійскій престолъ.» Графъ Самойловъ, «съ своимъ тупымъ видомъ, который онъ старался сдѣлать опечаленнымъ,» произнесъ эти торжественныя слова передъ придворными, собравшимися въ одномъ изъ залъ дворца. Въ то время, какъ Марія Ѳеодоровна «снаряжала» усопшую и обставляла траурную комнату, «очень энергично и съ большимъ самообладаніемъ,» церемоніймейстеръ приготовлялъ церковь для принесенія присяги. За императоромъ послѣдовали въ храмъ. Новая императрица, великіе князья, великія княжны и, вслѣдъ затѣмъ, высшіе чины принесли присягу на вѣрность. «Трусы и трусихи рѣшили, что нужно цѣловать руку императора, становясь на колѣни». Колѣнопреклоненіе слѣдовало быстро, одно за другимъ. «Императоръ не имѣлъ времени

подымать эту вереницу куколъ.» [1]) Послѣ принесенія присяги послѣдовали панихиды, которыя затянулись до поздней ночи.

Начиная съ утра слѣдующаго дня, можно было замѣтить, что открывалась новая эра. Все вдругъ измѣнилось: головные уборы, воротники, прически, занятія. [2]) Въ десять часовъ вдругъ поднялось большое волненіе; появились новыя фигуры, новыя должностныя лица. «Какіе костюмы на нихъ были, Боже мой!»—говоритъ Саблуковъ.— «Несмотря на наше горе по поводу смерти императрицы, мы держались за бока отъ хохота при видѣ этого маскарада. Великіе князья Александръ и Константинъ показались въ своихъ новыхъ костюмахъ: они имѣли видъ старыхъ портретовъ офицеровъ, вышедшихъ изъ своихъ рамокъ.» [3]) Конецъ французскимъ прическамъ „en pigeons;" прически гладкія, волосы напомажены и «напудрены, какъ подштукатуренная стѣна.» [4]) Низкіе и меньшаго размѣра воротники открывали длинную шею и высовывающіеся платки, которыхъ не видно было раньше. Великій создатель этого маскарада, императоръ Павелъ, появился одѣтымъ по-прусски. Онъ сдѣлалъ смотръ гвардейскому полку: во время церемоніальнаго марша видѣли, какъ онъ поводилъ глазами, плечами, топалъ ногой въ знакъ своего недовольства. Вслѣдъ за тѣмъ онъ приказалъ подать свою лошадь и галопомъ поскакалъ навстрѣчу гатчинскихъ войскъ, которые совершали торжественный входъ въ Петербургъ. Гатчинцы расположились на постой у обывателей, которые съ готовностью приняли ихъ и не жалѣли

---

[1]) Casta de Beauregard (Revue d'histoire diplomatique, 1896 г., по запискамъ графини Головкиной).

[2]) Czartoryski, Memoires т. I, стр. 127.

[3]) Саблуковъ, Recit de la mort de Paul I (Revue moderne, decembre, 1865 г.)

[4]) Czartoryski, Memoires, т. I, стр. 126.

для нихъ ни вина, ни водки. Городъ принялъ видъ обширнаго лагеря. [1])

Горя нетерпѣніемъ дать высокое понятіе о своей власти и осуществить мечты о справедливости, которыя уже цѣлые годы таились въ его больномъ воображеніи, Павелъ съ первыхъ же дней своего царствованія началъ принимать крутыя мѣры, привелъ въ замѣшательство и безпокойство и дворъ, и населеніе. Платонъ Зубовъ, заслуженный фаворитъ, «который имѣлъ видъ низложеннаго принца», долженъ былъ удалиться въ свои Литовскія помѣстья, даръ Екатерины, а затѣмъ отправиться въ путешествіе по Германіи, гдѣ женщины легкаго ума и поведенія поставили себѣ задачей разсѣять его меланхолію. [2]) Братъ его Николай, опала котораго ожидалась всѣми и имъ самимъ, былъ удивленъ, получивъ должность оберъ-шталмейстера и голубую ленту. Капризъ монарха вознаградилъ его за то, что онъ первый принесъ Павлу извѣстіе о его близкомъ восшествіи. Безбородко остался во главѣ иностранныхъ дѣлъ и, благодаря щедрости новаго монарха, могъ по-прежнему содержать настоящій турецкій гаремъ. Неожиданныя милости и опалы лились дождемъ. Во время царствованія своей матери Павелъ велъ списокъ всѣхъ событій, происходившихъ на его глазахъ, всѣхъ поступковъ, которые ему предстояло вознаградить или покарать, сдѣлавшись монархомъ. Онъ разжаловалъ однихъ, возвысилъ другихъ „за давно забытыя дѣянія, о которыхъ не помнятъ сами виновники.“ [3]) Онъ возвратилъ старыхъ слугъ Петра III, которые послѣ долгаго поста показали свои сверкающіе зубы и проявили свои аппетиты. «Изъ

---

[1]) Fedor Golovkin, le Cour et le Règne de Paul 1-er, portraits et souvenires, стр. 155.

[2]) Czartoryski, Memoires, т. I, стр. 131.

[3]) Czartoryski, Memoires, т I, стр. 131.

всѣхъ угловъ имперіи, какъ въ день воскресенія, показались старики, умершіе гражданской смертью уже тридцать пять лѣтъ тому назадъ, не подходящіе къ придворной обстановкѣ... лишенные манеръ, за исключеніемъ развѣ надменности въ поступи и взглядѣ...» Въ своемъ старомодномъ платьѣ—«старыхъ зеленыхъ мундирахъ, обшитыхъ широкими золотыми галунами, уже очень потертыхъ", они принесли свои старинные пріемы и умѣли только „повергаться къ стопамъ и преклоняться" [1]) Всѣ должны были научиться сгибать колѣни. Долго испытывавшій наглое презрѣніе придворныхъ, Павелъ сразу потребовалъ большаго проявленія покорности и почтенія: мужчины и женщины были обязаны при проѣздѣ его въ каретѣ или саняхъ становиться на колѣни въ грязь и снѣгъ. Онъ ссылалъ «болѣе стойкихъ, менѣе заискивающихъ и раболѣпныхъ.» Но на него находили и порывы великодушія. Онъ проявилъ чисто показное состраданіе къ жертвамъ своей матери. Онъ навѣстилъ польскаго героя Костюшко, два года содержавшагося въ Шлиссельбургской крѣпости; онъ освободилъ его, вмѣстѣ съ другими польскими вельможами, которыхъ старая императрица держала у себя въ качествѣ заложниковъ; назначилъ ему пенсію и проявилъ къ нему большую предупредительность. Прежнему польскому королю, несчастному Станиславу Понятовскому, котораго Екатерина сначала такъ нѣжно любила, а потомъ такъ же жестоко съ нимъ обошлась, онъ оказалъ великолѣпное гостепріимство въ одномъ изъ своихъ петербургскихъ дворцовъ; онъ этимъ платилъ долгъ благодарности поляку, который радушно принялъ его въ 1781 г. [2])

Его чувствительность и великодушіе отличались напыщенностью. Павелъ хотѣлъ сдѣлать изъ Петербурга непри-

---

[1]) Fedor Golovkin, стр. 123—128.

[2]) Id. стр. 124.

косновенное убѣжище для низложенныхъ монарховъ и ему очень улыбалась мысль, чтобы папа, владѣнія котораго, казалось, были уже во власти Риволи и Мантуи, прибылъ сюда, несмотря на свой преклонный возрастъ и суровый климатъ, искать пріюта при сѣверномъ дворѣ. [1]) Онъ хватался за каждый случай возвеличить въ глазахъ свѣта свою личность. Болѣе военный, чѣмъ воинственный, враждебно относившійся къ завоевательной политикѣ, которую преслѣдовала Екатерина, онъ объявилъ, какъ только получилъ власть, что горячо желаетъ мира. [2]) «Я не унаслѣдовалъ, сказалъ онъ, распрей моей матери.» Его гуманность повелѣвала ему облегчить положеніе своего народа, который онъ считалъ истощеннымъ войнами; онъ имѣлъ въ виду водворить внутри своей имперіи порядокъ и справедливость, которымъ намѣревался посвятить себя цѣликомъ. Онъ отказалъ во всякой вооруженной помощи Австріи, разбитой въ Италіи генералами Директоріи и, по примѣру своего брата и друга Фридриха-Вильгельма Прусскаго, былъ намѣренъ придерживаться строгаго нейтралитета въ отношеніяхъ съ французской республикой, ненавистной, но внушавшей ему страхъ.

Первыя дѣйствія императора Павла обнаружили его откровенную и страстную гордость. Онъ съ полнымъ восхищеніемъ размышлялъ о своей мудрости, добротѣ, гуманности и почиталъ себя самымъ лучшимъ изъ монарховъ. Никто болѣе его не былъ достоинъ приблизиться къ Богу: онъ возымѣлъ странное намѣреніе сдѣлать себѣ духовное одѣяніе, и сталъ бы служить обѣдню, если бы ему во время не напомнили о канонахъ греческой церкви, запрещающихъ совершеніе святыхъ таинствъ священнослужителямъ, вступившимъ во второй бракъ. [3]) Для удо-

---

[1]) Czartoryski, Memoires, т. I, стр. 139.

[2]) Fedor Golovkin, стр. 138.

[3]) Id., стр. 149.

влетворенія этой религіозной жажды, внушавшей ему мысль взойти въ алтарь, онъ выдумалъ наводящую ужасъ драму, въ которой должно было чувствоваться проявленіе божественнаго гнѣва, реалистическое изображеніе воскресенія мертвыхъ и послѣдняго суда.

Прошло уже три недѣли, какъ тѣло Екатерины, выставленное для поклоненія народу, ожидало въ Зимнемъ Дворцѣ погребальныхъ почестей. По распоряженію императора въ комнату, гдѣ лежало тѣло императрицы, съ большой торжественностью былъ внесенъ другой гробъ и поставленъ около нея. Онъ содержалъ лишь лоскутья форменнаго платья, одинъ сапогъ и нѣсколько костей, но надъ нимъ возвышалась золотая корона, императорская корона, за которой посланцы Павла спѣшно ѣздили въ Москву. Это былъ гробъ Петра III, низвергнутаго, умерщвленнаго, который въ продолженіе тридцати четырехъ лѣтъ оставался въ забросѣ на кладбищѣ Св. Александра Невскаго и котораго извлекла сыновняя любовь Павла. [1]) Петръ III возсталъ изъ своей могилы и пришелъ напомнить ужасное прошлое своей преступной супруги, уснувшей навѣки. «Зрѣлище было поистинѣ страшное», говоритъ Головкинъ. Придворные и священники, откомандированные, чтобы дежурить около этихъ двухъ усопшихъ, дрожали отъ ужаса: имъ казалось, что драма, которая приводила ихъ въ трепетъ въ дѣтствѣ, вновь разыгрывалась передъ ними и что среди жуткой тишины этой похоронной залы слышатся голоса ада. Павелъ испытывалъ особое чувство злорадства, назначая для отданія почестей

---

[1]) Императоръ публично заявилъ: „Моя мать, взойдя на престолъ, призванная желаніемъ народа, не имѣла времени отдать моему отцу послѣдній долгъ; я считаю своимъ долгомъ замѣнить ее.“ (Неизданная депеша посланника Австріи, Кобенцля въ Тугуту, 25 ноября 1796 г. Вѣнскіе архивы.

Петру III оставшихся въ живыхъ участниковъ его умерщвленія, гофмаршала князя Барятинскаго, адъютанта покойной императрицы Пассека и самаго знаменитаго изъ всѣхъ нихъ стараго графа Алексѣя Орлова, который обязанъ былъ своимъ почетомъ и карьерой—преступленію и любви, а своей славой—блестящимъ услугамъ и Чесменской побѣдѣ. Разбуженный среди ночи Орловъ съ глубокимъ искреннимъ горемъ встрѣтилъ извѣстіе о смерти императрицы и, не успѣвъ притти въ себя, сдерживая слезы, этотъ высокій старикъ, тихо, со свѣчей въ рукѣ пошелъ подписать передъ божницей формулу присяги. Изъ письма, найденнаго въ гнѣздѣ одного перстня императоръ узналъ, что онъ, Алексѣй Орловъ, былъ самымъ главнымъ виновникомъ изъ людей 1762 г.: оно было написано рукой Орлова, который «писалъ, какъ простой человѣкъ; онъ умолялъ въ немъ Екатерину простить его.» [1])

Въ день погребенія Петра и Екатерины, Орловъ долженъ былъ итти во главѣ процессіи и нести на золотой парчевой подушкѣ корону своей жертвы. Его видѣли выступающимъ впередъ съ горделивой непринужденностью; онъ ни минуты не дрогнулъ передъ испытаніемъ. Императоръ со сверкающимъ отъ гнѣва взглядомъ, вся въ слезахъ императрица, великіе князья, дворъ, армія слѣдовали пѣшкомъ за погребальнымъ шествіемъ въ сильный холодъ. Грандіозное и мрачное представленіе продолжалось весь день. [2]) Режиссеръ хвалился, что далъ своему народу грозный урокъ. Но Вѣчныя Силы посмѣялись надъ этимъ жалкимъ Прометеемъ, который, чтобы наказать за преступленіе 1762 года, похитилъ съ неба огонь и, какъ бы

---

[1]) Архивы Воронцова, т. XXI, стр. 94, Мемуары княгини Дашковой.

[2]) Czartoryski, Memoires, т. I, стр. 129, Castéra Histoire de Catherine II, т. III, стр. 176 и т. д.

для того, чтобы показать тщету человѣческой мести, они подготовили преступленіе 1801 г.

«Погребли Россію», — выразился одинъ дипломатъ возвращаясь съ этихъ двойныхъ похоронъ. [1]) Мощная и и полная крѣпости Россія вовсе не была наканунѣ гибели; но она должна была пережить во время короткаго царствованія Павла I одинъ изъ тѣхъ бурныхъ кризисовъ, отъ которыхъ не избавлена ни одна нація. Павелъ жестоко искупилъ передъ своимъ народомъ свое униженіе и долгія страданія. Онъ съ дѣтства научился недовѣрять людямъ, бояться ихъ и ненавидѣть. Чувствуя непріязненное отношеніе къ себѣ со стороны матери, видѣвшей въ немъ противника и недовольнаго; оскорбляемый презрѣніемъ фаворитовъ, большею частью прикосновенныхъ къ убійству отца; преслѣдуемый мелочной тиранніей даже у своего домашняго очага; оторванный отъ своихъ дѣтей, устраненный отъ дѣлъ, удаленный въ свой небольшой дворъ, гдѣ наперсники поддерживали въ немъ чувство раздраженія и опасенія за безопасность, задыхавшійся отъ грубаго гнета людей и обстоятельствъ, онъ въ своей наболѣвшей гордости замышлялъ потрясающую расплату съ недругами. Исторія показываетъ намъ монарховъ подозрительныхъ, какъ и онъ, угнетаемыхъ какъ и онъ въ ожиданіи своего царствованія, способныхъ тѣмъ не менѣе къ терпѣнію и труду. Сыну Екатерины недоставало воли. Всякое жизненное испытаніе обращалось противъ него вслѣдствіе дряблости его характера. Единственной его силой было его воображеніе: онъ страстно увлекался всякими химерами. Этотъ небольшой, плохо сложенный, невзрачный человѣкъ, который старался придать себѣ величественную внѣшность и изнемогалъ, какъ говоритъ Чарторижскій, отъ потугъ проявить свое великое достоинство, [2])

---

[1]) Шильдеръ, Императоръ Александръ I, т. I.

[2]) Memoires, т. I, стр. 147.

былъ лишь хрупкимъ пучкомъ разстроенныхъ нервовъ: онъ сдѣлался орудіемъ мрачныхъ неистовствъ и несмотря на прямоту намѣреній, на большую искренность, на преклоненіе передъ идеалами благородства и рыцарскаго великодушія, несмотря на то, что онъ былъ не хуже и не лучше многихъ другихъ, онъ сдѣлалъ столько зла, что воспоминаніе о немъ повергаетъ насъ въ безпокойство и трепетъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Дѣтство Павла и придворныя драмы.

(1754—1762)

Стр.

I. Императрица Елизавета Петровна. Ея наслѣдники: Петръ Гольштинскій и Екатерина.—Екатерина становится матерью.—Мужъ и любовникъ; кто отецъ великаго князя Павла?—Неразрѣшимая проблема.—Странный образъ поведенія Петра Гольштинскаго.—Походилъ ли Павелъ на своего оффиціальнаго отца?—Физическія и нравственныя страданія молодой родильницы.—Первые годы Павла.—Заброшенное дѣтство: политическія и любовныя интриги матери, странности отца.—Недовольство императрицы наслѣдниками.—Ея планы въ пользу Павла и Ивана VI Брауншвейгскаго.—Ея нерѣшительность.—Наслѣдіе Елизаветы и иностранные дворы въ 1761 г.—Послѣдніе дни царствованія—Воцареніе Петра III.—Павелъ въ шесть лѣтъ.—Его первый наставникъ—Графъ Панинъ 7

II. Царствованіе полусумасшедшаго.—Императорская чета—Отношеніе Петра III къ сыну: онъ замышляетъ отъ него отречься и лишить наслѣдства.—Его проекты въ пользу Ивана VI. Переворотъ подготовляется.—Будетъ ли Екатерина императрицей или регентшей?—Роль Панина и княгини Дашковой.—Орловы.—Переворотъ совершился.—Какимъ образомъ были отвергнуты права Павла.—Да здравствуетъ императрица!—Павелъ 28-го іюня 1762 г.—Трагедія въ Ропшѣ.—Убійство Петра III.—Тоска Павла.—Московскій Гамлетъ. 32

ГЛАВА II.

Соперникъ Екатерины II.

(1762—1773).

I. Послѣдствія переворота.—Недовольные объединяются вокругъ имени Павла.—Смута и броженіе.—Екатерина хочетъ

Стр.

вступить въ бракъ съ Орловымъ для упроченія своего престола.—Оппозиція Панина.—Сынъ Екатерины и Орлова.—Безпрерывныя волненія.—Безпокойства и предосторожности новой императрицы.—Путешествіе въ Лифляндію.—Трагическій конецъ Ивана VI Брауншвейгскаго.—Проектъ брака съ Станиславомъ Понятовскимъ.—Дворъ въ Москвѣ.—Загадочное поведеніе Панина.—Екатерина и наставникъ Павла.—Императрица приписываетъ сыну тѣ затрудненія, которыя ей ставили въ первые годы ея царствованія.—Взаимное недовѣріе 42

II. Павелъ юноша.—Физическій портретъ и внутреннія свойства.—Недостатки характера.—Даламберъ отказывается взять на себя воспитаніе юнаго князя.—Екатерина и идеи Жанъ-Жака Руссо.—Наставники Павла.—Какъ понимаютъ они свою задачу?—Плохая система обученія.—Заднія мысли императрицы.—Сентиментальное воспитаніе Павла.—Вѣра Николаевна.—Искушенія честнаго юноши.—Слабое здоровье Павла.—Страхи по поводу оспопрививанія.—Павелъ и друзья его юности.—Александръ Куракинъ: его путешествія, его письма объ Англіи и Франціи 62

III. Сосредоточенный характеръ великаго князя: мрачныя мысли и болѣзненная неувѣренность.—Онъ ничего не замышляетъ противъ своей матери.—Несмотря на успѣхи Екатерины, оппозиція не прекращается.—Народныя движенія.—Въ Камчаткѣ.—Интриги гольштинца Сальдерна.—Екатерина и родовое владѣніе ея сына.—Причины, побудившія императрицу уступить Даніи герцогство Гольштинское. Страхи Екатерины въ моментъ немилости Орлова; проявленія материнской нѣжности; фальшивыя ласки.—Между матерью и сыномъ возникаетъ конфликтъ.—Одиночество Павла 81

ГЛАВА III.

Первый бракъ.

(1773—1776).

I. Брачный агентъ Екатерины: баронъ Ассебургъ.—Его поѣздки по Германіи. Екатерина желаетъ женить Павла на сестрѣ несчастнаго Ивана VI.—Вильгельмина Гессенъ-Дармштадская.—Ея мать, великая ландграфиня.—Принцессы Гессенскія приглашены пріѣхать въ Россію.—Совѣты, данные ландграфинѣ.—Первое свиданіе.—Павелъ старается измѣнить

Стр.

свой характеръ; его надежды.—Ландграфиня при дворѣ императрицы.—Вопросъ о религіи.—Вильгельмина принимаетъ православную религію и получаетъ имя Наталіи Алексѣевны.—Опасенія императрицы наканунѣ брака.--Обрядъ.—Екатерина и молодые новобрачные 104

II. Инструкція, данная императрицей своей снохѣ.—Характеръ Наталіи.—„Все одно легкомысліе"—Небольшое успокоеніе въ отношеніяхъ Екатерины съ сыномъ.—Пристрастіе Павла къ писательству: онъ дѣлаетъ Лагарпа литературнымъ корреспондентомъ.—Почему Павелъ становится скоро вновь мрачнымъ и угрюмымъ.—Полу-опала Панина.—Уклончивая и изворотливая игра наставника Павла.—Недовѣріе великаго князя въ отношеніи къ Николаю Салтыкову—Визитъ Густава III Шведскаго.—Недовольство Наталіей. Екатерина отказывается посвятить сына въ государственныя дѣла.—Живыя и любопытныя сцены.—Отчаяніе Павла; меланхолія, подозрительность.—Пугачевскій бунтъ.—Печальное вліяніе этого событія на отношеніе Екатерины къ Павлу 123

III. Господство Потемкина.—Возмущеніе Павла противъ новаго фаворита.—Дворъ отправляется въ Москву.—Неудобства путешествія.—Московскія удовольствія въ 1775 г.—Отношеніе Павла къ энтузіазму со стороны московскаго населенія. Приливъ гордости. Безсильныя стремленія къ независимости.—Новый поводъ для безпокойства.—Честолюбивые замыслы Потемкина.—Плохое здоровье Наталіи.—Интриги ея враговъ.—Любовь Наталіи.—Андрей Разумовскій.—Политика и любовныя связи.—Результатъ паломничества.—Отъѣздъ изъ Москвы.—Наталія Алексѣевна умираетъ отъ родовъ.—Обвиненія противъ Екатерины.—„Несчастное сложеніе" Наталіи.—Печаль и размышленія великаго князя 140

ГЛАВА IV.

Второй бракъ.

(1776—1781).

I. Генрихъ Прусскій предлагаетъ новый бракъ для великаго князя.—Софія Вюртембергъ-Монбельярская.—Религіозныя сомнѣнія.—Какъ Фридрихъ II улаживаетъ вопросы совѣсти.—Софія беретъ обратно свое слово у своего жениха Людвига Гессенъ-Дармштадскаго.—Совѣты Фридриха II своимъ Вюртембергскимъ родственникамъ.—Безпокойное любопытство Екате-

Стр.

рины II по отношенію къ будущей снохѣ.—Вюртембергская фамилія.—Дѣтство Софіи.—Монбельяръ и Этюпъ.—Картина небольшого двора Фридриха-Евгенія Вюртембергскаго; удовольствія, идиллія à la Rousseau.—Отношенія Жанъ-Жака съ принцами Вюртембергскими.—Счастливый характеръ Софіи.—Репетиціи наканунѣ отъѣзда 163

II. Фридрихъ II предлагаетъ устроить свиданіе въ Берлинѣ.—Старый король порываетъ съ своими привычками домосѣда и производитъ затраты для того, чтобы достойно принять великаго князя Павла.—Его „стариковскіе" страхи.—Павелъ отправляется въ Берлинъ.—Его прусскія симпатіи; путевыя впечатлѣнія.—Первое свиданіе жениха и невѣсты.—Пышное гостепріимство.—Интимныя изліянія между Фридрихомъ и будущими супругами.—Семейные раздоры Прусской королевской фамиліи.—Мнѣніе Фридриха о своемъ гостѣ. Возвращеніе.—Инцидентъ въ Данцигѣ.—Пріѣздъ Софіи въ Петербургъ. Она получаетъ при крещеніи имя Маріи Ѳеодоровны.—Бракъ.—Инструкція Павла своей женѣ: планъ жизни 180

III. Новая великая княгиня.—Супружескія нѣжности.—Чувства Павла. — Его положеніе жертвы. — Онъ страдаетъ отъ своей бездѣятельности; его ученье; планы реформъ. Марія Ѳеодоровна старается влить спокойствіе въ его мятежную душу. —Жизнь супруговъ. — Павловскій дворецъ.—Безпокойства великой княгини по поводу ея семьи. Ея находчивая преданность.—Признательное расположеніе молодыхъ новобрачныхъ къ Фридриху II.—Густавъ III въ Петербургѣ.—Павелъ и Іосифъ II.—Австрійскій союзъ.—Новые поводы для разногласій въ царской фамиліи.—Екатерина и ея внуки, Александръ и Константинъ; ея преувеличенная нѣжность, ревнивая заботливость, ея мечты бабушки 199

ГЛАВА V.

Путешествіе въ Европу.

(1781=1782).

I. Страсть къ путешествіямъ распространяется при дворахъ XIX вѣка.—Екатерина и планы ея сына.—Маршрутъ путешествія.—Берлинъ подъ запретомъ.—Недовольства и интриги Фридриха II.—Роль Панина. Безпокойства Павла при отъѣздѣ. Ласковыя письма Екатерины своему сыну и снохѣ.—Путеше-

Стр.

ственники принимаютъ имя графа и графини Сѣверныхъ.— Ихъ путь 227

II. Король Польши принимаетъ сына бывшей своей любовницы.—Вѣнскій дворъ. — Предупредительная внимательность Іосифа II.—Интимныя бесѣды.—Семейныя дѣла.--Эпидемическая катарральная лихорадка.—Графъ и графиня Сѣверные въ Италіи. Венеціанская республика. Прогулки по Риму.—Папа Пій VI и „наши схизматики".—Пребываніе въ Неаполѣ.—Непріятное приключеніе французскаго дипломата.—Непріятная встрѣча.—Настроеніе Павла.—Впечатлѣнія отъ Италіи.—Павелъ и Леопольдъ Тосканскій.—Визиты ко двору Сардинскаго короля.— Черезъ Альпы 237

III. Во Франціи.—Русскіе въ модѣ.—Мнѣніе Екатерины о Франціи.—Путь въ Ліонъ. Пріѣздъ въ Парижъ.—Радушный пріемъ Людовика XVI и Маріи Антуанетты.—Великолѣпіе Версаля. Интимныя собранія.—Принцы крови.—Осмотръ Парижа: церкви, театры; салонъ Божона — Инцидентъ у Ларейньера.—Старанія Павла понравиться парижанамъ.—Черезъ французскія провинціи.—Забота великаго князя.—Новости изъ Россіи.—Перехваченная переписка.—Бельгія и Голландія.—Франкфуртъ.—Семейный съѣздъ въ Монбельярѣ.— Швейцарскіе пейзажи.—При дворѣ въ Штуттгардтѣ.-Дядя Карлъ Евгеній Вюртембергскій. — Шиллеръ. — Послѣдніе этапы.— Грусть при возвращеніи 257

ГЛАВА VI.

Испытанія Павла въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ.

(1782—1790).

I Недовольство Екатерины обоими путешественниками.— Ограниченія, наложенныя на великую княгиню.—Павловскъ украшается. Странныя занятія великаго князя - Внутренняя жизнь императорскаго двора.—Сцены въ моментъ смерти фаворита Ланского.—Смерть Григорія Орлова.—Сынъ Екатерины, Алексѣй Бобринскій.—Какъ Екатерина понимаетъ свои материнскія обязанности.--Характеръ Бобринскаго; „сумасбродная голова".— Его грѣхи молодости.—Его безразсудства въ Римѣ, Парижѣ и Лондонѣ.—Возвращеніе блуднаго сына.—Павелъ и его братъ 285

Стр.

II. Семья Павла ростетъ.—„Вереница“ дочерей,- Екатерина не признаетъ родительскихъ правъ.—Шарлотта Ливенъ. – Наставники Александра и Константина: Николай Салтыковъ, швейцарецъ Лагарпъ.—Протесты московской знати противъ вмѣшательства иностранныхъ учителей въ дѣло національнаго воспитанія.—Періодическіе кризисы императорскаго алькова.—Фавориты Ермоловъ и Мамоновъ.—Упрямство Павла и снисходительность Маріи Ѳеодоровны.—Уединенный и скромный образъ жизни великаго князя и великой княгини. – Новая резиденція; Гатчина.—Павелъ и графъ Сегюръ. – Интимныя отношенія между молодымъ дворомъ и прусскимъ посланникомъ, барономъ Келлеромъ; тайныя дѣла. – Секретная переписка Павла съ Фридрихомъ Вильгельмомъ Прусскимъ 306

III. Греческій проектъ и Константинъ. - Путешествіе императрицы въ южныя губерніи. – Желаніе Екатерины увезти внуковъ; ея заднія мысли. Александръ и Константинъ въ Москвѣ. – Возвращеніе. - Война между Россіей и Турціей.—Желаніе Павла быть на полѣ битвы. – Возраженія и отказъ Екатерины. – Внезапная аттака Швеціи .— Павелъ въ Финляндской арміи. – Его завѣщаніе. Во время похода. - „Горе-богатырь“.—Первые раскаты французской революціи. – Тяжелое положеніе Вюртембергъ-Монбельярской семьи.—Старшій братъ Маріи Ѳеодоровны и русскій дворъ. — „Don Feroce“ въ его брачной жизни. – Зельмира.—Скандалъ.—Подозрительныя интриги вюртембержца въ пользу Павла.—Признанія Павла барону фонъ Келлеру.—Драма въ Лодэ 326

IV. Нравственный портретъ Павла тридцати лѣтъ.—Интимныя чувства.—Преувеличенное представленіе о себѣ.—Философскія идеи. – Христіанинъ.—Религіозный пылъ. - Реакція противъ раціонализма.—Религіозное движеніе въ Германіи; пропаганда мистицизма; тайныя общества и сокровенныя науки.—Въ Россіи.—Масонскія ложи.— Новиковъ.—Вліяніе Сенъ-Мартэна на русское масонство.—Павелъ отдается мистическому теченію.—Его царственный другъ „братъ Ормезусъ“.—Сенъ Мартэнъ въ Монбельярѣ.—Сношенія Павла съ мартинистами.—Вмѣшательство Екатерины.—Столкновеніе двухъ поколѣній.—Романическій идеализмъ Павла.—Нейрастеническая идиллія.—Любовь, которая очищаетъ, облагораживаетъ и ведетъ къ Богу. 353

Стр.

ГЛАВА VII.

Гатчинскій дворъ.

(1790—1796).

I. Психическое состояніе Павла.—Вырожденіе и неуравновѣшенность.—Болѣзненные симптомы. Постепенное ослабленіе мозговой устойчивости. Наслѣдственные пороки.—Родъ Романовыхъ 370

II. Великая княгиня: ея вкусы и удовольствія.—Страсть Павла къ военнымъ занятіямъ.—Прусская солдатчина въ Гатчинѣ.—Парады и маневры.—Офицеры. — Аракчеевъ.--Дебюты Растопчина.—Характеръ этой личности.—Его переписка.—Окружающіе великаго князя.—Павелъ заставляетъ себя ненавидѣть.—Его сношенія „съ господами галльскими эмигрантами". Его деспотическіе инстинкты: ненависть его къ якобинству.—Его сумасбродства.—Его репутація за границей.—Разногласія въ царской фамиліи усиливаются.—Неслыханное могущество фаворитовъ.—Смерть Потемкина Зубовъ.—Унизительное состояніе и нравственныя огорченія Гатчинскаго отшельника 375

III. Екатерина Нелидова.—Ея мечты о чувствѣ; ея романтическія комбинаціи.—Она хочетъ быть женскимъ провидѣніемъ для Павла.—Ея близость съ великимъ княземъ.—Недоброжелательные намеки царедворцевъ.—Мистическое единеніе двухъ сердецъ.—Тревога и ревность Маріи Ѳеодоровны.—Бури страстной дружбы.—Благотворное вліяніе Екатерины Нелидовой на душу Павла.—Безпокойство и недовѣріе друга.—Жестокая разлука.—Возвращеніе на прежнее мѣсто.—Ея вліяніе и опала.—Ея достойное удаленіе.—Неутѣшная подруга. 398

IV. Веселая банда въ Царскомъ Селѣ.—Дѣти Павла въ 1793 г.—Александръ: его бракъ, „покаянный журналъ",его любовь къ Лагарпу, его либеральныя мечты.—Екатерина мечтаетъ возложить на него корону; ея колебанія; ея подходы къ Лагарпу, Маріи Ѳеодоровнѣ и Александру.—Вопросъ о завѣщаніи.--Предпочтеніе Павла къ сыну Константину.—Характеръ этого юнаго князя.—Честолюбивые планы его бабушки: Византія или Варшава.—Женитьба Константина.—Старшая дочь Павла.—Брачные переговоры со Шведскимъ дворомъ.—Густавъ IV въ Петербургѣ.—Лютеранство и православіе.—Рѣзкій разрывъ.—Безполезные переговоры Павла 420

Стр.

ГЛАВА VIII.

Воцареніе.

(1796)

Екатерина въ шестьдесятъ семь лѣтъ.—Цѣна славы.—Государство лишается своей пружины.—Проекты, приписываемые наслѣднику Екатерины.—Страхи Павла.—16 ноября 1796 г.—Императрица въ агоніи.—Волненіе при дворѣ.—Павелъ у изголовья своей матери.—Смерть Екатерины.—Павелъ-императоръ.—Новая эра.—Первые акты Павла.—Припадки гордости.—Обманы воображенія.—Утопистъ.—Подготовка послѣдняго акта драмы.—Заключеніе 453

НА 1-Е ІЮЛЯ 1912 ГОДА.

КАТАЛОГЪ

КН-ВА К. Ф. НЕКРАСОВА.

Москва. Тургеневская пл., д. Стр. О-ва Россія, кв. 144.
Телефонъ № 189—60.

Бекфордъ. „Ватекъ“. Арабская сказка. Пер. Бор. Зайцева. Вступительная статья „Бекфордъ, авторъ Ватека“ П. Муратова. Цѣна 80 к.

Потерянная книга. Тороплива наша жизнь. Съ жадностью спѣшимъ мы все пережить, все перечувствовать чуть ли не въ дѣтствѣ; уже въ юности душа устаетъ, становится равнодушной и опустошенной.

Таковъ удѣлъ нашъ.

Сказывается эта жадная торопливость и въ отношеніи къ литературѣ. Достоевскій, Шекспиръ, Пушкинъ, Гете, Толстой, Байронъ— все самое великое въ литературѣ познаемъ мы не слишкомъ ли рано? Конечно, потомъ мы любимъ ихъ, мы на всю жизнь не разстаемся съ „вѣчными спутниками“, но радость перваго удивленія, перваго познанія и восторга остаются уже позади, и рѣдко-рѣдко счастливый случай позволитъ вдругъ найти еще не читанную никогда книгу, затрепетать передъ неожиданнымъ сокровищемъ.

Такое счастье ожидаетъ всякаго, кто откроетъ эту маленькую, съ изящной простотой изданную книжку о халифѣ Ватекѣ.

Судьба этой книги необычайна.

Написанная англичаниномъ Бекфордомъ по-французски и изданная передъ 1789 годомъ, она исчезла въ смутные годы революціи.

Только Малларме возвратилъ „Ватека“ французской литературѣ, переиздавъ его.

Теперь эта книга стала классической для литературы какъ англійской, такъ и французской.

Ватекъ не только достойный внукъ Гарунъ-аль-Рашида, но и черты романтика XVIII вѣка, черты самого Уильэмъ Бекфорда можно узнать въ немъ: это жадное любопытство, наказанное столь жестоко, это страстное стремленіе къ непостижимому, этотъ вѣчный огонь въ стеклянномъ сердцѣ, которымъ наказанъ халифъ Ватекъ за то, что вѣчно гнался за „тщательною пышностью и запретной властью“, развѣ все это не переноситъ насъ изъ сказочной страны Ватека въ неменѣе сказочную страну Фонтхиля?

Въ этомъ смѣшеніи есть двойное очарованіе этой книги.

Я не буду подробно останавливаться на содержаніи сказки. Я не хочу лишать читателя неожиданнаго наслажденія пережить всѣ чудесныя приключенія халифа Ватека, почувствовать ароматъ этихъ сценъ, то ужасающихъ, какъ безумныя оргіи зловѣщей Каратисъ, то

нѣжнѣйшихъ, гдѣ описана любовь прекрасной Нуроніаръ и ея возлюбленнаго, нѣжнаго Гюльхенрузъ, то сценъ, продиктованныхъ истиннымъ страданіемъ души мятущейся,—какъ послѣднія сцены въ подземномъ царствѣ грознаго Эблиса.

Въ Россіи эта благоуханная книга появляется въ видѣ вполнѣ достойномъ. Она изящно издана. Переводъ Зайцева сохранилъ весь ароматъ, всю классическую простоту подлинника. Очень интересна съ большимъ одушевленіемъ написанная вступительная статья П. Муратова.

.....Эта маленькая потерянная и вновь найденная книжка должна занять по всѣмъ правамъ принадлежащее ей мѣсто среди фоліантовъ переводной литературы классиковъ.

Сергѣй Ауслендеръ.

„Рѣчь", 12 марта 1912 г. № 70.

.....Эта забытая книга принадлежитъ къ числу тѣхъ, на которыхъ пышно расцвѣталъ романтизмъ и тонкій фантастическій вкусъ Пушкина и его друзей.

Англія и Франція знаетъ уже множество изданій этой книги, но на русскій языкъ она никогда еще не была переведена....

.....Русскій читатель получилъ ее въ переводѣ Бориса Зайцева. Его языкъ оказался настолько гибокъ и образенъ для выраженія картинъ „Ватека", что эта „арабская сказка" читается съ увлеченіемъ страница за страницей, не какъ чуждая, старинная книга, а какъ красивая, простая классическая проза, очищающая воображеніе и вкусъ современнаго читателя.

Предисловіе къ ней, написанное П. Муратовымъ,—очень интересное прибавленіе къ „Ватеку".

Вас. Сахновскій

„Утро Россіи", 21 янв. 1912 г. № 17.

„Ватекъ"—одна изъ лучшихъ сказокъ, написанныхъ европейскими писателями, и яркостью красокъ и причудливостью содержанія напоминаетъ „1001 ночь", тѣмъ болѣе, что героемъ ея является восточный халифъ. Интересны въ высшей степени и судьба книжки, и судьба ея автора, англичанина Бекфорда, изложенныя во вступительной статьѣ. Переводъ слѣдуетъ считать вполнѣ художественнымъ, издана книжка прекрасно.

Изв. по литер., наукамъ и библіографіи кн. маг. Т-ва М. О. Вольфъ.
Апрѣль, 1912.

Не новая, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣчно новая книга. Авторъ-англичанинъ, жившій въ XVIII вѣкѣ, въ силу своей исключительной талантливости далъ въ „Ватекѣ" европейской литературѣ рѣдкое по своей неувядаемости поэтическое произведеніе, которое не теряетъ своего интереса ни въ какія эпохи, несмотря на свой строго классическій стиль. Эта книга поистинѣ можетъ быть названа

перломъ европейской изящной литературы, благодаря свѣжести и яркости поэтическихъ красокъ, богатству образовъ и отсутствію колорита своего времени. Во всѣ эпохи, для всѣхъ европейскихъ націй книга эта представляетъ художественно-литературный интересъ и доступна пониманію широкой публики вслѣдствіе своей простоты. „Ватекъ“ былъ давно переведенъ на русскій языкъ и еще во времена Пушкина украшалъ собою лучшія библіотеки въ Россіи. Потомъ онъ былъ забытъ и теперь опять появился на поверхности нашей литературной жизни. Выдающіяся достоинства этого произведенія вызываютъ особенное желаніе, чтобы теперь оно не осталось у насъ незамѣченнымъ и пріобрѣло широкую извѣстность.

Ю. Писарева.

„Варш. Дневн.“, № 59, отъ 28 февр. 1912 г.

Очень кстати вышелъ переводъ (и хорошій) забытой сказки Бекфорда—„Ватекъ“. Нѣсколько странно, что авторъ сказки ограничился единственнымъ произведеніемъ, но не будемъ спорить съ исторіей и примемъ эту эстетически нравоучительную сказку, зародышъ Уайльда и Вилье де Лиль Адана, сестру романовъ Вольтера, родственницу нѣмецкихъ романтическихъ новеллъ—такой, какъ она есть. Восточный колоритъ, на нашъ взглядъ, слишкомъ англійскій, психологія черезчуръ демонична, повѣствованіе растянуто; но яркость красокъ, темпъ, пульсъ и теперь поражаютъ (черезъ 150 лѣтъ). И особенно полезно напоминаетъ она нашимъ лѣнивымъ и невѣжественнымъ критикамъ, сѣтующимъ на безсильныя и позорныя стилизаціи, что ничто не ново подъ луной, кромѣ терминовъ и, можетъ быть.... невѣжества.

М. Кузминъ.

„Аполлонъ“. 1912—2.

Кристоферъ Марло. „Трагическая исторія доктора Фауста“. Пер. въ стихахъ К. Бальмонта. Цѣна 80 к.

Марло, самый крупный изъ предшественниковъ Шекспира, очень мало извѣстенъ русской публикѣ. Нельзя не привѣтствовать поэтому переводъ одной изъ самыхъ выдающихся его пьесъ, сдѣланный опытною и искусною рукою (переводъ Минаева, напечатанный въ 70-хъ г.г. въ журналѣ „Дѣло“, отдѣльнымъ изданіемъ, если мы не ошибаемся, не появлялся, да и вполнѣ удовлетворительнымъ, по мнѣнію такого компетентнаго судьи, какъ Н. И. Стороженко, онъ признанъ быть не можетъ). Переводу предпосланъ бѣглый обзоръ другихъ драматичсскихъ произведеній, внушенныхъ легендой о Фаустѣ.

„Вѣстн. Евр“. кн. 5, 1912 г.

Кристоферъ Марло, современникъ Шекспира по возрасту, является его прямымъ предшественникомъ въ области новой европейской драмы. Изъ его произведеній наиболѣе цѣннымъ считается „Tragical History of Doctor Faustus", написанная, по мнѣнію англійскихъ историковъ литературы, не позже 1590 года. Трагедія эта представляетъ собою литературную обработку нѣмецкихъ народныхъ сказаній о Фаустѣ. Смутнымъ порываніямъ средневѣкового чародѣя проникнуть въ тайники природы Марло придалъ глубокій смыслъ, представивъ ихъ слѣдствіемъ сознательной неудовлетворенности схоластической наукой. Въ виду этого пьесу англійскаго драматурга, въ основу которой легла волшебная народная сказка, можно назвать чисто философской поэмой, въ которой выразились сомнѣнія и томленія современной Марло эпохи. Литературное значеніе „Трагической исторіи доктора Фауста" этимъ, однако, не исчерпывается: она послужила прототипомъ для знаменитой драматической поэмы Гете „Фаустъ". Переводъ „Фауста" Марло на русскій языкъ былъ сдѣланъ впервые въ 1871 году поэтомъ Минаевымъ, но не съ подлинника, а съ французскаго перевода Франсуа Гюго; переводъ этотъ во многихъ случаяхъ искажаетъ англійскій подлинникъ, и поэтому можно признать, что до сихъ поръ у насъ не было на русскомъ языкѣ настоящаго „Фауста" Марло, все еще не утратившаго своего громаднаго литературнаго интереса. Въ этомъ отношеніи всѣ преимущества на сторонѣ перевода К. Бальмонта, сдѣланнаго съ англійскаго подлинника, близко къ нему и хорошимъ стихомъ. Насколько второй переводъ отличенъ отъ перваго, можно видѣть изъ сопоставленія напр. слѣдующихъ двухъ стиховъ: бальмонтовскому — „Повелю имъ (духамъ) опустошить глубины океана, лишивъ его восточныхъ жемчуговъ", соотвѣтствуетъ вольный минаевскій переводъ: „Я прикажу—переплывутъ моря, чтобъ мнѣ доставить рѣдкости Востока". Переводъ Бальмонта снабженъ небольшой вступительной статьей „Нѣсколько словъ о типѣ Фауста", написанной, къ сожалѣнію, туманно и неудобопонятно. „Трагическая исторія доктора Фауста" изящно издана московской фирмой К. Ф. Некрасова, которая въ послѣднее время выпустила рядъ интересныхъ произведеній русской и западно-европейскихъ литературъ. Надо при этомъ отмѣтить, что всѣ изданія Некрасова печатаются въ провинціальной типографіи (въ Ярославлѣ) и въ техническомъ отношеніи нисколько не уступаютъ работѣ лучшихъ столичныхъ типографій.

В. К-въ.

„Правит. Вѣстникъ", № 79, отъ 8 апр. 1912 г.

Только теперь русская переводная литература обогатилась переводомъ классическаго произведенія англійской литературы начала 17 вѣка (самое раннее изъ извѣстныхъ изданій „The Tragical History of Doctor Faustus" относится къ 1604 г.). Совершенно справедливо указываетъ переводникъ во вступительной статьѣ „Нѣсколько словъ о типѣ Фауста" на то, что Марло ближе къ первоисточнику легенды о Фаустѣ—къ средневѣковой легендѣ,—чѣмъ Гете, сгладившій черты народнаго сказанія. На мой взглядъ, очаровавшійся просвѣщеніемъ

средневѣковой полуинтеллигентъ временъ „возрожденія“, во имя образованія и культа книги и разума забывшій объ обществѣ и о культивированіи морали и сердца,—вотъ что такое Фаустъ Марло, гораздо болѣе простой, темпераментный, сильный, демоническій и популярный, чѣмъ герой трагедіи Гете. Есть въ этомъ англійскомъ Фаустѣ нѣчто смѣшное, жалкое и интересное, напоминающее россійскаго полуинтеллигента конца 1905 г., который накинулся на эсдекскую и тому подобную книжную мудрость во имя односторонняго культа разума, очаровался ею, а затѣмъ жестоко разочаровался, когда жизнь оказалась сложнѣе книжной мудрости.... Этому Фаусту можно предсказать успѣхъ на Руси. Трагедія переведена колоритно, но безъ вычурности, присущей оригинальному творчеству К. Бальмонта, и читается очень легко.

Вс. Ч-инъ.

„Риж. Мысль“, 29 марта 1912 г. № 1399.

Трагедія Кристофера Марло—первая и наиболѣе вѣрная драматическая разработка германскаго народнаго преданія „о предосудительной жизни и заслуженной смерти доктора Іоганна Фауста“. Самое раннее изданіе „The Tragical History of doctor Faustus“ относится къ 1604 году., К. Д. Бальмонтъ перевелъ трагедію,—вѣрнѣе, драматическую поэму,—по этому именно изданію, взявъ нѣкоторыя разночтенія изъ третьяго изданія 1616 г.

Легендарный образъ Фауста глубоко интересовалъ многихъ, большихъ и малыхъ, знаменитыхъ и малоизвѣстныхъ поэтовъ Знаменитъ „Фаустъ“ геніальнаго Гете, немногимъ извѣстна замѣчательная драматическая поэма глубоко-оригинальнаго нѣмецкаго поэта Николая Ленау, мало распространенъ „Фаустъ“ Клингенмана. Произведеніе Марло до перевода К. Д. Бальмонта русскимъ читателямъ было совершенно неизвѣстно...

.....„Фаустъ“ Марло попалъ въ хорошія руки: переводъ К. Д. Бальмонта превосходенъ.

Издана книга изящно. Стоимость ея, конечно, не высока.

ІОСИФЪ ИВАНОВЪ.

„Сибирская Жизнь“, № 86, отъ 17 апр. 1912 г.

Ф. Кроммелинкъ. „Ваятель масокъ“. Переводъ въ стихахъ К. Бальмонта. Цѣна 50 к.

Имя бельгійскаго драматурга Кроммелинка ничего не говоритъ русскому читателю; да и въ Бельгіи ему не было до сихъ поръ посвящено обстоятельныхъ критическихъ этюдовъ. Между тѣмъ „Le sculpteur de masques“—оригинально задуманное, полное неподдѣльнаго трагизма произведеніе, которое дѣйствуетъ сильно именно потому, что оно отличается такою краткостью и сжатостью, и многое остается недоговореннымъ, едва намѣченнымъ. Когда эта маленькая пьеса, написанная еще года четыре тому назадъ, была въ прошломъ году передѣлана авторомъ въ трехъ-актную,—въ этомъ видѣ она и

была разыграна труппой такъ называемаго „Théâtre impressif“ въ Парижѣ,—несомнѣнно, она должна была утратить значительную долю своей оригинальности. Хотя у Кроммелинка есть нѣчто свое, самобытное, отличающее его отъ предшественниковъ, можно все же указать ту литературную традицію, къ которой онъ восходитъ: это—ранняя манера Метерлинка, отразившаяся въ „Непрошенной гостьѣ“, „Слѣпыхъ“ и т. п.; отчасти—своеобразное освѣщеніе сходныхъ темъ въ пьесѣ Ванъ-Лербгерга „Les flaireurs“. Въ своей символической, полной жуткаго настроенія драмѣ Кроммелинкъ также передаетъ нервныя переживанія, инстинктивный страхъ, безотчетное ощущеніе близости чего-то ужаснаго, пользуется иногда полунамеками, отрывистыми фразами, лихорадочнымъ шопотомъ, стонами и болѣзненными возгласами; извлекаетъ извѣстную пользу для основного сюжета даже изъ того, что дѣйствіе происходитъ вечеромъ и ночью. Въ сосѣдней комнатѣ умираетъ женщина, заставшая однажды своего мужа, ваятеля масокъ Паскаля, у ногъ своей родной сестры Мадлэны, узнавшая, такимъ образомъ, тайну ихъ любви и зачахнувшая отъ горя. На протяженіи всего акта доносятся только стоны и хрипъ несчастной женщины, она не произноситъ ни слова,— и все же она является важнымъ дѣйствующимъ лицомъ этой драмы, въ которой на первомъ планѣ стоятъ духовныя переживанія и угрызенія совѣсти Мадлэны и Паскаля. Въ пьесѣ есть нѣсколько безусловно сильныхъ мѣстъ, въ родѣ, напримѣръ, сцены между Мадлэной и прокаженнымъ; наряду съ этимъ нельзя, однако, отрицать и того, что Кроммелинкъ порой отводитъ слишкомъ много мѣста элементу болѣзненному, кошмарному (это въ особенности чувствуется ближе къ концу пьесы) и что нѣкоторыя детали, даже изъ числа наиболѣе существенныхъ, производятъ впечатлѣніе извѣстной вычурности и погони за необычными эффектами.

Ю. В.

„Русскія Вѣдомости“, № 83 отъ 10 апр. 1912 г.

Кажется, никто изъ нашихъ поэтовъ, кромѣ Бальмонта, не былъ въ состояніи такъ чудесно перевести „Ваятеля масокъ“, этотъ трагическій символъ страстей человѣка,—его любви, угрызеній совѣсти, страданій и ужасовъ всѣхъ душевныхъ переживаній, сопряженныхъ съ любовью. Мы помнимъ превосходные переводы Бальмонтомъ сочиненій Эдгара По, безъ которыхъ настоящій По никогда не сталъ бы достояніемъ широкой читающей русской публики. Также и Кроммелинковскій „Ваятель масокъ“ безъ Бальмонта не существовалъ бы для насъ. Бальмонтъ—выдающійся поэтъ тончайшихъ настроеній и переживаній души, величайшій мастеръ мелодіи словъ, музыки чувствъ. Въ его переводѣ „Ваятель масокъ“ не производитъ впечатлѣнія перевода, до того онъ понятенъ и безукоризненно вдохновенно воспроизведенъ. Переводчикъ въ творчествѣ своемъ слился во-едино съ душою автора и далъ намъ прекраснѣйшее художественное произведеніе, которое по существу вѣрнѣе будетъ назвать вдохновеннѣйшимъ воспроизведеніемъ, чѣмъ переводомъ.

Что же касается самого произведенія, какъ сотвореннаго авторомъ символа, то оно поражаетъ силою производимаго впечатлѣнія.

Тонко, безплотно, все—само чувство, сама душа, единая и многоликая, душа страдающаго человѣка, и если бы еще не было нѣсколькихъ, на нашъ взглядъ, лишнихъ черточекъ эротизма, которымъ авторъ, видимо, заплатилъ дань времени,—произведеніе это было бы геніальнѣйшимъ шедевромъ новѣйшей поэзіи, идеальнѣйшей реализаціей мечтаній Метерлинка, которыхъ самъ мечтатель не осуществилъ вполнѣ. „Ваятель масокъ" наврядъ ли будетъ понятенъ многимъ, но, несмотря на величайшую аристократичность своей поэзіи, онъ всетаки можетъ быть болѣе понятенъ, чѣмъ многое изъ современной литературы. Происходитъ это потому, что въ немъ есть настоящая неподдѣльная правда души, выраженная съ потрясающей силой соотвѣтствующаго ей неподдѣльнаго же вдохновенія.

„Варш. Дн.", № 59, отъ 28 февр. 1912 г.

Гуннаръ Гейбергъ. Собраніе сочиненій. Авторизованный переводъ съ норвежскаго Р. Тираспольской. Вступительняа статья гр. Де-ла-Бартъ. Т. 1. Ц. 1 р.

Гуннаръ Гейбергъ. Собр. соч. Т. 2-й. Цѣна 1 р.

Нельзя не привѣтствовать появленія въ цѣльномъ изданіи сочиненій норвежскаго писателя, очень мало извѣстнаго у насъ, характеристику котораго далъ Бальмонтъ, говоря о немъ: „Онъ силенъ не менѣе, чѣмъ Ибсенъ, и онъ изященъ не менѣе, чѣмъ Гамсунъ, но онъ, будучи изящнымъ, сильнѣе, чѣмъ Гамсунъ, и, будучи сильнымъ, онъ изящнѣе, чѣмъ Ибсенъ"...

„Одесскія Новости". Иллюстр. прил. № 8699, отъ 18 апр. 1912 г.

Гуннаръ Гейбергъ принадлежитъ къ „стаѣ славной" современныхъ скандинавскихъ писателей. Онъ родной братъ по духу другимъ знаменитымъ писателямъ-скандинавамъ: Ибсену, Бьернсону, Гамсуну. Его произведенія носятъ печать оригинальности и изящества и проникнуты орлинымъ полетомъ благородной, вѣчно ищущей мысли. Гейберга, какъ художника-писателя, всего болѣе занимаетъ трагедія личности и почти во всѣхъ его произведеніяхъ и, въ особенности, въ его лучшей драмѣ „Трагедія Любви" слышенъ этотъ мотивъ. Во всякомъ случаѣ, этотъ интересный и талантливый сѣверный писатель заслуживаетъ большого вниманія.

„Нива!" Ежем. лит. прил., № 1, Январь 1912 г.

Драматическія произведенія Гуннара Гейберга, собранныя въ этихъ двухъ томахъ, даютъ полное понятіе о творчествѣ этого интереснаго писателя. Легкость и изящество стиля, живая, яркая мысль, красиво развивающаяся и приковывающая къ себѣ вниманіе читателя, составляютъ главныя достоинства Гуннара Гейберга.

.....Одно изъ главныхъ достоинствъ Гейберга—это авторская объективность и чрезвычайная чистота внѣшней отдѣлки. Послѣ Ибсена Гейбергъ по справедливости долженъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ общемъ сонмѣ лучшихъ скандинавскихъ писателей.

„Варш. Дн:“ № 59, отъ 28 февр. 1912 г.

Ж. К. Гюисмансъ. Собраніе сочиненій. Т. 1. „Тамъ внизу“ („Бездна“). Переводъ Ю. Спасскаго. (Наложенъ арестъ). Цѣна 1 р. 25 к.

Ж. К. Гюисмансъ. Собр. соч. Т. 2. „Въ пути“. Пер. Ю. Спасскаго. Цѣна 1 р. 50 к.

Траппистскій монастырь Атрской Богоматери, который описываетъ авторъ въ этой книгѣ, называется въ дѣйствительности монастыремъ Иньиской Богоматери и расположенъ возлѣ Фимъ въ департаментѣ Марны. Авторъ далъ подробное описаніе его, а также изобразилъ жизнь монастыря во всей ея реальности. Мистическая психологія автора, развивающаяся на фонѣ описываемой дѣйствительности, а также событія и факты отшельнической жизни монаховъ, ихъ міровоззрѣніе и характеры, ихъ вѣра и настроенія представляютъ большой интересъ. Книга читается съ неостывающимъ увлеченіемъ и наводитъ на глубокія, серьезныя размышленія.

„Варш. Дневн:“ № 59, отъ 28 февр. 1912 г.

Рихардъ Демель. Собраніе сочиненій. Авторизованный переводъ съ дополненіями автора для русскаго изданія. Вступительная статья Ю. Айхенвальда. Т. 1-й. Автобіографія. Спутникъ человѣческій. Трагизмъ и драма. Пер. съ нѣмецкаго Л. Горбуновой. Цѣна 1 р. 20 к.

Рихардъ Демель. Собраніе сочиненій. Т. 2-й. „Странички жизни“. Новеллы. Переводъ Л. Горбуновой. Цѣна 1 р 20 к.

Демель—значительнѣйшій изъ современныхъ поэтовъ, возросшихъ на германской нивѣ, распаханной геніемъ творца „Заратустры“ Въ его произведеніяхъ явленъ духъ современности, отшатнувшійся отъ бурныхъ дерзновеній „переоцѣнки цѣнностей“, ищущій примиренія старыхъ мѣховъ и новаго вина. Вотъ почему Демель такъ небесенъ въ противоположность сверхземному Ницше, такъ полонъ изысканной религіозности, такъ воскуриваетъ Эросу утонченный, благоговѣйный ѳиміамъ. Въ откровеніяхъ искусства чудятся ему откровенія божественнаго, и откровенія божественнаго могучи своей эсте-

тической инсценировкой, ритуаломъ, осязаемой формой красоты. Поэзія Демеля—сонъ, волнуемый многоцвѣтными видѣніями. Ея зовы—по ту сторону бытія. Чуждый гнѣва и печали, не болѣющій отрицаніями романтизма, поэтъ удовлетворенно переплавляетъ цѣнности настоящаго, одухотворяетъ и преображаетъ ихъ, священнодѣйственно постигаетъ міръ въ божественномъ.

Несмотря на свое особое значеніе въ Германі , Демель почти неизвѣстенъ въ русской литературѣ. Въ отмѣченной книгѣ онъ выступаетъ передъ русскимъ читателемъ не въ латномъ кованомъ нарядѣ своего блестящаго, переливчатаго стиха, но въ тяжелой, мѣшкотной, прозаической одеждѣ, подчасъ плохо облекающей неуловимые извивы поэтической фантазіи. Этимъ объясняется и нѣкоторое несовершенство стиля, то грубовато неровнаго, то изнемогающаго подъ бременемъ образовъ холодныхъ и вычурно натянутыхъ. Неодинаковы достоинства отдѣльныхъ новеллъ. Неудачны разсказы, гдѣ Демель пытается спуститься въ несвойственную ему область мѣщанскаго смѣха и бытописанія. Таковы „Розга", „Смѣющійся наслѣдникъ". Но зато кистью истиннаго поэта написаны мистическія видѣнія „Состязанія въ бѣгѣ" и „Божья ночь." Г-жа Л. Горбунова прекрасно выполнила нелегкую задачу перевода. Хорошъ и переводъ стиховъ, сдѣланный А. Бискомъ.

„Утро Россіи" № 23, 28 янв. 1912 г.

Г. Жулавскій. Собраніе сочиненій. Т. 1. „На серебряномъ шарѣ". Ром. пер. А. Зейлигеръ. Цѣна 1 р. 40 к.

Г. Жулавскій. Собр. соч. Т. 2-й. (Печатается).

У г. Жулавскаго мрачная, но сильная фантазія, сдобренная пессимистической философіей. Взявъ исходной своей точкой дѣтскую повѣсть Жюля Верна о путешествіи на луну, Жулавскій, въ числѣ пассажировъ, отправившихся въ пушечномъ ядрѣ, помѣстилъ и одну женщину, среди нѣсколькихъ мужчинъ. Это дало ему возможность затронуть въ оригинальной обстановкѣ вѣчную проблему ревности и борьбы за женщину. Но этого г. Жулавскому показалось мало. Онъ заставилъ своихъ героевъ плодиться и множиться на лунѣ. Получилось хилое выродившееся поколѣніе, обожествившее единственнаго оставшагося къ тому времени въ живыхъ земного человѣка. Преданія и разсказы „Стараго человѣка" о земной жизни мало-по-малу превратились въ легенды и сказанія о хранимой въ душѣ памяти о древней жизни на иной планетѣ. Само собой разумѣется, что подъ этой фантасмагоріей кроется метафизическое мечтаніе автора, что сами земные люди, въ свою очередь, суть лишь выродившіяся существа, нѣкогда занесенныя на землю съ другихъ планетъ. Стихотвореніе Лермонтова „Ангелъ" и прорицанія Достоевскаго о „касаніи мірамъ инымъ", только въ пессимистической оболочкѣ, выражаютъ, пожалуй, всю сущность настроеній и идей Жулавскаго.

Читается романъ съ любопытствомъ. Нѣсколько вредитъ обиліе лунной географіи, заимствованной изъ астрономическихъ книгъ, и потому для романа въ большомъ количествѣ ненужной.

„Рѣчь“ 9 янв. 1912 г. № 8.

Фантастическій романъ пріобрѣлъ права гражданства въ современной литературѣ. Въ появившейся въ русскомъ переводѣ повѣсти талантливаго польскаго писателя г. Жулавскаго „На серебряномъ шарѣ“ изображается судьба затѣянной по жюль-верновскому рецепту экспедиціи на луну. Часть попавшихъ на луну людей, въ концѣ концовъ, приспособляется къ условіямъ существованія на этой планетѣ, а потомство ихъ, измельчавшее, выродившееся и физически и душевно, представляетъ собою уже настоящихъ „лунныхъ гражданъ“. Единственный оставшійся въ живыхъ участникъ экспедиціи, превосходящій дѣтей и внуковъ своихъ товарищей и ростомъ, и силою, и умственными способностями, носитъ среди нихъ названіе „Стараго человѣка“ и становится предметомъ культа. Описанія Жулавскаго картинны; въ изображеніи приключеній обитателей земли на лунѣ авторъ обнаруживаетъ много фантазіи и изобрѣтательности. Если искать въ этой книгѣ особаго скрытаго смысла, то, пожалуй, можно придти къ заключенію, что авторъ хотѣлъ заставить насъ больше цѣнить нашу землю, къ которой мы такъ часто относимся слишкомъ пренебрежительно. Тоска „Стараго человѣка“ по своей родинѣ—землѣ, заставляющая его идти на вѣрную смерть для того только, чтобы послать обитателямъ земли вѣсть о себѣ, изображена достаточно сильно для того, чтобы захватить читателя.

Ю—нъ.

Прилож. къ „Нов. Врем.“ 18 фев. 1912 г. № 12909.

Печальная сказка о людяхъ, оторвавшихся отъ матери-земли чтобы унестись въ далекость звѣзднаго пространства. Фантазія автора течетъ въ научныхъ берегахъ, и видѣнія луннаго міра нарисованы кистью геолога и астронома, переплетающаго вымыселъ съ возможнымъ. Отъ однородныхъ произведеній Жюль Верна романъ отличается мистическимъ настроеніемъ и узорами обычной, подлинной, реальной страсти, вытканными на необычайномъ фонѣ. Въ этомъ смыслѣ Жулавскій больше „романистъ“, чѣмъ авторъ „Атлантиды“.

Тяжкимъ бременемъ влачитъ на себѣ человѣкъ наслѣдіе первороднаго грѣха. И, улетѣвъ отъ земли, все такъ же остается добычей роковыхъ страстей и тлѣнья. Безповоротно прикованный къ родимой оболочкѣ, связанный непроходимымъ предѣломъ достиженій, онъ въ нѣдрахъ самого себя носитъ таинственныя цѣпи. Мистически-философскій замыселъ Жулавскаго значительно меньше удался ему, чѣмъ астрономическая сказка, и „драма роковыхъ страстей“ часто превращается имъ въ немудрый перепѣвъ старыхъ пѣсенъ любовной ревностии муки. Изложеніе мѣстами увлекательно. Переводъ хорошъ.

„Утро Россіи“, 1912 г.

Жераръ де Нерваль. Сильвія—Октавія—Аврелія—Изида. Переводъ съ французскаго. Редакція и вступительная статья П. Муратова. (Печатается).

Новеллы Итальянскаго Возрожденія. Переводы и характеристики П. Муратова. *Часть I. Новеллисты Треченто.* „Новеллино"—„Цвѣточки св. Франциска Ассизскаго"—Боккачіо—Франко Саккетти—Серкамби—Серъ Джованни. *Часть II. Новеллисты Кватроченто.* Новелла о Столярѣ—Св. Бернардинъ Сіенскій—Илличини—Сермини—Мазуччіо—Корнаццано. (Готовится къ печати).

А. Изгоевъ. П. А. Столыпинъ. Очеркъ жизни и дѣятельности. Цѣна 50 коп.

Кормчій безъ руля. . . . . А. Изгоевъ не сдѣлалъ всего, что можно было бы желать. Но многое онъ сдѣлалъ. И книжка, названная въ подзаголовкѣ, сослужитъ свою службу. Изгоевъ хочетъ дать безпристрастный очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго премьера. Онъ говоритъ объ этомъ въ предисловіи къ своей книжкѣ; онъ много разъ въ своемъ изложеніи пытается оттѣнить то ту, то другую положительную черту его характера. Даже и въ своемъ послѣднемъ выводѣ онъ пишетъ: „Но на его—Столыпина—ошибкахъ будутъ учиться новые дѣятели и кромѣ ошибокъ отыщутъ въ наслѣдствѣ П. А. Столыпина кое-что такое, что заслуживаетъ сочувствія и признанія". И тѣмъ не менѣе удручающее, невыносимое впечатлѣніе производитъ повѣствованіе на 130 страничкахъ небольшой книжки. Оно, не охватывая, конечно, сколько-нибудь значительной доли того, что сдѣлалъ за пять лѣтъ бывшій премьеръ, все же послѣдовательно перебираетъ звенья цѣпи его мыслей и поступковъ. И когда они проходятъ передъ глазами, не успѣвая еще притупить внимательности, которую притупила жизнь, тогда невольно спрашиваешь себя: что за странный народъ: какое онъ обнаружилъ активное безсиліе, и какая въ немъ снова вскрылась пассивная сила?!

У государственнаго дѣятеля должны быть идеалы. Перелистайте Изгоева, чтобы припомнить событія послѣднихъ лѣтъ: у Столыпина идеаловъ не было.

Чѣмъ больше темперамента онъ вкладывалъ въ свою рѣчь, чѣмъ больше убѣдительности было въ ней, тѣмъ меньше, очевидно, въ ней было внутренней убѣжденности. Столыпинъ первой и второй Думы—одинъ человѣкъ, Столыпинъ третьей Думы—совсѣмъ другой. Столыпинъ, другъ А. И. Гучкова и организаторъ октябристской партіи,—носитель одной идеологіи, Столыпинъ, другъ Балашова,—представитель совсѣмъ другихъ идей. Онъ—сторонникъ абсолютизма столь же часто, какъ сторонникъ конституціи. Онъ можетъ обнаружить щедрость въ обѣщаніяхъ либеральныхъ реформъ (декларація во второй

Думѣ), но ему ничего не стоитъ непосредственно всюду затѣмъ сосредоточить свои силы на работѣ, которая заставила Родичева сравнить его съ Муравьевымъ. И всего поразительнѣе то, что нѣтъ даже видимости общей цѣли впереди. Все только на сегодняшній день. Всегдашняя готовность угрожать слабому, всегдашняя же готовность смириться передъ сильнымъ. И если въ немъ было довольно много внѣшней одаренности, то она не смягчала, а подчеркивала отсутствіе внутренняго содержанія. Одинъ только можно найти въ его дѣятельности объединяющій моментъ: жажду власти. Обстоятельства дали бывшему саратовскому губернатору почти неограниченную власть. И онъ употреблялъ ее ради нея самой. Отсюда то почти безпримѣрное зло, которое переживала Россія пять лѣтъ. Сила, не направленная къ разумной цѣли, явилась, конечно, чисто разрушительной силой.

Изгоеву не принадлежатъ эти выводы, а гдѣ они принадлежатъ ему, онъ ихъ дѣлаетъ другими словами. Но ясный, послѣдовательный, опредѣленный, почти безстрастный его разсказъ заставляе ъ понимать П. А. Столыпина именно такъ....

Ю. Лигинъ.

„Русскія Вѣдомости“ отъ 4 февр. 1912 г. № 28.

Въ вышедшей только что книгѣ извѣстнаго публициста А. Изгоева подводятся итоги пятилѣтней дѣятельности П. А. Столыпина на посту предсѣдателя совѣта министровъ и дается характеристика личности и дѣятельности покойнаго государственнаго дѣятеля. Авторъ собралъ обширный фактическій матеріалъ, дающій возможность прослѣдить эволюцію, пережитую Столыпинымъ. Очень интересна таблица, въ которой сопоставлены по пунктамъ всѣ обѣщанія декларацiи, прочитанной П. А. Столыпинымъ передъ 2-й Гос. Думой, съ тѣмъ, что было осуществлено изъ этихъ обѣщаній.....

.....Если и не со всѣми выводами автора можно согласиться, во всякомъ случаѣ книга даетъ такъ много цѣннаго фактическ матеріала, что прочтется съ большимъ интересомъ.

„Современное Слово“ № 1466, отъ 4 февр. 1912 г.

Книга о П. А. Столыпинѣ. . . . . . Главное достоинство книги А. С. Изгоева—это ея спокойный, почти безстрастный тонъ, который, конечно, не легко достижимъ для всѣхъ тѣхъ, кто такъ недавно былъ свидѣтелемъ всѣхъ извилинъ націоналистической политики. Совершенно основательно замѣчаетъ А. С. Изгоевъ въ предисловіи къ своей книгѣ, что она равно свободна и отъ лести, и отъ надругательства надъ мертвымъ и теперь уже безсильнымъ. Рѣзко осуждая политическія ошибки П. А. Столыпина, г. Изгоевъ воздаетъ ему одновременно должное и за то, что въ покойномъ было, по его мнѣнію, хорошаго. Съ этимъ опредѣленіемъ положительныхъ сторонъ въ дѣятельности П. А. Столыпина, дѣлаемымъ г. Изгоевымъ, можно не всегда согласиться, противъ многаго можно возражать, иное принять съ оговоркой, но нельзя не признать, что книга А. С. Изгоева—единственная

до сихъ поръ попытка дать исчерпывающую характеристику всего того, что далъ Россіи П. А. Столыпинъ.....

ЗРИТЕЛЬ.

„Одесскій Листокъ“ № 79, отъ 5 апр. 1912 г.

В. Брусянинъ. Л. Андреевъ. Жизнь и творчество. Ц. 50 к.

Новое о Леонидѣ Андреевѣ.

В. В. Брусянинъ, извѣстный беллетристъ, публицистъ и критикъ, понялъ моментъ и выпустилъ очень интересную книжку о жизни и творчествѣ Леонида Андреева. Эта книжка заключаетъ немало новаго даже послѣ той многочисленной литературы, которая существуетъ уже о данномъ писателѣ.

В. Брусянинъ развертываетъ всю жизнь Андреева до настоящихъ дней, пользуясь для этого какъ автобіографическими произведеніями, такъ и данными, слышанными лично отъ Андреева. Тутъ вы найдете много новаго, благодаря которому въ личности автора „Жизни Василія Ѳивейскаго“ освѣщается рядъ темныхъ до сихъ поръ для насъ уголковъ. Напр. не разъ приходилось обвинять Андреева въ чрезмѣрномъ реализмѣ, выразившемся особенно рельефно въ разсказѣ „Въ туманѣ“, а вотъ послушайте разсказъ писателя о томъ, какъ онъ, въ бытность свою у Горькаго на Капри, скорбѣлъ, читая произведенія Арцыбашева, Каменскаго и др. Новою въ книжкѣ г. Брусянина является и сама попытка дать сводку всего написаннаго о писателѣ и подвести ему общій итогъ. А итогъ таковъ: Леонидъ Андреевъ еще *есть*, даже еще зрѣетъ, но пока сверхъчеловѣкъ его только демоническая фигура, а жизнь поможетъ писателю выявить и его человѣческій образъ.

М. ЧЕРНЫШЕВЪ.

„Извѣстія кн. маг. Т-ва М. О. Вольфъ по литературѣ, наукамъ и библіографі “. Апрѣль 1912 г.

Весьма интересная и давно желанная біографія Андреева, написанная Брусянинымъ, однимъ изъ хорошихъ знакомыхъ и собратьевъ по перу нашего знаменитаго беллетриста, представляетъ собой выдающійся интересъ. Брусянинъ разсказываетъ въ ней дѣтскіе, юношескіе и первые молодые годы Андреева, знакомитъ съ семьей Андреева, со средой, въ которой протекла жизнь писателя до литературной славы, и отмѣчаетъ связь обстоятельствъ жизни писателя съ его творчествомъ. Въ этой книгѣ, весьма увлекательно написанной, интересно все, отъ первой до послѣдней строки.

„Варшав. Дневн“. № 59, отъ 28 февр. 1912 г.

Едва ли среди современныхъ беллетристовъ можно найти другого, чья личная жизнь была бы такъ же интересна, какъ жизнь Л. Андреева. Поэтому г. Брусянинъ, выпуская біографію этого писателя, откликается на весьма жизненную тему. Дѣлаетъ онъ это съ большой любовью къ Андрееву и къ литературѣ, и его очеркъ читается съ интересомъ...

„Раннее Утро", № 93, отъ 21 апрѣля 1912 г.

Н. Шаховская. В. Г. Короленко. Опытъ біографической характеристики. Цѣна 60 к.

Третій выпускъ біографической библіотеки К. Ф. Некрасова посвященъ В. Г. Короленко, писателю, безспорно пользующемуся наибольшимъ моральнымъ авторитетомъ среди дѣятелей современной литературы. Біографія такого писателя, представляющая къ тому же большой интересъ и сама по себѣ, по драматизму событій и по общему тону жизни, не можетъ не привлекать вниманія современниковъ. Г-жа Шаховская не довольствуется одной біографіей, а даетъ и литературно-критическій очеркъ о В. Г. Короленко, рисуя его художникомъ и поэтомъ конкретнаго, отдѣльныхъ проявленій жизни, слабѣющаго при попыткахъ подыматься до абстракцій, „до общаго". При жизнеописаніи В. Г. Короленко трудно, конечно, отдѣлить элементъ біографическій отъ литературно критическаго, но смѣшеніе ихъ всегда даетъ поводъ къ упрекамъ въ пробѣлахъ въ томъ или другомъ. У г-жи Шаховской слабѣе часть литературно критическая.

Въ общемъ, ея очеркъ отличается богатствомъ систематически подобраннаго матеріала, искусно сложеннаго въ легкую постройку. Написанная очень популярно, книжка разсчитана на средняго читателя.

„Рѣчь", № 117 отъ 30 апр. 1912 г.

Небольшая книжечка г-жи Шаховской восполняетъ существенный пробѣлъ въ нашей литературѣ: до сихъ поръ не было болѣе или менѣе обстоятельнаго очерка жизни и дѣятельности Вл. Г. Короленко. Работа г-жи Шаховской возстановляетъ довольно подробно этапы жизни писателя: дѣтство, гимназическіе и студенческіе годы, первую ссылку и первые литературные шаги, ссылку въ Якутскую область и возвращеніе, жизнь въ Нижнемъ-Новгородѣ, петербургскій періодъ, переѣздъ въ Полтаву. Хотя дѣтство и гимназическіе годы Короленко извѣстны, благодаря „Исторіи моего современника", а дѣятельность его послѣднихъ лѣтъ у всѣхъ на виду, хотя всѣмъ извѣстно, что авторъ „Сна Макара" былъ сосланъ въ Якутскую область, но въ общемъ жизнь Короленко—жизнь рѣдкая, благодаря удивительному сочетанію силы характера, выдающагося дарованія и необычайной скромности,—мало извѣстна Очень кстати поэтому является

попытка собрать воедино разсѣянные по разнымъ источникамъ факты изъ жизни писателя. Задача эта выполнена г-жей Шаховской тщательно и добросовѣстно. Очень цѣненъ приложенный къ біографіи хронологическій перечень работъ Короленко съ 1879 по 1911 годъ (въ перечень этотъ вошли даже небольшія газетныя статьи.

„Русскія Вѣд". № 104, отъ 8 мая 1912. г.).

„Опытъ" г-жи Шаховской дать біографію В. Г Короленка заслуживаетъ большой признательности. Короленко не только крупный писатель, но и человѣкъ, окруженный самыми широкими симпатіями, при чемъ замѣчательна и исключительна въ нашемъ обществѣ,— при свойственной ему склонности возносить человѣка на головокружительную высоту, чтобъ потомъ быстро отъ него отвернуться,— прочность этихъ симпатій. Созданы онѣ всѣмъ жизненнымъ, человѣческимъ образомъ писателя, а не только его литературнымъ талантомъ, и потому біографія Короленка представляетъ чрезвычайно благодарный матеріалъ. Авторъ „опыта" весьма внимательно отнесся къ своей задачѣ, собралъ много данныхъ, и книжка читается съ живымъ интересомъ.

Ч. В—скій.

„Вѣстникъ Европы", кн. 5, 1912 г.

Книга о В. Г. Короленко. Книга г-жи Шаховской не просто біографія, не сообщеніе внѣшнихъ фактовъ изъ жизни писателя, а „опытъ біографической характеристики", какъ сказано въ заглавіи. На основаніи внѣшнихъ фактовъ жизни и произведеній В. Г. Короленко г-жа Шаховская старается обрисовать его духовный обликъ, бросить при помощи біографіи свѣтъ и на его произведенія. Къ хорошимъ сторонамъ ея книги нужно отнести тотъ трезвый критическій взглядъ на произведенія В. Г. Короленко, который она при этомъ проявляетъ...

Попытка г-жи Шаховской на основаніи біографіи подойти къ объясненію особенностей художественныхъ произведеній В. Г. Короленко очень интересна, ею вѣрно обрисованы многія стороны его личности, а тѣ біографическія данныя, которыя она сообщаетъ, представляютъ большой интересъ. Большую цѣнность представляетъ и списокъ всего, что написано В. Г Короленко, приложенный въ концѣ книги...

А. Ум—скій.

„Нижегородскій Листокъ", № 103, отъ 16 Апр. 1912 г.

Адамъ Чарторижскій. Мемуары. Переводъ А. Дмитріевой. Редакція и вступительная статья А. А. Кизеветтера. (Печатается).

Мемуары г-жи де Ремюза. Переводъ О. И. Рудченко. Редакція и вступительная статья С. Ф. Фортунатова. (Печатается).

Пьеръ Моранъ. Павелъ I до восшествія на престолъ. Переводъ Н. П. Ширяевой. (Печатается).

П. Берлинъ. Графъ С. Ю. Витте, біографическій очеркъ. (Печатается).

В. Чешихинъ. Н. А. Римскій-Корсаковъ. Біографическій очеркъ. (Печатается).

НАХОДИТСЯ НА СКЛАДѢ:

Н. П. Дружининъ. „Право и личность крестьянина". XXX+296. 1912 г. Цѣна 1 р. 20 к.

„Изслѣдованіе Н. П. Дружинина, составленное на основаніи знакомства съ обширной литературой предмета, можетъ служить хорошимъ руководствомъ при изученіи вопроса о правовомъ положеніи русскихъ крестьянъ. Н. П. Дружининъ много поработалъ надъ разными вопросами государственнаго права, и настоящій новый его трудъ, написанный имъ съ знаніемъ и живымъ интересомъ къ дѣлу, заслуживаетъ того, чтобы быть отмѣченнымъ въ русской литературѣ, крестьянскаго вопроса".

(Отзывъ проф. В. Г. Щеглова въ „Юридической Библіографіи", издаваемой Демидовскимъ Юридич. Лицеемъ, № 2 (22), 1 октября 1911 г.).

„Книга Н. П. Дружинина имѣетъ злободневный, какъ теоретическій, такъ и практическій интересъ. Она говоритъ о вопросахъ, которые не сегодня-завтра встанутъ передъ русскимъ обществомъ во всей ихъ ужасающей сложности и кричащей неотложности. Нельзя жить въ томъ правовомъ хаосѣ, въ который погрузили деревню трусливые, невѣжественные и лѣнивые опекуны".

(Отзывъ г. А. И. въ № 56 „Рѣчи" за 1912 г.).

„Господство обычая"—это узаконеніе произвола и „усмотрѣнія"; милліоны крестьянскаго населенія ставятся подъ опеку своеобразнаго, исключительно для нихъ созданнаго „права" или, вѣрнѣе, безправія. Въ защитѣ „обычнаго права" съ реакціонерами сходятся наши „са-

мобытники"-народники, и вообще въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ на этотъ счетъ существуетъ немало понятій, несогласныхъ съ существомъ дѣла. Въ виду этого, нельзя не пожелать книгѣ г. Дружинина широкаго распространенія".

(Отзывъ г. Б. Веселовскаго въ февральской книжкѣ „Современнаго Міра" за 1912 г.).

„Освѣщеніе нынѣшняго юридическаго положенія крестьянской массы, правъ личности крестьянина вообще,—приводитъ автора къ установленію того врага, который стоитъ на пути къ достиженію гражданскаго равноправія, господства права во всѣхъ проявленіяхъ публично-правовой жизни, т. е. всего того, чѣмъ единственно и можетъ быть разрѣшенъ такъ называемый „крестьянскій вопросъ". Это тотъ же, ветхій деньми, врагъ, который и въ историческихъ судьбахъ русскаго крестьянина игралъ такую печальную, такую отрицательную роль. Онъ привелъ къ тому, что крестьянинъ „оказался забытымъ, *какъ человѣкъ и гражданинъ*, какъ членъ государства"; благодаря ему,— *„обособляясь* исторически положеніе крѣпостного крестьянина" и „была умалена его личность", а затѣмъ было сохранено обособленное положеніе крестьянина и по освобожденіи". Врагъ этотъ—обычай, допущеніе дѣйствія обычнаго права... Очень оживляетъ книгу богатое освѣщеніе ея теоретическихъ положеній фактами изъ народной жизни, знатокомъ которой справедливо считается авторъ.—Въ приложеніи къ книгѣ даны обстоятельно разработанная программа мѣстнаго изслѣдованія юридическаго положенія крестьянъ и краткій перечень литературы крестьянскаго вопроса, преимущественно касающейся правового положенія крестьянъ".

(Отзывъ г. М. М. въ № 5 „Земскаго Дѣла" за 1912 г.).

„Основательное знакомство автора съ литературой по крестьянскому вопросу, а также умѣнье разобраться въ сыромъ матерьялѣ и систематически изложить особенности правового положенія крестьянъ дѣлаютъ книгу весьма цѣнной въ ряду другихъ аналогичныхъ, немногочисленныхъ изслѣдованій".

(Отзывъ „Правительственнаго Вѣстника" въ № 28 за 1912 г.).

„Книга Н. П. Дружинина, какъ изслѣдователя и знатока крестьянской жизни, является не только не лишней, но положительно важной и нужной".

(Отзывъ г. Н. С. въ журналѣ „Путь", № 2 за 1911 г.).

„Этотъ новый трудъ извѣстнаго знатока крестьянскаго права заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія... Мы можемъ только пожелать, чтобы трезвая, освобожденная отъ всякаго сантиментализма, точка зрѣнія Н. П. Дружинина поскорѣе пріобрѣла всеобщее признаніе и нашла себѣ практическое осуществленіе".

(Отзывъ „Смоленскаго Вѣстника, № 74 за 1912 г.).